

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Выпуск посвящается 80-летию
Орловского государственного университета*

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4

ОРЕЛ—2011

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Зайченкова М.С., Золотарев Ю.В., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Крючкова Т.Б., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михальченко В.Ю., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Уман А.И.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.0 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель —

ФГБОУ «Орловский государственный университет»

Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95,

Орловский государственный университет

Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Коллектив авторов, 2011

© Орловский государственный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

<i>Н.Ф. Авдеев</i>	Мультипликаторы для международного рынка и экономическая дипломатия	5
<i>Т.М. Бакурова,</i> <i>В.И. Тинякова</i>	Адаптивно-рациональный подход к прогнозированию доходности финансовых активов	10
<i>У.А. Волосатова</i>	Использование системы экологической информации в коррекции поведенческих отношений на потребительском рынке	15
<i>О.Н. Зайцева</i>	Особенности формирования информационно-коммуникационной компетентности в процессе внеаудиторной работы студентов	21
<i>С.М. Ефремова</i>	Проблемы выработки концептуального подхода устойчивости долгосрочной стратегии развития промышленного предприятия с учетом экологического фактора	25
<i>Н.В. Мироненко</i>	Информационные технологии и новый тип взаимоотношений акторов рынка информационного посредничества в сетевой экономике	32
<i>Г.С. Орехов</i> <i>Е.А. Сотникова,</i> <i>Т.Н. Макарова,</i> <i>О.А. Лебедева</i>	Воспроизводство информационных ресурсов в современном менеджменте	37
	Интернет как конкурентное преимущество предприятия	42

ИСТОРИЯ

<i>А.Н. Гребенкин</i>	Путь русского офицера в Генеральный штаб	48
<i>С.В. Земских</i>	Наблюдатели от Московской Патриархии на первой сессии Второго Ватиканского собора	53
<i>Т.И. Кононова</i>	Советская экономика в начальный период Великой Отечественной войны: опыт и проблемы	58
<i>Л.Ю. Казанина</i>	Отражение столыпинской программы модернизации экономики в либеральном общественном мнении	64
<i>А.И. Перельгин</i>	Положение религиозных организаций на Орловщине в 1958–1988 годах	70
<i>А.И. Раздорский</i>	Мерные и тарные единицы в таможенных и кабацких книгах русских городов XVII – первой половины XVIII в. (на примере курских, белгородских, вяземских и Можайских источников)	74
<i>А.Ю. Савосичев</i>	К вопросу о социальном происхождении и статусе дьяков и подьячих Василия III	84
<i>Т.Н. Токмакова</i>	Книжные предпочтения провинциального дворянства во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на примере Орловской губернии)	93
<i>А.С. Минаков</i>	Всеподданнейшие отчеты о состоянии Орловской губернии (1804–1914 гг.): проблемы выявления и использования	103
<i>В.А. Холодов</i>	Русско-японская война 1904–1905 гг. в восприятии населения Орловской губернии (по данным орловской прессы)	111
<i>Д.Л. Цыбаков,</i> <i>В.В. Бондарь</i>	Наименования городов Орловской губернии в названиях полков русской армии – участников первой мировой войны 1914–1918 гг.	124
<i>А.А. Чубур</i>	Семья в верхнем палеолите центра Восточной Европы: история взглядов и современные представления	129
<i>Н.И. Шелкоплясова</i>	Становление и развитие газетной рекламы в Тульской губернии XIX – начала XX в.	138

ФИЛОСОФИЯ

<i>А.Л. Дмитриевский</i>	Проблема теории журналистики в свете научно-методологических и философских подходов XXI века	145
<i>В.Г. Мушин-Громыко</i>	О трудностях разграничения символического и несимволического в космологии	152
<i>А. Некрасова,</i> <i>Ф.А. Тригубенко</i>	О проблеме обоснования моральных принципов	158
<i>Ю.И. Шишиморова</i>	Современные тенденции анализа личности в отечественной философской мысли (гуманистический аспект)	164

ФИЛОЛОГИЯ

<i>А.М. Боц</i>	Технология коммуникативно ориентированного подхода в обучении грамматике испанского языка (на примере современных грамматических пособий и учебно-методических комплектов испанских методистов: I. Molina, M. Alvarez, F. Castro, O. Cerrolaza и др.)	170
<i>С.М. Васильченко</i>	Формально-семантические связи локативов с лексикографическим гиперонимом <i>ящик</i> в семасиологическом аспекте	174
<i>М.В. Глазунов</i>	Об одночленности и двучленности целевых сложноподчинённых предложений	184
<i>Н.В. Илюточкина</i>	Функция усадебных пространственных образов в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»	188
<i>Т.В. Князькова</i>	Риторические фигуры в жанрах современной прессы	194
<i>Т.А. Тернова</i>	Авангард футуристической линии развития как целостное эстетическое явление	200
<i>М.И. Федоткина</i>	Категория пространства в ранних повестях XVIII века (на примере двух произведений)	207
<i>Е. В. Хвастова</i>	Грамматико-морфологические неправильности в произведениях В.С. Высоцкого	213
<i>О.Р. Чудинов,</i> <i>А.С. Киндеркнехт</i>	Юридикто-лингвистические аспекты соответствия понятий «недобросовестная конкуренция» и «concurrance déloyale»	221

ПРАВО

<i>Д.Б. Елисеев,</i> <i>С.И. Некрасов</i> <i>А.В. Захаров</i>	Медиация как метод и технология урегулирования социально-правовых конфликтов	226
<i>Е.В. Марковичева</i>	Совершенствование юридической ответственности за экологические правонарушения в контексте борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству	234
<i>А.В. Меркулова</i> <i>Д.С. Сазин</i> <i>Е.Ю. Тихалева</i> <i>Р.Ю. Чепрунов</i>	Реформирование уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в странах Балтии, СНГ и Грузии	240
	Гражданско-правовые и трудовые договоры в сфере предпринимательства: вопросы теории и практики	250
	Проблемы ответственности прокурора за ошибки, допущенные при поддержании государственного обвинения	254
	Правовой статус контрольного органа муниципального образования	261
	Особый отечественный путь решения проблемы сочетания централизма и децентрализма в местном самоуправлении	266

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>И.И. Аблова</i>	Значение защитных механизмов для психологического благополучия больных неврозами	275
<i>А.Н. Бухвостов</i>	Формирование профессиональной компетентности студентов в многоуровневом образовании вуза	278
<i>Н.В. Бочкова</i>	Обучение языкам в рамках коммуникативно-деятельностного подхода: интеграционная модель	288
<i>С.А. Гудков</i>	Применение компьютерных технологий в системе профессиональной подготовки художников-проектировщиков	293
<i>О.В. Добrorоднова</i>	Профессиональная подготовка специалистов к организации здоровьесберегающей деятельности в дошкольных образовательных учреждениях	299
<i>С.И. Дорошенко</i>	Феномен «внутренней эмиграции» в контексте соотношения столичных и провинциальных тенденций развития отечественного музыкального образования	309
<i>Е.А. Загудаев</i>	Гражданское уложение Российской империи в первой четверти XIX века (особенности кодификационной деятельности)	318
<i>Н.А. Ильина,</i> <i>М.А. Гончарова,</i> <i>Н.А. Гончарова</i>	Компетентностный подход в условиях модернизации высшего профессионального образования и формирования инновационной экономики в России	322
<i>А.Ф. Калашиников,</i> <i>Т.А. Исамухамедова</i>	Педагогические условия повышения эффективности профессиональной компетентности молодых специалистов	327
<i>О.А. Каплун</i>	Грамматическая компетенция как составляющая коммуникативной компетенции	331
<i>Н. Каширина</i>	О различных подходах к определению «информационная культура»	339
<i>О.С. Клокова</i>	Лингвометодические основы изучения имени прилагательного в аспекте речевого развития учащихся	342
<i>А.А. Колесникова</i>	Взаимодействие и соотношение таланта и трудолюбия в художественном творчестве	350
<i>Н.В. Комарова</i>	Взаимосвязь социальной политики и содержания подготовки социальных работников в Великобритании	354
<i>Г.Е. Котькова</i>	Педагогическое сопровождение как технология личностного развития ребенка	357
<i>А.С. Молчанов</i>	Методические основы экономической подготовки студентов факультета физической культуры и спорта	363
<i>Е.М. Муравьев</i>	К вопросу об изучении техники в технологическом образовании школьников	367
<i>А.В. Овсянникова</i>	Виды рефлексии в структуре самообразовательной деятельности педагога вуза	371
<i>М.Н. Ромусик</i>	Дифференцированная коррекционно-логопедическая работа с детьми младшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи	374
<i>А.Б. Северинов</i>	Формирование профессиональной компетентности у будущих специалистов по ландшафтному дизайну в процессе изучения базовых художественно-графических дисциплин в условиях аграрного вуза	380
<i>М.А. Соломченко</i>	Подготовка будущих специалистов физической культуры и спорта к толерантному разрешению педагогических ситуаций	387
<i>А.А. Тихомиров,</i> <i>А.С. Носкова</i>	Критериальные основания определения взрослости субъекта дополнительного профессионального образования	397
<i>А.А. Грибанькова</i>	Организационная культура университетского образования и её эволюция в XX веке	402
Редакционно-издательская коллегия журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»		409
Редакционно-издательская коллегия серии «Гуманитарные и социальные науки»		410
Требования к оформлению статьи		411

ЭКОНОМИКА

Н.Ф. АВДЕЕВ, аспирант кафедры мировой экономики
Санкт-Петербургского государственного университета
Тел. 8 921 3180558; hjs86@mail.ru

МУЛЬТИПЛИКАТОРЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЫНКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

В статье описываются методы экономической дипломатии по продвижению национальных товаров на международном рынке. Приводятся примеры успешных действий, носящих мультипликативный характер. Показываются негативные последствия от краткосрочной экономической дипломатии. Дается экономическая оценка социальных программ, проводимых международными организациями.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, мультипликатор, транснациональная корпорация, международные организации, экспорт.

Институт транснациональных корпораций (ТНК) на сегодняшний день является одним из самых быстро развивающихся институтов международных экономических отношений, наиболее соответствующих духу времени. На 2008 год, по оценкам ООН, количество ТНК равнялось 79 000, а количество филиалов – 790 000; на 2009 год число ТНК – 82 000, филиалов – 810 000¹. Таким образом, число ТНК даже в кризисный период выросло на 3,8%, а количество филиалов – на 2,5%. Более половины совокупного экспорта приходится на долю транснациональных корпораций. Какими же мотивами руководствуются компании при выходе на международный рынок?

Вот основные мотивы для выхода компаний на международный рынок:

1. Минимизация издержек. Компании стремятся размещать свою деятельность там, где ниже цены на основные производственные факторы.

2. Обход барьеров. Это актуально для ТНК, осваивающих национальные рынки с высоким уровнем протекционизма.

3. Снижение налогового бремени и косвенных расходов. Всем известно, что в развивающихся странах ставка налогообложения ниже, чем в развитых странах. Также экологическое законодательство намного слабее, что приводит, например, к экономии на очистных сооружениях, если перенести экологически вредное производство в страны третьего мира.

4. Уменьшение рисков за счет диверсификации импорта товара. На одном рынке товар не пошел – пройдет на другом. Или национальный кризис лишь частично затормозит развитие товарного направления, а не полностью. Расширение рынка сбыта. Ни для кого не секрет, что рынки развитых стран отличаются высоким уровнем насыщения. В 1998 г. было произведено 52 млн. автомобилей при производственных мощностях примерно 72 млн. в год. Таким образом, не используется около 25% имеющегося потенциала. В развитых странах, особенно в Западной Европе, число проданных автомобилей не растет, рынки насыщены до предела, автомобили покупают только для того, чтобы заменить старые. В данной ситуации выходом из сложивше-

гося положения послужит освоение новых рынков сбыта и т.д.².

А теперь посмотрим на складывающуюся ситуацию со стороны государств – доноров ТНК. К негативным факторам от подобной деятельности можно отнести снижение рабочих мест из-за выноса цикла воспроизводства за национальные границы и снижение доходов по налоговым сборам. Как правило, в другие государства выносятся сектора с низким уровнем заработной платы, так называемый неквалифицированный сегмент производства: цеха по сборке готовой продукции, непосредственная добыча природных ресурсов и вредные производства; инженеров и квалифицированных менеджеров на начальных этапах развития международного производства приглашают из страны-донора. Иными словами, большая доля хорошо оплачиваемых рабочих мест остается внутри национальной экономики стран происхождения ТНК. Можно даже сказать, что количество рабочих мест в материнской корпорации растет за счет неизбежного роста административного сегмента. Такая же ситуация и в производственном секторе. Инновационное развитие технологий из-за своей высокой стоимости становится прерогативой крупных компаний и их объединений. Все лаборатории и научно-исследовательские центры находятся в странах-донорах ТНК из соображений высокого уровня развития инфраструктуры, меньших транзакционных издержек и высокого уровня авторских прав. Следовательно, рынок труда в материнских странах ТНК не сужается, а носит качественные изменения в виде увеличения спроса на квалифицированный труд и рост оплаты этого труда, что ведет к увеличению уровня жизни населения. Что касается налоговых поступлений, то не стоит забывать о принципе двойного налогообложения. Логика проста: прибыль компаний растет – растут и налоговые выплаты. Аналогично и в сфере доходов физических лиц. Отметим самый главный позитивный фактор для государства-донора – рост экспорта, который обуславливает рост национального богатства страны.

А что делает государство для развития своего экспорта? В основном это меры по уменьшению издержек, связанных с выходом на международный рынок: государственное субсидирование, международные договоры по снижению торгово-экономических барьеров и так далее. Если обобщим сказанное, получим, что государство придержива-

ется «экономики предложения» в сфере внешней экономической деятельности, таким образом, все меры по государственному регулированию и воздействию на международном рынке направлены на поддержание и увеличение национального предложения.

К чему приведет политика экономики предложения, практикуемой на международной арене? Экспорт будет расти быстрее, чем покупательная способность стран-импортеров. Экспорт, особенно через ТНК, повышает уровень доходов части населения стран-реципиентов, часть из которых тратится на потребление, а часть сохраняется и через финансовые институты инвестируется в бизнес, что подтверждается ростом спроса на финансовые услуги. Так, индийский филиал «Ситибэнка», минимальный вклад в котором составлял всего лишь 25 долл., только в Бангалоре довел число своих клиентов до 150 тыс. человек³.

Однако внутреннее потребление стран – потенциальных импортеров готовой продукции растет намного меньшими темпами, чем мировое производство. Около 65% мирового населения имеет годовой доход менее 2000 долларов США, а цены на товары потребления сильно завышаются. Например, жители беднейших районов платят в 4 раза больше за питьевую воду, а за продукты питания – на 20–30%. Положение ухудшается низкой квалификацией и практически полным отсутствием экономической и правовой культуры населения развивающихся стран. Рынки третьих стран уже сейчас не могут быть свободной площадкой для реализации излишков национального производства. Так, в Европейском союзе существует институт ограничения производства продуктов сельского хозяйства. Среднестатистический фермер во Франции не может произвести большее количество яиц даже с расчетом на личное потребление, иначе он будет оштрафован. Первые заявители о таких правонарушениях – это обычно ближайшие соседи, потому что именно они знают, что перепроизводство одного может быть осуществлено только за счет квоты других. Таким образом, можно говорить о возможном зарождающемся кризисе перепроизводства. Приходим к выводу, что развитие национального предложения государство должно обеспечивать стимулированием спроса в стране-реципиенте.

Но как одна страна может повлиять на изменение спроса в другой стране? Ответ прост – эконо-

мическая дипломатия. Со времен «холодной войны» дипломатические приоритеты несколько менялись. Если раньше на первом плане дипломатического сотрудничества стояла политическая дипломатия, а коммерческая деятельность расценивалась как ее последствие, то в настоящее время налаживание международного торгово-экономического сотрудничества является ядром дипломатии⁴.

Список методов экономической дипломатии на сегодняшний день достаточно разнообразен, однако четко выделить все инструменты довольно сложно, так как и само понятие экономической дипломатии размыто. Но уже сейчас можно говорить о дивидендах от ее осуществления. Так, например, в результате гуманитарной деятельности ООН корпорация Nestle освоила рынки Центральной и Северной Африки посредством включения сухого молока и другой готовой продукции Nestle в состав гуманитарной помощи. Под эгидой ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ компания провела обширнейшую промо-акцию, за которую ей неплохо заплатили из бюджета ООН. В тот момент, когда социально-экономическая ситуация была нормализована, Nestle пришла на африканский рынок уже известным продавцом, что давало ей небывалые конкурентные преимущества. Естественно, можно возразить, припомнив, например, провалы на африканском рынке той же корпорации в 2001 году, когда употребление ее продукции повлекло много человеческих жертв не из-за качества товара, а по причине малой адаптированности этих продуктов к условиям региона. Но это уже вина самой Nestle. На упаковках с сухими смесями было написано «добавить воды», ну и, естественно, люди брали воду из рек, не заботясь о кипячении, реки были в плохом санитарном состоянии, как результат – всплеск детской смертности. Компания, конечно, перестраховалась, сократив свое присутствие в данном регионе до минимума. Однако это еще не все негативные последствия от подобных мер. Дело в том, что сухое молоко и смеси в период гуманитарной поддержки не раздавались населению просто так, а через третьи лица продукция выходила на рынок в качестве товаров. Ввиду низкой покупательной способности населения и минимальных издержках цена на данную продукцию, естественно, была очень мала, что позволило вытеснить национальных производителей цельного молока, ухудшив тем самым ситуацию с беднос-

тью. В итоге посредством экономической дипломатии удалось увеличить спрос на экспортную продукцию, но это было достигнуто методом замещения, а не путем увеличения емкости рынка.

На наш взгляд, здесь стоит привести и пример ленд-лиза, когда правительство США заказывало на средства федерального бюджета компаниям оружие и другие необходимые материалы для помощи союзникам. Естественно, потребители не могли компенсировать затраты. А в структуре себестоимости производства в США уже в то время высокая доля приходилась на оплату труда. Рабочие несли зарплату в магазины, тем самым способствуя оживлению и росту рынка. Стоит отметить, что и рекордные продажи автомобилей в США приходится на военные годы. Зарплата увеличивалась, тем самым увеличивались налоговые поступления в бюджет. Консолидированные налоговые сборы ежемесячно составляли 24% от общего оборота. В следующий месяц еще 24%, уже от 76% оборота прошлого месяца, и так далее. Обороты увеличивались. Потребности фронта росли, росли и темпы оборота денежной массы в США. Таким путем расходы федерального бюджета компенсировались с маржой, а темпы роста национальной экономики резко возрастали. Подобное явление носит названия мультипликатора.

Секрет успеха прост: увеличение доходов населения при высокой эластичности национального спроса. Таким образом, для достижения мультипликационного эффекта методами экономической дипломатии следует спровоцировать рост уровня доходов населения стран – потенциальных импортеров национальной продукции. Так, например, с целью решения глобальных проблем ООН осуществляет программу под названием «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ), которая должна завершиться к 2015 году. ЦРТ включает в себя следующие элементы:

- 1) ликвидация нищеты и голода;
- 2) обеспечение всеобщего начального образования;
- 3) поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин;
- 4) сокращение детской смертности;
- 5) улучшение охраны материнства;
- 6) борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией;
- 7) обеспечение устойчивого развития окружающей среды;

8) формирование глобального партнерства в целях развития⁵.

На первый взгляд данные цели не подразумевают экономической выгоды для осуществляющих данную программу государств. Их осуществление можно оправдать стремлением снять социальную напряженность в отсталых регионах мира, улучшить общее экологическое состояние в мире, ну и просто гуманными соображениями. Однако если вспомнить принцип действия мультипликатора, то ЦРТ оказывается выгодным долгосрочным проектом. Первые четыре цели работают на увеличение емкости рынков товаров народного потребления. Ликвидация нищеты и голода – увеличение доходов населения с низкой предельной склонностью к сбережению и рост импорта товаров пищевой промышленности, поскольку национальное производство продуктов питания находится на низкой ступени развития и не может самостоятельно удовлетворить внутренний спрос.

Обеспечение всеобщего начального образования приводит к росту производительности труда, что, в свою очередь, приводит к росту заработной платы. Поощрение гендерного равенства позволяет женщинам работать наравне с мужчинами, что тоже стимулирует рост доходов населения. Сокращение детской смертности неминуемо создает дополнительный спрос. Таким образом, национальный спрос под действием ЦРТ меняется не только количественно, но и качественно. Хорошо известно, что при низких доходах населения устойчивый спрос устанавливается на группу товаров «Гиффена», которой свойственна низкая добавленная стоимость, а мы ведем речь об экспорте товаров с достаточно высоким уровнем обработки, так как именно их реализация более выгодна для экономик стран-экспортеров. Развивающиеся страны разрабатывают собственные стратегии в области ликвидации нищеты, исходя из своих потребностей и приоритетов⁶. Оставшиеся цели направлены на повышение инвестиционного рейтинга стран: больше инвестиций – больше рабочих мест.

Данная методика, к сожалению, работает только в секторе потребительского спроса, выгодна для стран, экспортирующих готовую продукцию. Но существуют подобные технологии и для продвижения товаров, относящихся к средствам производства. Пример тому – организация ЮНИДО, существующая в рамках ООН. Основной целью

данной организации является оказание содействия устойчивому промышленному развитию в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Сегодня ЮНИДО не пользуется большой популярностью из-за малого периода окупаемости и размера финансирования проектов, принимаемых в данной организации. Однако есть позитивный опыт работы – опыт посредников. Так, в 2006 году через ЮНИДО Россия получила заказ от ряда стран Латинской Америки на технологии дистанционного зондирования, от которого чистый доход составил порядка 800 тыс. долл. США, не считая доходов от инвестиций в проект по созданию геологоразведочного комплекса в Уругвае. Конечно, в рамках мировой экономики эта сумма очень мала, но с этим проектом наша страна получила нового потребителя в Латинской Америке, так как эти технологии – приоритетно российское оборудование. Кроме того, после данного прецедента ряд стран этого региона также заинтересовались осуществлением подобных проектов для своих национальных экономик.

В ряд мультипликативных инструментов экономической дипломатии можно отнести меры по «маркетингу страны» и общую линию по социальной корпоративной ответственности. Брайан Хокинг, известный современный теоретик дипломатии, проанализировав влияние восприятия страны на решения, принимаемые иностранными бизнесменами, в начале своей деловой активности отмечал, что на 72% восприятие страны является основой для принятия решений по вкладыванию инвестиций или иных форм экономического сотрудничества с этой страной⁷. Общая линия по внедрению концепций социальной корпоративной ответственности во внешнюю политику фирм приводит к росту доходов населения стран-реципиентов и к укреплению устойчивости их экономик.

В итоге экономическая дипломатия в современном мире является катализатором для формирования экспортных позиций РФ. Пользуясь мерами, которые обеспечивают долгосрочную тенденцию увеличения и диверсификации национального экспорта, дипломатический корпус создает все условия для максимизации темпов экономического развития национальной экономики. Программы, обладающие мультипликативным эффектом, в разы дороже, чем меры, рассчитанные на получение краткосрочных прибылей, поэтому немалую роль

в процессе подготовки потребителей играют международные организации. Они помогают разделить издержки между всеми игроками на международной арене. Одна страна может представлять интерес как рынок сбыта национальной продукции для ряда стран одновременно. Следовательно, для

служб, отвечающих за осуществление экономической дипломатии, становится необходимым выявление будущих партнеров согласно сформированной внешнеэкономической политике и лоббирование национальных интересов в системе международных организаций.

Примечания

¹ <http://www.unctad.org/Templates/Page.asp?intItemID=1485&lang=1>

² Губайдуллина Ф.С. Крупные транснациональные корпорации на новых рынках // ЭКО: всероссийский экономический журнал. – 2003. – № 3. – С. 22.

³ Prahalad C.K., Hammond A. Serving the world's poor, profitably// Harvard business review, Sep 1, 2002.

⁴ Павол Баранай. Современная экономическая дипломатия// Публикации Дипломатического Экономического Клуба. Актуальные проблемы экономики. 23.03.09 www.dec.lv

⁵ <http://www.unrussia.ru/goals.html>

⁶ <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU&lid=2&cmd=programs2>

⁷ Павол Баранай Современная экономическая дипломатия// Публикации Дипломатического Экономического Клуба. Актуальные проблемы экономики 23.03.09 www.dec.lv

Библиографический список

1. Губайдуллина Ф.С. Крупные транснациональные корпорации на новых рынках [Текст] // ЭКО: всероссийский экономический журнал. – 2003. – № 3. – Стр. 22.
2. Павол Баранай. Современная экономическая дипломатия [Текст] // Публикации Дипломатического Экономического Клуба. Актуальные проблемы экономики 23.03.09 www.dec.lv
3. Prahalad C.K., Hammond A. Serving the world's poor, profitably [Текст] // Harvard business review, Sep 1, 2002.
4. <http://www.unctad.org> [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.unctad.org/Templates/Page.asp?intItemID=1485&lang=1>, свободный. – Загл. с экрана.
5. <http://www.undp.ru> [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU&lid=2&cmd=programs2>, свободный. – Загл. с экрана.
6. <http://www.unrussia.ru> [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.unrussia.ru/goals.html>, свободный. – Загл. с экрана.

N.F. AVDEEV

MULTIPLICATIONS FOR INTERNATIONAL MARKET AND ECONOMICAL DIPLOMACY

Multiplication methods of economical diplomacy are described in this article, which are used in national products promotion's process at the international market. There are some examples of useful actions in multiplication way. Here we demonstrate negative consequences of short-term economical diplomacy. Economical estimation is given of social programs, which came from international organizations.

Key words: *economical diplomacy, multiplication, multinational corporation, international organization, export.*

Т.М. БАКУРОВА, старший преподаватель кафедры алгебры
и математических методов в экономике
Орловского государственного университета
Тел. 8(4862) 77-78-25; t.bakurova@mail.ru

В.И. ТИНЯКОВА, доктор экономических наук, профессор кафедры
алгебры и математических методов в экономике
Орловского государственного университета
Тел. 8(4862) 77-78-25; tviktoria@yandex.ru

АДАПТИВНО-РАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ ДОХОДНОСТИ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Предложено моделирование сложной динамики фондового рынка осуществлять с помощью адаптивно-рационального подхода. В качестве примера, реализующего этот подход, приводится адаптивная модель с регулятором, позволяющая осуществлять упреждающую идентификацию разворотов тренда.

Ключевые слова: адаптивно-рациональное прогнозирование, доходность, фондовый рынок, финансовый актив, разворот тренда.

Своеобразие, которое демонстрирует динамика доходности финансовых активов, требует специального аппарата для адекватного отражения природы процессов, порождаемых этой динамикой. Эта проблема возникает в силу того, что у процессов на финансовом рынке часто наблюдается биполярная динамика, т.е. такая динамика, для которой характерны развороты тренда. Смена положительной динамики на негативную наблюдается и в процессах с сезонными эффектами. Однако в процессах с сезонными эффектами смена направления динамики происходит на регулярной основе, а в процессах с биполярной динамикой моменты разворота тренда имеют случайный характер. Адаптивные модели благодаря используемому в них принципу обратной связи способны поддерживать текущую адекватность на должном уровне, но в то же время реализуется эта возможность с единичным запаздыванием [1]. Этот недостаток адаптивных моделей в некоторых ситуациях остается практически незамеченным, а в некоторых приводит к принятию ошибочных решений. Особенно актуальна эта проблема в задачах прогнозирования процессов на финансовом рынке, когда использование ошибочных прогнозов приводит к финансовым потерям.

Важным моментом в попытках прогнозирования процессов с биполярной динамикой является предсказание моментов, в которые происходит разворот тренда. Запаздывающая реакция адаптивного механизма в принципе не позволяет решить проблему упреждающей идентификации явлений подобного рода. Возникает естественная необходимость в поиске подходов, которые смогли бы обеспечить получение необходимой для этого информации. Несмотря на то, что этому вопросу, давно ставшему актуальным, уделяется много внимания, до сих пор общепризнанных рекомендаций, обеспечивающих его решение, не найдено.

В методах технического анализа доходности финансовых активов предусмотрены процедуры, позволяющие якобы предвидеть разворот тренда. Однако уровень надежности этих процедур очень низок. Кроме того, эти процедуры трудно формализуемы,

так как в основном ориентированы на опыт и искусство трейдеров. Субъективный момент в реализации этих процедур требует специфических подходов, в рамках которых формирование прогнозных оценок должно осуществляться не только в соответствии с последними тенденциями, имеющими отражение в адаптивных моделях, но и с учетом событий, ожидаемых специалистами и не имеющих отражения в адаптивной модели.

Естественным образом возникает вопрос о необходимости использования экспертных оценок. Эта необходимость объясняется еще и тем, что разворот тренда в процессах с биполярной динамикой зачастую происходит под влиянием факторов, формирование которых осуществляется вне рынка и которые в силу этого не оказывают систематического влияния на тренд. Увязать изменения на рынке с конкретными факторами, которые количественно могли бы быть выражены, практически невозможно. Более того, установить эти факторы очень сложно, так как многие из них неформализуемы, имеют характер однократного проявления (смена правительства, начало военных действий, неблагоприятные погодные условия, всевозможного рода слухи и т.п.). Исследование факторов подобного рода и оценка степени их возможного воздействия на динамику рынка являются прерогативой фундаментального анализа. Заметим, что эти же проблемы обсуждаются и в теории когерентного рынка. Эксперты вполне могут использовать в оценках собственных ожиданий упреждающие выводы из результатов фундаментального анализа [3]. Поэтому основная идея совершенствования адаптивной модели ориентирована на разумное использование экспертных оценок, в которых сконцентрирована вся информация о предстоящих изменениях на финансовом рынке. Реализация этой идеи превращает модель с адаптивным механизмом в модель с адаптивно-рациональным механизмом. Обеспечивая формирование прогнозных оценок на основе фактографических данных и субъективных мнений, модель с адаптивно-рациональным механизмом вполне может использоваться для прогнозирования процессов с биполярной динамикой.

Выяснив, что для идентификации разворотов тренда целесообразно использовать экспертные оценки, и переходя к построению модели, мы должны провести еще одно необходимое для этого уточнение. Адаптивные модели, как известно,

могут реализовывать одношаговую и многошаговую схемы адаптации. С помощью одношаговой строят модели для краткосрочных прогнозов, многошаговая используется в среднесрочных прогнозах. Более чувствительна к разворотам тренда краткосрочная модель. Из этого непосредственно следует вывод о том, что разворот тренда следует идентифицировать при моделировании краткосрочных тенденций, т.е. регулятор чувствительности должен быть встроен в адаптивный механизм краткосрочной модели. Из всех закономерностей, формирующих в соответствии с моделями, описанными в четвертом параграфе второй главы, динамику финансового рынка, наиболее чувствительным к разворотам является краткосрочный тренд. В то же время для среднесрочного, а тем более долгосрочного тренда этот разворот всего лишь очередное случайное отклонение, которым можно пренебречь. Поэтому целесообразно использовать упреждающую информацию субъективного характера для корректировки краткосрочного тренда.

Необходимое для реализации адаптивно-рационального подхода комбинирование числовых данных с субъективной информацией является непростым вопросом и для своего решения требует специальных методов. Нужно признать, что за последнее время актуальность этой проблемы значительно выросла. Естественно, это стимулирует проведение исследований в данной области, в рамках которых разрабатываются новые методики, которыми целесообразно воспользоваться при построении подобной модели. В настоящее время разработаны эконометрические модели, позволяющие получать упреждающие оценки экспертных предпочтений. Модели подобного рода как раз и будут использованы для комбинирования количественных и субъективных оценок в рассматриваемом нами подходе.

Адаптивно-рациональная модель обладает новыми возможностями и спецификой, которые проявляются начиная с момента ее построения вплоть до интерпретации полученных прогнозных оценок. Последний этап – интерпретация – особенно непривычен, и вот почему. Несмотря на то, что прогнозируется одна и та же величина, однако для одного и того же момента времени можно получать три прогнозных оценки. Но это не те оценки, которые привычны для большинства прогнозных расчетов: пессимистическая, оптимистическая и

усредненная. Это оценки, в процедуре расчета которых предусматривалось их соответствие долгосрочной, среднесрочной и краткосрочной тенденциям. Они имеют различную точность, и это естественно, так как различны их интерпретация и роль. Теоретически наименьшая точность должна быть у долгосрочной оценки, а самая высокая – у краткосрочной. В практических расчетах это не всегда так. Многое зависит от правдоподобности экспертных предсказаний.

Основой для построения модели с регулятором служат специальные прогнозные модели с двухуровневой и трехуровневой структурой адаптивного механизма. В принципе в любую из этих моделей можно включить регулятор, ослабляющий или усиливающий реакцию адаптивного механизма. Но, как условились ранее, регулятор будет включен в модель краткосрочных прогнозов. Устройство регулятора довольно простое. Для краткосрочной модели он выглядит следующим образом:

$$\gamma = v \cdot \left(\frac{\hat{P}_{t+1}}{0,5} - 1 \right), \quad (1)$$

где $\hat{P}_{t+1}$ – вероятность, рассчитанная специальным образом с использованием упреждающих экспертных оценок и характеризующая ожидаемое в следующем периоде состояние моделируемого показателя;

v – константа усиления регулирующих воздействий (обычно);

γ – регулятор разворота тренда.

В известную формулу адаптивного пересчета коэффициентов прогнозной модели регулятор включается в виде множителя

$$\hat{\mathbf{b}}_{t+1} = \hat{\mathbf{b}}_t + \gamma \frac{\mathbf{C}_{t+1}^{-1} \mathbf{y}'_t}{\mathbf{y}_t \mathbf{C}_{t+1}^{-1} \mathbf{y}'_t + \alpha} [y_{t+1} - \hat{y}_{t+1/t}], \quad (2)$$

где $\hat{\mathbf{b}}_{t+1}$ – скорректированный коэффициент прогнозной модели;

$\mathbf{y}_t$ – прогнозируемый показатель;

$\mathbf{C}$ – матрица системы нормальных уравнений метода наименьших квадратов;

α – параметр сглаживания.

Регулятор является важным элементом адаптивной модели. С его помощью адаптивная модель наделяется новым свойством, в соответствии с которым сигналы обратной связи не только могут усиливаться или ослабляться, но и восприниматься с противоположным знаком. Благодаря этому свойству в адаптивном механизме удастся запаздывающую реакцию заменить ожидаемой реакцией. По сути регулятор – это модель субъективных предпочтений, для получения которых разработаны различные методики.

Регулятор устроен таким образом, что его действие зависит от вероятности, расчет которой удобно осуществлять с помощью модели бинарного выбора. Построение модели бинарного выбора является самостоятельной задачей. Предполагается, что модель бинарного выбора должна строиться на основе фундаментальных факторов, включающих в том числе и экспертные оценки, концентрирующие в себе результаты фундаментального анализа. Поэтому возникает необходимость в выяснении всех свойств этой модели и возможных вариантов ее практического использования в качестве регулятора адаптивной модели.

Экспертные оценки, которые предполагается использовать при построении регулятора, по сути представляют собой субъективные измерения в номинальной или ранговой шкале. Чтобы иметь представление об устройстве подобной шкалы (каким количеством баллов имеет смысл оценивать то или иное явление), необходимо рассмотреть режимы, в которых регулятор должен поддерживать соответствующую интенсивность адаптивных изменений. Один из вариантов, предусматривающий деление возможных воздействий регулятора на интервалы в зависимости от ожидаемых изменений в динамике прогнозируемого процесса, приведен в табл. 1.

Таблица 1 – Значения регулятора в зависимости от ожидаемых изменений прогнозируемого показателя

Интервалы изменения $\hat{P}_{t+1}$	Значения γ	Ожидаемые изменения $\hat{y}_{t+1}$
$0,75 < \hat{P}_{t+1} \leq 1$	$1 < \gamma \leq 2$	Усиление тенденции предыдущего периода
$0,5 < \hat{P}_{t+1} \leq 0,75$	$0 < \gamma \leq 1$	Ослабление тенденции предыдущего периода
$\hat{P}_{t+1} = 0,5$	$\gamma = 0$	Сохранение тенденции предыдущего периода
$0,25 \leq \hat{P}_{t+1} < 0,5$	$-1 \leq \gamma < 0$	Эффект биполярной динамики (изменение тенденции предыдущего периода на противоположную)
$0 \leq \hat{P}_{t+1} < 0,25$	$-2 \leq \gamma < -1$	Усиление эффекта биполярной динамики

Данная таблица может служить ориентиром для разработки шкалы субъективных предпочтений. Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность, которая должна учитываться при построении шкал подобного рода. Эта особенность связана с тем, что эксперт, даже самый опытный, в своих суждениях может допускать ошибки, поэтому в шкале должна предусматриваться такая возможность.

Важным и ответственным моментом при построении регулятора является формирование псевдобыборочной совокупности из экспертных пред-

почтений [2]. Сложность этой задачи состоит в том, что модель реализует человеко-машинный вариант прогнозных расчетов, и поэтому вне зависимости от уровня компетенции экспертов каждый из них должен предварительно пройти обучение. С этой целью по данным ретроспективного ряда осуществляются постпрогнозные расчеты в предположении, что на каждом шаге эксперт точно оценивал ожидаемую ситуацию. В результате таких расчетов одновременно с прогнозными оценками удастся получить значения регулятора (см. табл. 2).

Таблица 2 – Данные для построения модели регулятора

Стоимость акции, долл.	Вероятность	Бинарная переменная	Экспертная оценка ситуации	Стоимость акции, долл.	Вероятность	Бинарная переменная	Экспертная оценка ситуации
10,410	0,624	1	62,4	11,320	1,000	1	100
10,464	0,576	0	57,6	11,050	0,001	0	0,1
10,677	0,633	1	63,3	10,800	0,395	0	39,5
10,741	0,604	1	60,4	10,780	0,891	1	89,1
10,540	0,001	0	0,1	10,780	0,538	0	53,8
10,444	0,436	0	43,6	11,090	0,709	1	70,9
10,571	1,000	1	100	11,000	0,561	1	56,1
10,800	0,655	1	65,5	11,151	0,633	1	63,3
10,700	0,100	0	10	11,847	0,836	1	83,6
11,108	1,000	1	100	11,958	0,621	1	62,1
11,000	0,119	0	11,9				

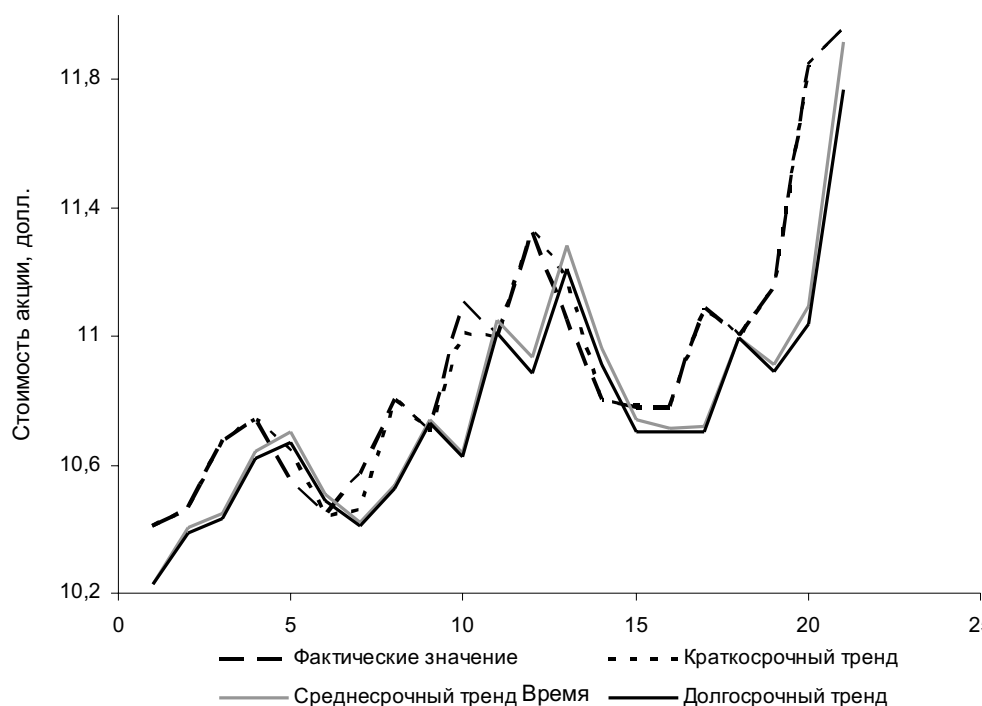

Рис. 1. Динамика стоимости акций Лукойла по адаптивной модели с регулируемой реакцией адаптивного механизма

Значения регулятора (второй столбец табл. 2) получены в предположении, что эксперт действовал грамотно в том смысле, что определял безошибочно моменты разворота тренда. Об этом свидетельствует траектория краткосрочных прогнозных оценок, представленная на рис. 1. В отличие от траектории долгосрочных прогнозных оценок краткосрочная почти в точности повторяет траекторию фактических значений. Это достигнуто, как нетрудно понять, благодаря действию регулятора.

Конечная цель процесса обучения эксперта заключается в том, чтобы эксперт смог соотнести значения регулятора, переведенные в баллы (путем умножения значений вероятности на 100), с событиями, обусловившими соответствующие изменения в стоимости акций. Естественно, предполагается, что процесс обучения является итерационным, в результате которого возрастает компетентность эксперта и уточняется модель регулятора.

Регулятор в виде логит-модели строится с по-

мощью любого статистического пакета, имеющего опцию построения нелинейных моделей подобного типа. Модель регулятора для прогнозирования курса акций ОАО Лукойл была получена с помощью пакета STATISTICA.

Модель со встроенным в адаптивный механизм регулятором подобного типа следует считать человеко-машинным вариантом прогнозной модели, так как в полном объеме эффективность практического применения этой модели достигается в случае ее использования в интерактивном режиме. Такой режим расчетов допускается в рамках технического анализа.

Обобщая изложенное, имеет смысл отметить, что применение основных принципов адаптивно-рационального моделирования порождает новые подходы к решению специфических прогнозных задач. Модель с адаптивным регулятором является одним из успешных примеров, демонстрирующих возможности методологии адаптивно-рационального прогнозирования.

Библиографический список

1. Давнис В.В. Адаптивные модели: анализ и прогноз в экономических системах [Текст] / В.В. Давнис, В.И. Тинякова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 380 с.
2. Давнис В.В. Прогнозные модели экспертных предпочтений [Текст] / В.В. Давнис, В.И. Тинякова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 248 с.
3. Шарп У. Инвестиции [Текст] / У. Шарп, Г. Александер, Дж. Бейли. – М.: ИНФРА-М, 2006. – XII, 1028 с.

T.M. BAKUROVA, V.I. TINYAKOVA

ADAPTIVE-RATIONAL APPROACH TO FORECASTING THE PROFITABILITY OF FINANCIAL ASSETS

Usage of the adaptive-management approach for modeling the complex dynamics of the stock market was proposed. As an example that implements this approach, an adaptive model with a controller that allows us to proactively identify trend reversals is provided.

Key words: *adaptive – management forecasting, profitability, stock market, financial assets, the trend reversal.*

У.А. ВОЛОСАТОВА, аспирант кафедры мировой экономики
и экономической теории Волгоградского
государственного технического университета,
специалист учебно-методической работы I категории
Тел.: +79178462391; :wua@list.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОРРЕКЦИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ

В статье рассмотрены вопросы формирования системы экологической информации, позволяющей управлять поведенческими отношениями на потребительском рынке. Практика показывает, что спрос и предложение являются как управляемыми, так и управляющими элементами рыночных отношений. То есть производитель в силах корректировать потребительские предпочтения, а потребитель заявлять о своих желаниях и вкусах, вызывающих своевременное реагирование на необходимость совершенствования своего продукта. Именно грамотный сбор, систематизация, обновление экологической информации, а также опубликование маркетинговых экологических сообщений и профессиональное формирование открытости производителя по отношению к потребителю являются актуальными и фундаментальными, если цель компании – формирование долгосрочного жизненного цикла и положительного имиджа.

Ключевые слова: *система экологической информации, эколого ориентированное управление, формирование имиджа, потребительские предпочтения.*

В России экологические потребности, как потребности более высокого уровня по сравнению с материальными или другими видами потребностей, в шкале индивидуальных и общественных предпочтений переместились на «второй план» из-за неудовлетворенности материальных и бытовых нужд. Снижение жизненного уровня заставило многих российских потребителей отказаться от привычного уровня потребления и свести свои потребности к минимуму. Большинство населения следует скорее функциональной модели потребления, «потребления к случаю». Сознательный выбор экологически чистых продуктов относится скорее к модели трендового потребления, потребления, ставшего частью привычного образа жизни. В силу этого инструментарий экологического маркетинга будет востребован по мере развития рынка экологически приемлемой продукции. Поэтому предприятия России должны активно использовать инструментарий экологического маркетинга при выходе на внешний рынок, поскольку на мировом рынке экологический фактор используется в качестве стратегии для достижения конкурентных преимуществ. На внутреннем потребительском рынке экологический фактор еще не выполняет такую роль, так как спрос на экологически чистую продукцию имеет незначительные объемы.

В процессе перехода от традиционного маркетинга к экологическому ключевую роль играют изменения в информационных системах и коммуникациях.

Формирование любой стратегии экологического маркетинга основывается на идентификации новых проблем, тенденций рынка и состоянии научных знаний и технологий. Поэтому без исследования рынка и точной информации проведение эффективной

маркетинговой политики невозможно. Так как стратегии экологического маркетинга направлены на учет экологического фактора в предпринимательской деятельности, то без точной информации о воздействии фирмы и ее конкурентов на окружающую среду они не могут быть реализованы. В непрерывном потоке информации нуждаются все элементы экологического маркетингового процесса, в особенности анализ жизненного цикла, экологический аудит и оценка экологических воздействий. Информация об экологической эффективности деятельности фирмы в целом является основой для принятия маркетинговых решений. В этой связи предпринимательские фирмы, использующие стратегии экологического маркетинга, должны создавать систему маркетинговой экологической информации. Это позволит им перейти от случайного, стихийного к планомерному процессу сбора и обработки информации. Такие информационные системы будут давать возможность менеджерам принимать эффективные решения и функционировать как база данных для ответов на запросы рыночных партнеров фирмы.

Общие системы маркетинговой информации достаточно подробно описаны в известных работах по маркетингу. Исходя из этого, систему маркетинговой экологической информации можно рассматривать как элемент общей системы, который формирует информационные потоки об одном из факторов маркетинговой среды.

Совокупность маркетинговой экологической информации может быть систематизирована по двум признакам: источнику происхождения и содержанию [1].

По первому признаку нами выделяются первичные, вторичные и комбинированные источники. Рассмотрим каждый из них.

Первичные источники. Первичная информация во многом происходит из непосредственного исследования. Следовательно, такая информация собирается путем обследований различного вида. Наиболее распространены обследования, основанные на анкетировании. Они дают интересную информацию об общих тенденциях рынка и изменениях потребительских предпочтений. Однако более ценные качественные методы обследований связаны с опорными группами. Опорные группы могут также использоваться для проверки результатов массовых обследований. Сбор данных путем обследования опорных групп дает возмож-

ность получить более объективную информацию, так как при этом исключается негативный эффект массовых обследований, выражающийся в наличии большого числа интервьюируемых, которые пытаются казаться более правдивыми, нежели они есть на самом деле.

Вторичные источники. Вторичные материалы включают издания торговых и промышленных ассоциаций, профессиональные журналы, издания, посвященные проблемам окружающей среды, журналы и газеты для потребителей, материалы профсоюзов, ежегодные отчеты и обзоры, рыночные обозрения. Вторичные источники являются относительно дешевыми, хотя и не обеспечивают специфические потребности отдельных фирм. Они позволяют, однако, создать полезную справочную библиотеку и предоставить основную информацию о тенденциях рынка. Важную роль для получения информации играют рыночные исследования. Они, как правило, дают очень подробную информацию о состоянии рынка и потребительских предпочтений. К сожалению, на отечественном рынке экологические маркетинговые исследования еще не получили развития, но спрос на них уже формируется.

Комбинированные источники. Данная информация собирается путем объединения усилий фирмы с другими организациями – другими фирмами, государственными и местными органами и учреждениями, вузами и НИИ, общественными движениями. Такие соглашения расширяют возможности менеджмента фирмы в области экологической информации. Возможной формой объединения усилий рыночных партнеров по сбору экологической информации может быть создание центра, состоящего из группы людей с различными интересами и специальностями, что обеспечит углубленное и беспристрастное исследование общественной политики, которое невозможно получить, используя другие источники информации.

По второму признаку – содержанию информации – нами выделяется три типа маркетинговой экологической информации: информация о партнерах; информация об экологических воздействиях; научно-техническая информация [1].

1) Информация о рыночных партнерах. Одной из проблемных задач, стоящих перед современным экологически ответственным предприятием, является задача удовлетворения множества (часто противоречивых) желаний целого ряда рыночных партнеров. Поэтому для предприятия важно

отслеживать эти желания с помощью систем, которые собирают эту информацию от работодателей, потребителей, акционеров, местных органов и других. Каждый из этих партнеров предъявляет различные требования к предприятию. С учетом этого совокупность экологической информации о рыночных партнерах может быть объединена в два вида. Первый вид будет включать информацию об экологической политике организации и реакциях на нее партнеров, а также связанных с ней системах экоманеджмента. Ко второму виду следует отнести информацию об отношениях потребителя, деятельности общественных движений и реакции регулирующих органов.

2) Информация об экологических воздействиях. В любой стратегии маркетинга, основанной на открытости, честности и доверии, особую значимость имеет информация о воздействии на окружающую среду всех действий и процессов предприятий. В этой связи мы выделяем два независимых потока информации. На непрерывной основе следует отслеживать все входы в предприятие и все выходы (включая стоки, эмиссии и другие выбросы) из предприятия. Следует периодически проверять, нет ли каких скрытых отходов или стоков. Кроме того, маркетинг предприятия должен быть в состоянии составлять периодические экоаудиторские отчеты и оценки всех жизненных циклов продукта. Представляется, что оценка жизненного цикла будет иметь особую роль в экомаркетинговом процессе.

3) Научно-техническая информация. Технические проблемы играют важную роль в каждом аспекте экологической стратегии предприятия. Важно, например, знать лучшие доступные методы и лучшие доступные технологии, что позволит постоянно улучшать экологическое поведение предприятия. Одновременно для того, чтобы обеспечить действенность своих экологических стратегий, предприятие должно собирать информацию о правовой и регулирующей среде [2].

Таким образом, все виды маркетинговой экологической информации, собранной вместе в справочной библиотеке, должны дать картину рыночных условий (конъюнктуры и возможностей) (рис. 1). Эти типы информации должны использоваться для обоснования маркетинговых целей и маркетинговой стратегии. В конечном счете эти цели и эта стратегия должны соответствовать целям устойчивого развития путем использования совместных

с устойчивым развитием экологических методов управления и стратегий.

Источник: составлено автором по материалам [1].

Вторым ключевым элементом экологического маркетингового процесса являются коммуникации. Рыночные партнеры, и в особенности потребители, должны быть осведомлены об экологических аспектах продуктов и процессов. В связи с этим в управлении продуктом должен возобладать подход, заключающийся в том, что все, кто вступает в контакт с продуктом, после того, как он покидает фабричные ворота, должны получить советы и рекомендации по эксплуатации и утилизации продукта.

Вряд ли следует говорить об особом методе или силе коммуникации в экологическом маркетинге. Требования к сообщениям об экологически чистых продуктах такие же, как к любому другому коммуникационному сообщению. Они должны быть обозримыми, понятными, уместными и правдивыми. Фирма должна быть готова доказать то, о чем она заявила, и быть открытой к дальнейшим вопросам о ее экологическом профиле.

Фирмы, которые поддерживают экологически привлекательный имидж, должны быть очень точны в том, что они заявляют, и четко следовать этому на практике.

Акцент на экологических аспектах бизнеса будет все более привлекать внимание скептически настроенной общественности и средств массовой информации.

Если имеется информация о продукте и фирме, заслуживающая коммуникации, то встает вопрос: к кому обращаться? Несомненно, что первым адресатом должны стать потребители продукта. И хотя теоретически потребители готовы покупать альтернативные продукты, в то же время на практике они не склонны отказываться от известных им торговых марок, их цен и качества в пользу неопределенных продуктов, которые в то же время могут иметь более высокую цену. Ситуация углубляется еще и тем, что потребители уже успели познакомиться с нечестными зелеными маркетинговыми программами, что ввело их в заблуждение и привело к разочарованию в так называемых «зеленых» продуктах. Эти обстоятельства необходимо учитывать при формировании экологических сообщений, не делая при этом поспешных выводов о потребительском понимании и вероятности успеха предпринятых действий. Поэтому перед тем, как разрабатывать эффективные

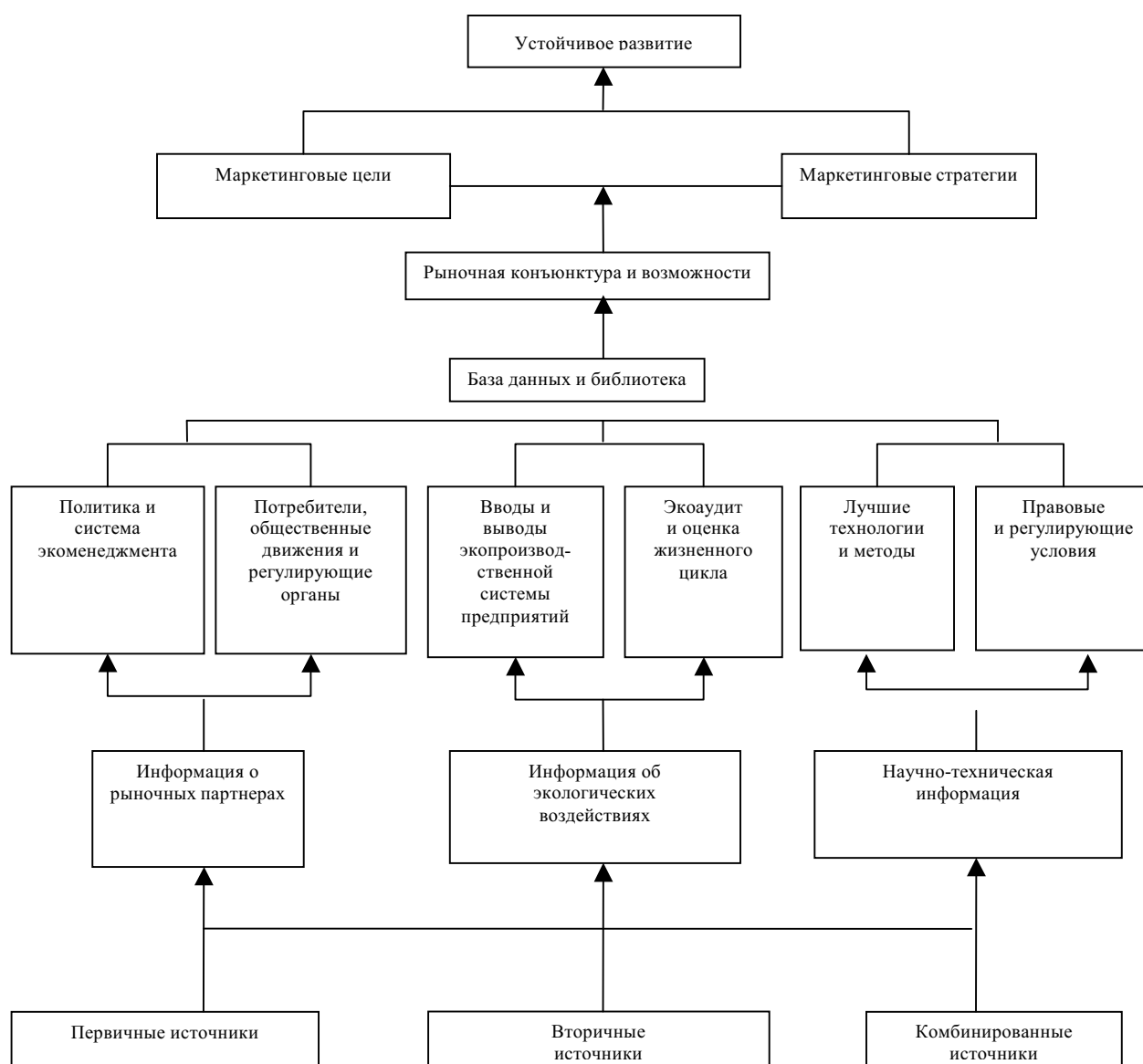

Рис. 1 Маркетинговая экологическая информационная система

маркетинговые коммуникации, необходимо тщательно исследовать рынок и потребительское поведение. Главными задачами продавца на рынке будут: обучить покупателя, идентифицировать экологические проблемы и затем предложить решение по продукту.

Потребитель также будет подвергаться косвенному воздействию через поведение конкурентов и через средства массовой информации, общественные движения. Они, следовательно, будут являться другими адресатами для экологических коммуникаций. Наиболее важной здесь выступает непосредственная связь между производителями и по-

ставщиками. Если фирма преследует цель улучшить свой экологический имидж, то она будет предъявлять более высокие требования к экологическому поведению поставщиков.

Вне зависимости от того, к кому обращается фирма с зеленым сообщением, важно, чтобы был предмет для такого сообщения. Имеется в виду, что на современном этапе развития экологических коммуникаций на первый план выдвигается не то, о чем надо говорить вообще. В этой связи следует, на наш взгляд, отметить две существенные проблемы. Во-первых, неполные коммуникации или сомнительные экологические инициативы уве-

личивают риск отчуждения потребителей, если в сообщениях имеют место недоговоренности, неточности или какие-либо секреты. Завышение экологических свойств продуктов в зеленых сообщениях может быть вскрыто регулируемыми органами либо общественными движениями в защиту прав потребителей, что подвергает опасности продукт или услугу, а также существование фирмы в целом. Плохая гласность может перечеркнуть все усилия фирмы по достижению положительного экологического имиджа. Во-вторых, существует проблема экологического соответствия запросам потребителя вообще. Воздействие сообщения будет зависеть от того, насколько осведомлены, заинтересованны и образованны потребители продукта, и от специфических характеристик рынка, на котором продается продукт. Поэтому фирма должна определить, являются ли экологические оценки значимыми на данном рынке и могли бы соответствующие сообщения принести конкретные преимущества.

Существует целый ряд методов коммуникаций, которые могут быть использованы для создания экологических сообщений. Однако, чтобы сообщение было эффективным, важно, чтобы любой выбранный метод был использован в рамках интегрированной экологической стратегии, согласующейся с другими стратегиями фирмы. В настоящее время потребителям предлагаются обобщенные изображения «зеленого» движения в экологических стратегиях в виде радуги, деревьев, зеленых полей, дельфинов и т.п. Эти образы используются многократно, и в результате потребители запоминают общую категорию продукта, например экологически чистые моющие средства, нежели их конкретную торговую марку. С другой стороны, имеется много сообщений, которые дают детальные знания об экологических проблемах. В этом случае необходимо разъяснить каждую проблему, а затем подчеркнуть причину, почему потребитель должен предпочесть данный продукт другому. Формируя сообщение, фирма не должна переоценивать знания людей или же их альтруизм, когда они сталкиваются с экологическими проблемами. При этом следует избегать переоценки числа потребителей, которые предпочитают текущие торговые марки фирмы. Большинство потребителей не воспримут сложные объяснения, почему один продукт экологически более чистый, чем другой. Сообщающие эти отличия должны найти простую и правдивую информацию о том, почему один продукт может быть более предпочтителен.

Коммуникации посредством средств рекламы формируют часть любой экологической маркетинговой стратегии. Однако мы уже подчеркнули, что шаблонные, стереотипные образы для подражания трудно совместимы с движением к устойчивому развитию. Попытка использования экологической политики в деятельности промышленных компаний порой выражается лишь формой, но не содержанием. Такую «экологическую» рекламу социологи называют «экологической порнографией». Так, компания «Филиппс петролеум» для телерекламы своей продукции, благотворительное воздействие которой на среду очень сомнительно, наняла двух ручных ягуаров, оленей и дрессированного золотого орла. Для рекламы все чаще прибегают к утверждению, что товар такой-то фирмы является наиболее «чистым», или «естественным», или минимально загрязняет природную среду, – в отличие от товаров других, менее «ответственных» фирм.

Порой товаропроизводители буквально проходят мимо собственной коммерческой выгоды. Сколько мог бы сэкономить автозавод ГАЗ на рекламе, если бы внял предложению экологов начать серию роликов социальной рекламы (по соответствующим расценкам), посвященной редким видам России. Речь шла о рекламном ролике с единственным представителем рода газелей – дзереном. То, что потребители отчетливо смогли бы идентифицировать эту газель и Газель, выпускаемую ГАЗом, сомнений не вызывает. Но, начав с такой рекламы, ГАЗ вполне бы мог рассчитывать на статус социальной рекламы и для своего следующего символа – соболя (модель микроавтобуса) [3].

Особый цинизм использования некоторыми товаропроизводителями в качестве «рекламного дополнения» живых символов заключается в том, что часто фирмы-рекламодатели экологически «небезгрешны». В России среди любимых «живых символов» – тигр, рысь, гепард – редкие виды, на сохранение которых товаропроизводители средств не выделяют. В то же время товарный знак с «живым символом» – некоторая гарантия качества товаров и услуг вне их реальной оценки.

Наличие редких и эндемичных растений у огады Саянского алюминиевого завода – пример целенаправленных действий персонала компании, да к тому же грамотно представленных в местных средствах массовой информации. Современная же Россия, к сожалению, полна примерами экологического дилетантства. На Полярный Урал

завезли бизонов. Орловский губернатор настойчив в попытках развести зубров в созданном им национальном парке. В этом же ряду – зоопарк Липецкого металлургического комбината. Само по себе это неплохо, просто с точки зрения экологии – типичное “не то”. Огромные деньги тратятся не на решение насущных проблем охраны природы, а на популистские акции.

Большое значение имеет своевременная консультация с экологами по поводу вложения денег, добровольно выделенных на охрану природы. Выделенные средства эффективнее тратить на такую PR-кампанию, которая приносит ощутимую пользу природе. Просто рекламный трюк, наподобие разведения страусов, будет менее значимым для сохранения живой природы и менее эффективен для фирмы, чем публично проведенная акция, например, по возрождению малой реки и созданию по ее берегам парка.

Более ясно, чего нужно избегать в рекламных кампаниях, и менее ясно, что является эффективным и соответствующим стратегиям устойчивого развития. В этой связи представляют интерес предложения американских ученых Callenbach E., Capra F. и других, выделяющих пять аспектов, которые должны подчеркиваться в рекламе продуктов:

- приоритет долговременного удовлетворения покупателей над кратковременным;

- приоритет эксплуатационных затрат над начальными затратами;
- приоритет надежности, долговечности и безаварийности над первоначальной привлекательностью;
- возможность для многократного использования или рециркуляции продукта и его тары;
- минимальное экологическое воздействие производства, распределения, использования и утилизации продуктов [1].

Сообщение этической, экологической и устойчивой информации будет большей частью целостной стратегией. При этом необходимо проявлять тщательность и осторожность в формировании рекламной стратегии. Так же, как и в любой экологической стратегии, ключевыми принципами в коммуникационной стратегии должны быть честность, открытость, доверительность и ее интегрированность в общую стратегию.

Таким образом, в стратегиях экомаркетинга усиливают свою значимость такие элементы, как информация и коммуникация. Поэтому предпринимательские фирмы, реализующие стратегии устойчивого развития, должны инициировать изменения в информационных и коммуникационных системах маркетинга. Эти изменения должны включать создание систем экологической информации и реализацию этических подходов в маркетинговых коммуникациях.

Библиографический список

1. Бородин А. Маркетинговый механизм реализации эколого-экономической стратегии / А. Бородин // Маркетинг. – 2004. – № 5. – С. 35–47.
2. Вишняков Я. Д. Глобальный экономический кризис и пути выхода из него: эколого-экономические и управленческие аспекты / Я. Д. Вишняков, Т. А. Илюшников // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 5. – С. 60–71.
3. Горелова А. Экология и маркетинг. Концепция взаимодействия / А. Горелова. – Маркетинг. – 2001. – № 5. – С. 71–75.

U.A. VOLOSATOVA

USE OF SYSTEM OF THE ECOLOGICAL INFORMATION FOR THE CORRECTION OF BEHAVIORAL RELATIONS IN THE CONSUMER MARKET

The paper deals with the development of an ecological information system that allows managing the behavioral relationships in the consumer market. Practice shows that the demand and supply are both controlled and controlling elements of market relations. A manufacturer is able to adjust consumer preferences, and consumers are able to express their desires and tastes, causing a timely response to the need to improve the product. Competent gathering, ordering, updating of the ecological information as well as publication of marketing ecological messages and professional development of manufacturer openness to consumer attitudes are relevant and fundamental, if the company goals are to develop a long-term life cycle of product and a positive image of company.

Key words: *System of ecological information, environment focused management, image development, consumer preferences.*

О.Н. ЗАЙЦЕВА, старший преподаватель кафедры
общих математических дисциплин
Орловского государственного университета
Тел. 89192656318; oksana_nzn@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

В статье рассмотрены вопросы формирования информационно-коммуникационной компетентности в процессе внеаудиторной самостоятельной работы студентов, проведена классификация различных форм использования информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе.

Ключевые слова: информационно-коммуникационная компетентность, информационно-коммуникационные технологии, внеаудиторная самостоятельная работа.

Проблема формирования информационно-коммуникационной компетентности будущих специалистов приобретает все большую актуальность в современном информационном обществе, обладающем разнообразными средствами хранения, переработки и передачи информации на базе новых информационных технологий.

Согласно одному из направлений, обозначенных в «Концепции модернизации российского образования», формирование у обучающихся определенного набора компетенций является необходимым для обеспечения профессиональной мобильности, владения современными средствами получения, обработки и использования информации [2]. Информационно-коммуникационная компетентность выделяется как важнейшая часть профессионализма в современном информационном обществе. В процессе профессиональной подготовки студенты должны получить представление об информационных ресурсах, уметь вести поиск в электронных каталогах и базах данных, правильно определять сферу своих информационных потребностей.

Информационно-коммуникационная компетентность как педагогическая категория является частью профессиональной компетентности будущего специалиста. Роль информационно-коммуникационной компетентности в образовании поднимается в многочисленных работах исследователей, таких как Акуленко В.Л., Архипова А.И., Бурмакина В.Ф., Горюнова М.А., Зайцева О.Б., Лобанов Н.Н., Роберт И.В., Шилова О.Н. и ряда других.

Так, М.Б. Лебедева и О.Н. Шилова [3] определяют информационно-коммуникационную компетентность как способность индивида решать учебные, бытовые, профессиональные задачи с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Е.В. Мельник понятие «информационно-коммуникационная компетентность» трактует как «комплексное умение самостоятельно искать, отбирать нужную информацию, анализировать, организовывать, представлять, передавать ее; моделировать и проектировать объекты и процессы, реализовывать проекты, в том числе в сфере индивидуальной и групповой человеческой деятельности с использованием средств ИКТ» [4].

В нашем понимании суть понятия «информационно-коммуникационная компетентность» включает в себя: способность к самостоятельному поиску и обработке информации, необходимой для качественного выполнения профессиональных задач; способность к групповой деятельности и сотрудничеству с использованием современных коммуникационных технологий для достижения профессионально значимых целей; готовность к саморазвитию в сфере информационных и коммуникационных технологий (далее по тексту – ИКТ), что является необходимым условием для постоянного повышения квалификации и реализации себя в профессиональной деятельности.

Для достижения эффективности образовательного процесса могут использоваться образовательные средства информационно-коммуникационных технологий, место и функции которых рассмотрены в работах Габай Т.В., Кинелева В.Г., Полат Е.С., Сергеевой Т.А., Талызиной Н.Ф., Тихомирова О.К. и др.

Далее в статье под образовательными средствами ИКТ мы будем понимать аппаратные и программные средства, предназначенные для реализации информационных процессов на основе использования вычислительной техники и сетевых технологий.

Исследователи представляют различные классификации образовательных средств ИКТ по ряду параметров, например, по решаемым педагогическим задачам, по функциям в организации образовательного процесса, по формам применения ИКТ в образовательном процессе, по типу информации, по форме взаимодействия с обучающимся.

В современной педагогической науке **по решаемым педагогическим задачам** принято выделять средства, обеспечивающие базовую подготовку, куда входят электронные учебники, обучающие системы, системы контроля знаний; средства практической подготовки, в их числе задачки, виртуальные конструкторы, программы имитационного моделирования, тренажеры; комплексные средства, включающие дистанционные учебные курсы; вспомогательные средства, к которым можно отнести различного рода энциклопедии, словари, хрестоматии, мультимедийные учебные занятия.

По функциям в организации образовательного процесса средства информационно-коммуникационных технологий подразделяются на информационно-обучающие, включающие электронные книги, электронные периодические издания, словари, справочники, обучающие компьютерные про-

граммы, информационные системы; поисковые, например каталоги, поисковые системы; интерактивные, такие как электронная почта, электронные телеконференции и др.

По формам применения информационно-коммуникационных технологий **в образовательном процессе** выделяют аудиторные и внеаудиторные образовательные средства.

В зависимости **от типа информации** образовательные ресурсы подразделяются на электронные и информационные с текстовой информацией, это учебники, учебные пособия, задачки, словари, справочники, энциклопедии, периодические издания, учебно-методические материалы; на электронные и информационные с визуальной информацией, в том числе коллекции: фотографии, портреты, иллюстрации, видеофрагменты процессов и явлений, демонстрации опытов, а также статистические и динамические модели, интерактивные модели: предметные виртуальные лаборатории; символные объекты: схемы, диаграммы; на электронные и информационные с аудио- и видеоинформацией, с комбинированной информацией (учебники, учебные пособия, задачки, энциклопедии, словари, периодические издания).

По форме взаимодействия с обучающимся образовательные средства ИКТ классифицируются на «offline» – технология асинхронного режима связи, куда входят электронная переписка, телеконференция, заказ и рассылка необходимого материала из электронных банков информации, и «online» – технология синхронного режима связи (форум, чат, поиск информации в Интернет; установка собственных ресурсов в Глобальной сети).

В результате использования разнообразных образовательных средств формируется информационно-коммуникационная образовательная среда (ИКОС), которая способствует внедрению новых информационных технологий в образовательный процесс.

Под информационно-коммуникационной образовательной средой С.В. Зенкина понимает «комплекс компонентов, обеспечивающих системную интеграцию средств информационных технологий в образовательный процесс с целью повышения его эффективности и выступающих как средство построения личностно ориентированной педагогической системы» [1, с. 24]. Такого понимания информационно-коммуникационной образовательной среды мы придерживаемся в данной статье.

Таким образом, на первое место в образовательном процессе помещается обучающийся, деятель-

ность же преподавателя в этой ситуации приобретает характер наставничества. Создание такой образовательной среды обеспечивает развитие активной жизненной позиции обучающихся, их самоопределения.

Полагаем, что информационно-коммуникационная образовательная среда является тем самым фундаментом, который лежит в основе формирования информационно-коммуникационной компетентности обучающихся, давая им возможность не только приобрести необходимые компетенции, но и успешно реализовывать их в ходе образовательного процесса.

С целью формирования информационно-коммуникационной компетентности будущих специалистов разработанное в настоящее время третье поколение федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) в базовой части математического и естественно-научного цикла содержит такие дисциплины, как «Информатика» или «Информационные технологии». Данные курсы призваны сформировать у бакалавров следующие общекультурные компетенции:

- способность понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны; владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации;
- способность использования основных программных средств, умение пользоваться глобальными информационными ресурсами, владение современными средствами телекоммуникаций, способность использовать навыки работы с информацией из различных источников для решения профессиональных и социальных задач;
- способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях [5].

Цель указанных курсов обусловлена стратегией развития современного общества на основе знаний и высокоэффективных технологий, активизации поиска новых моделей образования, направленных на повышение уровня квалификации и профессионализма будущих специалистов.

В связи с этим особую значимость в области информационных технологий приобретает самостоятельная работа, которая в настоящее время занимает не менее 50% учебного времени, третье поколение федеральных государственных обра-

зовательных стандартов высшего профессионального образования сохраняет тенденцию к увеличению ее доли в образовательном процессе.

Внеаудиторную самостоятельную работу студентов целесообразно рассматривать как одну из форм организации учебного процесса в вузе. Это планируемая учебная и научно-исследовательская деятельность студентов, выполняемая во внеаудиторное время под руководством преподавателя, но без его непосредственного участия.

Современные информационные технологии играют ключевую роль при организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов: они открывают студентам доступ к новым источникам информации, дают возможности для творчества, обретения и закрепления различных профессиональных навыков. Актуальной становится самостоятельная работа с обучающими программами, тестирующими системами, информационными базами данных. Одним из средств организации самостоятельной работы студентов является использование Интернет-технологий, поскольку образовательные Интернет-ресурсы активизируют познавательную деятельность, формируют информационную культуру, навыки исследовательской и аналитической деятельности. К новым формам самостоятельной работы студентов с использованием информационных технологий можно отнести: виртуальное портфолио, мультимедийные проекты, web-сайты и т.д.

В ходе самостоятельной работы с целью повышения наглядности эффективно использование электронных учебников по различным дисциплинам, состоящих из теоретической части, учебно-тренировочной, информационно-поисковой, информационной визуализации. Электронный учебник, несомненно, помогает улучшить дидактические условия электронного методического сопровождения учебного процесса.

Основным направлением информатизации самостоятельной работы студентов является создание и применение мультимедийных ресурсов, которые объединяют возможности текста, звука, графики, фотографии, анимации, видео в цифровом представлении, тем самым становятся шире возможности визуализации, имитации, демонстрации объектов и процессов.

В рамках внеаудиторной самостоятельной работы эффективным является создание программных продуктов в виде электронных презентаций, выполненных в MS Power Point. Электронные

презентации представляют различные слайды, на которых дается текстовая, графическая, иллюстративная информация. Для создания информационной целостности программные продукты можно оснащать гипертекстом, содержащим ссылки на другие материалы и объекты.

Например, студентам факультета естественных наук было предложено написать рефераты и докладов по некоторым темам химии, в частности «Распространение фосфора в природе». Результатом такого вида учебной деятельности стало представление информации на бумажном носителе и в электронном виде на диске вместе с электронной презентацией, отражающей краткое содержание работы. Обучающиеся должны были защитить свою тему исследования, опираясь на материалы своих презентаций, выполненных в MS Power Point. Основные задачи использования презентации заключаются в приобретении навыков грамотного использования ресурсов сети Интернет при подготовке к занятиям; приобретении навыков работы с Power Point; овладении навыками самостоятельного изучения дисциплины; получении навыков презентации проекта перед аудиторией. Как показывает практика, презентации восполняют недостаточность образного представления при изложении материала. В результате зрительного восприятия у студентов появляется понимание неизвестного ему объекта изучения и возможность углубления в сущность изучаемого.

В ходе защиты имела место учебная дискуссия между студентами и преподавателем, было задано множество вопросов по теме исследований, которые позволили выявить степень подготовленности докладчика и уровень его знаний в предметной области и в области информационных технологий.

Нужно отметить, что выполнение заданий в электронном виде способствует формированию информационной и коммуникационной компетенций, поскольку обучающийся черпает знания не только из традиционных источников информации, но и с помощью современных информационных технологий, в частности Интернет. При этом роль информационных и коммуникационных технологий значительна, так как способствует выведению обучающихся на более высокий уровень владения знаниями по предмету и дальнейшее использование их в последующей профессиональной деятельности.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что использование информационных технологий в современном обществе играет основополагающую роль при решении разнообразных профессиональных и учебных задач. Применение средств ИКТ при организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов позволяет усовершенствовать образовательную деятельность, способствует формированию информационно-коммуникационной компетентности и, как следствие, обеспечивает реализацию социального заказа в соответствии с современными требованиями.

Библиографический список

1. Зенкина С.В. Педагогические основы ориентации информационно-коммуникационной среды на новые образовательные результаты. Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – М., 2007.
2. Концепция модернизации российского образования. Приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 г. № 393.
3. Лебедева М.Б., Шилова О.Н. Что такое ИКТ-компетентность студентов педагогического университета и как ее формировать? [Текст] // Информатика и образование. – 2004. – № 3. – С. 95–100.
4. Мельник Е.В. Содержание коммуникативной компетентности педагога. [Текст] // Психология и школа: науч.-практ. журн. – 2004. – № 4.
5. ФГОС ВПО по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование, утвержденный приказом Министерства образования и науки РФ 22 декабря 2009 г. № 788.

O.N. ZAJTSEVA

FEATURES OF FORMATION INFORMATION-COMMUNICATION COMPETENCE IN THE COURSE OF OUT-OF-CLASS WORK OF STUDENTS

In article questions of formation of information-communication competence in the course of out-of-class independent work of students are considered, classification of various forms of use of information-communication technologies in educational process is spent.

Key words: it is information-communication Competence, information-communication technologies, out-of-class independent work.

С.М. ЕФРЕМОВА, старший преподаватель кафедры ПЭД, ФЭиУ
Орловского государственного университета
Тел. 89803644634; efremova29@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОДХОДА УСТОЙЧИВОСТИ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ С УЧЕТОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА

Выработка оптимальной долгосрочной стратегии развития промышленного предприятия с учетом экологических ограничений в настоящее время становится приоритетным направлением реализации экономической политики развитых стран. В статье рассмотрены проблемы и принципы реализации стратегии развития промышленности с позиции факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность в Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическая устойчивость, экологический фактор, долгосрочная стратегия, принципы стратегии, промышленность.

Целостное устойчивое развитие национальной экономики предполагает устойчивость развития отдельных ее регионов, в том числе и отдельных хозяйствующих субъектов. Определение устойчивости предприятия как хозяйственной системы в научной литературе сводится к его двум основным формулировкам [1, с. 49], [2, с. 32]:

- 1) способность сохранять свою целостность и стабильность относительно заданного вектора развития в долгосрочной перспективе в условиях изменчивой внешней среды;
- 2) способность предприятия эффективно использовать ресурсы производства, другие преимущества в целях получения дохода и удовлетворения потребностей общества, наращивать стоимость собственного капитала в долгосрочном периоде.

Опираясь на современные тенденции, а также необходимость учета экологического фактора, устойчивость предприятия можно определить как комплекс свойств – организационную, инновационную, логистическую, производственную, финансово-кредитную и экологическую составляющую с учетом их взаимовлияния и взаимодействия. Такое определение позволяет выделить основные факторы, формирующие устойчивость развития «экологического» предприятия (рисунок 1).

Экологический фактор как доминирующая компонента эффективности развития современного предприятия среди прочих представленных факторов предполагает выработку новых экономических и финансовых механизмов, которые обеспечат поддержку и приоритетность инвестиционных проектов экологически чистых производств.

Общая направленность стратегии экологизации производства должна соответствовать принципам функционирования природных систем, а также должно быть обеспечено их соотношение моделям управления современным предприятием. Исходя из этого, целесообразно полагать, что эффективная модель управления предприятием должна быть построена на взаимоувязке принципов эффективности (определяемых в процессе разработки стратегии) и экологичности производства (определяемых на стадии реализации стратегии). Содержание принципов разработки стратегии устойчивого развития предприятия представлено в таблице 1.

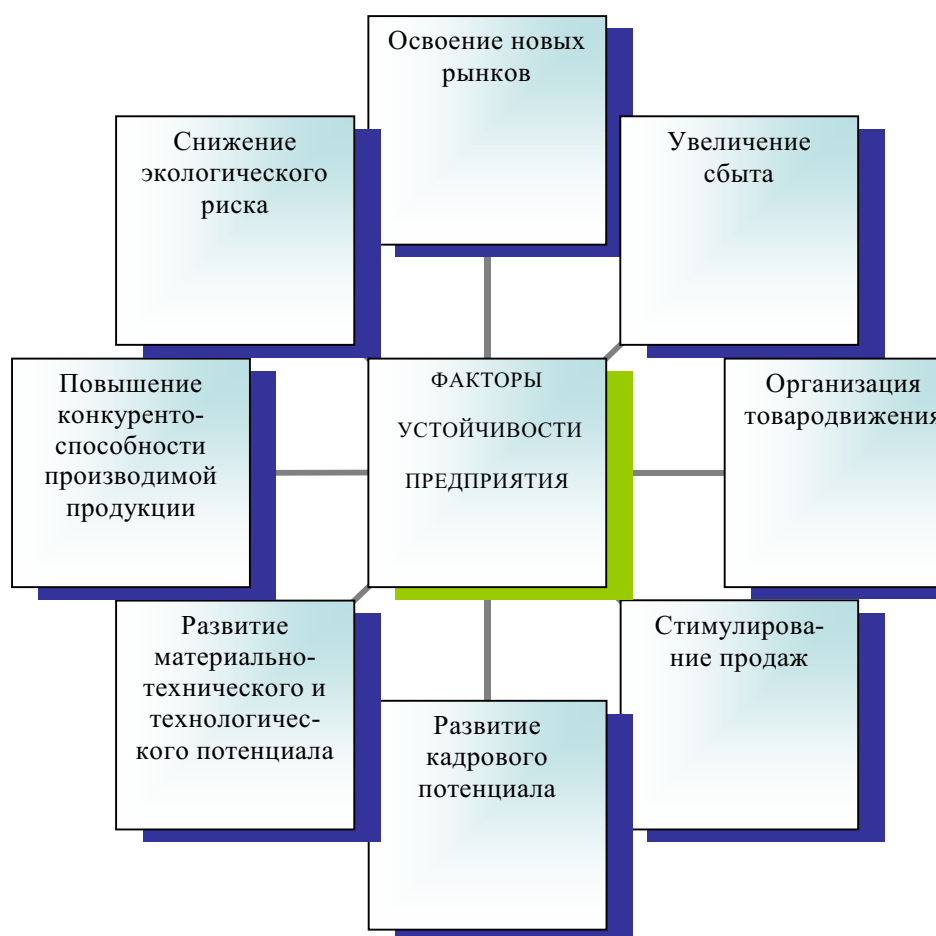

Рисунок 1 – Факторы устойчивого развития современного предприятия

Таблица 1 – Принципы разработки стратегии устойчивого развития промышленного предприятия

Принципы разработки стратегии	Принципы реализации стратегии
– научность – предполагает использование новейших методов и средств управления; – экономичность – предполагает обеспечение высокой прибыльности функционирования предприятия при минимальных затратах средств; – системность – предполагает анализ влияния как внешних, так и внутренних факторов во взаимосвязи и взаимообусловленности; – оперативность – предполагает наличие адекватной и быстрой реакции на изменение ситуации как во внешней, так и внутренней среде; – здравый смысл – предполагает то, что все цели должны быть реальными и достижимыми; – комплексность – предполагает учет в управленческой деятельности всех факторов; – демократичность – предполагает участие в управлении всех сотрудников на основе партнерства; – иерархичность уровней управления – предполагает многоступенчатость структуры управления, при которой каждый нижестоящий уровень контролируется органом более высокого уровня и подчиняется ему.	– локальность – предполагает использование локальных материальных и энергетических отходов в качестве вторичных ресурсов и сотрудничество между участниками локального рынка вторичных ресурсов; – каскадирования и циклирования – предполагает использование вторичного сырья, полученного от других участников эколого-экономической системы; – разнообразие – предполагает установление кооперативных связей между предприятиями, «производящими отходы», и предприятиями, занимающимися переработкой и утилизацией отходов, конечными потребителями и муниципальными образованияами, как наиболее заинтересованными в сохранении качества окружающей среды; – постепенность изменений – предполагает поэтапное внедрение изменений в производственную сферу, соответствующую темпам эволюции природной экосистемы; – территориальность – предполагает обеспечение «привязки» проектов экологизации к определенным территориям (регионам), а не отраслям народного хозяйства.

Промышленность играет важную роль в региональной экономике, именно в ней сосредоточен наибольший потенциал обеспечения жизнедеятельности региона. Возрастание неопределенности и динамичности внешней среды повышает требования к системам развития промышленных предприятий. Устойчивость развития данной отрасли во многом будет определяться качеством управления развитием, в том числе инвестиционной привлекательностью и инновационной активностью промышленных предприятий. Способ-

ность органов местного самоуправления сформировать благоприятные условия для привлечения необходимого объема инвестиций в промышленность региона проявляется в эффективности управления инвестиционной деятельностью. Особенности функционирования хозяйствующего субъекта в экономике России предопределяет ряд факторов (согласно данным Росстата), оказывающих влияние на инвестиционную деятельность промышленных предприятий в национальной экономике (таблица 2).

Таблица 2 – Оценка факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность в Российской Федерации в 2008 году (в % к общему числу организаций)

	Российская Федерация	Центральный федеральный округ	Северо-Западный федеральный округ	Южный федеральный округ	Приволжский федеральный округ	Уральский федеральный округ	Сибирский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
Недостаток собственных финансовых средств	63	65	61	63	69	69	66	78
Высокий процент коммерческого кредита	26	35	34	29	35	27	28	39
Сложный механизм получения кредитов для реализации инвестиционных проектов	15	18		20	17	18	15	15
Инвестиционные риски	27	17	24	14	24	22	19	17
Неопределенность экономической ситуации в стране	33	32	27	19	25	27	31	23
Несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей инвестиционные процессы	10	12	16	9	10	11	11	8

Согласно данным таблицы 2, уже общепринятым, традиционно доминирующим фактором для субъектов хозяйствования в России является недостаток собственных средств – 63% в целом по РФ, второе место – неопределенность экономической ситуации – 33%, и, как следствие, третье место – инвестиционные риски – 27%. Такая же тенденция характерна для всех регионов Российской Федерации.

По оценкам хозяйствующих субъектов, объективный рост значений факторов является результатом общего снижения спроса на промышленную продукцию, что является следствием мирового финансово-экономического кризиса. Кроме того, общей для многих регионов страны в последние десятилетия стала проблема отходов. На территории России в отвалах сегодня находится

около 80 млрд. т отходов, из которых 1,2 млрд. т – токсичные. Эффективное решение экологических проблем регионов может быть достигнуто лишь при профессиональном подходе, использовании преимуществ масштабной специализации [3, с. 72].

Разработка и обеспечение устойчивости развития промышленных предприятий в долгосрочном аспекте в условиях, с одной стороны, глобализации мирохозяйственных связей, с другой стороны, объективной дестабилизации развития мировых экономик, в частности и экономики России, обусловлены следующими причинами.

Во-первых, проблема обеспечения долгосрочного и при этом эффективного функционирования промышленного предприятия – трудно прогнозируемая, при этом опасность нестабильности су-

щество всегда и обусловлена макроэкономическими факторами, регулирование которых зачастую не входит в компетенцию предприятия.

Во-вторых, устойчивость прежде всего регионального развития будет предопределять устойчивость развития отдельной отрасли, а затем и устойчивость отдельно взятого предприятия.

И, наконец, в-третьих, проблема сокращения производственных мощностей, устаревшие технологии и оборудование, неэффективная система управления производственным процессом сдерживают и без того медленные темпы реструктуризации и реформирования промышленности.

Анализ проблемы устойчивости развития промышленного предприятия показал высокую степень разработанности финансово-экономических аспектов стратегического устойчивого развития. Устойчивость – это комплексная категория, она

не может быть отражена только одной из сторон деятельности предприятия.

Реализации механизмов устойчивого развития во многом препятствуют традиционно сложившиеся масштабы и структура промышленного производства, в основном нацеленная на крупный бизнес.

В странах с рыночной экономикой доля малых предприятий в промышленности преобладает над сектором крупного бизнеса. Такая ситуация сложилась там исторически, в ходе развития производственной сферы и структурных преобразований в национальных экономиках. Чтобы более четко обозначить эффективность развития малых предприятий промышленности, проведем сравнительный анализ его объемов (используя показатель – индекс промышленного производства) в России с другими западноевропейскими странами, результаты представим в таблице 3.

Таблица 3 – Сравнительный анализ индексов промышленного производства

Страна	Годы							
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Россия ¹⁾	102,9	106,1	115,5	124,8	131,1	139,4	148,2	151,3
Австрия	103	104	106	114	117	126	132	135
Армения	105	121	139	142	153	152	156	158
Беларусь	106	111	119	137	152	169	184	204
Германия	100,3	99	99,6	103	106	113	120	121
Индия	103	109	116	126	136	151	164	168
Казахстан	114	126	137	151	159	170	179	182
Киргизия	105	94	110	115	101	91	97	112
Канада	96	98	99	102	104	104	104	99
Литва	116	120	139	154	165	177	181	193
Польша	100,4	102	111	125	130	146	159	164
США	96	96	96	100	103	106	107	105
Узбекистан	108	117	124	136	146	161	181	204
Украина	114	122	142	159	164	174	192	186
Франция	101	99,8	99	102	102	103	104	102
Швеция	99	99	100,4	106	109	115	119	115
Япония	94	93	95	100,5	102	106	109	106

¹⁾ Агрегированный индекс производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». С учетом поправки на неформальную деятельность.

Как показывают данные таблицы 3, в странах с достаточно развитым уровнем малого

предпринимательства, но значительно меньшим ресурсным потенциалом (в том числе и объемом

земельных угодий) – Австрии, Германии, Польше и др. – промышленное производство активно наращивает свои темпы и показывает достаточно большой уровень эффективности. В России в настоящее время также отмечается рост малого предпринимательства, особенно в мегаполисах и крупных промышленных регионах. Так, только в период 2000–2001 гг., когда малые предприятия в промышленности по свое-

му удельному весу занимали 15%, доля выпуска их товаров и услуг различного рода составила 30% от общего выпуска всей промышленной продукции [4, с. 12].

Что касается структуры промышленного производства, то она носит сырьевой характер, что, в свою очередь, деградирует экономику России, препятствует развитию необходимых обществу промышленных товаров (таблица 4).

Таблица 4 – Место, занимаемое Россией в мире по производству отдельных видов промышленной продукции в 2008 г.

Виды промышленной и сельскохозяйственной продукции	Место, занимаемое Россией	Виды промышленной и сельскохозяйственной продукции	Место, занимаемое Россией
Естественный газ, нефть	1	Каменный уголь, вывозка древесины, пиломатериалы	6
Бурий уголь, чугун, строительный кирпич	2	Целлюлоза	7
Электроэнергия, готовый прокат черных металлов, сталь, хлопчатобумажные ткани	3	Шерстяные ткани, обувь	8
Железная руда, цемент	5	Легковые автомобили	11

В условиях кризиса проблема конкурентоспособности нередко отходит для предприятий на второй план, поскольку главным становится императив выживания. Предприятия начинают экономить средства, сокращают расходы, прежде всего на инновации, консалтинг, маркетинг и рекламу. Кризис способствует возвращению экономики в новое индустриальное состояние, причем вес нематериальных ценностей снижается, а материальных – вновь растет. Между тем стратегия выживания состоит не в отказе от инвестиций, а, напротив, в освоении и применении в производстве новейших подходов, позволяющих максимально эффективно

использовать возможности прорывных идей и технологий [5, с. 25].

Политика Правительства Российской Федерации, проводимая в рамках реализации концепции устойчивого развития национальной экономики, нацелена, с одной стороны, на императив развития реального сектора производства (в том числе и промышленного), с другой стороны, это развитие строится в сочетании эколого-социо-экономической эффективности. Что касается промышленности, то здесь в соответствии с анализом роста или снижения основных показателей прослеживается явно положительная динамика (таблицы 5, 6).

Таблица 5 – Инновационная активность промышленных предприятий в Российской Федерации в период 2003–2008 гг.

Число промышленных предприятий, осуществлявших технологические инновации					Удельный вес промышленных предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе предприятий, %				
2003	2005	2006	2007	2008	2003	2005	2006	2007	2008
2191	2402	2490	2485	2448	10,3	9,3	9,4	9,4	9,6

Так, анализ данных, представленный в таблице 5, демонстрирует относительно постоянный рост числа промышленных предприятий, осуществлявших технологические инновации: в 2008 г. по сравнению с 2003-м их доля по России вырос-

ла на 257 единиц (2448–2191), тогда как удельный вес предприятий этой отрасли в общем числе всех хозяйствующих субъектов сократился за этот же период на 0,7% (9,6%–10,3%). Указанная тенденция может свидетельствовать о «рас-

ширении» инновационной активности внутри конкретных предприятий, а следовательно, подтверждает их целесообразность и, возможно, эффективность.

Важно сделать акцент на том, что приоритетными направлениями такой активности являлись

(таблица 6): приобретение новых технологий (начиная с 2005 года затраты по этому направлению выросли более чем в три раза), возросли вложения в человеческий капитал (более чем в семь раз за рассматриваемый период), обновление парка оборудования (в два раза).

Таблица 6 – Затраты на технологические инновации промышленных предприятий по видам инновационной деятельности в период с 2005 по 2008 г. (миллионов рублей)

Показатель	Год				Темп роста в 2008 г. по сравнению с 2005 г.	
	2005	2006	2007	2008	млн. руб.	%
1	2	3	4	5	6	7
Затраты на технологические инновации – всего:	125678,2	188492,2	207499,2	276262,3	150584,1	219,8
В том числе: Исследования и разработки	19700,0	35014,7	35917,3	41485,7	21785,7	210,6
Приобретение машин и оборудования	75772,4	102991,8	119367,1	162900,5	87128,1	214,9
Приобретение новых технологий, из них:	1796,9	3364,4	4656,2	6817,5	5020,6	379,4
приобретение прав на патенты, лицензий	1017,9	1198,2	1660,0	2387,0	1369,1	234,5
Приобретение программных средств	2586,2	3885,1	5489,5	4970,3	2384,1	192,2
Производственное проектирование	13409,7	17540,7	14563,5	19921,0	6511,3	148,5
Другие виды подготовки производства	-	9079,7	11187,0	15664,9	-	-
Обучение и подготовка персонала	533,0	850,6	1065,7	4109,2	3575,9	770,9
Маркетинговые исследования	736,5	649,5	716,2	1265,7	529,2	171,8
Прочие затраты	11143,6	15115,7	14536,7	19127,6	7984	171,6

Реальным и, вероятно, единственно верным направлением выхода из сложившегося положения будет являться трансформация производственной функции промышленных предприятий в функцию устойчивого развития общества путем обеспечения следующих условий:

- 1) поддержка промышленных предприятий, выходящих на принципиально новые товарные и географические рынки;
- 2) поддержка инновационных проектов и инициатив;
- 3) кооперация с ведущими российскими и иностранными компаниями;
- 4) развитие конкурентоспособных кластеров;
- 5) стимулирование развития малых предприятий.

Обеспечение комплексного взаимодействия малого и крупного бизнеса в промышленности предполагает, в свою очередь:

- реализацию общих экономических интересов, единых производственных целей крупного и малого бизнеса;
- обеспечение в промышленности, совместными усилиями малого и среднего бизнеса, опережающих темпов инновационного процесса;
- посредством соответствующих корпоративных установок на рациональные, экономичные способы и методы менеджмента стимулировать крупный бизнес к производственной и инновационной интеграции с малыми хозяйствующими субъектами;

– государственное стимулирование крупных предприятий к кооперации и взаимодействию с малым бизнесом для более эффективного использования ресурсных возможностей национальной экономики.

Россия располагает финансовыми ресурсами для обеспечения долговременного и устойчивого экономического роста и развития. Для обеспече-

ния устойчивого развития проводимая в России финансовая политика должна опираться не только на федеральный и региональный бюджеты, но и включать систему инструментов, стимулирующих корпорации и домашние хозяйства к эффективно-му использованию этих ресурсов в порядке финансирования федеральных целевых и инвестиционных программ.

Библиографический список

1. Лясников Н. Управление стратегической устойчивостью предприятия // Человек и труд. – № 2. – 2008. – С. 49–50.
2. Антикризисное управление: Теория, практика, инфраструктура. – М., 2002. – С. 49.
3. Шашкова О.Г. Развитие региона и его экологическая инфраструктура // Региональная экономика: теория и практика. – № 1. – 2008. – С. 72–78.
4. Шиганов В.В. Совершенствование взаимодействия малых и крупных предприятий в промышленности // Региональная экономика: теория и практика. – № 24. – 2008. – С.12–15.
5. Карачаровский В. Управление инновациями в промышленном производстве // Экономист. – № 10. – 2009. – С. 25–34.

S.M. EFREMOVA

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF A CONCEPTUAL APPROACH SUSTAINABILITY LONG-TERM DEVELOPMENT OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE WITH INTEGRATION OF ENVIRONMENTAL CONSIDERATIONS

Developing optimal long-term strategy of development of industrial enterprises in the light of environmental restrictions is now becoming a priority the implementation of economic policies in developed countries. The article deals with the problems and principles of the strategy of industrial development from the perspective of the factors limiting the investment activities in the Russian Federation.

Key words: *economic sustainability, environmental factors, long-term strategy, principles, strategies, industry*

*Н.В. МИРОНЕНКО, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Менеджмент и управление народным хозяйством» ГОУ ВПО «ОРАГС»*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НОВЫЙ ТИП ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АКТОРОВ РЫНКА ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА В СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассмотрены и охарактеризованы виды информационного посредничества в сети Интернет, изучены трансформационные процессы хозяйствующих субъектов в направлении их дематериализации в сетевой экономике, что обеспечивает устойчивое конкурентное преимущество акторам.

Ключевые слова: сетевая экономика, информационное посредничество в сети Интернет; нейминг; бизнес в Интернет.

Информатизация финансовых рынков и предприятий связана с развитием информационной рабочей силы. Во-первых, отношения сотрудников с компанией построены по сетевому принципу. Это сопровождается возрастанием доли работы, выполняемой в рамках участия в определенных проектах в форме самозанятости, временной работы (консультативной или частичной) и работы с неполной занятостью. Во-вторых, большинство рабочих мест требует некоторых навыков и квалификации в информационных технологиях. И, в-третьих, внутри рабочей силы создатели информации (символов) все более становятся теми, от кого зависит экономический рост.

В современных условиях в связи с развитием глобальных информационных и коммуникационных технологий формируется новая экономическая среда — «сетевая экономика».

В последние десятилетия ответом организаций во всем мире на усиление конкуренции в глобальном масштабе стал отход от централизованной, координируемой, многоуровневой иерархии и движение к разнообразным, более гибким структурам, напоминающим скорее сети, чем традиционные управленческие пирамиды. Перенесение рыночных отношений во внутреннюю сферу компаний («внутренние рынки») вызвало к жизни новый тип структур — сетевые организации, в которых последовательность команд иерархической структуры заменяется цепочкой заказов на поставку продукции и развитием взаимоотношений с другими фирмами. Сети представляют собой совокупность фирм или специализированных единиц, деятельность которых координируется рыночными механизмами вместо командных методов. Они рассматриваются как форма, отвечающая современным требованиям внешней среды.

Ряд экономистов активно используют термин «сетевая экономика» (network economy) [3]. Приведем определение, которое дается в Европейской Комиссии по развитию электронной области. Это «среда, в которой любая компания или индивид, находящиеся в любой точке экономической системы, могут контактировать легко и с минимальными затратами с любой другой компанией или индивидом по поводу совместной работы, для торговли, для обмена идеями и ноу-хау или просто для удовольствия» [4, с. 73]. Многие экономисты считают, что возникновение сетевой экономики обусловлено главным образом развитием Интернета и информационных технологий [1, 2].

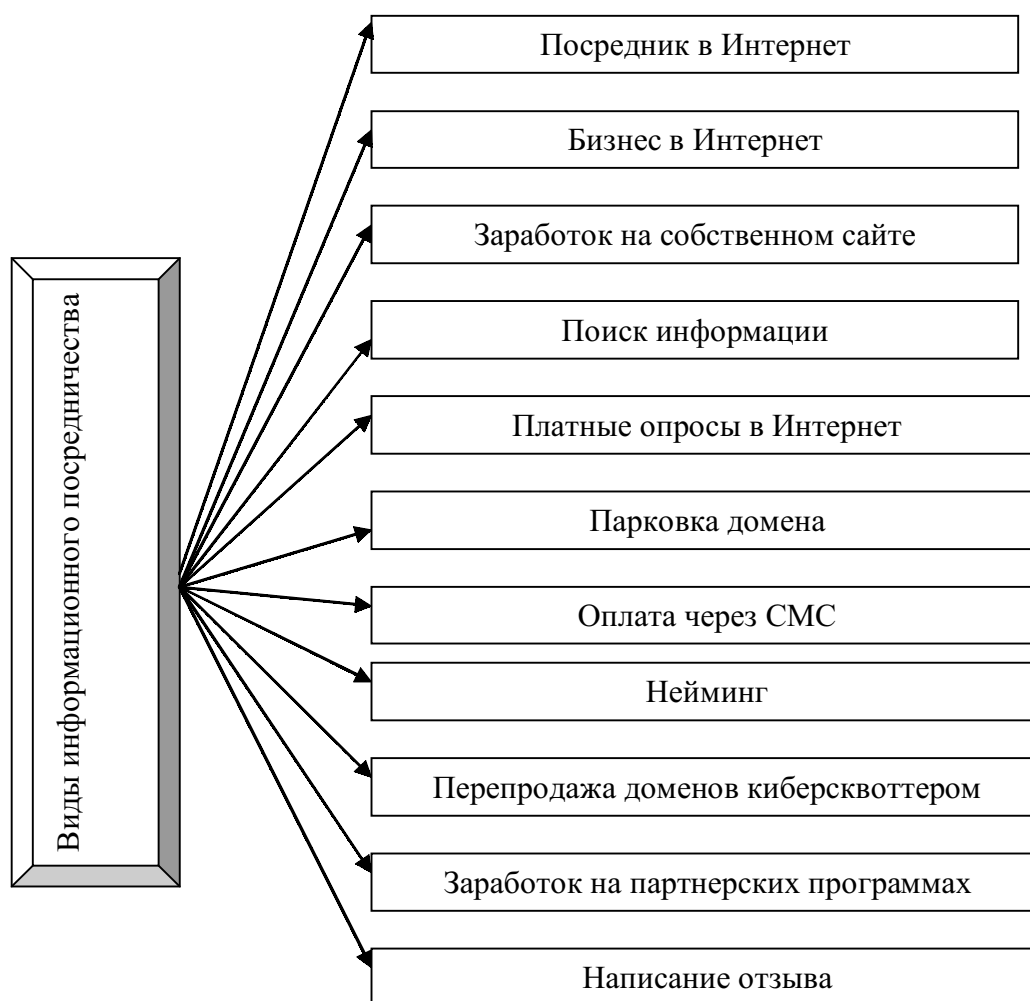

Рисунок 1 – Виды информационного посредничества

Посредничество – один из способов заработка в Интернет, предназначенный для активных и коммуникабельных людей, выступающих в качестве посредника в Интернет при совершении какой-либо сделки, покупки товара или услуги.

Прибыль посредника в Интернет – это разница между стоимостью покупки и стоимостью продажи. Размер комиссии устанавливается самостоятельно. В среднем рекомендуют 5–30% от суммы сделки, в зависимости от объема предстоящей работы.

Бизнес в Интернете, как и заработок на собственном сайте, достаточно разнообразен, но наиболее распространены три основных вида информационного посредничества:

- предоставление услуг (например, написание исследовательских работ);
- продажа товара (например, DVD дисков с фильмами и музыкой);

– размещение рекламы на сайте.

По мнению большинства экспертов, большую часть прибыли от сайта приносит реклама, наиболее распространены контекстная, скрипт Интернет-магазина, продажа статей, продажа ссылок, написание статей на заказ.

Контекстная реклама – на сайте размещается код одной из систем контекстной рекламы Рунета, Yandex, Direct, Google, AdSense или Rambler Begun. После этого на сайте будут транслироваться объявления, близкие по тематике с информационным ресурсом. За переход каждого посетителя по объявлению на другой сайт часть прибыли от рекламы этого ресурса получает его владелец. Основную часть, большую, получает поисковая система.

Интернет-магазин, через сервис sotmarket устанавливается на сайте скрипт Интернет-магазина. Привлекая посетителей в Интернет-магазин и

продавая различные товары, формируют часть прибыли магазина от продажи. Плюсы этого способа заработка установкой Интернет-магазина на сайте: подробная статистика каждого заказа и удобный магазин-трансформер, который можно встроить в любой шаблон сайта.

Продажа статей – основана на регистрации на бирже статей *l1ex*. Сайт добавляется в систему, в настройках указывается цена, название адреса страниц, на которых планируется продать статьи. После подтверждения заявки рекламная статья со ссылкой на сайт рекламодателя появляется на ресурсе. Данный способ увеличивает посещаемость за счет поисковых систем, которые индексируют текст статей и поднимают позиции сайта в выдаче по различным запросам пользователей.

Продажа ссылок – необходимо скопировать код системы, где будут размещаться ссылки, и назначить стоимость продажи ссылок. Ссылки рекламодателей будут появляться на сайте автоматически. Так же автоматически начисляются деньги за ссылки, система не позволяет рекламодателям вставлять в коды ссылок лишние скрипты и теги.

Партнерская программа – предоставляет возможность заработать не только на продаже ссылок, но и на привлечении в систему других веб-мастеров или рекламодателей. Как правило, выплачивается 3–5, 5% от всех заработанных (или потраченных) привлеченными участниками средств.

Так же популярно написание статей на заказ с их последующим размещением у себя на ресурсе. Данный способ по смыслу примерно похож на заработок продажей статей, за исключением того, что статьи пишутся самостоятельно.

Наиболее распространенный способ среди пользователей сети Интернет менее трех–пяти лет просмотр оплаченных сайтов, оплаченных электронных писем и организация высокой посещаемости для определенных Интернет-ресурсов. Оплата производится с помощью различных систем электронных платежей, на основе безлимитного Интернета. Данный вид бизнеса высокорискован, так как не всегда производится оплата.

Достаточно популярен такой вид бизнеса в Интернет, как предоставление текстовых услуг, которое охватывает написание информационных, рекламных, продвигающих текстов для сайтов, описаний товаров в Интернет-магазинах, заполнение новых ресурсов статьями, форумов–постами.

Появилось и такое направление бизнеса в информационном посредничестве, как фрилансеры. Это люди, работающие с текстом, они хорошо владеют словом, прекрасно знают правила грамматики, орфографии и стилистики, обладают большим словарным запасом. Они пишут стихотворения к праздникам, тексты песен и так далее. Однако не стоит путать фрилансера с копирайтером. Копирайт – это написание авторских статей, информационных или рекламных, как правило, содержащих указанные заказчиком ключевые слова и словосочетания. Также распространен рерайтинг, который можно охарактеризовать как переписывание чужих текстов.

Многим крупным организациям по всему миру, занимающимся производством каких-либо товаров или оказывающим различного рода услуги, интересно мнение людей об их продукции. Прежде чем запустить в производство ту или иную продукцию, компании пытаются узнать мнение населения и проводят опросы в Интернет. Для этого они обращаются в сервисы, проводящие подобного рода платные Интернет-опросы, и заказывают анкетирование на различные темы: культура, автомобили, Интернет, компьютеры, фирмы и т. д. Все зависит от специфики компании, которая заказала Интернет-опрос. По результатам платного опроса компания принимает решения по поводу производства и продвижения продукции на том или ином рынке. Большинство наиболее серьезных и известных сервисов по работе с опросами производят оплату не сразу и почтовым переводом.

Парковка домена (паркинг домена) – возможность использования домена без сайта, заключающегося в перенаправлении пользователя с домена на рабочий сайт. Паркинг доменов в России – совсем молодой вид Интернет-заработка, он стал развиваться с 2007–2008 годов, а в остальном мире он получил развитие несколькими годами раньше. Основная причина развития такого бизнеса кроется в том, что в мире зарегистрированы миллионы доменов, которые не используются, а попросту пылятся в кладовке и ждут окончания своего срока регистрации.

Существует коммерческая парковка (с использованием специальных сервисов, позволяющих зарабатывать на этом) и парковка для повышения посещаемости своих сайтов (такую функцию поддерживают практически все хостинги, эта услуга бесплатна и не оказывает влияния на стоимость

хостинга). Парковка домена входит в десятку самых популярных и перспективных удаленных способов заработка в Интернет, являясь активно развивающимся бизнесом¹.

Паркинг домена отличается от киберсквоттинга тем, что владельцу сайта нет необходимости постоянно искать клиентов для продажи посещаемых доменов. Как минус, напомним о том, что ежегодно владельцу нужно продлевать регистрацию всех паркуемых доменов. Продление регистрации одного домена в зоне RU составляет 450 рублей.

Оплата через СМС различных товаров или услуг как для покупателя, так и для продавца – это достаточно удобный способ оплаты, даже учитывая проценты комиссионных, которые выплачиваются за пользование услугой. Но в связи с этим появилось множество помощников в Интернет. Кроме явного мошенничества в проведении таких сделок есть множество подводных камней, о которых стоит помнить. Например, то, что сегодня оплата через СМС услуг или товаров достаточно завышена.

Нейминг – это процесс сочетания уникальных и ярких слоганов (брендов) названий фирм или организаций, который заканчивается регистрацией товарного знака. Основная задача нейминга – это создание конкурентного и ликвидного названия.

По нашему мнению, рынок информационного посредничества активно развивается, формируя новые сегменты сетевой экономики. В сегментах рынка информационного посредничества формируются новые особые экономические категории, в которых отражаются новые механизмы взаимодействия между субъектами хозяйствования. Обусловлены эти отношения глобальным характером связей, таких как появление новых «сетевых форм организаций», а также коллективное взаимодействие, и формирование на их основе процессов управления и координации сети, осуществляемых не из единого властного центра.

Как видно из перечисленных типов информационного посредничества, в сети Интернет происходит правовая трансформация и развитие новой интеллектуальной формы собственности на информационный продукт.

Также один из важных факторов развития новых форм информационного посредничества – это высокие темпы экономических и социальных изменений. М. Кастельс определяет сетевую экономику как скоростную экономику. Сетевая структура, по мнению М. Кастельса, есть комп-

лекс взаимосвязанных узлов, которые представляют собой центры – социальные, экономические, политические².

На уровне структуры компаний информационные предприятия повышают свою производительность, прибыли и рыночную стоимость, организуя себя (в глобальном масштабе) как сети, применяя информационные технологии и все более сосредоточиваясь на операциях с информацией (символами). Это касается отношений компаний с их наемным персоналом, клиентами и финансовыми рынками. Для наемных работников управление, инновации и производство организованы как глобальные сети, которые можно координировать с помощью компьютерных сетей. Результатом стало предприятие, которое внутренне состоит из относительно автономных подразделений, связанных в единую сеть для выполнения проектов. Внешне предприятия вместе со своими поставщиками связаны в сеть, которая соответствует разнообразным и изменяющимся потребностям проектов. Кроме того, предприятия объединяют силы с другими, равными им по масштабам предприятиями, что позволяет максимизировать усилия. Продуктом во все возрастающей мере является обработка символов: технология обработки символов (информационная технология), сама обработка символов (например, медийные продукты).

Распространение сетевых форм организации кооперационных связей было следствием двух важных процессов: с одной стороны, быстро растущей дифференциации рыночного спроса и соответствующего приспособления производства к индивидуализированным потребностям; а с другой – широкого внедрения в хозяйственную практику информационных и телекоммуникационных систем.

Сегодня все большее количество фирм включается в процесс использования тех преимуществ, которые дают новые технологии, создавая внутрифирменные сети (Интернет).

Использование новых информационных технологий, Интернета в сетевом бизнесе существенно изменило систему оценки бизнеса и его показателей. Ранее ведущими были критерии потенциального роста, величины оборота и доли компании на рынке. В условиях развития сетевой Интернет-экономики ведущими становятся такие показатели, как рост пользователей; отношение рыночной стоимости к числу пользователей; отношение рыночной стоимости к возможной доле на рынке.

Примечания

¹ Что такое парковка домена и как её использовать [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://statiami.com/parkovka-domenov-eto.php>

² Кастельс М. Становление общества сетевых структур. Новая индустриальная волна на Западе, 1997. – С. 2. (С. 469–478 в издании Blackwell Publishers.)

Библиографический список

1. Куперман В. Г. Сетевая экономика. [Электронный ресурс]. Режим доступа. – <http://www.infeconomy.ru/theory/262-2010-05-04-11-06-54.html>
2. Бугорский В.Н. Сетевая экономика. – М., 2008. – 254 с.
3. Смит Б. Европа в век Интернета [Электронный ресурс]. Режим доступа. – http://www.midas.gr/index_en.htm
4. Паринов С.И., Яковлева Т.И. Экономика 21 века на базе Интернет-технологий. [Электронный ресурс]. Режим доступа. – <http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/economy21.htm>
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

N.V. MIRONENKO

INFORMATION TECHNOLOGY AND THE NEW TYPE OF RELATIONSHIP OF ACTORS MARKET INFORMATION CLEARING IN THE NETWORKED ECONOMY

In the article and described types of information mediation Internet, studied the transformation processes of economic entities in the direction of dematerialization in the networked economy, that provides a sustainable competitive advantage actors.

Key words: *network economy, information mediation on the Internet, naming, business on the Internet.*

Г.С. ОРЕХОВ, ассистент кафедры математического
и информационного анализа экономических процессов
Орловского государственного университета
Тел. 8 953 6147084; orehovgs@mail.ru

ВОСПРОИЗВОДСТВО ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

В статье рассматривается процесс воспроизводства информационных ресурсов в менеджменте, подробно описываются стадии воспроизводственного процесса информационных ресурсов и указываются особенности процесса воспроизводства информационных ресурсов на каждой стадии. Исходя из особенностей воспроизводства информационного ресурса, предлагается своя схема воспроизводственного процесса информационных ресурсов в современном менеджменте.

Ключевые слова: информация, информационный ресурс, информационный фонд, воспроизводство, процесс накопления, менеджмент.

В настоящее время среди основных направлений экономической теории особенно выделяется формирование общей теории экономической трансформации. Согласно основным правилам общей теории трансформации настоящее рассматривается в единстве с прошлым и будущим.

Макро- и микроэкономика, экономическая система, технологии, информационные системы, производительность, информационные ресурсы являются объектами экономических трансформаций. Из всех объектов экономической трансформации наиболее адекватным объектом является воспроизводство. В наше время воспроизводство информационных ресурсов является расширенным и интенсивным. В нашем обществе сильно возросла роль компьютера во всех областях и сферах экономики.

Воспроизводство следует понимать как направленность человеческой деятельности на сохранение и развитие сложившихся условий жизни, материальной основы собственного существования, выраженное в единстве взаимопереходящих стадий производства и потребления.

Информационные ресурсы относятся к числу воспроизводимых. В научной литературе существуют различные подходы к понятию воспроизводства информационных ресурсов. Большинство исследователей утверждают, что формирование информационных ресурсов имеет место в общем воспроизводственном процессе. Процесс воспроизводства информационных ресурсов имеет важные особенности по сравнению с другими видами производственных ресурсов.

Менеджмент и воспроизводство информационных ресурсов, а также характеристики информационного ресурса качественно и количественно определяют информационную и всю хозяйственную деятельность: ее эффективность, целостность и устойчивость. Известно, что стадиями воспроизводства обычно служат создание, распределение, обмен и потребление.

Первой стадией воспроизводства информационных ресурсов в менеджменте является процесс создания и накопления. Данная стадия представляет собой процесс познания состояния производственно-хозяйственной деятельности объекта управления. Существует множество подходов в анализе производства и формирования информационных ресурсов, связанных с различными трактовками процесса создания и

накопления. Указанные подходы обладают, на наш взгляд, недостатками, основным из которых является совместное рассмотрение процессов создания и накопления. Сущность данного процесса состоит в создании, хранении и поддержании в акту-

альном состоянии информационного фонда, поэтому необходимо рассматривать данные составляющие отдельно друг от друга.

Рассмотрим процесс накопления и создания подробнее.

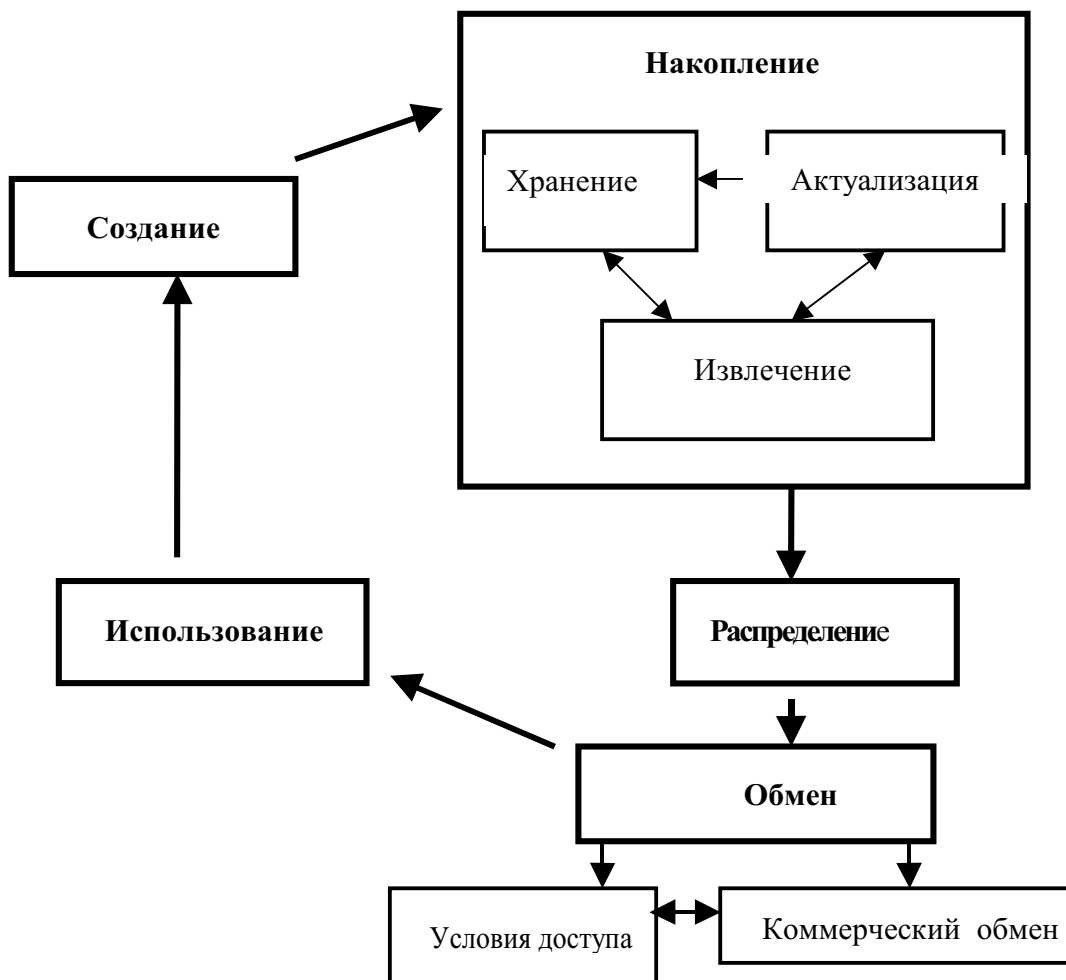

Рисунок 1 – Особенности воспроизводства информационных ресурсов

Данные извлекаются из области хранения по запросу пользователя или какого-либо приложения быстро и в достаточном объеме. Далее эти данные либо преобразовываются по заданным алгоритмам, либо отображаются на экране, либо выдаются на печать, либо передаются по каналам связи. Данные функции накопления данных реализуются по алгоритмам, которые разработаны на основе соответствующих математических моделей.

Одной из важных и основных процедур алгоритма является формирование информационного фонда. Формирование информационного фонда про-

исходит на основе принципов необходимой полноты и минимальной избыточности хранимой информации. Данные принципы реализуются процедурой «выбора хранимых данных». Благодаря этой процедуре данные группируются. После процедуры «выбора хранимых данных» определяется окончательный состав хранимых данных.

Существует три группировки данных: входные, промежуточные и выходные данные. Входные данные – данные, которые получены из первичной информации. Входные данные создают информационный образ предметной области. Они в первую очередь подлежат хранению. Промежуточные

данные – это данные, формирующиеся из других данных, полученных при алгоритмических преобразованиях по ходу решения задач управления. К выходным данным относят результат обработки первичных (входных) данных в соответствии с разработанной моделью обработки. Эти данные входят в состав управляющего информационного потока своего уровня. Они подлежат хранению в определенном промежутке времени [5].

Процедура хранения состоит в том, чтобы создать и поддерживать структуру хранения данных в памяти ЭВМ. Структуры хранения данных должны быть независимы от программ, использующих эти данные. Структура хранения данных должна реализовывать главные принципы: полноту и минимальную избыточность. Эти структуры называются базами данных. Создание данной структуры хранения данных, актуализация, извлечение и удаление данных производятся с помощью программы, называемой системой управления базами данных (СУБД).

Процедура актуализации данных позволяет изменять значения данных, записанных в базе, или дополнять определенный раздел, группу данных. Устаревшие данные могут удаляться именно в рамках этой процедуры.

Процедура извлечения данных пересылает из базы данных (БД) требующиеся данные либо для преобразования, либо для отображения, либо для передачи по сетям и каналам.

Регистрация, сбор и передача информации образуют первый этап производства информационных ресурсов в менеджменте. Следующая стадия – обработка данных наблюдения и их анализ, назначением которых являются обобщение факторов и установление существенных связей между явлениями.

Основными формами процессов, с помощью которых создаются информационные ресурсы, выступают информационная деятельность и информационное производство. Такое разделение имеет практическое значение. Формирование информации в результате информационной деятельности носит естественный характер, тогда как информационное производство, его параметры и эффективность являются объектом регулирования.

Исходя из этого, среди проблем создания и накопления информационных ресурсов в современной российской экономике основного внимания заслуживает проблема информационного производ-

ства, сконцентрированного в наукоёмких, высокотехнологичных отраслях промышленности [4]. При этом следует учитывать, что информационное производство является основой создания именно тех форм информационного ресурса, влияние которых на экономические процессы наиболее значительно.

Информационное производство существенно изменяет характер экономической динамики современного всемирного хозяйства. В современной экономике наряду с промышленными циклами хорошо выражаются волны экономической конъюнктуры. Они носят информационный характер и связаны с новым слоем научно-технической информации.

Современная теория циклов выделяет информационно-коммуникационный цикл. Информационно-коммуникационный цикл основан на создании, накоплении и использовании новых знаний и новых способов переработки информации. Такой цикл связан с обновлением знаний, сменой способов обработки, накопления, сбора, производства, обмена, передачи и использования информационных ресурсов [4].

Распределение информационных ресурсов в менеджменте происходит во всех звеньях экономики, как между различными организациями, так и внутри них. После производства экономического продукта следует его распределение. Распределение экономического продукта может проходить в количественной (натуральной) форме или в денежной форме, с помощью денежных операций с владельцами ресурсов. Если речь идет об информационных ресурсах, то процесс распределения часто бывает многократным. Все информационные ресурсы обычно разделяют на три большие группы: государственные, некоммерческие и коммерческие. В зависимости от своего функционального назначения они распределяются между субъектами экономической деятельности и членами общества.

К государственным ресурсам относят сведения, данные, информацию, имеющие стратегическое или общенациональное значение. Ресурсы, созданные за счет средств налогоплательщиков в процессе деятельности государственных органов власти и управления всех уровней или при выполнении предприятиями всех форм собственности государственных заказов, называются государственными ресурсами.

К ресурсам некоммерческого характера можно отнести информационные ресурсы общедоступного характера. Они не могут быть переданы в частную собственность, т.к. являются общечело-

веческим достоянием. Для ресурсов некоммерческого характера не существует конкретных способов применения, приносящих прибыль. Информационные ресурсы социальной сферы можно отнести к ресурсам этого типа. К социальной сфере относятся следующие отрасли: здравоохранение, образование, занятость и социальное обеспечение, пенсионное обеспечение, миграционная служба, физическая культура и туризм.

Применение коммерческих методов распределения могло бы тормозить технический прогресс, усложнить процессы накопления и передачи знаний. К настоящему времени наиболее развитыми системами государственных информационных ресурсов обладают отрасли здравоохранения и образования [3].

Информационный ресурс приобретает форму товара на этапе распределения. Пройдя стадию распределения, товар подвергается обмену. Фаза обмена является промежуточным звеном, которое связывает производство и потребление. Этап обмена информационных ресурсов осуществляется субъектами информационной деятельности на рынке информационных ресурсов.

В научной литературе все чаще обсуждается вопрос формирования и развития рынка информационных ресурсов. Информационный рынок – это система отношений (экономических, правовых, организационных) по торговле информационными технологиями, ресурсами и услугами. Данный рынок имеет свои особенности: способы организации, воздействие на производство и использование информационных ресурсов с участием государства. Он характеризуется субъектами рынка: производители, посредники и пользователи.

Информационные ресурсы общезначимого характера передаются с помощью средств некоммерческого обмена. К ним относятся такие ресурсы, как научно-технические знания, данные рекламно-технического характера, публикации и материалы общедоступного характера. Часто применение коммерческих методов обмена тормозит технический прогресс и образование в обществе, в частности в областях некоммерческого обмена [2].

Коммерческий обмен информационными товарами и информационными ресурсами осуществляется на рынке информационных ресурсов. На основе затрат на воспроизводство объектов обмена складываются пропорции обмена. В коммерческом обмене главную роль играет полезность информации.

При рассмотрении стадии «потребление» применительно к информационным ресурсам имеет смысл характеризовать ее как стадию «использование». При использовании информационных ресурсов их эффективность возрастает. Совокупность средств, методов и условий, позволяющих использовать информационные ресурсы, составляет информационный потенциал общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что способности и потребности общества постоянно изменяются и превращаются в комплекс с информационной экономикой, функционирующий в форме человеческих информационных ресурсов.

Человеческие информационные ресурсы – это основной и главный фактор, обеспечивающий высокое качество и быстрое развитие социального и экономического прогресса. Носителями информационных ресурсов становится сам человек, что и позволяет сделать вывод о развитии информационного общества.

Информационные ресурсы как экономическая категория выражают отношения по поводу использования знаний, информационно-коммуникационных технологий и интеллектуального капитала в производстве, распределении, обмене и потреблении.

В современной экономике постоянно происходит развитие информационных ресурсов, связанных с развитием науки, появлением новых теорий и открытий. Информационные ресурсы позволяют создавать основу для инноваций.

Выделение информационных ресурсов в современной экономике является одним из факторов информационного типа экономического роста.

Воспроизводство информационных ресурсов в менеджменте, а также его характеристики качественно и количественно определяют всю хозяйственную деятельность: ее эффективность, целостность, устойчивость, сопряженность многообразных и разнонаправленных процессов с целью последующего потребления. Воспроизводство информационных ресурсов в менеджменте является расширенным и интенсивным.

Формирование информационных ресурсов происходит на каждом из этапов воспроизводства (производство, распределение, обмен и потребление). В последнее время информация выделяется повсеместно, во всех областях экономики, и становится наиболее перспективным направлением в области науки.

Библиографический список

1. Исаев Г.Н. Информационная система в экономике: – М. ОМЕГА-Л., 2006. – 462 с.
2. Кокурин Д.И. Инновационная деятельность [Текст] / Д.И. Кокурин. – М.: Экзамен, 2001. – 576 с.
3. Плахотной Д.Г. Социально-экономическая природа информационного продукта и ресурса. – М.: изд-во МГУ, 1992. – 96 с.
4. Овсяникова И.В. Воспроизводство информационных ресурсов в современной экономике России / Под науч. ред. О.В. Пилипенко. – Орел: Изд-во ОрелГТУ, 2008. – 184 с.
5. Соболев Б.В. [и др.] Информатика: Учебник. Изд. 3-е, дополн. и перераб. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – С. 15.

G.S. OREKHOV

REPRODUCTION OF INFORMATION RESOURCES IN MODERN MANAGEMENT

In article process of reproduction of information resources in management is considered, stages of process of reproduction of information resources are in detail described and features of process of reproduction of information resources at each stage are specified. Proceeding from features of reproduction of an information resource, the scheme of process of reproduction of information resources in modern management is offered.

Key words: *the information, an information resource, information fund, reproduction, accumulation process, management.* **Keywords:** *the information, an information resource, information fund, reproduction, accumulation process, management.*

Е.А. СОТНИКОВА, кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга Орловского государственного
института экономики и торговли
Тел. 8 903 8811547; sotnikovaE76@mail.ru

Т.Н. МАКАРОВА, кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга Орловского государственного
института экономики и торговли
Тел. 89038818663; tanya.mak2010@yandex.ru

О.А. ЛЕБЕДЕВА, кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга Орловского государственного
института экономики и торговли
Тел. 89038816963

ИНТЕРНЕТ КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ПРЕДПРИЯТИЯ

Использование Интернет-технологий создает несомненное конкурентное преимущество для предприятий, что связано с появлением дополнительных возможностей для рекламной, торговой, распределительной и исследовательской деятельности торговых предприятий, и является актуальным вопросом в условиях современной острой конкуренции.

Ключевые слова: ИТ-технологии, баннерная реклама, Интернет, таргетинг, контекстная реклама, цивилизованный e-mail маркетинг, партнерские программы.

С ростом экономических показателей и интенсивным внедрением основных принципов и механизмов развитой рыночной экономики на современном российском рынке происходит все большее усиление конкуренции. В связи с этим для предприятий и организаций со все большей остротой встает вопрос выживания. Такая ситуация заставляет фирмы вести борьбу за потребителя, искать новые, более эффективные формы коммуникаций для продвижения и позиционирования своей продукции.

С развитием ИТ-технологий одной из форм коммуникации стал Интернет. Еще совсем недавно Интернет и электронная почта были новыми и необычайными технологиями, доступными только узкому слою технических специалистов. Рекламодатели относились к Интернету как к средству распространения рекламы более чем прохладно. Это было связано с рядом возникающих по этому поводу вопросов, таких как: какова аудитория, пользующаяся Интернетом? каков охват, получаемый от использования этой технологии? какова эффективность Интернет-проектов? Рекламодателей также беспокоил вопрос затраты времени на ведение переговоров и подготовку материалов.

На сегодняшний день электронные средства стали привычными маркетинговыми инструментами не только для крупных и средних компаний, но и компаний малого и частного бизнеса. Это связано с рядом факторов:

1) С преимуществами, которыми обладает данный канал связи в рамках взаимоотношений между компанией и клиентами. Здесь можно выделить ряд преимуществ для потребителей:

- потребители могут заказывать товары в течение 24 часов в сутки независимо от своего географического положения;
- потребители получают полную и свежую информацию о товаре от самого производителя и имеют возможность сравнить конкретный товар с товарами конкурентов;
- потребители получают возможность получения поддержки по приобретаемой продукции, а также по обслуживанию уже поставленной продукции.

Преимущества для фирм и компаний заключаются в следующем:

- в сокращении времени информирования потребителей о новой продукции;
- в снижении издержек на создание филиалов и представительств;
- в возможности предоставления информации о товарах на различных языках и в разных единицах измерения;
- в возможности получения заказов и выставления счетов по совершенным сделкам в электронной форме, в проведении онлайн-платежей;
- в снижении финансовых и временных издержек на проведение пробного маркетинга в отношении прототипа продукции;
- в получении возможности более глубокого изучения индивидуальных потребностей каждого клиента, что, в свою очередь, позволяет лучше удовлетворять их потребности и тем самым создавать долговременные и взаимовыгодные отношения с ними;
- в возможности работы на международных рынках при минимальных затратах за счет глобальности Интернета.

2) С темпом расширения аудитории Интернета. Число пользователей Интернета увеличивается с каждым годом, и увеличение идет в геометрической прогрессии. Например, по данным фонда «Общественное мнение», в сентябре 2005 года число пользователей Интернета только в России составило 20,9 млн., или 19% от всего населения страны [8, с. 71].

Интернет способствовал появлению новых способов работы с целевыми аудиториями. Маркетологи, специалисты в области рекламы и PR в настоящее время работают с различными видами электронных средств как в сочетании с другими

каналами рекламной коммуникации, так и отдельно от них.

Одним из основных преимуществ Интернет-рекламы является ее прозрачность – можно четко отследить, сколько раз был показан рекламоноситель, у скольких человек он вызвал интерес. Благодаря этому можно легко подсчитать, какой был средний CTR (отношение числа кликов к числу показов рекламы), и оценить эффективность рекламной кампании. Это дает несомненное конкурентное преимущество для любого предприятия за счет повышения осведомленности об интересах и запросах потребителей.

Но здесь необходимо иметь в виду важное обстоятельство: товары и услуги нельзя рекламировать в Сети так же, как и по телевидению, то есть прямо и настойчиво. Предложение своих продуктов в подобной форме и явное продвижение самого себя не поощряются. Нарушение этих неписаных правил немедленно приводит к реакции со стороны пользователей – нарушителю посылают тысячи осуждающих сообщений по электронной почте. Огромный объем информации способен вывести из строя сеть пользователя, которая окажется не в состоянии справиться с обработкой такого количества сообщений. Это отобьет у нарушителя всякое желание иметь дело с Интернетом. Пользователи способны также объявить бойкот товарам и услугам компании и вообще перестать связываться с ней по Сети.

В настоящее время существуют следующие способы продвижения в сети Интернет, которые эффективно используются при проведении маркетинговых и рекламных кампаний различными предприятиями:

1. Баннерная реклама – размещение рекламоносителей (баннеров) на Интернет-порталах – наиболее распространенный вид Интернет-рекламы. Но в последнее время ее эффективность имеет тенденцию к снижению. Это связано с увеличением количества Интернет-порталов, с перенасыщенностью рекламой многих популярных ресурсов, с появлением заметного количества рекламных кампаний, выполненных непрофессионально.

Для повышения эффективности баннерной рекламы используется таргетинг – механизм, позволяющий выделить из всей имеющейся аудитории только ту ее часть, которая удовлетворяет заданным параметрам и критериям, и показать рекламу именно ей. Наиболее часто применяется гео-

графический, временной и тематический таргетинг. Географический таргетинг позволяет показывать рекламу только пользователям из определенного географического региона. Временной таргетинг позволяет показывать рекламное объявление только в указанные часы и дни недели. Посредством тематического таргетинга осуществляется показ рекламы на площадках, имеющих специфическую тематику (например, страхование, финансы и др.). Тематический таргетинг обеспечивает качественное покрытие аудитории, заинтересованной в определенной теме. Разновидностью такого таргетинга является контекстная реклама.

2. Контекстная реклама в настоящее время является активно развивающимся сегментом Интернет-рекламы и эффективным средством привлечения целевой аудитории. Эта реклама представляет собой объявление, показываемое в моменты, когда пользователь задает в строке запроса поисковой системы интересующие рекламодателя ключевые слова. В отличие от традиционного размещения баннерной рекламы контекстные показы предъявляются лишь тем пользователям, кто явно выразил заинтересованность в предложении рекламодателя, т. е. достигается очень точное фокусирование по интересам. Но также есть и определенные трудности, связанные с использованием данного вида Интернет-рекламы: количество поисковых машин ограничено, а компаний, использующих данный вид рекламы, становится все больше, соответственно растет конкуренция среди них. Из-за этого стоимость показа такой рекламы увеличивается, а эффективность снижается [3, с. 68].

3. Цивилизованный e-mail маркетинг представляет собой использование технологий электронной почты для продвижения товаров и услуг. На сегодняшний день в России e-mail маркетинг является одним из самых молодых видов Интернет-продвижения, но уже сейчас технология e-mail маркетинга выступает в роли более эффективного средства продвижения, чем традиционное размещение баннеров на веб-ресурсах. Эффективность этой технологии объясняется более точной фокусировкой рекламной информации на целевую аудиторию. Уникальность e-mail маркетинга по сравнению с другими способами продвижения достигается посредством предварительного анкетирования пользователей, согласившихся получать e-mail рекламу.

В России крупнейшим сервером цивилизованного e-mail маркетинга является информационный канал Subscribe.Ru, который предлагает ряд возможностей и распространяет свыше 20 тысяч периодических электронных рассылок, на которые подписано более 3,5 миллиона читателей [3, с. 70]. Представленные издания охватывают все сферы жизни человека: экономику, политику, законодательство, новости, аналитику, работу, науку, технологию и др. С помощью данной технологии можно охватить широкие массы Интернет-пользователей и проводить крупномасштабные брендовые кампании. Тираж таких кампаний может достигать нескольких миллионов писем, в которых размещается рекламная информация компании.

Также в рамках данной технологии существует сервис, ориентированный на продвижение маркетинговых акций – лотерей, конкурсов, розыгрышей, скидок, предоставления всевозможных подарков. Такой подход актуален в настоящее время, потому как такие мероприятия являются одним из самых популярных методов привлечения покупателей, стимулирования и повышения продаж. Новым инструментом продвижения маркетинговых акций компаний, работающих на основе e-mail маркетинга, является сервис Subscribe Promo, который обладает рядом возможностей, позволяющих повышать эффективность рекламного воздействия:

- фокусировать акцию на определенную аудиторию по различным признакам – месту проживания, социально-демографическим характеристикам и т.д.;

- по результатам рассылки рекламных предложений можно получить подробную статистику, например, сколько писем было прочитано, сколько клиентов было получено, то есть оценить общую эффективность кампании, интерес потребителей к акции. Полученная информация может использоваться для корректировки рекламной акции в соответствии с интересами потребителей, для общей маркетинговой стратегии и тактики компании;

- Subscribe Promo позволяет размещать рекламные сообщения оперативно, материалы могут быть подготовлены в течение короткого промежутка времени и сразу же запущены в распространение.

Интересным примером применения технологии e-mail маркетинга является использование рекламодателями детского Интернет-брендинга. Это

связано с тем, что молодое поколение оказывает сегодня влияние на выбор около 80% детских товаров, которые приобретают их родители, и не только. Современные дети и подростки – настоящий двигатель торговли, и этот факт уже давно не вызывает сомнений у маркетологов. Пока наибольшие достижения в этой сфере демонстрируют производители продуктов питания. Будущее – за брендами одежды, обуви, потребительской электроники, программного обеспечения и игр.

Почти две трети детских сайтов используют «вирусный маркетинг», в котором детей призывают послать электронное сообщение с информацией о продукте своим друзьям или пригласить их посетить сайт компании, взамен предоставляется возможность получить специальный код, открывающий доступ к дополнительным возможностям сайта. На таких сайтах также можно увидеть телевизионную рекламу [4, с. 56].

Используя современные маркетинговые инструменты, такие как e-mail маркетинг и специальные серверы, основанные на технологиях e-mail маркетинга, можно при минимальных временных, финансовых и трудовых затратах эффективно разрабатывать и рекламировать специальные маркетинговые акции компаний, нацеливать их на широкую аудиторию. В случае цивилизованного e-mail маркетинга эта возможность отвечает не только интересам рекламодателей, но и потребителей, которые получают нужную, актуальную и интересующую их информацию, не затрачивая на ее поиск лишнее время и средства.

4. Пресс-релизы компании. Публикация собственного пресс-релиза является быстрым способом привлечения десятков тысяч целевых посетителей на сайт компании. Пресс-релизы с содержанием информации о компании, ее товарах и услугах, методах управления и новых технологиях могут рассылаться не только в электронные средства массовой информации, такие как новостные сайты, газеты, журналы, но и могут быть опубликованы на специализированных порталах, связанных с тематикой определенного бизнеса. Этот аспект имеет важное значение, т.к. их посещаемость составляет от 9% до 44% пользователей, в зависимости от тематики [8, с. 74].

Многие компании до сих пор полностью недооценивают такой способ продвижения, забывая о том, что заинтересованный потребитель, прежде чем совершить какую-либо покупку товара, сна-

чала собирает дополнительную информацию о нем из различных источников, из пресс-релизов в том числе.

5. Партнерские программы. Под партнерской программой понимается форма делового сотрудничества между продавцом и партнерами, при котором последние привлекают пользователей на сайт продавца и получают бонусы в виде процента или фиксированной суммы за какое-то оговоренное действие (посещение определенных страниц, заполнение формы, покупку товара). Продавцу такой маркетинг дает возможность самостоятельно назначать комиссионные вознаграждения партнерам в отличие от размещения баннерной или текстовой рекламы, где стоимость рекламы определяется владельцем рекламной площадки. В свою очередь для партнеров предоставляется возможность получить дополнительный доход с помощью собственного сайта. Таким образом, взаимная заинтересованность делает партнерские отношения долгосрочными и привлекательными. Подтверждением того является оценка фирмы Forester Research, показавшая, что 20% от всего оборота электронной коммерции производится партнерами [8, с. 74].

На сегодняшний день выделяют пять основных видов партнерских программ:

- программы с оплатой за клик – тип программ, по которым партнер получает комиссионные за каждый клик посетителя по партнерской ссылке или баннеру;
- программы с оплатой за показ – тип программ, по которым партнер получает комиссионные за каждый факт показа посетителю рекламы или ссылки продавца;
- программы с оплатой за продажу – тип программ, по которым партнер получает комиссионные за каждый факт продажи продукта или услуги;
- программы с оплатой за действие – тип программ, по которым партнер получает комиссионные за то, что посетитель совершает какое-либо действие (например, регистрация на получение новостей);
- двухуровневые программы – тип программ, в которых предполагается два вида комиссионных, например, оплата за клик и оплата за действие.

6. Поисковая оптимизация сайта. В последнее время интерес к поисковой оптимизации (SEO)

сайта как способу продвижения значительно возрос. Это связано в большой степени с тем, что расположение сайта в первых результатах поиска позволяет получать бесплатный трафик с высоким коэффициентом конверсии. Причем данный трафик может значительно превосходить трафик, созданный другими способами продвижения. Этот факт имеет важное значение, так как доля трафика с поисковых систем по конкретным запросам колеблется от минимальной 7,76% до максимальной 41,90% [8, с. 72].

Под поисковой оптимизацией понимают мероприятия, направленные на оптимизацию сайта с целью достижения высоких позиций в списке результатов поиска по определенным ключевым словам. Важным фактором для определения позиции конкретной ссылки сайта в результатах поиска является ее релевантность, т.е. соответствие содержания веб-страницы определенным ключевым словам, по которым происходит запрос через поисковую систему. Для того чтобы увеличить релевантность страницы, необходимо создать и структурировать ядро запросов, тем самым выделить запросы, наиболее часто употребляемые целевой аудиторией, из общего числа запросов, осуществляемых посредством поисковых машин. Таковы основные способы и мероприятия, применяемые различными компаниями для продвижения своей продукции и услуг в сети Интернет.

По прогнозам специалистов, темпы роста рекламы в Интернете будут опережать рост в других СМИ еще долгие годы. Одна из главных причин – стремительный рост абонентской базы. За последние несколько лет он составил более 30% в год.

Рост аудитории привлекает к себе внимание со стороны рекламодателей, которые уже активно пользуются другими рекламными каналами и средствами и постоянно рассматривают альтернативные варианты вложения рекламных средств.

Помимо проведения рекламной деятельности многие компании используют Интернет как эффективное средство проведения маркетинговых исследований в силу открытости экономики и достаточности информационных ресурсов. Он позволяет проводить как первичные, так и вторичные маркетинговые исследования. Интернет используется для исследования товарных рынков, изучения фирменной структуры рынка или потребителей, а также для анализа эффективности сайта компании, рекламы различных товаров и услуг. Для этого

компании используют современные Интернет-технологии, такие как опросы, фокус-группы в режиме on-line, глубинные интервью, Интернет-панели, экспертные Интернет-опросы.

Исследования через Интернет открывают возможность вербального контакта с респондентом и дословной фиксации его ответов, а также наглядной демонстрации продуктов, этикеток, логотипов и товарных упаковок. При необходимости в ходе опроса можно даже организовать передачу потокового видео и аудио. Затраты, связанные с этой методикой, минимальны: отправка одного e-mail-сообщения по качественной адресной базе в России стоит от 0,06 доллара [1, с. 23]. Когда недостаточно базы своих клиентов, организации могут прибегать к помощи поставщика, предлагающего доступ к заслуживающим доверия базам данных электронных адресов. Такие поставщики умеют преодолевать любые системы отслеживания спама. Технические возможности современных серверов позволяют отправлять 20 000 сообщений в течение минуты. При этом рассылку можно распределить по времени, чтобы адресаты получали сообщения тогда, когда им это максимально удобно. Наконец, есть возможность моментально в реальном времени подвести промежуточные итоги исследования. Это также дает несомненное конкурентное преимущество для компаний.

Вместе с тем у методики Интернет-исследования множество недостатков. Прежде всего это низкий процент возвращенных анкет – в среднем показатель отклика на электронные опросы составляет от 0,5 до 1% [1, с. 23]. Причем даже для поддержания такого уровня эффективности требуются средства поощрения респондентов. Еще большую сложность представляет проверка репрезентативности полученных результатов в силу того, что не все поставщики электронных баз данных готовы предоставить детализацию социально-демографических параметров участников списка рассылки.

Любой исследователь согласится с тем, что не существует идеальных или совершенно неэффективных аналитических инструментов. У каждого подхода есть свои плюсы и минусы.

Таким образом, на основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что использование Интернета создает несомненное конкурентное преимущество для предприятий, применяемых его технологии в своей хозяйственной деятельности.

Это связано с появлением дополнительных возможностей для рекламной, торговой, распределительной и исследовательской деятельности предприятия, что, несомненно, является важным и актуальным моментом в условиях рыночной экономики и современной острой конкуренции.

Следовательно, чем раньше компания воспользуется услугами Интернета, тем существеннее будет достигнутая ею экономия, которая станет особенно очевидной на фоне издер-

жек конкурентов. Поэтому уже сейчас компаниям необходимо обратить на этот аспект маркетинговой деятельности особое внимание и как можно быстрее освоить эту технологию для своей организации, а в ближайшем будущем взять на вооружение. Ведь как сказал Дж. Уэлч, председатель совета директоров General Electric: «Когда скорость перемен, происходящих вне компании, превышает скорость перемен, проходящих внутри её, конец близок».

Библиографический список

1. Бартон Ш. Под вопросом: плюсы и минусы интернет-анкетирования / Ш. Бартон // Маркетолог. – 2007. – Сентябрь-октябрь. – С. 23.
2. Белый М.Е. Бесплатные Интернет-сервисы как средство повышения конкурентоспособности сетевых СМИ / М.Е. Белый // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 1. – С. 72–74.
3. Ефремова А.О. Технологии e-mail маркетинга как инструмент продвижения / А.О. Ефремова // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 1. – С. 68–71.
4. Линдстром М. Детский Интернет-брендинг: какие маркетинговые трюки подстерегают детей онлайн / М. Линдстром // Маркетолог. – 2006. – Август. – С. 55–57.
5. Скороделов К.В. Страсти по киберпространству / К.В. Скороделов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2007. – № 1. – С. 118–123.
6. Сотникова Е.А., Синельникова В.Н. Программные продукты маркетинга / Е.А. Сотникова, В.Н. Синельникова // Тенденции, закономерности, факторы и условия функционирования предпринимательства: коллективная монография. – Воронеж: Научная книга, 2010. – С. 194–211.
7. Сотникова Е.А., Макарова Т.Н. Интернет-маркетинг как управляющая функция / Е.А. Сотникова, Т.Н. Макарова // Проблемы совершенствования управления в условиях кризиса: материалы международной научно-практической конференции. – Орел: изд.-во ОрелГИЭТ, 2009. – С. 133–142.
8. Яковлев А.В. Способы продвижения в сети Интернет / А.В. Яковлев // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 3. – С. 70–75.

E.A. SOTNIKOVA, T.N. MAKAROVA, O.A. LEBEDEVA

INTERNET AS A COMPETITIVE ADVANTAGE ENTERPRISES

Using Internet technology creates undeniable competitive advantage for businesses, which is associated with the emergence of additional opportunities for advertising, trade, distribution and research activities of the enterprise, and certainly a pressing issue in today's competitive environment.

Key words: IT – Technology, banner advertising, the Internet, targeting, contextual advertising, civilized e-mail marketing, service Subscribe. Promo, Affiliate Programs

ИСТОРИЯ

*А.Н. ГРЕБЕНКИН, аспирант кафедры истории России
исторического факультета
Орловского государственного университета
Тел. 8 919 2036254; angrebyonkin@mail.ru*

ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА В ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Статья посвящена ступеням военного образования в Российской империи. Особое внимание автор уделяет Николаевской академии Генерального штаба – кузнице русского генералитета. Отмечены достоинства и недостатки данного военного учебного заведения, а также отношение офицеров-академиков к alma-mater.

Ключевые слова: военное образование, кадетский корпус, юнкерское училище, Николаевская академия Генерального штаба, Генеральный штаб.

Гвардейские полки и корпус офицеров Генерального штаба – вот синонимы выражения «элита российской армии». Гвардейцы и генштабисты, резко отличавшиеся по своему статусу, материальному положению и перспективам от провинциальных армейцев, как правило, вызывали у тех, кто тянул служебную лямку в гарнизонах захолустных городов, смешанное чувство зависти и ненависти, обостренное сознанием собственной никчемности и заброшенности. Большинство строевых офицеров, чьи интересы ограничивались попойками и игрой в карты, заканчивали свою карьеру в чине капитана, занимая должность командира роты [3, с. 156]. Лишь немногие из «простых» офицеров – как правило, молодые подпоручики, не избавившиеся еще от юношеского идеализма – сознательно стремились войти в число представителей «сливок» вооруженных сил. Как правило, в своих мечтах они видели себя блестящими капитанами и полковниками Генерального штаба, разносящими в пух и прах своих прежних полковых и ротных командиров. Эти «воспоминания о будущем», в отличие от грез о грядущих кутежах в обществе повес-гвардейцев, не были утопией. Ведь если в гвардии могли служить лишь весьма обеспеченные люди, то в генштабисты путь был открыт всем офицерам, отличавшимся стремлением к знаниям и имевшим склонность к научной деятельности [3, с. 157]. Корпус офицеров Генерального штаба не зря считался «самой ценной и подготовленной частью офицерского корпуса русской армии» [5, с. 181], ибо в него попадали, как правило, наиболее высокообразованные, исполнительные, знающие и любящие свое дело офицеры.

Самым главным критерием при причислении к корпусу офицеров Генерального штаба был, разумеется, образовательный ценз. Не окончив полного курса Николаевской академии Генерального штаба, не получив высшего военного образования, попасть в генштабисты было нельзя.

Академия была самой важной, но не единственной ступенью лестницы, ведущей в Генеральный штаб. Чтобы сдать многочисленные вступительные экзамены (их было 12 (!), в том числе 2 – по иностранным языкам) [7, с. 10], необходимо было основа-

тельное среднее образование. Лишь в совершенстве владея основами наук, можно было рассчитывать на право быть зачисленным в «школу полководческого искусства».

Первой ступенью лестницы, которую должен был преодолеть человек, впервые надевший военную форму, чтобы попасть в Генеральный штаб, был кадетский корпус. Эта ступень не являлась обязательной: многие офицеры русской армии кадетских корпусов не заканчивали, но в Генеральный штаб тем не менее попали и впоследствии дослужились до высоких чинов и должностей. Военный министр Д.А. Милютин получил домашнее образование и окончил Благородный пансион Московского университета [6]. А.А. Самойло учился в 3-й Московской гимназии [8]. А.И. Деникин окончил Ловичское реальное училище [2], а Б.М. Шапошников – Красноуфимское реальное училище и 7-й класс Пермского реального училища [10].

Это обстоятельство, однако, ничуть не умаляет значения кадетских корпусов в деле воспитания личности будущего офицера. Корпусное знамя и обязательные парады, красивая форма с погонами – все вело к тому, что кадеты воспринимали себя «почти офицерами» и сознательно готовили себя к тяготам военной службы. Большое место в жизни будущих офицеров занимали товарищеские отношения; товарищеское братство было непременной составляющей повседневной жизни любого кадетского корпуса, невзирая на «цук», который в мягких формах был даже полезен для воспитания дисциплины и духа послушания, а также для нравственной закалки кадет.

Основательной была и общеобразовательная подготовка кадет. Тот, кто в кадетском корпусе желал серьезно учиться, всегда имел возможность заниматься как следует, тем более что среди наставников кадет было немало знающих и любящих свою работу людей.

Специфическим было религиозное мировоззрение кадет: при безусловной религиозности они, однако, неохотно соблюдали внешние формы культа; исключение составляли лишь освящение знамени и торжественный молебен в день корпусного праздника.

Даже суровый быт и зачастую весьма грубые нравы старших товарищей не были непреодолимым препятствием на жизненном пути кадет. На страницах их воспоминаний мы, правда, встречаем немало жалоб на плохую пищу и описаний шоки-

рующих выходов отдельных «старичков», но все это кажется бледным и ничтожным на фоне неподдельной любви к родным стенам, которую доносят до нас самые проникновенные строки мемуаров бывших воспитанников кадетских корпусов.

Следующая, вторая, ступень – юнкерское или военное училище. Прохождение училищного курса было условием *sine qua non* для производства в офицеры и дальнейшего следования по пути в Академию, хотя среди ее слушателей встречались выпускники высших гражданских учебных заведений (например, «черный барон» П.Н. Врангель, сокурсник Шапошникова, окончил Горный институт [9, с. 54]). Но, в отличие от кадетских корпусов, это скорее исключения, подтверждающие общее правило.

Все, что было сказано выше о кадетских корпусах, в полной мере относится и к училищам. Особо следует отметить лишь более осмысленное отношение к военной службе, которая воспринималась юнкерами не как «чистая романтика», а как серьезное занятие, требующее высокой ответственности и предельной концентрации сил, чтобы дослужиться до генеральского чина, а не застрять на должности ротного командира. Отсюда проистекает стремление наиболее сознательных юнкеров успешно учиться, быть отличными в стрельбе и физической подготовке, чтобы по окончании училища попасть в престижный полк, а через несколько лет – в Академию и затем в Генеральный штаб.

История знает немало парадоксальных случаев, когда в Академию попадали люди, которым, казалось, гранит науки был вовсе «не по зубам». Один из таких счастливиц, патриарх отечественной геополитики Алексей Ефимович Вандам (псевдоним; настоящая его фамилия – Едрихин), родился в многодетной семье простого солдата. В возрасте 17 лет он поступил вольноопределяющимся 3-го разряда в 120-й пехотный Серпуховской полк. 3-й разряд свидетельствовал о крайне низком образовательном уровне Едрихина. Через два года будущий ученый поступил в непривилегированное Виленское юнкерское пехотное училище. Учился Едрихин плохо; окончил училище он лишь по второму разряду, но в офицеры произведен не был (с ним почему-то поступили как с окончившим по 3-му разряду). В подпоручики Едрихин был произведен только через два года. По-

добно тысячам малообразованных офицеров, он должен был завершить карьеру в должности ротного командира и в случае удачи выйти в отставку, получив чин подполковника. Однако молодой офицер засел за учебники и через несколько лет упорного труда выдержал экзамены и поступил в Академию. Окончил он ее в 1899 г. по первому разряду и вполне мог бы рассчитывать на право быть зачисленным на дополнительный курс, а в перспективе – на причисление к корпусу офицеров Генерального штаба. Однако в 1899 г. этого не произошло. Причиной явилось... желание Едрина отправиться в Южную Африку, где в самом разгаре была англо-бурская война. В Генштаб способный капитан все же попал: семь лет спустя он был причислен к нему, а через два года с небольшим (в феврале 1909 г.) переведен в него [7, с. 7–18].

Это, пожалуй, единственный случай, когда офицер был причислен к корпусу офицеров Генерального штаба «шутя», словно бы против своей воли.

Но никому и никогда не удавалось поступить в Академию «между прочим», лишь перелистав учебники. Образ офицера, напряжённо готовящегося к экзаменам, был настолько типичен, что прочно вошёл в художественную литературу той поры. А.И. Куприн в повести «Поединок» показал, как готовился к экзаменам поручик Николаев: упорно, каждый вечер Николаев вместе с женой, помогавшей ему, изучал иностранные языки, зубрил уставы и т. д., но безуспешно: два года подряд он проваливался на экзаменах. Не всем по плечу оказывалась высокая планка конкурсного отбора...

А.А. Игнатьев вспоминал, что для большинства офицеров «результат экзаменов был вопросом жизни или медленного томительного умирания в глухих гарнизонах. Армейские офицеры подобострастно раскланивались при встрече с офицерами Генерального штаба, в которых видели будущих экзаменаторов. Так и чувствовалось, что мысли их переносятся в глухую провинцию, где с замиранием сердца ожидают результата экзаменов их жены и дети» [4, с. 89].

Далеко не всем честолобцам удавалось подняться на третью ступень – поступить в Академию Генерального штаба. Но тот, к кому была благосклонна фортуна, вступал как бы в новую жизнь, а до желанного Генерального штаба было, казалось, рукой подать. Листая страницу за стра-

ницей мемуары выпускников Академии, мы мысленно переносимся в давно ушедший в прошлое мир одетых в военную форму людей, целеустремленно и напряженно поглощающих знания. Перед нами разворачиваются яркие картины из жизни офицеров-академиков: вместе с ними мы готовимся к вступительным экзаменам; волнуемся, сдавая их; слушаем лекции профессоров, радуемся и переживаем на переводных и выпускных экзаменах; проникаем в творческую лабораторию слушателей дополнительного курса. В конце концов в нашем сознании возникает целостный образ Академии – такой, какой воспринимали «школу полководческого искусства» люди, ее окончившие.

Это был храм науки в подлинном смысле этого слова, и изъяны его – в том числе и наиболее серьезные – мало влияли на общее впечатление об Академии. Даже в самые трудные для нее времена Академия сохраняла свою становую ось, свое основное предназначение – учить офицеров и готовить их к серьезной работе. И всегда находились как талантливые преподаватели, готовые поделиться своими знаниями, так и вдумчивые, добросовестные слушатели, способные эти знания воспринять. Именно наличие людей такого рода обеспечило преемственность лучших академических традиций в советскую эпоху, и отрадно отметить, что некоторые из них сохранились до наших дней.

«Учение горько, но плод его сладок» – это высказывание Ж.Ж. Руссо в полной мере приложимо к многотрудной работе в период обучения в Академии. Разнообразие и сложность учебных курсов, обилие заданий в конечном счете приучали офицеров к систематическому, ежедневному упорному труду, стремлению к самообразованию, а научная работа на дополнительном курсе способствовала развитию самостоятельного мышления, умения отстаивать свою позицию.

Из самых главных недостатков академических курсов вслед за выпускниками Академии отметим некоторое отставание теоретических положений, преподносимых слушателям, от современных им условий, а также недостаточную подготовку офицеров. Последняя была настоящим бичом Академии, неустранимым ее изъяном, борьба с которым красной нитью проходит через все 80-летнее существование «школы полководческого искусства», бросает отсвет на страницы воспоминаний ее бывших слушателей, неоднократно

описывалась в специальной литературе и, к сожалению, так и не принесла положительных результатов.

Зато значение Академии как центра военно-научной мысли трудно переоценить. В ней работали такие крупные ученые-теоретики, как Г.А. Леер, М.И. Драгомиров, А.Ф. Редигер, Н.Н. Сухотин, Н.Н. Обручев, А.К. Пузыревский и другие, чья научная деятельность была весьма продуктивной, а мысли и высказывания – свежими и оригинальными.

Выпускники Академии хорошо зарекомендовали себя как в повседневной работе в армии и штабах, так и на тылах сражений, и трудно представить себе мирное строительство вооруженных сил старой России или победы русских войск во время войны с Турцией 1877–78 гг. без деятельности питомцев Академии. Грамотными боевыми офицерами показали они себя и во время русско-японской и первой мировой войн.

Для многих офицеров нагрудный знак, удостоверяющий окончание ими Академии, стал путеводной звездой, вознесшей их на высшие ступени иерархической лестницы военного ведомства. И быть может, не раз вспоминали они туманный Петербург и скромный коричневый двухэтажный домик на Английской набережной, где когда-то начиналась их прекрасная карьера.

Большинство офицеров считали, что от успешного окончания Академии зависела вся их последующая жизнь. Иногда крах надежд приводил к трагическим последствиям. А.А. Игнатьев вспоминал, как, получив удовлетворительный балл на экзамене, покончил с собой его однокурсник: «...вечером звонок по телефону снова вызвал меня в академию. Я поспешил на Английскую набережную и застал здесь всех однокурсников, пораженных известием о самоубийстве нашего коллеги – скромного поручика туркестанских стрелков.

«Сегодня на экзамене, – писал он нам, – я едва получил удовлетворительный балл; я прочел все курсы уже три раза, тогда как большинство из вас не успело еще прочитать и половины. При таких условиях я решаю, что дальнейшая борьба

бесплодна, и прошу товарищей позаботиться о моей семье, возлагавшей все свои надежды на мой успех в академии».

Мы узнали, что он, как и большинство слушателей академии, успешно окончил в свое время военное училище не то фельдфебелем, не то взводным портупей-юнкером; ... прослужив два года сверх положенного обязательного трехлетнего срока в строю, посвятил все это время подготовке в академию, окончание которой открывало на всю жизнь не только военное, но и гражданское поле деятельности.

Среди слушателей оказался еще один туркестанец, который рассказал, как покойный волновался уже на предварительных испытаниях при штабе округа. Наплыв желающих был громадный, и все знали, что в Петербург будут командированы только лучшие, не более трехсот – четырехсот человек от всех округов. Другие вспоминали, что он ходил как пьяный от счастья, когда узнал, что попал выше той роковой черты, которая отделила сто тридцать человек, принятых в академию, от остальных, выдержавших экзамены, но не принятых.

Он хватался за академию как утопающий за соломинку. Ему казалось, что для успеха достаточно одного усердия, но в конце концов он отказался от борьбы и жизни» [4, с. 100–101].

Наконец, последней ступенью было «причисление» к корпусу офицеров Генерального штаба и – при условии успешного отбытия ценза – перевод в него. К сожалению, сам механизм «причисления» имел серьезные изъяны, и вследствие разного рода случайностей [1, с. 11] и прямого произвола в Генштабе зачастую оказывались не достойные люди, а полные посредственности. «Причисление» походило на игру в рулетку, и тщетны были усилия ряда высших начальников (в частности, Драгомирова) свести на нет ее капризы. И все же даже при таком положении дел в Генеральный штаб попадали – пусть не без затруднений – по-настоящему талантливые офицеры. Именно они выполняли роль «стволовых клеток» «мозга армии», как образно называл Генеральный штаб Б.М. Шапошников.

Библиографический список

1. Афанасьев В. А.И. Куприн [Текст] / В. Афанасьев. – М., 1960. – 204 с.
2. Деникин А.И. Путь русского офицера [Текст] / А.И. Деникин. – М.: Современник, 1991. – 300 с.
3. Жильцов К.В. Социальный статус генерала в России в начале XX в. [Текст] / К.В. Жильцов // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 156–160.

4. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю [Текст] / А.А. Игнатьев. – М., Воениздат, 1986. – 750 [2] с.
5. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. [Текст] / А.Г. Кавтарадзе. – М.: Наука, 1988. – 277 с.
6. Милютин Д.А. Воспоминания (1816–1843) [Текст] / Д.А. Милютин. – М.: Студия «ТРИТЭ», 1997. – 495 с.
7. Образцов И. Забытое имя [Текст] / И. Образцов // Вандам (Едrixин) А.Е. Геополитика и геостратегия. – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.
8. Самойло А.А. Две жизни. Воспоминания генерал-лейтенанта в отставке [Текст] / А.А. Самойло. – Л.: Лениздат, 1963. – 347 с.
9. Цветков В.Ж. Петр Николаевич Врангель [Текст] / В.Ж. Цветков // Вопросы истории. – 1997. – № 7. – С. 55–84.
10. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные статьи [Текст] / Б.М. Шапошников. – М.: Воениздат, 1974. – 574 с.

A.N. GREBENKIN

THE WAY OF THE RUSSIAN OFFICER TO THE GENERAL STAFF

The article is devoted to the levels of military education in Russian Empire. The author devotes special attention to the Nicolaevskaya Academy of the General Staff, which was the forge of Russian generals. Merits and defects of this military educational establishment are marked as well as the attitude of officers-academics towards alma mater.

Key words: *military education, cadet corps, cadet school, Nicolaevskaya Academy of the General Staff, General Staff.*

С.В. ЗЕМСКИХ, соискатель кафедры истории России
Орловского государственного университета
Тел. 8 960 654 69 45; sergorl@km.ru

НАБЛЮДАТЕЛИ ОТ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ВТОРОГО ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

В статье рассматривается первая сессия Второго Ватиканского собора и присутствие на ней наблюдателей от Русской Православной Церкви (РПЦ). Автор сообщает об основных событиях, происходивших на соборе в 1962 году, важных для католического мира и для православных наблюдателей. Работа основана на материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Статья рассказывает о событиях, связанных с началом диалога между РПЦ и Ватиканом. Автор делает вывод о патриотической направленности деятельности наблюдателей РПЦ.

Ключевые слова: папа Иоанн XXIII, католицизм, собор, православие, наблюдатели.

Второй Ватиканский собор является важнейшим событием XX века в истории католической церкви. Его решения оказали значительное влияние на жизнь и мировоззрение миллионов католиков. В разгар «холодной войны» собор осудил возможность применения оружия массового уничтожения и выступил за мирное сосуществование стран с различными политическими системами. Ватикан оказывал посреднические услуги по примирению враждебных сторон в различных частях планеты. Присутствие на соборе в качестве наблюдателей христиан-некатоликов сделало возможным принятие решений о расширении связей между различными вероисповеданиями. Деятельность собора повлияла и на Русскую Православную Церковь.

Второй Ватиканский собор проходил в Риме в 1962–1965 гг. Главными задачами собора папа Иоанн XXIII объявил изменение Кодекса канонического права и сближение с другими христианами. Папа осознавал, что «большинство отделенного от римско-католической церкви религиозного мира ожидало сдвига в сторону экуменичности церкви» [14, с. 155]. Собор мог призвать «вернуться в одну паству носящим славное имя христиан отделившимся братьям» [7, с. 44]. Был создан Секретариат по содействию христианскому единству (СХЕ), который получил особые полномочия для ведения переговоров с православными. В феврале 1960 г. Совет по делам религий возглавил В.А. Куроедов, предложивший привлечь РПЦ к внешнеполитической деятельности. Было принято соответствующее решение ЦК КПСС [10, с. 66]. Налаживались связи как с Всемирным Советом Церквей (ВСЦ), так и с Ватиканом. 11 апреля Патриарх Алексей обратился с заявлением о вхождении РПЦ в состав ВСЦ [14, с. 27].

Глава СХЕ кардинал Беа в марте 1961 г. отметил желательность присутствия на соборе православных наблюдателей. В ответ на это интервью в «Журнале Московской Патриархии» (1961, № 5) была опубликована статья «Non possumus!», отвергавшая возможность присутствия наблюдателей от РПЦ на соборе [13, с. 300]. В феврале 1962 г. сотрудник СХЕ Виллебрандс посетил Москву. Он выяснил, что отношение РПЦ «к собору оказалось не столь негативным, как демонстрировалось в упомянутой выше статье» [7, с. 387]. В марте 1962 г. председатель ОВЦС (Отдел внешних цер-

ковных сношений) архиепископ Никодим (Ротов) подал в Совет по делам РПЦ записку «Мысли в отношении Католической церкви», в которой указывалась полезность присутствия наблюдателей на соборе. Никодим считал, что это сможет «нейтрализовать всякие поползновения Константинополя говорить от имени всего Православия и идти на слишком тесное сближение с Римом» [13, с. 300].

18 августа 1962 г. Никодим провел неофициальную встречу с кардиналом Тиссераном в городе Мец (Франция). Он спрашивал, не будут ли приняты на соборе решения в духе крестового похода против коммунизма. Ведь «лучше совсем не посылать наблюдателей, чем послать и потом уйти. Это меньше нарушит отношения между нашими Церквями». Тиссеран ответил: «Никакого политического характера Собор не будет иметь, и никакой политической борьбы против Советской власти Собор не будет вести» [1, с. 283]. Вскоре в «Журнале Московской Патриархии» (1962, № 9) появилось интервью Патриарха Алексия французскому журналисту Ж. Булье, отмечавшее близость православия и католичества «в области вероучительной и литургической» [12, с. 214]. Виллебрандс предпринял поездку в Москву, проходившую с 27 сентября по 2 октября. Он беседовал с руководством РПЦ и представил сведения о роли наблюдателей от некаатолических церквей. 10 октября 1962 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС, дававшее согласие на отправку наблюдателей от Московской Патриархии в Рим. В тот же день состоялось заседание Священного Синода, который назначил наблюдателями протоиерея Виталия Борового и архимандрита Владимира (Котлярова). Им поручалось «регулярно, не реже одного раза в неделю, докладывать о текущей работе Собора», сопровождая свои доклады материалами собора и текущей периодикой [13, с. 301].

11 октября 1962 г. в храме Святого Петра состоялось торжественное открытие Второго Ватиканского собора. Уже в начале первой сессии стала очевидной конфронтация между интегрристами и прогрессистами. Интегрристами называли консерваторов, сторонников сохранения традиционного католицизма. Они составляли сплоченное меньшинство. Прогрессисты, которых также называли обновленцами, составляли на соборе большинство. Их целью было упрощение богослужения, введение употребления национальных языков вместо латыни, сближение с другими христианскими на-

правлениями, активное участие в общественной жизни. 13 октября было предложено утвердить тот состав десяти комиссий собора, в котором они занимались подготовкой проектов решений. Это давало преимущество интегристам. Против этого выступили прогрессисты во главе с кардиналами Беа и Сюэнсом. Большинство собора в данном вопросе приняло сторону обновленцев. Интегристы также потерпели поражение в вопросе о наблюдателях – представителям некаатолических церквей было разрешено присутствовать на всех заседаниях собора [6, с. 336].

20 октября обсуждалось послание «Ad universos homines» («Ко всему человечеству»). Автор послания – прогрессист Шеню – проповедовал принцип «естественной нравственности», что открывало возможность диалога с неверующими. После небольших стилистических изменений послание было принято. 22 октября обсуждалась схема «De sacra Liturgia» («О священной литургии»), предлагавшая приблизить богослужение к новым условиям, разрешить проводить литургию не только на латыни, но и на других языках. Схема была отвергнута. 14–21 ноября рассматривался проект документа «De fontibus Revelatione» («Об источниках Откровения»). Кардинал Беа заявил, что проект мешает экуменическому диалогу с протестантами, поскольку носит устаревший характер. Большинство собора не приняло этот проект. С 26 ноября по 1 декабря на соборе рассматривалась схема «De Ecclesia unitate» («О единстве церкви»). Большинство высказалось за создание документа, посвященного экуменизму и касающегося проблемы единства с христианами-некаатоликами. 1–7 декабря обсуждалась схема «De Ecclesia» («О церкви»). Прогрессисты подвергли ее критике за излишний догматизм, указывая, что в ней сделан упор на церковь, «господствующую и торжествующую», что противоречит пастырской направленности собора. 8 декабря прошла церемония закрытия первой сессии Второго Ватиканского собора [13, с. 289].

Наблюдатели от РПЦ отмечают: «Результаты первой сессии Собора не особенно велики. Обсуждены только четыре схемы и начато обсуждение пятой» [4, л. 103]. На соборе было много выступлений, посвященных распаду колониальной системы, обсуждалась борьба за социальные права, высказывалось осуждение классового неравенства и дискриминации. Международная обстановка ока-

зывала влияние на богословские решения. Отмечается, что «ни в чем не проявились так наглядно взаимосвязь и взаимовлияние работ Собора и общего положения в современном мире, как в отношении Ватикана к русским наблюдателям и значении их присутствия на Соборе» [4, л. 70].

На приеме у папы, а также на всех официальных мероприятиях для наблюдателей представителям РПЦ всегда отводилось почетное первое место. «Монсеньер Виллебрандс, секретарь Секретариата по делам единства, правая рука кардинала Бэа и фактический руководитель в отношениях Ватикана с наблюдателями и их Церквями, прислушивался к каждому слову наших наблюдателей, очень откровенно обсуждал с ними все возникающие трудности и препятствия во взаимных наших отношениях, выполнял все их пожелания и требования». Примас Польши кардинал Вышинский беседовал с русскими наблюдателями и передавал «сердечные приветствия Святейшему Патриарху, архиепископу Никодиму, всей Русской Церкви и всему русскому, советскому народу. Говорил, что история многому научила и его, и всех поляков и теперь они стали умнее...» [4, л. 71–72]. Боровой отмечает, что кардинал использовал эти встречи для укрепления своего положения и для саморекламы.

В конце ноября в Рим прибыл Ежи Завейский, член Государственного Совета Польши, известный писатель-католик. «Он личный друг и доверенное лицо Гомулки. Одновременно он личный друг и доверенное лицо кардинала Вышинского. В силу этого он играет роль связующего звена между Государством и католической Церковью». Завейский был принят папой, их беседа продолжалась около двух часов. Писатель встретился с русскими наблюдателями и поделился своими впечатлениями об Иоанне XXIII. Он сообщил о данном папой польским католикам благословении на сотрудничество с правительством в социальной и политической жизни страны. Также Завейский сообщил о возможности установления дипломатических отношений между Польшей и Ватиканом. Польский посол в Ватикане мог бы представлять и защищать интересы всех социалистических стран. Боровой замечает, что Завейский рассказал лишь ту часть беседы с папой, которую счел нужным для пользы своего дела. Сообщается об отрицательном отношении Вышинского к установлению дипломатических отношений между

Польшей и Ватиканом. «В настоящее время он наделен Ватиканом такими полномочиями, что практически является вполне самостоятельным в своих действиях и независим в своей политике, играя роль своего рода польского папы» [4, л. 83–85].

В отчетах отмечаются действия пятнадцати украинских епископов-униатов. Они подготовили меморандум о «насильственной ликвидации унии» на западе Украины и собирались добиться принятия постановления, которое осудило бы действия Советского правительства и Московской Патриархии в этом вопросе. Виллебрандс добился от госсекретаря кардинала Чиконьяни запрещения униатским епископам выносить свой меморандум на обсуждение. Лидер украинской эмиграции в Северной Америке Уолтер Душник заявил, что «Ватикан все больше начинает считаться с русскими наблюдателями и в угоду им приносятся «украинские интересы» и совершенно замалчивается «ликвидация унии» [4, л. 79–80]. В правой итальянской печати был опубликован протест униатов против пребывания на соборе русских наблюдателей, излагался вышеупомянутый меморандум, выдвигалось требование восстановления униатской церкви. Заявление униатских епископов было также напечатано французской газетой «La Croix» [8, с. 122]. Наблюдатели выразили свое возмущение Виллебрандсу и Беа. Кардинал Чиконьяни объявил униатам выговор, от имени папы им также было высказано неудовольствие. «Кардинал Беа публично в присутствии многих других кардиналов и епископов принес наблюдателям Русской Церкви официальные извинения Ватикана» [4, л. 81]. Газета «Osservatore Romano» 25 ноября 1962 г. поместила заявление Виллебрандса в защиту православных наблюдателей [3, с. 238].

Наблюдатели встречались с известным религиозным деятелем Роже Шютцом, руководителем экуменической общины в Тезэ (Франция). Члены общины отметили значительные перемены в католицизме. Эти изменения они связывают с деятельностью Иоанна XXIII. Шютц встречался с ним трижды, и, по его наблюдениям, папа «человек весьма открытый, сердечный и простой, чего нельзя сказать о многих кардиналах» [4, л. 47]. Представители общины высказали мнение о том, что Русская Церковь может оказать воздействие на смягчение обстановки в Ватикане.

Прибытие наблюдателей от РПЦ на собор считали частью работы по подготовке встречи Хру-

щева с папой во время предстоящего визита в Италию. Наблюдателям передали просьбу «довести до сведения Святейшего Патриарха, а через Патриарха – до сведения Советского правительства, что он, папа, был бы очень счастлив и благодарен Советскому правительству, если бы оно, руководствуясь гуманными соображениями и милосердием, предоставило бы амнистию заключенному униатскому митрополиту Иосифу Слипому, семнадцать лет тому назад осужденному советским судом» [4, л. 87–88]. Подчеркивался преклонный возраст Слипого, отмечалось, что его освобождение произведет благоприятное впечатление на мировую общественность.

Присутствие наблюдателей значительно повлияло на работу первой сессии. Выступления на соборе нередко были обращены именно к ним. Один из представителей интегрлистов заявил: «Чтобы иметь здесь вес и быть услышанным, нужно быть или кардиналом, или наблюдателем» [4, л. 102]. Наблюдатели от РПЦ располагали подробными сведениями о предстоящих событиях в Ватикане. Они сообщают о планах по созданию своеобразных мостов между католичеством и православием. Для Балкан и греческого Востока посредником мог стать венский кардинал Кениг, для СССР – Вышинский. Сообщается со ссылкой на папского врача о том, что Иоанн XXIII тяжело болен и что курия готовится к новым выборам. Среди кандидатов упоминается и кардинал Монтини, впоследствии избранный папой [4, л. 90].

Необходимо отметить мнение наблюдателей о важности созыва регулярной православной церковной конференции. Это позволило бы обсуждать различные вопросы и вырабатывать единую пра-

вославную точку зрения. «Иначе создастся парадоксальное положение, что все эти вопросы православные могут обсуждать врозь и только совместно с инославными. В этом смысле опыт первой сессии Второго Ватиканского собора может быть использован православными для их собственного блага» [4, л. 108]. В Совете по делам РПЦ итоги первой сессии оценивались положительно. Стремление обновленцев к открытости «создает реальные условия для расширения контактов на предмет возможных совместных выступлений в защиту мира и привлечения рядовых католиков для борьбы за мир» [5, л. 1]. Учитывая возросшее влияние СХЕ, рекомендовалось «поддерживать и расширять контакты» именно с данным Секретариатом [5, л. 7].

Подводя краткий итог присутствию наблюдателей от РПЦ на соборе, необходимо отметить обоюдную заинтересованность в развитии экуменических контактов Ватикана и Московской Патриархии. Для католиков появилась возможность оказывать косвенное воздействие на положительные перемены в жизни своих единоверцев на территории СССР, а также возможность в будущем обмениваться визитами и совершать паломнические поездки, что не исключало прозелитизма. Для Московской Патриархии международные связи давали надежду на укрепление своего положения внутри страны, поскольку происходили при активном участии государства. Советское правительство было третьей стороной в диалоге, который способствовал укреплению авторитета СССР на мировой арене, снижал международную напряженность, способствовал развитию экономических отношений со странами Запада.

Библиографический список

1. Василий (Кривошеин). Архиепископ. Воспоминания. Письма. [Текст] – Н. Новгород: Издательство Братства во имя св. князя Александра Невского, 1998. – 504 с.
2. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский собор. [Текст] – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 382 с.
3. Второй Ватиканский собор: взгляд из России. [Текст] – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1997. – 360 с.
4. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 463.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 508.
6. Григулевич И.Р. Папство. Век XX [Текст]. – М.: Политиздат, 1981. – 532 с.
7. История II Ватиканского собора [Текст], т. I. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. – 622 с.
8. История II Ватиканского собора [Текст], т. II. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – 764 с.
9. Ливцов В. А. Русская Православная Церковь и экуменическое движение в XX веке. [Текст] – М.: Социум, 2000. – 206 с.

10. Петрушко В. И. О попытках создания Киевского патриархата украинскими униатами и раскольниками-автокефалистами в XX в. [Текст] – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. – 407 с.
11. Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. [Текст] – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. – 596 с.
12. Православная энциклопедия [Текст], т. VII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. – 752 с.
13. Русская Православная Церковь в советское время [Текст]. Кн. 2. – М.: Пропилеи, 1995. – 464 с.
14. Фалькони К. Ватиканский собор и причины его созыва [Текст]. – М.: Прогресс, 1964. – 184 с.
15. Ювеналий (Поярков). Митрополит. Человек Церкви [Текст]. – М.: Издание Московской епархии, 1998. – 408 с.

S.V. ZEMSKIH

OBSERVERS FROM THE MOSCOW PATRIARCHATE AT THE FIRST SESSION OF THE SECOND VATICAN COUNCIL

In the article the first session of Vatican II and the presence of observers from the Russian Orthodox Church (ROC). The author reports on major events that took place at the council in 1962, are important to the Catholic world, and for the Orthodox observer. The work is based on materials the State Archives of the Russian Federation. The article tells about the events related to the beginning of a dialogue between the ROC and the Vatican. The author concludes patriotic activities observers ROC.

Key words: *Pope John XXIII, council, Catholicism, Orthodoxy and observers.*

Т.И. КОНОНОВА, кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории России Орловского государственного университета
Тел. 89036377271

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с необходимостью ускоренного перевода промышленности на военные рельсы в начальный период войны, процесс организации и наращивания военного производства.

Анализируются правительственные меры, а также новаторство рабочих и массовые трудовые инициативы, направленные на мобилизацию внутренних ресурсов производства для достижения максимального увеличения выпуска необходимых видов вооружения. Наряду с достижениями показываются трудности и недостатки в решении этих неотложных задач.

Ключевые слова: война 1941–1945 гг., перевод промышленности на военные рельсы, выпуск военной продукции, трудовые инициативы рабочих.

Одной из актуальных и дискуссионных проблем в отечественной исторической науке по-прежнему остается проблема готовности экономики и Вооруженных сил СССР к отражению фашистской агрессии. Незавершенность модернизационных процессов в предвоенный период породила целый комплекс проблем, связанных с необходимостью ускоренного технического перевооружения промышленности, перевода экономики на военные рельсы, организации серийного выпуска новых образцов военного оружия. Все эти проблемы приходилось решать одновременно, что повлекло за собой еще более широкое использование административно-командных, директивных методов руководства, репрессий, ужесточения трудового законодательства.

Модернизация военной экономики сопровождалась жесткой централизацией, роль верхних эшелонов управления еще более возросла, были расширены права наркоматов, широкое распространение получила система уполномоченных, военизация предусматривала безоговорочное выполнение плана-приказа. Еще перед войной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. запрещался переход рабочих и служащих с одних предприятий на другие и устанавливалась судебная ответственность за прогулы и самовольный уход с работы (1).

Уже в мирное время ряд предприятий был переведен на военное положение. Весь руководящий состав до бригадира включительно носил военную форму с соответствующими знаками различия. Очередным Указом от 26 декабря 1941 г. меры по закреплению рабочих кадров за предприятиями были еще более ужесточены, уклонение от мобилизации считалось дезертирством, предусматривалось тюремное заключение сроком от 5 до 8 лет. Выпуск некачественной и некомплектной продукции по Указу от 10 июля 1940 г. приравнивался к вредительству. Только за 1940 г. к судебной ответственности было привлечено более 2 млн. чел., за 1941 г. – 1,7 млн. чел. (2). Осуществлялись массовые трудовые мобилизации, вводились обязательные сверхурочные работы, отпуска отменялись, все рабочие и служащие объявлялись мобилизованными до конца войны. На строительстве военно-промышленных объектов широко использовался труд миллионов заключен-

ных, которых к началу войны насчитывалось в лагерях и колониях НКВД 2 млн. чел. (3).

В связи с проведением массовой мобилизации в армию, эвакуацией значительного количества предприятий и рабочих на восток страны, оккупацией противником ряда промышленных районов резко возросла численность молодежи на производстве. К середине 1942 г. молодежь в возрасте до 25 лет составляла на предприятиях Наркомата машиностроения 55%, Наркомата боеприпасов – 42%, Наркомата авиационной промышленности – более 40% от общего числа рабочих, а на отдельных предприятиях до 70–80% (4). Разрешалось использование труда подростков начиная с 14 лет. Только в 1942 г. их насчитывалось на производстве 1,2 млн. человек (5).

От ускоренного обучения новых пополнений молодых рабочих, их участия в решении сложнейших экономических задач освоения и наращивания выпуска боевой техники во многом зависел и успех организации всего военного производства.

Оценивая в целом состояние научной разработки исследуемой проблемы, необходимо отметить, что советскими историками была проделана значительная работа по изучению и освещению различных сторон трудового подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Наличие большого количества литературы, посвященной этой проблеме, может создать впечатление всесторонней разработанности данной проблемы. Наиболее широко разработанными вопросами являются: участие передовых рабочих в решении проблемы рабочих кадров, развертывании движения комсомольско-молодежных бригад, в развитии социалистического соревнования, в борьбе за увеличение выпуска промышленной продукции.

Вместе с тем по-прежнему требуют внимания и объективного изучения вопросы по участию тружеников тыла в мобилизации внутренних резервов производства, использовании местного сырья и топлива, совершенствовании техники и технологии промышленного производства, рациональной организации труда, развитии рационализаторства и изобретательства.

Необходимо отметить, что проведение этой работы в Центральных областях РСФСР, находившихся под угрозой оккупации, имело свою специфику, свои отличительные особенности. Дело в том, что значительная часть оборудования была законсервирована и подлежала эвакуации. Однако

полного перебазирования промышленных предприятий в восточные районы проведено не было. Например, в конце 1941 г. немецкие войска находились в 50 км от Ярославля. Почти все основные заводы области были «на колесах», их оборудование находилось в демонтированном состоянии. Область считалась прифронтовой, поэтому снабжение сырьем, материалами, топливом прекратилось. Значительно осложняло работу предприятий то, что после снятия угрозы оккупации необходимо было расконсервировать оборудование и одновременно наладить выпуск военной продукции. Еще во время осады Тулы были приняты меры по восстановлению работы оборонных заводов; с других предприятий было переброшено необходимое количество станков, и в результате налажен выпуск минометов (6).

Освоение выпуска боевой техники в условиях восстановления демонтированного оборудования значительно осложняло перевод предприятий на военные рельсы. Отсутствие необходимых станков, специальных инструментов приводило к остановке целых цехов, в результате отдельные предприятия не выполняли плановых заданий вплоть до лета 1942 г.

Простои оборудования наносили значительный урон работе промышленности. Например, на костромских текстильных предприятиях недостаточная загрузка оборудования составляла в 1942 г. 22%. Имели место массовые поломки, разладка станков из-за отсутствия ремонта. На ряде предприятий оборудование работало на полный износ, а потери от непроизводительных расходов, например, на Ярославском автозаводе только за 11 мес. 1942 г. составили 1,5 млн. рублей (7).

В ходе перестройки на военный лад практически все предприятия сталкивались с одними и теми же проблемами. Для их решения по инициативе молодежи на заводах проводились смотры оборудования и приспособлений, месячники по рационализации, создавались комсомольско-молодежные бригады по экономии металла и инструментов, электроэнергии и смазочных материалов, проводились рейды и воскресники по выявлению резервов имеющегося оборудования. Так, на Московском станкозаводе им. С. Орджоникидзе в ходе рейда было обнаружено два неиспользуемых заграничных станка стоимостью 40 тыс. рублей. Молодые рабочие активно включились в работу по изготовлению недостающего инструмента собственными силами. На заводе «Калибр» (г. Моск-

ва) только за два месяца 1942 г. ими было изготовлено инструмента на сумму 115 тыс. рублей (8).

При острой нехватке рабочей силы более полной загрузке оборудования способствовало движение многостаночников, получившее широкое распространение уже в первые дни войны. Молодые инициаторы производства переходили на обслуживание двух, трех и даже нескольких станков. Например, на комбинате им. III Интернационала г. Александра Владимирской области многостаночницы Николаева, Радкевич, Губанова, Кулакова и другие перешли на обслуживание 16-ти станков (9).

В начале войны особенно остро стояла проблема обеспечения промышленности необходимым сырьем и топливом. Большинство предприятий переходили на использование местных ресурсов. В Ярославской области в 1942 г. 13 текстильных предприятий из 18 полностью или частично работали на собственных теплосиловых установках, используя дрова, торф, гудрон. Молодые рабочие проводили воскресники, декадники по заготовке и вывозке дров и торфа, строительству железнодорожных веток для подвоза топлива непосредственно на предприятия. Так, во Владимире ими было проведено более 30 воскресников по строительству узкоколейки, подвозу торфа для обеспечения города топливом (10).

Серьезные трудности возникали в оснащении предприятий металлом.

В первые же недели войны в августе – сентябре 1941 г. молодежь Ярославской, Тульской, Московской областей провела ряд рейдов по сбору металлолома. В Тульской области только за один воскресник 24 августа 1941 г. было собрано 15 тонн лома цветных металлов и 1500 тонн черного, а на 15 сентября 1941 г. – 649 369 тонн (11). Силами комсомольцев и молодежи Ленинского района Москвы с начала войны по 1 апреля 1942 г. было собрано 743 тонны лома, а на заводе «Калибр» только за 2 мес. с марта по май 1942 г. отгружено 249 тонн лома (12).

Необходимо отметить, что сложившийся в период предвоенных пятилеток командно-административный, затратный механизм в экономике приводил к тому, что и в годы войны господствующим оставалось экстенсивное приращение производства, максимальное привлечение дополнительных трудовых и материальных ресурсов. Делалась ставка на победу любой ценой, что вело на деле к неоправданно расточительному использованию имевшихся средств.

Изучение архивных документов показывает, что, например, существенными причинами плохой работы ряда предприятий Ярославской области являлись отсутствие элементарного порядка, расхлябанность, низкая производственная и трудовая дисциплина, что вело к грубейшим нарушениям технологии, к запущенности в организации производства и труда. Так, на костромском заводе «Рабочий металлист» резко увеличился брак, который в июне 1942 г. составлял 30,4% к выпуску валовой продукции, за II квартал завод потерял на браке 814 тыс. рублей, или 1/5 часть продукции. Только по литью одного изделия брак составил более 70% месячного задания, завод перерасходовал 79 тонн кокса и 40 тонн чугуна (13).

В октябре 1942 г. на проходившем в Ивановской области совещании директоров заводов машиностроительной и химической промышленности было отмечено также отсутствие ритмичности в работе предприятий, наличие брака. За 9 месяцев 1942 г. брак составил по заводам 24 млн. рублей (14).

Существенным недостатком в работе промышленности являлась штурмовщина, которая создавала неуверенность у руководителей и коллектива, а главное, лишала фронт возможности получать необходимую продукцию.

На Московском партактиве в ноябре 1942 года отмечалось, что за 15 дней ноября месячный план по предприятиям Наркомата станкостроения был выполнен лишь на 18%, по предприятиям Наркомата среднего машиностроения – на 37%, Наркомата тяжелого машиностроения – на 31%. Для выполнения плана широко применялись сверхурочные работы. Не менее остро стояла проблема выполнения норм выработки всеми рабочими. Например, на комбинате им. Ленина г. Костромы 50% рабочих не выполняли нормы, на других предприятиях – 30–35% рабочих. Производительность оборудования составляла 80–85% (15).

В начале июня 1943 г. на заседании Московского обкома ВКП(б) отмечалось, что большие резервы роста производства заключались в экономии сырья, и главным образом металла. Так, при штамповке одного из моторов в стружку шло около 60% металла, при обработке винта – 64 кг. На металлургических заводах при отливке корпусов снарядов предусматривались очень большие допуски. Вес отливки 67 мм снаряда в 2 раза превышал вес готового изделия, половина металла шла в стружку (16).

Плановые отходы черного металла в 1944 г. на владимирском заводе «Красный октябрь» составляли 980 тонн в год и цветного – 40 тонн (17). Исходя из плановых отходов металла, составлялись и планы по сбору металлолома, который происходил непосредственно на территории предприятий. Например, в ходе двухдекадника по сбору и отгрузке металлолома в Ярославской области, организованного в честь 25-летия ВЛКСМ, на заводе «Победа рабочих» комсомольцы и молодежь отгрузили 50 тонн лома, на фабрике «Красный перекоп» – 100 тонн лома. На Ярославском тормозном заводе комсомольско-молодежными постами на 17 августа 1943 г. было обнаружено, как сказано в документе, на территории завода 950 тонн металлолома (18).

Устранение этих проблем в работе предприятий требовало пересмотра устаревших технических норм, совершенствования технологии и улучшения всей организации производственного процесса. Выявление всех внутренних резервов производства, однако, требовало определенного времени. Сложность ситуации состояла в том, что в начале 1942 г. обострилась проблема рабочей силы. С завершением реорганизационных процессов и переходом к массовому производству военной продукции потребность в дополнительных рабочих ресурсах заявила о себе достаточно резко. С этой целью, с одной стороны, использовались меры, направленные на более интенсивное использование имевшейся рабочей силы, с другой – проводились массовые мобилизации трудоспособного населения, перераспределялись трудовые ресурсы между предприятиями.

В первые дни войны большое распространение приобрели движения двухсотников, трехсотников, тысячников и других стахановцев военного времени, охватившие все отрасли промышленного производства. На заводах Ивановской и Владимирской областей на 1 октября 1941 г. их насчитывалось более 36 тысяч человек, или 68,9 % от всех рабочих (19).

Передовики производства выступили с инициативой создания молодежных фронтовых бригад, которые брали на себя обязательства по перевыполнению норм за себя и товарища, ушедшего на фронт. Впервые такие бригады возникли осенью 1941 г. почти одновременно на ряде предприятий Москвы и Урала, затем это движение приобрело поистине массовый характер. Участники бригад включались в различные виды соревнований: между заводами, цехами, отдельными участками, проводили

соревнование по профессиям. К концу войны на заводах и фабриках страны, по имеющимся данным, работало 154 тыс. молодежных бригад, объединявших более миллиона юношей и девушек (20).

Однако устранить дефицит рабочих кадров только за счет этих мер не представлялось возможным, необходимо было изыскать новые источники рабочей силы. В феврале 1942 г. был принят Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». За уклонение устанавливалась уголовная ответственность. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Использование целого комплекса мер мобилизационного характера дало производству тысячи новых неквалифицированных рабочих. Только в Ярославле к июлю 1942 г. было мобилизовано 6 тыс. человек. Привлечение женской молодежи на производство дало стране около 1 млн. молодых работниц (21).

Для успешного овладения молодыми рабочими производственными специальностями, выполнения норм выработки существенное значение имели их материально-бытовые условия. Вместе с тем многие руководители недооценивали значение работы с молодежью, проявляли формально-бюрократическое, пренебрежительное и даже преступное отношение к нуждам и запросам молодых рабочих.

В результате увеличивалось число случаев нарушения трудовой дисциплины и даже ухода рабочих с предприятий. Так, на промышленных предприятиях Ивановской области количество случаев самовольного ухода в нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1940 г. с января по октябрь 1942 г. увеличилось в 3,5 раза, а число опозданий и прогулов – в 2 раза. На отдельных предприятиях Шуйской объединенной мануфактуры число нарушений возросло в 6 раз, а на Красноволжском комбинате – в 13 раз.

Директора ряда предприятий, не интересуясь причинами прогулов и самовольных уходов с работы, встали на путь судебных наказаний рабочих, подчас не виновных в нарушении трудовой дисциплины. Так, по данным 34 предприятий 1-го и 2-го Главных управлений текстильной промышленности в Ивановской области с момента издания указа и по 1 августа 1942 г. было осуждено 24 647 человек, т.е. 31,5% к списочному составу рабочих. Эти факты свидетельствовали о халатном, пренебрежительном отношении ряда руково-

дителей к молодым рабочим, которые оказались в трудных условиях в период войны. За 7 месяцев 1942 г. в Ивановской области судебными органами было оправдано 3206 человек и прекращено 1074 дела о нарушениях трудовой дисциплины (22).

В этих сложнейших производственных и бытовых условиях необходимо было в кратчайшие сроки организовать обучение миллионов молодых рабочих, поскольку фронт требовал непрерывного увеличения военной продукции. Слишком очевиден стал разрыв между производительностью труда новичков и передовиков производства. Встала задача добиться от всей массы рабочих выполнения, как минимум, одной нормы, так как даже через 2–3 месяца обучения их норма выработки редко превышала 50–60%.

О серьезности положения свидетельствовало издание целого ряда постановлений правительства, ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ. В течение 1942 года были приняты: Постановление СНК СССР «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» (май 1942 г.), ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций по производственно-техническому обучению молодых рабочих» (июнь 1942 г.) и «О многочисленных фактах формально-бюрократического отношения к молодым рабочим» (октябрь 1942 г.), ЦК ВКП(б) «О политическом воспитании и производственном обучении новых рабочих на заводе им. Дзержинского» (сентябрь 1942 г.) и др. (23).

Основным методом обучения стала подготовка непосредственно на рабочем месте, когда новичков прикрепляли к квалифицированным рабочим. Помимо индивидуального ученичества на заводах и фабриках организовались курсы ФЗО, стахановские школы, кружки техминимума, использовался опыт технического обучения в молодежных бригадах. Применение самых разнообразных форм и методов профессионально-технического обучения, активное участие в нем передовой молодежи позволили решить проблему ускоренной подготовки квалифицированных рабочих кадров. В течение 1942 г. было подготовлено 2 млн. рабочих и свыше 1 млн. повысили свою квалификацию. Всего за годы войны было подготовлено более 14 млн. человек (24).

Активность молодых рабочих в дальнейшем была направлена на использование всех внутренних резервов, увеличение производительности труда при наименьших затратах, развитие рационализаторства и изобретательства, наращивание выпуска сверхпла-

новой продукции. В августе 1943 г. проходила конференция рабочей молодежи г. Ярославля, на которой были подведены итоги работы молодежи в дни войны. На 1 октября 1943 г. ею было выпущено сверхплановой продукции на 20 млн. рублей. Молодые рабочие одного из московских авиационных заводов во вне рабочее время построили 4 самолета и передали их штурмовому авиаполку. Горняки комбината «Тулауголь» к юбилею комсомола дали сверх плана 70 тыс. тонн угля. Лучшие комсомольцы-горняки Константин Корпачев, Тамара Сохликова были удостоены ордена Трудового Красного Знамени. 210 молодых горняков награждены значком «Отличник угольной промышленности» (25).

Инициатива молодых рабочих, направленная на подъем производительности труда, нашла свое выражение в переходе комсомольско-молодежных бригад на выполнение производственных заданий с меньшим количеством рабочих. Среди зачинателей этого движения были бригады под руководством Е. Барышниковой, Т. Гатиловой и Р. Барановской Московского государственного подшипникового завода. Движение за повышение производительности труда с меньшим числом рабочих приобрело широкий размах. На 25 декабря 1943 г., спустя месяц после начала движения, только по 25 городам, областям и краям страны насчитывалось уже 4260 комсомольско-молодежных и фронтовых бригад, высвободивших их своего состава 17 892 человека (26). Всего за время войны в этом движении участвовали 20 211 молодежных бригад. Без снижения объема выпускаемой продукции они сократили свой численный состав на 74 269 человек (27).

Наращивание промышленного производства потребовало усиления внимания к вопросам улучшения организации производства, совершенствования технологии и внедрения передовых методов труда. Новыми инициативами молодежи на этом этапе стали: участие в освоении поточно-конвейерного способа производства, внедрении хозрасчета, а также агарковское движение, направленное на совершенствование организации и улучшения структуры производственного процесса.

Существенное экономическое значение имела инициатива бригадира фронтовой молодежной бригады сварщиков Е. Агаркова (Челябинская обл.) и бригадира слесарей-сборщиков одного из московских заводов А. Федотова. Почти одновременно они осуществили объединение бригад и участков, занятых производством сложных операций, в единый по-

ток. Только по одному участку, где работал Агарков, было высвобождено 29 рабочих, 4 бригадира, 3 сменных мастера. Всего было высвобождено 172 человека. В результате быстрого распространения нового движения промышленность получила дополнительно свыше 48 тыс. рабочих и специалистов (28).

Деятельность передовых рабочих коллективов по максимальному использованию внутренних резервов производства являлась значительным вкладом

в поиск дополнительных возможностей увеличения выпуска фронтовой продукции, способствовала совершенствованию технологии и интенсификации производственных процессов, экономии рабочего времени и ресурсов, повышению качества продукции, что позволило создать в тылу мощный фронтовой арсенал, удовлетворить потребность действующей армии в необходимом вооружении, технике и боеприпасах для достижения победы.

Примечания

1. Исторический опыт и перестройка: Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. – М., 1988. – С. 120.
2. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М., 1944. – С. 231.
3. Мир русской истории. Энциклопедический справочник. – М., 1998. – С. 520.
4. Комсомол в народнохозяйственном строительстве: история и современность. – М., 1988. – С. 170.
5. Еремин В. Г., Исаков П. Ф. Молодежь в годы Великой Отечественной войны. – М., 1984. – С. 170.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 43. Д. 1966. Л. 60–61.
7. Там же. Д. 2582. Л. 140. Д. 2587. Л. 43.
8. Там же. Ф. 654. Оп. 4. Д. 18. Л. 54–55.
9. Правда текстильщика, 1941, 22 июля.
10. Мы – молодая гвардия. Очерки истории Владимирской организации ВЛКСМ. – Ярославль, 1975. – С. 131.
11. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 14. Л. 1.
12. Там же. Ф. 634. Оп. 4. Д. 18. Л. 56.
13. Там же. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2594. Л. 111.
14. Там же. Д. 421. Л. 73–74.
15. Там же. Д. 1308. Л. 65. Оп. 44. Д. 703. Л. 13–14 (об.)
16. Там же. Оп. 43. Д. 1282. Л. 22.
17. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 23.
18. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 67. Л. 162.
19. Бутыко В.М. О трудовом подвиге рабочей молодежи Москвы. – М., 1983. – С. 86.
20. Еремин В.Г., Исаков П.Ф. – Указ. соч. – С. 183.
21. Там же. С. 168.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 420. Л. 60–61.
23. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. – Т. 3. – С. 68–69.
24. Еремин В.Г., Исаков П.Ф. Указ. соч. – С. 179.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2588. Л. 133; Ф. 78. Оп. 1. Д. 975. Л. 1.
26. Еремин В.Г., Исаков П.Ф. – Указ. соч. – С. 190.
27. РГАСПИ. Ф. 634. Оп. 4. Д. 29. Л. 29–31.
28. Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 238. Л. 59–60.

T.I. KONONOV

THE SOVIET ECONOMY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR INITIAL STAGE: EXPERIENCE AND PROBLEMS

In given clause the problems connected with necessity of accelerated translation of the industry on military rails in an initial stage of war, process of the organization and escalating of a military production are considered.

The governmental measures, and also innovation of workers and the mass labour initiatives directed on mobilization of internal resources of manufacture for achievement of the maximal increase of release of necessary kinds of arms are analyzed. Alongside with achievements, difficulties and lacks of the decision of these urgent problems show.

Key words: war 1941–1945 гг., translation of the industry into military rails, release of military production, labour initiatives of workers.

Л.Ю. КАЗАНИНА, кандидат исторических наук,
доцент Новомосковского филиала
Университета Российской академии образования
Тел.: 8 (48762) 5-11-40; 8 (48762) 4-18-55; 89056250260; kobra@kobra.tula.net

ОТРАЖЕНИЕ СТОЛЫПИНСКОЙ ПРОГРАММЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В ЛИБЕРАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

В статье излагается позиция партий российского либерализма относительно столыпинской программы модернизации экономики. На материалах печатных органов конституционно-демократической партии, «Союза 17 октября», партии демократических реформ и партии мирного обновления доказывается, что агитационно-пропагандистская деятельность либеральных партий заключалась в критике наиболее уязвимых аспектов реформы и формировании отрицательного по отношению к ней общественного мнения, что, по мнению автора статьи, сыграло не последнюю роль в неприятии обществом столыпинского варианта модернизации России.

Ключевые слова: партии российского либерализма, реформы П.А. Столыпина, общественное мнение.

Российская модернизация начала XX века, форсированная и направляемая сверху, стимулировала появление новых форм политической активности, дав толчок полемике по вопросам преобразований не только на уровне институтов государственной власти, но и в обществе¹.

Много места на страницах либеральной печати уделялось обстоятельному разбору реформ в области экономики и налоговой политики, которые по замыслу П.А. Столыпина должны были обеспечить высокие и стабильные темпы экономического роста, создать мобильную и эффективную инфраструктуру, рациональную финансовую, кредитную и налоговую системы.

Поскольку социальную основу «Союза 17 октября» составляли крупная финансовая и торгово-промышленная буржуазия, крупные помещики, ведущие свои хозяйства по капиталистическому пути, несомненно, партия октябристов должна была быть заинтересована в проведении предложенных П.А. Столыпиным системных реформ в области экономики и налоговой политики, способствовавших расширению экономических прав представителей крупного, среднего и мелкого бизнеса, созданию разноразрядных структур, ориентированных на защиту интересов предпринимательского класса. Однако на деле все обстояло гораздо сложнее. На страницах октябристского печатного органа практически отсутствуют не только восторженные, но даже и сдержанные позитивные оценки правительственных мер, направленных на комплексное и сбалансированное развитие экономики страны. Преобладают же критические замечания и недовольство, поскольку многие правительственные мероприятия в области экономики и финансов затрагивали интересы и не устраивали торгово-промышленные круги. По мнению «Голоса Москвы», правительство П.А. Столыпина в своей программе не только не выставило главного принципа, согласно которому «народные деньги затрачиваются на достижение действительно важных и полезных для него целей», но и не указало на намерение внести перемену в нашу финансовую систему. «Последняя

нуждается не в заплатах, не в создании добавочных только налогов, — заявлял октябристский рупор, — а в проведении начала равномерности в обложении, в уравнивании податных тягостей, лежащих на разных районах, в расширении права самоуправления на обложение и в проведении в экономическую и финансовую систему демократических начал. И эти важнейшие интересы не нашли себе места в правительственной программе. В ней нет творчества, а только предположения о введении новых и изменении старых налогов»².

Важнейшее значение для развития экономики имела предложенная П.А. Столыпиным модернизация налоговой системы и в первую очередь введение подоходного налога. Именно этому проекту было уделено главное внимание либеральной прессы. Общую гармонию правительственной политики, характерной чертой которой является беспринципность, нарушают, по мнению кадета Н.Н. Кутлера, два законопроекта в финансовой сфере. В первую очередь это законопроект о введении прогрессивного налога, который «отвечает требованиям податной справедливости — и в этом его бесспорная заслуга»³. Однородное значение Н.Н. Кутлер готов был бы признать и за проектом преобразования пошлин с наследства: «Прогрессивное нарастание налога по мере увеличения ценности переходящего имущества может быть приветствуемо как шаг на пути к податной справедливости. К сожалению, первоначальный проект Министерства финансов подвергся существенному изменению: смелая и решительная прогрессивность обложения заменена умеренною и аккуратною. При таких условиях проект должен был утратить большую часть своего общественно-экономического значения; уменьшилась и его фискальная роль»⁴. Но большая часть вносимых в Думу финансовых законопроектов, по его мнению, не имеет «никакой другой ценности, кроме приносимого ими увеличения средств казны».

Профессор П.П. Мигулин, чье мнение о бюджетных речах министра финансов В.Н. Коковцева и финансовой системе России «Речь» поместила в одном из декабрьских номеров 1907 г., вообще сомневается в экономической эффективности введения прогрессивного налога: «Не думаю, что страна могла извлечь много денег путем реформирования прямого обложения. При нашей чрезвычайной бедности поступление дает только обложение массы населения; отдельные крупные состояния

и крупные доходы у нас невелики, и если реформа необходима, то она необходима в целях, с одной стороны, технических, а с другой — моральных, так как необходимо более равномерное распределение податного бремени»⁵.

Законопроект о введении в России прогрессивного подоходного налога вызвал возражения и октябристов, которые после некоторых колебаний все-таки были вынуждены признать его необходимым. Председатель финансовой комиссии Государственной думы Г.Г. Лерхе, выступая на собрании парламентской фракции «Союза 17 октября» 18 апреля 1908 г., заявил: «Октябристы вполне осознают то, что сильно возрастающие государственные потребности несомненно должны вызывать известное увеличение налогов, а потому в первую голову придется увеличить налоги на табак, на гильзы, на наследственные пошлины, и все-таки, в конце концов, придется прибегнуть к подоходному налогу»⁶. Однако «Голос Москвы» настаивал на необходимости более широкой реформы прямого обложения, чем это намечено в проектах Министерства финансов: «Оправдание возможности введения подоходного налога при одновременном существовании всех прочих прямых налогов покоится на том положении, что прочие наши прямые налоги суть реальные, облагающие не доход, а доходоспособность. Если по отношению к разным видам имущественных налогов это и верно, то по отношению, например, к акционерным предприятиям, при той системе промышленного налога, какая существует теперь, трудно говорить об обложении доходоспособности, когда облагается несомненный доход и притом по прогрессивной шкале. Поэтому, как бы ни была теоретически обоснована правильность считать акционерную компанию за самостоятельный объект обложения и подоходным налогом, практически очевидно, что это голое, ничем не прикрытое обложение два раза одного и того же, и, кроме того, нельзя забывать, что тот же доход, поступая в руки акционеров и пайщиков, хотя и по частям, но вновь подвергается обложению»⁷. И тут же, не скрывая сомнения по поводу целей реформирования архаичной налоговой системы, октябристский рупор в статье «Подоходный налог» как бы невзначай напминал правительству: «С введением подоходного налога не останется объекта, не обложенного в пользу государства, поэтому естественно желание людей, которым близки местные интересы, чтобы государство подели-

лось с местными учреждениями теми средствами, которые оно берет с населения»⁸.

Партия демократических реформ в свою очередь рассматривала подготовку проекта о государственном подоходном налоге как долгожданную и очень необходимую, так как «нашу уродливую налоговую систему следует коренным образом перестроить, поскольку до сих пор она строилась под влиянием минутных настроений: нужны были деньги, и их старались черпать, черпать там, где в данное время легче и проще всего можно было добыть их, вовсе не справляясь с тем, как это отразится на населении»⁹. «Мы облагали все, что нужно трудящемуся: сахар, чай, хлопок, керосин, спички, табак, спирт, пиво, железо и т. д., — писала «Страна», — но в то же время колоссальные доходы лиц, разжившихся в этой атмосфере бесправия, мы оставляли не обложенными: у нас не было подоходного налога, и, прикрываясь всякими софизмами, мы объявляли невозможным ввести его у нас. Не облагали мы и спекулятивный прирост ценности, а спекуляция у нас шла вовсю»¹⁰.

Необходимость введения подоходного налога поддерживает и печатный орган мирнообновленцев. «Неприятно платить новый налог, — пишет «Слово», — но если при введении подоходного налога в перспективе буден начерчена широкая финансовая реформа, притом начерчена к неуклонному ее проведению в жизнь по мере возможности, то это бремя окупится, окупится расширением внутреннего рынка, поднятием покупательной способности крестьянской массы и т. д.»¹¹. В статье «О финансовой реформе» профессор И. Озеров анализирует доклад совета съездов представителей промышленности и торговли, в котором они высказались против ведения подоходного налога сверх существующих налогов, а не взамен, ибо платежные силы населения ослаблены, а налоговое бремя и без того доведено до крайнего предела, в результате многие предприятия не сумеют выдержать наложения таких тягот. Автор возражает: «Конечно, есть отрасли, переживающие кризис, но подоходный налог тем-то и хорош, что он очень эластичен: ведь если предприятие не дало дохода, то оно и обложено не будет. О чем же тут говорить?»¹².

Однако, поддерживая в целом введение подоходного налога, «Страна» называет министерский проект «попыткой удовлетворять общественным нуждам путем временных и, конечно, поверхност-

ных мероприятий»: «Оказывается, что в новом своем виде этот проект представляет общие и частные недостатки, между которыми особенно выделяются: допущение двойного обложения одних и тех же доходов, смешение личного подоходного обложения с коллективным и излишние облегчения владельцев наиболее крупных доходов»¹³. По мнению печатного органа ПДР, прежде всего следует немедленно устранить излишнее облегчение для богатых (прогрессивный рост налога, дойдя до 5% со ста тысяч рублей дохода, останавливается) и необоснованные изъятия, например, освобождение от налога доходов, которые русские владельцы получают от предприятий, находящихся за границей. «Во всяком случае, — пишет «Страна», — необходима большая выдержанность принципа подоходного налога, чтобы под его названием не выступила смесь разнохарактерных и разной тяжести обложений. Иначе существенный пункт министерской программы выполнится плохо»¹⁴.

Аналогичную оценку либералов получил и законопроект об акционерных компаниях. Кадетский рупор считает, что, несмотря на безусловную правильность идеи, положенной в его основу, практическое значение его осуществления в общих условиях современной торгово-промышленной жизни может быть весьма ничтожное: «Здесь перед нами явление совершенно аналогичное положению вопроса об охране свободы личности. Концессионная система, при условии сохранения всех ограничений для евреев и иностранцев и, следовательно, для юридических лиц, имеет такое же значение, как и введение у нас даже английской системы охраны личной неприкосновенности при условии сохранения всех положений о военных, усиленных и чрезвычайных охранах»¹⁵.

Широкий проект преобразования местных финансов кадет Д. Протопопов рассматривает лишь как стремление правительства отыгаться в своих неудачах с западными земствами: «Правительство Столыпина как бы хочет поднять свой упавший престиж среди местных самоуправлений и общественного мнения и одновременно, рядом крупных мероприятий по улучшению коммунальных финансов, создать то благополучие «градов и весей» необъятной империи, которое до сих пор оно же с таким усердием разрушало, да, вероятно, будет разрушать и впредь»¹⁶.

Наибольшее количество публикаций октябристского печатного органа было посвящено предло-

женным столыпинским правительством изменением порядка обложения промышленных предприятий. В соответствии с проектом Положения о государственном промысловом налоге основные сборы должны были взиматься в виде налога с капитала и процентов с прибыли, что вызвало протест в торгово-промышленных кругах и нашло отражение на страницах печатного органа октябристов. Так, на совещании о промысловом налоге, состоявшемся в марте 1908 г., все ораторы (А.И. Коновалов, Г.А. Крестовников, П.А. Иванов, П.П. Рябушинский, И.А. Баранов, М.В. Живаго, А.А. Вермбицкий) отстаивали ту точку зрения, что правительство должно брать свои доходы только с фактической, чистой прибыли предприятий: «Но как только финансовое ведомство начнет черпать источники своего дохода с уровня капиталов, вложенных страной в торгово-промышленные предприятия, то тем самым уменьшит производительные силы страны и положит начало разрушению русской промышленности»¹⁷. Октябристский печатный орган придерживался того же мнения: «Повышенное обложение прибыли, по сравнению с другими видами доходов, сплошь и рядом оказалось бы обложением таланта, способностей и их чрезмерного напряжения. Думаем, что такие «податные единицы» во имя культурных интересов, не говоря уже об экономических, нельзя карать усиленным обложением. Прибыль должна подлежать обложению по общему правилу, которое гласит: все должны нести податное бремя по мере своих платежных сил. Произвольное усмотрение – самое нерасчетливое усмотрение»¹⁸. При этом «Голос Москвы» утверждал, что «торговцы и промышленники нисколько не идут в своих пожеланиях вразрез с интересами государства: они желают платить промысловый налог, но только соразмерно доходу, соразмерно чистой прибыли»¹⁹. На состоявшемся 10 и 12 января 1909 г. совещании о промысловом налоге под председательством товарища министра финансов Н.Н. Покровского, при участии от Министерства торговли и промышленности В.Д. Сибилева, а также уполномоченных Совета съездов представителей торговли и промышленности, общества петербургских фабрикантов и заводчиков, Петербургского биржевого комитета было внесено в министерский проект очень много поправок редакционного характера и замечания по существу новой законодательной нормы. Однако, несмотря на проявленное со стороны пред-

ставителей правительства внимание, говорившее о желании внести в проектируемый закон необходимую ясность текста, прийти к консенсусу не удалось. «Голос Москвы» писал: «Нельзя, однако же, не пожалеть, что по некоторым вопросам обложения не удалось прийти к соглашению с чинами, присутствовавшими в заседаниях, почему желательного в таких случаях полного единомыслия не получилось»²⁰.

Поддержку октябристского печатного органа получили лишь те правительственные мероприятия в области экономики, которые соответствовали интересам промышленников. Весьма крупным нововведением в предложенной министерством реформе акционерного законодательства является, по мнению «Голоса Москвы», явочный порядок учреждения акционерных обществ посредством внесения их в акционерный реестр: «Вследствие этого нового порядка, весьма удобного и эластичного, сразу отпадает вся та масса хлопот и расходов, которые обычно фигурируют в отчетах вновь возникших обществ под наименованием «расходов по учреждению общества». Погашение этих расходов молодое еще предприятие подчас вынуждено распределять на ряд будущих лет, то есть обременять неизвестную еще прибыль»²¹. Но при этом представленные правительством проекты типовых нормативных актов, регламентирующих деятельность акционерных обществ, подверглись глубокому разбору, критике и дополнениям на совещаниях представителей торговли и промышленности, что нашло отражение на страницах «Голоса Москвы». Так, Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства представил министру торговли и промышленности подробную докладную записку по поводу составленного Министерством торговли и промышленности проекта изменений действующего законодательства о торгово-промышленных акционерных компаниях. «Голос Москвы», в свою очередь, представил своим читателям подробный отчет о ее содержании²². В своей записке Совет съездов прежде всего высказался за возможно скорую замену концессионной системы явочным порядком. Совет выступил против предполагаемого проектом запрещения членам правления акционерного общества состоять также в правлениях других обществ. Содержащиеся в проекте требования о солидарной ответственности членов правления совет посчитал неприемлемыми, находя, что

каждое лицо может нести ответственность лишь за собственные действия или упущения. Введение проектируемого Министерством торговли и промышленности института присяжных ревизоров представляется, по мнению Совета, преждевременным, так как весьма трудно подготовить необходимые кадры ревизоров-экспертов, ввиду чего в настоящее время надлежало бы сохранить в силе ревизионные комиссии. Совет также считал желательным предоставление в общих собраниях женщинам-акционерам активного и пассивного избирательного права.

Необходимой в финансовой сфере признавали лидеры либеральных партий и реформу государственного банка, а именно министерский проект о придании Государственному банку самостоятельности и независимости от Министерства финансов. Профессор И. Озеров писал: «Пока Государственный банк будет представлять только департамент Министерства финансов, всецело подчиненный министру финансов, и пока связь банка с государственным казначейством не будет изменена, до тех пор не будет должного доверия ни к банку, ни к нашему денежному обращению»²³. Станислав Скаржинский в статье «О реформе Государственного банка» понимает самостоятельность банка еще шире: «Самостоятельность банка, которую проект будто бы желает создать, не заключается в самостоятельности, хотя бы и полнейшей, его управляющего и прочих органов правления, а в самостоятельности его капитала, в частном его характере, в устранении всякой возможности риска банковских операций от неудач государственной политики. Лишь такая реформа банка будет встречена полным сочувствием со стороны европейского кредита и науки. Всякий другой будет сочтен полумерой без всякого значения»²⁴.

По мнению кадетского рупора, системные реформы в области экономики и налоговой политики невозможны без изменений общих условий жизни, то есть реформ политических: «В своей речи министр финансов сказал, что «податная система каждого государства слагается исторически, формируется рядом с жизнью государства, определяется его укладом, изменяется вместе со всем строем жизни». О каких же финансовых реформах можно говорить и как их можно провести, если весь строй жизни стремится сохраниться в прежнем виде? Какой же отсюда вывод? Очевидно, оставить все по-старому, и появившиеся уже во вче-

рашних газетах слухи об отсрочке всяких реформ вряд ли кого-нибудь удивят»²⁵.

Таким образом, реформы в экономической сфере в большинстве своем не получили безусловной поддержки и вызвали скептическое отношение либералов, несмотря на очевидные прогрессивные меры, которые они вынуждены были все-таки признать: законопроект о введении прогрессивного налога, проект преобразования пошлин с наследств, реформа Государственного банка.

По мнению кадетов, системные реформы в области экономики и налоговой политики невозможны без изменения общих условий жизни, то есть реформ политических. Октябристы, чью социальную основу составляли крупная финансовая и торгово-промышленная буржуазия, крупные помещики, ведущие свои хозяйства по капиталистическому пути, сосредоточили внимание на необходимости расширения экономических прав представителей крупного бизнеса и непрестанно повторяли это в публикациях своего печатного органа, требуя соответствующих дополнений к правительственным проектам, в то время как П.А. Столыпин планировал обеспечить интенсивное развитие производительных сил не только посредством обеспечения доступа к природным богатствам страны представителей промышленного и торгового капитала, но и через дешевый и общедоступный кредит, налоговые льготы для представителей среднего и мелко-го бизнеса, а также облегчение налогового бремени для рядовых тружеников. Лидеры мирнообновленцев считали, что главное заблуждение правительства заключается в том, что оно смотрит на все свои либеральные мероприятия как на уступку, как на пожертвование кому-то, как на средство так или иначе отделаться от назойливых требований и обеспечить наконец себе спокойствие.

И хотя авторитарный самодержавный режим считал себя единственно способным сохранить историческую инициативу и рассчитывал самостоятельно выйти из любой кризисной ситуации, хочется отметить, что перманентное, длящееся веками конфронтационное состояние между властью и обществом было усилено пропагандистской деятельностью либеральных политических партий до такой степени, что практически была утрачена (и с той и с другой стороны) психологическая способность к разумному компромиссу.

Стремление обеих сторон к поиску оптимальных путей преобразования общества на началах

социальной справедливости под лозунгом социально-политического реализма не стало основой для объединения усилий правительства и представителей либерального лагеря. Первому справедливо виделось отсутствие у либеральных лидеров желания идти на сотрудничество с правительством, вторые, считая министерство П.А. Столыпина рутинным, тяготеющим к старине, обрушили на него шквал критики за чересчур медленное, да

еще и с большими недоработками, с их точки зрения, проведение давно назревших реформ. Постоянные нападки со стороны партий российского либерализма на реформаторскую деятельность кабинета министров, критика наиболее уязвимых аспектов реформ П.А. Столыпина сыграли, на наш взгляд, не последнюю роль в формировании отрицательного по отношению к ним общественного мнения.

Примечания

¹ «Для суждения о том, как общество и народ отнеслись к политике нынешнего министерства, нужно будет подождать реакции на нее со стороны настоящих политических партий, действующих на выборах в Государственную Думу и представляющих собою организации, раскинутые по всей стране» («Речь». 1906. 14 сентября).

² Голос Москвы. 1907. 17 января.

³ Речь. 1907. 24 ноября.

⁴ Речь. 1907. 24 ноября.

⁵ Речь. 1907. 6 декабря.

⁶ Голос Москвы. 1908. 22 апреля.

⁷ Голос Москвы. 1910. 19 ноября.

⁸ Голос Москвы. 1910. 19 ноября.

⁹ Страна. 1906. 7 июля.

¹⁰ Страна. 1906. 7 июля.

¹¹ Слово. 1907. 8 августа.

¹² Слово. 1907. 8 августа.

¹³ Страна. 1906. 9 сентября.

¹⁴ Страна. 1906. 9 сентября.

¹⁵ Речь. 1910. 4 июня.

¹⁶ Речь. 1911. 21 августа.

¹⁷ Голос Москвы. 1908. 2 апреля.

¹⁸ Голос Москвы. 1908. 7 мая.

¹⁹ Голос Москвы. 1908. 24 июня.

²⁰ Голос Москвы. 1909. 16 января.

²¹ Голос Москвы. 1908. 1 августа.

²² Голос Москвы. 1910. 7 ноября.

²³ Слово. 1907. 23 августа.

²⁴ Слово. 1907. 5 сентября.

²⁵ Речь. 1908. 15 марта.

L.YU. KAZANINA

REFLECTION OF THE STOLYPIN'S PROGRAM OF MODERNIZATION OF ECONOMY IN LIBERAL PUBLIC OPINION

In the article is set up the position of parties of the Russian liberalism rather of the Stolypin's program of modernization of economy. On materials of printed bodies of a конституционно-демократическая партия, «of Union of October 17», to a party of democratic reforms and party of peace updating is proved, that the agitation-and-propaganda activity of liberal parties consist in criticism of the most vulnerable aspects of reform and formation negative in relation to it of public opinion, that, in opinion of the author of clause, has played not last role in неприятие by a society of Stolypin's variant of modernization of Russia.

Key words: Parties of the Russian liberalism, Stolypin's reforms, public opinion.

А.И. ПЕРЕЛЫГИН, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ОрелГИЭТ, председатель Орловского церковного историко-археологического общества

ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОРЛОВЩИНЕ В 1958—1988 ГОДАХ

В статье излагаются материалы, раскрывающие положение религиозных организаций Орловской области в 1958–1988 гг. В этот период была развернута ожесточенная борьба с так называемыми «религиозными пережитками». Гонениям подверглись не только Православная Церковь, но и христиане протестантских направлений. Борьба с религиозным мировоззрением в основном носила репрессивный характер, что приводило к укреплению христианских убеждений у верующих и сочувствию им со стороны населения.

Ключевые слова: религия, гонения, православная, баптисты, раскольники, религиозные пережитки.

В конце 50-х гг. в СССР началось новое наступление на религию. 4 октября 1958 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О докладной записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам о недостатках научно-атеистической пропаганды», которое объявило беспощадную войну религиозному мировоззрению.

ЦК КПСС беспокоил тот факт, что количество православных церквей и молитвенных домов почти не уменьшалось: если на 1 января 1953 г. в СССР их насчитывалось 13 508, то на 8 января 1959 г. – 13 413. Кроме того, Русская Церковь имела 63 монастыря с 4706 монашествующими, две духовные академии и 8 семинарий. К началу января 1958 г. численность православного духовенства практически мало изменилась и в ее составе насчитывалось 12 169 священнослужителей. Для сравнения: на 1 января 1952 г. было 12 318 священников¹. Происходило это накануне XXI съезда КПСС, где должна была обсуждаться «величественная программа строительства коммунизма». Отсюда вытекала задача усиления борьбы с враждебной буржуазной идеологией и антикоммунизмом, находившимся, по утверждению советских идеологов, «в тесном сотрудничестве с церковными организациями и сектами»². Предполагалось в кратчайший срок покончить с религией и в коммунизм вступить без попов и верующих в Бога. Сам Никита Хрущёв публично пообещал в 1960 г. «показать последнего советского попа». С целью подавления религии в СССР принимаются постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за соблюдением советского законодательства о культах», а также секретная Инструкция по применению этого законодательства³.

По всей стране началось массовое закрытие церквей и молитвенных домов. Только с 1960 по 1967 г. было закрыто 5588 церквей, или 43 процента от общего количества православных храмов⁴.

В Орловской области за период с 1959 по 1969 г. численность действующих православных храмов сократилась с 23 до 15⁵. Повсеместно вновь началось разрушение церквей. В начале апреля 1965 г. в городе Орле по указанию властей был взорван величественный архитектурный памятник – храм во имя Преображения Господня. Разгул атеистического богоборчества серьёзно обеспокоил православное духовенство и верующих. По этому поводу Патриарх Алексий 16 февраля 1960 г. в речи на Москов-

ской конференции «Советская общественность — за разоружение» смело заявил, что «Церковь Христова, полагаящая своей целью благо людей, испытывает сейчас нападки и порицания». Правительственные органы немедленно дали Патриарху понять, что его речь на конференции «была неправильной и политически вредной»⁶.

Под давлением Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Архиерейский Собор, открывшийся 18 июля 1961 г. в Троице-Сергиевой лавре, был вынужден установить новую организацию приходского управления. Настоятель вместе с клириками устранялись от участия в приходском собрании и приходском совете. Тем самым священники не допускались к управлению финансовыми и хозяйственными делами прихода и храма. Их задача сводилась только к «удовлетворению религиозных нужд прихожан». Это был сильный удар по Церкви. В православных храмах стали управлять старосты, которые утверждались советскими властями и нередко были неверующими, что вело к упадку церковной жизни. А тем временем контроль государственных органов за деятельностью духовенства ужесточался. Все они переводились на зарплату, для учёта причтового дохода вводились квитанции. При крещении и исполнении других церковных обрядов требовалось предъявлять паспорт, указывать фамилии и адреса граждан, обращающихся в церковь. Это давало возможность партийным, советским и другим органам выявлять «неустойчивых в мировоззрении» и применять к ним различные меры воздействия. Широко практиковался через Уполномоченных Совета по делам РПЦ межобластной и межреспубликанский обмен списками крещёных детей и взрослых⁷.

За малейшее нарушение драконовского законодательства о религиозных культах духовенство и верующие строго наказывались, вплоть до судебных расправ. Так, в апреле 1959 г. за недозволенную врачебную деятельность среди верующих был осуждён на 2 года священник Никольской церкви села Добрынь Кромского района Орловской области Никита Николаевич Афанасьев. На судебном процессе большинство его подопечных, вызванных для свидетельских показаний, пытались оправдать поступки священника. После суда Афанасьев приобрёл широкую популярность среди верующих и «вызвал у них явное сочувствие»⁸.

В городе Орле 8 мая 1965 г. народный суд За-

водского района незаконно осудил на 2 года сотрудников Епархиального управления Самчука Павла Николаевича (впоследствии архиепископ Орловский и Ливенский Паисий) и Сапсая Николая Сергеевича (впоследствии епископ Петропавловск-Камчатский Нестор) по сфабрикованному на них делу. Правда, 23 декабря 1965 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор отменила и невиновных освободила из заключения⁹. Однако такие оправдания служителей церкви были крайне редки. Более семидесяти лет гонений и репрессий на Русскую Церковь привели не только к физическому разгрому её былой мощи, но и к моральному пленению советскими властями. Лояльность к политическому режиму являлась одним из главных условий допуска к пастырской деятельности.

Вследствие жёсткого контроля за жизнью Церкви советским властям удалось добиться в основном полного послушания со стороны православного духовенства и соблюдения им советского законодательства о религиозных культах, о чём 17 апреля 1968 г. на расширенном заседании Совета по делам религии при Совете Министров СССР с удовлетворением было заявлено: «...Церковники теперь в основном поставлены в рамки закона»¹⁰.

Однако упорная борьба с христианами продолжалась, особенно с сектантами. В 1961 г. в результате раскола церкви евангельских христиан-баптистов выделилось движение под названием «Совет церквей ЕХБ», не желавшее признавать советское законодательство о религиозных культах. 20 тысяч «раскольников» ушли из-под контроля¹¹. Совет по делам религий обратился «в высшие руководящие инстанции с предложением ликвидировать баптистское подполье». В ЦК КПСС эту инициативу приняли с пониманием и провели специальное Совещание руководящих работников Союзной прокуратуры, Верховного Суда и др., на котором приняли единую программу действий¹². По всей стране советские власти организовывали над верующими показательные судебные процессы. По неполным данным, в СССР за нарушение законодательства о религиозных культах с 1961 по 1972 г. было осуждено 1770 человек, в основном сторонников «Совета Церквей ЕХБ»¹³. Только за 1967 г. к административной ответственности власти привлекли около 1300 человек, из них 800 верующих ЕХБ и «СЦ ЕХБ», 90 — пятидесятников,

20 адвентистов седьмого дня, 30 служителей культа православной церкви и рядовых верующих¹⁴.

В Орловской области также развернулась борьба с верующими-сектантами, принимавшая порой безобразные формы. В 1965 г. председатель колхоза «Победа Октября» в д. Мелыново Мценского района Капёлкин, узнав, что в одном из домов собрались верующие, вызвал к себе тракториста и велел ему «разогнать баптистское сборище». Тракторист выполнил приказ с помощью огнетушителя, а за руководителем группы два километра бежал по полю с ножом. «Баптист крепко бежал, – рассказывал тракторист. – Оглянется, а я ему нож показываю, он замедлит бег, и я замедлю бег, держу его на расстоянии. Потом я вернулся к месту, куда должен был прибежать баптист, и, только он вернулся из-за угла, – я опять на него с ножом. Он как повернётся да опять бежать без оглядки. Больше собираться не будут – напугали до смерти»¹⁵.

Этот незатейливый рассказ труженика полей – далеко не единственный пример произвола и беззакония, творимых по отношению к инакомыслящим. Он в достаточной степени показывает не только низкий уровень культуры, граничащий с полным духовным одичанием как у руководителей, так и у подчинённых, но и демонстрирует зрелые плоды атеистического воспитания населения, в основе которого лежали отказ от общечеловеческих ценностей и антихристианская мораль.

Для более эффективной борьбы с сектантами при Орловском облисполкоме создали так называемое «координационное совещание», в состав которого вошли ответственные работники обкома партии, КГБ, УВД и областной прокуратуры. На заседаниях «совещания» принимались установки по «борьбе с усиливающимися экстремистскими явлениями в деятельности объединений ЕХБ, как раскольников, так и зарегистрированных»¹⁶.

Молитвенные собрания сторонников «СЦ ЕХБ» стали решительно пресекаться административными органами. Только в 1983 г. в городе Орле, в Урицком, Дмитровском и Орловском районах было заактировано и пресечено 46 собраний верующих. В административные комиссии райисполкомов органы внутренних дел направили протоколы на 114 человек, из которых 17 решением комиссии получили предупреждение, а 97 оштрафованы. Наиболее упорные члены общин, такие как С.А. Тимохин, А.Я. Куркин, В.И. Абашин, Сергей и Людмила Минаевы, И.В. Шульдешова, В.В. Дроздов,

штрафовались по 5–6 раз. Общая сумма штрафов за 1983 г. составила около 10 тысяч рублей¹⁷.

Однако репрессии лишь усиливали сопротивление верующих. Многие из них, как во времена Римской империи, шли на столкновение с властями, чтобы принять мученичество во имя Христа. Пилипчук, один из руководителей Орловской общины «СЦ ЕХБ», заявил уполномоченному Совета по делам религии: «Это даже хорошо, что нас преследуют. Страдание за веру – это как раз то, чем наше братство проверяет твёрдость веры»¹⁸.

На упрямство «раскольников» власти отвечали новым ужесточением репрессий. Наиболее непокорных продолжали штрафовать, подвергать арестам, возбуждать уголовные дела. За период с 1967 по 1986 г. в Орловской области были осуждены к различным срокам заключения члены «СЦ ЕХБ» В.И. Абашин, Л.А. Богомоллова (народным судом в г. Москве), А.Ф. Бытин, Е.А. Еремичев, М.Г. Ипполитов, А.Я. Куркин, Н.И. Минаев (трижды судим), В.Н. Пилипчук, Э.В. Романенкова, Е.А. Тимохин, член общины истинно православных христиан В.М. Прилепский¹⁹.

По указанию партийных и государственных органов в средствах массовой информации и трудовых коллективах, где были выявлены верующие-сектанты, проводилась кампания по их дискредитации²⁰. Но это привело лишь к тому, что «раскольники» ушли в более глубокое подполье. Свои моления они стали проводить тайно, в основном в пригородных лесах и посадках. В Верховный Совет СССР, Генеральному прокурору СССР и за границу активисткой «СЦ ЕХБ» Э.В. Романенковой были направлены письма, в которых местные органы власти и УВД обвинялись в «геноциде» и в стремлении «истребить евангельских христиан-баптистов»²¹.

Гонение на сторонников «СЦ ЕХБ» привело к усилению их влияния на окружающих. В городах области произошел быстрый рост их численности. К 1984 г. общины «СЦ ЕХБ» достигли численности более 200 человек²².

В связи с процессом демократизации в стране с 1987 г. в Орловской области судебные преследования верующих были прекращены, а с 1989 г. приостановлена деятельность так называемого «координационного совещания». В 1990 г. с принятием Российского Закона «О свободе вероисповеданий» в стране была допущена свободная деятельность всех религиозных конфессий.

Примечания

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 206. Л. 40.
2. Воронцов Ю. В обход разума. Очерки по теории и практике буржуазной пронаганды. – Средне-Уральское кн. изд-во. – Свердловск, 1972. – С. 9.
3. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.
4. ГАОО. Ф. Р-1591 с. Оп. 3с. Д. 299. Л. 74.
5. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 4. Л. 126. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 320. Л. 3.
6. ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 214. Л. 58.
7. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 34. Л. 20. 202; Д. 41. Л. 112–127; Д. 44. Л. 164; Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 344. Л. 8.
8. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 4. Л. 137. 138.
9. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 25. Л. 104. 107.
10. ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 299. Л. 94.
11. ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 299. Л. 80.
12. ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 299. Л. 97.
13. ГАОО. Ф. Р-1591с. Оп. 3с. Д. 311. Л. 81; Д. 356. Л. 46.
14. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 37. Л. 20.
15. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.
16. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 78. Л. 76. 77.
17. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 83. Л. 130.
18. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 86. Л. 137.
19. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 37. Л. 176, 114; Д. 89. Л. 126; Орловская правда. 1968. 12 декабря.
20. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 86. Л. 141, 182, 183.
21. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 86. Л. 140.
22. ГАОО. Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 86. Л. 144. 145.

A.I. PERELGIN

RELIGIOUS ORGANIZATIONS' STATE IN ORYOL REGION IN 1058-1988

The article presents materials disclosing the state of religious organizations in Oryol Region in 1058-1988. This period was characterized by violent struggle with so-called "religious vestiges". Not only Orthodox Church but Christians of the Reformed faith were persecuted. It was mainly a repressive struggle which resulted in religious commitment strengthening of church members and sympathy of the people.

Key words: *religion, persecution, orthodox, Baptist, the Raskolniks, religious vestiges.*

А.И. РАЗДОРСКИЙ, кандидат исторических наук,
заведующий группой исторической библиографии
Российской национальной библиотеки
E-mail: razdor@nlr.ru

МЕРНЫЕ И ТАРНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ТАМОЖЕННЫХ И КАБАЦКИХ КНИГАХ РУССКИХ ГОРОДОВ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. (на примере курских, белгородских, вяземских и можайских источников)

В статье рассмотрена номенклатура государственных и народно-бытовых мерных и тарных единиц, упоминаемых в 100 таможенных и кабацких книгах Курска, Белгорода, Вязьмы и Можайска 1619–1720 гг. Исследованы специфика применения и значение различных мерных и тарных единиц, проанализированы хронологические и региональные особенности их употребления.

Ключевые слова: историческая метрология, история экономики, таможенные книги, кабацкие книги, торговля, таможня, система мер и весов.

В таможенных и кабацких книгах русских городов XVII – первой половины XVIII в. содержится богатый материал по истории русской метрологии. В этих документах зафиксировано значительное число самых разных мерных и тарных единиц. Часть из них принадлежит к официально установленным государственным мерам, значение которых, как правило, хорошо известно. Но большинство мерных и тарных единиц, использовавшихся при указании объема товаров, являлись народно-бытовыми или торговыми. Они имели свои региональные и временные особенности. Их весовое или количественное значение было весьма вариативным.

Определение номенклатуры и значения мерных и тарных единиц, упоминаемых в таможенных и кабацких книгах, с одной стороны, содействует обогащению исторической метрологии новыми данными, а с другой – имеет важное значение при изучении внешней и внутренней торговли страны, прежде всего для более точного установления объемов поставок различных товаров и цен на них. В данной публикации нами предпринят обзор различных мерных и тарных единиц, упоминаемых в четырех региональных комплексах таможенных и кабацких книг Курска, Белгорода, Вязьмы и Можайска XVII – первой половины XVIII в.

По Курску проанализированы 19 таможенных и кабацких книг (данные о товарной и питейной торговле в документах объединены): за 1619 (две книги), 1623/24, 1626/28, 1628/29, 1641/42, 1647/48, 1653/54, 1654/55, 1656/57, 1657/58, 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1669/70, 1670/71, 1672/73, 1677/78, 1720 гг.¹; по Белгороду – 13 таможенных и кабацких книг (данные о товарной и питейной торговле в документах XVII в. объединены): за 1641/42, 1646/47, 1651/52, 1653/54, 1656/57, 1657/58, 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1666/67, 1669/70, 1672/73, 1677/78 гг.²; по Вязьме – 17 таможенных (за 1649/50, 1651/52, 1652/53, 1653/54, 1654/55, 1656/57, 1657/58, 1661/62, 1666/67, 1668/69, 1673 (с 27 марта по 31 августа), 1673/74, 1674/75, 1675/76, 1676/77, 1678/79, 1679/80 гг.) и 22 кабацкие книги (за 1627/28, 1627/28, 1639/40, 1640/41, 1641/42, 1642/43, 1644/45, 1645/46, 1646/47, 1647/48, 1648/49, 1649/50, 1652/53, 1653/54, 1666/67, 1668/69, 1669/70, 1673 (с 27 марта по 31

августа), 1673/74, 1673/74, 1674/75, 1675/76, 1676/77, 1679/80 гг.)³; по Можайску – 12 таможенных (за 1627/28, 1629/30, 1634/35, 1637/38, 1640/41, 1644/45, 1648/49, 1655/56, 1659/60, 1665/66, 1666/67, 1673/74 гг.) и 17 кабацких книг (1627/28, 1629/30, 1634/35, 1637/38, 1640/41, 1644/45, 1645/46, 1648/49, 1655/56, 1660/61, 1665/66, 1666/67, 1667/68, 1668/69, 1669/70, 1671/72, 1673/74 гг.)⁴. Все перечисленные источники, за исключением курской и белгородской книг 1661/62 г., находящихся в составе конволюта в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, хранятся в различных фондах Российского государственного архива древних актов в Москве.

К общегосударственным мерным единицам, зафиксированным в рассматриваемых таможенных книгах, относятся, в частности, *пуд*, *фунт*, *гривенка*, *золотник*, *четверть*, *осьмина*, *четверик*, *аршин*, *локоть*, *сажень*, *ведро*.

Пуд (16,38 кг) многократно упоминается в проанализированных нами источниках. Он использовался для указания веса самых разнообразных товаров (прежде всего соли, меда и воска, а также семги, икры, сливочного масла, сала, смолы, селитры, пороха, свинца, краски, серы, квасцов, ладана, изюма, сахара, перца, огородных семян, шелка, шерсти и др.). В одних таможенных записях вес товара показан только в пудах, в других – как в пудах, так и в тарных единицах (например, в пудах и рогожах, в которых перевозилась соль).

Фунт, составлявший 1/40 пуда (409,5 г), применялся главным образом для измерения краски, белил, ладана, шелка, а также воска, икры, специй (перца, аниса, имбиря, шафрана, корицы, гвоздики), чая, деревянного масла, огородных семян, олова, меди, проволоки, селитры, серы, пороха, сургуча, сандала, бумажной ткани, рыбьего клея, скипидара, нефти, мыла, бисера и др. Нередко фунт использовался при обозначении веса товара наряду с пудом («тридцать шесть пуд тридцать четыре фунта»).

Гривенка упоминается сравнительно редко и только в некоторых курских и вяземских таможенных книгах XVII в. Примечательно, что книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. эту мерную единицу уже не знает. Согласно «Торговой книге» XVI в., в обиходе были большая гривенка, равная 96 золотникам (409,5 г), и малая (скаловая) гривенка в 48 золотников (204,8 г). На протяжении XVII в. большая гривен-

ка была постепенно заменена фунтом, равным ей по весовому значению. Это предписывал и Таможенный устав 1653 г.: «учинити бы вес против фунтов»⁵. В курских источниках гривенка (без определения) упоминается только в 1620-е и 1640-е гг. при указании веса воска, меди и медных котлов, причем, например, в соседних записях расходного раздела таможенной книги 1641/42 г. вес олова показан фунтах, а меди – в гривенках. В вяземских документах единичные случаи употребления гривенки (также без определения) встречаются при обозначении веса «суши» (вошины) (в 1654/55 и 1661/62 гг.), шерсти (в 1661/62 г.), а также (в качестве доли пуда) воска (в 1666/67 и 1668/69 гг.) и соли (в 1674/75 г.). Уверенно определить, какая гривенка – большая или малая – отмечена в указанных источниках, затруднительно. Скорее всего, речь в них идет о большой гривенке, т. е. о фактическом синониме фунта. На это указывает, в частности, то обстоятельство, что числовые значения гривенки в документах находились в пределах от 1 до 40.

Золотник, вес которого составлял 1/96 фунта (4,266 г), упоминается только в одной из статей курской таможенной книги 1720 г. при указании веса жемчуга и «снаряду серебряного сережного».

При указании веса различных сыпучих тел, в т. ч. зернового хлеба, таможенники использовали такие официальные меры, как *четверть*, *осьмина* и *четверик*. Четверть включала две осьмины, четыре полуосьмины и восемь четвериков. В курских таможенных книгах XVII в. эти мерные единицы встречаются сравнительно редко. Отмечено употребление четверти при измерении хмеля, осьмины – вошины, четверика – хмеля, конопли, орехов, вошины. К 1720 г. в курской таможне четверть стала применяться в массовом порядке. Она использовалась при указании веса хлеба, муки, крупы, гороха (совсем не встречавшихся на курском оптовом рынке в XVII в.), а также конопли и орехов. При этом четверики в данном источнике не зафиксированы совсем. В вяземской таможне в четвертях помимо зернового хлеба измерялись также мука, солод, сухари, гречневая крупа, орехи, конопля, вошина, клюква, в осьминах – орехи, конопля, вошина, хмель, лук, в четвериках – орехи, солод, мука, конопля, вошина, гречневая крупа, пшено, горох, лук, чеснок, хмель.

Следует отметить, что и курские, и вяземские таможенники XVII в. в тех случаях, когда вес то-

вара не был кратен целой четверти, обычно предпочитали указывать его только в четвериках, а не в четвертях и четвериках. Например, если регистрировалась партия товара весом в одну четверть и два четверика, она фиксировалась в таможенной книге как имеющая вес 10 четвериков. Иногда в четвериках учитывались и партии товаров, вес которых был кратен полной четверти (например, вместо трех четвертей записывалось 24 четверика).

В конце XVI – начале XVII в. в России бытовала четырехпудовая казенная четверть. В 1624 г. на места были разосланы новые образцы мер – медная осьмина и при ней железное гребло. Хлеб рекомендовалось насыпать с верхом, а затем уравнивать греблом с краями. Размер казенной четверти в это время был увеличен до шести пудов ржи или пяти пудов ржаной муки. Согласно царскому указу от 2 сентября 1679 г. шестипудовая казенная четверть была заменена восьмипудовой. Казенная четверть совпадала с таможенной или торговой четвертью. Она же являлась примочной мерой, которой измерялся хлеб, поступавший в казну в качестве разного рода натуральных сборов. Помимо казенной примочной четверти существовала казенная раздаточная или отдаточная четверть, которой пользовались при выдаче хлебного жалованья служилым людям по прибору. Размер раздаточной меры колебался от 0,75 до 0,37 казенной примочной меры. Чаще всего она была в два раза меньше примочной⁶.

Как известно, несмотря на стремление правительства к унификации мер, в различных регионах страны в течение XVII в. параллельно с общегосударственными продолжали существовать и свои местные меры, в т. ч. меры сыпучих тел, некоторые из которых имели те же названия, что и казенные, но при этом отличались от последних по объему (например, вятский четверик был равен шести московским четверикам, трубчевский четверик равнялся половине московской четверти⁷). В таможенных книгах Белгорода упоминается четверик «белгородской меры». Его весовое значение составляло одну осьмину «московской таможенной меры»⁸. В вяземской таможенной книге 1661/62 г. упоминается «полторы чети овса вяземской меры», а в книге 1679/80 г. зафиксирован один «вяземский четверик» лука. К сожалению, весовое значение этих мер не поддается расчету. В других же вяземских таможенных записях оговорок, указывающих на местный характер четвер-

тей и четвериков, не отмечено, поэтому надо полагать, что в них идет речь о казенных мерах.

В записях белгородской таможенной книги 1669/70 г. о производстве кислого меда упоминается мерная единица *четвертка*, составлявшая 1/4 четверика⁹. Она использовалась для указания количества хмеля, используемого в медовых ставках.

Сажень имела несколько разновидностей: малая сажень (152 см) – соответствовала расстоянию между размахом вытянутых рук человека от большого пальца одной руки до большого пальца другой; мерная (маховая) сажень (176 см) – определялась размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой руки; кося сажень (216 см) соответствовала расстоянию от пальцев ноги до конца пальцев вытянутой вверх руки. Известны сажени и иных размеров¹⁰. Эта мерная единица упоминается без какого-либо уточняющего определения только в расходных разделах и ценовых росписях таможенных и кабацких книг при указании размеров казенных построек или закупавшихся строительных материалов (главным образом бревен).

Локоть был равен расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца. Размер этой мерной единицы колебался от 38 до 54 см. По мнению большинства исследователей, размер «среднего» локтя был равен приблизительно 46–47 см¹¹. В проанализированных нами источниках счет локтями встречается исключительно редко. Например, в расходной части курской таможенной книги 1647/48 г. упоминается дубовый погреб «шести сажен без локтя» для хранения казенного вина¹², а в расходной же части вяземской кабацкой книги 1648/49 г. говорится о покупке для казенных нужд трехсаженных еловых бревен «с локтем». При указании количества товаров, поступавших на региональные рынки, эта мера практически не применялась. Исключением является запись в таможенной книге Белгорода 1666/67 г., в которой отмечена явка пяти локтей сукна и пяти локтей стамеда (сорт ткани).

Для измерения значительных по объему партий товара иногда использовался *берковец*. Эта мерная единица была равна 10 пудам¹³. В вяземских таможенных книгах ее применяли главным образом для указания объема привезенных на продажу соли и пеньки.

Объем поступавшей на региональные рынки соли учитывался в таможенных книгах не только

в пудах, но и в тарных единицах – главным образом в *мехах* и *рогожах*, а также в *бочках*, *мешках*, *кулях*. Их вес мог варьироваться даже в составе одной товарной партии. Согласно вяземским таможенным записям, в тех случаях, когда в таможене являлся только один мех или рогожа (с указанием количества пудов в них), вес данных тарных единиц колебался соответственно от 10 до 25 пудов и от 18 до 30 пудов. Чаще всего вес одиночных мехов составлял 20 пудов (зафиксирован в семи таможенных явках из 23). Среднее весовое значение меха, по данным таможенных книг Вязьмы, за все годы определяется в 21,12 пуда, рогожи – в 23,15 пуда¹⁴. Минимальный средний размер меха в составе одной товарной партии за все годы наблюдений в Вязьме зафиксирован на уровне 8,33 пуда (в 1668/69 г.), максимальный – в 33,04 пуда (в 1674/75 г.). Средний вес рогож в составе отдельных товарных партий колебался в Вязьме от 13 пудов (1679/80 г.) до 31 пуда (1654/55 г.). Есть основания полагать, что вес рассматриваемых тарных единиц в Вязьме в 1660–1670-е гг. по сравнению с 1650-ми гг. снизился в среднем на 20 %. Средний вес мехов и рогож по годам, по которым возможно произвести расчеты, изменялся следующим образом: меха – 1654/55 г. – 26,02 пуда, 1656/57 г. – 25 пудов, 1657/58 г. – 25,96 пуда, 1661/62 г. – 20,7 пуда, 1666/67 г. – 20,46 пуда, 1668/69 г. – 19,45 пуда, 1673/74 г. – 19,82 пуда, 1674/75 г. – 20,15 пуда, 1675/76 г. – 18,14 пуда, 1676/77 г. – 20,74 пуда; рогожи – 1654/55 г. – 28,55 пуда, 1656/57 г. – 21,4 пуда, 1657/58 г. – 26,75 пуда, 1666/67 и 1668/69 гг. – 20 пудов, 1679/80 г. – 20,45 пуда. Частотное распределение среднего весового объема мехов и рогож в составе отдельных товарных партий выглядит так: меха – менее 10 пудов – 1 явка, от 10 до 14,99 пуда – 17, от 15 до 19,99 пуда – 89, от 20 до 24,99 пуда – 121, от 25 до 29,99 пуда – 45, 30 пудов и более – 8; рогожи – от 10 до 14,99 пуда – 1 явка, от 15 до 19,99 пуда – 2, от 20 до 24,99 пуда – 9, от 25 до 29,99 пуда – 5, 30 пудов и более – 4.

Курские таможенники учитывали соль в кулях и мехах, но, в отличие от вяземских коллег, до начала 1670-х гг. их вес в пудах не фиксировали. Только начиная с 1672 г., когда правительство ужесточило требования за отчетностью таможен и кружечных дворов на Юге России, объем привозившейся в Курск соли стал в обязательном порядке учитываться в пудах. Это позволило, в частности,

установить, что на один мех приходилось в среднем около 20 пудов соли. Минимальный вес меха в 1672/73 и 1677/78 гг. зафиксирован в 16,23 пуда, максимальный – в 22,5 пуда.

При учете соли, привозившейся на Можайский рынок, фигурируют как рогожи, так и меха. По записям местной таможенки возможно рассчитать весовое значение только рогож и только применительно к 1648/49 г. (в другие годы вес данных тарных единиц в пудах не обозначен). Средний вес рогожи соли в Можайске в указанном году составил 24,5 пуда (по шести партиям), а в составе отдельных товарных партий он колебался от 23,8 до 28,3 пуда.

В курской таможенной книге 1677/78 г. отмечена явка соли в бочках. На одну бочку, в которых в Курск была привезена нижеволжская соль-бузун, пришлось в среднем по 16,6 пуда этого товара. В вяземской таможенной книге 1666/67 г. отмечен привоз соли в бочках весом по 10 пудов. В таможенной книге Вязьмы 1674/75 г. зафиксирована доставка соли в мешках, средний вес которых составлял 11,5 пуда (этот факт свидетельствует о том, что мех и мешок в соляной торговле не являлись синонимичными понятиями). В 1668/69 г. вяземскими таможенниками был зарегистрирован один куль соли весом 14 пудов.

Вес пеньки в вяземских таможенных книгах в подавляющем большинстве случаев приведен в пудах, но в нескольких таможенных записях упоминаются также тарные единицы. Так, в книге 1679/80 г. упоминаются 50 *кукол* пеньки стоимостью 15 руб. 80 коп. Средняя стоимость пуда пеньки в этом году составляла 13 коп. за пуд, следовательно, в 50 куклах пеньки должно в этом случае быть чуть больше 120 пудов или около 2,5 пуда на одну куклу.

Писчая бумага считалась *стопами* и *дестями*. Стопа состояла из 20 дестей, а десть – из 24 листов. Указанное количество дестей в стопе, установленное исследователями исторической метрологии на основании северных источников¹⁵, подтверждают данные расходных разделов вяземских таможенных книг: в 1652/53 г. стоимость стопы бумаги составляла 1 руб. 20 коп., а 5 дестей – 30 коп.

Объем сала в вяземских таможенных книгах несколько раз показан в *каравах*. По весу каравай сала был, надо полагать, весьма внушителен: в книге 1673/74 г. отмечен привоз 5 караваев сала общим весом 5 пудов.

Мерные единицы, применявшиеся для измерения тканей, отличается широкая номенклатура, причем в их использовании можно заметить определенную систему. Например, в Курске в XVII в. холст считали обычно аршинами, реже – *концами* или поштучно, крашенину – аршинами и *концами*, сукно – чаще всего *половинками*, а также *концами*, *поставами*, аршинами, абу (толстое и редкое белое сукно) и (за единственным исключением) полотно – «*штуками*» или «*штучками*», хлопчатобумажную ткань, как правило, – *литрами*, в отдельных случаях – фунтами, шелк – обыкновенно фунтами, иногда – литрами, пудами. В вяземской таможене учет сукон разных сортов велся главным образом в аршинах и половинках, холста – в аршинах и концах, шелка – в пудах, фунтах и *ансырях*, хлопчатобумажной ткани – в пудах, медеяна (сорт миланского полотна), мухояра (хлопчатобумажная азиатская ткань с шелком или шерстью) и трипа (шерстяной бархат) – в штуках. В белгородской таможенной книге 1666/67 г. зафиксирован учет абы в штуках, хлопчатобумажной ткани – в литрах, крашенины – в концах, сукна – в половинках. В таможенной книге Курска 1720 г. количество тканей, привезенных на продажу или провезенных транзитом, показано преимущественно либо в фиксированных общегосударственных мерах длины – аршинах (выбойка, крашенина, пестрядь, холст), либо мерах веса – пудах и фунтах (хлопчатобумажная ткань, шелк). Из нестандартных единиц измерения тканей в этом документе встречаются *тюм* (*тюнь*) (использовался применительно к ткани «китайке»), *трубка* (полотно), *конец* («китайка», полотно, сукно, холст), *штука* (аба, флер, выбойка, сукно), *косяк* (выбойка, пестрядь), *постав* (камка), *половинка* (сукно), *тая* (шелк).

В русской системе мер XVII в. аршин – мерная единица восточного происхождения – равнялся примерно 72 см и делился на 4 четверти и 16 вершков.

Ансирь в рассматриваемое время был равен 1 фунту. Согласно «Торговой книге» XVII в., первоначально в ансыре было $\frac{1}{2}$ фунта (128 золотников), а его «денежный вес» составлял 4 руб. Позднее вес ансыря снизился до 1 фунта, а его стоимость возросла до 6 руб.¹⁶

Литрой назывался византийский фунт (327,456 г). В таможенных книгах зафиксированы случаи измерения им не только тканей, но и мишуры и золотой краски.

Половинка, согласно Б. Г. Курцу, могла содержать от 17 до 27 аршин¹⁷. Издатели тюменских таможенных книг XVII в. и А. Ц. Мерзон определяли величину этой меры в 20–25 аршин¹⁸. В северных источниках зафиксированы и более крупные размеры половинки сукна – около 40 аршин¹⁹. Судя по данным вяземских таможенных книг, «денежный вес» этой меры был достаточно велик: в 1674/75 г. отмечена, например, явка одной половинки сукна «фалендыша» стоимостью 14 руб. (столько стоил в это время хороший боевой конь). Половинка более дешевого сукна «шиптухи» в том же году оценивалась обычно в 4–5 руб. (за эти деньги можно было приобрести крестьянскую тяговую лошадь). Конкретный размер половинки в вяземских источниках назван лишь однажды: в таможенной книге 1666/67 г. зафиксирован привоз половинки красного сукна размером 18 аршин.

Поставом (он же «трубка») назывался как сам ткацкий стан, так и снятая с него трубка ткани. Постав являлся прежде всего производственной мерой, которая получила свое название от орудия производства. Поэтому его размер определялся величиной основы. Для Белоруссии, исходя из традиционных габаритов ткацкого стана, Л.А. Молчанова определила длину постава в 12,6 м, хотя и отметила, что данная мера не являлась постоянной величиной²⁰. По подсчетам А.Ц. Мерзона, длина постава колебалась от 20 до 40 аршин²¹. Высказано предположение, что соотношение между поставом и половинкой составляло 1 к 2²². По данным издателей тюменских таможенных книг, постав являлся мерой, идентичной куску или штуке конца XIX – начала XX в.²³. В Толковом словаре В. И. Даля про постав в качестве меры сказано: «целая штука, конец, стар. половинка сукна».

Длину «конца» можно попытаться гипотетически рассчитать, исходя из цен, существовавших в Курске на холст. В конце 1660-х – 1670-е гг. аршин холста стоил здесь примерно столько же или не намного дороже, чем один конец той же ткани в 1654/55 г. Если допустить, что цены на холст не претерпели радикальных изменений за этот период, то можно предположить, что конец был близок по длине одному аршину.

Сказать что-либо определенное относительно «штук» и «штучек» затруднительно. Судя по всему, эти меры, которыми измеряли преимущественно импортные ткани, были довольно внушительны

по длине, ибо везти в другую страну небольшой отрез купцу было едва ли выгодно.

В курской таможенной книге 1720 г. зафиксирован счет пуговиц в *картах*. Данным термином в источнике обозначен плотный прямоугольный лист бумаги, на который крепились пуговицы²⁴. По данным, приведенным И. А. Малышевой, карта пуговиц насчитывала их три дюжины, т. е. 36 штук²⁵.

В таможенных книгах часто упоминается особая мерная единица – *юфть* (*юхть*). В первую очередь она применялась для учета кож, но иногда в юфтях указывалось количество и других товаров. Например, в курской таможенной книге 1641/42 г. велся счет юфтями убрисов, в вяземских источниках – стерляди, ветчины и свинины, в книге таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. – бобровых мехов и платков. Термин «юфть» служил в XVII–XVIII вв. для обозначения понятия «пара» и имел многогранное употребление. Так, юфтями определялся оклад стрелецкого хлеба. В этом случае юфть означала две четверти хлеба (четверть ржи + четверть овса)²⁶. Юфтью иногда называли и пару жерновов – верхний и нижний²⁷. Счет «юфтями-парами» широко применялся и в кожевенном деле. В то же время юфтью (юхтью, юхотным товаром) называлась и сапожная кожа, выделанная по русскому способу на чистом дегте²⁸. В курских таможенных книгах в записях о торговле кожами постоянно фигурирует «юхть», слово же «юфть» попадает изредка и только в памятниках 1670-х гг. Анализ источников не оставляет никакого сомнения в том, что слово «юхть» означает именно мерную единицу. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что, например, юхтями в курской таможне считали не только выделанные, но и сырые кожи²⁹. Употребление же слова «юхть», а не «юфть», в частности, в южнорусских таможенных книгах объясняется характерной фонетической особенностью местных говоров: заменой звука *ф* на *х*³⁰.

Понятие «пара» означал и другой торговый мерный термин – *обувь*. В обувях в таможенных записях показано обычно количество сапог и чулок³¹.

Количество предложенного к продаже железа в изученных нами таможенных книгах показано чаще всего в *связках*. При этом вес связочного железа в пудах никогда не приводился. Тем не менее, зная стоимость пуда и связки железа в один и тот же год, можно попытаться хотя бы примерно определить средний вес последней. В вяземс-

кой таможенной книге 1678/79 г. зафиксирована явка 50 пудов железа на 25 руб. (т. е. по 50 коп. за пуд). В том же документе отмечена явка 80 связок железа на 50 руб. Если допустить, что стоимость железа, исчисленного в связках и пудах, была приблизительно одинаковой, то получается, что весовое значение связки железа составляло около 1,25 пуда.

Для указания объема свинца наряду с пудами таможенниками использовалась такая тарная единица, как *свинья* (*свинка*). Ее весовое значение было довольно солидным. Например, в одной из вяземских таможенных записей 1675/76 г. указан вес двух свиной свинца: 7 пудов 7 фунтов, т. е. на одну свинью приходится в среднем около 3,6 пуда металла. В книге таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. в составе одной из товарных партий фигурирует 21 свинка свинца весом 102 пуда, т. е. в среднем вес одной свинки составил примерно 4,85 пуда.

Весовое значение мыльных *косяков*, представлявших собой большие бруски не разрезанного на куски мыла, до сих пор остается метрологической загадкой. Некоторый свет на этот вопрос проливает запись в таможенной книге Белгорода 1672/73 г., в которой говорится о явке двухсот «мыл копеечных»³². Ясно, что здесь речь идет о кусковом мыле, один кусок которого стоил 1 коп. Из таможенных книг Вязьмы известно, что на местном рынке косяк мыла в 1650–1660-е гг. стоил от 80 коп. до 1 руб. Предположим, что цены на мыло в Вязьме и Белгороде кардинальным образом не различались и что «копеечное мыло» являло собой некую общую для русских рынков данность. Тогда получается, что косяк мыла резался на 80–100 кусков. Надо полагать, что кусок мыла XVII в. не должен существенно отличаться по весу от современного крупного кускового хозяйственного мыла (в среднем порядка 300 г)³³. Резать мыло на куски меньшего размера в XVII в. было едва ли оправданно с экономической точки зрения, крупные же куски весом свыше 300 г были неудобными в использовании. Исходя из приведенных цифр, можно, таким образом, предположить, что вес косяка мыла колебался в разных партиях от 24 до 30 кг. О достаточно солидном весе косяка мыла свидетельствует, в частности, запись в курской таможенной книге 1654/55 г., в которой идет речь о явке 10 косяков мыла, доставленного на двух возах.

Объем хмеля, привозимого на продажу, в таможенных записях о явках оптовых партий товаров показан как в мерных (четверть, четверик, пуд), так и в тарных единицах, к числу которых относятся мешки или большие кули, называвшиеся *лантухами* (*лонтухами*)³⁴, и *кипы*. При указании объема хмеля, израсходованного на казенное производство кислого меда и пива, учет велся только в мерных единицах. Определить точный объем лантуха и кипы затруднительно. С уверенностью можно сказать лишь о том, что они были достаточно велики. Как правило, на один воз или подвод приходились один лантух или кипа хмеля. Зная стоимость четверика и лантуха в Курске в одно и то же время (лето 1661 г.), можно попытаться хотя бы приблизительно рассчитать объем последнего – около 24 четвериков. Аналогичным образом можно поступить и в отношении кипы. В «ценовной росписи» курского кружечного двора 1657/58 г. значится запас хмеля стоимостью 5 коп. за четверик. Одна кипа хмеля в этом году на курском рынке стоила от 1,5 до 2 руб., из чего можно заключить, что весовое значение этой тарной единицы в данном случае составляло от 30 до 40 четвериков. В то же время значительный разброс цен на хмель, перевозимый в одной и той же таре, показывает, что в каждом конкретном случае объем лантуха или кипы мог значительно варьироваться³⁵. Так, весовое значение кип в разных товарных партиях, поступавших в Вязьму, колебалось от 7,5 до 26 пудов, а средний вес кипы зафиксирован по данным вяземских таможенных книг на уровне 18,8 пуда.

Основной единицей для измерения объема продаваемых алкогольных напитков (прежде всего хлебного вина) служило *ведро*. Высота казенного («указного» или «заорленного») ведра равнялась 8 вершкам (35,6 см), а диаметр (предположительно) – 4,66 вершка. В историографии приведены различные оценки объема казенного ведра. Наиболее корректными представляются расчеты объема «староманерного» ведра, выполненные в 1738 г. академиками И. Н. Делилем и Х. Н. Винсгеймом. Согласно полученным ими экспериментальным путем данным, объем казенного восьмивершкового ведра составлял 30,3 фунта воды³⁶.

В Курске до апреля 1654 г. учет объема хлебного вина велся в деревянных ведрах высотой в 10 вершков (44,5 см), после чего был осуществлен переход к медному казенному ведру. Поскольку

диаметр старого деревянного и нового медного ведра неизвестен, точно определить их соотношение между собой затруднительно. С уверенностью можно говорить только о том, что деревянное ведро было значительно больше медного, и, по-видимому, не только по высоте, но и диаметру. Так, в 1653/54 г. начальная цена деревянного ведра вина в Курске составляла 1 руб. 30 коп., тогда как медного – только 30 коп. (в 4,3 раза меньше). По отпускным ценам разрыв был, правда, менее значительным – лишь в 1,7 раза (соответственно 2 руб. 60 коп. и 1 руб. 50 коп.). Однако отпускная цена вина зависела прежде всего от нормы прибыли, а она в 1653/54 г. как раз значительно возросла. Начальная же стоимость напитка обычно не была подвержена таким резким колебаниям. Поэтому более обоснованно предположить, что старое деревянное ведро превосходило новое медное по объему примерно в той же пропорции, что и по начальной цене вина, т. е. примерно в четыре раза.

В белгородской таможенной книге 1653/54 г. наряду с казенным медным восьмивершковым («полуаршинным») ведром упоминается и «прежнее белгородское ведро», однако соотношение этих мерных единиц между собой в документе не указано. Вместе с тем известно, что начальная стоимость старого местного ведра хлебного вина в Белгороде в начале сентября 1653 г. составляла, по оценке белгородских земских ценовщиков, 1 руб. Стоимость же казенного ведра вина, принятого в 1653/54 г. на белгородский кружечный двор у московского подрядчика Б. Левонтьева, составила 30 коп. Исходя из этого, можно предположить, что белгородское ведро было в 3–4 раза больше казенного восьмивершкового, т. е. находилось по отношению к нему примерно в той же пропорции, что и курское деревянное десятивершковое ведро.

В первой половине XVII в. казенное ведро делилось на 12 *кружек*, а кружка – на 25 *чарок*. После проведения кабацкой реформы 1652 г. чарка была увеличена в три раза («чарка в три чарки»), в ведро входило 10 новых кружек и 100 новых чарок³⁷.

Помимо кружек и чарок в питейной торговле использовались и другие мерные единицы, которые применялись при продаже напитков в мелкий розлив. Упоминаемая в вяземских кабацких книгах 1640-х гг. *фарта* является, судя по всему, синонимом дореформенной кружки. Расчеты начальных и отпускных цен на пиво свидетельствуют о том, что фарты в 1640-е гг. составляла 1/12 ведра.

В августе 1645 г. в Вязьме было продано 42 ведра и 4 фарты пива на сумму 5 руб. 8 коп. при отпускной цене 12 коп. за ведро. Общая стоимость 42 ведер в этом случае составляет 5 руб. 4 коп., 4 фарт – 4 коп. Таким образом, отпускная стоимость 1 фарты была 1 коп. или 1/12 стоимости ведра.

Зафиксированные курской таможенной книгой 1623/24 г. *корцы* вмещали вина на 5 и 3 коп., о чем свидетельствуют их названия «полугривенный» и «алтынный». Зная стоимость десятивершкового ведра вина в этом году (в торговле в мелкий розлив) – 2 руб., можно подсчитать, что в такое ведро входило 40 полугривенных и 66 алтынных *корцов*. В записях о винной торговле за декабрь-январь 1628/29 г. отмечена и такая винная тара, как *ковш*. Стоимость ковша вина в этот момент была 2,5 коп., ведра вина (с кабаков) – 2 руб., из чего можно сделать вывод, что в ведро входило 80 ковшей.

В Вязьме в 1627/28 г. кислый мед и пиво измерялись *мерниками*, *гарцами* и *фартами*. Объем мерника точно не известен, ясно лишь, что эта тарная единица превосходила по объему казенное ведро в несколько раз. В 1627/28 и 1639/40 гг. отпускная цена мерника и ведра кислого меда составляла соответственно 1 руб. 20 коп. и 24 коп. (разница в 5 раз), а пива – 48 коп. и 12 коп. (разница в 4 раза). Если предположить, что отпускные цены на указанные напитки, не менявшиеся с конца 1630-х до середины 1650-х гг., с 1627/28 по 1639/40 г. не претерпели радикальных изменений, то мерник превосходил по объему казенное ведро в 4–5 раз. Отпускная стоимость гарца кислого меда была в 1627/28 г. 5 коп., фарты – 1 коп. Следовательно, в 1 гарце было 5 фарт, а в мернике – 24 гарца и 120 фарт. Та же пропорция получается и при расчете пивных цен 1627/28 г.: мерник пива – 48 коп., гарц – 2 коп. Вместе с тем в грамоте вяземскому таможенному и кабацкому голове Ивану Владимирову от 20 октября 1625 г. указаны иные размеры мерника относительно ведра и фарты: «а по смете в мернике по сту по сороку фарт, а ведра из мерника по шти ведр, а из ведра выходит дватцать три фарты приимочных»³⁸. Вероятно, объем мерника не являлся неизменной величиной и различался в каждом конкретном случае. Что же касается фарт, то они, по-видимому, имели разный объем в зависимости от вида измерявшегося ими напитка. Винные фарты были, надо полагать, меньше пивных и медовых примерно в два раза. Следует отметить, что в расходных записях и ценов-

ных росписях вяземских кабацких книг «винные фарты» и «медовые фарты» упоминаются отдельно друг от друга, в то время как, например, ставцы, ковши и чарки указываются без видовых определений. К 1639/40 г. в Вязьме был осуществлен переход к измерению продаваемого кислого меда и пива в ведрах.

В таможенных книгах Курска 1672/73 и 1677/78 гг. зарегистрированы казенные оптовые закупки у глуховских черкас хлебного вина в *бочках*. При покупке вино перемеривалось в стандартных восьмивершковых ведрах, о чем в документы внесены соответствующие записи. На их основании можно установить, что объем винных бочек составлял 30–40 медных восьмивершковых ведер. В таможенной книге Белгорода 1666/67 г. зафиксирована партия из 23 бочек вина, в которых содержалось 750,5 казенного ведра этого напитка, т. е. в среднем примерно по 32,5 ведра на бочку. В том же источнике упоминается также бочка кислого меда мерою 43 ведра.

Количество проданного кислого меда в большинстве курских таможенных книг показано в *бадьях*, а в 1641/42, 1669–1671, 1672/73, 1677/78 гг. – в *ведрах*. Медвяная бадья по своему объему была, вероятно, близка к винному деревянному десятивершковому ведру, несколько превосходя последнее по размерам. Начальная цена ведра кислого меда в 1641/42 г. составляла 52,25–68,5 коп., бадьи в 1647/48 г. – 76 коп., а отпускная цена – соответственно 1 и 1,2 руб. В 1660–1670-х гг. объем продажи кислого меда измерялся стандартным восьмивершковым медным ведром. Если в 1669/70 г. стоимость этого напитка была примерно такой же, как и в годы, предшествовавшие финансовому кризису начала 1660-х гг., то можно предположить, что медное ведро уступало бадье по объему в 4–5 раз (т. е. примерно в том же соотношении, в каком медное ведро уступало деревянному по начальной стоимости вина в 1653/54 г.). Начальная стоимость бадьи кислого меда в 1653/54–1658/59 гг. составляла 50–60 коп., ведра в 1669/70 г. – 10–20 коп., а отпускная цена – соответственно 1–1,1 руб. и 25 коп. Судить об объеме мелкой медвяной тары – *ендов* и *братин* – можно на основании записей курских таможенных книг 1626/28 и 1628/29 гг. Бадья кислого меда в эти годы стоила 1 руб., ендова – 10 коп., братина – 3 коп., следовательно, бадья включала 10 ендов и 33 братины.

В Курске учет объема проданного пива так же, как и кислого меда, велся в бадьях. Надо полагать, что пивная и медвяная бадьи не отличались друг от друга по объему. Что же касается кваса, то для его измерения в Курске использовалась специальная тара, называвшаяся тем же словом, что и квасное сусло, – *затором*. Квасные заторы, по-видимому, были близки по объему к медвяным и пивным бадьям.

Предпринятый обзор материалов по исторической метрологии, содержащихся в таможенных и кабацких книгах Курска, Белгорода, Вязьмы и Можайска XVII – первой половины XVIII в., свидетельствует о чрезвычайной многочисленности и разнообразии бытовавших мерных и тарных единиц, употребление которых имело определенную региональную специфику. При регистрации опто-

вых товарных партий, несмотря на некоторые тенденции к расширению применения казенных мер, наметившихся в 1670-е гг. и получивших дальнейшее развитие в первой четверти XVIII в., преобладающее значение сохраняли не мерные, а тарные единицы, метрологическое значение которых не было кодифицировано и оставалось весьма вариативным. Это существенным образом затрудняет сопоставительный анализ объемов товарных масс, поступавших на различные региональные рынки. Иначе обстояло дело в сфере казенного производства алкогольных напитков и питейной торговле, находившихся под пристальным государственным контролем. Здесь уже в середине XVII в. произошел переход от местных к общегосударственным мерам с четко установленным значением.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 1. Ч. 1. № 10, 11; Денежный стол. 79, 82, 84, 94, 104, 188, 314, 319, 329, 342, 346, 354, 356, 371; Ф. 214. Кн. 405; Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. Кн. 32772; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 9988.

² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Кн. 29; Денежный стол. Кн. 94, 104, 188, 189, 319, 329, 342, 346, 356, 371; Ф. 214. Кн. 405; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 9988.

³ РГАДА. Ф. 137. Вязьма. Кн. 2–14, 16–24, 26–31, 33, 34, 36–40, 40-а, 41.

⁴ РГАДА. Ф. 137. Владимир. Кн. 13-а, ч. 2; Можайск. Кн. 1, 1-а, 1-в, 1-г, 1-д, 1-е, 1-ж, 1-з, 1-и, 2, 2-а, 2-в, 3–6; Устюг. Кн. 16-а.

⁵ Специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие. СПб., – 2003. – С. 499–500.

⁶ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. 2-е изд. – М., 1975. – С. 104–105, 108–109, 112–113.

⁷ Там же. С. 117, 127.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 346. Л. 157.

⁹ Специальные исторические дисциплины. С. 494.

¹⁰ Там же. С. 477.

¹¹ Там же.

¹² Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. – М., 1982. – С. 242.

¹³ Специальные исторические дисциплины. С. 499.

¹⁴ В Тотье, согласно подсчетам А. В. Крайковского, средний вес меха и рогожи составлял 25 пудов, в Вологде – около 33 пудов (Крайковский А. В. Торговля солью на Русском Севере в 1630-х – 1650-х годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2005. – С. 11).

¹⁵ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 165–167.

¹⁶ Торговая книга // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. – СПб., 1851. Т. 1. – С. 106–139.

¹⁷ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. – Киев, 1915. – С. 339.

¹⁸ Тюмень в XVII столетии: Собр. материалов для истории города... – М., 1903. – С. 105; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). – М., 1960. – С. 288.

¹⁹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 159.

²⁰ Молчанова Л. А. Народная метрология: (К истории народных мер длины). Минск, 1973. – С. 71, 72.

²¹ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 288.

²² Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 160. – По данным издателей тюменских таможенных книг, постав являлся мерой, идентичной куску или штуке конца XIX – начала XX в. (см.: Тюмень в XVII столетии. С. 105).

²³ Тюмень в XVII столетии. С. 105.

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1980. Вып. 7. – С. 83.

- ²⁵ Малышева И. А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. – Хабаровск, 1997. – С. 134–135, 155.
- ²⁶ Веселовский С. Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 169.
- ²⁷ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 151–152.
- ²⁸ Там же. С. 153.
- ²⁹ Отмеченные факты, таким образом, не подтверждают мнение Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова о том, что в юфтях велся учет лишь выделанных кож, а сырые кожи считались только поштучно.
- ³⁰ См.: Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: Фонетика и морфология. – М., 1963. – С. 90.
- ³¹ Специальные исторические дисциплины. С. 501.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 346. Л. 157.
- ³³ В соответствии с ныне действующим ГОСТом 30266–95 твердое хозяйственное мыло выпускается в виде кусков номинальной массой 150, 200, 250, 300, 350, 400 и 500 г. Суммарная масса мыла, упаковываемого в ящики для транспортировки, не должна превышать 30 кг (см.: Мыло хозяйственное твердое: Общие технические условия. – Минск, 2007. – С. 5).
- ³⁴ См., например.: Украинско-русский словарь. 4-е изд. – Киев, 1976. – С. 339.
- ³⁵ В Устюге в XVII в. вес кипы хмеля колебался от 2 до 20 пудов (см.: Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 552).
- ³⁶ См.: Шостьин Н. А. Очерки истории русской метрологии: XI – начало XX в. 2-е изд. – М., 1990. – С. 78–79; Специальные исторические дисциплины. С. 496. – В наказной памяти вяземскому кабацкому голове Ивану Владимирову от 24 июля 1625 г. сказано, «чтоб на кабаке ведра были прямые и орляные, а непечатанных бы ведр на кабаке отнюдь не было, и была б одна мера ведром, каково приимочное, таково б и отдаточное, а иных бы кабацких непечатных ведр сверх государева указу у целовальников для своей корысти не было» (Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII в. – М., 2003. – С. 125).
- ³⁷ См.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 138–139; Похлебкин В. В. История водки. 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск, 1994. – С. 151; Шорин П. А. Метрология // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М., 2000. Т. 3. – С. 565.
- ³⁸ Кистерев С. Н. Нормативные документы... С. 131.

A. RAZDORSKY

MEASURED AND TARE UNITS IN CUSTOMS AND TAVERN BOOKS OF RUSSIAN CITIES 17 – FIRST HALF OF 18 CENTURIES (ON AN EXAMPLE OF SOURCES OF KURSK, BELGOROD, VYAZMA AND MOZHAISK)

In article the nomenclature of the state and national-household measured and tare units mentioned in 100 customs and tavern books of Kursk, Belgorod, Vyazma and Mozhaisk is considered 1619-1720, specificity of application and value of various measured and tare units Is investigated, chronological and regional features of their use are analysed.

Key words: *historical metrology, economy history, customs books, tavern books, trade, customs, system of measures and scales.*

А.Ю. САВОСИЧЕВ, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории
Орловского государственного университета
Тел. 89102058567; sawositchev@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ И СТАТУСЕ ДЬЯКОВ И ПОДЬЯЧИХ ВАСИЛИЯ III

В статье рассматривается проблема социального статуса дьяков и подьячих в сословной структуре русского общества первой трети XVI столетия. Проанализированы социальное происхождение и брачно-семейные связи дьяков и подьячих. Выявлено, что в рассматриваемый период большинство дьяков и подьячих были выходцами из провинциальных дворянских фамилий средней руки.

Ключевые слова: дьяки и подьячие, социальный статус, сословная структура.

Историография, посвященная различным аспектам возникновения и функционирования приказной системы, весьма обширна. Однако основная масса исследований посвящена истории государственного аппарата. Дьяки и подьячие рассмотрены в них как один из его элементов. Социальное происхождение и статус приказных людей выделялись в качестве самостоятельных задач исследования только применительно к материалам XVII в. Выводы о социальном происхождении и статусе дьяков и подьячих XV – XVI вв. делались попутно, на основании ряда отдельно взятых биографий приказных деятелей. Не был полностью выявлен корпус дьяков и подьячих XV и XVI столетий. Задача построения биографий приказных деятелей данного периода также не была решена до конца. Динамика службы дьяков и подьячих была прослежена достаточно полно. Внеслужебная же сторона жизни осталась в основном за кадром. Не были выявлены в достаточной мере родственные связи дьяков и подьячих, не определен характер и уровень их материального благосостояния.

В чем важность решения данных задач? Феодальное общество сословно по своей природе. Здесь место человека в обществе зависит от статуса, приобретенного по рождению. Динамика социального роста внутри сословия часто зависит от «отечества», дающего первоначальный, а иногда и решающий импульс развитию служебной карьеры. Феодальное общество корпоративно. Личность здесь не существует индивидуально, а лишь в составе сообщества. Родственные связи играют тут если не основную, то весьма важную роль. Родственные связи – это и показатель социального статуса, и фактор, способствующий или препятствующий социальному росту. В феодальном обществе богатство сохраняет свое значение как показатель общественного веса индивида. Отношение к феодальному землевладению является еще одним признаком социального статуса.

Социальное происхождение дьяков и подьячих, их место в сословно-классовой структуре русского общества определяют важность роли приказной бюрократии в развитии Российского государства XV–XVI вв.

Несколько слов о терминах. Наибольшее число вопросов вызывает словосочетание «приказная бюрократия». Когда в России возникает бюрократия и насколько применим этот термин к реалиям XVII, а тем более XVI и XV столетий? Ответ на этот

вопрос зависит от определения термина «бюрократия». Сколько-нибудь функционального определения термина на сегодняшний день не существует. Различные общественные науки дают множество объяснений. Однако все они страдают двумя основными недостатками. Определения термина «бюрократия» сформулированы так, что работают лишь в рамках отдельной страны или отдельной эпохи, либо же в качестве атрибутов бюрократии выбраны такие признаки, которые невозможно проследить на конкретном историческом материале.

На наш взгляд, под бюрократией следует понимать, во-первых, профессиональных управленцев, для которых документальное оформление властных решений является основным занятием, а во-вторых, тех, для кого государственная служба является единственным источником существования. Исходя из данных признаков, как будет показано ниже, термин «бюрократия» с определенными оговорками применим и к реалиям первой трети XVI в.

Хотя приказы как государственные ведомства и возникают только в середине XVI в., термины «приказная бюрократия», «приказные люди» могут быть, на наш взгляд, употреблены и применительно к реалиям более раннего времени. Исследования показывают, что в социальной природе между дьяками и подьячими второй половины XVI в., с одной стороны, и дьяками и подьячими второй половины XV – первой половины XVI в. – с другой, не было существенных различий.

Термины «дьяки и подьячие», «приказные люди», естественно, соотносятся как часть и целое, но мы условно используем их как синонимы, дабы не утомлять читателя постоянным повторением одного и того же словосочетания «дьяки и подьячие». Говоря «приказная бюрократия», «приказные люди», автор каждый раз имеет в виду дьяков и подьячих.

И еще одно. Об употреблении термина «дворянство». Естественно, что применительно к XV–XVI столетиям смысл этого слова менялся. Для большего удобства изложения материала мы употребляем данный термин в наиболее широком значении: служилое сословие, класс служилых землевладельцев, те, кого согласно тройственной модели структуры общества, сформулированной в начале XI в. епископом Жераром Камбрезийским и Адальбероном Ланским, называли вторым сословием или *bellatores* [1, с. 28].

Полная реконструкция корпуса дьяков и подьячих XV–XVI вв. уже сама по себе представляет проблему, так как данные источников не всегда поддаются однозначной интерпретации. Применительно ко второй половине XV столетия данная задача решалась С.Б. Веселовским [2] и А.А. Зиминим [3]. О неполноте справочника С.Б. Веселовского уже неоднократно говорилось в исследовательской литературе [4, с. 8]. Не будем повторяться, тем более что вряд ли целесообразно критиковать с точки зрения современной науки исследование, выполненное более полувека тому назад. Работа А.А. Зимина посвящена только дьякам, посему автор предпринял самостоятельную попытку учета всех дьяков и подьячих исследуемого периода.

Автором этих строк учтены 172 приказных деятеля, трудившихся в канцелярии Великого князя Василия Ивановича: 92 дьяка и 80 подьячих [5]. Дьяки: Тимофей Филиппович Добрынин *Айгустов* (1); Василий Белой *Александров* (2); Верещага *Александров* сын (3); Василий *Амиров* (4); Василий *Анисов* (*Аносов*) (5); Василий Семенович *Аргамаков* (6); Иван Васильевич *Аргамаков* (7); Василий Власьевич *Артёмьев* (8); Власий Ушак *Артёмьев* (9); Семен Трофимович *Борисов* (10); Дементий Иванович *Бунков* (11); Григорий *Великой* Александров (12); Никита *Великий* Васильевич Казаков (?) (13); Алексей *Вокшерин* (14); Григорий Булгак Васильевич *Вокшерин* (15); Иван Суморок Васильевич *Вокшерин* (16); Андрей Никифорович *Волосатого* (17); Григорий Шемет Александрович *Воробьев* (18); Тимофей Тимофеевич *Всеволожский* (*Всеволожский*) (18); Григорий Захарович *Гнильевский* (20); Захар Микулич *Гнильевский* (21); Иван Малой *Горбатой* Александрович (22); Максим Васильевич *Горин* (23); Ермолай *Давыдов* (24); Василий Третьяк Васильевич *Долматов* (25); Василий *Жук* (26); Роман Иванов сын (27); Василий *Ильин* (28); Трифон *Ильин* (29); Федор Михайлович *Калачев* (30); Иван Чудин Митрофанович *Карачаров* (31); Митрофан Федорович *Карачаров* (32); Данила Григорьевич *Клобуков* (33); Иван Тимофеевич *Клобуков* (34); Тимофей Григорьевич *Клобуков* (35); Иван *Кобяк* Филиппович Наумов (36); Болобан Иванович *Кувшинов* (37); Осан Васильевич *Кулибаев* (38); Афанасий Федорович *Курицын* (39); Афанасий Иванович *Курцев* (40); Иван Кушник Петрович *Курцев* (41); Федор Михайлович *Лелечин* (42); Юрий Федорович *Лелечин* (43); Алексей *Лукин* (44);

Данила Киприанович *Мамырев* (45); Данила Козел Терентьевич *Милославский* (46); Тимофей Федорович *Михалков* (47); Василий Обрюта Михайлович *Мишури* (48); Игнатий Дурак Михайлович *Мишури* (49); Федор Михайлович *Мишури* (50); Афанасий Семенович *Моклоков* (51); Никита Губа Семенович *Моклоков* (52); Тимофей Семенович *Моклоков* (53); Михаил Мисюръ Григорьевич *Мунехин* (54); Степан Ярец Андреевич *Нармацкий* (55); Долмат Леонтьевич *Неклюдов* (*Нелюбов*) (56); Александр Обрезок Иванович *Никитин* (57); Болдырь Паюсов (58); Иван Яковлевич *Переславец* (59); Владимир Семенович *Племянников* (60); Семен Леонтьевич *Племянников* (61); Василий Колупай Михайлович *Приклонский* (62); Исак Иванович *Протопопов* (63); Коротень Васильевич *Путилов* (64); Григорий Суморок Никитич *Путятин* (65); Григорий Меньшик Никитич *Путятин* (66); Иван Колтыря Михайлович *Раков* (67); Матвей Третьяк Михайлович *Раков* (68); Дмитрий Кубас Александрович *Сарыхозин* (69); Иван *Семенов* (70); Лука *Семенов* сын (71); Никифор *Семенов* (72); Звяга *Софонов* (73); *Стромило* Александров сын (74); Елизар *Суков* (75); Иван Вязга Афанасьевич *Суков* (76); Владимир Никитич *Тараканов* (77) [6, стлб. 465–467; 7, с. 36, 39–41, 72; 8 № 154; 9; 10 № 227]; Иван Иванович *Телешев* (78); Четверка *Терпигорев* (79); Василий Борисович *Тетерин* (80); Иван Горбатой Антонович *Тимофеев* (81); Андрей *Харламов* (82); Иван Некрас Владимирович *Харламов* (83); Федор *Ходыка* Григорьевич Бородатого (84); Елизар Иванович *Циплятев* (85); Иван Алексеевич *Шамский* (86); Яков Васильевич *Шишкин* (87); Алексей Малой Григорьевич *Щекин* (88); Русин *Щекин* сын Протасов (89); Григорий Шонур Яковлев сын Большово (90); Афанасий *Яковль* (91); Иван *Яковль* (92). Подьячие: Михаил *Александров* (1) [8, № 172]; Останя Григорьевич *Алексеев* (2) [2, с. 390; 11, с. 93]; Василий *Андрьянов* (3) [12, № 126]; Семен *Артемов* (4) [8, № 214]; Степан Константинович *Буженинин* (5) [13, стлб. 560–561; 14, стлб. 35; 15, с. 339; 16, с. 41]; Михаил *Жук Васильев* (6); Григорий *Великой* Александров (7); Никита *Великий* Васильевич Казаков (?) (8) [17, стлб. 39]; Афанасий Михайлович *Власьев* (9) [8, № 141]; Григорий Шемет Александрович *Воробьев* (10); Григорий Белой Гаврилович *Афанасьев* (11); Леонтий *Глебов* сын и его сын Третьяк (12–13) [2, с. 292–293; 8, №№ 108, 111; 18, № 74; 19, № 16; 20, с. 65,

67–68]; Третьяк Пименов *Головин* (14) [12, № 126; 14, с. 559]; Иван Малой *Горбатой* Александрович (15) [21, № 125]; Горяин Семенович *Горышкин* (16) [8, № 28]; Третьяк *Дементьев* (17) [22, с. 147]; Константин *Демин* (18); Калина *Дмитриев* (19); Иван Семенович *Дьяконов* (20) [8, № 268]; Никифор Васильевич *Дылдин* (21) [7, с. 86–87; 23, л. 56об. –64; 24, с. 333–335]; Дементий Михайлович *Елизаров* (22) [8, № 281; 25, л. 142об. –145об.]; Михаил *Елкин* сын Сергеев (23); Михаил *Захаров* (24) [7, с. 55]; Иван Морыга *Иванов* сын (25) [26, № 56; 27, № 1]; Кобец *Иванов* сын (26) [12, № 98]; Федор Масол *Иванов* сын (27) [28, № 12]; Яков *Иванов* (28); Карп *Игнатьев* сын (29) [19, № 27]; Трифон *Ильин* (30); Василий *Карпов* (31) [29, с. 12]; Митя *Кобылин* (32); Афанасий *Константинов* сын (Афанасий Костин) (33) [30, с. 241; 12, № 109]; Никифор *Константинов* (34); Семен *Космынин* (35); Федосей Иванович *Кузьмин* (36); Тихон Семенович *Кулибаев* (37) [20, № 7; 25, л. 113об. –114]; Федор *Леонтьев* сын (38); Паня *Нардуков* (39); Федор *Нестеров* (40) [16, с. 3; 31, с. 134, 135, 155]; Иван *Окулов* (41); Коростко *Онофриев* (42); Анфим Никитич *Осеев* (43) [32, № 5]; Иван Яковлевич *Переславец* (44); Окул *Пименов* (45); Дементий Михайлович *Племянников* (46); Нефед Никитич *Порхачев* (47) [28, № 3]; Хрипун Григорьевич *Потопчин* (48) [33, № 171]; Алеша Михайлович *Протопопов* (49) [34, с. 202]; Григорий Фомич *Протопопов* (50) [28, №№ 7, 9, 15]; Никифор Фомич *Протопопов* (51); Григорий Меньшик Никитич *Путятин* (52); Парфен Копье *Русанов* сын (53) [8, № 17]; Елизар *Сергеев* сын (54); Григорий *Сидоров* (55) [17, стлб. 1; 35, №№ 26, 62]; Юрий *Сидоров* сын (56); Злоба Семенович *Скрипицын* (*Стрипицын*) (57) [12, № 126; 24, с. 270; 36, № 51/XXI]; Роман Михайлович *Собинин* (58) [28, № 17]; Василий *Стародубов* (59); Афанасий *Старой* (60) [37, № 57]; Григорий Семенович *Сумороков* (61); Ушак (Григорьевич) *Сумороков* (62); Третьяк Игнатьевич *Сухого* (63); Иван Семенович *Тенев* (64) [23, л. 140–145; 38, л. 34–35, 36–36об., 513об. –515; 39, л. 55–57, 95–96, 150–151об., 195об. –199; 40, л. 113об. –115, 136об. –138; 41, л. 156об. –157; л. 51–52об.; 43, с. 8–9]; Михаил Нефедьевич *Толмачев* (65) [8, № 123]; Симон *Торопов* (66) [35, №№ 26, 62]; Федор Рудак Васильевич *Ушаков* (67) [12, №№ 126, 139, 150; 17, стб. 199–200]; Григорий *Федоров* сын (68); Игнатий *Федоров* (69); Макарь *Федоров* (Макарь

Федорович Воротилов) (70); Нечай *Федоров* (71); Степан *Федотов* (*Федотьев*) (72); Иван *Фомин* (73); Игнатий *Харитонов* сын (74); Иван Васильевич *Хвостов* (75); Истома Степанович Некрасов *Чертовской* (76); Иван Алексеевич *Щекин* (77); Иван Григорьевич *Щекин* (78) [44, № 37]; Русин *Щекин* сын Протасов (79) [45, с. 118]; Иван *Яковлев* сын (80) [12, № 19].

В уделах в первой трети XVI в. служили 24 дьяка и 13 подьячих. В Волоцком уделе источники зафиксировали двух дьяков – Микулу Александровича *Воронина* (1) и Максима Оладью Андреевича *Климентьева* Плохово (2) – и подьячего Касмаря *Вахрушева* (1) [12, № 49]. О дьяках кн. Ивана Борисовича Рузского сведений найти не удалось. Есть данные только об одном подьячем, известном под прозвищем *Стромило* (2) [12, № 22]. Самая многочисленная удельная капелярия выявлена в Дмитрове. Кн. Юрию Ивановичу служили 12 дьяков и 9 подьячих. Дьяки: Гаврила Поповка *Иванов* сын (3) [8, № 231; 12, №№ 39, 77, 78]; Семен *Леонтьев* сын (4); Захар Голова Борисович *Обобуров* (5); Андрей Владимирович *Огарев* (6); Артемий *Синец* (7) [46, № 95; 47, с. 172]; Дмитрий Артемьевич *Синцов* (8); Игнатий Федорович *Слободкин* (9); Федор Астафьевич *Сытин* (10) [8, № 77; 47, №№ 65, 73]; Игнатий Федорович *Татищев* (11); Иван Третьяк Климентьевич *Тишков* (12); Иван Боров Тимофеевич *Шелепин* (*Щелепин*) (13); Илья Лукьянович *Шестаков* (14). Подьячие: Иван Афанасьевич *Бормосов* (3); Курбат Ермолич *Вельяминов* (4) [8, № 179; 48, № 23, 32-35, 43, 49, 50, 64, 67, 72, 77, 84, 87, 92, 97, 104]; Влас *Гаврилов* сын (5) [8, №№ 177, 179]; Алексей Васильевич *Куров* (6) [12, №№ 64, 71]; Лева Терентьевич *Микулин* (7); Василий Леонтьевич *Палицын* (8) [10, № 252]; Гаврен Никулич *Пасеин* (9); Астафий Иванович *Сьянов* (10) [48, № 23]; Василий *Шарапов* сын (11). В Угличском уделе зафиксированы четверо дьяков: Небогатой Исакович *Дубровин* (15); Иван *Жито* Исакович *Дубровин* (16); Тимофей Федорович *Михалков* (17); Василий Дмитриевич *Нефимонов* (18). При дворе кн. Семена Ивановича Калужского обнаружены только два дьяка: Третьяк *Лызлов* (19) [8, №№ 57, 61] и Михаил *Никитин* (20). В Старицком уделе отмечено 4 дьяка и 2 подьячих. Дьяки: Варган Григорьевич *Захарьин Пасеин* (21); Исак Иванович *Попов* (22); Жук *Прокофьев* (23); Иван Алексеевич *Шамский* (24) [12, № 129]. Подьячие: Ко-

пыто *Григорьев* сын (12) [12, № 109; 26, № 220; 46, № 102] и Верига *Матвеев* сын (13) [8, № 240; 12, № 109].

В канцелярии митрополитов Симона, Варлаама и Даниила выявлено 10 дьяков и 1 подьячий. Дьяки: *Афанасий* (1) [49, № 40]; Вассиан Александрович *Воробьев* (2); Данила *Карнов* (3) [8, №№ 108, 179; 12, № 56; 50, № 52/IV; 51, №№ 108, 119, 190, 215]; Петр Стрига *Киприанов* сын (4); Леваш Иванович *Конишин* (5); Матвей Иванович Малого *Коротнев* (6); *Лука* (7) [51, № 202]; Иван Иванович *Парфеньев* (8); Клиша *Смольнянинов* (9) [51, № 78]; Иван Васильевич *Соболев* (10) [8, № 251; 12, № 276; 51, №№ 108, 161, 303]. Подьячий Василий Ларионович *Муха*.

Наиболее достоверным способом определения социального происхождения человека является обращение к социальному статусу его ближайших предков. Однако применительно к приказной бюрократии такой путь труден. Причин здесь несколько.

След, оставленный конкретным человеком в истории, в значительной мере зависит от его общественного положения, степени и результатов его социальной активности. Как будет показано ниже, службу в подьячих и дьяках избирали почти исключительно выходцы из провинциального неродословного дворянства или представители неслужилых сословий. Генеалогические сведения о фамилиях такого рода носят, как правило, случайный и отрывочный характер.

Еще одна трудность заключается в том, что многие представители приказной бюрократии упоминаются в источниках без указания на отчество и фамилию. Нередко у дьяка или подьячего совсем не было фамилии. Особенно много таких случаев применительно к XIV–XV вв., но и для XVI столетия такие явления не редкость. При таких обстоятельствах проследить генеалогию исследуемого лица трудно или практически невозможно.

Еще одним надежным способом выяснения социального происхождения представителей приказной бюрократии является анализ карьеры самих дьяков и подьячих до перехода на канцелярскую работу.

Косвенным признаком для социальной идентификации является сословная принадлежность близких родственников. Показательна фигура зятя, мужа дочери или сестры дьяка, невестки. Брак – это, как правило, союз равных. Мезальянс всегда

рассматривается обществом как исключение.

Бывают случаи, когда исследователь имеет дело с несколькими лицами, носящими одну фамилию, генеалогическое соотношение которых неясно, но принадлежность к одному роду не вызывает существенных сомнений. Однако более или менее уверенно делать выводы можно только тогда, когда мы имеем дело с относительно редкими фамилиями. Если фамилия происходит от распространенного крестильного имени или типичного прозвища, то отделить здесь родственников от однофамильцев почти невозможно.

Следствием всех вышеперечисленных обстоятельств является то, что в среде приказной бюрократии в первую очередь вычлениаются выходцы из дворянского сословия. Человек, происходивший из среды купечества или духовенства, – редкость. Однако, на наш взгляд, не стоит делать решительного вывода, что дьяки и подьячие по своим социальным корням относились преимущественно к классу служилых землевладельцев. Ведь значительная часть (конкретная доля варьируется в зависимости от эпохи) всех дьяков и подьячих, как это будет показано ниже, попадает в число тех, чье социальное происхождение определению не поддается.

Отчасти может помочь исследователю антропоники. Отчасти потому, что выявленные взаимосвязи между именем и социальным статусом человека не являются жесткими. Отсутствие фамилии косвенно указывает на «демократическое» происхождение человека. Однако фамилии нередко не имели даже аристократы, хотя для аристократа это, скорее, исключение, а для простого человека, скорее, правило.

Фамилия Попов, Протопопов, Протодьяконов, скорее всего, указывает на происхождение ее родоначальника из среды духовенства, но может происходить и от прозвища. Второе менее вероятно. Фамилии, происходящие от названий профессий, характерны для посадских. Но могут происходить и от аналогичных прозвищ, которые у дворян были самыми различными, а зачастую экзотическими. Еще более осторожно следует делать выводы о социальном происхождении носителей топонимических фамилий, производных от названий городов. Такие фамилии более характерны для посадских, но встречаются и среди служилых людей.

При таких обстоятельствах все наши выводы о социальном происхождении и социальных связях приказной бюрократии будут неизбежно в определенной мере гипотетическими все наши под-

счеты – примерными, определяющими лишь нижний порог искомым величин.

Применительно к деятелям великокняжеского приказного аппарата второй половины XV в. социальное происхождение поддается установлению для 74 лиц: 54 дьяков и 20 подьячих.

45 (48,9% от их общего числа) дьяков Василия III более-менее точно или предположительно были выходцами из дворян. Это Тимофей Добрынин Айгустов (1); Василий Семенович и Иван Васильевич Аргамаковы (2, 3); Дементий Иванович Бунков (4); Алексей Вокшерин (5); Григорий Булгак и Иван Суморок Васильевичи Вокшерин (6, 7); Андрей Никифорович Волосатой (8); Тимофей Тимофеевич Всеволжский (9); Максим Васильевич Горин (10); Федор Михайлович Калачев (11); Иван Чудин Митрофанович Карачаров (12); Данила Григорьевич, Иван Тимофеевич и Тимофей Григорьевич Клобуковы (13–15); Иван Кобяк Филиппович Наумов (16); Болобан Иванович Кувшинов (17); Афанасий Федорович Курицын (18); Афанасий Иванович и Иван Кушник Петрович Курцевы (19, 20); Федор Михайлович и Юрий Федорович Лелечины (21, 22); Алексей Лукин (23); Тимофей Федорович Михалков (24); Афанасий, Никита Губа и Тимофей Семеновичи Моклоковы (25–27); Михаил Мисюрь Григорьевич Мунехин (28); Степан Ярец Андреевич Нармацкий (29); Болдырь Паюсов (30); Колупай Михайлович Приклонский (31); Семен Леонтьевич и Владимир Семенович Племянниковы (32, 33); Суморок и Григорий Меньшик Никитичи Путятины (34, 35); Дмитрий Кубас Александрович Сарыхозин (36); Елизарий Суков (37); Иван Вязга (Звяга) Афанасьевич Суков (38); Владимир Никитич Тараканов (39); Иван Иванович Телешев (40); Четверка Терпигорев (41); Василий Борисович Тетерин (42); Елизар Иванович Циплятев (43); Иван Алексеевич Шамский (44); Алексей Малой Григорьевич Щекин (45).

Шестерых дьяков первой трети XVI в. – Митрофана Федоровича Карачарова, Василия Обрюту, Ивана Дурака и Федора Михайловичей Мишуриных, Данилу Козла Терентьевича Милославского и Исака Ивановича Протопопова – можно считать выходцами из «демократических» слоев населения. Это 6,5% от общего числа великокняжеских дьяков.

Трое (3,3%) были потомственными приказными деятелями: Василий Власьевич Артемьев, Григорий Захарович Гнильевский и Василий Третьяк Васильевич Долматов.

В среде великокняжеских подьячих исследуе-

мого периода выходцев из дворянства 9 (11,25%): Степан Константинович Буженинов (1); Федор Леонтьев (2); Дементий Михайлович Племянников (3), Меньшик Путятин (4); Злоба Семенович Скрипицын (5); Федор Рудак Васильевич Ушаков (6); Истома Степанович Чертовской (7); Иван Алексеевич и Иван Григорьевич (8, 9). Из среды духовенства и посадских происходили восемь подьячих (10%): Иван Семенович Дьяконов (1); Окул Пименов (2); Алеша Михайлович, Григорий и Никифор Фомичи Протопоповы (3–5); Елка Сергеев и его сын Михаил (6, 7); Иван Яковлев сын (8). Потомственными приказными деятелями среди подьячих Вел. кн. Василия Ивановича были четверо. Только в трех случаях это можно считать социальным происхождением: Третьяк Леонтьевич Глебов, Никифор Васильевич Дылдин и Ушак Григорьевич Сумороков. От 80 – 3,75%.

Из приведенных данных вытекает вполне устойчивое впечатление о более демократическом социальном происхождении великокняжеских подьячих в сравнении с дьяками. Более явно выражена среди подьячих и тенденция к наследованию социального статуса.

Среди удельных дьяков выявлено 18 (75%) выходцев из числа представителей класса служилых землевладельцев: Иван и Жито Исаковичи Дубровины (1, 2); Третьяк Лызлов (3); Варган Григорьевич Захарьин (4); Тимофей Федорович Михалков (5); Василий Дмитриевич Нефимонов (6); Захар Голова Борисович Обобуров (7); Андрей Владимирович Огарев (8); Максим Оладья Андреевич Плохово (9); Артемий Синец и его сын Дмитрий (10, 11); Игнатий Федорович Слободкин (12); Федор Артемьевич Сытин (13); Игнатий Федорович Татищев (14); Иван Третьяк Климентьевич Тишков (15); Иван Боров Тимофеевич Шелепин (Щелепин) (16); Илья Лукьянович Шестаков (17); Иван Алексеевич Шамский (18). Выходец из демократических слоев населения среди удельных дьяков выявлен только один – Исак Иванович Попов. Это 4,2%. Из 13 удельных подьячих выходцев из дворян четверо, или 30,8%: Иван Афанасьевич Бормосов, Алексей Васильевич Куров и Василий Леонтьевич Палицын.

Столь значительная доля выходцев из дворянства в структуре удельных канцелярий, скорее всего, объясняется характером сохранившихся источников. Интересно, что в делах мы не наблюдаем того социального барьера между дьяками и подьячими, который был виден при великокняжеском дворе.

Из 11 приказных деятелей митрополичьей канцелярии исследованного периода социальное происхождение определено у троих. Все трое – дьяки и выходцы из дворянства: Матвей Иванович Коротнев, Иван Иванович Парфеньев и Иван Васильевич Соболев. От общего числа митрополичьих дьяков это 30%. Таким образом, если во второй половине XV столетия митрополичья канцелярия еще сохраняла архаические черты в своем социальном устройстве, то в эпоху Василия III и туда распространяются тенденции, характерные для развития общегосударственного приказного аппарата.

Теперь перейдем к социальным связям. Применительно к первой трети XVI в. информация о матерях приказных деятелей очень скудна. В нашем распоряжении только 5 упоминаний. Мать Ивана Тимофеевича Щелепина была дочерью Юрия Мошнина [25, л. 47–47об.; 52]. Мошнины относились к числу мелких, возможно, неслужилых вотчинников.

Жены дьяков известны в 20 случаях [53]. Их девичьи фамилии не установлены. Есть только два исключения. Данила Клобуков был женат на дочери Игнатия Чертова [51, №№ 57, 58]. Это фамилия старинных митрополичьих вассалов, детей боярских средней руки. Акулина, дочь Василия Мальца Петровича Квашнина, была замужем за Иваном Переславцем [37, № 74]. Квашнины относились к числу старинных вассалов московских Великих князей, известных еще с XIV столетия. К первой трети XVI в. интересующий нас род сильно размножился и разделился на несколько ветвей, служебные успехи которых сильно разнились [54, с. 263–284]. Интересующая нас ветвь рода Квашниных представляется в значительной мере захудавшей. Только один ее представитель отмечен в составе Государева двора, да и то в группе, постепенно терявшей связь с привилегированной прослойкой служилого сословия.

Теперь о других родственниках великокняжеских дьяков первой трети XVI в. по женской линии.

Сестра Ивана Васильевича Аргамакова Анна была замужем за Василием Федоровичем Мачехиным [32, № 5]. В XVI столетии носители данной фамилии известны в Боровске, Брянске, Мещере, Муроме, Новгороде и Ржеве [17, Стб. 269–271, 362–363, 597, 663–664, 695–700, 797–798, 811; 26, №№ 281, 519, 529; 43, № 122; 56, с. 313; 57, №№ 228, 230, 232, 234, 1953–1956; 58, с. 279; 59, № 133]. Мачехины были рядовой провинциальной дворянской фамилией. Служили они в основном с городом. Некоторые время от времени попадали в рядовой состав Государева двора.

Тетка Афанасия Ивановича Курцева была замужем за Михаилом Васильевичем Конковым, сыном мелкого переславского вотчинника [60, № 456]. Дочь Михаила Анна, двоюродная сестра дьяка, вышла замуж за Семена Гавриловича Баскакова [8, № 45; 24, с. 327–329]. Применительно к XVI столетию прослеживается несколько ветвей данной фамилии, родство между которыми установлению не поддается. Даже сам факт родства нельзя считать таковым. Родословная роспись Баскаковых, поданная в конце XVII в. в Палату родословных дел, ясности не добавляет [61]. Она содержит информацию только об одной, переславской, линии рода. Впрочем, Баскаковы, состоявшие в родстве с Курцевыми и Племянниковыми, относились именно к данной отрасли фамилии. В XV–XVI столетиях Баскаковы были фамилией вотчинников средней руки, служивших с городом.

Сестра Григория Меньшика Путятинна была замужем за Иваном Козодавлевым [62, с. 82]. Козодавлеты были весьма заурядной служилой фамилией. При Иване Грозном они служили в рядовом составе Государева двора, но в первой трети XVI столетия они, скорее всего, находились за пределами этого привилегированного сообщества.

О матерях великокняжеских подьячих первой трети XVI в. никакой информации найти не удалось [63]. Сведения о женах крайне отрывочны, всего четыре случая [64]. Девичьи фамилии неизвестны.

Удельным канцеляриям и приказному аппарату РПЦ рассматриваемого периода в плане информации о брачно-семейных связях столь же «повезло». О матерях здесь ничего узнать не удалось. Упоминаний о женах приказных деятелей найдено всего четыре. Три относятся к удельным дьякам, одно – к подьячему.

Максим Оладья Климентьевич Плохово был женат на Евфимии Яковлевне Овцыной [12, № № 81, 166, 158, 215]. Овцыны были людьми родословными, но не относились к аристократии. За всю историю фамилии лишь два ее представителя достигли думных чинов [54, с. 459]. В XVI столетии Овцыны были служилыми людьми средней руки. Они частично занимали прочное положение в рядовом составе Государева двора, частично, видимо, слились с городом.

Девичья фамилия Евдокии, жены Федора Сытина, неизвестна [47, № 73]. Варган Григорьевич Захаров Пасеин был женат на Елене Федоровне Бундовой [65, № 12]. В конце XV–XVI вв. пред-

ставители данной фамилии известны в Новгороде, Юрьеве-Польском, Белоозере, Костроме, Коломне, Ярославле, Рязани, Владимире, Калуге, Козельске и Муроме. Судя по всему, родственники дьяка принадлежали к верхушке служилого города в одном из уездов Замосковского края.

Подьячий Курбат Ермолич Вельяминов был женат на сестре Якова Андреевича Хвостова [48, № 163]. В XV–XVI вв. известно несколько фамилий Хвостовых. Вопрос о родстве их между собой пока остается открытым. Яков Андреевич принадлежал к старинному кашинскому служилому роду. Его дочь Матрена вышла замуж за Ивана Андреевича Ивина [48, № 163]. Иван Андреевич принадлежал роду кн. Константина Ярославича Галичского. В главе 36 Бархатной книги указано, что потомки Ивана Борисовича Ивы «служили с кашинцы» [66, с. 232]. Однородцы Ивана Андреевича все связаны с Кашинским уездом и заметной карьеры в служебном отношении не сделали [8, № № 179, 283; 67, с. 136; 68, с. 44]. Все Ивины, хотя и числились в дворовых детях боярских, служили, скорее всего, с городом.

Что можно заключить в качестве вывода? Дьячество в первой трети XVI столетия формируется в значительной мере из числа представителей служилого сословия. Дьяк эпохи Василия III – это провинциальный сын боярский средней руки либо энергичный выходец из низов: приходского духовенства, посадских, холопов или слуг недворянского происхождения. При этом состав великокняжеских подьячих более «демократичен», чем состав дьяков. Два «этажа» столичной канцелярии демонстрируют тенденцию к оформлению в две различные по социальной природе корпорации.

Динамика службы дьяков и подьячих зависела, скорее всего, от их личных качеств, но и в приказной среде принцип «отечества» сохранял свое значение. В среде служилых фамилий наследование приказной деятельности является редкостью. Тем не менее определенное корпоративное единство, по всей видимости, ощущалось приказными людьми. Это проявлялось, в частности, в стремлении к установлению родственных отношений внутри слоя дьяков и подьячих. Однако чаще всего браки заключались по иному принципу: в супруги брались дочери соседней-землевладельцев и детей боярских. То есть более широкие сословные и экономические интересы преобладали над корпоративными.

Библиографический список

1. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII – XV вв. – М., 1989.
2. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. – М., 1975.
3. Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. – М., 1971. – Т. 87. – С. 219–286.
4. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М., 1987.
5. Почти все они учтены Веселовским и Зиминим, посему отсылку к источникам даем только в том случае, если указывается на персонаж, отсутствующий у выше означенных авторов.
6. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. – Т. II. – СПб., 1862.
7. Документы Архива Министерства иностранных дел в Москве. Из книги «Турецкие дела «№ 1» // Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. Приложение. – М., 1916.
8. Акты Русского государства. – М., 1975.
9. Маштафаров А.В. Духовная Ивана Юрьевича Поджогино 1541 года // Русский дипломатарий. – Вып. 1. – М., 1997.
10. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – М., 1997. – Т. 1.
11. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. – М., 2005.
12. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI вв. – М., 1956. – Ч. 2.
13. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. IV. – СПб., 1886.
14. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. V. – СПб., 1905.
15. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. – М., 1999.
16. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. – СПб., 1999.
17. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. VI. – СПб., 1910.
18. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. – М., 1970.
19. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. – М., 1998.
20. Антонов В.А. Клинические акты XV–XVI веков // Русский дипломатарий. Вып. 4. – М., 1998.
21. Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. Т. 1. – СПб., 1841.
22. Зимин А.А. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Исторический архив. – 1960. – № 3.
23. РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 523.
24. Шумаков С.А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». – М., 1917. – Вып. 4.
25. РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 530.
26. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – М., 2008. – Т. 4.
27. Маштафаров А.В. Муромские монастыри и церкви в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 6. – М., 2000.
28. Кистерев С.Н. Акты Московского Чудова монастыря 1507–1606 годов // Русский дипломатарий. – М., 2003. – Вып. 9.
29. Баранов К.В. Новгородская ободная грамота 1511/12 года // Русский дипломатарий. – М., 1999. – Вып. 5.
30. Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. – Отд. 2. – СПб., 1877.
31. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. – Л., 1930.
32. Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. – М., 2000. – Вып. 6.
33. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. – Т. 1. – СПб., 1836.
34. Шумаков С.А. Обзор Грамот Коллегии экономии. – М., 2002. – Вып. 5.
35. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. – М., 1978.
36. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссией. – Т. 1. – СПб., 1846.
37. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. – Т. 1. – Киев, 1860.
38. РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 518.
39. РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 520.
40. РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 521.
41. РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 522.
42. РГБ НИОР. Ф. 303. Кн. 525.
43. Шумаков С.А. Обзор «Грамот Коллегии экономии». – М., 1912. – Вып. 3.
44. Акты феодального землевладения и хозяйства. – Л., 1983.
45. Максин В.А., Пудалов Б.М. Докладной судный список 1509 года из архива Нижегородского Печерского монастыря // Русский дипломатарий. – М., 1998. – Вып. 4.
46. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М. – Л., 1950.
47. Антонов А.В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 3. – М., 1998.
48. Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. – М. – СПб., 2007.
49. Акты Российского государства. – М., 1998.
50. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – СПб., 1857. – Т. 1.

51. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. – М., 1951. – Ч. 1.
52. Схимницы Аполлинария и Александра матери Захара Никулича и Григория Захаровича Гнильевских; Мария – мать Афанасия Федоровича Курицына; Акулина – мать Ивана Тимофеевича Клобукова.
53. Применительно к Федору Леонтьеву и Митрофану Федоровичу Карачарову мы можем лишь констатировать сам факт наличия жены. Супруга Федора в конце января 1547 г. присутствовала на свадьбе царя Ивана и царицы Анастасии. Из текста росписи она вычеркнута и, скорее всего, данного поручения не выполняла. Имя в источнике отсутствует (Назаров В.Д. Свадебные дела XVI века. № 14 // ВИ. – 1976. – №10). 23 мая 1586 г. вдова Митрофана Карачарова, старица Вознесенского монастыря, продала свою подмосковную вотчину Болдину Дорогобужскому монастырю (Приходно-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря // РИБ. – Т. 37. – Пг. 1923. Стб. 40–41). Елена, жена Тимофея Добрынина Айгустова; Елена и Анастасия, жены Григория Захаровича Гнильевского; Александра, жена Захария Микулича Гнильевского; Акулина, жена Тимофея Григорьевича Клобукова; Мария, жена Данилы Киприановича Мамырева; Ксения, жена Ивана Тимофеевича Клобукова; Мария, жена Афанасия Федоровича Курицына; Пелагея, жена Кушника Курцева; Ульяна, жена Данилы Милославского; Евдокия, жена Обрюты Мишурина; Анна, жена Федора Мишурина; Фетинья, жена Владимира Семеновича Племянникова; Евдокия, жена Третьяка Ракова; Мария, жена Елизара Циплятева.
54. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969.
55. Отец Акулины, возможный тесть дьяка Ивана Яковлевича Переславца, известен только как частное лицо. Служебные назначения его не выявлены. В Бархатной книге Василий Малец Петрович Квашнин показан бездетным, что в данном случае означает отсутствие у него потомства мужского пола (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... (Бархатная книга). – М., 1787. – С. 39). Столь же безвестны в служебном отношении были и братья Мальца Василий Попадья и Дмитрий. То же можно сказать и об отце братьев, деде Акулины Петре Ильиче Квашнине. Дмитрий Петрович принял постриг в Кириллове Белозерском монастыре, и от него род не пошел. Единственной отраслью данной ветви Квашниных стал Григорий Васильевич Попадьян, племянник Акулины. Каких-либо биографических сведений о нем не найдено. У Григория был брат Никита Васильевич Попадьян Квашнин, чье имя отсутствует в родословцах. В Боярской книге 1556 г. он был записан в 20 ст. Отмечено держание им кормления: «съехал с Руная и с Патробала на Рождество Христово 63, держал 2 году». За ним записано 20 об. поместья. Вотчин нет. Участвовал в походе на шведов 1554/55 г. и серпуховском смотре, где заявил о владении 20 об. поместья (Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 года // РД. Вып.10. – М., 2004. – С.103). Судя по счету на обжи, Никита был испомещен в северо-западных уездах.
56. Антонов А.В. Землевладельцы Ржевского уезда по материалам писцовой приправочной книги 1588–1589 годов // Архив русской истории. – М., 2002. – Вып. 7.
57. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. – М., 2002. – Вып. 8.
58. Самоквасов Д.Я. Архивный материал. – М., 1909. – Т. 2.
59. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – М., 2002. – Т. 3.
60. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. – М., 1952. – Т.1.
61. РГАДА. Ф. 210. Оп.18. Ед. хр. 84.
62. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. – М., 1987.
63. Кроме упоминания о Федосье, жене подьячего Елизара Сергеева, и матери подьячего Михаила Елкина.
64. Об Анне Васильевне Мальцевой Квашниной, жене Ивана Переславца, выше уже было сказано. Кроме этого Федосья, жена Елки Сергеева; жена Федора Леонтьева, имя которой не установлено, и Евдокия, жена Истома Чертовского.
65. Антонов А.В., Маштафаров А.В. Об Архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 10. – М., 2004.
66. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). – М., 1787.
67. Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. – М. –Л., 1950.
68. Документы Печатного приказа. – М., 1994.

A.U. SAVOSICHEV

TO THE QUESTION ON THE SOCIAL ORIGIN AND STATUS DJAKOV AND PODJACHIH VASILY III

In article the problem of the social status of clerks in class structure of Russian society first third XVI hundred anniversaries is considered. The social origin and brachno-family connections of clerks are analysed. It is revealed that during the considered period a ste-stub the majority of clerks were natives of provincial surnames of an average hand of noble family.

Key words: clerks; the social status; class structure.

Т.Н. ТОКМАКОВА, аспирантка кафедры истории России
Орловского государственного университета
Тел.: 89202803948; tanya-nik-90@mail.ru

КНИЖНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (на примере Орловской губернии)

Статья посвящена малоизученному в современной исторической науке аспекту отечественной региональной истории – исследованию проблемы литературных вкусов провинциального дворянства второй половины XVIII в. – первой половины XIX в., в частности проблеме восприятия столичной книжной моды провинциальным дворянством. Выявление особенностей провинциальной книжной культуры в данной статье происходит на основе изучения и анализа частных библиотек рода Цуриковых, А.П. Ермолова, Тургеневых, книжного собрания графов Каменских. Статья основана на архивных (в том числе неопубликованных) документах и мемуарных исторических источниках.

Ключевые слова: книга, частная библиотека, книжная мода, провинциальная книжная культура, орловское дворянство.

Одним из значительных явлений дворянской культуры является книжность. На протяжении долгого времени книга являлась единственным источником знаний, которая помогала искать ответы на многие насущные вопросы. Она учила, воспитывала, вдохновляла, прививала идеалы, а также служила одной из форм дворянского досуга.

Книжная культура дворянского сословия нашла свое воплощение в создании библиотек, история которых начинается еще с XVII в. Однако со второй половины XVIII в. формирование личных дворянских библиотек приобретает более широкий характер. Это было обусловлено изданием «Манифеста о даровании вольности российскому дворянству» от 1762 г. Петром III, а затем «Жалованной грамотой» Екатерины II в 1785 г. Дворяне-деятели Петровской эпохи ушли в прошлое. Многие из дворян вышли в отставку и направились в свои родовые гнезда, где чтение становится одним из главных элементов их свободного времяпрепровождения. Мода на «просвещение», воцарившаяся с приходом к власти Екатерины II, сделала библиотеку необходимой принадлежностью каждого богатого дома¹.

Освобожденные от службы, дворяне приносили в провинции новые увлечения и традиции, связанные с переориентацией столичного общества на иные культурные ценности, с интересами века Просвещения и новейшими литературными произведениями. Библиотеки становятся новым важным элементом дворянских усадеб. Владельцы усадебных библиотек из поколения в поколение пополняли свои книжные полки сочинениями французской, немецкой, английской, русской литературы, о чем свидетельствует огромное разнообразие книжного ассортимента.

Безусловно, провинциальное дворянство, несколько отличалось от столичного по стилю жизни и образу мышления. В этой связи представляется довольно интересным и актуальным проследить особенности складывания книжной моды и литературных вкусов провинциального дворянства.

Орловская земля прославилась большим количеством известных и выдающихся людей. Среди них талантливые полководцы и военные деятели графы Каменские, выдающийся историк первой половины XIX в., западник, создатель концепции всеобщей истории Тимофей Николаевич Грановский, бесстрашный генерал Алексей Петрович Ермолов, герой Отечественной войны 1812 г., известный писатель Иван Сергеевич Тургенев, государственные и общественные деятели Орловской губернии Цуриковы, Лопухин, Теплов и др.

Первоначально жизнь каждого из них была связана с родительским домом. Все вышеназванные выдающиеся исторические личности, как и большинство дворян того времени, получали домашнее образование, которое во многом зависело от духовного воспитания и культуры их родителей.

Большинство провинциального дворянства начинало свое воспитание и образование с полок домашней библиотеки, которая являлась важным и неотъемлемым элементом каждого дворянского дома. Безусловно, библиотеки различались по своему количественному и качественному составу, тем самым ярко отражая интересы, характер, взгляды и род деятельности своих владельцев.

К сожалению, сохранилось мало сведений о книжных интересах орловского дворянства. Одной из главных причин этого явления послужила политика национализации большевиков, а также опустошительные годы оккупации Орловской области периода Великой Отечественной войны.

Так, например, только по сохранившейся собственноручной описи родовой библиотеки Цуриковых, которая находится в Государственном архиве Орловской области, можно судить о ее размерах и тематическом составе. Сама библиотека погибла, лишь малые ее крупницы находятся сейчас в Орловской областной публичной библиотеке им. И.А. Бунина в фонде «Коллекции»².

Цуриковы являлись представителями коренного орловского дворянства. На протяжении XVI–XIX вв. Цуриковых можно было отнести к «верхам» коренного орловского дворянства, чьи представители играли важную роль в политической, общественной, экономической и культурной жизни Орловской губернии³.

Библиотека Цуриковых, по-видимому, формировалась со второй половины XVIII в., насчитывала около 3689 томов. В книжную коллекцию пре-

имущественно вошли французские, русские и немецкие книги.

Значительная часть собрания была представлена периодическими изданиями, книгами политического, исторического, экономического и естественно-научного характера, а также российским законодательством.

Большая часть книжного собрания представлена периодическими изданиями и книгами, посвященными различным агрономическим и экономическим проблемам. Преимущественно это были французские издания: «Газета земледельца» («Feuille de cultivateur», 1862)⁴, «Журнал сельской экономики» («Journal d'économie rurale», 1851)⁵, «Библиотека сельских собственников» («Bibliothèques des propriétaires ruraux», 1805)⁶ и др. И не случайно. Еще в конце XVI в. роду Цуриковых были пожалованы земли. В первой трети XVIII в. за Егором Лаврентьевичем Цуриковым числилась деревенька Воробьевка с прирезанной частью из прилежащей земли от сельца Лебедки⁷. В середине XIX в. титулярный советник и кавалер Сергей Васильевич Цуриков, по данным ревизии, владел 495 душами и 6 имениями Орловского уезда⁸.

Представители рода Цуриковых живо интересовались естественными науками, о чем свидетельствует наличие французских и немецких изданий по естественной истории, минералогии, химии, ботанике. Цуриковы были знакомы с трудами известных естествоиспытателей, натуралистов и минерологов Р.-Ж. Гауи, Луи Франсуа Феррана, Д. Г. де Доломье, Ф. Б. де Сент-Фонда, А. Броньяра, Э. Реневье, Ж.Л. де Бюффона, Жан-Батиста Ламарка, Жоржа Кювье и др. Цуриковы читали сочинения выдающихся химиков А. Лавуазье и А.Ж. де Фуркруа, А. Девен и А. Каде-де-Во, физика Нолле, зоолога А. Мильн-Эдвардса, ботаников Ж. Розье и К. Линнея, труды немецких химиков и агрономов Вильгельма Августа Лампадиуса, Вильгельма Фишера, Лоренца Крелла и др.

Французские книги составляли около 1170 томов, около трети всего книжного собрания. Подобный отбор книг говорит не только о характере образования и культуры владельцев, но и о точном понимании ими самого направления духовной жизни того времени. Это позволяет сделать вывод о том, что провинциальное дворянство тоже было не чуждо процессу «галломании», охватившему столичное дворянство. Справедливо отмечал П.А. Вяземский, что «русское общество

не воспитано на чтении отечественных книг»⁹.

Однако особенностью французского компонента родовой библиотеки Цуриковых является немногочисленность сочинений, написанных в духе вольтеровских традиций. К ним можно отнести сочинение Д. Дидро «Письмо о глухих и немых»¹⁰ и «Вольная речь»¹¹ В.-Ж. Этьена, которые были написаны в духе атеизма и французского материализма. На книжных полках библиотеки Цуриковых, по-видимому, отсутствовали сочинения наиболее популярных тогда в России Вольтера, Мабли или Рейналя.

Французские книги Цуриковых – это в первую очередь книги хозяйственного и практического назначения, а также сочинения исторической направленности.

Бесспорно, что представители семейства Цуриковых любили коротать долгие вечера за чтением так называемого легкого жанра. На полках домашней библиотеки Цуриковых стояли произведения французского драматурга Расина, басни известного французского баснописца де Лафонтена и Ж.-П. Флориана, эссе Эразма Роттердамского «Похвала глупости» («L'éloge de la Folie»)¹², исторические новеллы французского писателя и драматурга Ф. М. де Бакюлар д'Арно, сочинение «Освобожденный Иерусалим» итальянского поэта Торквато Тассо, а также португальская поэзия и произведения швейцарского поэта Соломона Гесснера, сочинения русских авторов Карамзина, Кантемира, Тредиаковского, Дмитриева, анекдоты Екатерины Великой. По своему составу данный раздел в основном состоял из книг французских поэтов и баснописцев XVII–XVIII вв. Это определялось столичным веянием и модой, где наибольшее предпочтение тогда отдавали романам, сказкам, новеллам, эпистолярной, мемуарной и биографической литературе¹³. Подборка литературы говорит о хорошем знакомстве Цуриковых с античной литературой. Цуриковы были знакомы с произведениями Тацита, Гомера, Софокла, Плутарха.

Общественная деятельность Цуриковых, безусловно, также влияла на формирование книжного состава родовой библиотеки. Так, значительное место в библиотеке занимала историческая литература. Помимо фундаментальных сочинений в библиотеке были книги по истории отдельных государств как общего, так и проблемного характера. Хотелось бы отметить труды Т. Рейналя «История английского парламента» («Histoire du Parlement d'Angleterre», 1748 г.)¹⁴ и «Философская

история» («Histoire philosophique et politique des isles françoises», 1784)¹⁵, сочинение Т.Б. Маколя, одного из основателей партии вигов в Великобритании, «Политические и философские очерки»¹⁶ (1861 г.), жизнеописания Фенелона, «Описания военных кампаний. 1644–1646 гг.» по истории Бельгии (Relations des campagnes de 1644–1646, Jean Antoine Vincart, 1869)¹⁷, «Секретные сочинения о России»¹⁸ (1863) Массона де Бламона о правлении Екатерины II и Павла I. В библиотеке имелось достаточное количество книг и на русском языке по римской истории, по истории Древней Руси, а также эпохе Петра I и Екатерины II.

Представители рода Цуриковых, занимаясь общественной деятельностью, пытались всегда быть осведомленными политической и экономической жизнью не только Российского государства, но и соседних стран, с которыми Россия была связана финансовыми, военными или политическими вопросами, историей других народов, отдельных учреждений, партий и личностей.

Среди особенностей книжного собрания можно выделить, во-первых, преобладание иностранной литературы, а во-вторых, строгую тематическую направленность иностранных книг. Иностранная литература преимущественно была представлена сочинениями экономического и естественнонаучного характера. Основной компонент русского раздела библиотеки составляли законодательные источники, книги исторического характера, труды экономического и торгового содержания. Отличительной чертой книжного собрания Цуриковых является незначительное число религиозных и философских сочинений. Преимущественно библиотека орловского дворянского рода Цуриковых выполняла просветительскую, информативную и практическую функции.

В мире исчезнувших библиотек Орловского края особое место занимает книжное собрание Каменских. Каменские – польские и русские дворянские роды. По одной из гипотез, род графов Каменских произошел от легендарного Гаврилы Алексича, сподвижника князя Александра Невского в битве при Чудском озере. Род графов Каменских был внесен в V часть дворянской родословной книги Московской, Нижегородской, Орловской и Смоленской губерний¹⁹.

В 1728 г. Ф.М. Каменскому именным указом Петра II были пожалованы в вечное и потомственное владение конфискованные у светлейшего кня-

зя А.Д. Меншикова недвижимые имения с крестьянами в Орловском, Кромском, Карачаевском и Курском уездах. В 1732 г. имения были отобраны у Каменского и приписаны к дворцовым волостям. 8 января 1742 г. по указу Елизаветы Петровны все имения были возвращены Каменскому²⁰.

Представители рода Каменских прославились не только своими ратными подвигами перед Отечеством и доблестной славой полководцев. С родом Каменских связано формирование крупной родовой библиотеки, которая, к сожалению, была утрачена.

Из биографии Александры Федотовны Ржевской, урожденной Каменской (1740–1769), известно, что она «во время своей жизни любила науки и художества, упражнялась в стихотворстве, живописи и музыке; имела великую охоту к чтению книг, искусна была во французском, итальянском и своем природном языке»²¹. «Великая охота к чтению» привела ее на путь сочинительства. Она написала «Письма кабардинские», пожалуй, первый роман в русской литературе.

Книжный мир, окружавший Александру Федотовну в пору ее детства и юности, был связан с домом ее отца, генерал-майора Федота Михайловича Каменского, и матери Анны Алексеевны, урожденной Зыбиной, стоявшей у моста, на берегу Оки, где с 1779 г. жили первые губернаторы Орла. Книжки могли находиться и в Сабурово под Орлом, в усадебном доме помещика.

Через многие годы там случился пожар, и новый владелец усадьбы Михаил Федотович Каменский, брат рано умершей писательницы, генерал-фельдмаршал (1738–1809), выстроил новый дом, окружил его квадратом кирпичной крепости в память о войнах с турками и свободное время охотно проводил в обществе книг. Михаил Федотович был образованным человеком, о чем свидетельствует характеристика, данная ему Фридрихом II, когда в 1765 г. Каменский был отправлен в Пруссию в качестве вольного агента: «Этот молодой канадец, однако, довольно-таки отполирован цивилизацией»²².

Из писем Николаю Михайловичу, смелому и даровитому полководцу суворовской школы, опубликованных «Русским архивом» с предисловием П.И. Бартенева, узнаем, что незадолго до своей трагической смерти Михаил Федотович интересовался поэзией, просил купить ему в университетской книжной лавке в Москве «Русскую Присодию»

в бумажном переплете за 40 коп. Цель обозначил довольно ясно – «по слепоте моей готовясь быть Гомиром». Речь идет не столько о состоянии зрения фельдмаршала, сколько о желании заняться творчеством, в чем нас убеждают дальнейшие строки письма: «Извольте видеть, что за нынешних стихотворцев платят меньше, чем за Бову Королевича; однако я надеюсь с новой этой книгой скакать по следам Ломоносова по коневью». И еще просил прислать словарь немецко-русско-французский в трех томах и просил справиться у издателя К.П. Шаликова, почему «Аглая» за март в Орел не пришла, да передать ему «логарифму и загадку»²³.

Силой воображения можно представить хозяина в окружении книг. Бартенев утверждал, что старый Каменский послужил прототипом старого князя Болконского для Л.Н. Толстого в «Войне и мире».

Вернемся к письмам отца к сыну. «Книги, которые я не имею, – писал Михаил Федотович Николаю Михайловичу в конце 1807 г., – из твоей библиотеки я присвоил, а прочие лежат в твоём сундуке». «Из твоей библиотеки»... Значит, у каждого была своя.

В августе 1809 г. М.Ф. Каменский был убит на Медвежьей горе и похоронен под сводами церкви Михаила Архангела. Усадьба перешла в руки Сергея Михайловича Каменского, генерала от инфантерии, старшего сына Михаила Федотовича. А вместе с усадьбой и книги.

В 1822 г. вышел в отставку и осел в родовом гнезде, орловском имении граф С.М. Каменский. Широкою известность граф приобрел не только благодаря своим ратным подвигам, но и своим многочисленным чудачествам. Одним из «чудачеств» графа С.М. Каменского было открытие в Орле 26 сентября 1815 г. крепостного театра, положившего начало профессиональному театральному делу в губернии. Театр имел широкую известность в России благодаря обширному репертуару, талантливым актерам и художественному оформлению спектаклей.

В орловском же доме Каменского находилась и библиотека.

Почему именно там? Да потому, что из биографии историка Т.Н. Грановского нам известно, что его мать брала книги из библиотек Пушкирева и Каменского. Слуги, как писал библиограф историка А. Станкевич, приносили их узлами, а она давала им за это деньги²⁴.

Основатель театра был образованным человеком. Недаром в 1818 г. был избран почетным членом общества любителей Российского слова, а в 1820 г. – почетным членом Харьковского университета. Театр Каменского находил широкое освещение в журналах «Друг Россиян» и «Украинский вестник». Думается, оба издания имелись в доме с белыми колоннами близ Петропавловского собора. Кстати, когда собор был достроен, то, как отмечал Г.М. Пятницкий, сюда поступила утварь домашней церкви С.М. Каменского, разобранной еще в 1833 г. Вместе с иконами были взяты в собор и церковные книги.

Рассматривая репертуар театра за 20 лет его существования, нетрудно предположить, что эти пьесы составляли основу библиотеки С.М. Каменского. Книг было много, поэтому у графа имелся в доме даже библиотекарь Сигизмунд Паратич, австрийский серб. Несомненно, это был образованный, хорошо начитанный в европейской литературе человек²⁵.

Репертуар театра Каменского мало чем отличался от репертуара столичной сцены. На сцене театра шли «Бригадир» Фонвизина, «Хвастун» и «Траур» Княжнина, «Урок дочкам» и «Модная лавка» Крылова, «Ябеда» Капниста, «Новый Стерн», «Липецкие воды», «Полубарские затеи» Шаховского, «Урок волокитам» и «Господин Богатов, или Провинциал в столице» Загоскина, «Своя семья, или Замужняя невеста» и «Молодые супруги» Грибоедова, водевили Хмельницкого, «Марфа Посадница» П. Сумарокова, «Коварство и любовь» Шиллера, комедии немецкого драматурга Августа фон Коцебу, а также пьесы орловцев А.А. Плещеева «Тюремкин» (опера) и Федора Вертера «Казачи в Швейцарии»²⁶.

Можно смело предположить, что библиотека графа пополнялась изданиями И.Я. Сытина – основателя книгопечатания в Орле. Возможно, была и такая редкость, как «Роспись рода Каменских»²⁷, которую составил М.Ф. Каменский.

Граф выписывал книги. Его имя можно встретить в списке «особ, соблаговоливших подписаться» и т.д. Приезжая в Москву, владелец Орловского театра не мог не заглянуть в университетскую книжную лавку, которая интересовала его отца, а в Петербурге вряд ли мог пройти мимо лавки А.Ф. Смирдина.

Бесценным обломком затонувшего в житейском море корабля предстает нашим глазам том

Вольтера с дарственной надписью С.М. Каменского в фондах областной библиотеки им. Бунина²⁸.

Книголюбом, уроженцем орловской земли, являлся и А.П. Ермолов, известный русский генерал, «вольнодумец», герой Отечественной войны 1812 г. Жил он в селе Лукьянчиково, недалеко от Орла. Здесь собиратель освоил переплетное мастерство. Многие книги своей библиотеки переплел он собственноручно в своей мастерской. Библиотека А.П. Ермолова насчитывает около 7 тысяч томов. К сожалению, полной классификации его книжной коллекции, которая находится на закрытом хранении в отделе редкой книги в научной библиотеке МГУ, еще не проведено. Но можно отметить, что в ермоловском собрании числятся книги по религиозной тематике, по мифологии, антиклерикальные сочинения писателей времен Французской революции, сочинения по медицине, по архитектуре и садоводству, сочинения по эстетике, искусству, обычаям древних народов и описание крупных мировых музеев и достопримечательностей, техническая литература и книги по переплетному искусству, античная литература и книги по военному искусству²⁹. Последние, безусловно, преобладают в собрании Ермолова. Тематическое разнообразие книжной коллекции Ермолова характеризует своего владельца как человека весьма начитанного, образованного, увлекавшегося военным искусством и сочинениями в духе вольтеровских традиций. Как человек военный, Ермолов уделял незначительное внимание чтению «изящной» литературы, о чем свидетельствует тот факт, что он ни разу не побывал на представлениях труппы графа Каменского (ведь театральные репертуар был преимущественно комедийного характера). Сейчас часть из книжной коллекции Ермолова украшает постоянно действующую выставку в Московском университете.

Орловская земля прославилась и именем известного писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Его библиотека представляет огромную ценность. Однако основа родовой библиотеки Лутовиновых-Тургеневых стала закладываться еще во второй половине XVIII в.

В Государственном музее И.С. Тургенева хранится более четырех с половиной тысяч книг и журналов, принадлежавших писателю и его семье. Это книги библиотеки, которая находилась в усадьбе Тургенева Спасском-Лутовинове.

По ее книгам можно проследить, как складывалась русская культура в послепетровскую эпоху, какие книги волновали предков Тургенева, начиная со времен Ломоносова и Державина.

Начало образованию библиотеки положили книги основателя Спасской усадьбы Ивана Ивановича Лутовинова и его брата Алексея, позже к ним присоединились книги бабки Тургенева Екатерины Ивановны Лутовиновой-Сомовой, а также ее отца и брата Лавровых. Им принадлежали книги, изданные в восемнадцатом и первой четверти девятнадцатого века. В большинстве эти книги одеты в кожаный темно-бурый переплет с золотым тиснением на корешках. Но вместе с тем немало книг в дешевых издательских обложках. Очевидно, они покупались сразу большими партиями, и уже по прочтении для любившихся хозяевам книг заказывали переплет по своему вкусу.

По своему содержанию книги, принадлежавшие Лутовиновым, очень разнообразны, однако среди них почти совсем нет литературы, связанной с религией. Вспомним, что в те годы, да и много позже именно со знакомства со Священным Писанием начиналось образование в дворянских домах. Равнодушие семьи Лутовиновых к религиозным вопросам подтверждается и самим составом библиотеки. Ее характер определяют книги «вольнодумного» содержания. Лутовиновым принадлежали сочинения французских энциклопедистов; многочисленные издания сочинений Вольтера на русском и французском языках; книги и журналы, издававшиеся Н.И. Новиковым. Инициалы и автографы Ивана и Алексея Лутовинова стоят на «Персидских письмах» Монтескье, рукописном переводе вольтеровского «Кандида», запрещенного Екатериной Великой. Им принадлежали «Размышления о множестве миров» Фонтенеля, где пропагандировались идеи Коперника о гелиоцентрическом строении Солнечной системы; «Житие канцлера Франциска Бекона» — одного из родоначальников английской материалистической философии. И, наконец, совершенно необычно в деревенской глуши в помещичьем доме на книжной полке стояли тома «Путешествий Пифагора», принадлежавшие перу одного из самых решительных и самых крайних деятелей Французской революции Пьера Марешаля.

К числу редчайших книг можно отнести и «Полное собрание всех до ныне переведенных на русский язык и в печать изданных сочинений

г. Вольтера», изданное известным просветителем екатерининского времени Рахманиновым. Это издание печаталось в вольной типографии, в деревне, и до поступления в продажу было целиком арестовано по приказу Екатерины. Такую же редкость представляют и «Размышления о греческой истории» аббата Мабли в переводе и с примечаниями А.Н. Радищева. Это та самая книга, в которой Радищев осмелился сказать: «Самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». К книгам этого рода примыкают издания произведений самых выдающихся писателей восемнадцатого века: Ломоносова, Державина, Сумарокова, Княжнина, Хераскова.

Такой подбор книг, при котором в библиотеке лутовиновского дома чуть ли не каждая книга оставила след в развитии русской культуры, позволяет судить о том, что Лутовиновы стремились быть с веком наравне, что у них были широкие общественные связи. Очевидно, для И.И. Лутовинова не прошли бесследно годы учения вместе с А.Н. Радищевым в Пажеском корпусе.

Книги Лутовинова унаследовала после смерти Ивана Ивановича Лутовинова его племянница Варвара Петровна Тургенева, мать писателя. Воспоминания рисуют В.П. Тургеневу как женщину незаурядную, с живым острым умом. Не получив достаточного образования в детстве, она впоследствии с гордостью заявляла, что «сама себя воспитала и образовала». Приобретенные ею книги значительно расширили и пополнили библиотеку Лутовиновых.

Читательские интересы В.П. Тургеневой были очень разнообразны. «Путешествие было мечтой моей жизни», — признавалась она в письме к сыну. В библиотеке сохранилась богатая коллекция книг о путешествиях по Европе и Америке, описания путешествий в Индию, Китай, Турцию и другие страны. Среди приобретенных В.П. Тургеневой книг — 24-томное издание Делапорта «Французский путешественник», «Путешествие к Северному полюсу Кука», «Путешествие Мезендорфа в Оренбург и Бухару», ее автограф стоит на описании путешествия капитана русского флота Головина в Японию в 1811, 1812 и 1813 гг.

Занимаясь садоводством и в особенности цветоводством, Варвара Петровна читала научные сочинения по естествознанию и всевозможные руководства по устройству садов и цветников, учила даже латынь, чтобы разбирать названия цве-

тов и трав. В библиотеке сохранилась французская книга «Садовник-цветовод», подаренная ей детьми Иваном и Николаем в день именин.

Значительный интерес представляет обширное собрание драматических произведений на русском и французском языках. Известно, что у В.П. Тургеневой был свой крепостной театр. В библиотеке находились зачитанные, иногда со следами театральной обработки, пьесы молодого Грибоедова, Княжнина, Коцебу, комедии Мольера, пьесы Реньяра и Лессинга, многотомные серии репертуара французских театров в издании Мемер-Раймона и Лепентра. На некоторых пьесах была надпись: «Из книг Варвары Лутовиновой»³⁰.

В области художественной литературы вкусы В.П. определялись, скорее всего, так называемым «легким чтением». Среди ее книг много французских романов Д'Арленкура, Пиго-Лебрена (Антуан Пиго де Лепинуа), мадам Жанлис, знаменитый в те годы Фоблаз («Приключения кавалера Фоблаза» Жана Батиста Луве де Кувре), многотомные сентиментальные романы Сталь-Гольштейн. Конечно, она читала и русские книги. В.П. Тургенева приобретала басни Крылова, стихотворения Жуковского, повести Марлинского, но к русской литературе и русским писателям относилась свысока. Она говорила сыну: «Что такое писатель? По-моему, писатель и писец – одно и то же. И тот и другой за деньги бумагу марают. Дворянин должен служить и составить себе карьеру и имя службой, а не бумагомаранием. Да и кто же читает русские книги?»³¹. Даже «Историю государства Российского» Карамзина читала В.П. Тургенева во французском переводе.

Совсем немного можно сказать о пополнении библиотеки, сделанном Сергеем Николаевичем Тургеневым, отцом писателя. По уровню образования он стоял выше своей жены. Он знал не только французский, но и немецкий язык. Вероятно, ему принадлежали немецкие книги начала XVIII века. Скорее всего, С.Н. Тургенев вывез их из Германии во время заграничных походов против Наполеона, в которых он участвовал в составе наших войск. В библиотеке сохранились тома сочинений Вольтера с отпечатанными типографским путем наклейками: «Из книг С.Н. Тургенева». Однако архивные документы, относящиеся к отцу писателя, почти не сохранились, поэтому нет возможности с уверенностью выделить остальные принадлежавшие ему книги.

Во всяком случае, Иван Тургенев вырос в семье, где книга вошла в быт, где существовала прочная традиция и культура чтения, где был огромный по тем временам выбор книг. Вот типичная картина вечера в семье Тургеневых, которую описывает 12-летний Иван в письме к дяде: «В 8 часов сажу уж за столом классным на моем месте и оканчиваю письмо, на учительском сидит Николенька, ест шепталу и читает альманах, против меня Никанор читает «Телеграф», против Николеньки сидит г-н Мейер и читает там «Мифологию», маменька сидит за своим столом, учит немецкие слова»³².

Известно очень раннее развитие Ивана Тургенева. Можно с уверенностью полагать, что им он во многом обязан домашней библиотеке. Так или иначе, ему была доступна обширная домашняя библиотека. Вспомним хотя бы его рассказ о том, как восьмилетним мальчиком он, расцарапав себе руки в кровь, вытащил из закрытых шкафов «две громады»: «Эмблемы и символы» Максимовича-Амбодика и «Россияду» Хераскова. О неизгладимом впечатлении от их чтения он позже рассказывал, описывая детство Феди Лаврецкого в «Дворянском гнезде», и в эпизоде чтения «Россияды» в «Пунине и Бабурине». Обе эти книги и теперь хранятся в библиотеке. В письмах к дяде мальчик цитирует Пушкина, Крылова, Жуковского, Державина, говорит, что в занятиях по риторике учит «Генрияду» Вольтера, что искал в библиотеке немецкую книгу.

К своей родовой библиотеке писатель не раз обращался и в зрелые годы. В автобиографической повести «Фауст» он пишет: «Я привез с собой несколько книг, и здесь у меня была библиотека порядочная.... Я нашел много любопытных, прежде мною не замеченных вещей: «Кандида» в рукописном переводе 70 гг.; ведомости и журналы того же времени; «Торжествующего хамелеона» (т.е. Мирабо).... Попались мне и детские книжки, и мои собственные, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себе, моей прабабки»³³.

Среди немногих книг первой половины XVIII века отметим изданный на французском языке в Амстердаме журнал под названием «Зритель или современный Сократ» (1731 г.) – он является единственной дошедшей до нас книгой, имеющей указание на принадлежность родному деду писателя П.И. Лутовинову. Наличие ее опровергает версию о необразованности Петра Ивановича – как

видно, он хорошо владел французским языком и книг не чурался. До пожара 1839 г. дедовские книги хранились, по всей видимости, в правой каменной галерее дома, которую огонь не тронул. Эти книги и составили затем основу библиотеки И.С. Тургенева.

Можно сказать, что в семье Тургеневых в полной мере испытали обаяние французских просветителей. Особое отношение было к Вольтеру. В Спасской библиотеке богатейшая коллекция сочинений «фернейского мудреца» на русском и французском языках, от рукописи «Кандида», изготовленного по заказу двоюродного деда писателя А.И. Лутовинова и представляющего ранний уникальный «орловский» вариант перевода знаменитой повести, включавшей наиболее смелые, купированные в других переводах из цензурных соображений выпады против российского государственного устройства³⁴, от французского собрания сочинений 1775 г. (37 томов), от русского издания трагедии «Брут», отпечатанной в 1783 г. у Новикова, от уникального издания Вольтера, задуманного страстным пропагандистом Вольтера в России И.Г. Рахманиновым³⁵, до собрания сочинений французского писателя, изданного в 1819–1823 гг. А.О. Ренуаром и приобретенного отцом Тургенева – С.Н. Тургеневым (кстати, это единственное в книжном собрании издание, на нескольких книгах которого сохранился его экслибрис: он представлял собой четырехугольник, изображающий каменную кладку и овал в форме ока с выписанным именем Сергея Николаевича): кроме того, здесь два тома Вольтера, отпечатанных в Париже в 1825 г., парижское же издание «Философского словаря» 1826 г., два тома романов Вольтера того же 1826 г., три тома «Сочинений» издания 1838 г. Можно думать, что Лутовиновы внимательно следили за всем, что издавалось из сочинений великого французского просветителя, и каждое поколение стремилось пополнить коллекцию вольтеровских книг, что Вольтер был любимым автором в семье русского писателя. Этот пиетет представляется закономерным ввиду того горячего интереса, который проявляли к Вольтеру передовые русские читатели последней трети XVIII – начала XIX в. С.Н. Тургенева, как видно, привлекали в первую очередь исторические сочинения Вольтера: среди книг, отмеченных вышеописанным экслибрисом, разрезаны лишь тома «История Российской империи» («Histoire de l'empire de Russie», Paris, 1819).

Позже солидное знакомство с этой частью наследия Вольтера выкажет Иван Сергеевич, ссылавшийся на авторитет французского автора в изображении событий войны России со Швецией («История Карла XII, короля Шведского»)³⁶. О том, сколь велик был интерес отца писателя к Вольтеру, свидетельствует замечание В.П. Тургеневой в письме к сыну о книгах Вольтера, которые ей больно видеть, так живо они напоминают ей умершего мужа. Сама же мать писателя в шутку именовала себя «Вольтеровой кухаркой».

О раннем знакомстве Тургенева с творчеством Вольтера говорит отрывок из его письма от 3, 4, 5/15, 16, 17 апреля 1831 г., где он сообщает, что «в риторике... учил начало «Генриады» и ранее знакомые стихи Вольтера, на которые «есть музыка»³⁷. Богатое книжное собрание Лутовиновых-Тургеневых открывало огромный мир перед будущим писателем.

Действительно, родовая библиотека И.С. Тургенева является одним из ярких примеров широты кругозора и книжных предпочтений провинциального дворянства. Безусловно, не стоит преуменьшать влияние домашней библиотеки известного писателя на формирование его духовной культуры и становление его творческой натуры.

Еще один известный уроженец Орла, Тимофей Николаевич Грановский, выходец из небогатой дворянской семьи, очень любил книги и чтение. По словам первого библиографа Грановского Станкевича, мы узнаем, что его мать, Анна Васильевна, брала для своего сына книги у соседей. Она получила доступ к «самым богатым библиотекам города Орла: гр. Каменского и Пушкарева»³⁸. Из биографии историка узнаем, что «слуги этих господ носили Грановскому книги целыми узлами. Мать платила за это людям, а сын наслаждался»³⁹.

Кстати, у самих Грановских была домашняя библиотека, но весьма скромных размеров. Очевидно, ее основателем являлся дед Грановского, который очень любил книги и чтение. Все стены его покоев в орловском доме пестрели назидательными выписками из самых разнообразных книг⁴⁰. Это позволяет нам утверждать, что для деда Грановского книга в первую очередь была учителем и советчиком, в ней он черпал мудрость народа, накопленную веками. Старик был первым учителем внука, усадив его за книгу. Первой книгой Тимофея Николаевича являлась Библия. Затем были

перечитаны из домашней библиотеки путешествия Аббата Деллапорта, лесажевский Жиль Блаз, романы Вальтера Скотта⁴¹. Чтение было преимущественно легкого жанра.

Мать Грановского была малообразованна, что не было редкостью в отношении провинциальных барышень. Но своему сыну она пыталась дать образование. В провинциальной среде Грановский не мог получить сколько-нибудь хорошего образования. Умение говорить и писать по-французски, знакомство с английским языком да охота к чтению, которое шло без всякого толку – что ни подвернется под руку, – вот и все, что Грановский вынес из домашнего воспитания. В дальнейшем Грановский получил блестящее образование в Германии, работал в Санкт-Петербурге, затем связал свою жизнь с профессорской деятельностью в Московском университете. Но иногда называл себя «провинциальным медведем»⁴².

О многообразии и уровне литературных вкусов орловского дворянства можно судить по наличию богатых библиотек, которые, к сожалению, со временем были утеряны или разграблены. В селе Молодовое (ныне Шаблыкинский район) была богатая библиотека Г.Н. Теплова (1711–1779). Ее владелец, орловский сенатор, энциклопедически образованный человек, член Российской и Мадридской академий, получил известность как переводчик, философ и композитор. Собрание Теплова было огромно по своим размерам, содер-

жало ценнейший архив, где хранились письма Вольтера и Екатерины. Подобные собрания имели орловские дворяне Куракины, Скарятины и другие. Доподлинно известно о существовании богатой библиотеки в орловском имении Лопухиных. После Октябрьской революции часть книг из этого собрания поступила в Орловскую губернскую библиотеку.

Говоря о провинциальной культуре, ни в коей мере не стоит принижать ее, сводя провинциальные литературные вкусы только к практическим и хозяйственным потребностям. Богатые родовые библиотеки орловского дворянства являются тому примером. Безусловно, книжная культура орловского дворянства характеризовалась широтой литературных интересов, которые имели как общие со столичной модой веяния, так и свои особенные черты. Книжный ассортимент дворянских библиотек был очень разнообразным. На полках домашних библиотек стояли исторические труды и произведения отечественной драматургии, французские атеистические сочинения и религиозные тексты, книги хозяйственного значения и естественно-научные трактаты, детские журналы и «изящная» литература, философские труды и античные классики, законодательство и право. Провинциальное дворянство стремилось следовать веяниям столичной книжной моды и в то же время создавало свою особую провинциальную книжную культуру.

Примечания

¹ Мартынов И.Ф. Книга в русской провинции 1760–1790-х гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга до середины XIX в. – Л., 1978. – С. 111.

² ООПБ им. И.А. Бунина. Ф. Коллекции. Владельцы личных библиотек.

³ Лавицкая М. И. Орловское потомственное дворянство второй половины XIX – начала XX в. Происхождение, инфраструктура и социально-культурный облик. – Орел, 2005. – С. 88.

⁴ ГАОО. Ф. 689. Д. 12. Л. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 9 об.

⁷ ГАОО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 363.

⁸ ГАОО. Ф. 63. Окладная книга.

⁹ Цит. по: Мартынов И.Ф. К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. // Рукописная и печатная книга. – М., 1975. – С. 194.

¹⁰ ГАОО. Ф. 689. Д. 12. Л. 11 об.

¹¹ Там же. Л. 11 об.

¹² Там же. Л. 11 об.

¹³ Копанев Н.А. Репертуар французской книги в Петербургской книжной лавке в 30–60-х гг. XVIII в. // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. – Сб. научных трудов. – Л., 1985. – С. 89.

¹⁴ ГАОО. Ф. 689. Д. 12. Л. 11 об.

¹⁵ Там же. Л. 10 об.

¹⁶ Там же. Л. 11 об.

- ¹⁷ Там же. Л. 11 об.
¹⁸ Там же. Л. 11.
¹⁹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. – СПб., 1854. – Ч. 2. – С. 191.
²⁰ Труды Орловской Ученой Архивной Комиссии. – 1892. – Вып. 3. – С. 29.
²¹ Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. – М., 1987. – С. 343.
²² Каменский Н.Н. Девятый век на службе России. Из истории рода графов Каменских. – М.: ООО «Велинор», 2004. – С. 27.
²³ Письма М.Ф. Каменского // Русский архив. – СПб., 1889. – Кн. 1. – № 1. – С. 86–91.
²⁴ Левандовский А.А. Время Грановского. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 32.
²⁵ Афонин Л. Повесть об Орловском театре. – Тула: Приокское книжное издательство, 1965. – С. 42–43.
²⁶ Там же. С. 46–47.
²⁷ Родословная роспись рода Каменских: иждивением М.Ф. Каменского. – Орел: типография Губернского Правления, 1808. (Судьба издания неизвестна. Описание сделано по книге Л. Савелова «Генеалогические редкости» (М., 1904). Точного источника, подтверждающего существование «Росписи», обнаружить не удалось, а потому издание представляет загадку).
²⁸ ООПБ им. И.А. Бунина. Ф. Коллекции. Владельцы личных библиотек.
²⁹ НБ МГУ. ОРК и Р. А.П. Ермолов. Каталог книг.
³⁰ Афонин Л. Повесть об Орловском театре. – Тула: Приокское книжное издательство, 1965. – С. 30–31.
³¹ И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 1. – С. 44.
³² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. М. – Л.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 149.
³³ Там же. С. 93.
³⁴ См. об этом в кн.: Сравнительное изучение литератур. – Л.: Наука, 1976.; Заборов П.Р. Рукописный «Кандид» в библиотеке И.С. Тургенева. – С. 282–284.
³⁵ В библиотеке сохранилось Полное собрание сочинений Вольтера. Книги представляют собою редкое издание, уцелевшее во время пожара 1797 г. (тогда погибло 200 экземпляров 2-й части, 400 экз. 3-й части и весь тираж 4-й части. Екатерина Великая распорядилась выкупить и конфисковать первые три части издания (См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. – М. – ГБЛ, 1962. – Т. 1. – С. 177–178, № 1086).
³⁶ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. М.–Л.: Наука. – Т. 1. – С. 287.
³⁷ Там же. С. 157.
³⁸ Левандовский А.А. Время Грановского. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 32.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же.
⁴² Ветринский Ч. Т.Н. Грановский и его время. – СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1905. – С. 12–13.

T.N. TOKMAKOVA

THE BOOKISH PREFERENCES OF THE PROVINCIAL NOBILITY IN THE SECOND HALF OF THE EIGHTEENTH CENTURY – THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

The article is devoted to the insufficiently explored in modern science aspect of the regional history – research of the problem of literary tastes of the provincial nobility in the second half of the eighteenth century – the first half of the nineteenth century. In particular, the problem of perception of metropolitan bookish fashion by the provincial nobility. Exposure of the peculiarities of provincial bookish culture in the article is based on the learning and analysis of the Tzurikovs', A.P. Ermolov's, the Turgenevs' private libraries, bookish collection of the Kamenskiis' counts. The article is based on archives (including unpublished) documents and memoirs historical sources.

Key words: *the book, the private library, bookish fashion, provincial bookish culture, the Oryol nobility.*

А.С. МИНАКОВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории России Орловского государственного университета
Тел. (4862) 48-58-18; minakovas@bk.ru

ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ОТЧЕТЫ О СОСТОЯНИИ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1804–1914 ГГ.): ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ*

Статья посвящена вопросам выявления всеподданнейших отчетов о состоянии Орловской губернии в архивном фонде России. Проанализированы перспективы их использования в качестве источника по общественно-политической и социально-экономической истории.

Ключевые слова: губернаторы, местное управление, отчеты, архивы

Выработка правительственных решений невозможна без систематического мониторинга политической и социально-экономической ситуации в стране. Данный процесс предусматривает наличие информационных каналов, обеспечивающих власть сведениями для планирования внутри- и внешнеполитических мероприятий. Необходимость поступления таких сведений была очевидна во все периоды развития отечественной государственности. С начала XIX в. ответственность за организацию сбора данных, интересовавших центральное руководство была возложена на глав коронной администрации – губернаторов. По инициативе новообразованного Министерства внутренних дел (МВД) стали составляться годовые отчеты о состоянии губернии.

Большую роль в появлении данного новшества сыграла личность первого главы МВД В.П. Кочубея – деятельного и инициативного администратора первых лет царствования Александра I. Посредством установления регулярной губернаторской отчетности он планировал рационализировать процедуру подготовки годового отчета по своему министерству. Так, орловский губернатор своему первому отчету предпосылал вступительное вступление, в котором писал: «По основанию Высочайшего Его императорского величества повеления, Ваше сиятельство от 4 ноября минувшего 1804 года предписать мне изволили, о доставлении за тот год к 28 числу наступившего февраля сведений, о положении частей по Всемилостивейше вверенной мне губернии, принадлежащих к департаменту Вашим сиятельством управляемому и к отчету, который по Высочайшему указу 8 сентября 1802 года представлен быть должен» [12]. Из этого обращения понятно, что сам губернатор вел речь даже не об отчете, а о «сведениях», которые интересуют МВД.

Процесс превращения узковедомственного документа в бумагу «высочайшего» внимания занял не одно десятилетие. За это время был накоплен опыт сбора, обработки и оформления данных, на положительное значение которого обратил император Александр I. Несмотря на ряд существенных недостатков, губернаторские отчеты становились прочной делопроизводственной традицией. Поэтому Николай I, взявшийся за укрепление всей вертикали самодержавной системы управления, в «Наказе» губернаторам 1837 г. подчеркнул значение губернаторских отчетов, придав им «всеподданнейший» статус. Однако установленный законодательно формуляр отчетов часто нарушался, губернаторы допускали отступления от него, произвольно включая в текст отчетов информацию важную с их точки зрения. Циркулярные меры центрального руководства слабо влияли на исправление ситуации. В частности, неоднократно предпринимались

попытки преподнести губернаторам образец, своего рода «правильного» отчета.

В пореформенное время вопрос об изменении программы составления губернаторских отчетов стал с еще большей остротой. Центральная власть прекрасно осознавала, что те требования, которые предъявлялись к годовому отчету в первой половине XIX столетия, не могли учесть изменения общественно-политической и социально-экономической обстановки последовавшей в стране с началом «Великих реформ». Заинтересованность в модернизации формуляра всеподданнейших отчетов имела место и у губернаторов. Поэтому в 1870 г. была утверждена новая программа составления губернаторских отчетов, которая разделила их на текстовую часть и статистические приложения (обзоры губерний). Последние получили впоследствии полусамостоятельный характер. В 1897–1898 гг. в программу были внесены уточняющие изменения.

По мере изменения содержательной части всеподданнейших отчетов менялись и сроки их представления. Поскольку губернаторы не успевали вовремя подготовить отчет, эти сроки постоянно отодвигались. Обычно, МВД изменяло сроки представления отчетов в ответ на соответствующие ходатайства губернаторов. Этому вопросу даже была посвящена специальная записка министра внутренних дел П.А. Валуева, адресованная в 1866 г. Комитету министров. Из ее содержания следовало, что установленный «Наказом» 1837 г. срок представления губернаторских отчетов к 1-му марта, не позволял в полной мере собрать и точно проанализировать все, в первую очередь, цифровые данные о развитии губернии за истекший год. П.А. Валуев писал, что Архангельский, Вятский, Казанский, Киевский, Курляндский, Тамбовский и Тверской губернаторы, уже неоднократно обращались к нему с ходатайствами об отдалении срока представления отчетов.

Более того, глава МВД отмечал взаимосвязь слишком короткого срока подготовки отчетов с неудовлетворительным их качеством. По мнению главы МВД сведения для отчетов не успевали быть должным образом обработаны, в то время как данные, поступающие в Центральный статистический комитет к 1 мая, отличались большей полнотой и достоверностью. Таким образом, основной причиной необходимости изменения срока отчетности, по мысли министра, была доставка императору неточных и противоречивых сведений о положении дел в регионах.

Доводы П.А. Валуева были признаны убедительными и после положительного прохождения его предложения через Комитет министров, 16 декабря 1866 г. последовало Высочайшее повеление о перенесении срока представления отчетов губернаторами на 1 мая следующего за отчетным года. Вскоре после этого, 21 января 1867 г. вышел соответствующий циркуляр МВД. В дальнейшем, одновременно с принятием новых форм отчетов в 1870 г., срок представления отчета для отдаленных губерний был отодвинут до 1-го июля. Губернаторы близлежащих губерний продолжали представлять свои отчеты по-прежнему – к 1 мая. Близлежащими губерниями считались те, в которых расстояние от губернского города до Санкт-Петербурга было не более 1 тысячи верст, отделенные губерниями, где расстояние превышало 1 тысячу верст. Пережив все изменения своего формуляра всеподданнейшие отчеты губернаторов просуществовали вплоть до начала Первой мировой войны, а по некоторым регионам их составление не прекращалось до конца императорского строя [10].

Важное информационное значение губернаторских отчетов было подмечено еще в досоветское время. Данный факт позволил этим документам уже в XIX в. занять прочное положение среди важнейших источников по истории самодержавной России.

Вместе с тем, порядок составления и представления отчетов губернаторов определил крайне неравномерное их сосредоточение в архивном фонде. Большая часть отчетов хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА), а региональные архивохранилища зачастую располагают только разрозненными их копиями. По многим регионам известно лишь приблизительное количество экземпляров документов, не ясны и хронологические рамки существования документов. Наконец, сложность и непостоянство административно-территориального деления Российской империи требует и уточнения географического охвата всеподданнейших отчетов. Поэтому, решение данных эвристических задач представляет актуальную проблему современной исторической науки.

Имеющийся на сегодняшний день опыт выявления губернаторских отчетов позволяет говорить об уникальности ситуации по каждому отдельно взятому региону [7; 8, с. 28–36; 9; 11]. В числе интересных объектов исследовательского внимания находится и Орловская губерния – один из ключевых территориальных субъектов Центральной ча-

сти европейской России. В изучаемое время губерния была значительным центром сельскохозяйственного производства и крупным узлом пересечения транспортных коммуникаций. Этот регион, относительно удаленный от границ и национальных окраин, был также прекрасной платформой реализации крупнейших реформаторских замыслов XIX – начала XX вв. Поэтому годовые отчеты о состоянии Орловской губернии, будучи систематизированным источником, представляются перспективным рабочим материалом для историков.

Крупнейшее собрание отчетов орловских губернаторов за весь период их составления, как уже отмечалось выше, находится в РГИА. Основная, наиболее ценная часть этих документов хранится в фондах Комитета и Совета министров (Ф. 1263 и 1276 соответственно). Данные экземпляры представляют собой оригиналы документов, которые содержат резолюции императоров. Хронологически они охватывают 1821–1822, 1828, 1838–1905 и 1907–1914 гг. Нахождение отчетов в указанных фондах обусловлено обстоятельствами их рассмотрения, так как после прочтения отчетов императором они обсуждались на заседаниях Комитета (Совета) министров.

Большое количество копий губернаторских отчетов хранится в фондах МВД. Главным образом это – Канцелярия министра внутренних дел (Ф. 1282), Департамент общих дел (Ф. 1284), Совет министра внутренних дел (Ф. 1281), Центральный статистический комитет (Ф. 1290) и др. В перечисленных структурных подразделениях данного ведомства шла работа по определению формуляра отчетов, усовершенствованию методики сбора сведений и т.п. По этим и другим аналогичным вопросам велась постоянная переписка с губернаторами. Этим проблемам было посвящено множество циркулярных распоряжений МВД.

Другое значительное собрание отчетов о состоянии Орловской губернии хранится в фонде Библиотеки I Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии РГИА. Там в виде конволюта собраны отчеты за 1884, 1886, 1887, 1889, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1904, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 гг. Печатаение губернаторских отчетов было связано с усилением правительственного внимания к ним после воцарения Александра III. Тогда же, в начале 1880-х гг. началось издание специальных Сводов высочайших резолюций на губер-

наторских отчетах [16]. По всей видимости, решение о начале печатания отчетов могло быть принято при участии А.Н. Куломзина, назначенного в 1883 г. управляющим делами Комитета министров. Он был сторонником активного использования губернаторских отчетов в правительственных мероприятиях [4]. Таким образом, их изготовление типографским способом было продиктовано практической необходимостью.

Для участников заседания Комитета (Совета) министров были важны не только тексты отчетов, но и императорские резолюции на них. Поэтому для каждого министра (главноуправляющего) изготавливался отдельный печатный экземпляр каждого отчета, с указанием сделанных на нем высочайших резолюций. Пометка, информирующая о наличии последних, располагалась в верхней части первой страницы отчета, с выравниванием по правому краю. Многие отчеты имеют следы корректуры – рукописную правку черными чернилами, касавшуюся исправления опечаток, вставки пропущенных букв, что, по всей видимости, говорит о том, что их сверяли с оригиналами.

Проверка коллекции печатных отчетов из библиотеки РГИА de visu показала, что большинство экземпляров отчетов, судя по пометкам на них, было предназначено обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Пометка писалась от руки черными чернилами в левом нижнем углу первой страницы отчета. Данные пометки выполнены единообразно, в них указаны после обращения только фамилия, инициалы и титул (если таковой имелся). Например, «Его сият[ельст]ву графу И.И. Воронцову-Дашкову». Встречаются отдельные экземпляры, предназначенные для А.Д. Оболенского, П.С. Ванновского, А.А. Ширинского-Шихматова, И.Г. Шегловитова, А.Д. Самарина, В.Б. Фредерикса и других государственных деятелей, которые в разное время участвовали в заседаниях Комитета (Совета) министров.

Воспроизведение императорских маргиналий усиливает источниковую ценность печатных отчетов. На титульной странице указывалось их общее количество, а в соответствующих местах текста воспроизводились сами резолюции. Иногда у исследователей создается представление об их полной тождественности оригиналам. Однако следует иметь в виду, что по ряду регионов имеет место расхождение в количестве и полноте резолюций по данным упоминавшихся выше Сводов и

печатных отчетов. Например, в отчете о состоянии Тамбовской губернии за 1897 г. пропущены резолюции «Знаю» и «Обсудить», которые указаны в сводной их публикации [14, 15].

Отчеты орловских губернаторов за 1804–1810 гг. хранятся в Русской секции Научно-исследовательского архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Они сосредоточены в Коллекции рукописных книг (К. 115). Документы представляют собой писарские экземпляры отчетов, предназначавшиеся МВД и Министерству полиции. На отдельных отчетах имеются резолюции об их рассмотрении. Отчеты сброшюрованы в один конвюлют, на корешке которого имеется надпись – «Отчеты по Орловской губернии за 1804.5.6.7.8.9 и 10 годы».

Не менее интересными материалами к изучению отчетов о состоянии Орловской губернии располагает Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Множество извлечений из губернаторских отчетов содержит фонд Департамента полиции. Например, во 2-м, так называемом «законодательном» делопроизводстве департамента велась работа по исполнению высочайших резолюций на отчетах, которые касались устройства полицейских органов, благонадежности поступающих на службу, борьбы с распространением сект, содержания тюрем и т.п. вопросов [2].

Наконец, значительный объем губернаторских отчетов имеется в Государственном архиве Орловской области (ГАОО). В фонде канцелярии орловского губернатора (Ф. 580) хранятся копии оригиналов отчетов за 1860, 1861, 1862, 1864, 1869, 1873, 1875, 1876, 1883, 1884, 1885, 1893, 1896, 1900, 1901, 1902, 1903, 1905, 1906 [1, ст. 2. Д. 1527, 1577, 1648, 1896, 2016, 2391, 2632, 2844, 2827; ст. 3. Д. 4035, 4276, 4349, 4629, 4668, 6247]. Чрезвычайная хронологическая разрозненность и неполнота коллекции ГАОО объясняется тем, что досоветское законодательство не обязывало хранить на местах копии уже представленных в центр данных документов. Заметим, что полным комплектом отчетов той или иной губернии за весь период составления, как правило, не располагает ни один региональный архив [8, с. 33]. Однако, даже с учетом этого фактора, документы ГАОО представляют значительный интерес. Вместе с черновыми редакциями отчета, в данном архиве имеются сопроводительные документы к нему и переписка по сбору предварительных данных. Анализ этого

документального комплекса позволяет изучить процесс создания отчета. Кроме того, донесения с мест и черновики с правкой губернских чиновников могут оказать существенную помощь в оценке достоверности сведений губернаторских отчетов.

Черновики отчетов содержат чернильную и карандашную правку, а также бумажные вклейки. С 1893 г. появляются машинописные редакции. Разбор вариантов редактуры позволяет уточнить непосредственных составителей текста, тех, кто выполнял техническую работу по его компоновке. На черновиках редко встречаются какие-либо подписи, но сверка почерка редактора с автографами на других документах говорит о том, что, по всей видимости, им мог быть один из чиновников канцелярии губернатора, чаще всего ее правитель. Согласно формуляру отчета, он компоновал присланные данные, делая выводы и обобщения. После этого, губернатор просматривал черновик и оставлял в нем соответствующие пометки. Например, в черновиках отчетов встречаются резолюции орловских губернаторов, которые, однако, не всегда определяют степень окончательной готовности отчета. Например, резолюция «Прошу начать переписывать для государя» на черновике отчета за 1905 г., по всей видимости, говорила об окончательном варианте отчета [1, ст. 2. Д. 2827. Л. 250]. По другой резолюции, на черновике отчета за 1883 г. – «Прочтите и, где чего не поймете, спросите меня, а затем переписывайте» [1, ст. 3. Д. 4629. Л. 1], напротив, сложно говорить о завершенности работы над документом. Далее, отчет переписывался уже с учетом замечаний губернатора. Так происходило, пока губернатор не принимал решение готовить окончательный вариант, предназначенный для представления императору. Необходимо отметить, что подобная ситуация имела место и по другим регионам [6].

Какими видятся перспективы научного использования отчетов орловских губернаторов? Думается, следует выделить несколько направлений приращения этих интересных исторических источников.

В первую очередь, всеподданнейшие отчеты содержат значительный фактический массив, необходимый при изучении вопросов социально-экономической истории не только Орловской губернии, но и самодержавной России в целом. Например, в историографии губернаторские отчеты рекомендовали себя как один из ключевых источ-

ников по изучению аграрной проблематики. Их материалы позволяют анализировать динамику и темпы аграрного развития как дореформенной, так и пореформенной деревни [3, 5, 13].

Вместе с тем, остается нерешенной проблема достоверности отдельных информационных блоков отчетов. Ее разрешение видится посредством анализа подготовительной документации, хранящейся в ГАОО, а также при сравнении данных губернаторских отчетов со сведениями, полученными по иным каналам правительственной статистики.

Наряду с этим, всеподданнейшие отчеты являются ценным источником по изучению взаи-

моотношений центральной и местной власти. Материалы Орловской губернии являются хорошей иллюстрацией их характера. В этой связи широкие перспективы открывает анализ высочайших резолюций, которые потенциально могли быть отправными точками многих правительственных мероприятий общегосударственного масштаба.

Таким образом, выявление всеподданнейших отчетов орловских губернаторов расширит исследовательские возможности ученых и откроет новые перспективы изучения политических, экономических, социальных и культурных проблем истории России XIX – начала XX вв.

Приложения

ФОРМУЛЯР ОТЧЕТА «ГОДИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ С 1 ИЮНЯ 1821 ПО 1 ИЮНЯ 1822 ГОДА С ПРИСОВОКУПЛЕНИЕМ И ИЮНЯ МЕСЯЦА»

Отделение первое

«О предметах до благочиния и устройства или полиции относящихся».

I. О сохранении тишины и порядка.

А) Об отношении к вере.

Б) В отношении к гражданскому порядку.

II. О повинностях.

А) Повинности, отправляемые сбором или платежом денег.

Б) Повинности, отправляемые натурой.

III. О происшествиях по губернии и о действиях по разным частям полиции.

IV. О течении дел по присутственным местам.

Отделение второе

«О предметах, относящихся до государственного хозяйства».

I. По продовольствию.

II. По части наделения казенных поселян землей.

III. По лесной части.

IV. О разных частях промышленности и хозяйства.

V. О фабриках и заводах.

VI. О коммерции.

VII. По строительной части.

VIII. По части благотворения.

Отделение третье

«О видах, представляющихся к исправлению или усовершенствованию некоторых из предыдущих статей».

I. По части сохранения тишины и порядка.

II. По части исполнения повинностей.

III. О полицейском управлении.

IV. О делопроизводстве и канцелярском порядке:

А) По губернскому правлению.

- Б) По градским и земским полициям.
- В) По губернаторской канцелярии.
- У. По части сельского хозяйства, промышленности и коммерции.
- VI. По строительной части.
- VII. По части благотворения.

Приложения к отчету:

- А) Ведомость о недоимках по Орловской губернии с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года.
- Б) Ведомость о доходах и расходах предположенных на 1822 год по городам Орловской губернии.
- В) Исчисление городских расходов бывших в 1821 году.
- Г) Ведомость состояния пожарной части в Орловской губернии по 1 июля 1822 года.
- Д) Ведомость о числе денег, собранных в 1821 году с казенных поселян Орловской губернии на содержание волостных правлений и на разные сельские общественные надобности.
- Е) Ведомость об успехе взыскания недоимки рекрут по Орловской губернии с показанием, чего стоит отдача принятых рекрут, с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года.
- Ж) Табель повинностей, исполненных деньгами в Орловской губернии с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года.
- З) Ведомость о числе домов и прочих зданий выстроенных и поправленных по Высочайше подтвержденному докладу в городах Орловской губернии с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года.
- И) Ведомость о дорогах Орловской губернии 1822 года.
- Й) Ведомость о происшествиях Орловской губернии с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года.
- К) Ведомость о пойманных в Орловской губернии военных дезертиров и разных беглых и беспаспортных людях с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года.
- Л) Краткая перечневая ведомость о числе дел к 1 июня 1821 года оставшихся с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года вновь вступивших по 1 июля 1822 года решенных и затем к 1 июля 1822 года оставшихся в нерешении по Орловской губернии губернским и уездным присутственным местам.
- М) Ведомость о разборе дел в Комиссии учрежденной для решения прежних дел Орловского губернского правления.
- Н) Ведомость о посеве и урожае всякого рода хлеба в 1821 году.
- О) Ведомость о посеве и урожае всякого рода хлеба в 1822 году.
- П) Ведомость о разных родах хозяйства по Орловской губернии.
- Р) Ведомость о фабриках и заводах Орловской губернии.
- С) Записка обо всех ярмарках, бывших в Орловской губернии.
- Т) Записка о числе сумм употребленных на построение и поправку в Орловской губернии разных зданий 1822 года.
- У) Табель о состоянии Орловского приказа общественного призрения с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года.
- Ф) Ведомость «сколько где по Орловской губернии привито коровьей оспы с 1 июня 1821 по 1 июля 1822 года».
- Х) Ведомость о числе жителей всякого звания в Орловской губернии.
- Ц) Ведомость о количестве земли состоящей в Орловской губернии.
- Ч) Ведомость о государственных окладных и неокладных доходах поступающих с Орловской губернии.
- Ш) и Щ) Настольные входящие реестры «такого то» городничего 1793 года.

Источник: РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 96. Л. 3–116.

ВЕДОМОСТИ К ГОДОВОМУ ГУБЕРНАТОРСКОМУ ОТЧЕТУ ПО ПРОГРАММЕ, УСТАНОВЛЕННОЙ ЦИРКУЛЯРОМ МВД ОТ 13 ИЮНЯ 1853 г.

1. Общая ведомость делопроизводству по всем присутственным местам губернии.
2. Ведомость о количестве бумаг по местам, подведомственным губернатору.
3. Ведомость делам по губернскому правлению, продолжающимся более трех лет.
4. Ведомость по обороту капиталов в тюремных комитетах.
5. О рассмотренных губернатором судебных приговорах и о количестве арестантов по ним.
6. О бессрочноотпускных нижних чинах.
7. О состоянии дворянских и городских опеки.
8. Об успехах полюбовного размежевания земель.
9. О капиталах и денежных оборотах приказа общественного призрения.
10. О заведениях приказа общественного призрения и о числе призреваемых.
11. О падеже скота.
12. О денежных сборах на исправление разных повинностей.
13. О цене сдачи рекрут.
14. О доходах и расходах городов.
15. Статистические сведения.
16. О речном судоходстве.
17. Об оборотах на ярмарках.
18. О фабриках и заводах.
19. О числе разного скота в губернии.
20. О хлебных и денежных запасах продовольствия.
21. О посеве и урожае хлеба, овощей и плодов по ведомству разного звания хлебопашцев.
22. О справочных и торговых ценах на разные роды хлеба в течение года.
23. О состоянии народонаселения в губернии.
24. О числе и роде преступлений.
25. О раскольниках по различным их толкам.
26. Об иноверцах.
27. О замечательных происшествиях, случившихся в губернии.

Источник: Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 года. Т. 1. СПб., 1854. С. 338.

Библиографический список

1. ГАОО. Ф. 580.
2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 67. Д. 20. Ч. 9; Оп. 61. Д. 18. Ч. 4.
3. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004. С. 39, 48, 106.
4. Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 188. Л. 6–8.
5. Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1976. С. 125–144.
6. Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Вып. 19. Новосибирск, 2000. С. 204–236.
7. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты о состоянии Владимирской губернии в архивном фонде России // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции. Владимир, 2010. С. 35–38.
8. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики // Отечественные архивы. 2009. № 1.
9. Минаков А.С. Годовые всеподданнейшие отчеты о состоянии Подольской губернии XIX – начала XX вв.: источниковедческие и библиографические аспекты выявления // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Сер. Бібліотекознавство. Книгознавство. Вип. 2. 2010. С. 369–373.

10. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орел, 2011. С. 195–301.
11. Минаков А.С. Отчеты рязанских губернаторов в архивном фонде России: состав и использование // Пятые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 2010. С. 346–349.
12. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Русская секция. Кол. 115. «Рукописные книги». Д. 40. Л. 1.
13. Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 15–81.
14. РГИА. Ф. Б-ка I отделения. Оп. 1. Д. 97. Л. 39 об.-40.
15. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1897 г. генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальств. [СПб], 1899. С. 92.
16. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1900 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. [СПб], 1903.

A.S. MINAKOV

THE «NUMBLE REPORTS» ON A CONDITION OF THE ORYOL PROVINCE (1804–1914): REVEALING AND USE PROBLEMS

Article is devoted to the revealing questions «Numble Reports» on a condition of the Oryol province in archival fund of Russia. Prospects of their use as a source on a political and social and economic history are analysed.

Key words: *Governors, local management, Reports, archives.*

В.А. ХОЛОДОВ, аспирант кафедры истории России
Орловского государственного университета
Тел.: 72-30-60; 89200852728; vohol1@rambler.ru

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 гг. В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (по данным орловской прессы)

Статья посвящена анализу восприятия русско-японской войны 1904–1905 гг. населением Орловской губернии на основе сведений орловской прессы. В статье также раскрывается особая роль духовенства в формировании патриотических настроений среди населения. Кроме того, показывается непопулярность русско-японской войны в сознании населения Орловской губернии.

Ключевые слова: русско-японская война 1904–1905 гг., орловская пресса, образ врага, духовенство, восприятие.

Русско-японскую войну 1904–1905 гг. можно считать войной, которая «...нанесла психологическую травму российскому обществу в начале XX в.»¹. Действительно, мало кто ожидал, что великая военная держава потерпит столь сокрушительное поражение от далекой азиатской страны. В связи с этим «военный коллапс» на Дальнем Востоке оставил глубокий негативный след в сознании населения, изучение которого с применением новых источников и методов исследования является актуальным для российской исторической науки и в XXI в.

Следует отметить, что в отечественной историографии вопросам изучения русско-японской войны уделялось довольно пристальное внимание. Первые книги и статьи стали появляться еще в ходе войны. Их авторы и издатели видели свою главную задачу в том, чтобы возбудить у широких слоев населения патриотические чувства, а также способствовать созданию благоприятных условий для ведения войны. Это работы таких авторов, как К.К. Абаза², Н.Л. Кладо³, Ф.М. Коссинский⁴ и др. Основное внимание дореволюционные историки и мемуаристы уделяли выяснению причин поражения России. В своем большинстве они все причины сводили чисто к военному фактору.

В отношении историографии русско-японской войны советского периода, как довоенного, так и периода после Великой Отечественной войны, следует отметить, что эти работы помимо прикладного характера несли и другую нагрузку. Эти исследования, которые были основаны на примерах героизма русских людей и военных традициях прошлого России, играли большую роль в деле военно-патриотического воспитания будущих защитников Отечества⁵. Характерным моментом в исследовании русско-японской войны был упор именно на освещение «событийной» стороны проблемы. Не умаляя достоинств отечественной историографии русско-японской войны советского периода, необходимо сказать, что рассмотрение войны в общественном сознании и формирование ее образа в мировоззрении населения оставались за пределами научных интересов исследователей. Кроме того, существовала определенная идеологическая ангажированность.

На современном этапе развития исторической науки все большее значение приобретает изучение войн, в частности русско-японской войны, с позиций нового научного направления – военно-исторической антропологии, т.е. исследование войн с постанов-

кой во главу угла человека и человеческих сообществ с их мыслями, чувствами и переживаниями в условиях вооруженных конфликтов. Большой вклад в изучение, в частности, восприятия японца как «образа врага» в условиях русско-японской войны внесла Е.С. Сеньявская⁶. Тем не менее региональный компонент восприятия населением русско-японской войны остается до сих пор малоизученным, что также обуславливает актуальность предложенного исследования.

Данная статья преследует цель проанализировать мировоззренческое восприятие русско-японской войны 1904–1905 гг. населением Орловской губернии и выявить доминантное психоэмоциональное состояние населения, вызванное крайне неудачной войной на Дальнем Востоке.

Конкретный материал работы – это исторические источники, являющие обширный спектр малоизученной орловской прессы периода русско-японской войны 1904–1905 гг. соответственно. Из спектра орловской периодики были выбраны два основных издания, на которых базируется статья: «Орловские епархиальные ведомости» и «Орловский вестник».

«Орловские епархиальные ведомости» – журнал религиозного содержания. Он был основан 1 января 1865 г. и просуществовал до 14 сентября 1918 г. Безусловно, на своих страницах он рассматривал религиозную жизнь Орловской губернии. Освещались также проблемы культуры, быта и образования. Необходимо отметить, что это был государственный орган печати (государство отчисляло деньги на содержание церкви), из-за чего «Орловские епархиальные ведомости» не могли не рассматривать политические события общероссийского масштаба, в том числе и их отражение в местном контексте.

«Орловский вестник» – это источник общественно-политической, литературной и краеведческой направленности, частное издание. Из вышеперечисленных изданий это единственная газета либеральных взглядов. В газете среди постоянных были разделы «Провинциальная хроника» и «Местная жизнь», которые позволяют выявить мировоззренческое восприятие тех или иных внешнеполитических событий населением Орла и Орловской губернии.

Русско-японской войне 1904–1905 гг. предшествовало обострение взаимоотношений России и Японии на Дальнем Востоке. Япония, завершив

подготовку вооруженных сил, начала искать удобный момент для начала военных действий против России. Япония хотела внезапным нападением на Тихоокеанскую эскадру русских, расположенную в Порт-Артуре, ослабить ее, обеспечив себе господствующее положение на море. После этого Япония собиралась высадить сухопутные войска на континенте и развернуть операции в Южной Маньчжурии⁷.

Русское командование на Дальнем Востоке под давлением неоспоримых доказательств о подготовке войны Японией сообщало об этом Николаю II и предпринимало ряд мер по повышению боевой готовности войск и флота.

Слухи о подготовке Японии к войне не обошли стороной и провинциальную орловскую прессу. В одном из номеров «Орловского вестника» за 1904 г. сообщается следующее: «Япония готовится к войне. Последние телеграммы говорят о серьезной мобилизации войск. Предполагается, что скоро последует последний ультиматум и наступит конец продолжительным переговорам»⁸. Все зависело от того, как отмечалось в газете, насколько Англия, прямо или косвенно, примет участие в ожидаемых событиях. Кроме того, редакция газеты отмечала большой интерес по отношению к Японии, что вызывало появление обширной литературы, посвященной традициям и обычаям японцев.

В силу того, что население было взволновано проблемами на Дальнем Востоке, организовывались различные выставки, помогающие лучше узнать культуру Японии, хотя провинциальное население Орловской губернии не всегда уделяло им должное внимание. Так, например, 3 января 1904 г. в Брянске в помещении среднего технического училища была открыта китайско-японская выставка. Посетители выставки могли познакомиться с мифологией, религией, наукой, искусством и образом жизни китайского и японского народов. По мнению редакции «Орловского вестника», в контексте происходивших внешнеполитических событий, когда основное внимание населения захвачено обстановкой на Дальнем Востоке, выставка должна была привлекать массу народа. Однако этого не происходило, и в статье, посвященной данной выставке, высказывается следующее мнение по этому поводу: «К сожалению, брянская публика до того увязла в омуте обыденности, что вывести ее из этого состояния представляется

очень затруднительным, поэтому выставка посещается плохо»⁹.

К сожалению, слухи о предстоящей войне с Японией оправдались, и для России началась одна из самых неудачных войн в ее истории. При этом важно проанализировать, как воспринимало население, в частности Орловской губернии, события русско-японской войны 1904–1905 гг. и какие образы в мировоззрении людей она оставляла.

Большую роль в формировании мировоззренческих установок на предстоящую войну играло духовенство Орловской епархии, которое во время служб обращалось к народу с напутственными словами. Например, 1 февраля 1904 г. «преосвященный» совершил Божественную литургию в одном из храмов Орла, на которой обратился к народу с такими словами: «Сейчас мы слышали пожелание многих лет нашему христолюбивому воинству, ныне сражающемуся против супостатов за Православную Веру, Царя и Отечество... С этим пожеланием мы должны также соединять и материальное вспомоществование нашим воинам, терпящим различные бедствия и невзгоды военного времени»¹⁰.

Священнослужители, особенно в отдаленных районах Орловской губернии, играли одну из главных ролей в формировании представлений о войне и враге. В связи с этим на них ложилась своего рода просветительская обязанность. Орловское духовенство указывало на то, что в условиях военного времени главным долгом «пастыря Церкви» являлась молитва вместе с прихожанами за русское «христолюбивое воинство». Священнослужителям на местах необходимо было, как полагало орловское духовенство, предварять совершаемые ими молебны хотя бы краткими словами назидания. Особенно необходимой подобная просветительская деятельность была в сельских приходах, где население было недостаточно просвещено для понимания смысла и значения происходивших событий. По этому поводу орловское духовенство отмечало следующее: «Каких только фантастических объяснений не придумает иной деревенский грамотей по поводу настоящей войны! Япония, Корея, Китай – все это названия для простого человека необычные, почти сказочные»¹¹. Поэтому нельзя было оставлять людей в неведении относительно того, над чем победы они просили для русского «христолюбивого воинства».

В силу того, что духовенство играло одну из главных ролей по формированию мировоззренческого восприятия русско-японской войны 1904–1905 гг., представляется необходимым проанализировать, какой смысл и значение данной войне придавались самим орловским духовенством. Этот анализ можно провести на основе ряда статей «Орловских епархиальных ведомостей».

Орловское духовенство, как уже отмечалось, небезосновательно полагало, что большое количество населения совершенно не понимало смысла борьбы с Японией, какие опасности она несла и какие выгоды могла иметь Россия. Безусловно, население понимало, что «...дерзким врагом оскорблена честь России и что на защиту родины его призывает Царь...»¹². Тем не менее самой сущности противостояния России и Японии на Дальнем Востоке основная масса населения не понимала. Война с Японией, по мнению орловского духовенства, вызвана утверждением России на берегах Тихого океана, что обусловлено необходимостью стабильного экономического развития России. Существовал еще особый смысл возникшей на Дальнем Востоке борьбы. Восток, во взглядах орловского духовенства, колыбель язычества, куда Россия несла христианскую культуру. В этой связи противоборство на Дальнем Востоке сводилось к следующему: «Итак, здесь борьба двух мировых идей, двух мирозерцаний, диаметрально противоположных друг другу – язычества и христианства, тут решаются и коренные вопросы мировой этики (нравственности), вопросы и об истинном просвещении»¹³.

Отметим, что основным нравственно-мотивационным акцентом, на который делало упор духовенство при объяснении смысла войны с Японией, было именно то, что японцы представлялись прежде всего как агрессоры-язычники. Подобная мировоззренческая установка пропагандировалась и в среде молодежи, обучающейся в духовных учебных заведениях. Так, например, в одном из номеров «Орловских епархиальных ведомостей» за 1904 г. помещена речь помощника смотрителя Ливенского Духовного училища, сказанная им воспитанникам обозначенного учебного заведения перед панихидой по адмиралу С.О. Макарову. В речи, в частности, говорится следующее: «Но не мы, – народ миролюбивый, народ, правоверующий во Христа, – не мы, люди, преданные своему Царю и Отечеству, а злобные враги наши – япон-

цы, язычники, еще блуждающие во тьме и сени смертной, жаждали крови на ратном поле»¹⁴.

В вышеуказанной речи также отмечалось, что воспитанникам Духовного училища уже известны геройские подвиги, совершенные русскими моряками под Порт-Артуром и Чемульпо, а также известие о гибели броненосца «Петропавловск» во главе со знаменитым адмиралом С.О. Макаровым. Это свидетельствует об осведомленности воспитанников, в частности духовных учебных заведений, о событиях войны.

Волновала орловское духовенство также связанная с войной проблема восприятия вооруженного насилия населением с религиозно-нравственной точки зрения. Священнослужители полагали, что определенная часть населения, особенно под влиянием сектантской и толстовской проповеди, все чаще задавалась вопросом: «...позволительна ли война для истинного читателя Бога, не есть ли она вопиющее преступление»¹⁵? Для решения этого вопроса духовенство обращалось к ветхозаветным сюжетам. Оно указывало на то, что Иисус Христос, запретивший отдельному лицу, гражданину убивать, целому народу своему не только не запрещал вести войны, а даже повелевал содействовать успеху его оружия. Указывалось также на то, что история Иисуса Навина и Судей была наполнена войнами Израиля с хананейскими народами, во время которых Бог явно помогал израильтянам истреблять врагов. В связи с этим по поводу войны России на Дальнем Востоке орловское духовенство полагало следующее: «Настоящая наша война с Японией тем более для нас нравственно позволительна, что мы вынуждены были взяться за оружие для защиты себя и чтобы не дать торжества злу в виде хитрости и коварства»¹⁶.

Орловское духовенство на страницах «Орловских епархиальных ведомостей» высказывалось также по поводу представления раскольников о Японии. На первый взгляд, никакой взаимосвязи между русским расколом и далекой Японией не могло и быть. Однако, как утверждает на страницах вышеупомянутого журнала, «...изобретательная фантазия русского раскольника установила эту связь и поставила Японию в довольно близкое отношение к расколу»¹⁷. Официальное духовенство, относясь, естественно, враждебно как к раскольников, так и к врагам России на Дальнем Востоке – японцам, стремилось обосновать взаи-

мосвязь некоторых мировоззренческих установок старообрядцев с Японией. Обосновывая подобную взаимосвязь, можно было одновременно формировать негативное отношение к раскольников на фоне враждебного восприятия Японии во время войны 1904–1905 гг.

Итак, по мнению орловского духовенства, раскольники, отделившись от Православной Церкви, лишились иерархии. Тем не менее они верят, что иерархия где-нибудь существует. В этой связи «...на помощь старообрядцу является фантазия, рисует ему картины далекого «Оппонского Царства», переносит его в Белые воды, омывающие берега этого царства, и там указывает ему истинную иерархию, древлеблагочестивое священство»¹⁸.

Подобные сведения орловское духовенство основывало на том, что якобы во второй половине XVIII в. в раскольнических общинах появилось рукописное путешествие некоего Марка, инок Топозерского скита Архангельской губернии. В этом сочинении инок Марк подтверждает ранее сложившуюся мысль раскольников о существовании истинной иерархии на Востоке. Причем данное сочинение даже цитируется, следующим образом описывая жизнь в «Оппонском Царстве»: «У них злата и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много. Между ними нет ни воровства, ни ссор, ни зависти; никто и ничем не нарушает закона. Светского правительства у них нет, – всем управляют духовные власти»¹⁹. Самое главное, о чем свидетельствует сочинение инок Марка, это то, что в описываемое им «Оппонское Царство» бежали истинные христиане, «ревнители древнего благочестия».

Безусловно, как отмечает орловское духовенство, никто из русских раскольников не был в Японии, хотя она стала чем-то заветным для русского раскольника. В статье также отмечается, что в 60-х гг. XIX в. крестьяне одной из волостей на Алтае ходили за китайскую границу на поиски «Оппонского» государства, но, конечно, не нашли его.

В связи с подобными поверьями, ходившими в раскольнической среде, орловское духовенство выражало опасения по поводу того, что сложно сказать, «...как с такими представлениями раскольников об Японии логически вяжется их поведение в начале наступившей войны: их молебствия о даровании победы русскому оружию, подношение иконы генералу Куропаткину...»²⁰. Во всяком

случае, орловское духовенство призывало острожно относиться к подобного рода проявлениям верноподданнических чувств со стороны старообрядцев.

Большую роль играло духовенство и при отправке солдат на войну. При этом в мировоззрении населения довольно ярко просматривается монархизм, желание послужить за Царя и православную веру. Как либеральная газета «Орловский вестник», так и «Орловские епархиальные ведомости» рисуют примерно одну и ту же картину при отправке солдат в ряды действующей армии на Дальний Восток. В частности, в «Орловских епархиальных ведомостях» мы находим эпизод проводов запасных чинов города Брянска на войну. Как отмечается в статье, многие запасные приходили прощаться с местным духовенством и получить напутственные слова и благословение. Приводится в статье и обращение одного из запасных к батюшке, в котором наглядно видна нравственно-мотивационная установка, сформировавшаяся в крестьянской среде относительно войны с японцами. Итак, запасной обращается к священнослужителю с такими словами: «Благослови меня, батюшка, и помолись, да поможет нам Господь-Бог победить нашего супостата и да возрадуется нам Царь-батюшка, которого так оскорбляет враг японец»²¹.

Газета «Орловский вестник» также рисует яркие картины проводов на войну с Японией, в которых проявляются мировоззренческое восприятие войны в среде простого крестьянства, его мысли относительно данной войны и мотивационные установки. В одном из номеров газеты за 1905 г. мы находим описание проводов солдат на Дальний Восток в селе Хотьково Карачевского уезда. Автор статьи сообщает, что рано утром все село огласилось плачем и причитаниями. Затем по традиции из храма вынесли иконы, и начался напутственный молебен. В статье помещена также яркая картина прощания одного из крестьян, Ивана Мексютина, со своими пятерыми детьми, который уходил на войну с Японией с такими словами: «Иду послужить Царю и за вас, братцы»²²!

В «Орловском вестнике» также помещена статья, которая представляет зарисовку журналиста, основанную на картинах многих проводов во время русско-японской войны. Неотъемлемым атрибутом всех проводов солдат, как уже отмечалось ранее, был напутственный молебен, после которо-

го наступал самый трогательный момент прощания с родными и близкими. Следует отметить, что представление о враге-японце было сформировано даже у детей. Они зачастую, как свидетельствует автор данной зарисовки, обращались к отцу, отправлявшемуся на Дальний Восток, с такими словами: «Тятичка, миленький, не ходи, убьет тебя ляпонец, миронской убьет...глот морской тебя съест. Дядя Яков сказывал, у ляпонцев большие глоты»²³.

Действительно, для крестьянского населения мобилизация мужей и сыновей на войну с Японией воспринималась прежде всего как потеря кормильцев и шаг, особенно для незажиточных семей, к нищенскому существованию. Крестьянам приходилось обращаться к волостному управлению за помощью, но не всегда могли найти там должное сострадание. «Орловский вестник» описывает случай обращения крестьянки деревни Каськово Болховского уезда Сухачевой, муж которой был взят во время мобилизации на войну, в Голдаевскую волость за удостоверением на получение пособия от Болховского земства. За выписку удостоверения волостной писарь потребовал 50 копеек. Сухачева, как сообщается в статье, «...не имея таких денег, проплакала, стоя возле волости, половину дня, и тогда только сердце писаря сжалилось и он наконец-то выдал удостоверение»²⁴.

Безусловно, подобный случай свидетельствует и о том, что на местах некоторые волостные чиновники, не имея строгих моральных принципов, хотели заработать на проблемах других людей, невзирая на трудности военного времени. Однако прежде всего такие случаи говорят о том, что для бедного крестьянского населения, оставленного без кормильцев, конкретная русско-японская война 1904–1905 гг. не имела ярко выраженных особенностей мировоззренческого восприятия, а сводилась лишь к проблеме выживания в условиях отсутствия рабочих рук.

Интересным фактом, отмеченным в «Орловском вестнике», является то, что даже нищие на улицах Орла переодевались в солдатские шинели, чтобы вызвать жалость у прохожих. Один из номеров газеты, в частности, описывает такой случай: «Третьего дня в гостиных рядах расхаживал нищий, одетый в солдатскую шинель. Нищий мимикой и звуками просил милостыню и отказывающих, сразу из немого делаясь говорящим, ругал площадной бранью»²⁵. Другая статья газеты сви-

детельствует об орловских нищих следующее: «Они, по примеру запасных, обзавелись папахами, и наглость их не имеет границ. Купцы и вообще публика от них сильно страдают»²⁶.

Характерным моментом, который прослеживается на основе ряда статей «Орловского вестника», являлось для Орловской губернии то, что во время мобилизации среди населения царило в основном подавленное и унылое настроение. Например, во время мобилизации в Болхове в воинское присутствие поступало довольно много прошений об освобождении от воинской повинности как по семейным обстоятельствам, так и по физическим недостаткам. При этом автор статьи отмечает следующее: «Настроение среди призываемых запасных и их приехавших родственников унылое. Женщины, неся мешки и узлы за своими мужьями, заливаются слезами. Мужья стараются утешить своих жен тем, что их не на войну «погонят», а куда-нибудь в город заменять солдат, находящихся на действительной службе»²⁷.

Подобные картины мобилизации на Дальний Восток свидетельствуют о том, что у населения Орловской губернии в основном не сложилось патристически окрашенного восприятия войны с Японией. Мобилизация практически во всех уездах сопровождалась либо более спокойным настроением, либо подавленным. Так, например, следующим образом описывается мобилизация в Карачеве: «На вокзале народу такая масса, что полиция едва успевала отстранять от вагонов. Плачу и крикам не было конца. Пред отходом поезда многие жены просто цеплялись и лезли под вагоны, но были удерживаемы родными и публикой»²⁸.

В засушливое лето 1905 г., когда крестьяне страдали от неурожая, мобилизация воспринималась как крайняя степень горя и шаг к бедственному положению. В «Орловском вестнике» помещались отрывки из крестьянских писем, которые красноречиво говорят об отношении крестьян к мобилизации во время засухи. Крестьянские письма были примерно следующего содержания: «В деревнях теперь вой. Озимую косим на корм, и то корму мало... Картофель чуть виден, а бывало к Петрову дню новый копали... Скоту жрать нечего и людям – тоже. Служили молебен, ничего не выходит... Одна надежда – казна поможет. А потом еще у нас говорят, что мобилизация будет»²⁹.

В крестьянской среде царили уныние, упадок духа, растерянность, подавленность, страх перед

чем-то неизвестным и предчувствие чего-то тягостного в грядущем. Наблюдалось также усиление религиозности. М. Сурин, описывая ситуацию в российской деревне во время войны, подчеркивает следующее: «Население желает скорого прекращения войны, которая, по его словам, ведется неизвестно из-за чего и требует от народа огромных жертв»³⁰. М. Сурин приводит также следующие высказывания крестьян: «Война во всем вызвала застой, жить трудно и даже невыносимо... Душевное настроение соответствует ходу войны... Война нам принесла много бедствий и много слез... Положение очень плачевное: сбыт и заработок плох, а жить нужно. Всюду тихо: ни разгула, ни песен»³¹.

Безусловно, война не была причиной тяжелого положения деревни, но она обнажила все проблемы до крайности. И без того напряженное эмоциональное состояние крестьянства усиливалось инстинктом самосохранения: все большее число здоровых крепких людей призывалось в армию, отрывалось от привычного уклада жизни и направлялось на Дальний Восток на войну. При этом цели войны, причины, по которым народ должен был приносить все новые и новые жертвы, крестьянству так и не были понятны. Это еще больше усиливало тревогу и недовольство. Ошибочная система комплектования войск (частые мобилизации запасных, особенно старших сроков) привела к тому, что призванные очень тревожились за судьбу своих семейств, оставшихся на родине в крайне тяжелом экономическом положении.

Непонимание основных причин противоборства на Дальнем Востоке в крестьянской среде поднимает важный вопрос об информационной обеспеченности крестьян. Следует задаться вопросом: откуда могли получать крестьяне информацию о важнейших как внутривополитических, так и внешнеполитических событиях в стране? Безусловно, одним из источников, уже отмеченным выше, было сельское духовенство. Однако был, как отмечают некоторые исследователи, и другой источник информации, причем не всегда «благонадежный» для царского режима. Это были так называемые крестьяне-отходники, которые, побывав в других местностях, могли рассказывать на своей малой родине новую информацию, подчас даже окрашенную в революционные тона под воздействием агитации периода революции 1905–1907 гг.

Исследователь крестьянства начала XX в. С.Н. Прокопович указывает на некоторую пере-

мену в крестьянской среде: «Теперь не редкость встретить мужика, побывавшего в Одессе, и на Кавказе, и на южных заводах. Это уже не серые рядовые крестьяне, не умеющие ни в чем разбираться. Эти люди вносят в деревню элемент сознания и организованности и являются тем социальным грибком, который разлагает былые патриархальные отношения и мирозерцание деревни»³². Деревня называла таких крестьян «умными людьми». В основном это были молодые, лет тридцати, крестьяне-отходники, побывавшие в городе на фабрике или заводе, грамотные, целеустремленные, с активной гражданской позицией, нередко придерживающиеся левых взглядов. Их не устраивала российская действительность, и они не только критиковали ее, но и пытались искать пути ее изменения в лучшую сторону. Крестьяне-отходники (и особенно «умные люди» из их числа) были очень важными поставщиками информации в российскую деревню. П.С. Кабытов полагает в этой связи, что «возвращение отходников в родные места всегда вызывало живой интерес у крестьян: собирались родственники и соседи, слушали рассказы о жизни в городах, о стачках рабочих и выступлениях крестьян других губерний, обсуждали прочитанные газеты и листовки»³³. Если учесть подавляющий процент неграмотности среди крестьянского населения в начале XX в., то можно сказать, что устная информация, сообщаемая отходниками, занимала далеко не последнее место среди источников информации как о войне на Дальнем Востоке, так и о внутриполитическом положении в стране.

Далеко не все «умные люди», как полагала советская историография, придерживались левых, антиправительственных взглядов. Грамотные, умеющие дельно мыслить и говорить крестьяне были и среди зажиточных, черносотенцев и т.д. Характерный пример есть в рассказе о двух братьях из воспоминаний сельских корреспондентов о 1905 году: «Старший, Алексей, служил в гвардии «его величества» и остался при царской конюшне «вахмистром», а Стефан пошел по шорной части... С царской конюшни приезжал Алексей всегда в форме с «позументами» и при ясных пуговицах на мундире. Ходил важно, стоял в церкви на первом месте и с попом здоровался «за ручку», как настоящий барин. Боялись его мужики. Он многое рассказывал про царя, царицу и про весь царствующий дом; рассказывал веско, солидно,

словно во дворце был свой человек. В его словах вырастал царь, как бог, великий, благой и милостивый»³⁴. «Умные люди» нередко играли ведущую роль на сельском сходе, их уважали, к их мнению прислушивались.

Принципиально важно, что это были «свои», жители той же деревни, и крестьяне психологически были более предрасположены воспринимать сообщаемую отходниками информацию, нежели слушать «чужаков», пришлых агитаторов. «Чужака» крестьяне видели в любом, кто говорил не так, как они, не так одевался. Поэтому революционные, да и правительственные пропагандисты, попадая в деревню, испытывали определенные трудности в установлении контакта с аудиторией. При этом отношение крестьян как к «умным людям», так и к пришлым агитаторам или интеллигентам было строго персонифицированным – любили или ненавидели конкретного человека.

Трудно судить о соотношении устной и печатной пропаганды, влиявшей на умонастроения крестьян в условиях войны и революции. Думается, что устная пропаганда еще меньше, нежели печатная, принадлежала к какой-то конкретной партии. Скорее, это были стихийно сформировавшиеся левые идеи. Сложно ответить и на вопрос, какова была вовлеченность самих крестьян в агитацию и пропаганду. На этот счет имеются лишь отрывочные сведения. Часть крестьянства («наиболее передовая», по революционной классификации) на фоне тяжелого экономического положения не только открыто говорила о недовольстве войной, но и сотрудничала с революционными агитаторами и пропагандистами: распространяла нелегальную литературу, укрывала агитаторов, активно участвовала в революционных сходках и собраниях, даже вступала в ряды революционных партий.

В связи с войной крестьяне в основном отрицали или критиковали существующие порядки. Конструктивных предложений с их стороны было, как правило, гораздо меньше: не ходить на войну запасным и новобранцам, ничего не жертвовать на войну, не платить податей и налогов и др.

О.Г. Буховец провел с использованием математических методов достаточно интересное исследование о влиянии пропаганды и агитации левых партий на крестьянское движение в период первой русской революции и пришел к следующему выводу: «Ситуация, при которой реальное движение

отсутствовало именно там, где велась агитация, и наличествовало там, где ее не было»³⁵.

Несмотря на непопулярность русско-японской войны 1904–1905 гг. среди населения Орловской губернии, были случаи добровольной отправки на Дальний Восток. Один из декабрьских номеров «Орловского вестника» за 1904 г. свидетельствует о том, что добровольцы продолжали приходить в канцелярию местного воинского начальника. Причем, как отмечается в статье, «...некоторые просят немедленно посылать их в действующую армию и нередко огорчаются, если эта отправка замедляется»³⁶. В 1905 г. также были зафиксированы случаи добровольчества. В майском номере «Орловского вестника» за 1905 г. сообщается следующее: «На Дальний Восток в составе эшелона, ушедшего на днях, вошло 50 человек добровольцев, из них большинство из 217-го и 218-го запасных батальонов, стоящих в Орле»³⁷.

Следует отметить, что заострение редакцией «Орловского вестника» некоторых сведений о добровольчестве свидетельствует, по-видимому, о том, что это явление во время русско-японской войны 1904–1905 гг. не носило массового характера среди населения Орловской губернии. Более того, в некоторых статьях газеты прослеживается мысль о том, что, в частности, орловские обыватели вообще относились к солдатам, особенно запасным, с некоторым опасением и недоверием.

В Орле были сформированы 217-й и 218-й запасные батальоны. Сто человек из этих батальонов были отправлены в Нижний Новгород для зачисления в 307-й пехотный Арзамасский полк. В Нижнем Новгороде данный полк, в котором находились запасные из Орла, был расквартирован по квартирам. Многие владельцы квартир довольствовались солдат чаем и сахаром. В этой связи «Орловский вестник» сообщает следующее: «Нижегородцы в этом отношении могли бы служить примером для орловцев, которые смотрят на солдат как на страшилищ и всячески стараются не пускать их к себе на квартиру»³⁸.

Запасных воспринимали с некоторым опасением не только в самом Орле, а также в некоторых уездных центрах. Например, с середины декабря 1904 г. в Елец начали прибывать из разных уездов Воронежской губернии партии запасных нижних чинов. По этому поводу в городе ходили, как свидетельствует «Орловский вестник», разные разговоры. У части населения вызывало опасение, что

при запасных было мало охраны, хотя другая часть населения города полагала, что «...запасные не японцы, не воевать нам с ними, а хлебом-солью да добрым словом встретить и проводить следует»³⁹. Тем не менее подобные взгляды свидетельствуют об отсутствии патриотически окрашенного восприятия войны на Дальнем Востоке среди определенной части населения и понимания того, что солдатам, в частности запасным, предстоит сражаться с врагом на дальних рубежах страны.

В этой связи поднимается также вопрос о формировании среди населения образа врага, в частности японца, как неизвестного для России начала XX века противника. По мнению Л.В. Жуковой, для формирования образа врага характерны различные приемы, используемые российскими СМИ: «подмена понятий»; «искажение информации» или ее избыток; рассуждения о коварстве и жестокости японцев и вместе с тем «о слабости врага, о тяжелом его положении и неумении вести военные действия», о расовом превосходстве «белых» над «желтыми»; идея войны как борьбы православной Руси с языческой Японией; «исключение подobia»⁴⁰.

На фоне таких «подогретых» чувств в проправительственных патриотических брошюрах появились заявления: «Деревня словно ждала ее (мобилизацию. – В.А.), предчувствовала, не растерялась. Простой народ давно прислушивался к тому, что пишется в газетах. Они давно не редкость в самых отдаленных углах. Газеты, по-видимому, приготовили русскую деревню к предстоящим событиям»⁴¹.

Однако реальность была таковой, о чем свидетельствует и орловская губернская пресса, что население войны все-таки не ждало и не поняло, почему она вдруг возникла.

Историки Е.С. Сениявская и А.С. Сениявский теоретически обосновали, что «образ врага» выделим от «образа войны», то есть комплекса представлений о войне. Они подразделяют «образ войны» на три типа: прогностический, синхронный и ретроспективный⁴². Подобная классификация может быть в полной мере применима ко времени русско-японской войны.

Прогностический образ войны, складывавшийся до русско-японской войны, не был адекватен. Это проявлялось прежде всего в недооценке противника, в «шапкозадирательских» настроениях, присутствовавших в российском обществе. Результатом подобных настроений явился недостаточ-

ный уровень готовности к противоборству вооруженных сил России.

Однако, как показывают различные источники, были и другие причины неготовности и неудач России в этой войне. Сказывалась и порочная система комплектования войск в условиях начавшейся войны на задворках империи. Основным источником комплектования действующей армии были мобилизации запасных, а не выдвижение кадровых частей из западной и центральной частей империи. По мнению И.В. Деревянко: «При частой мобилизации призыв запасных осуществлялся выборочно по местностям, т.е. из какого-либо уезда или волости вычерпывались полностью запасные всех призывных возрастов, а в соседней местности призыва не было вовсе. Всего за время войны произошло 9 таких мобилизаций (последняя – буквально накануне заключения мирного договора, 6 августа 1905 г.). Система частных мобилизаций была разработана теоретиками Главного штаба в конце XIX в. на случай «локальных войн, не требующих напряжения всех сил страны». Но на практике она не только оказалась неэффективной, но и повлекла за собой множество негативных последствий»⁴³.

Командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин, анализируя причины наших неудач в войне с Японией, так отзывался о поступивших в армию запасных старших сроков службы: «Наш крестьянин в возрасте свыше 35 лет часто тяжелеет, становится, как говорят, сырым, обрастает бородой, теряет солдатский вид, труднее молодежи переносит тяжести походной жизни... Необходимо также принять во внимание, что сельские жители в возрасте свыше 35 лет уже являлись домохозяевами, часто многодетными. Все их интересы и помыслы, даже по прибытии в Маньчжурию, были дома. Эти заботы отнимали у них веселость, бодрость, необходимые для солдата. А тут еще сама война казалась непонятной, а с родины вместо призыва к подвигу присылались прокламации, подговаривавшие не сражаться с японцами, а бить своих офицеров»⁴⁴.

Все это привело к восприятию Японии как противника заведомо неполноценного и слабого. В результате наблюдался просчет в прогнозировании военного потенциала противника, переоценивались собственные силы и морально-психологическое состояние российских войск. Недооценка врага отразилась не только на складывании неблагоприятного для России фактического соотношения сил (в живой силе и технике), но и в недостаточном внимании к качеству комплектования личного состава и к назначению командных кадров.

Начало русско-японской войны привело к формированию синхронного «образа войны». В условиях вооруженного конфликта проблема «свой» – «чужой» обострилась до предела, выступив в гипертрофированной форме: потенциально опасный «чужой» превратился в реального смертельного врага.

Следует иметь в виду, что в ходе войны, когда «враг» представлял угрозу самому существованию общества, его базовым ценностям, у тех, кто непосредственно участвовал в военных действиях, и тех, кто жил в тылу, представление о враге, его «образ» были разными. Отношение к противнику зависело от социального положения, уровня образования и культуры, национальной и религиозной принадлежности человека, а также от конкретных событий, происходивших на театре военных действий, от информации, получаемой в тылу.

Проникновение в сознание населения «образа врага» наблюдалось и в Орле. Это проявлялось в разделении противоборствующих сторон при кулачных боях на русских и японцев. В одном из номеров «Орловского вестника» сообщается следующее: «Кулачные бои мало-помалу появляются опять в городе. Как нам передают, враждующие партии разделяют себя на русских и японцев, и вследствие этого ожидают столкновения более жестокого характера, чем это было в прежние годы»⁴⁵. Подобный факт свидетельствует о некоторой озлобленности по отношению к японцам, как врагам России, четко сформировавшейся уже к началу 1905 года в провинциальной орловской среде.

Несмотря на озлобленное отношение к японцу как врагу, сформировавшееся среди населения, можно отметить и другой аспект мировоззренческого восприятия врага. Речь идет о том, что по рассказам солдат-орловцев формировалось также представление о японце как об умном, стойком и хитром противнике. В одном из январских номеров «Орловского вестника» за 1905 год приводится следующий случай встречи солдата односельчанами в Кромском уезде Орловской губернии: «Недавно селю Мураевка встречало раненого Р-а, который получил две пули на тюренченских позициях и теперь возвратился домой.

Односельчане внимательно вслушивались в отзывы про «нехриста-японца, у которого уж больно башка работает»⁴⁶.

Однако, как свидетельствует «Орловский вестник», объективного представления о враге у основной массы населения, крестьян, так и не сформировалось. Основные характеристики японца как врага сводились к его военным качествам: «Масса знает японца как воина: это – «вероломный враг», «хитрый враг», «сильный и отважный солдат», «образованный человек, не то что мы – русские», «шельма» и пр. Так говорят приехавшие с войны раненые, так говорят и газеты. Последними масса пользуется редко, – она придерживается больше изустного наставления. А всем уже известно, как искажается истина при передаче через ряд лиц. Масса так неразвита, что не в состоянии уяснить себе самых элементарных понятий...»⁴⁷.

Все-таки основным эмоционально-психологическим компонентом, который формировался при мировоззренческом восприятии войны населением Орловской губернии, было настроение психологической фрустрации и подавленности. Новости о военных неудачах на Дальнем Востоке и о потере близких омрачали привычный ход провинциальной жизни. В частности, традиционные святочные праздники в начале 1905 года утратили прежние задор и веселье. «Орловский вестник» приводит такое высказывание по этому поводу: «Про святочные же вообще развлечения нынешнего года можно сказать, что они далеко отстали от прошлых годов; не слышно было прежнего гама, песен и пьянства. У всех есть свое горе: у одного брата, у другой мужа, у третьего сына нет»⁴⁸.

Зачастую население Орловской губернии, в частности крестьянское, отказывалось верить в военные неудачи России на Дальнем Востоке. Не могли поверить и в падение Порт-Артура. В «Орловском вестнике» помещено описание распространения слухов о падении «дальневосточной твердыни» в Ельце: «Съездившие в город мужички, возвратившись, рассказывают, что Порт-Артур взят японцами. Стессель оттуда выбыл куда-то, а бывшие там наши солдаты взяты в плен. Жители дер. Сусловой этому не верят и утверждают, что Порт-Артур стоит на минах и что, как только японцы взойдут в него, мины будут взорваны и японцы погибнут»⁴⁹.

Как свидетельствует «Орловский вестник», не переживать по поводу военных неудач России на

Дальнем Востоке было попросту опасно. Газета, описывая, в частности, один из эпизодов провинциальной орловской жизни февраля 1905 года, повествует о таком случае: «... по одной улице идет мужчина и поет. Ему навстречу двое: – «Чего поешь?» – «Пою, а вам какое дело?» – «А вот какое», и с певца шапка летит на снег. – «Там нас бьют, а он поет». Мужчина подобрал шапку и пошел молча»⁵⁰. Данный эпизод еще раз подчеркивает настроение подавленности среди орловского населения из-за событий на Дальнем Востоке.

Глубокий след в сознании населения в связи с чередой неудач в войне с Японией оставило также поражение эскадры З.П. Рожественского в Цусимском сражении. Вот как, например, отреагировали жители города Болхова на Цусимскую катастрофу: «Известие о поражении эскадры Рожественского, как громом, поразило наших горожан. Шовинисты и ярые патриоты, хотевшие «шапками закидать» японцев, умолкли. Везде только и разговоры, что про поражение, которого у нас никак не ожидали. Лица у всех печальны; женщины, у которых на войне муж или сын, плачут»⁵¹. Поражение в Цусимском бою всколыхнуло интерес к событиям на Дальнем Востоке с новой силой. Однако вновь проявилось неверие в возможность такого поражения российским флотом, в частности в крестьянской среде. Один из корреспондентов «Орловского вестника», описывая настроение населения во Мценске, подчеркивал следующее: «Целую неделю крестьяне не верили газетам, что эскадра Рожественского погибла; это, говорили сельские обыватели, японцы у наших моряков дух отбивают»⁵².

Эмоционально-психологическое состояние фрустрации и подавленности среди населения Орловской губернии, вызванное неудачным ходом военных действий России на Дальнем Востоке, обострялось к концу войны большим количеством калек-инвалидов, возвращавшихся с фронтов русско-японской войны. «Орловский вестник» отмечает по этому поводу следующее: «С театра войны в Орел и орловский уезд возвращаются многие участники боев, получившие в этих боях более или менее серьезные увечья»⁵³. Вид молодых инвалидов, вернувшихся с войны, наряду с и без того непопулярной войной в сознании населения формировали в мировоззрении населения ярко выраженный негативный образ войны на Дальнем Востоке.

В одном из августовских номеров «Орловского вестника» помещена заметка о прошении болховских горожан должностному лицу с просьбой упорядочить работу городского сада «Городок», в котором видны все-таки монархические настроения населения относительно войны. Прошение было подписано многими людьми, и в нем, в частности, говорится: «В настоящее время и время проливания нашей братской крови за Русь, православное отечество и Царя...»⁵⁴. Тем не менее если рассмотреть данное прошение критически, то думается, что оно вряд ли свидетельствует об искренности монархических настроений населения в связи с неудачной войной. Скорее в этом обращении к чиновнику сквозит общепринятый формализм, рассчитанный на получение конкретной помощи от местных властей.

На фоне непопулярности русско-японской войны в сознании населения Орловской губернии известие о заключении мира вызвало радость и некоторое оживление в провинции. Так, например, описывает «Орловский вестник» реакцию жителей города Орла после заключения мира: «Настроение в городе после получения телеграммы о заключении мира несколько приподнятое. Несколько дней тому назад, когда были получены телеграммы о том, что вопрос о мире почти решен, настроение наших обывателей оставалось без перемен – оно было бы обыкновенным, будничным, но теперь, когда относительно заключения мира не стало сомнений, наша публика настроилась празднично, и нам вчера приходилось видеть много раз, как люди горячо поздравляли друг друга с миром»⁵⁵.

Однако и в восприятии мирного договора с Японией были свои нюансы. В Брянске, например, солдаты относились к сообщению о мире с недоверием. Корреспондент «Орловского вестника» считает подобное недоверие вполне обоснованным: «Да это и понятно. Переход от кровавой войны, на которую они собрались уже идти, к мирному исходу слишком резок. Недоверие это поддерживается еще тем, что, несмотря на известие о благополучном конце мирных переговоров, войска продолжают отправлять на Дальний Восток»⁵⁶.

Безусловно, в каждом слое населения известие о прекращении войны с Японией воспринималось по-своему. Мещане и купцы, в частности, надеялись на подъем торговли. Особенно радовались прекращению войны семьи запасных, отправленных на Дальний Восток. Они начали готовиться к встрече род-

ных и близких. Для крестьянского населения прекращение военных действий означало прежде всего возвращение основных рабочих рук в хозяйство. Не случайно в связи с этим прекращение войны с Японией было встречено с особой радостью именно в крестьянской среде, особенно в тех семьях, где были солдаты, отправленные на фронт. По этому поводу в «Орловском вестнике» мы находим следующую заметку: «Весть о мире частью населения, отправившего на Дальний Восток своих родственников, встречена весьма радостно. Другую, более многочисленную, очень спокойно»⁵⁷.

Проанализировав мировоззренческое восприятие русско-японской войны 1904-1905 гг. населением Орловской губернии, основываясь на материалах местной периодики, можно сделать вывод о том, что характерным явлением в сознании населения перед войной было непонимание ее причин и задач. Далекая азиатская страна была совершенно чужда пониманию среднестатистического жителя Орловской губернии, как «срединной» и моноэтнической территории Российской империи начала XX века. Положение обострялось сельскохозяйственными проблемами в условиях невысокого урожая лета 1904 г. в Орловской губернии. В связи с этим мобилизация запасных на войну с Японией для их семей воспринималась как настоящее бедствие.

Что касается «образа врага» в сознании населения Орловской губернии, то губернская пресса свидетельствует, что он, формировавшись в основном по рассказам приезжавших с фронта солдат, приобретал скорее уважительные черты. Японца воспринимали прежде всего как сильного и умного противника, очень стойко сражавшегося против русского оружия. Следует отметить также работу духовенства Орловской епархии по формированию как «образа врага», так и вообще основных мировоззренческих доминант относительно проходившего на Дальнем Востоке вооруженного конфликта.

Тем не менее, как свидетельствует орловская пресса того периода, основным психоэмоциональным компонентом в сознании населения было состояние психологической фрустрации и недовольства с оттенками печали и неверия в возможность таких военных неудач. О четкой сформированности таких настроений свидетельствуют данные прессы начала 1905 г. В целом можно сказать, что русско-японская война негативно воспринималась населением Орловской губернии, а ее причины и цели так и остались непонятыми большинству населения.

Примечания

- ¹ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 144.
- ² См.: Абаза К.К. Беседа про японца. СПб., 1904–1905. Вып. 1–3.
- ³ См.: Кладов Н.Л. Значение флота в борьбе на Дальнем Востоке. СПб., 1904.
- ⁴ См.: Коссинский Ф.М. Состояние русского флота в 1904. СПб., 1904.
- ⁵ См. напр.: Колчигин Б., Разин Е. Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939; Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Изд. 3-е. М., 1954; Мельников Р. Крейсер «Варяг». Л., 1975 и др.
- ⁶ См., напр.: Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 30–36. и др. работы.
- ⁷ См.: Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904–1905 гг. Книга I. М., 2004. С. 308.
- ⁸ Орел 4-го января // Орловский вестник. 1904. 4 янв. № 4. С. 1.
- ⁹ Областной отдел. Брянск // Орловский вестник. 1904. 8 янв. № 8. С. 3.
- ¹⁰ Из епархиальной жизни. Архиерейские служения // Орловские епархиальные ведомости. 1904. 8 февр. № 6. С. 162.
- ¹¹ Пастырь Церкви во время войны // Орловские епархиальные ведомости. 1904. 15 февр. № 7. С. 180.
- ¹² Необходимая настоящая задача духовенства (О том, какой смысл настоящей войны) // Орловские епархиальные ведомости. 1904. 17 окт. № 42. С. 963.
- ¹³ Необходимая настоящая задача духовенства (О том, какой смысл настоящей войны) // Орловские епархиальные ведомости. 1904. 17 окт. № 42. С. 967.
- ¹⁴ Беседа, сказанная в Храме Ливенского Духовного Училища пред совершением панихиды по адмирале С.О. Макарове и другим храбрым защитникам нашего Отечества, павшим на Дальнем Востоке. Помощник Смотрителя Ливенского Духовного Училища Иван Богданов // Орловские епархиальные ведомости. 1904. 16 мая. № 20. С. 479.
- ¹⁵ О войне с религиозно-нравственной точки зрения // Орловские епархиальные ведомости. 1905. 13 февр. № 7. С. 181.
- ¹⁶ Там же. С. 185.
- ¹⁷ Япония в представлении русских раскольников-старообрядцев // Орловские епархиальные ведомости. 1904. 14 марта. № 11. С. 295.
- ¹⁸ Там же. С. 295.
- ¹⁹ Там же. С. 296.
- ²⁰ Япония в представлении русских раскольников-старообрядцев // Орловские епархиальные ведомости. 1904. 14 марта. № 11. С. 301.
- ²¹ Проводы нижних запасных чинов из города Брянска на Дальний Восток // Орловские епархиальные ведомости. 1904. 25 дек. № 52. С. 1303.
- ²² Областной отдел. Карачевский у. // Орловский вестник. 1905. 12 янв. № 11. С. 3.
- ²³ Проводы. Деревенская картинка // Орловский вестник. 1905. 13 янв. № 12. С. 3.
- ²⁴ Областной отдел. Болховские письма // Орловский вестник. 1904. 17 дек. № 230. С. 3.
- ²⁵ Орел 19 декабря // Орловский вестник. 1904. 19 дек. № 232. С. 2.
- ²⁶ Местная хроника // Орловский вестник. 1904. 22 дек. № 235. С. 3.
- ²⁷ Болховские письма // Орловский вестник. 1904. 19 дек. № 232. С. 3.
- ²⁸ Областной отдел. Карачев // Орловский вестник. 1904. 23 дек. № 236. С. 3.
- ²⁹ Областной отдел. Елецкий уезд // Орловский вестник. 1905. 23 июня. № 162. С. 3.
- ³⁰ Сурин М. Война и деревня. М., 1907. С. 20.
- ³¹ Там же. С. 16–17.
- ³² Прокопович С.Н. Аграрный вопрос и аграрное движение. Ростов н/Д., 1905. С. 32.
- ³³ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара, 1999. С. 39.
- ³⁴ Деревня в 1905 году: (по восп. селькоров). – М.; Л., 1926. С. 113.
- ³⁵ Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 316.
- ³⁶ Местная хроника // Орловский вестник. 1904. 23 дек. № 236. С. 3.
- ³⁷ Местная хроника // Орловский вестник. 1905. 30 мая. № 139. С. 3.
- ³⁸ Орел 19 декабря // Орловский вестник. 1904. 19 дек. № 232. С. 2.
- ³⁹ Областной отдел. Елец // Орловский вестник. 1904. 22 дек. № 235. С. 3.
- ⁴⁰ См.: Жукова Л.В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Воен.-ист. антропология: ежегод. 2003/2004. Новые научн. направления. М., 2005. С. 261–263.
- ⁴¹ Тарновский А. Русско-японская война. СПб., 1905. С. 32–33.

⁴² См.: Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 140.

⁴³ Деревянко И.В. «Белые пятна» русско-японской войны. М., 2005. С. 63.

⁴⁴ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905: итоги войны. СПб., 2002. С. 242–243.

⁴⁵ Местная хроника // Орловский вестник. 1905. 11 янв. № 10. С. 2.

⁴⁶ Областной отдел. Кромской уезд // Орловский вестник. 1905. 19 янв. № 18. С. 3.

⁴⁷ Областной отдел. Елец // Орловский вестник. 1905. 13 июля. № 182. С. 3.

⁴⁸ Областной отдел. Орловский и Карачевский уезды // Орловский вестник. 1905. 19 янв. № 18. С. 3.

⁴⁹ Областной отдел. Елец // Орловский вестник. 1905. 15 янв. № 14. С. 3.

⁵⁰ Местная хроника // Орловский вестник. 1905. 28 февр. № 56. С. 3.

⁵¹ Областной отдел. Болхов // Орловский вестник. 1905. 24 мая. № 134. С. 3.

⁵² Областной отдел. Мценский у. // Орловский вестник. 1905. 9 июля. № 178. С. 3.

⁵³ Местная хроника // Орловский вестник. 1905. 27 июля. № 196. С. 3.

⁵⁴ Областной отдел. Болхов // Орловский вестник. 1905. 6 авг. № 205. С. 3.

⁵⁵ Местная хроника // Орловский вестник. 1905. 23 авг. № 220. С. 3.

⁵⁶ Областной отдел. Брянск // Орловский вестник. 1905. 27 авг. № 224. С. 3.

⁵⁷ Областной отдел. Севский у. // Орловский вестник. 1905. 14 сент. № 241. С. 3.

V.A. KHOLODOV

THE RUSSIAN-JAPAN WAR 1904–1905 IN ASSUMPTION OF THE POPULATION OF THE ORYOL DISTRICT (ON FACTS OF THE ORYOL PRESS).

The article is devoted to the analysis of assumption of the Russian-japan war 1904–1905 of the population of the Oryol district on a basis of facts of the Oryol press. In the article also uncovering a special role of the priesthood in the forming of patriotic moods among the population. Besides shows unpopularity of the Russian-japan war 1904-1905 in consciousness of the population of the Oryol district.

Key words: *the Russian-japan war 1904–1905, Oryol press, image of the enemy, priesthood, assumption.*

Д.Л. ЦЫБАКОВ, кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии, государственного и муниципального
управления ГОУ ВПО «Орловская региональная академия
государственной службы»

Тел.: (4862) 43-41-16; politgmu@mail.ru

В.В. БОНДАРЬ, слушатель ГОУ ВПО «Орловская региональная
академия государственной службы»

НАИМЕНОВАНИЯ ГОРОДОВ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЗВАНИЯХ ПОЛКОВ РУССКОЙ АРМИИ — УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Статья посвящена боевому пути полков русской армии, носивших названия городов Орловской губернии. Описывается история формирования этих воинских частей, а также приводятся примеры их участия в первой мировой войне 1914–1918 гг.

Ключевые слова: мировая война, фронт, армия, сражение, пехотный полк, Орловская губерния.

Имена городов Орловской губернии встречаются в названиях семи воинских частей русской армии, принимавших участие в сражениях первой мировой войны. До революции подавляющее большинство воинских подразделений российских вооруженных сил помимо нумерации обладало еще и наименованием по названию какого-либо конкретного города или культурно-исторического региона. К XX столетию в большинстве случаев это не означало формирования воинской части в указанной в ее названии местности или же комплектования ее за счет уроженцев какого-то населенного пункта или административно-территориального образования.

Лишь малая часть воинских частей, преимущественно гвардейских, называлась по именам мест своего первоначального формирования. В дальнейшем встречались случаи, когда полки регулярной армии назывались по местам знаменательных побед российского оружия либо получали наименование того географического региона, где они дислоцировались в течение продолжительного времени.

Именно так обстояло дело с боевым восприемником первой воинской части, в XVIII — начале XIX столетия носившей название главного города Орловской губернии. Созданный 15 декабря 1763 г. Орловский пехотный полк после многочисленных переформирований с 1856 г. стал называться 16-м гренадерским Мингрельским его Императорского высочества великого князя Димитрия Константиновича полком [1, с. 299]. Он входил в состав 1-й Кавказской гренадерской дивизии, все воинские части которой, в течение девяноста лет пребывавшие на южных рубежах империи, получили названия различных закавказских городов или провинций.

Во время создания регулярной армии названия воинским частям чаще всего подбирались условно, имея целью подчеркнуть символическое единство различных территорий Российского государства через призму восприятия ее военной организации. С переходом ко всеобщей воинской повинности, нацеленной на развертывание массовой армии, идеологическое значение наименований российских воинских частей существен-

но нивелировалось. В наибольшей мере это относится к формированиям, комплектуемым из резервистов в случае объявления мобилизации. Как указывает А. Керсновский, названия для них подбирались штабными чинами совершенно произвольно, а при создании в 1915 еще и 1917 гг. полков третьей и четвертой очередей присвоение имен воинским частям приняло хаотический, бессистемный характер [2, с. 123]. Города современной Орловской области представлены в названиях 36-го пехотного Орловского и 138-го пехотного Болховского полков – кадровых частей, имевших давнюю историю и боевые традиции. Кроме того, в период проведения всеобщей мобилизации в июле-августе 1914 г. были сформированы 285-й Мценский, 225-й Ливенский, 278-й Кромский, 292-й Малоархангельский пехотные полки. В июне 1915 г. к ним добавился образованный на основе ополченческих дружин третьеочередной 444-й пехотный Дмитровский полк.

Именно он в наибольшей мере был связан с Орловской губернией, поскольку весь рядовой состав вновь созданной воинской части был представлен уроженцами ее различных уездов. Как установлено И.Ю. Ганиным, будущий Дмитровский полк формировался из личного состава 100-й, 101-й и 102-й Орловских пеших дружин Государственного ополчения [9, листы 29–33]. Таким образом, только указанная воинская часть в известном смысле может считаться «Орловской», имея на то основание если не по своему названию, то по происхождению личного состава. Все другие воинские формирования, носившие наименования уездных городов губернии, как кадровые, так и развернутые из запасных полков, создавались и дислоцировались в других регионах страны.

Если 444-й пехотный Дмитровский, созданный во исполнение приказа Главнокомандующего Северо-Западным фронтом от 04.07.15 года № 271 полк состоял из жителей Орловщины, то 16-й Мингрельский гренадерский полк обладал несомненной духовной связью с губернией. Он официально вел свое происхождение от Орловского пехотного/мушкетерского полка первого формирования, а старшинство полка мингрельских grenадер было установлено с 15 декабря 1763 г. – даты основания его боевого предшественника. В гербе мингрельцев изображалась фигура хищной птицы – орла, что символизировало их преемственность по отношению к одной из наиболее заслуженных частей русской армии.

Орловский пехотный полк первого формирования был создан на основе Орловского конного полка Украинской ландмилиции. Последний был образован в соответствии с Указом императора Петра II от 6 ноября 1727 г. и комплектовался из однодворцев южнорусских уездов, включая Орловский [6, с. 147]. В последующем это формирование, неоднократно меняя свое название, приняло участие во всех русско-турецких войнах XVIII–XIX столетий, наполеоновских войнах, русско-персидской войне 1826–1828 гг. и, наконец, в многолетнем покорении Кавказа, обретя здесь свое последнее наименование. Во время мировой войны 16-й Мингрельский гренадерский полк проявил высокий боевой дух и профессиональную выучку, в качестве «пожарной команды» будучи использован на наиболее опасных участках четырех фронтов.

В свою очередь в 1811 году в Киеве из рот Киевского, Очаковского и Херсонского гарнизонных полков генерал-майором И.Ф. Паскевичем был сформирован трехбатальонный Орловский полк. Во время мировой войны 1914–1918 гг. он входил в состав 9-й пехотной дивизии 10-го армейского корпуса, будучи задействован в боевых операциях 2-й и 3-й армий в районе города Львова. В 1917 г. 36-й Орловский полк принял участие в июньском наступлении – последней и безуспешной попытке русского командования переломить ход войны на Восточном фронте. Несмотря на хаос 1917 г., еще в сентябре этого года орловцы вели тактику активной обороны и наступления в районе местечек Перковцы и Медвежа.

Что касается 16-го Мингрельского гренадерского полка, то накануне мировой войны его подразделения постоянно привлекались для решения боевых задач в беспокойном Закавказье и Персии. В войну 1914–1918 гг. под началом полковников И. Никифораки, А. Макаева, С. Трухачева 16-й Мингрельский гренадерский полк в составе 2-го Кавказского армейского корпуса участвовал в операциях 1-й, 5-й, 9-й, 10-й, 13-й армий на Северо-Западном, Юго-Западном, Северном и Западном фронтах.

В 1914 г., во время Августовской наступательной операции, 16-й гренадерский Мингрельский полк, находясь в авангарде Кавказской гренадерской дивизии, к 24 сентября после нескольких атак захватил окраину деревни Рудки. Потери убитыми и ранеными среди кадровых командиров достигли 22-х человек – более половины от обще-

го количества офицеров полка [7, с. 32.]. Вскоре русские вступили в прусские пределы, однако в первой половине ноября корпус был переброшен для участия в Лодзинской операции. В течение недели гренадеры вели неравный бой на фактически не оборудованных в инженерном отношении позициях на Варшавском направлении. К 30 ноября 2-й Кавказский корпус отошел за реку Бзуру. Поздним вечером 9 декабря сводная рота Мингрельского полка участвовала в штыковой атаке против вражеского плацдарма на восточном берегу реки. В этом бою героически погиб командир роты мингрельцев капитан Шавердов. С 3 по 6 марта 1915 г. Эриванский и Мингрельский гренадерские полки пытались захватить немецкие позиции в районе Прасныша. На поле боя пал подполковник Попов, показывая пример подчиненным, не склонив голову под ураганным огнем неприятеля [4, с. 82].

Как писал очевидец, сравнивая боевые качества прибывающих весной 1915 г. пополнений и кадровых солдат, *«тогда не было уже той славной пехоты, которая шла всюду, куда ее посылали, не жалея жизни и не задумываясь перед препятствиями»* [4, с. 11–18]. 31 мая 1915 г. у селения Тухла благодаря численному превосходству и массированному артиллерийскому огню, координируемому с воздуха, немцам удалось нанести гренадерам невосполнимые потери. Последним командиром мингрельцев – наследников боевой славы Орловского пехотного полка – в декабре 1917 г. становится полковник Б.М. Шапошников, будущий Маршал Советского Союза.

Схожая судьба сложилась и у другой кадровой воинской части – 138-го Болховского пехотного полка. Он был образован 13 октября 1863 г. из 4-го резервного батальона и бессрочно отпускных Тобольского полка, с 25 марта 1864 года именуясь 138-м пехотным Болховским полком [5, с. 7]. Ему довелось отличиться в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и в войне 1904–1905 гг. с Японией.

В составе 35-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса воинская часть участвовала в боевых действиях на Западном, Юго-Западном и Северном фронтах, поочередно входя в состав 5-й, 4-й, 9-й, 8-й, 11-й и вновь 5-й армий. Особое отличие полк показал в декабре 1914 года в боях под Новым Корчином. В ходе Карпатского сражения 8 марта 1915 г. герои Болховского полка, командир 1-го батальона капитан Лянскронский и начальник пулеметной команды штабс-капитан Силин, суме-

ли организовать взятие стратегической высоты № 909, в ходе которой благодаря маневру огнем были подавлены 11 вражеских пулеметов [11, листы 5–6].

Если кадровые части русской армии, 16-й гренадерский Мингрельский, 36-й пехотный Орловский и 138-й пехотный Болховский полки, всегда находились в эпицентре сражений мировой войны, то второочередные полки, носившие имена городов Орловской губернии, как правило, применялись преимущественно в обороне, решая вспомогательные задачи. Однако реалии войны вносили коррективы в практику использования бывших запасных частей.

В первую мировую войну 285-й пехотный Мценский полк действовал в составе 72-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса 1-й армии Северо-Западного фронта. Уже в первый месяц войны он подвергся суровым испытаниям, вступив 28 августа 1914 года в составе 4-х батальонов (3670 штыков) и 8 пулеметов во встречный бой с противником в окрестностях деревень Куттен и Ангеран. Противник заметил нахождение полкового знамени при 1-м батальоне, ввиду чего атаки на это подразделение велись с особым рвением. Прикрывая и спасая боевой стяг, командир полка полковник Дьяконов был ранен и остался на поле сражения. Пряча знамя и передвигаясь по-пластунски, поручику Васильеву со знаменщиком удалось достичь леса и уйти от противника. В бою 28 августа под Куттеном было потеряно убитыми 5, ранеными 12, пропавшими без вести 17 офицеров и 537 нижних чинов. Несмотря на это, на следующий день оставшиеся в строю 15 обер-офицеров и 600 солдат под командой подполковника Сетиханова отразили две атаки противника и трижды пытались перейти в наступление, потеряв ранеными шестерых командиров, шедших в первых рядах [13, листы 15–17].

Еще один полк второй очереди, 278-й пехотный Кромский, был сформирован в июле 1914 г. в городе Киеве. Основой новой воинской части послужили кадры Херсонского полка. 31 июля полк выступил в г. Брест-Литовск, откуда прибыл на участок фронта у деревни Ланы и Китово Брест-Литовской губернии, где 11 и 14 августа впервые участвовал в боях. В августе–октябре 1914 года Кромский полк вёл боевые действия в районе реки Волицы. 19-го апреля 1915 г. он действовал в районе реки Белы, где ему пришлось выдержать мощный натиск германских войск, нанесенный после

интенсивной артподготовки. В октябре 1915 г. полк занял позиции в районе озёр Дрисвяты–Гавранци и далее по восточному берегу реки Дрисвяты, на которых и находился в течение 1916–1917 годов [8, листы 4–7].

Весьма похожим был и боевой путь 292-го пехотного Малоархангельского пехотного полка, сформированного в 1914 году на основании мобилизационного расписания 1910 года. Он входил в состав 73-й пехотной дивизии и участвовал боевых действиях 10-й, 5-й, 3-й, 4-й армий на Северо-Западном и Западном фронтах [12, лист 4]. Этой воинской части, безусловно, повезло с командиром. Полковник Иван Васильевич Бабирев, окончивший в 1890-м году Московское юнкерское училище по 1-му разряду, возглавляя Малоархангельский полк, стал кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени и обладателем Георгиевского оружия. Вечером 23 октября 1915 г. под его началом малоархангельцы преодолели ряд проволочных заграждений противника, овладев дер. Пурвинка и захватив 128 пленных германцев.

225-й пехотный Ливенский полк был сформирован в составе 57-й пехотной дивизии в 1914 году в городе Калуге на основе кадров 9-го пехотного Ингерманландского полка. Во время войны Ливенский полк действовал на фронтах 12-й, 10-й и Особой армий. В последующем особенно значительную роль 225-й Ливенский полк сыграл в обороне Осовца.

Крепость-застава Осовец, возведенная в 1882–1914 гг., оказалась единственной из российских цитаделей, которая в течение полугода смогла выдержать осаду германских войск. Решающие события борьбы за Осовец развернулись 24 июля

– 6 июня 1915 года, когда немцами была предпринята массированная химическая атака с использованием 30 газовых батарей. В исторической литературе заслугу отражения неприятельского штурма относят к действиям 13-й роты 226-го Землянского пехотного полка, которая предприняла получившую известность «атаку мертвецов», заставив противника, не приняв боя, обратиться в бегство [14, с. 82].

Документы, обработанные И.Ю. Ганиным, свидетельствуют, что наравне с землянцами тяжесть германского наступления достойно выдержали воины 225-го Ливенского и 444-го Дмитровского полков [10, листы 122–124]. Находясь в разгар решающего штурма на ключевой Соснеской позиции, четыре роты бывших орловских ополченцев потеряли отравленными и пораженными шрапнельным огнем более половины боевого состава. Благодаря стараниям фельдшера Блинова, распорядительности прапорщиков Иванова и Мишина солдаты Дмитровского полка сохранили способность принять участие в отражении атаки неприятеля. К наградам были представлены ефрейторы 444-го полка Сергей Суслов, Михаил Афонин, Илья Алинин, Михаил Мозгов, Ефим Гоняев, рядовые Андрей Шакин, Вениамин Кошкин, Федор Каханов, Александр Ефимин, после полученных газовых поражений в течение суток оборонявшие свои боевые рубежи.

Полки российской армии в первой мировой войне зачастую получали произвольные названия, однако лучшие представители всех губерний России, невзирая на все невзгоды и лишения, добывали славу русского оружия под боевыми знаменами, носящими названия городов Орловщины.

Библиографический список

1. Военная энциклопедия. Том 15. [Текст] / М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914 г. – С. 570.
2. Керсновский А. А. История русской армии [Текст] / А.А. Керсновский – <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky/1/index.html>
3. Козьмин А.В. Кавказская гренадерская артиллерийская бригада: август 1914 – сентябрь 1915 гг. [Текст] А.В. Козьмин // Военная быль. – 1973. – № 122. – С. 11–18.
4. Лейб-эриванцы в Великой войне. [Текст] / Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии. Под ред. К. Попова. – Париж, 1959. – 308 с.
5. Михеев С.К. История 138-го пехотного Болховского полка. 1703–1903 гг. [Текст] / С.К. Михеев. – М., 1903. – 123 с.
6. Пенской В.В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке [Текст] / В.В. Пенской // Вопросы истории. – 2000. – № 10. – С. 147.
7. Попов К. Воспоминания кавказского grenадера. 1914–1920. [Текст] К. Попов. – Белград: Русская типография, 1925. – 284 с.
8. РГВИА. Фонд 2889. Опись 1. Дело 34.
9. РГВИА. Фонд 2993. Опись 1. Дело 30.

10. РГВИА. Фонд 2993. Опись 1. Дело 1.
11. РГВИА. Фонд 2752. Опись 2. Дело 83.
12. РГВИА. Фонд 2901. Опись 1. Дело 17.
13. РГВИА. Фонд 2896. Опись 1. Дело 11.
14. Хмельков С.А. Борьба за Осовец. [Текст] / С.А. Хмельков. – М.: Воениздат НКО СССР, 1939. – 96 с.

D. L. TSYBAKOV, V.V. BONDAR

**THE NAMES OF THE CITIES IN OREL REGION IN NAMES OF REGIMENTS
OF THE RUSSIAN ARMY PARTICIPATING IN THE WORLD WAR I (1914–1918)**

The article is devoted to the military way of regiments in the Russian army, called after the cities of Orel Region. The history of the formation of the military units is described, as well as the examples of their participation in the World War I in 1914–1918.

Key words: *World War I, front, army, battle, troop regiment, Orel province.*

А.А. ЧУБУР, кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры Отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского
Тел.: 64-30-92 (дом.), 64-34-62 (сл.); fennecfox66@gmail.com

СЕМЬЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЦЕНТРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОРИЯ ВЗГЛЯДОВ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются историография и современное состояние взглядов на наличие и особенности семьи как ячейки общества в верхнем палеолите центра Русской равнины. На основе данных археологии (включая авторские раскопки) и этнографии автор доказывает наличие нуклеарной семьи в верхнем палеолите. Предлагается оригинальная гипотеза, трактующая некоторые формы мобильного палеолитического искусства.

Ключевые слова: *Восточная Европа, семья, палеолит, социум, структура поселений, палеолитическое искусство.*

Вопрос наличия и структуры семьи на заре истории издавна волновал исследователей. Но в годы диктата марксистской идеологии в отечественной науке было принято считать, что парная семья возникла только в неолите. Как правило, при этом делалась ссылка на труд Ф. Энгельса, относившего этап становления парной семьи к рубежу высшей ступени дикости и низшей ступени варварства [1, с. 130–133], то есть к мезолиту. Этот труд, отразивший представления науки конца XIX века об истории первобытного общества, в СССР долго воспринимался как аксиома, не подлежащая пересмотру и критике [2, с. 126–145, 281–284]. В советской науке взятая Энгельсом за основу концепция Л.Г. Моргана о стадийности развития семьи удобно вписывалась в марксистскую теорию смены исторических формаций, а потому декларировалась без фактического подкрепления. Однако доисторическое прошлое редко укладывается в прокрустово ложе идеологических доктрин. Что же касается достоверной реконструкции социальной структуры, то для палеолита единственно доступны источники археологические, в первую очередь следы жилищ и структура поселений.

Первые попытки анализа структуры древнего социума на базе данных археологии для палеолита Восточной Европы предпринял в 1930-х гг. В.А. Городцов, исследовавший стоянку Тимоновка, в 1928 г. выявил объект прямоугольной формы, названный им «землянкой». Прогиб слоев в огромную просадку культурного слоя он объяснил обрушением кровли, сделанной из бревен в накат [3]. Траншеи и шурфы последующих лет выявили объекты, интерпретированные как еще 5 «землянок» и ряд «кладовых». Заполнение их было очень бедно культурными остатками, глубина превышала 2 м, в результате, как писал в дневнике Городцов, «раскопки приняли скучный характер, они поддерживались уверенностью М.В. Городцова (сын В.А. – А.Ч.), изо всех сил убеждавшего молодых исследователей не падать духом» [4]. Археолог пришел к выводу, что обнаружил древние жилища, напоминающие блиндажи. Ничего подобного ранее не встречали. «Данные о жилищах в Тимоновке представляются чем-то особенным и оригинальным, не вяжущимся логически со всем комплексом научных знаний о верхнем палеолите» [5]. Но сведения о Тимоновских «землянках» закрепились в учебниках и монографиях [6]. Тем временем Городцов, исходя из парного рас-

положения «землянок», поспешил создать социально-экономические реконструкции: количество обитателей, семей, образ жизни [7]. Увы, долгая жизнь им не была суждена. В 1955 г. геолог А.А. Величко доказал, что в Тимоновке встречены следы древней мерзлоты – огромные трещины с затекшим культурным слоем, принятые за жилища и замки мерзлотного микрорельефа (пересечения трещин), отмеченные как кладовые [8]. Именно поэтому выкладки Городцова относительно Тимоновки не представляют никакого интереса, кроме того, пожалуй, что они не базировались исключительно на постулатах марксизма, что само по себе в середине 1930-х было весьма смело.

В 1936 гг. белорусский ученый К.М. Поликарпович написал «Нарысы па гісторыі дарадаваго і раннерадаваго грамадства на Беларусі». Этот труд погиб в годы войны, но о содержащихся в нем концепциях семьи в палеолите можно судить по рецензии, данной главным идеологом советской археологии 1920–1940-х профессором В.И. Равдоникасом: «...Эпоху верхнего палеолита (ориньяк, солютре, мадлен) автор рассматривает как время существования «возрастно-половой коммуны с групповым браком» (стр. 126–235); родовое общество возникает у него только в неолите и весь период от Кампиньи до развитого неолита включительно он трактует как время «раннеродового общества» (стр. 327–465). Это прямая уступка буржуазным взглядам (Кунов и мн. др.). На самом деле матриархальный род, без сомнения, возникает не в неолите, а гораздо ранее, в верхнем палеолите, скорее всего, уже в ориньякскую эпоху, что доказывается чрезвычайно убедительными фактами (наличие оседлости в ориньяке, женские статуэтки, тотемическая идеология, свойственная родовому обществу и т.д.). Нельзя забывать и о том, что Ф. Энгельс относил возникновение рода к средней ступени дикости, то есть к эпохе именно палеолитических орудий. Само понятие «возрастно-половой орды с групповым браком» является надуманным, искусственным понятием, которому не должно быть места в марксистской периодизации доклассового общества. Между тем К.М. Поликарпович пользуется этим ложным понятием при исторической интерпретации всех палеолитических памятников и, конечно, входит в серьезные ошибки» [9]. Заметим: десятилетием ранее сам Равдоникас придерживался как раз критикуемых им «буржуазных взглядов», считая па-

леолитическое общество родовым [10]. После критики Поликарпович стал писать, что в верхнем палеолите имел место материнский род с групповой семьей, обитавший в больших жилищах. Только такие группы людей, по его мнению, способны были согласованно перетаскивать крупные фрагменты мамонтовых туш, обнаруженные им при раскопках в Елисеевичах и Юдиново. Вчитаемся: в этой семье «группа мужчин считалась состоящей в браке с группой женщин того же поколения» [11, с. 133–135]. Вновь «возрастно-половая коммуна», только загримированная под «материнский род».

Поскольку первобытно-общинный строй с точки зрения «всесильной» идеологии, уже успевшей физически устранить оппонентов, характеризовался отсутствием парных семей и исключительно общественной формой собственности, большинство археологов спешили выделять крупные общинные жилища (по аналогии с длинными домами ирокезов в работах Моргана и Энгельса), порой доводя их реконструируемые размеры до совершенно нереальных величин. Классический пример – жилище Костенок 1, в котором, согласно П.П. Ефименко, площадь утепленной части достигала 35 x 17 м [12]. Сходно реконструировал А.Н. Рогачев жилой объект Авдеево, имевший еще большие размеры [13]. Даже теперь возведение столь крупных утепленных помещений – сложная инженерная задача. Однако этот довод ничуть не смущал умы палеолитоведов 1930–40-х гг. Вытекавшая из представлений о структуре первобытного социума «мегаломания» и позднее продолжала оказывать отрицательное влияние на научный поиск и восприятие быта предков. Реконструкции покрытых шкурами колоссальных «ангаров» доселе кочуют по научным, популярным и даже учебным изданиям.

П.И. Борисковский гибче подходил к проблеме, считая устройство родовой общины не столь примитивным, как Поликарпович. Правда, связать отдельные очаги многоочажных жилищ типа верхнего слоя Костенок 1 или нижнего Костенок 4 с отдельными парными семьями он так и не решился, замечая, что «едва ли парная семья возникла уже в палеолите» [14], однако со временем все же допустил принципиальное наличие непрочной, легко расторгимой и отягощенной групповыми пережитками парной семьи с второстепенными хозяйственными функциями [15].

С крушением стадийной теории в середине 1960-х – начале 1970-х гг. часть археологов почувствовала шаткость марксистских постулатов. Активизировались попытки пересмотра устаревших взглядов на палеолит. Г.П. Григорьев, опираясь на анализ структуры верхнепалеолитических жилищ и поселений, пришел к выводу, что первичной социальной ячейкой верхнепалеолитической эпохи все-таки была парная малая семья, а общины состояли соответственно из 5–20 парных семей (по числу очагов) [16]. При этом, по мнению С.Н. Бибикова, на поселениях имело место посемейное распределение и потребление пищи [17]. Со сходными положениями выступил исследователь Мезинской и Добраничевской стоянок И.Г. Шовкопляс [18]. К концу 1970-х положение о парных семьях в палеолите вошло и в учебные пособия. Д.А. Авдусин, автор наиболее популярного доселе вузовского учебника по археологии, писал: «В каждом малом жилище жила парная семья. Очагов на стоянке не больше 12, обычно же их 3–5. Зная малую продолжительность жизни в палеолите (скелеты людей старше 50 лет исключительно редки), можно считать, что в семье обычно был один взрослый охотник, а палеолитическая община насчитывала их 10–20 при общем количестве 50–100 человек» [19, с. 32]. А.Н. Рогачев заговорил о целых палеолитических деревнях с населением в сотни человек, объединив и заведомо признав синхронными не только три жилых объекта Костенко 1, но и сразу три стоянки в Костенках [20]. Однако часто синхронными кажутся объекты, возникшие в результате повторных заселений людьми одного и того же места. Перекрывающие друг друга многоочажные комплексы Зарайска это убедительно показали [21, с. 5–16].

Обстоятельный обзор мнений о структуре социума палеолита дал этнограф В.Р. Кабо. Рассмотрев особенности современных и палеолитических первобытных общин, он установил универсалии, сближающие все общества охотников и собирателей, в числе которых – наличие обязательных компонентов социальной структуры: общины, семьи, хозяйственной и целевой групп [22]. При этом он тоже преувеличил оценки населения стоянок, опираясь на максимальную вместимость жилищ-ангаров, созданных воображением археологов-марксистов, и а priori синхронизируя все жилые объекты стоянок. Так, ему «не кажется слишком большой даже численность общины, обитавшей в двух

длинных домах в Костенках IV, – всего около 170 человек» [23].

Янош Козловски пишет: «В действительности численность групп людей не была так велика, как следовало бы из представленных реконструкций, ограничиваясь размером до 15–20 персон» [24]. Это утверждение базируется на новейших интерпретациях и исследованиях. Обнаруженное еще в 1894 г. массовое верхнепалеолитическое захоронение на стоянке Пшедмост в Моравии, как показали новейшие исследования антропологов, отражает половозрастной состав локальной группы из 18 человек, погибшей вследствие каких-то трагических обстоятельств. Девочка-подросток 15–16 лет еще не рожала, 2 молодые женщины должны были родить по 2–3 ребенка каждая, а старшая – не менее 5. Суммарное число вероятного потомства совпадает с числом погребенных детей, включая девочку-подростка. Топография погребений позволяет предположить родственные связи погребенных: взрослые мужчины (14, 3, 9) и взрослые женщины (4, 1, 10), судя по взаимоположению, могли образовывать три семейных пары. Молодые мужчина и женщина (18 и 5) могли быть взрослыми детьми самой старшей пары [25]. В целом кости принадлежат 6 взрослым, 2 молодым, подростку и 9 детям. Еще интересней оказались результаты исследований замкнутого комплекса Машицкой пещеры в Польше, давшего возможность на археологических материалах изучить структуру и размеры локальной группы верхнего палеолита. В Машицкой имел место каннибализм: её жители оказались съеденными захватившими их врасплох врагами. Эта трагедия давно минувших дней дала уникальную возможность изучения возрастной структуры антропологических останков естественной популяции. Кости принадлежат минимум 16 особям: 5 взрослых, 2 молодых, 1 подросток и 8 детей. Лишь 8 старших могут быть определены по полу. Это двое мужчин, подросток-мальчик, 3 женщины (включая одну в возрасте 30–40 лет) и 2 девушки [26, р. 170–172]. Возможно, число людей при подсчетах было несколько занижено из-за строгих требований к отбору материала при определении. Иными словами, речь идет о двух или трех семьях, включающих представителей трех поколений, как и в Пшедмости. Можно ли экстраполировать эти данные на верхний палеолит в целом?

Автором на р. Сейм раскопано поселение Быки 1. Жилая площадка представляла собой овал длиной

до 20 и шириной до 15 м. В его северо-восточной части стояла утепленная полуземлянка, в юго-западной – легкие наземные жилища. Синхронность жилых объектов дала возможность анализа социальной структуры [27]. Остатки капитального жилища представляли собой котлован диаметром около 5 и глубиной до 1 м с некогда почти отвесными стенками, серией углублений различной формы и назначения на дне и центральным очагом. С запада к котловану примыкал углубленный в материк удлиненный и узкий лаз, заканчивавшийся расширением и выходом. Второй выход располагался в южной части полуземлянки и мог задвигаться тазовой костью мамонта. Крупный череп бизона – тотем – венчал его. Жилище Быков имеет четкую этнографическую аналогию. В.Г. Богораз детально описал жилища приморских чукчей и эскимосов – валкар. В них имелись два входа – зимний в виде длинного подземного лаза и летний в верхней части стены. На зиму последний замуравывался крышкой из плечевой кости кита, камнями и травой. В центре валкар располагалась подставка для очага, над которой в крыше находилась отдушина из китового позвонка. Вокруг, исключая сторону входа, располагались спальные места [28]. Описывает валкар и Л.А. Файнберг, упоминая, что мясо часто хранили не в ямах, а в расширениях лаза у выхода [29, с. 51–52]. Это

объясняет отсутствие ям-хранилищ в Быках и вторую функцию «лаза». В юго-западной части площадки выявлены три скопления находок с участками неравномерно окрашенного культурного слоя. Скорее всего, мы имеем дело с остатками наземных сооружений – небольших переносных чумов, округлых в плане и имевших диаметр по основанию до 2,5 м. Входы легких жилищ и летний вход землянки ориентированы на жилую площадку. Наличие трех легких жилищ в Быках позволяет думать, что здесь обитала группа из трех нуклеарных семей, в холодный период переходивших под общий кров в капитальное жилище и отдельно обитавших в теплое время года. Общая численность населения не могла превышать 15–20 человек, включая детей. Площадь землянки около 20 м². Это, согласно данным этнографии, могло обеспечить ночлегом не более 12 взрослых (из расчета минимальной спальной площади 1,8 м² на взрослого) [30]. В наземном чуме теплого сезона могла жить лишь одна семья из 3–5 человек, включая детей.

Несмотря на отсутствие антропологических останков, Быки 1, как и ранее исследованная Л.М. Тарасовым донская стоянка Гагарино [31], показали яркие аналогии с Машицкой пещерой, свидетельствующие о едином принципе структурной организации жилища и поселения, приведенные в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение структуры обитаемого пространства стоянок Машицкая пещера (Польша), Быки 1 (бассейн Десны) и Гагарино (бассейн Дона)

Поселение Объект	Машецкая пещера	Быки 1	Гагарино
Основное жилище	пещера с тотемом – окрашенный череп сайги – у входа, спальное пространство примерно для 20 человек	полуземлянка с тотемом – череп бизона – над главным входом, спальное пространство для 1–15 человек;	полуземлянка с тотемом – череп мамонта – над входом («яма»), спальное пространство для 12–15 человек
Зона хранения запасов	в задней камере пещеры, в ее конце, второй тотем – череп бизона	в камере «лаза», над ним второй тотем – череп носорога	«костенковская землянка», над ней второй тотем – череп мамонтенка
Зона индустриальной деятельности	на террасе, напротив входа в пещеру, занимает 20–30 м ²	перед входом в полуземлянку, площадь более 20 м ²	на площадке к северу от входа
Летние жилища	неизвестны. Возможно, находились на другом участке кормящего ландшафта	3 наземных жилища, отделены от основного зоной индустриальной деятельности	Неизвестны. Вероятно, следы разрушены склоновыми и мерзлотными процессами

Наличие двух различных типов жилищ в структуре поселения заставляет иначе взглянуть на имеющиеся реконструкции и увереннее рассуждать о социальной структуре населения. Можно полагать, что группы легких летних жилищ наря-

ду с вмещавшими по несколько семей легко обнаруживаемыми археологическими методами дома-зимниками имелись на многих верхнепалеолитических памятниках. Однако ввиду длительности обитания границы передвижных конструкций

смазывались, становясь нечитаемыми, тогда как в Быках, где эти жилища существовали лишь 1–2 теплых сезона, их удалось зафиксировать.

Наличие наряду с капитальными теплыми домами группы легких наземных жилищ, расположенных по дуге, можно предположить по нашим наблюдениям в Хотылево 2 [32]. Правда, расстояния между предполагаемыми жилищами заметно больше, чем в Быках, – порядка 8 м. Не исключено, что так называемый «комплекс у открытого очага» в материалах Пушкарей 1 [33] также на деле является следами легкого наземного сооружения. Аналогичные сооружения могли иметь место у других открытых очагов Пушкарей. Что же касается зимних утепленных домов, то работы В.И. Беляевой выявили жилище, конструкция которого оказалась сходной с секцией знаменитого трехочажного «дома», изученного П.И. Борисковским. «Жилая западина» с центральным очагом имела размер примерно 3 x 3 м [34, с. 53–113]. Объекты, описанные Борисковским как три внешних кострища у трехочажного жилища, по результатам раскопок Беляевой предстали как зоны эвакуации зольной массы. Это привело к выводу: «трехочажное жилище» имело три входа и было de-facto тремя плотно стоящими округлыми жилищами, аналогичными вновь открытому [35, с. 136–138]. Выходит, даже в течение холодного сезона далеко не всегда община или расширенная семья собиралась у одного очага и под одной крышей. Что до численности населения, она близка к определенным ранее показателям: три стоящих рядом жилища, по нашему мнению, одновременны и рассчитаны соответственно на три нуклеарные семьи, т.е. на 12–18 человек. Население всего исследованного участка стоянки могло достигать 20–24 человек, если отдельное жилище синхронно «строеному».

В Юдиново – более позднем, нежели Быки, поселении – разделение быта отдельных парных семей проявляется в еще большей степени. Три костно-земляных жилища (2, 3 и 4) имеют внутреннюю площадь 9–12 м², не отличающуюся от легких жилищ Быков, особенно если вычесть площадь центрального очага, однако это уже утепленные всесезонные дома [36]. Служили они местом круглогодичного обитания или только зимниками – сказать трудно, но ясно, что на площадке поселения возле них протекала активная деятельность под открытым небом, что заставляет склоняться

к первому варианту. В Юдиново, вероятно, одновременно жили, как и в Быках, три парные семьи, но время их обитания намного превышало время существования поселения Быки. При этом существует дом, рассчитанный и на всю общину – жилище 1, исследованное К.М. Поликарповичем в 1947 г. Его внутренняя площадь превышает 25 м². Планировка Юдиново весьма напоминает планировку Быков 1. Нельзя исключить, что первоначально был построен именно большой дом, а затем уже на месте легких наземных летних жилищ возникли капитальные костно-земляные дома для отдельных нуклеарных семей. Большое же жилище могло после этого играть функцию культового центра, аналогично тому, как на стоянке Мезин наиболее старый крупный дом был превращен в культовый центр с костяными музыкальными инструментами [37].

С.Н. Бибиков первым предположил наличие летних жилищ в Мезине, располагая их в районе «открытых очагов», окружавших капитальные дома из костей мамонта. «У народов с тенденцией к прочной оседлости летние и зимние жилища размещаются в одном стойбище» [38], – аргументировал он. Легкие жилища могли располагаться и к юго-востоку от двух капитальных домов из костей мамонта, на территории, не отнесенной В.Я. Сергиным к «основной части поселения» [39]. Судя по планам, там располагались несколько производственных участков, компактных кострищ и зольных шлейфов. Готовую группу из четырех всесезонных «семейных коттеджей» с отдельными хозяйственно-бытовыми комплексами, сходных с малыми жилищами Юдиново и связанных единством планировки поселения, мы наблюдаем в Добраничевке и Межиричах [40]. И вновь мы имеем дело с 4 нуклеарными семьями, составившими общину численностью до 20 человек.

Что касается костенковско-авдеевских комплексов, то, если принять один очаг осевой линии поселения за место одной нуклеарной семьи, получим численность населения несколько большую, но не сильно отличающуюся от Быков, Юдиново или Добраничевки: 5–8 очагов соответствуют группе в 20–40 человек. Что же касается полуземлянок, площадь их пола (6–8 м²) вряд ли позволяла постоянно жить там даже нуклеарной семье. Функции их как жилищ были усечены. Сходную площадь (2x4 м) имеет внутреннее спальное помещение чукотского жилища [41, с. 104–105]. Ско-

рее всего, костенковско-авдеевские полуземлянки и были утепленными спальными помещениями, тогда как в сооружении над осью очагов происходила основная часть жизни и производственных процессов. Это объясняет слабую насыщенность культурного слоя в полуземлянках Костенок, Авдеево, Зарайска, Елисеевичей.

Итак, представления о гигантских родовых общинах эпохи палеолита должны окончательно уйти в прошлое. Результаты новых исследований палеолитических поселений Восточной Европы и пересмотра прежней информации позволяют считать, что основной структурной единицей общества в верхнем палеолите уже была нуклеарная (простая) семья, состоявшая из представителей двух поколений (родители и не состоящие в браке дети). Из этих исходных ядер первобытного социума формировались локальные группы, известные этнографам у кубу, австралийцев, охотников и собирателей Таиланда и Восточной Африки. Масштабы верхнепалеолитических памятников Восточной Европы позволяют видеть в них поселки именно таких локальных групп. Сложно сказать, были это расширенные семьи (родственно связанные индивидуумы, представляющие несколько поколений) или общины, построенные не на кровнородственной, а на экономической связи. Наметить путь к решению проблемы могла бы генетическая экспертиза останков из Машицкой пещеры и Пшедмости. Такая группа обеспечивала себя всем необходимым для повседневной жизни. Контакты с другими группами ввиду экзогамии были необходимы для создания новых семей (продления рода) и сопровождавшего брачные обряды обмена. Количество нуклеарных семей в группе зависело помимо прочих условий от возможностей кормящего ландшафта и сезона обитания, но вряд ли превышало 4–5. Большое число людей приводило бы к критическому уровню давления на экосистему.

Вопреки распространенному мнению, охота на мамонта вовсе не требовала присутствия огромного коллектива и могла осуществляться одним охотником с помощью тяжелого копья. Сбор же строительного материала для костно-земляных жилищ велся на природных «мамонтовых кладбищах», а потому не требовал гигантских трудозатрат [42]. Три–пять нуклеарных семей совместными усилиями могли возвести для себя капитальное жилье за несколько дней. Поэтому нет необходимости в угоду устаревшей марксистской кон-

цепции превращать относительно уютные семейные «коттеджи» палеолита в переполненные общежития с беспорядочными половыми связями и антисанитарными условиями жизни.

В свете всего сказанного задумаемся о смысле и значении «палеолитических Венер» – фигурок из кости и камня, изображающих обнаженных, часто беременных, женщин. Они стилизованы (Мезин, Межиричи, Добраничевка) или реалистичны (Костенки 1, Костенки 18, Авдеево, Зарайск, Гагарино, Елисеевичи, Хотылево 2), но, несмотря на различие стилей исполнения, присутствуют на значительной части поселений. П.П. Ефименко считал женский образ центральным в первобытном искусстве. Появление и существование «женского культа», согласно этой гипотезе, связывало женские изображения с материнско-родовой организацией и было вызвано той важной ролью, которую женщина играла в общественной и хозяйственной жизни первобытной общины, в продлении рода [43]. Однако эта традиционная марксистская версия «праматери» в свете наличия малых семей в верхнем палеолите становится достоянием историографии, тем паче что этнографам не известны случаи почитания «женщины-родоначальницы». Заметим, что первопредок в палеолите был скорее отражен не в «женском божестве», а в тотеме, часто изображавшемся как существо, сочетающее признаки человека и зверя [44, с. 105–116].

В западноевропейской литературе с начала XX века бытовала теория, сторонники которой видели в женских статуэтках отражение «эстетического идеала» людей прошлого или объясняли их появление эротическими переживаниями [45]. Последователем этой версии выступил этолог В.Р. Дольник, написавший: «чем избыточнее выражены у модели те признаки, которые закодированы в программе узнавания, тем сильнее она действует» [46]. Часть исследователей, например Е. Джеймс, одновременно признавала связь женских изображений с культом плодородия, называя их «мать-богиня» [47].

По мнению З.А. Абрамовой, развивавшей одновременно идеи Ефименко и Джеймса, обезличенность большинства фигурок позволяет предположить, что их образы не связаны с реальной натурой, а имели культовый, магический подтекст – это образ женщины-хозяйки природных стихий, владычицы животных, от обилия которых зависела жизнь и благополучие [48]. Н.Д. Праслов, на-

против, анализируя иконографию статуэток со стоянок Авдеево, Хотылево 2 и Костенки 1, вновь вынес на повестку дня идею Буше де Перта о портрете современников в исполнении первобытных скульпторов. Он подметил, что жесткие каноны скульптур касаются только сюжетной схемы, а не трактовки содержания художественного произведения и не противоречат созданию образа, в основе которого мог лежать конкретный прототип с неповторимыми чертами. Праслов предлагает видеть в палеолитических антропоморфных скульптурах изображения конкретных лиц, донесенные до нас резцом мастера через тысячелетия, не отрицая религиозно-магического назначения фигурок [49, с. 21–22]. Л. Мак-Дермотт выдвинул и вовсе экзотическую версию «автопортрета»: по его мнению, женщины палеолита сами изображали себя, благодаря чему на статуэтках отсутствует лицо и искажены некоторые пропорции тела [50]. Причины «автопортрета» остаются туманными, как и приписываемая статуэткам некая «дидактическая» роль.

С.Н. Замятин высказал предположение, что женские фигурки изображают исполнительниц обрядов охотничьей магии [51]. Однако это умозрительное предположение он не подкрепил этнографическими аналогиями. Находка в Зарайске фигурки бизона, на которой есть следы ударов острым предметом в область сердца, свидетельствует о наличии таких обрядов в палеолите [52, с. 90–92], но никак не проясняет роль женщин и женских статуэток в этом действе.

Наконец, С.А. Токарев обоснованно полагал, что женские скульптуры представляли собой «хозяек очага», хранительниц семейного очага. Для многих народов, писал он, характерно религиозное почитание семейного очага как средоточия и материального воплощения жизни семьи. Соответственно характерно и олицетворение очага в образе его «хозяйки» [53, с. 12–20].

Жизнь многообразна, и узкое толкование всегда грозит быть ущербным, не отражающим всей полноты реальности. Поэтому необходима синтетическая гипотеза, в основе которой лежит идея С.А. Токарева о «богине семейного очага», поскольку в верхнем палеолите уже существовали парные семьи. Это не мешало придавать статуэт-

ке одновременно функции духа плодородия. Такой смысловой синкретизм мог быть характерен и для глиняных фигурок женщин с раннеземледельческих трипольских поселений. В земледельческом обществе благополучие семьи было жестко связано с получением хорошего урожая, в охотничье-собираательском – с успешной охотой, обусловленной обилием животных. При этом образ духа очага особо талантливый мастер вполне мог придать и облик реальной хозяйки домашнего очага, зачатую – своего идеала женской красоты.

Интересно, что фрагментированные статуэтки из мергеля встречаются на периферии костенковских жилых комплексов, а в аккуратных ямках-хранилищах у линии очагов «спрятаны» лишь целые статуэтки из бивня [54]. Трактую их как символы семейного очага, можно предположить, что мы имеем дело с отражением брачных ритуалов. При уходе женщины в другую общину олицетворявшая ее в семье непрочная, «одноразовая» статуэтка разбивалась и выбрасывалась на периферию – подальше от родных очагов. Так символически разрывались прежние родственные узы. Иногда каменные женские статуэтки заменялись упрощенным вариантом (часть вместо целого) – типа «подвесок-калачиков», изображавших вульву, встреченных в Костенках 1, Авдеево и Быках 1. Создание новой семьи в общине, связанное с приходом жены извне, учитывая экзогамию, отмечалось созданием прочной костяной статуэтки, «поселявшейся» в «игрушечное жилище-землянку» у линии очагов.

Итак, взгляды на наличие семьи в верхнем палеолите претерпели на протяжении столетия изменения от категорического отрицания, более основанного на идеологии, чем на фактах (и, соответственно, от подгонки археологических фактов под данную теорию), до постепенного признания исследователями того, что основной структурной единицей социума уже в верхнем палеолите была простая семья. Современное состояние археологической изученности палеолита центра Восточной Европы и сравнительно-этнографические данные позволяют утверждать, что локальная группа охотников и собирателей верхнего палеолита состояла из простых (вероятно, парных) семей.

Библиографический список

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 6. – М.: Политиздат, 1987.
2. См., например: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. – М.: Наука, 1983.
3. Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 226.
4. Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 281. Л. 10.
5. Архив Юдиновского краеведческого музея (Погарский район, Брянская обл.) Ф. 1. Д. 11. 1948 г.; Поликарпович К.М. Палеолит верхнего Поднепровья. – Минск: Наука и техника, 1968. – С. 59–60.
6. Ефименко П.П. Первобытное общество. – Киев, 1953; Всемирная история. Т.1. – М.: АН СССР, 1956. – С. 61; Мартынов А.И. Археология СССР. – М.: Высшая школа, 1973; Sklenbr K. Paleolithic and Mesolithic Dwellings: an essay in classification. Památky archeologické, LXVII. – Praha, 1976.
7. Городцов В.А. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки // Советская этнография. – 1935. – № 3.
8. Величко А.А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. – М.: Наука, 1961.
9. Архив Юдиновского краеведческого музея (Погарский район, Брянская обл.) Ф. 1. Д. 65. № 16. Равдоникас В.И. Отзыв о работе К.М. Поликарповича «Нарысы па истории дарадаваго и раннерадоваго грамадства».
10. Равдоникас В.И. К вопросу о социологической периодизации палеолита. Изв. ГАИМК. Т. IX. Вып. 2. – Л., 1927.
11. Поликарпович К.М. Палеолит верхнего Поднепровья. – Минск: Наука и техника, 1968.
12. Ефименко П.П. Костенки 1. – М. – Л.: АН СССР, 1958.
13. Рогачев А.Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. // Палеолит и неолит (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 39). – М. –Л.: АН СССР, 1953.
14. Борисковский П.И. Палеолит Украины. (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 40). – М. –Л.: АН СССР, 1953. – С. 201.
15. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. – Л.: Наука, 1980.
16. Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. – Л.: Наука, 1968. – С. 154–155; Григорьев Г.П. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 59; Григорьев Г.П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах. – Л.: Наука, 1972. – С. 12–13.
17. Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования в палеолите. – Советская археология, 1969 – 4.
18. Шовкопляс И.Г. Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования) // Палеолит и неолит СССР. Вып. 7. (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 185). – Л.: Наука, 1972; Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. – Киев: Наукова думка, 1965.
19. Авдусин Д.А. Археология СССР. – М.: Высшая школа, 1977.
20. Величко А.А., Рогачев А.Н. Позднепалеолитические поселения на среднем Дону // Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. – М.: Наука, 1969.
21. Амиханов Х.А., Лев С.Ю., Селезнев А.Б. Проблема «палеолитической деревни» костенковской культуры в свете исследований Зарайской стоянки // Краткие сообщения Института археологии РАН, вып. 211. – М., 2001.
22. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. – М.: Наука, 1986.
23. Там же. Глава 6. Первобытная община по данным археологии палеолита.
24. Kozłowski J.K. Wielka historia świata. T. 1. Świat przed “rewolucją” neolityczną. – Warszawa – Kraków, 2004. – S. 453 (перевод автора).
25. Бужилова А.П. К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследований. – М.: Научный мир, 2004. С. 21–35; Zilhao J., Trinkaus E. Social indications // Portrait of the Artist as a Child. The Gravettian Human Skeleton from the Abrigo do Lagar Velho and its Archaeological Context. – Lisboa, 2002. – P. 531. Kozłowski J.K. Wielka historia świata. T.1. Świat przed “rewolucją” neolityczną. – Warszawa – Kraków, 2004. – S. 465.
26. Kozłowski J.K., Säche-Kozłowska E. Magdalenian Family from the Maszycka Cave. A Magdalenian Site in Southern Poland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 40. Jahrgang 1993. Teil 1. – Mainz, 1995.
27. Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. – Брянск: Брянск-Сегодня, 2001.
28. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991.
29. Файнберг Л.А. Охотники американского севера. – М.: Наука, 1991.
30. Cook S. F., Heizer R. F. Relationships among Houses, Settlement Areas and Population in Aboriginal California. Settlement Archaeology. – Palo Alto, 1968.
31. Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. – Л.: Наука, 1979; Чубур А.А. О структурном единстве жилищно-бытовых комплексов верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. – М., 2004. – С. 50–51.

32. Автор искренне благодарит К.Н. Гаврилова (Институт археологии РАН) за возможность полноценных полевых наблюдений в процессе раскопок поселения в 1994–2003 гг.
33. Паненкова И.В. Внешний очаг нового участка стоянки Пушкари 1 и связанные с ним объекты // Пушкаревский сборник. Вып.1. – СПб., 1997.
34. Беляева В.И. Палеолитическая стоянка Пушкари 1 (характеристика культурного слоя). – СПб., 2002.
35. Там же.
36. Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. – СПб., 1997.
37. Бибиков С.Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. – Киев: Наукова думка, 1981.
38. Бибиков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Советская археология. – 1969. – № 4. – С.11.
39. Сергин В.Я. Структура Мезинского палеолитического поселения. – М.: Наука, 1987.
40. Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. Путеводитель советско-французского полевого семинара «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». М., 1981; Soffer O. The upper paleolithic of the Central Russian plain. – Orlando, 1985.
41. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – Л.: Наука, 1991.
42. Чубур А.А. Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в охотничье-собирательское время // Восточный гравит. – М.: Научный мир, 1998. – С. 309–329.
43. Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Изв. ГАИМК. Т. 11. Вып. 3–4. – Л., 1931.
44. Чубур А.А. К вопросу о феномене субкультуры фурри // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции — к виртуальности. – М., 2007.
45. Absolon K. The Diluvial Anthropomorphic Statuettes and Drawings Especially the So-Called Venus Statuettes, Discovered in Moravia, A Comparative Study. Artibus Asiae, Institute of Fine Arts, New-York University, т. XII, 3. – NY., 1949. – P. 204–208.
46. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. – СПб., 2003. – С. 140–143.
47. Обермайер Г. Доисторический человек. – СПб., 1913; James E.O. The Cult of the Mother-Goddess. – London, 1959.
48. Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.–Л., 1966.
49. Праслов Н.Д. Об одной головке женской статуэтки из Хотылево 2 или к вопросу о портрете в палеолитическую эпоху // Деснинские древности. – Брянск, 1995.
50. McDermott Le R. Self-Representation in Upper Paleolithic Female Figurines // Current Anthropology. – University of Chicago Press, 1996.
51. Замятин С.Н. Раскопки у с. Гагарина // Палеолит СССР. Материалы по истории родового общества. Известия Государственной Академии Истории материальной культуры. Вып. 118. – Л., 1936. – С. 73–77; Замятин С.Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Проблемы истории первобытного общества. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, новая серия. Т. 54. – М.–Л., 1960.
52. Амиханов Х.А., Лев С.Ю. Работы Зарайской экспедиции // Археологические открытия 2001 года. – М.: Наука, 2003.
53. Токарев С.А. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // Советская археология, 1961. – № 2.
54. Grigoriev G.P. Ivory working in Avdevo // Le travail et l'usage de l'ivoire au paleolithique superieur, Roma. 1995.

A.A. CHUBUR

THE FAMILY IN THE UPPER PALEOLITHIC OF THE CENTRE EASTERN EUROPE: HISTORY OF VIEWS AND THE MODERN IDEAS

The article discusses the historiography and the current state of views on the availability and characteristics of the family as a social unit in the Upper Paleolithic, the center of the Russian Plain. Based on the archeological data (including excavations of author) and the comparative ethnography's data prove the existence of the nuclear family in the Upper Paleolithic of this region. The interpretation some forms of mobile Paleolithic art original hypothesis presents in the article.

Key words: Eastern Europe, family, Paleolithic, society, structure of settlements, Paleolithic art.

Н.И. ШЕЛКОПЛЯСОВА, соискатель кафедры истории России
ГОУ ВПО Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н.Толстого
Тел.: 8 9605999637; Shelk-ni@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – НАЧАЛА XX в.

В статье рассматривается становление и развитие газетной рекламы в Тульской губернии XIX – начала XX в. Исследуются материалы фондов Государственного архива Тульской области, анализируются объявления в газетах «Тульский листок объявлений», «Тульская молва».

Ключевые слова: газетная реклама, губернская периодика, Тульская губерния XIX – начала XX в.

Газетная реклама в российских регионах появляется во второй половине XIX века. Только тогда сложились условия для ее возникновения как следствие общего экономического развития.

Российская печать возникла как сословная, ее задача на первых порах сводилась к облегчению управления огромной территорией империи. С конца 30-х до начала 40-х годов на местах издавались только официальные «Губернские ведомости». Газета появилась в 1830 г. и выходила в шести губерниях: Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской, Ярославской. С 1838 года газета выходила уже в 42 губерниях, в том числе и в Тульской губернии, а затем практически повсеместно [19, с. 31].

Газетная реклама являлась составной частью издания. Характер рекламы определялся направлением газеты, читательской аудиторией, ценой публикации, периодичностью, общим состоянием рынка в целом и газетного в частности.

Первые рекламные объявления были адресованы администрации губерний, аристократии. Стоимость их размещения указывалась на первой странице. «За помещение объявлений до 15 строк шрифтом цიცеро взимается 1 руб. 50 коп. Если же объявление будет заключать в себя более 15 строк, то берется по 10 коп. с строки. Плата за украшение рамками и цветным шрифтом по условию», – сообщалось на первой странице «Тульских губернских ведомостей» [1].

Конец XIX – начало XX века – период бурного развития капитализма в России. «Рост промышленности, городов, развитие средств транспорта и связи способствовало появлению нового массового читателя, что сделало газету как издание, несущее наиболее оперативную информацию, необходимой развивающемуся капитализму» [15, с. 29]. Столичные издатели расширяют читательскую аудиторию за счет провинции. Кроме того, в 80-е годы стали появляться местные общественно-политические и торговые газеты.

Тульские газеты второй половины XIX – начала XX века прошли тот же путь развития, что и периодика других губерний. В ГАТО хранятся материалы, свидетельствующие о попытке издания в Тульской губернии «Тульско-Калужской газеты». Планировалось, что «газета будет заниматься преимущественно местными вопросами и, не вдаваясь в отвличенности и обобщения, постарается служить органом местных

нужд и потребностей». Издавать газету собирались магистрант фармацевции Александр Николаевич Крокос, проживавший в Туле на Киевской улице и занимавшийся торговлей аптекарскими товарами, неслужилый дворянин Людвиг-Франц Адольфович Юшкевич, старший ревизор Тульской Контрольной Палаты коллежский секретарь Захарий Михайлович Кобылинский. Но, к сожалению, политическо-литературная газета под названием «Тульско-Калужская газета», кроме данных архивных материалов, больше нигде не упоминается [2, с. 2].

Издание рекламного характера – газета «Тульский листок объявлений» – начало выходить в Туле с 1893 г. Газета содержала объявления о подписке на газеты и журналы, о репертуаре театров и кинотеатров, рекламу товаров и магазинов. Например, «Тульский листок объявлений» за 1900 год, 11 октября (№ 50) сообщал: «получена партия красного и белого вина «Карменет», «Совиньон» 1 руб. 10 коп. четверть и 30 коп. бутылка. А также имеются в продаже Палестинские вина. Магазин Д.М. Победоносцева и К^о», «вестфальские ветчины, сыры: швейцарский, финляндский, кавказский, русский, а также гастрономические товары. Магазин Д.М. Победоносцева» [3].

В настоящее время сохранились далеко не все экземпляры данного издания. В ГАТО имеются отдельные номера газеты за 1900, 1908, 1909, 1910 гг.

Революция 1905–1907 гг. коренным образом изменила систему СМИ в России. Она взорвала информационное пространство страны, открыла шлюзы усиленному развитию рынка рекламы. 1908–1913 гг. – самый блестящий период для российской прессы. В 1908 году в стране выходило 2028 названий, в 1909-м – 2543, в 1913-м – почти 3 тыс. названий. Многообразен их спектр, от общественно-политических газет до женских и детских изданий.

В Туле с 1906 по 1917 г. выпускались: «Тульская газета», «Тульская жизнь», «Тульская заря», «Тульская молва», «Тульская сельская газета», «Тульские новости», «Тульские отклики», «Тульский вестник», «Тульский день», «Тульский листок объявлений», «Тульский справочный листок», «Тульский телеграф», «Тульское утро» [16, с. 399].

Между появившимися изданиями шла острая борьба, многие газеты прекратили своё существование. «Тульская молва» выстояла, т.к. научилась удерживать интерес провинциальных читателей и

своевременно пресекать попытки появления конкурирующей периодики. Газета выходила ежедневно с 15 октября 1906 по 1917 год. Редакция и контора размещались в Туле, на Киевской улице, в доме Платоновых. Не претендуя на публикацию официальных материалов, газета сосредоточилась на интересах туляков. На страницах «Молвы» можно было найти информацию о мировых и российских событиях, об общественной и культурной жизни Тулы. Часто это сводилось лишь к небольшой заметке о состоявшемся дворянском или купеческом собрании. Большая же часть газеты, особенно первые страницы, была отдана рекламе.

Даже в 1914–1917 гг. военные сводки размещались «внутри» газеты. На первой же странице война упоминалась только в рекламном контексте. Плата за объявления составляла для иногородних впереди текста 20 коп. за строку петита, позади текста – 10 коп., для местных и для объявлений из Тульской, Калужской и Орловской губерний впереди текста – 10 коп. за строку петита, позади текста – 5 коп., сторонние сообщения среди текста – 50 коп. за строку петита.

Плата за абонентские объявления устанавливалась по особому соглашению. Объявления от лиц, фирм, учреждений других губерний, кроме Тульской, Калужской, Орловской, принимались исключительно в центральной конторе объявлений Торгового Дома Метель и К^о по адресу: Москва, Мясницкая, дом Сытова и в его отделениях в Петербурге (Морская, 11), Варшаве (Краковское предместье, 53) и Париже (Площадь Биржи, 8).

Эпоха влияла на содержание, форму и восприятие рекламы. Постепенно на страницах прессы растет объем экономической информации, рассматриваются финансовые вопросы, деятельность акционерных обществ, монополий. Следствием успешного развития финансовой системы в Туле стало появление банков. Они стремились закрепиться именно в центре города. На улице Киевской находились Государственный банк, отделения Московского Учетного банка, Московского Международного банка, Соединенного банка, Международного Торгового банка.

Капитал нуждался в рекламе, в сообщениях о своих финансовых оборотах. Как правило, это были балансы – «счет прибылей и убытков».

Активно рекламировались страховые организации и в Тульской губернии. «Высочайшее утвержденное в 1870 г. Варшавское Страхование от огня

общество». «Страховое общество «Якорь». Основной, сполна оплаченный капитал руб. 2 500 000 кроме резервных фондов. Агентства общества в Туле принимают: страхование строений, фабрик, заводов, с/х усадеб и другого недвижимого и движимого имущества от всех убытков, могущих произойти с застрахованным имуществом во время пожара, от действия огня или тушения его, а также и при спасении имущества. Страхование товаров, кладей, фактов при транспортировке их сухопутно или водою. Страхование жизни со льготами на случай неспособности к труду или с участием в прибылях или же без указанных льгот, без участия в прибылях за понижением премии. Правила, цены, письменные и словесные объяснения можно получить у Агента Петра Сергеевича Кочкина, к которому желающие страховать соглашаются обращаться со своими предложениями. Агентство помещается: в г. Туле на Воронежской улице, д. Чернышева, близ цирка» [4].

1890-е гг. – начало XX в. – время активного развития рекламного бизнеса. К началу XX в. основные доходы газетам приносила уже не реализация тиража, а именно реклама. Привлечение объявлений становится важнейшей составляющей деятельности редакций. В изданиях вводятся должности ответственных за рекламу. Главным профессиональным требованием, предъявляемым к этим специалистам, была настойчивость. В газетах перестали пассивно ждать рекламодателя, его упорно искали, за него боролись. В руководстве по организации газетного дела редакция давался совет «систематически следить за объявлениями в других изданиях, в особенности в конкурирующих».

В XX в. наблюдаются изменения в организации торговли. В Туле открываются большие, прекрасно оформленные магазины, в которых предлагали широкий выбор самых изысканных продуктов. Являясь наиболее массовым для того времени средством информации, газеты посредством рекламы оказывали мощное воздействие на покупателей. Знакомство с рекламой в тульских газетах к XIX в. позволяет выяснить целый ряд вопросов, связанных с организацией и ведением торговли. Реклама в «Тульской молве» и «Тульском листке объявлений» знакомит с широким ассортиментом торговых заведений, их месторасположением, указывает владельцев.

«Виноторговля Влад. Петров. Орехова в Туле (бывшая Тов-ва братьев Тимофеевских). Магази-

ны: 1) Киевская ул., дом Ливенцевой, Посольская ул., дом Золотарева. Тел. № 25. Торговля Русскими и иностранными винами и водками, наливками и ликерами разных фирм. Особенно обращено внимание на кагор и портвейн».

«Рыбная торговля Потомственного Почетного Гражданина Константина Игнатьевича Платонова в Туле, Астрахани, Царицыне, Нижегородской ярмарке. Т. № 244».

«Магазин Т.Д. Кричиной. Тула, Киевская ул., д. Грибановой. Ярославское полотно, одеяла, скатерти, салфетки, полотенца, носовые платки. Готовое белье, муж., дамское, детское, чулки, носки и перчатки».

«Оптовое-розничный магазин Мурзиных. Тула. Киевская ул. Скобяные, медные, железные и чугунные товары. Самовары разных фабрик. Большой выбор коньков фабрики Энгельс».

«Алекс. Ник. Ратманов. Тула. Суворовская ул. Собств. дом. Оптовая торговля скобяных, медных и железных товаров, дверных, оконных, печных приборов, подков сапожных и самоваров».

«Торговля скобяными и медными товарами, английским, французским, немецким инструментами Ивана Николаевича Пузакова в Туле. В ярмарках: Нижегородской (против флагов) и Ирбитской. Иллюстрированный прейскурант по первому требованию».

«Т-во Торгового Дома «Бр. Белолипецкие». Оптовая, мучная и бакалейная торговля и мукомольная мельница. Пятницкая ул., дом А.А. Белолипецкого».

На рубеже столетий наблюдаются перемены во всем образе жизни людей. Эти перемены происходили быстрее, чем раньше, и были обусловлены в первую очередь техническим прогрессом. Электричество, граммофон, автомобиль, кинематограф – вот лишь некоторые новинки того времени.

Население проявляет интерес к такой новинке, как граммофон. Об этом свидетельствует газетная реклама музыкального магазина И. Гинзбурга: «Музыкальный магазин И. Гинзбург». Тула, Посольская, д. Киселевых. Колоссальный выбор граммофонов и патефонов, рассрочка на 12 месяцев, без задатка, а лишь при ежемесячном взносе вперед. Двухсторонние пластинки Акц. О-ва «Граммофон», «Зонофон», полный выбор по каталогам. Пианино фабрик «Шредер», «Рениш», «Оффенбах», продажа и прокат мандолин, гитар, балалаек и др. музыкальных инструментов. Свежие

струны и разные музыкальные принадлежности, пишущие машины «Монарх – визибль», лент и др. принадлежностей к разным пишущим машинам. На все товары крайне умеренные цены. Прием в починку граммофонов и пишущих машин» [5].

«И. Гинзбург. Тула, ул. Посольская, д. Киселевых, тел. № 283. К предстоящему празднику получен колоссальный выбор патефонов. Граммофоны, пластинки двусторонние, мандолины, гитары и др.» [5].

Активно рекламируется синемаграф. Братья Люмьеры запатентовали свой аппарат в 1895 г. Первый публичный сеанс состоялся в декабре того же года в Париже. Менее чем за полгода изобретение докатилось до России. В Петербурге первые сеансы состоялись 4 мая 1896 г., в Москве – немного позднее. Синемаграф быстро становится повальным увлечением. В 1913 г. в России, не считая передвижных киноустановок, насчитывалось 1452 кинотеатра, в том числе 134 в Петербурге, 107 в Москве, 25 в Одессе, 21 в Риге, 11 в Киеве, 5 в Минске [16, с. 115]. Чтобы привлечь публику, организаторы шли на различные ухищрения, совмещали кинопоказ с представлениями, не имеющими к нему отношения.

В августе 1913 года в Туле (впервые в России) «синемаграф» появился в одной из городских бань. Столь неординарная идея пришла в голову владельцу Чуковской бани Герасимову. Он долго обивал пороги управы, добиваясь решения этого вопроса, и в итоге настоял на своем. Купил необходимое оборудование, сделал уютный зал, сдал его в аренду, и уже в сентябре здесь прошли первые сеансы. Чтобы не тратиться на электроэнергию городской станции, Герасимов при бане соорудил собственную мини-электростанцию.

Центр Тулы являлся любимым местом гуляний горожан. Здесь, естественно, и возникают первые электротeatры. Во дворе дома В. А. Матвеева на ул. Посольской (за зданием театра кукол в настоящее время ведется строительство) в начале XX в. функционировал один из старейших тульских электротeatров «Художественный», в советские годы кинотеатр им. А. Бабакина.

В 1909 году в Туле на ул. Киевской открылся электротeatр «XX век», современный кинотеатр «Родина». В 1913 году здесь играл духовой оркестр 77-го запасного пехотного батальона. Цены на сеансы были различны и колебались от 50 коп. до 2 р. 50 коп., ученические до 30 коп.

О репертуаре электротeatра «XX век» нам также рассказывают тульские газеты. В Рождественский праздник демонстрировалась специальная праздничная программа «Песнь в Рождество», включавшая детский приключенческий фильм «Красная рука». Демонстрация фильмов сопровождалась выступлениями артистов и музыкантов на эстраде электротeatра [7].

«Тульская молва» за 1913 год рекламировала еще один электротeatр – «Свет»: «Общедоступный электротeatр «Свет» на углу Михайловской и Георгиевской улиц в д. Зайфрен. «Преступное гнездо», 2-я картина «Рождество обитателей леса», 3-я картина «Экзамен на жениха» [8].

Любили туляки посещать концерты и театральные постановки, об этом тоже свидетельствуют рекламные объявления. Уделяли тульские газеты внимание и другим видам досуга: «Открыта подписка на I в России большой еженедельный иллюстрированный журнал, посвященный видам спорта, «Русский спорт», открыта подписка на юмористический журнал «Шут», «вторая Тульская охотничья выставка 23–25 марта. Запись собак и лошадей продолжается до 5 ч. вечера 21 марта».

В начале XX века невероятно возрастает интерес у россиян к загородному отдыху. Об этом свидетельствует, в частности, появление периодических изданий, ориентированных на дачников. В Петербурге выходили «Северный дачный листок» (1904 г.), «Дачная газета» (1908 г.), «Дачный курьер» (1908 г.) и др. Правда, оказались эти издания недолговечными [18, с. 152].

В тульских газетах в основном печатали объявления о продаже и найме дач: «Дача продается в Козловке – Засеке. Справиться: Почтовая улица, собств. дом А.А. Платоновой» [5].

«Дачи отдаются на лето от 25 до 100 руб. в Алексине, на самом берегу Оки в 3 верстах от столицы по Рязско-Вяземской железной дороге. Местность необыкновенно здоровая и живописная, ежедневное пароходное сообщение между Калугою и Серпуховом, купанье и множество других удобств. Узнать на месте у сторожа Анисима (1)» [9].

На страницах газет рекламировались даже автомобили: «Представитель знаменитого американского автомобильного завода «Хапмобиль» А.Ф. Занфтлебен предлагает приобрести Вам эту марку, стоящую вдвое дешевле европейских и развивающую скорость до 85 верст в час. Прокат от 50 коп. за версту. Прейскурант по требованию.

Машина демонстрируется. Телефон гаража № 2-31. Адрес для телеграмм: Алексею Замфтлебену. Тула, Воронежская № 7». Данное объявление содержит объёмный рисунок, изображающий автомобиль.

В 1916–1917 годах в Туле было зарегистрировано всего два автомобиля: итальянский «Лянча» и американский «Бьюик».

Намного доступнее был велосипед. В конце XIX в. он уже был очень популярен. К этому удобному способу перемещения особенно часто прибегали в населённых пунктах, где отсутствовал общественный транспорт. Все чаще пользовались велосипедом для дальних загородных прогулок. Он находил применение и как вид спорта. Реклама в тульских газетах сообщала: «B.S.A. Наилучшие в мире настоящие велосипеды БСА имеют рядом отпечатанное фабричное клеймо. Рассрочка на выгодных условиях. Представитель для г. Тулы Б. Зелинский. Посольская улица» [6].

«Главное депо и представительство велосипедов «Дуксь» и «Энфильд». Льготная рассрочка платежа. Самый большой в г. Туле выбор велосипедных принадлежностей и частей. Большая специальная велосипедная мастерская. Тула, Посольская ул., д. Киселевых, тел. № 283. Объявление содержит большое печатное изображение велосипеда» [11].

Технический прогресс вторгся и в процесс письма. Рекламировались пишущие машинки ряда моделей, например «Вильяме»: «Последнее слово в области механического письма. Американская скоропишущая машина «Вильяме» наилучшая из всех существующих систем. Оттиски букв на бумаге постоянно находятся перед глазами пишущего. Пишет без ленты. Общеупотребительная клавиатура (Ремингтон), благодаря чему работавшему на машинах других систем не приходится переучиваться. 14 высших наград и медалей. Цена 250 руб. с принадлежностями и футляром !!! Гарантия!!! Автоматический перевод строк. На машине «Вильяме» шрифт разных размеров стальной. Самая прочная и простая конструкция. Много последних усовершенствований. Наибольшая скорость письма. Сбережение времени» [12].

Объявление в «Тульской молве» за 1912 г. сообщает не только о продаже, но и ремонте данного технического средства: «А.И. Метелев. Механик пишущих машин и представитель Г-на Ж. Блок. Всегда имею свежие ленты для пишущих машин. Киевская ул., дом Добрыниной».

Начало XX века – это время, когда люди старались больше внимания уделять себе и беспокоиться о том, как они воспринимаются окружающими. Быть одетым по последней моде, пользоваться определёнными товарами становится важным признаком благосостояния. Даже в деревне начинают отказываться от традиционной одежды. Мода волновала и женщин, и мужчин, а особенно молодёжь. Перемены во вкусах, моде, охватывающие значительные слои населения и влияющие на производство, отразились в рекламе.

Рекламодатели стараются подчеркнуть, что ими предлагается все самое современное. «Новости весны: получены в изобилии для костюмов, манти и кимоно ткани и рисунки, исключительно 1910 г. Все полученное нами представляет захватывающий интерес» [13].

Широко рекламируются услуги врачей и лекарственных средства. «Гонорея (триппер) в острой и хронической формах, в короткое время излечивается радикальным средством «Арматин» для внутреннего употребления. «Арматин» успешно применим к мужчинам и женщинам. Цена коробки 4 р. 50 коп., 2 коробки – 3 руб. Высылаются наложенным платежом. Склад для Тульской губернии – аптекарский магазин Ф.С. Морозова. Тула, Киевская ул., – сообщала «Тульская молва» [14].

На этой же полосе рекламируются другие лекарственные препараты. Средство от гонореи под названием «SALO-ПИЧИЛИН», которое, как утверждается, «действует быстро и радикально...», стимулол доктора Глэза «для радикального лечения половой неврастении», арматин и сальварсан для лечения сифилиса.

Из предметов гигиены активно рекламировался «Американский Шампу Снадерма», уничтожавший перхоть – «предвестника лысины» и придававший волосам «натуральный и жизненный блеск, в 5 минут вымывающий самые густые и массивные волосы, удобен для дачников, путешественников, автомобилистов. Цена 1 упаковки концентрированного «Шампу» – 10 копеек».

Люди во все времена хотели быть красивыми и здоровыми, и эти их качества всегда эксплуатировались. «Старческая дряхлость, артериосклероз, переутомление, общая слабость после перенесённых болезней, последствия алкоголизма и т.д., неврастения, нервные заболевания, истощение и худосочие с успехом лечат «Спермином – Пеля», о чем свидетельствуют имеющиеся в литературе

многочисленные наблюдения известнейших врачей всего мира. «Спермин – Пеля» – единственный настоящий, испытанный Спермин, поэтому следует обращать внимание на название «Спермин – Пеля» и отказываться от подделок (жидкостей и вытяжек из семенных желез) как никуда не годных подражателей, ни по составу, ни по действию ничего общего со «Спермин – Пеля» не имеющих и часто содержащих вредные для здоровья вещества. Желающим высылается безвозмездно книга «Целебные действия Спермина», интересующимся всей органотерапией высылается за 4–7 копеечных марки только что вышедшая книга «Целительные силы организма. «Спермин – Пеля» имеется всюду. Профессор Д-р Пель и С-ми СПб Поставщики Двора его Императорского Величества».

«Лицо чистое и свежее бывает только при употреблении хорошего туалетного мыла. Английское мыло «VelvetSkin Soap – БАР – ХАТНОС» считается наилучшим. Знаменитая актриса Сара Бернар называет его чудесным. Остерегайтесь подделок. Требуйте мыло Акционерного об-ва Братья. Ливер, порт Сенлайт. Англия. Продажа везде. Фабричные склады: Москва, Арбат, Хлебный, 2, С.-Петер., Фонтанка, 103. Одесса, Екатерининская 19, Тула, у М.Я. Флейшман, Киевская» [15].

Что только не рекламировалось на страницах тульских газет! «Предлагается обучение бухгалтерскому учету и счетоводству». «Требуется двигатель, нефтяной, подержанный, от 4 до 6 сил. Предложения письменно. Тула, Николо-Ржавский переулок, д. Лаврока, Г.Н. Полторыхин. 1/2». «Редкий случай – более 50 различных экипажей (кареты, ландо, пролетки, шарабаны, динейки, бреки, сани), а также полное оборудование экипажной фабрики и запас товара за смертью Сергея Гурьяновича Флитер будет передаваться с вольных торгов в г. Туле 30 марта в 11 час. дня в помещении фабрики на Петровской в д. быв. Флитер. 2/3». «Газо-генераторные двигатели для отопления опилками, древесными отбросами, корою, дровами, подсолнечной шелухой и т.п. Расход топлива 2–3 фунта на силу в час завода РУСТОН, ПРОКТОР и К. Представитель В.Ю. фон Денффер. Москва, Мясницкая ул., 20, тел. 169-44. 191-46, С.-Петербург., Галерная ул., 5, тел. 54-71, 40-22». Объявление содержит большое изображение.

Рекламируются потребительские товары – мыло, щетки, продукты питания, мебель, папиросы, спиртные напитки – водка Смирнова, коньяк Шустова, парфюмерия Франции, Австрии, Швеции.

Российская реклама была самобытной, кардинально отличалась от западной. Объявления в отечественной прессе носили неторопливый характер. Они были подробными и обстоятельными. Исходя из особенностей менталитета россиянина, таких его психологических свойств, как духовность, тонкость чувств, сентиментальность, сострадание к ближнему, верность дружбе, рекламисты, работавшие на российском рынке, избегали агрессивных элементов в рекламе. Они руководствовались представлением о том, что ожидаемый эффект можно получить, лишь обходясь с аудиторией мягко, обращаясь к ней проникновенно. Некорректная реклама присутствовала, но ее было не много [21, с. 267].

Рассматриваемый период в истории рекламы был неоднородным. Во время русско-японской войны, первой русской революции, в годы первой мировой войны объем рекламы уменьшался. Это было связано в первую очередь с сокращением промышленного и сельскохозяйственного производства. Происходили определенные изменения и в содержательном отношении. Так, компания «Треугольник», продвигавшая в предвоенное время галоши, мячи и соски, стала рекламировать товары для раненых – пузыри для льда, шланги, жгуты, пипетки. Рекламируются протезы с подробной инструкцией, как ими пользоваться, дешевая одежда и обувь для пострадавших в ходе военных действий. Дается информация о благотворительных акциях в пользу раненых, детей-сирот, что было вызвано патристическими настроениями в стране.

Таким образом, можно с уверенностью заявлять, что в конце XIX – начале XX в. в Тульской губернии активно развивалась газетная реклама. Она была очень востребована читателями, являлась на тот момент распространенной рекламной формой, способной быстро охватить довольно широкую аудиторию. Реклама в СМИ вносила посильный вклад в снижение заболеваемости, способствовала укреплению моральных устоев. Подача информации была очень мобильна. Ежедневно могло появиться совершенно новое сообщение, как формирующее образ товара, так и повышающее престижность фирмы. Тем самым реклама в СМИ стимулировала сбыт и рост продаж, увеличивала товарооборот, помогала найти выгодных партнеров. Предприниматели четко осознавали пользу газетных сообщений, что приводило к существенному увеличению объема объявлений.

Библиографический список

1. Тульские губернские ведомости 1870 г. (№ 37).
2. ГАТО Ф. – 90. Оп. 1/41. Д. № 34454. Л. 2.
3. Тульский листок объявлений. 1908. 6 июля (№12).
4. Тульские губернские ведомости 1897 г. 22 января.
5. «Тульская молва» 1908 г. 7 июня.
6. «Тульская молва» 1912 г. 30 января.
7. «Тульская молва» 1914 г. № 1949 (май).
8. «Тульская молва» 1913 г. № 1168 (январь).
9. «Тульская молва» 1913 г. № 1167 (январь).
10. «Тульские губернские ведомости» 1875 г. (апрель).
11. «Тульская молва» за 1912 г, № 1260 (январь).
12. «Тульские губернские ведомости» 1901 г., 6 сентября.
13. «Тульский листок объявлений», 1910 г., 21 марта.
14. «Тульская молва» за 1912 г, № 1259 (январь).
15. «Тульская молва» за 1914 г., № 2070 – 2071 (сентябрь).
16. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1984. – С. 329.
17. Будяк Л.М., Михайлов В.П. Адреса московского кино. – М.: Просвещение, 1992. – 216 с.
18. Газеты дореволюционной России: 1703 – 1917: Каталог / РНБ. Составители: Т.В. Акопян, А.А. Кряжева, Н.П. Седова, И.А. Снигирева, С.А. Фурман. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека. – 2007. – 592 с.
19. Глезеров С.Е. Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. – СПб.: Питер, 1987. – 257 с.
20. Мамонтов А.В., Щерба Н.Н. Краеведческая библиография. – М.: Книжная палата, 1989. – 331с.
21. Уперов В.В. Реклама: ее сущность, значение, историческое развитие и психологические основы / В.В. Уперов // Гермес. Торговля и реклама. – СПб.: Аллегория, 2004. – 440 с.

N.I. SHELKOPLASOVA

PROCESS AND DEVELOPMENT TULA 'S REGION IN XIX AND
THE BEGINNING OF XX CENTURIES

The article deals with the process of newspaper advertising development in Tula region in XIX – and the beginning of XX centuries. State Tula 's archives funds are being studied, advertisements in newspapers «The Tula Advertisement List», «The Tula Molva» are being analyzed.

Key words: newspaper advertisement, the Tula in XIX–XX cc. newspaper, advertising.

ФИЛОСОФИЯ

*А.Л. ДМИТРОВСКИЙ, кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и СО филологического факультета
Орловского государственного университета*

ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ В СВЕТЕ НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ ПОДХОДОВ XXI ВЕКА

В статье рассматривается проблема создания теории журналистики на основе анализа современных достижений научной мысли, а также исследуются причины неуспеха предыдущих попыток. Новая научная парадигма – философско-антропологический подход, по мнению автора, и должен стать той точкой отсчёта, с которой начнётся новая эра теории отечественной журналистики.

Ключевые слова: философия журналистики, философско-антропологический подход, научная парадигма, метод.

Общеизвестно, что журналистика всегда весьма чутко реагирует на любые изменения в социально-государственном устройстве. Это понятно: она во многом есть ретранслятор государственных идей и проводник политической воли правящей элиты. Именно журналистике принадлежит сегодня исключительное право легитимации власти и установления (поддержания) соответствующего общественного консенсуса («гегемонии», по А. Грамши). В соответствии со сложившимся государственным строем (порядком) меняет своё лицо и журналистика: сформировался, например (к середине XIX века), слой разночинцев – институционально оформилась и отечественная публицистика; развился (в конце того же века) капитализм и рынок газетных СМИ – появились профессиональные журналисты.

И если развитие журналистики до Октябрьской революции шло как бы снизу, исходя из потребностей общества и интересов крупных издателей, и потому осмыслялось достаточно отрывочно (а специальной подготовки не велось вовсе), то с приходом к власти в России большевиков журналистика (с подачи Ленина) стала предметом пристального внимания общественно-политической мысли. По решению властей были открыты специальные курсы, центры подготовки журналистов и редакторов. Эту модель выпускника того времени санкт-петербургский историк журналистики профессор Г.В. Жирков справедливо называет партийной, ибо таковы были требования времени: правящей элите были нужны не столько «писатели», сколько «идейные борцы», «пропагандисты и агитаторы». На первое место вышли «направление» журналиста, его верность партийным идеалам и указаниям, а не его литературные способности.

Однако позже ситуация меняется: с победой во внутрипартийной борьбе сталинского крыла, ориентированного на государственное строительство вместо мировой революции, а позже, после разгрома гитлеровских войск, нужда в «партийных пропагандистах» быстро отпадает. Стране необходимо восстановление экономики и требуются созидатели, те, кто сумеет помочь осмыслить происшедшее, понять ситуацию,

выработать конструктивные рекомендации. Об этом пишет и Г.В. Жирков:

«История подготовки журналистских кадров по своей сути повторила эволюцию журналистики <...>. ...Вполне естественно, что победа в борьбе двух форм подготовки журналистов, получивших развитие в СССР – партийной, политической и университетской, филологической, – в конечном итоге досталась последней, опиравшейся на традиции русской культуры, цикл филологических дисциплин, полноценное преподавание которых мог обеспечить специалист высокой квалификации – универсант, что гарантировало и выпуск квалифицированного специалиста – литературного работника, главную фигуру журналистского творческого процесса»¹. Конечно, и эта «новая» журналистика, и подготовка кадров основательно контролировались партией, включали в себя массу политических дисциплин и давали лишь относительную свободу для самовыражения, однако это всё-таки был отход от жёсткой политизации печати.

На послевоенный период приходится и расцвет науки о журналистике. Развивается университетская подготовка специалистов, начинают работать научные конференции, разрабатываются основные дисциплины, категории и понятия теории. Конечно, споры вокруг журналистики велись и раньше (например, о природе очерка, функциях печати), но именно на 50–60-е годы XX века приходится осознание журналистики (публицистики) как предмета научного изучения (вплоть до объявления самой журналистики наукой с правом присуждать соответствующие степени, что, впрочем, было быстро отвергнуто), осмысляются её социальное значение, история, сущность. В Ленинграде, Москве, Алма-Ате на базе университетских факультетов журналистики формируются школы журналистики (позже к ним добавятся Воронеж, Свердловск, Ростов-на-Дону...).

70–80-е годы XX века вновь внесли свои коррективы: «Под давлением сложившейся социально-политической атмосферы, господства партийной бюрократии создавалась раздутая историко-журналистская лениниана, гипертрофированная «теория» о всеобъемлющем, научном партийном руководстве, об информационном процессе, представленном как сугубо публицистический. До сих пор некоторые теоретики относят информацию к публицистике, внося путаницу в учебный процесс. <...> Наконец, такого рода теоретические взгля-

ды негативно сказывались на отношении практиков к теории, видевших в ней что-то совсем ненужное для них. И сколько бы теоретики ни доказывали обратное, здоровый скепсис брал своё. В студенческой массе он также имел место, что ощущается, несмотря на произошедшие изменения, и в современных условиях»². Теория журналистики в собственно научно-творческом плане как бы застыла, получив возможность «развития» лишь в плане разработки идеологических проблем.

Волна либеральных реформ 80–90-х годов XX века привела к катастрофическим последствиям: распаду государства, обрушению экономики и уровня жизни, сокращению продолжительности жизни людей, как и самого населения, и т.д. Не осталась в стороне и журналистика: продуманная система советских СМИП распалась на мириады редакций самого разного вида; в журналистику хлынул поток людей без специального образования; тиражи изданий резко упали и мало кому позволяют быть экономически самостоятельным; общий уровень СМИ снизился колоссально (особенно критикуют телевидение с его культом низкопробных развлечений); увеличился и без того существовавший разрыв между теорией и практикой (нынешнее развитие журналистики носит, так сказать, горизонтальный, технологический характер, связанный с внедрением ноу-хау в сфере визуальной обработки и презентации журналистской продукции) и т.д.

Получила сокрушительный удар и советская теория журналистики. Несмотря на многие достижения и успехи, фактически, поскольку не смогла ответить на вызовы времени и изменения социально-политической обстановки, она была полностью отвергнута. Но вместе с водой, похоже, был выплеснут и ребёнок... Были разрушены научные коммуникации, тонко отрегулированные и настроенные на поддержание кумулятивно-эволюционного процесса накопления знаний о журналистике. Сложилась так называемая ситуация «рассредоточенной очаговости», когда исследования носят частный, узконаправленный характер и не становятся достоянием всей научной общественности. Более того, методологи отмечают всё большее возрастание методологической путаницы в теории СМИ (СМК), порождаемой отсутствием неких общих (хотя бы приблизительно) ориентиров в понимании сути журналистики.

В подобной ситуации теория журналистики стала перед проблемой собственного существования: перед выбором научной парадигмы, в рамках которой она могла бы состояться – имеющихся естественно-научной (классический детерминизм, «модерн», представленный ныне постпозитивизмом и синергетикой) и гуманитарной (постмодернистской). Однако почти пятидесятилетний опыт создания советской науки о журналистике показывает, что создаваемая в рамках позитивистской парадигмы (социологическая школа журфака МГУ) теория не смогла стать адекватной нынешним условиям и требованиям профессиональной среды. Она даёт лишь один срез феномена журналистики, но не может стать основанием общей теории. Остальной контент, не вошедший в круг интересов того или иного исследователя, либо подвергается глубокой мифологизации (и/или принимается как догма), либо просто игнорируется.

Проблема осложняется тем, что и последние десятилетия, когда Россию захлестнула волна постмодернистских учений и программ (и есть все, казалось бы, возможности создать на их основе новейшую достойную теорию), показали тщетность усилий теоретиков данного направления. Появилось лишь несколько монографий (пусть даже и с грифом «учебник»), написанных в стиле пастиша, весьма интересных для чтения, но малопригодных для практики.

Логично возникает вопрос «почему?». Почему в рамках ни той, ни другой парадигмы исследователи не способны создать полноценную теорию журналистики? Почему, придерживаясь одной из них, учёные не желают (не могут?) включить в орбиту своей интерпретации журналистики проблемы и/или разработки другого научного подхода? Как справедливо написал об этой ситуации патриарх московских теоретиков журналистики Е.П. Прохоров: «...Нельзя не огорчаться тому, что «методологическая критика» в науке о журналистике в явном виде практически не существует, проявляясь лишь попутно, особенно при полемических схватках. А могла бы сыграть очень важную роль в становлении современной методологии изучения журналистики. <...> Всё это приводит к мысли и о неразвитости, даже слабости научной критики, о невнимании одних исследователей к подходам и аргументам других при продолжающихся творческих поисках и т.д.»³.

В частности, характеризуя одну из непосредственных областей изучения журналистики – пуб-

лицистику (проблема её познания была поставлена ещё в 60-х годах XX века!), маститый учёный с огорчением замечает: «Любопытно напомнить, что исследователи публицистики (а выпущено ими в итоге десятков книг) практически не дискутировали друг с другом, а выдвигали свои концепции на основе субъективно сформулированных парадигм. То же происходит в наше время с общей теорией журналистики. Нормальный же путь – поиск «полей сходства», а «области несходства» – сфера открытой дискуссии. <...> А дискуссии в поисках истины нет... Каждый придерживается своей точки зрения и не обращает внимания на другую. Или – того хуже – без доказательств, с пренебрежением отвергает её»⁴. Это, кстати, весьма характерный признак – «пренебрежительное отвержение». Почему же в казалось бы беспристрастной и объективной среде происходят такие пристрастно-субъективные вещи? Откуда берётся это «человеческое, слишком человеческое» в научной среде? Попробуем ответить на этот вопрос. Предлагаемая нами гипотеза основана на современном научном представлении о структуре и сущности нашей науки, а с другой стороны – на аналогии с типами религиозных представлений.

Наука, как пишет философ и методолог науки С.А. Лебедев⁵, являясь одним из видов мировоззрения (наряду с философией, религией, мифологией, обыденным сознанием и т.д.), есть «специализированная когнитивная деятельность сообществ учёных, направленная на получение и использование в практике нового научного знания о различного рода объектах, их связях и отношениях» (с. 62). Являясь мировоззрением, наука стремится ответить не только на вопрос «каков мир?», но, скорее, на вопрос «как правильно жить в этом мире?» и потому имеет не предметно-атрибутивный, сколько ценностный характер. Цель научного познания, как и его «предшественника» – здравого смысла, получение адекватной, истинной и полезной информации об окружающей человека действительности. Другое дело, что наука прилагает громадные профессиональные усилия для того, чтобы получаемые ею знания носили объективный, истинный, доказательно-проверяемый характер.

Однако, как показали критики классической науки («модерна») – постмодернисты, а также теоретики постпозитивизма (в частности, американский историк науки Т. Кун), наука развивается через «парадигмальные сдвиги» и включает в себя

не только объективный, осознаваемый (рациональный), но и субъективный («контекстный») элемент знаний. Парадигмой (от греч. *paradeigma* – «образец, модель, способ подхода») в узком плане называют «теорию (или модель, тип постановки проблемы), принятую в качестве образца решения исследовательских задач»⁶. В этом случае можно говорить о научно-исследовательской парадигме конкретного учёного, его приверженности конкретной научной школе, включающей и его личные социокультурные установки (желательно сознательно понимаемые и объявляемые).

Когда же речь заходит о парадигме в широкой трактовке, то под этой категорией понимают «общепринятую в конкретном научном сообществе фундаментальную теорию в определённой области знания»⁷. Она организует весь процесс познания в той или иной отдельной науке, а возможно, и во всей научной либо социальной сфере (как механистический детерминизм Ньютона или социал-дарвинизм европейских модернистов), начиная с формулирования проблем (так называемых «головоломок») и заканчивая их удовлетворительным разрешением. Парадигмы эти носят абсолютный характер, и приходящая на смену устаревшей выступает своего рода «новой верой», выбор и принятие которой есть мистический, далеко не всегда поддающийся рациональному обоснованию акт. Так, например, несмотря на все рациональные теории «закономерной» смены формаций, Макс Вебер показал религиозную, протестантскую основу формирования капитализма и соответственно всей современной «англо-саксонской» цивилизации. Это говорит о том, что в основе любой масштабной научной (экономической, социально-политической, иной) парадигмы (и соответствующего социального строительства) лежит тот или иной тип философствования, т.е. пласт субъективного, личностного, далеко не всегда сознаваемого знания. Более того, это знание имеет РЕЛИГИОЗНО-философский характер.

Таким образом, можно ясно выстроить уровневую структуру научного знания: личный (сознательный) интерес исследователя к той или иной области жизни → совокупность позитивных знаний, уже полученных в данной сфере другими исследователями (частные теории) → общая рациональная метатеория в данной сфере → общенаучная парадигма (частично рационализированная) → лежащая в её основе философия (частично осоз-

наваемая) → религиозно-философские представления (чаще всего вообще не создаваемые, но при этом задающие фундаментальные «мировоззренчески-методологические» константы, сам способ полагания мира).

В этой связи видится абсолютно логичным взглянуть на характер тех мировых религий, что могут лежать в основе тех или иных философских взглядов и, соответственно, научных парадигм. Все их можно разделить на два класса: на «религии веры», возникшие на Ближнем Востоке (иудаизм, христианство и ислам) и имеющие единым источником текст Ветхого Завета, и недогматические «религии опыта» (даосизм, буддизм и вершина индуизма – «адвайта-веданта»), сформировавшиеся на Дальнем Востоке на основе интерпретации Учения Будды.

Принципиальная разница между ними в отношении к человеку.

Религии веры складываются в условиях жёсткой борьбы племён (идущей до сих пор) за выживание и влияние на сравнительно небольшой территории с минимальным количеством ресурсов. Этой ситуацией во многом объясняются такие черты религий веры, как поклонение богам-мужчинам, эгоистически-человеческое поведение этих богов и ведение кровопролитных религиозных войн их проповедниками, соперничество в привлечении последователей, полнейший контроль за адептами (так, «ислам» переводится с арабского как «покорность»⁸, «повиновение») с помощью догм, запретов и приказов. Постепенно на первое место выдвигается идея внешней (трансцендентной) личностной силы, которая творит, судит и карает. Более того, истина этой силы отделена от истины людей, что делает утверждения о ней (а значит, и «откровения» о её требованиях и «заветах») недоказуемыми и непостижимыми. В них остаётся только верить и послушно (слепо) выполнять «приказы» этих сил и «представляющих» их в этом мире «наместников».

Фундаментальное отличие религий опыта – убеждённость в изначальном совершенстве любого существа в силу обладания им так называемой «природы Будды». Суть этой концепции в том, что человек полностью ответствен за свою судьбу, ситуацию и развитие и его неправильное поведение есть следствие «запутанности» ума, «базового неведения». В этом плане Учение Будды – это зеркало, позволяющее уму узнать свою веч-

ную, вневременную сознательную сущность (познать самого себя) как единство субъекта, объекта и действия. С точки зрения буддизма мы «запутанны», так как ум, подобно глазу, не может видеть сам себя. Запутанность возникает потому, что «нетренированный ум не способен увидеть, что все три фактора – воспринимающий, воспринимаемые объекты и сам акт восприятия – взаимодействуют, обуславливают друг друга и являются аспектами одного целого»⁹. Поэтому у человека возникает переживание разделённости: непрерывный поток ощущений органов чувств и эмоциональных впечатлений воспринимается как «Я». То же, что переживается, что производится этим «сознательным пространством», превращается в некое «ты», во внешний мир. Возникает своего рода замкнутый круг восприятия-порождения, из которого незаметно «выпадает» сам воспринимающий, ум. Из-за этого скоротечные, меняющиеся, обусловленные состояния явлений действительности (как внешние, так и внутренние) воспринимаются человеком как реальные и отдельные от него – как «объективные». Религии опыта и предлагают искателю истины различные рекомендации для преодоления этой иллюзии – ловушки, в которой все мы находимся.

Что же получается? Человек, попавший в ловушку восприятия-порождения, начинает абсолютизировать одну из сторон действительности: либо внутреннее («восприятие», переживания), либо внешнее («порождаемое», мир). В итоге мы получаем две взаимно исключаящие друг друга парадигмы: гуманитарно-постмодернистскую, абсолютизирующую человеческое восприятие, и естественно-научную, абсолютизирующую порождаемое пространством сознания «зыбкую реальность». Поскольку, как мы убедились ранее, в основе любой научной парадигмы лежат религиозно-философские представления (а в европейском сознании – религии веры, в частности), то приверженность к той или иной научной парадигме в современном «цивилизованном» обществе приобретает религиозно-догматический, аксиоматический, постулирующе-спекулятивный характер (что косвенно подтверждается и преобладанием «спекулятивного» типа философствования на Западе). Отсюда ясно, почему «споры» учёных, изучающих, как в нашем случае, журналистику и подсознательно воспринимающих свои научно-методологические подходы «религиозно» (как Абсолют, в кото-

рый они просто верят), носят столь личностный характер и не могут не перейти на сознательном уровне либо в игнорирование друг друга, либо в полемику на уничтожение.

Подтверждается ли данная гипотеза на практике?

Вот что пишет по этому поводу современный исследователь философии науки: «...устоявшаяся, «правильная» картина мира была нарушена самим же естествознанием, а именно невозможностью однозначного описания физической реальности и введением принципов дополнительности и неопределённости, теоремой Гёделя о неполноте, зависимостью квантово-механических эффектов от сознания наблюдающего субъекта и т.д.

<...> В классической модели получалось, что субъект состоит из разума и воли и что на реальность или физический мир распространяется разум, который познаёт его, а на мир социальный и культуральный распространяется как разум, так и свобода воли. Когда квантовая физика релятивизировала основания реальности и их независимость от сознания познающего субъекта, то реальность превратилась в шопенгауэровский «мир как воля и представление». Антагонизм естественного и гуманитарного, в центре которого конструкция субъекта, ещё более усилился в науке XX века: так, гуманитарии постепенно уничтожали субъекта, начиная от ницшеанской «смерти Бога» до бартовской «смерти автора» и делезовской «смерти субъекта», в то время как физики, наоборот, доводили субъекта до его крайних пределов, сотворили акт субъектной трансгрессии, что наиболее ярко выразилось в «антропном принципе». Место субъекта в философском постмодерне, по определению Ж. Делеза, занимает «безличное... поле, не имеющее формы синтетического сознания личности или субъективной самотождественности»¹⁰.

В заключение этого размышления учёный констатирует: «Вступление человечества в новое информационное общество, общество постмодерна или позднего модерна, ставит под сомнение само понятие личностной, персональной идентичности и гуманистического проекта»¹¹. Однако сама эта проблема – дегуманизация, проблематизация человека – есть следствие игнорирования обоими направлениями современной научной мысли (и естественным, и гуманитарным) самого человека как целостного, «воспринимающего» существа: человека как конкретного «я – есть»... Физики,

исследующие «мир», убеждаются в его непостижимости: об этом прямо говорят теория фракталов и основные постулаты теорий относительности квантовой механики (изменения скорости меняют пространство, время, массу – то есть все, казалось бы, неизменные параметры). Вся окружающая реальность оказывается иллюзорной и, согласно некоторым наиболее жёстким трактовкам антропного принципа, созданной с целью существования человека, Разума. Именно «под» него развивалась Вселенная. «Лирики» же, постмодернисты, наоборот, растворяют человека в потоках восприятия и языковых играх, «дискурсах». Мир, по их мнению, и истина непознаваемы для человека. Но если что-то всё же «проникает» в сознание, то оформляется языком ещё до осознания этих переживаний разумом.

При этом оба направления забывают главное – воспринимающего, человека. Но ведь человек остаётся? И справедливо вопрошает: «Я-то – есть?!» Однако эта «мелочь», не входящая в «догмат веры» ни тех, ни других теоретиков, попросту опускается, исключается ими из рассмотрения.

Но что такое журналистика? Её создают (делают) люди. Героями публикаций тоже, как правило, становятся люди. И, наконец, адресованы произведения журналистики (как духовного производства) также людям. Таким образом, журналистике свойствен антропологизм, антропный принцип в своей высшей степени. Получается, что решить проблему создания полноценной теории журналистики можно, лишь используя соответствующую научную парадигму, которая учитывала бы самого человека, отталкивалась бы от него как меры вещей.

Такая «наука» уже была заявлена в начале XX века Максом Шелером (правда, оказалось, что заявленная им «наука» выступает, скорее, не «узкой» научной дисциплиной, а как раз научно-философской парадигмой, неким «третьим направлением»). Основоположник **философской антропологии** отмечал, что её задачей является «точно показать, как из основной структуры человеческого бытия <...> вытекают все специфические монополии, свершения и дела человека: язык, совесть, инструменты, оружие, идеи праведного и несправедного, государство, руководство, образительные функции искусства, миф, религия, наука, историчность и общественность»¹². Увы, ранняя смерть помешала Шелеру решить главную

задачу – задачу разработки конкретной методики философско-антропологического анализа культуры. Ограничившись указанием на то, что абсолютно все «монополии, свершения и дела человека» вытекают из выявленной им «основной структуры человеческого бытия», он так и не дал теории этой самой «основной структуры», «окончательная» разработка которой, по всей видимости, задача наших дней.

Тем более что несколько теорий в этом направлении в XX веке были предложены (А. Гелен, М. Ландман, Г. Плесснер). Так, в психологии философско-антропологическую идею отстаивал и развивал Виктор Франкл. Автор логотерапии и метода экзистенциального анализа формулировал эту проблему так: «Один и тот же предмет, спроецированный из своего измерения в низшие по отношению к нему измерения, отражается в этих проекциях так, что различные проекции могут противоречить друг другу. Например, если стакан, геометрической формой которого является цилиндр, я проецирую из трёхмерного пространства на двумерные плоскости, соответствующие его поперечному и продольному сечению, то в одном случае получается круг, а в другом – прямоугольник. Помимо этого несоответствия проекции противоречивы уже постольку, поскольку в обоих случаях перед нами замкнутые фигуры, тогда как стакан – открытый сосуд»¹³. Кроме того, Франкл формулировал ещё один важный постулат: когда различные предметы проецируются в одно и то же низшее (более простое) по отношению к ним измерение, то отражаются в своих проекциях не противоречивыми, но многозначными: «Если, например, я проецирую цилиндр, конус и шар из трёхмерного пространства на двумерную плоскость, то во всех трёх случаях получается круг. Предположим, что перед нами тени, которые отбрасывают цилиндр, конус и шар. Эти тени многозначны, поскольку я не могу заключить на основании тени, отбрасывает ли её цилиндр, конус или шар, – во всех случаях тень одна и та же»¹⁴.

Франкл делал логически очевидный вывод: изучая человека, мы так же никогда не имеем дело с целостным, многомерным человеком как таковым, но всегда обращены лишь к одной из его «проекций», сторон его бытия. И не имеет значения, идёт ли речь о биологии, социологии или психологии: к какой бы науке мы ни обратились, все они дадут неполные и противоречивые проекции, т.к. берут

человека лишь в свете собственных подходов и измерений, «двухмерных плоскостей». Человек же принципиально не сводим ни к одной из своих «теней», проекций. Ни к внешним (как в естественно-научной парадигме), ни к внутренним «восприятиям»: «дискурсам» и «языковым играм» (как в постмодернизме).

Соответственно антропологизм как методология предлагает идти «не от множественности проекций человека к его многомерности и целостности, а, напротив, от многомерного единства человека к ситуациям, где это единство проявляется, актуализируется...»¹⁵. Для этого необходим такой метод толкования, который бы позволил рассматривать деятельность человека (являющуюся «эманацией» в мир его сущности, экзистенции, ума) не в одноплоскостной проекции, но «объёмно», во всех её бесконечных проявлениях и контекстах бытия. Человек снова должен стать мерой всех вещей, и особенно – в журналистике. Оптимизм вселяет и тот факт, что на сегодняшний день существуют успешные примеры применения этой парадигмы

для исследований, например, переходных периодов русской культуры¹⁶.

Исходя из всего вышеизложенного, можно говорить о личности человека как о той самой «основной структуре человеческого бытия», из которой вытекают абсолютно все «монополии, свершения и дела человека». Это измерение журналистики логично назвать экзистенциальным. Оно рассматривает журналистику как тип специфической познавательной деятельности, имеющей в соответствии с той или иной сферой творчества в журналистике определённые «подвиды», детерминированные профессиональной спецификой.

Два других измерения журналистики – социально-коммуникативное и национально-культурное – рассматривают журналистику соответственно как социальный институт (и часть системы управления обществом) и вид духовного производства.

Совершенно ясно, что данная концепция ещё требует дальнейшей разработки и исследований, но уже на данной стадии видны серьёзные перспективы для построения полноценной теории журналистики.

Примечания

¹ Жирков Г.В. Питерская школа подготовки журналистов: три модели выпускника /Жирков Г.В. // 60 лет университетскому журналистскому образованию в России. 1946–2006. Ленинград – Санкт-Петербург, факультет журналистики СПбГУ. – СПб.: Моби Дик, 2006. – С. 12.

² Там же. – С. 25.

³ Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. Теоретические основы, методология, методика, техника работы исследователя СМИ [Текст]: Учебное пособие / Е.П. Прохоров. – М.: РИП-Холдинг, 2005. – С. 40.

⁴ Там же.

⁵ Лебедев С.А. Философия науки [Текст]: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Научное издание / С.А. Лебедев. – М.: Академический Проект, 2008.

⁶ Большой иллюстрированный словарь иностранных слов [Текст]: 17 000 сл. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари», 2004. – С. 569.

⁷ Лебедев С.А. Философия науки. – С. 496.

⁸ Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь [Текст] / Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. – М.: Филол. о-во СЛОВО: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 146; см. также о религии – С. 306–309.

⁹ Нидал, Лама Оле. Каким всё является. Учение Будды в современной жизни [Текст] / Лама Оле Нидал; пер. с англ. Е. Леонтьевой. – М.: Алмазный путь, 2009. – С. 42.

¹⁰ Исаев Н.А. Постмодернистские поправки гуманистического проекта [Текст] / Н.А. Исаев // Вестник Орловского государственного университета [ежекварт. науч.-практ. журнал]. Серия «Новые гуманитарные исследования». – 2009. – № 2 (6). – С. 24.

¹¹ Там же. – С. 25.

¹² Шелер М. Положение человека в Космосе [Текст] / Макс Шелер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 90.

¹³ Франкл В. Человек в поисках смысла [Текст]: Сборник / В. Франкл; пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – С. 50.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Моторина Л.Е. Философская антропология [Текст]: Учеб. пособие для вузов / Л.Е. Моторина. – М.: Высш. шк., 2003. – С. 89.

¹⁶ Черная Л.А. Русская культура переходного периода от средневековья к Новому времени [Текст] / Л.А.Черная. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 288 с. (Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой трети XVIII века).

В.Г. МУШИЧ-ГРОМЫКО, соискатель кафедры философии
Новосибирского государственного университета
экономики и управления

Тел.: 8 (383) 271-72-58 (дом.); факс: 8 (383) 236-08-96;
cosmology@cosmologia.ru, cosmology@ngs.ru

О ТРУДНОСТЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО И НЕСИМВОЛИЧЕСКОГО В КОСМОЛОГИИ

В статье ставится вопрос о восприятии такого объекта, как «Вселенная», не через физический образ, а через предельно выраженный символ в имени «Солнце» («Последовательность гармоний»).

Ключевые слова: Знак, символ, солнце, мировоззренческая стилистика, идея, мотивация.

Диоген Синопский лежал в солнечный день на берегу моря. К нему подошёл Александр Македонский и спросил: «Я могу для тебя что-нибудь сделать?» «Да, можешь, – ответил философ. – Не загораживай мне Солнце!»

Солнце есть символ и одновременно сущность, дающая тепло и жизнь такому объекту Космоса, как Земля. Солнце есть символ очага, домашнего очага, символ жизни («Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!»). Символ есть одновременно Знак, опознавательная примета. Опознавательная примета чего? Опознавательная примета, связанная с пониманием человеком своего существования:

- а) в собственной чувственности (материальности);
- б) в собственной идеальной субстратности как системы рациональных принципов (по Гагаеву А.А.) своего мышления;
- в) в материальной субстратности Солнца и вообще Вселенной (антропный принцип);
- г) в идеальной субстратности Солнца, Вселенной, Системы Вселенных и т.д.

В мышлении субъекта идеальный субстрат утверждается как образец, норма; способ и характер поведения, деятельности людей. Идеально-космологический субстрат тоже есть норма и образец. Нормы и образцы существования что человека, что Вселенных характеризуются предельными типами обобщения в имени «гармония» или «дисгармония» (именно это обстоятельство помимо антропного принципа делает данные объекты сходными).

Идеальный субстрат, таким образом, является регулирующим принципом, который можно соотносить с фразой: понятие ума сколь глубоко, столь превратно. При этом фидеистический аспект для данного случая не следует брать к рассмотрению, а следует брать просто понятия «гармония» и «дисгармония». Глубокий ум есть в первую очередь устойчивая рациональность, нашедшая в действительности своё воплощение и реализацию. Превратность рациональности характеризует превратность ума (т.е. неустойчивость рациональности, смещение последовательностей рациональности, их своеобразную морфинную патологию).

Предельными идеалами для человека являются идеал жизни (а он имеет прямое отношение к Солнцу) и идеал смерти (разрушения). Второй идеал понимается при этом как нежелательная неотвратимость или желательная безусловность. Предель-

ный идеал, безусловно, связан с предельной мотивацией: за жизнь; против жизни. Идеал заставляет человека мобилизоваться и действовать для достижения определённых результатов. Символ «Солнце» в своей опознавательности связан с выбором позитивной мотивации, мотивации за жизнь.

Символ имеет знаковую природу, ему присущи все свойства Знака как представителя какого-то другого предмета или явления. Другими словами, материальное Солнце и слово «солнце» есть представители идеального субстрата (системы рациональных принципов) Солнца.

Известно, что Знак предназначен для хранения, приобретения, преобразования и трансляции определённой информации, определённого знания. При этом сразу отметим, что мы знание отделяем от информации (как сведениях о чём-то). Знание есть всё то, что «работает» на систему «жизнь», есть сама мотивация жизни и её полная, т.е. подлинная, гармония.

Солнце как слово, как космический объект есть Знак и одновременно символ. Денотативная часть схемы, о которой мы сейчас говорим, есть Солнце материальное в паре с солнцем-субстратом (идеальным субстратом), и рядом с ними стоит человек, мышление которого отличается двумя сторонами пропозиции – глубоким умом и превратным умом. Знак охватывает материальную часть чего-либо и есть чистое указание на материальное. Символ (слово «солнце») не есть только указание на идеальный субстрат реального Солнца, но есть указание на связь идеального субстрата реального Солнца с идеальным субстратом других космических объектов, в том числе и с таким объектом Космоса, как человек (с его глубокой частью ума), для выявления единого закона, единого принципа в имени «Последовательность гармоний», которая есть определённая рациональность с характеристикой Высокой Мировоззренческой Стилистики. Высокая Мировоззренческая Стилистика есть вектор жизни – прежде всего! Эта стилистика в человеке выражается речевыми образцами через грамматические символы, а во Вселенной – космологически-семиотическими волнами существования гармонии материальных субстратов как представителей идеальных субстратов.

Символы и Знаки несут субъекту разные ценности, т.е. обнаруживают собою различные уровни реальности. Символ «Солнце» (в его гносеологическом и онтологическом смысле) аккумулирует в себе уровни: чувственного восприятия солнца

(неотделимого от реального Солнца); уровни номотетических характеристик что в восприятии человека, что в существовании реального Солнца; уровни рационально-идеальных распределений что в представлениях человека, что в природе; уровни образований в именах «гармония» и «дизгармония», которые, по нашему представлению, неотделимы от понятия «мировоззрение».

В связи со сказанным, наверное, нужно задавать вопросы, указывающие на возможность человека дотянуться до той или иной страты символа своим мышлением.

Смысловая космологическая перспектива критериями ВМС (Высокой Мировоззренческой Стилистики) может дать субъекту объяснение и прозрачность в отношении образа жизни здесь, на земле, и одновременно в глубоком Космосе. Символическое обнаруживается не во внешних впечатлениях и чувственных данных. Оно обнаруживается в космологии языка, где предельная «солнечная субстратность» присутствует, но как особое грамматически-семиотическое образование, которое принято называть шифром (мы называем этот шифр Высокая Мировоззренческая Стилистика). Знающий шифр (владеющий методологией ВМС) способен понимать в текстах (что природных, что космических, что знаково-культурных) предельные «солнечные значения», дающие объяснение коммуникациям денотата в имени «Солнце» с глубокой частью ума человека. Символ, конечно, есть одновременно и знак, несущий человеку же культурную образность и культурную наглядность.

Когда мы говорим «Символ Солнце объединяет различные планы реальности», то мы говорим о том, что космологическая смысловость Солнца и Вселенной в целом не исчерпывается известными астрофизическими, культурно-философскими смыслами. Она будет исчерпываться, если мы примем во внимание и мировоззренческую сторону субстратно-идеальной составляющей в имени «Солнце» («Последовательность Гармоний»).

Что же будет являться содержанием «Солнца»? Отвечая на этот вопрос, мы обращаемся к понятию «последовательность гармоний» и одновременно обращаемся с призывом потрудиться над тем, чтобы удалось разграничить символическое и несимволическое. Последовательность гармоний как категория отвечает понятию «мировоз-

зренческий аспект символа» потому, что она имеет вектор направленности в сторону бесконечного совершенствования в линии идеального субстрирования и одновременно материального субстрирования. И то и другое смыкается синтезированием в двух направлениях: в квантово-микроскопическом направлении и в квантово-макроскопическом направлении. «Последовательность гармоний» есть предельная комплиментарность, указывающая на возможность созидания (т.е. творения) жизни без ссылок на выдуманные теистические образы.

«Последовательность гармоний» наилучшим образом может объяснять научная методология при условии нахождения наукой тех критериев, которые могут охарактеризовать ВМС (Высокую Мировоззренческую Стилистику); «Солнечную Субстратность» в её онтокосмологическом варианте развития и существования, а также в мыслительно-субстратно-диалектическом проецировании данного феномена на культурно-историческую среду общественных явлений.

Символ «Последовательность Гармоний» как идеальная составляющая Вселенной содержит в себе только те проявления Вселенной, только те её состояния («Состояния волновой функции»), которые отвечают перспективе удержания и творения целостности и сбалансированности принципом космологической дополненности.

Поскольку термин «символ» этимологически связан с греческим глаголом «соединяю» (синтезирую – в мировоззренческом смысле через диалектику типов мировоззренческих стилистик), то такая синтезация указывает на формальное соединение двух планов действительности (функционального плана с мировоззренческим, с одной стороны) и двух планов реальности (мировоззренчески высокой с мировоззренчески низкой, с другой стороны). Такая интерпретация символа сразу же предполагает и его геометрическую или графическую выраженность (см. рис. 1). Каждый сектор

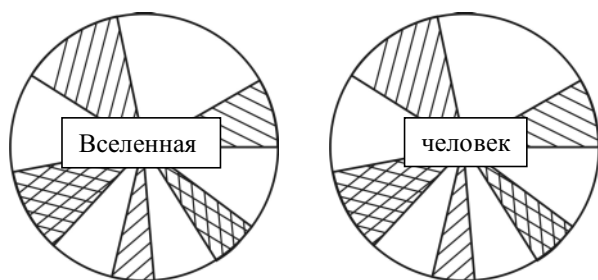

Рисунок 1

графического символа указывает на соответствующий тип мировоззренческой стилистики. Незаштрихованность мы должны воспринимать как «солнечность», штрихованность под одним наклоном – как промежуточность.

Обозначенные графически символ человека и символ Вселенной сходны и одновременно универсальны, так как, предполагаемо, выражают системность всего сущего, в котором особой качеством выделяется «последовательность гармоний». И одновременно же графический символ обозначает собою уникальность. Как видим, нарисованный нами символ объединяет самые существенные характеристики Космоса: формальное, уникальное, универсальное, качественное и некачественное, векторное и скалярное. Графический символ представляет собою единство (формальное) диалектически разнородных предельных мировоззренческих стилистик, которые в человеческой предельности выражаются через язык, а во Вселенской предельности выражаются соответствующими знаково-семиотическими атрибуциями, заполняющими пространство материей и связями отдельных фрагментов мира, ничем не отличающихся от знаково-семиотических образований языка, дающих по определённым случаям жизнь на других планетах в виде внеземных цивилизаций соответствующих типов (мировоззренческих). Только при такой интерпретации можно надеяться на то, что где-то во Вселенной «Последовательность Гармоний» образует соответствующий свой «слепок» в имени ЦВС (Цивилизация Высокого Сопряжения), что мы способны в данном контексте выстроить стратегию коммуникации с такими цивилизациями.

В Предельности (мировоззренческой) многозначность символа, идущая от многозначности образа, сначала превращается в двузначность (дуальность), а затем уже в монистическую однозначность (векторную и одновременно синтезированно материально-идеальную), или однозначность «Последовательности Гармоний» [1–2]. Символ графический указывает и на квантовую дуальность или на расщеплённость (пропозициональность) всего сущего, из которого сущее (в качестве фрагментов этого сущего, соответствующих секторов) выбирается соответствующим предельным типом существования.

Между символом и образом (в нашей формальной космологической модели) нет равновесия. И

это определяет динамику и подвижность «Вселенной» как системы и «человека» — как предельной системы его мировоззренческих стилистик. Означающее и означаемое здесь не взаимнообратимы.

Всё, что мы говорили выше, по сути дела, относится к особой дисциплине под названием «семиотика». В семиотике как таковой утверждается [3, с. 12], что мышление есть цепочка межкодowych переводов информации. Все информационные процессы (порождение, восприятие информации, её переработка в ходе движения) представляют собой феномен прохождения информации по цепочке-иерархии кодов внутри некоторой системы (мозга, организма, компьютера, Вселенной и т.д.). Поскольку Вселенная есть система, то внутри этой системы, с нашей точки зрения, может наблюдаться нечто сходное, оформляемое в теориях как функциональные зависимости. Но сходность (на основе переноса информации), характерная для человека, человеческого сообщества, для Вселенной в целом имеет для некоторых случаев и другой характер (характер передачи знания, когда под знанием мы понимаем передачу и использование информации в ключе вектора «Последовательности Гармоний», в ключе характеристик «Солнца»). Связь «Солнца» как материального объекта с системой в имени «Земля» (тоже материального объекта) носит только функциональный характер. Но между ними, предполагаемо, существуют и иные отношения иного уровня (субстратно-идеального). Последовательность движения информации и сбои в этом движении и составляют диалектику отношений жизни и нежизни.

Из того, что утверждается, проистекает и другое положение — о существовании связи между космическими объектами (в том числе между человеком и Вселенной) на двух фундаментальных уровнях: в виде указанной выше двойственной субстратности (материально-субстратной и субстратно-идеальной), а также нерасторжимого единства материального и идеального. При этом субстратность «Последовательности Гармоний» нужно соотносить с понятием уже не «информация», а «знание».

В книге Мечковской Н.Б. [3], о которой мы уже говорили, изложено много идей по семиотике. Одни из них принадлежат ей самой, а другие идеи соответствуют исследованиям иных авторов. Мечковская упоминает и о Жинкине Николае Ивановиче. Нас заинтересовали его семиотические идеи с философской точки зрения. На стр. 65 книги Мечковской Н.Б. записано: «По мысли Жинкина, со-

единение в естественном языке изобразительных и неизобразительных (символических) знаков — это настолько важная черта, что она как бы наследуется теми семиотиками, которые порождены «натуральным языком» — математикой, логикой, искусствами. (*Примечание наше: в рассуждениях такого рода следует учитывать также несколько важных космологических моментов:*

а) человек репрезентирован Вселенной (антропный принцип);

б) в мышлении субъектов нет ничего такого, чего нет в природе;

в) следовательно, в природе, Космосе, Вселенной тоже существуют изобразительные и неизобразительные (символические связи, т.е. идеально-субстратные связи) знаки; например, в математике эта «двухзначность» (слово Жинкина) реализуется в оппозиции её двух языков: алгебры (символический язык) и геометрии (изобразительный язык); в искусстве слова — в оппозиции поэзии и прозы)» [3, с. 65].

В одном своём произведении Н.И. Жинкин [4] отмечает, что интонация обладает «переозначающей ценностью», способной радикально менять смысл сообщения (*интонация есть единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи, тембра произнесения. — Примечание наше*). Роль речевой интонации всегда хорошо понимали в музыковедении и в театральные школах. В реальном общении интонация важнее слов: она может переозначить их семантику. Так как реализация слоговедения в конце концов сводится к механизму речевого дыхания, то в речь по необходимости будет врываться весь «тёмный» или, наоборот, «радостный» поток человеческих чувств, отображающих состояние внутренней среды организма. В процессе речи человек не только выражает мысли, но и выдаёт «с головой самого себя», своё отношение к действительности (*когда мы говорим о мировоззренческой стилистике, то мы говорим о предельной мотивации и предельном отношении к миру. — Примеч. наше*). Далее Жинкин замечает: слова имеют значение, но интонация накладывает на них свою переозначающую печать. В работу переозначения включается не только интонация, но и весь поток экспрессии — пантомимика, статика и динамика тела говорящего человека. Если бы ничего этого не было, речь представлялась бы как безжизненные звуки, из-

даваемые чурбаном (*человек, следовательно, мыслит не только мозгом и спинномозговой системой, но и всем телом и каждой клеткой своего тела. – Примеч. наше*).

«Куда вы клоните?» – спросит читатель нашей статьи. Я клоню свою мысль к тому, что Платон, создав своё произведение «Символ пещеры», был прав, указывая на то, что «смотреть» на «Солнце» очень трудно – происходит ослепление. Главным моментом такого смотрения на «Солнце» является смотрение в сторону «Последовательности Гармоний», которое выражается опять же одним важным критерием: смотрение прямо на себя и узнавание себя подлинно истинного или неистинного (или же неузнавание). Страх самого себя и есть главное препятствие (страх ослепляет!) смотрения на «Солнце».

Но обратимся к понятию «Вселенная». В ней можно предполагать «дыхание», как и у живого организма, со всеми вытекающими из такого дыхания свойствами, несущими Поток Космологической Радости (гармонии) или её антипода. Акустические речевые волны имеют сопряжение с волнами физических напряжений мышц человека (первые из них лежат в фарингитальной области), с нейронно-электрическими напряжениями, с квантово-дуальными распределениями и, очевидно, ещё со многим другим, что даёт право предполагать существование таких волн и в большом Космосе.

Выше мы уже говорили о символическом и геометрическом представлении всего сущего в знаниях человека о мире. Продолжим это представление следующими соображениями. В работе К. Черри «Человек и информация» можно прочесть: «...различают два класса сигналов: сигналы во времени, как речь или музыка, и сигналы в пространстве, подобно печатному тексту, надписям на камне, перфокартам и картинам. Среди них мы выберем устную речь и печатный текст, как наиболее типичные для слухового и визуального восприятия (*т.е. для временных и пространственных сигналов; геометрических сигналов – буквы составлены из геометрических элементов. – Примечание наше*). При чтении печатного текста или при рассматривании изображения глаз совершает серию чрезвычайно быстрых скачков (саккады) между точками сравнительного покоя (пауз фиксации), в которых происходит съём информации (Car-Michael, L., and W.F. Dearborn, Reading and Visual Fatigue. George G. Harrap & Co., Ltd, London, 1948). Подобный процесс «разверт-

ки» преобразует пространственные сигналы во временные, но в каждом случае своим особым способом» [5, с. 154]. Далее автор объясняет, что графически отображенная речь (через сложные флуктуации давления воздуха на барабанную перепонку) выглядит как некоторая волновая линия. В отличие от уха глаз, рассматривая картину, напечатанное слово, воспринимает не один флуктуирующий сигнал, а целое множество сигналов. Мозаика сетчатки глаза дает множество разнохарактерных линий флуктуаций. В первом случае возникает временная упорядоченность, во втором – пространственная. Физическое воздействие (звуковой волны или световой) не совпадает с самим ощущением. Ощущение – это личное ощущение слушателя (т.е. волновые характеристики звука, света не совпадают с волновыми характеристиками ощущений). Волновые характеристики ощущений субъективны. Существует прибор – «речевой сонограф» [6], который позволяет получать изображение речи при условии, что субъект, у которого измеряют ощущения, включен в эксперимент (участвует в эксперименте). Это гарантирует объективацию субъективных ощущений. Visible Speech (сонограмма) является фотографией меняющегося во времени энергетического спектра речи (вообще любых звуков). Таким образом, мы сталкиваемся с идеей о том, что сигналы, поступающие в орган слуха, могут создавать различные зрительные образы. Конечно, сонограммы являются искусственными образованиями. Но разве музыка не вызывает в нас визуальные образы? Капающие капли дождя за окном в спящем человеке могут вызывать образы реки, озера, наводнения и т.п.

Одновременно мы можем ставить вопрос и об обратном явлении, когда графические образы (выраженные геометрически-пространственными отношениями) вызывают рождение звуков, фонем, а значит, и восприятие «организованного текста», коррелирующего определенным образом с графическими образами и с символами. И не только с ними, но и с пространством вообще: с пространством природных явлений и динамикой этих явлений; с пространством культурного и техногенного характера. Полагаем, что «саккады» вполне могут оказаться чем-то сходным с буквенным и словесным строем, а «паузы-фиксации» – с пробелами в текстах. «Развертки», на которые способно наше сознание, мышление, преобразуют (гипотетически) пространственные сигналы во времени в типологически обусловленные «тексты», воспри-

нимаемые нами как собственный поток сознания. Объективация этого потока сознания, как мы уже выше в тексте отмечали, сопряжена с чувствительностью к геометрии пространства (т.е. к идеям-образам этого пространства, а также к идеям-символам того же пространства). Есть, видимо, смысл в тех словах, что были начертаны при входе в академию Платона: «Не геометр да не войдет! Иди, у тебя нечем ухватиться за философию». Некоторые авторы подобных исследований настаивают на том, что возможно выделить в речи даже «жесты» речи. Жесты также могут быть геометризваны, как и кинесика в целом. По крайней мере, на это указывают Питерсон и Лоренс в работе Джексона [7], на которых он ссылаясь. Идеи-образы и идеи-символы связаны друг с другом так, как связаны друг с другом понятия «корпускула» и «волна» (волновая функция) в квантовой механике.

Резюме: В своей статье мы пытались разграничить символическое и несимволическое, материальное и нематериальное с тем, чтобы осознать трудности оценки синтеза идеального и материального в условиях исторически сложившейся рефлексии как на материальное, так и на идеальное. Данная задача связана с трудностями помещаемости космологического мировоззрения на каждом этапе развития человечества в среду реального и предвидческого. Статья склоняет читателя к осознанию того, что релятивные факты отсутствия есть суть того же феномена – релятивного факто-

ра наличия; того, что мир структурирован в высшей степени и эта степень соизмерима с материей, как соизмеримы единицы кванта в наблюдаемом эксперименте, т.е. измерение есть важнейший критерий, а не только результат.

Если говорить о человекообразном факторе, то нужно сказать о том, что единичный наличный фактор принятия решений субъектом есть «корпускулярность» в релятивном волновом факторе объективно-Субстратного Солнца. Невидимый мир, таким образом, есть *Wakuum* (Пустота), есть идеальная реальность, а видимый мир есть материальная относительность или, по крайней мере, дуальная относительность, в которой одна тенденция (солнечного) и другая тенденция (несолнечного) пытаются изменить вектор направления существования друг в друге, создавая промежуточность. Третий вариант ситуации может создавать монистическую «Солнечную» субстратность.

Наблюдение за принятием решений человеком выявляет структурированность, а соизмеримость с материей нужно понимать как изменение состояний этой материи. Существование единиц кванта и их соизмеримость говорят о том, что классическую и неклассическую сферу познания можно сравнивать. Измерение есть важнейший критерий. Чего? – Важнейший критерий видения волн вероятности, а значит, и видения особой идеальной реальности (в том числе и подлинной идеальной реальности, выраженной понятием «Последовательность Гармоний»).

Библиографический список

1. Мушич-Громыко В.Г. Космология как последовательность гармоний / В.Г. Мушич-Громыко // Вопросы культуры. – 2009. – № 10. – С. 16–19.
2. Мушич-Громыко В.Г. О смысле понятия «последовательность гармоний» и его соотносительности с понятием «космология» / В.Г. Мушич-Громыко // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – № 3(46). – С. 155–159.
3. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для вузов / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2007. – 432 с.
4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 158 с.
5. Черри К. Человек и информация / К. Черри. – М.: Связь, 1972. – 368 с.
6. Potter R.K., Kopp G.A., and Green H.C. Visible Speech. – New York : D. Van. Nostrand Company, INC., 1947. – 441 pp.
7. Jackson, Willis, Editor, Proceedings of Communication Theory, London, 1952, published by Butterworth Scientific Publications, London, 1953.

V.G. MOUSHICH-GROMYKO

ABOUT THE DIFFICULTIES OF MAKING A DISTINCTION BETWEEN SYMBOLIC AND NON-SYMBOLIC IN THE COSMOLOGY

The problem on perception such object as «the Universe» via an extremely expressed symbol named «the Sun» («Harmonies' consequence») but not via the physical image is set in the article.

Key words: exponent, symbol, the Sun, worldview stylistics, idea, motivation.

Н.А. НЕКРАСОВА, доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой «Философия и культурология» Московского
государственного университета путей сообщения (МИИТ)

Ф.А. ТРИГУБЕНКО, старший преподаватель кафедры
«Философия и культурология» Московского государственного
университета путей сообщения (МИИТ)

Тел.: 8-916-730-89-13; sinekrasov@mail.ru

О ПРОБЛЕМЕ ОБОСНОВАНИЯ МОРАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ

Статья посвящена анализу концепции антропогенеза, согласно которой не человек произошёл от обезьяны, а ровно наоборот; что все гоминиды, т.е. человекообразные, суть результат и продукт моральной деградации человека, а моральная деградация является процессом возрастающей энтропии, дезорганизации.

Ключевые слова: антропогенез, моральная деградация, энтропия, должное, сущее.

Существует любопытная концепция антропогенеза, считающаяся псевдонаучной ввиду её полной альтернативности современной парадигме – теории эволюции (СТЭ). Тем не менее теория эта весьма популярна и приобретает с каждым годом всё большее число сторонников и апологетов. В одном из американских штатов существует даже своеобразный палеонтологический музей, экспонаты которого служат наглядным подтверждением истинности этой теории. Но интересна она не столько тем, что состоит в оппозиции современной науке, сколько своей ясно и явно выраженной моральной направленностью. Согласно этой концепции не человек произошёл от обезьяны, а ровно наоборот; что все гоминиды, т.е. человекообразные, суть результат и продукт моральной деградации человека. Очевидно, что приверженцы этой концепции атрибутивным и субстанциональным признаком человека считают наличие в нём моральности, т.е. качества, присущего только человеку и нигде больше не встречающегося. Необходимый логический вывод из этой посылки очевиден: моральная деградация является процессом возрастающей энтропии, дезорганизации. Деморализация, подобно всякому процессу разложения, ввергает человека и человечество в первобытно-животное состояние, со всеми вытекающими социальными и физиологическими изменениями и деформациями.

Но правомерен ли этот, казалось бы, очевидный и необходимый логический переход от морального к физиологическому (физическому) существованию, *от должного – к сущему*? Если известно, что умозаключение *от сущего к должному* невозможно, то возможен ли обратный процесс в логической форме или фактически? Но невозможно также игнорировать очевидное: нравственная деградация ведёт к депопуляции человека, он превращается в животное (раба) или умную машину, механизм; общество таких существ становится конгломератом механизмов, управляемым политехнологами. Это очевидность, логически необъяснимая, поскольку логического перехода от *должного к сущему* и наоборот пока не найдено (как, впрочем, и «переходного звена» в антропологии). Попытки поиска такого логического вывода после заявления о его невозможности Юмом пока не привели к успеху, хотя и не прекраща-

ются. Нравственность так и остаётся хоть и несомненным, но алогичным феноменом. Тождественные у Платона истина, добро и красота пока остаются сущностями гетерономными: логической формулы (и формулировки) добра и красоты не найдено.

Несмотря на кажущуюся абсурдность, эта теория имеет право на существование, и не только с точки зрения эпистемологического анархизма Фейерабенда. Она заслуживает внимания уже в силу того, что в ней совершенно отчётливо подчёркивается неестественность и даже противоестественность человека и человеческого общества. В ней неявно, на самом общедоступном уровне и в самой понятной форме фиксируется проблема, обозначенная Кантом в виде противоположности физической необходимости и нравственной свободы.

Одним из самых популярных и часто цитируемых афоризмов Канта является его общеизвестное высказывание о том, что более всего достойны удивления и восхищения «звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Под «звёздным небом» Кант имеет в виду весь физический, материальный мир, где господствуют причинно-следственные отношения и всё происходит по естественным законам. Весь физический мир понимался благодаря Декарту как единый сложный механизм. И действительно, достойна восхищения Канта та метафизическая сущность, которая сделала возможным этот Космос.

Но для Канта не менее удивительна иная, не природная, не физическая, а иная вполне метафизическая детерминанта, которая понуждает человека поступать вопреки естественной необходимости и тем самым отрицать всеобщность и обязательность физической причинности, выстраивать иной причинный ряд. Причиной человеческого действия часто является не физическая необходимость, а «нравственный закон», в физическом мире отсутствующий, но безусловно обязательный для человека. Этот закон столь же безусловен, сколь безусловен закон физический. Для упорядочивания и объяснения физического мира, Космоса понадобился гений Ньютона, но объяснить феномен нравственности пока не удалось. Как, впрочем, доньше не удаётся учёным всего мира преодолеть корпускулярно-волновой дуализм и создать единую теорию поля.

Отрицание необходимости есть не что иное, как свобода, и поскольку именно нравственность по-

нуждает человека поступать свободно, вопреки необходимости, постольку Кант отождествляет свободу и нравственность.

Очевидный дуализм кантовской философии, считающийся в философском дискурсе беспринципностью, необходимо было преодолеть, свести к единому принципу и первооснове, поскольку просто проигнорировать нравственную составляющую человека невозможно. Поэтому попытки обоснования нравственности предпринимались неоднократно, а когда они не удавались, то нравственность как особая сущность просто объявлялась иллюзией, одной из форм общественного сознания.

Различные же этические учения, отличающиеся друг от друга как содержанием провозглашаемых моральных ценностей, так и способом их обоснования, пытались построить этическую теорию, в которой этические категории объединялись бы в целостную систему, с единым дедуктивным принципом построения этической теории. Обоснованием морали, отысканием первых, исходных моральных принципов занимается *моральная философия*, или *нормативная этика*, причём объектом обоснования служат для неё не только частные нормы и оценки, но и сами общие универсальные принципы нравственности, не зависящие от единичных ситуаций.

Предметом научного интереса в морали, рассматриваемой в качестве целостного феномена, становятся, в частности, моральный дискурс, моральные рассуждения, язык и логика морали, а значит, и нравственная аргументация, обоснование моральных высказываний. Сложилась особая научная дисциплина, исследующая эти стороны морального сознания, – *метаэтика*. Под *метаэтикой* имеется в виду именно область исследований, а не определённая школа или концепция (эмотивизм). Разногласия по этим вопросам различны и разнообразны, поскольку они касаются как самого понимания морали, её специфики, так и интерпретации процедуры её обоснования.

Основной проблемой *метаэтики* является как раз проблема самой процедуры обоснования и возможности научного её обоснования. Но эта проблема не решается, пока нет ответа на целый комплекс следующих вопросов, составляющих также интерес метаэтики. Применим ли к моральным суждениям критерий истинности? Имеются ли принципиальные различия между моральными (оценочными, нормативными) высказываниями и

познавательными (когнитивными) суждениями? Допускают ли правила логики доказательство должного через сущее? Откуда берутся моральные принципы и можно ли их чем-то подтвердить? Следует ли учитывать при обосновании моральных суждений их эмотивный (психологический) характер и в чём состоит разница между психологическим убеждением и рациональным обоснованием (между поэтом и учёным)? От решения этих вопросов зависит правильность, а тем самым и эффективность моральных суждений и моральной аргументации.

Процедура обоснования всякого знания, и прежде всего знания научного, хорошо известна и обстоятельно изучена в рамках эпистемологии. Методы рационального обоснования традиционно делятся на два класса: *аналитические* и *синтетические*. (Индуктивный и дедуктивный метод.) *Аналитический* метод обоснования предполагает, что тезис, претендующий на звание и значение истины, должен быть с необходимостью, логически непротиворечиво и безупречно выведен из других достоверных суждений. *Синтетический* же метод обоснования тезиса предусматривает его безусловную очевидность для разума, т.е. несомненность истины ввиду её самоочевидности. Суждение считается обоснованным, если его истинность или достоверность очевидна для разума. (Таковой является у Декарта «интеллектуальная интуиция», а у Канта – «синтетическое априори».)

Оба этих принципа в основном стихийно применялись для обоснования моральных норм, оценок и принципов. Однако большинство авторов этических концепций, учений и теорий (гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм, религиозная этика) не фиксировали своего внимания на методах обоснования, а применяли их неосознанно. Но многие философы, такие как Декарт, Лейбниц, Кант, Спиноза, Мур, сознательно переносили эти методы из сферы познания в сферу морали.

Наиболее известными теориями морали, применяющими синтетический метод, были теории последователей Платона, теория Канта и теория Вл. Соловьёва.

Последователи Платона считали основополагающим и аксиоматически очевидным понятие *добра*, т.е. *блага* (аксиология). Последователи Соловьёва основание моральности видели в способности к *состраданию*. Приверженцы философии Канта в основу морали полагали *чувство долга*

(деонтология). Но в результате того, что при построении таких систем возникали большие и часто непреодолимые трудности на пути логического согласования этических понятий, некоторые мыслители приходили к выводу, что между категориями этики единство невозможно, поскольку между ними невозможно установление непротиворечивой логической связи. Это означало, что коль скоро невозможно построение отдельной строгой и логически стройной моральной теории, то отсутствует и основание для полемики и поиска консенсуса между различными этическими теориями. Поэтому сторонники деонтологического интуитивизма, например, утверждают, что поскольку между понятиями *добра* и *долга* логическая связь невозможна, то, значит, деонтология и аксиология несоизмеримы, компромисс исключён, невозможен (У. Росс, Ч. Брод). Логика бессильна и неприменима как в согласовании необходимости и свободы (физики и этики), так и в согласовании этических понятий (добра, долга) и, значит, и в согласовании различных моральных концепций.

Как метаэтикам, так и самим моралистам ясно, что всякое моральное суждение должно быть обосновано другим, тоже моральным, но более общим, – этого требуют законы аристотелевской формальной логики. Если, скажем, имеется *моральный принцип, императив (повеление)*, согласно которому *долгом каждого* является помощь немощному и страждущему, то из этого общего принципа следуют частные суждения типа: *ты должен помочь больному, ребёнку, беременной, старику, голодному и т.д.* Но при обосновании самих этих первых принципов – начал морали возникает сложность: на вполне резонный вопрос «Почему я должен соблюдать этот ваш моральный принцип и почему я вообще что-то должен?» этик и метаэтик не найдутся что ответить, они не смогут обосновать обоснование и объяснить, почему должно следовать должному. При попытке обоснования предельно общего морального принципа критерии обоснования приходится искать за пределами самой морали, в области *не-моральной*. Но моральные суждения невозможно дедуцировать из суждений *не-моральных, неморальных*. (Ситуация аналогична «парадоксу бралобрея» Б. Рассела при обосновании оснований математики: как возможно «множество множеств»?) Многие этики, моралисты брались за решение этой задачи, не задумываясь над тем, позволяет ли логика сделать это.

История этики дала несколько типов обоснования морали, и различаются эти типы тем, что именно берётся в качестве исходной посылки.

Первый тип – обоснование *должного* через разумное: должно поступать разумно, поскольку неразумный поступок приведёт к пагубным последствиям. На неразумном, алогичном невозможно построить логичное и разумное. Здесь морально должным является логически безупречное. Это этика Сократа, апеллирующая к разумной аргументации.

Второй тип – обоснование *должного* через *добро* (*благо*) как таковое, т.е. через очевидно естественные человеческие ценности, как-то: польза, счастье, удовольствие. Упрощённый этот силлогизм (логическая схема) выглядит так: «Должно так поступить, поскольку это полезно, или приятно, или способствует твоему счастью». Это суть аргументы утилитаризма, эвдемонизма и гедонизма.

Третий тип – обоснование *морально должного* через «высшие ценности», т.е. стоящие выше ценностей индивидуальных, выше частных и частичных интересов. Такими высшими ценностями в разных философиях считаются: Бог, общество, нация, государство, класс, история, прогресс, «светлое будущее» и т.д. Такой способ обоснования (и предпочтения) носит название «холизм». Логическая схема здесь такова: «Должно, поскольку служит высшей ценности».

Четвёртый тип – обоснование *должного* через *сущее*, через фактически данное, т.е. через факт как абсолютный и безусловный авторитет. Логическая схема здесь выглядит так: «Существует А, поэтому должно делать Б», что означает: «Мир устроен так, поэтому мы должны делать это». (В одном из популярных фильмов девяностых годов бандиты на упрёки соседки-старушки в негодяйстве резонно отвечают: «Это не мы такие, это жизнь такая».) По такой схеме строятся, например, аргументы стоицизма, где постулируется, что человек должен жить сообразно законам общества или природы. В марксистской этике *должным* и морально одобряемым объявляется то, что соответствует исторической необходимости.

Все четыре указанных способа обоснования морально должного восходят к первому и имеют то общее, что апеллируют либо к причине, либо к цели; аргументация либо детерминистическая, либо телеологическая. Либо «почему-то», либо «зачем-то». И это кажется логичным почти всем, но не поэту, которому претит рациональность. (Так, Вы-

соцкий на вопрос, за что он любит Золотухина, ответил: «Если «за что?», то это уже не любовь».) Моральные явления, будучи акциденциями *должного*, не обусловлены ни причинами, ни целями, ни логикой, но апостериори объясняются и обосновываются чаще всего именно таким образом. Сама же мораль нерациональна, иррациональна.

Все рациональные доказательства моральных явлений и фактов (будь то любовь, альтруизм, сострадание, благоговение и проч.) содержат логическую ошибку и поэтому не могут являться действительными обоснованиями моральных феноменов и доказательствами моральных принципов. Впервые на этот недостаток традиционной этической аргументации обратил внимание Д. Юм, указав на невозможность логического перехода от суждений «есть» к суждениям «должен».

В «Трактате о человеческой природе» Юм обратил внимание на то, что авторы всех известных ему этических теорий постоянно совершают – незаметно для самих себя – логически недопустимый переход от посылок, содержащих связку «есть» или «не есть», к выводам, в которых связкой служит «должен» или «не должен». Поскольку «должное выражает некоторое новое отношение, то следовало бы показать, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него»¹. Несмотря на позднейшие попытки показать несостоятельность сформулированного Юмом логического табу, преодолеть его никому не удалось. Причина неудачи заключается в том, что этот запрет базируется на незыблемых законах логики, правилах логического вывода.

Несколько позже И. Кант, отстаивая автономию морали, показал ошибочность всякой гетерономной концепции, выводящей мораль из чего-то другого, неморального. Затем, уже в прошлом столетии, Дж. Э. Мур сделал скупулёзный анализ той же традиционной для этики ошибки, назвав её «натуралистической ошибкой». Сегодня можно считать твёрдо установленным то обстоятельство, что правильное логическое обоснование морали, т.е. дедуцирование моральных признаков из неморальных, невозможно. И это не точка зрения Юма или Мура, с которыми можно спорить, а проявление логических законов, столь же непреложных, как и законы природы.

Общеизвестно, что смысл любых логических преобразований заключается в особой перегруппировке имеющегося мыслительного материала,

а не в порождении совершенно новой информации; такое порождение было бы чудом, подобным порождению вещества или энергии из ничего. Одно из правил вывода гласит, что «в заключении не может быть терминов или, говоря более общо, элементов, частей материи, отличных от тех, которые содержатся в посылах»². Применительно к моральным суждениям это означает следующее: тезис, декларирующий некоторую моральную концепцию, выраженную через понятия «добра», «добра» или их производные, нельзя обосновать с помощью таких посылок, в которых полностью отсутствуют соответствующие моральные понятия, употребленные в том же смысле. Иначе говоря, моральные суждения не могут быть выведены из одних только неморальных (как эстетические – из внеэстетических).

Однако последствия этой логической критики оказались совершенно неожиданными: нормативная этика не отказалась от ложных классических аргументов и способов обоснования «должного», множатся и набирают силу натуралистические учения, различные варианты утилитаризма. Почему так?

Если бы логическая ошибка была обнаружена в научной теории, то это оказалось бы губительным для неё. Нормативная же этика принадлежит не науке, а ценностному сознанию, и логичность не относится к числу достоинств этого сознания. Скорее наоборот: алогизм является важнейшим компонентом ценностной ментальности. Аналогично недостаток или даже полное отсутствие логики не наносит серьёзного ущерба политике, религии, искусству, не говоря уж о таких массовых поветриях, как парапсихология, астрология и проч. Само существование этих духовных реалий является не аномалией, а нормой, поскольку все они выражают и обслуживают определённые общественные потребности.

Убеждающая сила этических аргументов в практическом отношении важнее, чем соблюдение правил логического вывода. Здесь убеждающая сила обеспечивается не столько логикой, сколько риторикой, многократным повторением, страстностью (логика бесстрастна и беспристрастна), авторитетом проповедника или института, который за ним стоит (вождя, государства, церкви, партии, класса и т.д.).

Таким образом, алогичность естественна, органична для нормативной этики в той мере, в какой она ориентирована на убеждение, на внедрение и закрепление нравственных принципов в психике людей. Но вместе с тем алогичность обычных этических аргументов несёт в себе серьёзную

опасность для морали. Это заключается в том, что неморальные основания могут подчинить себе доказываемый тезис так, что он перестаёт быть действительно моральным. Например, обоснование нравственности как содействия общественному прогрессу санкционирует и морально одобряет любые поступки, лишь бы они работали на прогресс. Но «прогресс» – понятие не моральное, поэтому «прогрессивные» поступки могут оказаться морально нейтральными или даже аморальными. Следовательно, если в качестве основания морали берётся что-то иное, внешнее по отношению к ней, то мораль может разрушиться.

Если отвлечься от контекста, в котором обычно встречается указанное построение, и спроецировать эту логическую схему на несколько иную ситуацию, то сразу проявляется нелепость и алогичность данного построения. Так, каждый здравомыслящий человек твёрдо знает о неизбежном конце своего земного существования, но разве отсюда следует, что его моральным долгом является всемерное сознательное пособничество приближающейся своей кончине, даже если она будет способствовать прогрессу? Принять подобный аргумент и сделать его общезначимым невозможно, поскольку он отвергает и отрицает не зависящие от индивидуальных или групповых особенностей психики правила логического вывода.

Лукавая логическая формула «должно, ибо необходимо» использовалась в прошлом и эксплуатируется ныне в силу нескольких причин. Во-первых, обнаружить её алогичность непросто ввиду её законспирированности и размытости во множестве фраз и слов. Во-вторых, ссылка на закономерность (очень часто фиктивная) придаёт убедительность, наукообразие и теоретическую солидность соответствующим рассуждениям. Таким образом, довод, маскируемый под незаконным силлогизмом «должно, поскольку необходимо», следует интерпретировать как незаконный и аморальный, поскольку нацелен он на манипулирование человеком, личностью.

Нравственность не выводима из посторонних оснований, и не стоит пытаться насильственно преодолеть этот запрет. Попытки вывести моральный императив из фактологических оснований не могут быть успешными ввиду того, что *должное* не содержится имплицитно в *сущем*. Правильное логическое обоснование осуществимо лишь для частных и единичных моральных высказываний, но не для первых принципов.

Но если моральные принципы нельзя получить аналитическим путём, т.е. путём логического вывода *должного из существующего* (а в этом убеждено большинство метаэтиков), то остается только одна возможность, один путь рационального обоснования этих принципов – прямое усмотрение разума, умозрение, самоочевидность. Такой способ усмотрения первых принципов традиционен, у его истоков стояли ещё Сократ и Платон. И многие позднейшие философы, вплоть до нашего времени, связывали начала морали с деятельностью разума. В современной специальной литературе появляются всё новые и новые варианты интеллектуалистского обоснования морали.

Но способен ли спекулятивный разум отыскать или предложить основания морали? Главный методологический дефект всех концепций, допускающих возможность рационального обоснования морали, заключается в пренебрежении реалиями психики. Скорее всего, правы эмотивисты, предполагающие и утверждающие, что моральные императивы и оценки не существуют без психического, эмотивного компонента: чувства долга, одобрения и т.д. Категоричность, безусловность морального принципа – это не абстрактно-метафизическое, а эмоционально-психологическое свойство. Именно поэтому спекулятивный разум не способен выдвигать никаких моральных суждений.

Разумное обоснование моральных принципов невозможно. Но, принимая этот тезис, мы встаём перед несколькими сложными вопросами: 1) Если невозможно рациональное обоснование морали, то, значит, моральный выбор иррационален? 2) Если разные, даже противоположные моральные принципы равным образом и логически безупречно детерминированы, причём нет разумного основания для предпочтения одного из них, то все они

равнозначны и равноправны. Но эта ситуация как раз и является моральным релятивизмом.

Скорее всего, единственной возможностью преодоления морального релятивизма является признание того, что исходные основания морали едины для всех, и единство это как метафизическое, так и фактическое. Имеется лишь одна человеческая мораль в виде различных её пространственно-временных и ментальных вариаций. Альтернативной морали не существует, альтернативой морали является её отсутствие (как «бытие» и «небытие»). Аморализм – это пренебрежение моралью (или отрицание моральности), а не какая-то другая мораль. Поэтому начала морали просто не нуждаются в обосновании. Обоснование необходимо только тогда, когда имеются сомнения в правильности данного принципа и когда реально возможен альтернативный вариант. Для первых же принципов морали эти условия отсутствуют, поэтому рациональное обоснование морали и невозможно, и не нужно.

Моральность человека как представителя вида просто констатируется и постулируется как условие его уникальности в мире, само по себе безусловное и беспричинное. Нравственность суть бытие человека как такового, отсутствие нравственности – небытие человека, бытие «иного», иное бытие. Нравственность не выводима из стадного инстинкта самосохранения, как на том настаивают сторонники Спенсера, дедуцируя из стадности нравственное чувство патриотизма. Несомненен нравственный прогресс, но это прогресс определённого, совершенно специфического качества, не возникающего в результате эволюции, в то время как процесс разрушения, деградации, постепенной утраты нравственности и фиксируется, и может быть логически описан. Поэтому концепция, в которой гоминиды объявляются деградировавшим человеком, вполне имеет право на существование.

Примечания

¹ Юм Д. Соч.: в 2 т. – М., 1965. – Т. 1. – С. 618.

² Формальная логика. – Л., 1997. – С. 87.

NA NEKRASOV, FA TRIGUBENKO ON THE PROBLEM OF JUSTIFYING MORAL PRINCIPLES

This article analyzes the concept anthropogenesis, according to which the swarm is not a man descended from apes, but exactly the opposite: that all hominids, ie, anthropoid, the essence of the result and product of the moral degradation of human and moral degradation is a process of increasing entropy, disorganization.

Key words: anthropogenesis, moral degradation, entropy, granted, things.

Ю.И. ШИШИМОРОВА, соискатель кафедры истории и культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (МГГУ им. М.А. Шолохова)

Тел. 8 903 882 12 96; shy-07@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (гуманистический аспект)

В данной статье рассматриваются подходы к пониманию человека/личности в современной русской философской мысли. Особое внимание уделено духовной составляющей в рамках анализируемых антропологических исследований.

Ключевые слова: человек, личность, духовность.

На рубеже XX–XXI веков в области социально-антропологического знания происходит расширение диапазона исследований человека. На сегодняшний день в отечественной мысли происходит процесс освоения новых методологических установок в анализе человека/личности. Это обусловлено достижениями в области естествознания, технических наук, позволившими, с одной стороны, исследовать сложнейшие феномены человеческой жизни, с другой – социально-экономические, политические, информационно-технологические изменения в мире явились причинами особо пристального внимания к проблемам личности. На процесс изучения человека в современных условиях оказывают влияние мировоззренческие и ценностные установки исследователя. Наряду с традиционными подходами (религиозный, этический, научный и т.д.) формируются познавательные стратегии, основанные на герменевтическом, синергетическом, психоаналитическом, экзистенциальном антропологическом анализе.

Рассматривая человека в условиях современного динамичного развития общества, отечественные исследователи подчеркивают их противоречивую взаимосвязь. С одной стороны, он испытывает на себе активное воздействие социальных институтов, массовой культуры, СМИ, разного рода технологий. С другой стороны, индивид в определенном смысле внутренне перерабатывает и трансформирует социальное влияние. В условиях многогранности общественного бытия основным качеством, синтезирующим всеобщие родовые и индивидуальные черты, является духовность человека, которую следует рассматривать как субъективно-индивидуальный и неповторимый мир личности. К анализу данного аспекта в жизнедеятельности человека/личности обращаются ряд отечественных мыслителей.

Так, В.С. Барулин анализирует категорию «субъективность человека», которую он представляет как сочетание всех объективных и субъективных качеств индивида, его способностей, задатков, внутреннего духовного мира с системой ценностных ориентаций, мотивационных механизмов, эмоционально-психологической сферой. В процессе развития социальной системы происходит ее усложнение. В этих условиях проявляется «диалектика расщепленности и тотальности человека» [4, с. 59]. С одной стороны, множатся различные виды человеческой деятельности и ее структуры, более разнообразными становятся человеческие отношения. Происходит раздробление индивидуальности, так как она все более становится привязана к отдельным про-

фессиям, сферам, функциям, культурам. Как отмечает автор, «...расщепленность человека означает усиление односторонности его развития в противовес его многосторонности и универсальности, ...нарастающая функциональность ... оттесняет его чисто человеческие самоустремления» [4, с. 60].

С другой стороны, человек всегда нечто большее, чем его профессия, деятельность. Его сущность заключает в себе целостный внутренний мир, который характеризует его как личность. Именно это необходимо рассматривать как основу человеческой тотальности. Он является противоречивым, разнонаправленным существом. «Человек – и источник разума, и носитель нравственных ценностей, и эмоциональное, переживающее существо, и носитель чисто природных потребностей, и т.д.» [4, с. 62].

Одним из основополагающих качеств человека, которое носит интегрирующий характер, является духовность. Она во всем богатстве и взаимосвязи своего проявления выступает как внутреннего субъективно-индивидуальная реальность человека. Духовность человека наиболее полно характеризует и выражает его сущность и является приоритетной в жизнедеятельности. Она проявляется во взаимосвязи и взаимозависимости интеллектуальной и эмоциональной сфер человека, его ценностей, мотивов, установок. Это выражение субъективного мира человека, его внутреннего Я. Духовность выступает как мера развития человека, показатель усвоения им достижений мировой культуры.

Современный человек находится в условиях возрастания плотности событий, их хаотичности, в потоке увеличения количества и интенсивности информации. В этой связи индивид вырабатывает определенный механизм, который позволяет ему видеть и особым образом интерпретировать явления общественной жизни. Этот процесс фильтрации помогает человеку индивидуально воспринимать социальные явления и на этой основе формировать глубоко личностную позицию. Общественное влияние осмысливается человеком и приобретает характер индивидуальной оценки и тем самым «...вмонтируется в личные грани отношения к миру...» [4, с. 70].

Вслед за представителями европейского экзистенциализма П.С. Гуревич развивает представление о человеке в аспекте его индивидуального бытия и бытия в мире. Автор обращается к ана-

лизу природы и сущности человека, характеризует экзистенциальные аспекты его существования (страх, страдание, смерть и др.). Человек как микроскоп является природным существом, как макроскоп он часть мира, тесно с ним связанная. Это дает основания автору говорить об уникальности человека. Однако попытки выявить определяющее качество данной уникальности приводят его к выводу о том, что она не связана с самой природой человека. Проблема целостности человека, по мнению П.С. Гуревича, заключается в «...рассогласованности ума и чувств, психики и сознания, телесного и интеллектуального, биологического и социального, т.е. во внутренней противоречивости человека как объекта познания» [8, с. 31–32]. Сущность человека проявляется в том, что он представляет собой объект незавершенный, открытый. Он способен преодолеть свою видовую ограниченность и возвыситься над миром.

В.Ф. Сержантов раскрывает аксиологический подход, согласно которому множество признаков, характеризующих человеческое Я, группируется в триаду: Я – витальное, Я – рефлексивное, Я – аксиологическое. Автор указывает, что в процессе воспитания конкретный человек может стать свободной, гармонично развитой индивидуальностью. Данный процесс предполагает формирование у него системы ценностей, которая дает возможность сопереживать и осознавать самооценку каждого отдельного человека.

Отечественный исследователь В.А. Кувакин предлагает гуманистический подход к измерению человека. Под гуманизмом в широком смысле он понимает «...ясное осознание естественной человечности человека, культивирование этой человечности в конкретных формах помощи, уважения, любви к человеку» [9, с. 8]. Автор считает, что современный гуманизм – явление неоднозначное. С одной стороны, это признание положительных и отрицательных основ человека, с другой – рассмотрение его как существа свободного, творческого и в связи с этим противоречивого. Мыслитель рассматривает личность через проявления жизни и смерти, любви, свободы, творчества, уединения.

По его мнению, внутренний мир личности многогранен, уникален. Он сложнее, чем мир культуры человечества, и в то же время безграничен, неуловим, зыбок. Во внутреннем мире, как в реальности человека, автор выделяет сознание, самосознание и Я. Именно Я является синонимом

понятия «личность», «индивидуальность». Это основа человека, на которую «нанизываются», как «одежки», мысли, ощущения, мечты человека. Именно собственное, конкретное Я является для человека высшей ценностью.

По мнению ряда отечественных исследователей, человека можно определить только отрицательно, через категории «несводимости», «непредопределенности», «незаменимости», «неповторимости», «невыразимости». Эти понятия позволяют отметить особую исключительность человека. Исследователи отмечают, что «...человека окончательно и однозначно определить нельзя, слишком он многогранен, разносторонен в своих мыслях, делах и свершениях и ни под одно определение не подходит, ни одним определением не охватывается» [7, с. 159]. Каждый индивид стремится реализоваться в жизни, в том числе в профессии. Однако, достигнув определенного результата, важно сохранять свою индивидуальность, оставаться самим собой. При достижении определенного социально значимого результата человек может столкнуться с проблемой нивелировки его индивидуальных черт и характеристик, так как он стандартизируется в угоду социальной среде.

Ж.Т. Тощенко рассматривает человека как явление, совмещающее взаимоисключающие взгляды, установки, убеждения, намерения (образ кентавра как сочетание несовместимого). Эта многоаспектность человеческого сознания определяется им как парадоксальность. Парадокс – это «странное, расходящееся с общепринятым мнение или высказывание, противоречащее здравому смыслу, явление, кажущееся невероятным; процесс, при реализации которого достигается результат, прямо противоположный ранее провозглашенным целям или ...отличающийся от первоначальных замыслов...» [13, с. 54]. Парадоксальность человека проявляется в переходные периоды исторического развития. При сохранении старых условий и традиций складываются новые установки и ориентиры поведения.

Иное понимание своей сущности и существования формируется через открытие в себе метафизического измерения (любовь, совесть, добро). Это «второе рождение», которое человек осуществляет сам и таким образом проявляет себя как личность. Можно говорить о двух сторонах жизнедеятельности человека: повседневной и той, в которой он находится, занимаясь творчеством,

испытывая глубокие чувства к другому человеку. Данные проявления определяют человеческую жизнь. Они полностью не реализуются, не имеют естественных причин, их нельзя вызвать сознательным усилием, «они могут только «осенить» человека, вырвать его из обыденного повседневного существования, заставить задуматься над собственным бытием» [7, с. 46].

Таким образом, отечественные авторы отмечают, что человек – противоречивое, парадоксальное существо, но именно данная характеристика указывает на его исключительность и уникальность. Личностное проявление основано, с одной стороны, на культурных особенностях, традициях и обычаях определенного народа, с другой стороны, это основание самого человека, результат самостоятельного, индивидуального творческого самосозидания. Гуманистические аспекты антропологического анализа позволяют раскрыть особое измерение человека, которое является более глубоким в понимании его сущности. Они позволяют раскрыть внутреннюю уникальность человека, свидетельствуют о его свободе как личности, саморазвитии и самореализации.

Анализ исследований человека/личности современными отечественными мыслителями позволяет отметить определенное единство в типе методологий. Антропологические поиски осуществляются с учетом развития многообразных сфер, форм и видов социальной и духовной деятельности. В качестве контекста данных исследований можно отметить понимание бытия конкретного человека как значимого и определяющего фактора.

В ряде работ отечественных авторов¹ предложен социально-антропологический анализ, основанный на расовой теории. Данный подход опирается на биологическую (дерматоглифический метод расовой диагностики) трактовку природы человека, позволяющую раскрывать ее в качестве абсолютного воплощения расовой и этнической сущности индивида. Исследования аналогичного характера содержались в работах европейских (Э.Р. Енш, Э. Крик, Л. Вольтман и др.) и отечественных (А.И. Яхно, В.П. Алексеев, Г.Л. Хить, Н.А. Долинов) ученых в начале и середине XX века.

По мнению исследователей, понятие «раса» имеет архетипическое происхождение, относящееся к досоциальной, биологической общности человечества. Раса является величиной неизменной и генетически обусловленной. Социальное, поли-

тическое, культурное наполнение данной категории сформировалось в более позднее время. Раса, обладая психической силой (зов предков), пронизывая вековую историю организованной социально-политической жизни, активизирует архетип человека. Наследованные духовные наклонности являются причиной того, что у народов в разные исторические периоды вырабатывается одно и то же мировоззрение. Тем самым голос крови и расы продолжает действовать во времени и оказывает решающее влияние на формирование человека.

В последние годы в работах отечественных исследователей, посвященных антропологической проблеме, происходит поворот от философско-теоретических аспектов рассмотрения к экзистенциальным проблемам жизненного мира человека. Во многом данный вектор развития идет в русле традиционных философско-антропологических исканий в России XIX – начала XX века. Понимание человека связывается с особенностями исторического развития русского народа, православно-религиозной традицией. В характеристике личности используются категории соборности, духовности. Культурологические, философско-исторические, религиозно-философские исследования образуются на стыке истории, философии и богословия. Рассматривая исторический и современный аспекты развития православия в культуре России, авторы² обращаются к вопросам значения христианско-православного миропонимания и мировоззрения в жизнедеятельности человека, к многообразным формам культурной традиции в духовном и морально-нравственном формировании личности.

Представители данного направления анализируют происходящие социокультурные изменения в современном российском обществе с учетом основополагающих положений православного вероучения. Религиозная вера в жизнедеятельности человека рассматривается как специфический тип познания, духовного опыта и практики. Принципы религиозных чувств, ценностей, воздействуя на поведение человека, влияют на эмоциональное восприятие им мира, на его поведение, творчество и др. Также подчеркивается особая роль Священной Традиции, заключающей в себе духовные константы культуры, регулирующие жизнь человека на протяжении длительной истории.

Как отмечает С.В. Переверзенцев³, в истории русской мысли формировалось разное по характеру понимание человеческой личности. Однако оп-

ределяющее влияние имело его религиозно-философское осмысление. Нравственные императивы, сформировавшиеся в условиях православной культуры, являлись источником цельности человека. Образ человека, созданный православной антропологией, является глубоким и многомерным. Этот идеал, «...сформированный в основных чертах полтора тысячелетия тому назад, по сей день остается скорее уж впереди нас, нежели позади. Он остается, таким образом, не только не раскрытым, но также еще и не устаревшим, непревзойденным – и потому не утрачивает способности оказаться нужным и ценным для современной мысли, современных духовных поисков...» [15, с. 278].

На наш взгляд, актуальность данных аналитических поисков проявляется в стремлении выработать особое видение православной традиции и ее соответствие вызовам современности. Воспитание и духовное развитие человека, основанное на традиционных ценностях, свойственных отечественной культуре, ориентированное на нравственное самосовершенствование, позволяет противостоять искажению личности в условиях современных социокультурных изменений.

В настоящее время широкое распространение получают целостные концепции социально-антропологического анализа. Так, В.В. Шаронов, рассматривая человека как целостность, обращает внимание на его внутренний духовный мир. Индивид представляет собой сочетание свойств системной открытости и закрытости. Его самосознание выступает ядром его внутреннего духовного мира. Человек представляет собой совокупность ценностей, жизненных планов и переживаний, самооценок. Его внутренний мир находится в постоянной активной работе, и степень ее напряженности является показателем духовного развития личности и ее индивидуальности.

Каждый человек вносит в определенной степени свой индивидуальный вклад в общечеловеческую культуру. Тем самым происходит «личностное творение» окружающего мира. Как отмечает В.В. Шаронов, «...выработка самого понятия «личность» – в отличие от понятий человека и индивида – оправдана именно тем, что в этом понятии закреплено единство индивидуального и социального, внешнего и внутреннего, единичного и общего» [16, с. 79]. Личность, таким образом, можно охарактеризовать как индивидуальный уровень выражения родовой природы человека.

Ю.Г. Волков и В.С. Поликарпов⁴ рассматривают человека как интегральное существо. На основании исследований в области естествознания, гуманитарных наук и истории мировой культуры авторы представляют человека как социоприродное, космопланетарное существо. В нем соединены в целое космическое, биологическое, психическое, социальное и культурное начала. Природа человека уходит своими корнями в глубины космоса. Он представляет собой единство хаоса и порядка, где личность является интегральной основой. Социальный механизм формирования интегрального человека с необходимым условием должен содержать три элемента, которые образуют целостную систему человека: Я, тело, мир человека.

Концепции целостного рассмотрения человека также нашли отражение в творчестве В.И. Филатова, который определяет человека не как систему, а как целостность, которая содержит элементы, свойством которых является бесконечность. «Человек – это Универсум, который является равномогущим природному Универсуму» [14, с. 285]. Основанием становления и развития индивида является общество, которое задает минимальные и максимальные параметры развития личности. Оно определяет включенность человека в социальную жизнь через менталитет и общечеловеческую культуру.

Н.А. Тельновой⁵ предложен онтолого-антропологический подход к человеку, в рамках которого бытие личности осмысливается как целостность, раскрывается его универсальный смысл. Понятие целостности связано с понятием системы и выступает композиционным принципом и выражением тематического единства содержания разнообраз-

ных проблем и компонентов в исследовании человека. Автор обращает особое внимание в целостном осмыслении человека на религиозные, эстетические, духовно-нравственные виды опыта, являющиеся более значимыми в понимании сущностного статуса личности. Онтолого-антропологический подход включает описание структуры бытия как целостной самоорганизующейся системы и соответствующих данной структуре трех образов человека: природного, социального, индивидуального. Таким образом, по мнению автора, синергетический подход к бытию личности предполагает определенную структуризацию его уровней, когда их функционирование осуществляется на основе способности бытия к самоорганизации и саморазвитию.

Пристальное внимание к проблеме человека/личности в современных условиях вызвано необходимостью решения имеющихся и возникающих новых социокультурных проблем. Его существование характеризуется как парадоксальное, неукорененное, непредопределенное. Человек рождается существом пластичным. В процессе социализации он приобретает не только социальную сущность, но и личную индивидуальность. В отечественной социально-антропологической мысли на сегодняшний день наблюдается многовекторный характер анализа личности, которая является центром человеческой сущности, индивидуальности и активности. Идет поиск органических антропологических представлений. На наш взгляд, он должен не только соответствовать современным вызовам и тенденциям социального развития, но и учитывать особенности отечественной истории, культуры, традиционные ценности русского самосознания (духовность, вера, нравственность и др.).

Примечания

¹ Авдеев В., Савельев А. Раса и русская идея. – М., 2002; Авдеев В. Новая парадигма в расологии // Наследие предков. – 1999. – № 7.

² Аванесова Г.А. Роль православия в развитии отечественной культуры // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 2; Бойко В.В. Духовная культура и национальное самосознание // Православие в культуре России / Сост. В.В. Бойко. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2004; Переверзенцев С.В. Смысл русской истории. – М.: Вече, 2004.

³ Переверзенцев С.В. Смысл русской истории. – М.: Вече, 2004.

⁴ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Интегральная природа человека: естественно-научный и гуманитарный аспекты. – Ростов н/Д, 1994.

⁵ Тельнова Н.А. Целостность человека в онтолого-антропологическом измерении. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002.

Библиографический список

1. Аванесова Г.А. Роль православия в развитии отечественной культуры // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 2.
2. Авдеев В. Новая парадигма в расологии // Наследие предков. – 1999. – № 7.
3. Авдеев В., Савельев А. Раса и русская идея. – М., 2002.
4. Барулин В.С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. – М.: Онега, 1994.
5. Бойко В.В. Духовная культура и национальное самосознание // Православие в культуре России / Сост. В.В. Бойко. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2004.
6. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Интегральная природа человека: естественно-научный и гуманитарный аспекты. – Ростов н/Д, 1994.
7. Губин В., Некрасова Е. Человек в философском измерении (из истории проблем). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
8. Гуревич П.С. Философская антропология. – М.: Вестник, 1997.
9. Кувакин В.А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). – СПб.: Алетейя; М.: Логос, 1998.
10. Переверзенцев С.В. Смысл русской истории. – М.: Вече, 2004.
11. Сержантов В.Ф. Человек, его природа и смысл бытия. – Л., 1990.
12. Тельнова Н.А. Целостность человека в онтолого-антропологическом измерении. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002.
13. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: Гардарики, 2001.
14. Филатов В.И. Социально-онтологические основания целостности человека: Монография. – М.: Изд-во МГУК; Омск: Омск. гос. ун-т, 2001.
15. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб., 1994.
16. Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997.

SHISHIMOROVA Y.I.

MODERN TENDENCIES OF PERSONALITY ANALYSIS IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL CONCEPTION

A number of approaches to the understanding of a person-personality in the modern Russian philosophical conception are examined in the following article. Special attention is paid to the analyses of the spiritual constituent in the frames of nonsocial anthropological research.

Key words: *person, personality, spirituality.*

ФИЛОЛОГИЯ

*А.М. БОЦ, соискатель, старший преподаватель кафедры
испанской филологии Орловского государственного университета
Тел.: (4862) 76-25-63; lamismaluna77@yahoo.es*

ТЕХНОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

(на примере современных грамматических
пособий и учебно-методических комплектов
испанских методистов:

I. Molina, M. Alvarez, F. Castro, O. Cerrolaza и др.)

Данная статья предназначена преподавателям испанского языка с целью оптимизировать процесс обучения грамматической стороне речи. Систематизированы основные положения коммуникативно ориентированного подхода в обучении грамматике, проанализированы приемы и методы, применяемые испанскими методистами в рамках коммуникативной методики.

Ключевые слова: технология обучения, процесс обучения грамматике испанского языка, языковая компетенция, коммуникативная компетенция, формирование грамматического навыка.

Обучение грамматике – один из важнейших аспектов обучения испанскому языку. Без хорошей грамматической основы невозможно представить полноценную коммуникацию, так как формирование грамматической компетенции является неотъемлемой частью формирования коммуникативной компетенции. В процессе становления методики обучения иностранным языкам как науки роль грамматического навыка в формировании, совершенствовании и развитии всех видов речевой деятельности была неоднозначной. Это происходило под воздействием ряда причин: влияния эволюции теории лингвистики, учета практических результатов обучения иностранному языку, а также реформ в области образования. Если в средние века грамматика изучалась как особый предмет и как самоцель, то по мере того, как обучение становилось более функциональным, на первое место вышла коммуникативная функция языка, что способствовало постепенному вытеснению грамматики на второй план. Однако, как показывает опыт, преувеличение роли грамматики, с одной стороны, и ее недооценка, с другой стороны, отрицательно сказываются на результатах практического овладения иностранным языком. Грамматические навыки и умения составляют основу языковой компетенции, которая, в свою очередь, играет ведущую роль в достижении основной цели обучения языку – способности к коммуникации на иностранном языке.

Коммуникативно ориентированный подход в обучении грамматике рассматривает в первую очередь коммуникативные возможности грамматических явлений, тем самым демонстрирует единство подхода к языку. Известно, что каждая грамматиче-

ская структура обладает формальной и функциональной сторонами, и именно функциональная сторона является ведущей в речи. Традиционное обучение грамматике выносит на первый план усвоение формы, тогда как коммуникативно ориентированный подход связан с направлением изучения языка от значения к форме.

Формирование и развитие грамматических навыков и умений – основная цель обучения грамматике. Сформированный грамматический навык позволяет учащемуся автоматизированно вызывать из долговременной памяти грамматические средства, необходимые для коммуникации. Е.И. Пасов характеризует грамматический навык как “способность говорящего выбрать модель, адекватную речевой задаче, и оформить ее соответственно нормам данного языка, причем все это – мгновенно”. Существуют языковой и речевой грамматический навык. Языковой грамматический навык – это образование отдельных грамматических форм и структур, причем по правилам и вне условий речевой коммуникации, для него характерны некоммуникативность и неситуативность. Речевой грамматический навык – это автоматизированное употребление грамматических (морфологических и синтаксических) явлений в речи, этот навык формируется только в процессе приобретения учащимся индивидуально-речевого опыта, т.е. непосредственно в речи. Успешного формирования речевого грамматического навыка можно достичь только посредством ситуативных речевых упражнений, которым, к сожалению, традиционная учебная грамматика уделяет недостаточно внимания.

В последние десятилетия в Испании, как и в других европейских странах, наблюдается тенденция к сокращению роли грамматики в «чистом виде», каждое грамматическое явление рассматривается испанскими методистами прежде всего как неотъемлемая часть устной речи, и акцент делается на смысле высказывания, а не его форме. В российской практике преподавания тоже наметились тенденции к отступлению от традиционной учебной грамматики, особенно на языковых курсах, но в рамках государственного школьного и вузовского образования можно привести много примеров доминирования роли традиционной грамматики в обучении испанскому языку. Отечественная методика применяет коммуникативный подход преимущественно для развития навыков устной речи, поэтому теоретические вопросы, связан-

ные с обучением коммуникативной грамматике испанского языка, недостаточно исследованы на сегодняшний день. Такая ситуация привела к тому, что студенты, с легкостью справляющиеся с письменными грамматическими упражнениями, испытывают затруднения при ситуативном использовании изучаемых грамматических явлений, многие из них в реальном общении избегают использования сложных грамматических структур, которые как раз и приносят в иноязычное высказывание естественность. Поэтому перед отечественными методистами стоит проблема создания модели обучения коммуникативной грамматике с учетом систематизации как зарубежных, так и отечественных приемов и методов.

Проведенный анализ современных испанских учебно-методических комплектов Sueca (M. Alvarez), Pasaporte (O. Cerrolaza), Ven Nuevo (F. Castro) и грамматических пособий авторов I. Molina, L. Aragonís, R. Palencia позволяет сделать вывод, что процесс овладения грамматической компетенцией протекает в тесной взаимосвязи с обучением чтению, лексической стороне речи и на основе коммуникативно ценных речевых образцов. При этом процесс обучения центрирован на студенте, а преподавателю отводится роль организатора учебного процесса. Обучение грамматике происходит на ситуативной и функциональной основе, грамматические явления рассматриваются как средства выражения коммуникативных намерений, а не как чистые «формы» и «структуры».

Можно выделить три основных вида учебных материалов, используемых испанскими методистами: упражнения, в основе которых лежит текст, упражнения, основанные на языковых реалиях и на определенной коммуникативной задаче. В качестве аутентичных материалов используются различные языковые реалии, такие как журналы, газеты, рекламные объявления, а также визуальные источники (схемы, карты, знаки). Среди заданий, основанных на коммуникативной задаче, наиболее часто встречаются ролевые игры и задания на моделирование коммуникации. Предлагаемые упражнения обеспечивают мотивационно-побудительный уровень общения, помогают создать особую атмосферу на занятии, максимально приближенную к реальным условиям общения.

Усвоение грамматического материала проходит в три этапа: предъявление речевого образца, тренировка и применение его в речи. На первом эта-

пе изучаемое грамматическое явление предъясняется как динамическая единица, выполняющая определенную функционально-коммуникативную роль в общении. При введении нового грамматического материала в основном используются следующие средства: наглядность, схемы, рисунки, таблицы, языковые образцы, гораздо реже новый грамматический материал вводится путем аудитивного предъяснения в различных речевых ситуациях (как правило, на основе диалогов) и путем аудиовизуального предъяснения, где зрительный образ дополняется слуховым. Можно сделать вывод, что процесс предъяснения нового грамматического материала осуществляется практическим путем, а значит, опирается на деятельностный характер овладения грамматической стороной, придавая учебному процессу коммуникативную направленность.

На втором этапе изучаемое грамматическое явление многократно воспроизводится в типичных для его функционирования речевых ситуациях. Среди наиболее часто используемых тренировочных упражнений можно выделить:

- подстановочные;
- построение предложений путем сочетания слов из колонок;
- трансформационные;
- повторительные;
- имитационные;
- упражнения игрового характера.

Однако тренировочные упражнения не развивают навыки спонтанной коммуникации, именно для этой цели служат коммуникативно ориентированные упражнения. На третьем этапе происходит применение грамматических навыков в речи, это обеспечивается следующими видами заданий:

- учебные речевые ситуации;
- естественные речевые ситуации;
- коммуникативные задания;
- задания с информационными пробелами;
- задания на беседу по содержанию графиков, схем, иллюстраций;
- создание оригинальных историй на базе текста;
- задания с «открытым финалом»;
- завершение предложений, текстов;
- задания, предоставляющие выбор решения вопроса;
- различные варианты пересказа содержания текста;
- игры с проблемно ориентированными заданиями;
- коммуникативные игры.

Коммуникативные задания носят деятельностный характер, их можно разделить на две большие группы: функционально-коммуникативные задания и групповые задания, требующие взаимодействия с другими участниками. Первая группа заданий включает в себя следующие задания:

- поиск ответа на вопрос путем сбора информации, которой владеет собеседник;
- соединение фраз с картинками;
- нахождение отсутствующих элементов в тексте;
- восстановление логической последовательности текста и др.

Взаимодействие в группе организуется в форме свободного общения участников, обмена мнениями, дискуссий, импровизаций, ролевых игр и др. Предлагаемые учебные речевые ситуации обладают основными чертами, характерными для реального общения. Они приближены к реальным жизненным ситуациям, поэтому обеспечивают заинтересованность учащихся в получении информации и обуславливают необходимость вести беседу на испанском языке. Во многих условных речевых ситуациях реальность обеспечивается следующими формулировками к заданиям: «Расскажите о планах на выходные» (отработка грамматической конструкции *ir + a + infinitivo*), «Расскажите об отпуске» (*El Pretérito Infinitivo*), «Как вы видите свое будущее через 5–10 лет?» (*El Futuro*) и др. Такие ситуации наиболее близки к реальному общению, так как не требуют от студента умения вообразить себя в определенной роли, они обращены непосредственно к самому обучающемуся, предполагают использование его жизненного опыта, обеспечивая функциональность речи и повышая речемыслительную активность. Применение вышеописанных ситуаций недостаточно для автоматизации грамматического навыка, для этой цели испанские методисты широко используют коммуникативные игры, которые обеспечивают частую повторяемость языковой формы, но при этом концентрируют внимание учащихся не на форме, как в тренировочных упражнениях, а на содержании. Благодаря коммуникативным играм повышается качество языковой практики, студенты воспроизводят языковую форму не механически, а осознанно, ориентируясь на реакцию собеседника, вступая с ним во взаимодействие. Можно сделать вывод, что методы и приемы обучения грамматической стороне языка базируются на следующих принципах:

- ситуативности;
- функциональности в отборе и организации материала;
- речемыслительной активности;
- новизны;
- индивидуальности.

Коммуникативно ориентированные задания дают возможность эффективно интегрировать грамматический материал в речь, расширяют экспрессивные возможности, придают наибольшую естественность высказываниям учащихся. Таким образом, студенты овладевают грамматикой как средством для построения высказываний в конкретной речевой ситуации и видят в ней прежде всего инструмент для выражения определенной мысли, идеи, а не воспринимают ее как отдельно существующую часть языка, не выходящую за рамки учебного процесса. Такой подход обеспечивает формирование всех трех видов языковой компетенции, а именно лингвистической (знание синтаксиса, морфологии, словообразования), речевой (умение правильно строить высказывание по грамматическим моделям) и коммуникативной (умение общаться в различных жизненных ситуациях). При таком обучении грамматике развиваются все виды речевой деятельности: говорение, аудирование, чтение и письмо. Большинство русских грамматических пособий испанского языка недооценивают значение третьего этапа – этапа выхода грамматического явления в речь, что не позволяет сформировать подлинно коммуникативную грамматическую компетенцию. В рамках коммуникативного подхода в обучении грамматике грамматические явления служат средством вы-

ражения коммуникативных намерений, так как языковая и коммуникативная компетенции взаимосвязаны в речевом акте. Коммуникативная компетенция состоит из нескольких компонентов, между которыми существуют определенные иерархические отношения, поэтому формирование коммуникативной компетенции включает формирование лингвистической компетенции, которая содержит различные аспекты лингвистических знаний, в том числе и грамматическую компетенцию.

В условиях перехода российских вузов на двухуровневую систему высшего образования – бакалавриат и магистратуру – коммуникативно ориентированный подход в обучении грамматике является особенно востребованным, количество часов, выделяемых программой на изучение грамматики, сократилось, что требует от нас поиска более эффективных методов и приемов, позволяющих сформировать грамматическую коммуникативную компетенцию за более короткий срок. Интеграция в процесс обучения испанских учебно-методических комплектов и грамматических пособий, в основе которых лежит коммуникативно ориентированный подход в обучении грамматике, способствует оптимизации процесса обучения и созданию единого образовательного пространства. Однако зарубежные издания не учитывают особенности русского грамматического строя, а значит, не могут полностью удовлетворить потребности российского студента, поэтому в настоящее время проблема разработки комплекса эффективных дидактических приемов обучения коммуникативной грамматике испанского языка стоит особенно остро.

Библиографический список

1. Matilde Cerrolaza Aragyn. Oscar Cerrolaza Gili. Pasaporte. Libro del profesor Edelsa Grupo Didascalía. Madrid. (2007)
2. Castro F. Marín F. Morales R. Nuevo Ven. Libro del profesor. Edelsa Grupo Didascalía. Madrid. (2006)
3. Luns Aragonés, Ramon Palencia. Gramática de uso del español. Ediciones SM, Madrid. (2009)
4. María Angeles Alvarez Martínez, Ana Blanco Canales. Sueca. Grupo Anaya. Madrid (2010)
5. Inmaculada Molina. Practica tu español. El subjuntivo. Edigrafos. Madrid (2008)

A.M. BOTS

A COMMUNICATION-ORIENTED APPROACH TO TEACHING SPANISH GRAMMAR
(based on the contemporary grammar materials and teaching and methodological kits developed by Spanish educators: I. Molina, M. Alvarez, F. Castro, O. Cerrolaza and others.)

This article is intended to help Spanish teachers to optimize the grammar aspect of language learning process. The main provisions of the communication-oriented approach to teaching grammar have been systematized; teaching methods and techniques applied within the scope of communication methods by Spanish educators have been analyzed.

Key words: teaching techniques, teaching process of Spanish grammar, language competency, communication competency, grammar skill development.

С.М. ВАСИЛЬЧЕНКО, кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка Орловского государственного университета
Тел.: (4862) 74-45-84 (раб.), (4862) 55-54-52 (дом.)

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛОКАТИВОВ С ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМ ГИПЕРОНИМОМ ЯЩИК В СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются связи русских слов, входящих в функционально-тематическую группу локативов с лексикографическим гиперонимом ящик, на уровне формы и содержания, в семасиологическом аспекте. Описывается семная и семантическая структура локативов, определяется тип связи словозначений в полисемантах. Локативное семантическое пространство организовано иерархически.

Ключевые слова: имя существительное, вместилище, локатив, лексикографический гипероним ящик, значение слова, семема, сема, функционально-тематическая группа.

Лексическая семантика по современным представлениям состоит из двух разделов – семасиологии и ономасиологии [2, с. 26; 11, с. 33]. Статья посвящена описанию формально-семантических связей группы локативов с лексикографическим гиперонимом *ящик* в семасиологическом аспекте. Семасиология исследует слово в направлении от значения к обозначаемому предмету. Исследователь выясняет, каков смысл данного языкового знака, что обозначает слово, из каких сем состоит его значение, как соотносится это слово с другими по «трём осям структурной организации» (в парадигматике, эпидигматике, синтагматике) [24, с. 23–24; 25, с. 224].

С помощью слова *ящик* в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (в дальнейшем сокращённо – БАС) раскрывается значение существительных: *бункер, витрина, духовка, касса, кипсей, ковчег, ковчежец, ларь, лоток, рассадник, растильня, творилка, творило, урна, цибики, шкатулка, этюдник, ящичек* [16]. В дефиниции существительного *картотека* содержится слово *ящички*, в дефиниции существительных *досканец, копилка, ларец* – слово *ящичек* – «маленький ящик» [16]. В дефиниции существительных *досканец, ковчег, скрыня* представлено также в качестве ключевого слово *ларец* [16].

Само слово *ящик* в БАС определяется путём отсылки к слову *предмет* [16], в других словарях – путём отсылки к слову *вместилище* (в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (в дальнейшем сокращённо – СУ) [22], в четырёхтомном «Словаре русского языка» (в дальнейшем сокращённо – МАС) [15], в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (в дальнейшем сокращённо – СО) [12], в «Большом толковом словаре русского языка» (в дальнейшем сокращённо – БТСРЯ) [3], в «Русском семантическом словаре» (в дальнейшем сокращённо – РСС) [13]), *коробка* (в «Словаре сочетаемости слов русского языка (в дальнейшем сокращённо – СССРЯ) [17].

В дефиниции ключевого слова *ящик* находят отражение семемы: 1) ‘форма, внешний вид’: ‘чаще четырёхугольной формы’ [22], ‘четырёхугольной формы’ [15], ‘обычно четырёхугольной формы’ [12, 3, 13]; 2) ‘устройство, конструкция’: ‘полый предмет,

состоящий из четырёх стенок и дна (иногда и крышки)» [16]; 'чаще с крышкой' [17], 'с жёсткими стенками' [13]; 3) 'назначение': 'полый предмет, служащий для укладки, хранения и переноски чего-либо' [16], 'вместилище для чего-нибудь' [22, 12], 'вместилище для укладывания, хранения чего-либо' [15], 'вместилище' [13], 'коробка для хранения и переноски чего-либо' [17], 'для укладывания, хранения, транспортировки чего-либо' [3]; 4) 'материал': 'сделанный из досок, фанеры и т.п.' [16], 'обычно из досок' [22, 15].

В современной письменной речи ящик предстаёт как разновидность твёрдой тары в ряду с другими вместилищами: «*Плоды транспортируют в твёрдой таре (деревянные бочки ёмкостью до 150 л., ящики, корзины, вёдра), в замороженном виде можно в мешках весом до 70 кг*» [8, с. 189]; «...садоводы смогут получить от заготовителя стандартную тару (мешки, ящики, бочки и так далее), в которую они и будут собирать свой урожай яблок, например» [Куда сдавать урожай? – Неделя, № 32, 1986, с. 16]; «...надо ещё поднимать и перетаскивать тару – деревянные ящики...» [Где взять миллион. – Работница, № 10, 1985, с. 9]. Ящики располагаются рядом с коробками, баулами, рюкзаками: «...закончилась сутолока погрузки трёх с половиной тонн многочисленных ящиков, коробок, баулов, рюкзаков...» [«Метелица» против метели. – Работница, № 1, 1989, с. 13].

В ящики расставляют бутылки и банки [Актуальное интервью. – Неделя, № 33, 1988, с. 7], кладут мусор, почтовую корреспонденцию, овощи, фрукты и другие предметы: «*Понравился нам и ящик для инструментов, выпускаемый Вильнюсским заводом пластмасс... тут все мелочи – гвоздики, винтики, всевозможные инструменты – на месте, в компактном ящике*» [Работница, № 8, 1985, с. 9]. Содержимое ящиков, как и других вместилищ, в русском языке выражается различными способами. Примером может служить ряд субстантивных словосочетаний, в которых определяемое (ящик) характеризуется как вместилище по его содержимому (снарядам): «*снарядный ящик, ящик снарядов, ящик со снарядами, ящик для снарядов, ящик из-под снарядов*», «*ящик, предназначенный (приготовленный) для снарядов, ящик, освободившийся от снарядов*», «*ящик, в котором лежали (находились) были снаряды*» и под. [27, с. 61].

В БАС у слова *ящик* как смысловой оттенок выделяется значение «такой предмет специального назначения» (*какой-либо ящик, зарядный ящик* – «повозка для перевозки артиллерийских снарядов»; *мусорный ящик; почтовый ящик, ящик для писем, музыкальный ящик*) и просторечное значение «о кузове автомобиля, телеги и т.п.» [16]. Локативное «кузовное» значение «обшитый лубом, дранью кузов» в составном наименовании *ящик тележный* и «транспортное» значение «кузовная телега» в слове *ящик* отмечал В.И. Даль [7, т. 4, с. 683]. Наблюдается перенос названия части – корпуса перевозочного средства, служащего для размещения людей или грузов, – на целое (перевозочное средство), синекдоха. В группу названий транспортных средств входит употребляющееся в речи военных составное наименование *зарядный ящик*.

В составных наименованиях *мусорный ящик, почтовый ящик, музыкальный ящик, гребной ящик* [22], *ящик сопротивления* [22], *ящик для писем* гипероним *ящик* содержит информацию о классе предметов (вместилищ), второй компонент отражает наиболее существенный признак – назначение. Л.Ф. Коваленко относит «составное бытовое название» *почтовый ящик* к именным «ограничивающим» фразеологизмам, так как «определение ограничивает, сужает значение определяемого» [10, с. 26 – 27].

Г.И. Климовская использует для обозначения устойчивых словосочетаний, выполняющих «ничем не осложнённую номинативную функцию», термин синлексы; синлексы типа *головной убор, электрический стул* она называет субстантив-атрибутивами [9, с. 44]. Как справедливо отмечает Т.В. Вяничева, составные (аналитические) номинативные единицы входят вместе с однословными единицами в тематические и лексико-семантические группы; исследование синлексики позволяет выявить новые системные связи и отношения в номинативном поле русского языка [6, с. 214–215].

Происходит расширение значений аналитических номинативных единиц. Так, составное наименование *почтовый ящик* имеет в современном употреблении не только зафиксированное в БАС значение ёмкости, вместилища «для сбора писем, открыток, отправляемых по почте» и «для корреспонденции (писем, газет, журналов и т.п.), получаемой по почте», но и разговорное «учрежденческое» значение «учреждение, предприятие, обозна-

ченное только номером почтового ящика» [3]. Последнее значение отмечено в РСС как разговорное и у гиперонима *ящик*: *Работает в ящике* [13]. Закрытое учреждение получило наименование по номеру почтового ящика. Связь значений метонимическая: название перенесено с числа, которым предмет обозначен, на предмет; ср. при ситуативной номинации объекта: *Подошёл мой номер* (о трамвае, автобусе, троллейбусе). С «учрежденческим» значением гиперонима *ящик* связано зафиксированное в РСС новое «учрежденческое» значение составного наименования *почтовый ящик*: «в некоторых странах: компания, не имеющая собственного названия или скрывающая его» [13].

Развитие информационных технологий, появление сети Интернет привело к возникновению у составного наименования *почтовый ящик* специального локативного значения в информатике: «место на жёстком диске почтового сервера, служащее для хранения сообщений электронной почты до связи с компьютером адресата» (Толковый словарь русского языка конца XX в., в дальнейшем сокращённо – ТСРЯ) [23]. В информатике также функционирует синонимичное трёхкомпонентное наименование *электронный почтовый ящик* [23].

Как фразеологизм в словарной статье к слову *ящик* со значением вместилища («обычно четырёхугольной формы, с жёсткими стенками») представлено в РСС употребляемое в авиации наименование прочно защищённого прибора – бортового самописца, который фиксирует во время полёта его технические параметры, и речевого самописца, фиксирующего переговоры экипажа, – *чёрный ящик* [13]. Актуализируется имеющаяся в прилагательном *чёрный* сема «связанный с трудностями, невзгодами»: *Наступили чёрные дни*. В случае возникновения аварии летательного аппарата производится расшифровка вменяемого – технических данных и данных речевого самописца чёрного ящика, устанавливается причина авиационного происшествия.

Сходство с вместилищем, обозначаемым словом *ящик*, особенности строения технического устройства – наличие корпуса и полого пространства, в котором монтируются детали телевизионного приёмника, – позволили И. Сергееву употребить слово *ящик* в предложении *Учителей засунут «в ящик»* с глаголом *засунут* со значением помещения объекта («учителей») во вместилище

[Московский комсомолец, 07.07.2000, с. 3]. Предложение является заголовком. Подзаголовок – «Министерство образования лезет в космос». Первый заголовок – «Телешкольство».

В тексте И. Сергеев пишет о возрождении традиции учебного телевидения, реализации проекта «Телешкола», об организации вещания на двух новых образовательных каналах, об оснащении всех школ электронной техникой, о разработке учебных телепрограмм, трансляции телеуроков через спутник на территорию всей страны, о специальных учителях-ведущих, о телеучителях и телерепетиторах. Таким образом, слово *ящик* в приведённом предложении употреблено в значении «телевизор». Объект помещения, выраженный словом *учителей*, на экране телевизора предстаёт в виде изображения. Значение «телевизор» в лексеме *ящик* зафиксировано в БТСРЯ, ТСРЯ, РСС как разговорное [3, 23, 13]. В РСС это значение сопровождается также пометой «обычно шутливое» [13].

Название вместилища *ящик* может использоваться для обозначения вменяемого. Такой перенос («содержащее» – «содержимое») в словах *аудитория, завод, зал, класс, горсть, стакан, чайник, ящик* фиксирует Ю.Д. Апресян и относит к непродуктивным типам регулярной многозначности [1, с. 202]. Словари не фиксируют этот тип метонимического переноса. В БАС отмечено как смысловой оттенок количественное значение слова *ящик*: «количество чего-либо, вмещающееся в такой предмет» (*ящик чего-либо*) [16]. Это значение указывается в СССРЯ и БТСРЯ [17, 3].

Количество вменяемого определяет размер вместилища, его ёмкость. От вменяемого зависит устройство вместилища, материал, из которого оно изготавливается. Современные ящики делают из дерева, цинка, картона, полиэтилена: *деревянный ящик* [22, 12]; «Выход мы видим в замене деревянных ящиков на лёгкие картонные» [Где взять миллион? – Работница, №10, 1985, с. 9]; «...в лесу встречались на каждом шагу каски, котелки, солдатские ботинки, цинковые ящики из-под патронов...» [В. Кондратьев. Парадокс фронтовой ностальгии. – Литературная газета, 9.05.90, № 19, с. 9]; «...сегодня самая обыкновенная бутылка тоже попала в разряд дефицитов, равно как и полиэтиленовые ящики» [«Нет тары... сэр». – Аргументы и факты, № 50, 1990, с. 5].

С материалом связан вес вместилища. Вес на-

ходит отражение в параметрических прилагательных *тяжёлый – лёгкий (ящик)*, которые относятся к третьему типу антонимии ('больше' – 'меньше') с бинарными антонимами [1, с. 297]. В эту группу антонимов входят и связанные с устройством ящиков антонимы *верх – низ* со значением пространственной ориентации [1, с. 297]. «Ориентация задаётся положением тела, которое ему придано в момент речи»: *верх <низ> ящика*, при условии, что все его грани одинаковы, – это 'часть ящика, которая при данном положении находится дальше от земли <ближе к земле>, чем все другие его части'» [1, с. 112].

Ю.Д. Апресян указывает на отличительные черты полых предметов с компактной формой, к которым относится ящик: измерение у полого предмета осмысляется как высота, измерение у предмета точно такой же внешней формы, но со сплошной внутренней структурой осмысляется как толщина (ср. книгу, металлическую отливку). Ящикам и другим предметам с компактной формой (рюкзакам, столам) «высота может быть приписана независимо от того, опираются они своим низом на другой предмет или нет, а предметам вытянутой формы (трубам, столбам, переносным лестницам) высота приписывается обычно тогда, когда они имеют снизу точку (линию) крепления или опору», «деревянная лестница может быть высокой, а верёвочная лестница всегда длинная, даже если она касается земли» [1, с. 58].

В число предметов, имеющих внутреннюю полость и внешние поверхности, включают ящик М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский. У наименований таких предметов «значение конкретной сопостранственности реализуется в основной оппозиции: 'местонахождение внутри предмета (I) – местонахождение на несущей поверхности предмета' (II)», которая проявляется у них «наиболее "чисто"» [5, с. 48]. Значение 'местонахождение внутри предмета' реализуется в словосочетаниях с предлогом *в*: *в ящике (хранить что-л., что-л. лежит, что-л. находится)* [17]. Значение 'местонахождение на несущей поверхности предмета' реализуется в словосочетаниях с предлогом *на*: *на ящике (написать что-л., сидеть, лежать)* [17]: «Они сидели на перевёрнутых ящиках...» [Л. Треер, Хотелось много и сразу. – Литературная газета, 25.01.89, № 4, с. 16].

Следовательно, по признаку 'наличие несущей поверхности' слово *ящик* сближается с названия-

ми приспособлений для сидения, лежания, сна человека, что отражается в сочетаемости. Функционально и конструктивно названия ящиков близки к названиям шкафов. Название предмета мебели *шкаф* определяется с помощью слова *ящик*: «род мебели, представляющий собой большой стоячий ящик с дверцами для хранения чего-л.» [15]. О том, что современный шкаф – «бывший» ящик, свидетельствует значение «посудный ящик» в слове *став* в рязанских памятниках XVI в., отмечаемое Г.В. Судаковым [20, с. 72]. В современном употреблении известно словосочетание *посудный шкаф*.

В дефиниции существительных *касса, духовка* отсылочное слово *ящик* соседствует со словом *шкаф*. Употребляясь с прилагательными *вытяжной, духовой, сушильный*, существительное *шкаф* имеет значение «устройство в виде ящика со створками или дверцей, служащее для каких-либо целей (сушки, выпечки и т.д.)» [15]. Образованное на базе словосочетания *духовой шкаф* при помощи суффикса *-к-*, присоединяемого к основе прилагательного *духовой*, существительное *духовка* в БАС и в МАС входит в группу с отсылочным словом *ящик*: «железный ящик (обычно вделанный в плиту), служащий для приготовления пищи посредством нагретого воздуха» [15]. В БАС в толкование включается также словосочетание *духовой шкаф* [16]. В СО отсылочное слово к существительному *духовка* – *коробка*: «сильно нагревающаяся железная коробка в кухонной плите, служащая для приготовления в ней пищи» [12].

По внешним очертаниям ящик, шкаф, коробка представляют собой полые предметы с четырьмя углами, вместилища четырёхугольной формы. И.А. Стернин считает признак 'форма' ('обычно четырёхугольной формы') в названии *ящик* неосновным семантическим признаком, вероятностной периферийной семой. По его мнению, статус любого семантического компонента значения «зависит от степени существенности отражаемого признака для соответствующего предмета» [18, с. 48]. Признаки 'цвет', 'форма', 'размер', 'материал изготовления' в значении слова *коробка* И.А. Стернин относит к автономным семантическим признакам, так как «любая коробка имеет данные признаки, но какие конкретно – это зависит исключительно от ситуации» [18, с. 47 – 48]. «Автономные признаки указывают, что соответствующий предмет имеет обозначаемые ими ха-

рактеристики», но не указывают на конкретное содержание этих признаков [18, с. 47]. Далее И.А. Стернин обращает внимание на затруднения в разграничении автономных и периферийных семантических признаков. Так, семантический признак 'материал изготовления', 'форма' в значении слова *коробка* можно рассматривать и как автономный (материал может быть любым, частотна сема 'изготовленная из картона'), и как вероятностный [18, с. 48]. Автономные семантические признаки могут актуализироваться в коммуникативном акте [18, с. 49].

С помощью ключевого слова *коробка* раскрывается второе значение существительного *ящик* в СССРЯ: «коробка без крышки, которая является частью стола, буфета и т.п.» [17]. Связь между предметом, обозначаемым этим словом, и предметами мебели, частью которых ящик является, отражается в словосочетаниях: *ящик стола, секретера, серванта, буфета, комода* [17]. Слово *ящик* в этом значении является объектом действия, обозначенного глаголами *выдвинуть, задвинуть, запереть, открыть, разобрать* и т.п. [17]. Оно сочетается с прилагательным *выдвижной* – «приспособленный для выдвигания» [15].

Способностью выдвигаться обладают и ящики, являющиеся частью картотеки, образующие картотеку. Значение «ящики для хранения карточек, содержащих сведения справочного или учётного характера» в существительном *картотека* располагается после значения «систематизированное собрание карточек, содержащих сведения справочного или учётного характера» и локативного оттенка значения «помещение, где хранятся такие карточки» [16]. В МАС и СО при значении «ящики» в слове *картотека* имеется помета «собирательное» [15, 12].

Если учитывать порядок расположения значений в толковых словарях, то название ящиков *картотека* появилось на базе названия вместилища, содержимого вместилища. Этимологически существительное *картотека* представляет собой сложное слово, первая часть которого восходит к немецкому *Karte* (от латинского *charta* «бумага»), а вторая часть – к греческому *thzkz* – «вместилище, ящик» [16; 26, т. 2, с. 203; 14, с. 310]. В современном русском языке слово *картотека* входит в словообразовательный ряд заимствованных и образованных по их образцу существительных: *библиотека, фильмотека, кинотека, фоноте-*

ка, игротека, инструментотека, фототека и др. В словаре А.Н. Тихонова слово *картотека* расположено в гнезде с исходным словом *карточка*, в нём выделяется окончание *-а* и три морфемы в основе: *карт – о – тек* – [21, т. 1, с. 416].

Таким образом, в наименовании *картотека* отражается отношение между вместилищем и вместиаемым, назначение ящиков, что фиксируется в словарной дефиниции: «для хранения карточек». Семема 'назначение' представлена в толковании и других названий ящиков. Она отличается наибольшим разнообразием семного состава: 'для хранения разных вещей, продуктов' (*ларь*), 'для различных технических надобностей' (*ларь*); 'в типографском деле – разделённый на ячейки ящик со шрифтом для набора' (*касса*) [16]; 'ящик, в котором содержится известное число фунтов чая' [16], 'ящик с чаем весом до двух пудов' [15] (*цибик*); 'для хранения драгоценностей и других вещей' (*ларец*), 'для хранения мелких, обычно ценных вещей' (*шкатулка*), 'для хранения ценных бумаг, денег и т.п.' (*касса*); 'для хранения так называемых святых даров' (*ковчег*), 'для опускания монет с целью сбережения, накопления их' (*копилка*), 'для хранения этюдов и принадлежностей живописи' (*этюдни́к*), 'для сыпучих материалов' (*бункер*), 'для опускания избирательных бюллетеней' (*урна*), 'для билетов, жребиев и т.п. при игре, розыгрыше, лотерее и т.п.' (*урна*), 'для окурков, мусора' (*урна*), 'с выставленными для обозрения предметами' (*витрина*), 'с краской в печатной машине' (*кипсей*), 'для уличной торговли' (*лоток*), 'специальный ящик с землёй для выращивания рассады овощных, кормовых культур, а также декоративных растений' (*рассадник*), 'для проращивания семян, отобранных для определения их всхожести' (*растильня*), 'для приготовления пищи (жаренья, печенья и т.п.) посредством нагретого воздуха' (*духовка*), 'для гашения (творения) извести' (*творилка, творило*) [16].

Информация об устройстве вместилища, внешнем виде, форме («полый предмет, вместилище из четырёх стенок и дна, иногда и крышки») содержится в ключевом слове, гиперониме *ящик*, который присутствует в словарных дефинициях рассматриваемых слов. Поэтому конструктивная семема представлена небольшим количеством сем: 'с крышкой' (*ларец, шкатулка*), 'с узкой щелью' (*копилка*), 'вделанный в плиту' (*духовка*), 'имеющий форму усечённой пирамиды, вершина кото-

рой обращена вниз и снабжена выпуклым отверстием» [16], 'саморазгружающееся вместилище' [15] (*бункер*), 'застеклённый или затянутый металлической сеткой' (*витрина*), 'разделенный на ячейки ящик со шрифтом для набора' (*касса*) [16].

Судя по указанным семантическим признакам, некоторые наименования близки к названиям приспособлений: *бункер*, *духовка*, *ларь* («спец., ящик, жёлоб для различных технических надобностей») [16]. С отсылочным словом *ящик* в толкованиях ряда наименований соседствуют названия других вместилищ: 'ящик', 'ларь' (*бункер*), 'ящик', 'жёлоб' (*ларь*), 'сосуд' или 'ящик' (*урна*), 'ящик', 'шкаф', 'доска' (*витрина*), 'прилавок', 'ящик', 'столик' (*лоток*), 'ящик', 'сосуд' (*растильня*), 'ящик', 'шкаф' (*духовка*, *касса*), 'кружка', 'ящичек' (*копилка*), 'ящичек', 'ларец', 'табакерка' (*досканец*) [16].

Существительные *творилка*, *творило* обозначают вместилища, это ящик или яма для гашения (творения) извести и квашня. Локативное и количественное значение имеет существительное *цибик*: «мера чая; место или ящик, в котором содержится известное число фунтов чая». Частью приспособления является ящик, обозначаемый словами *кипсей* ('в печатной машине') и *духовка* ('вделанный в плиту') [16].

В словарных дефинициях существительных *витрина*, *ковчег*, *лоток*, *урна* находит отражение локативная семема: 'в музее, на выставке, внутри магазина, на улице' (*витрина*), 'в православных церквях' (*ковчег*), 'для уличной торговли' (*лоток*), 'на улицах, в общественных помещениях' (*урна*).

Семема 'материал' реализована в значении ключевого слова *ящик* ('из досок, фанеры и т.п. '), слова *бункер* ('деревянный или металлический'), слова *духовка* ('железный') [16]. О материале и устройстве вместилища, обозначаемого словом *ковчег*, в БАС сообщается в общем виде, без детализации: 'о ящиках, роскошно отделанных' [16]. Семема 'способ использования' представлена семой 'переносной' (*лоток*) [16].

Семема 'размер, ёмкость' отражается в прилагательном *большой* (*бункер* – «большой ящик (ларь)», *ларь* – «большой ящик»), *небольшой* (*ковчег* – «небольшой ящик; ларец», *шкатулка* – «небольшой ящик»), в существительном *ящичек* – «маленький ящик» (*копилка*, *ларец*) [16]. Наименования небольшого ящика с крышкой для хра-

нения мелких, обычно ценных вещей *скрыня*, *шкатулка*, *ларец*, *ковчег*, *досканец* находятся в синонимических отношениях и образуют ЛСГ. Г.В. Судаков включает существительные *шкатула*, *ковчег*, *ларец* в группу названий вместилищ малого объёма для денег, драгоценностей и ценных бумаг [19, с. 17]. Одно и то же значение имеют однокоренные существительные *творило* и *творилка*. Слово *шкатулка* имеет устарелый просторечный фонетико-графический вариант *шкатунка* [16].

Всё рассмотренное лексико-семантическое объединение существительных с ключевым словом *ящик* можно квалифицировать как функционально-тематическую группу. Объединяет слова общая функция обозначаемых ими предметов (быть вместилищем, вмещать) и семантическая тема (архисема, лексикографический гипероним) *ящик*. Сфера приложения предметов, относимых к ящикам, многообразна, она расширяется в связи с изменениями условий жизни и хозяйствования. Большие по размерам ящики используются в производстве, небольшие, ящички, – в быту. В соответствии с этим разграничиваются названия ящиков производственного назначения и бытового.

Исследуемые субстантивы разнообразны по своей семантической структуре. Моносемантические существительные *духовка*, *кипсей*, *шкатулка* [16]. Как однозначные представлены в БАС локативные существительные *растильня*, *творилка*, *творило*, в словарной дефиниции которых имеется указание на несколько обозначаемых реалий: ящик, сосуд (*растильня*), ящик или яма (*творилка*, *творило*) [16]. Эти реалии (вместилища) объединяет общая функция. С одним значением в БАС зафиксировано слово *бункер* [16], в МАС у этого существительного три локативных значения: значение технической ёмкости – вместилища для сыпучих и кусковых материалов – сочетается со значением помещения на судне для хранения рейсового запаса твёрдого топлива и со значением «подземное укрытие, убежище» [15]. Как правило, один звукоряд имеет несколько значений, наблюдается совмещение значений нескольких типов вместилищ.

Два вида вместилищ обозначает бисемантическое существительное *ларец*: «шкатулка», «небольшой сундук». Бисемантическое существительное *ковчег* в первом значении синонимично слову *ларец* в значении «шкатулка», второе значение

модификационное – «уменьшительное к *ковчег*» в значении «церковная утварь – дарохранильница» [16]. Представленное в БАС как бисемантическое слово *копилка* в первом локативном значении – «кружка, ящичек и т.п.», второе значение устарелое просторечное – «мужчина или женщина, любящие копить деньги» [16]. В первом значении звукоряд *копилка* – женского рода, во втором – мужского и женского. Имеются различия и в парадигме: *копилка* («вместилище») склоняется как неодушевлённое существительное, *копилка* («человек») склоняется как одушевлённое существительное. На основании этого можно сделать вывод об омонимии слова *копилка* с локативным значением и личного существительного *копилка*.

Бисемантический локатив *витрина* обозначает различные приспособления для размещения каких-либо предметов. В первом значении это вместилище вместе с вмещаемым: «большое окно магазина с выставленными в нём образцами продаваемых товаров» [16]. В МАС в толковании значения актуализирована конструктивная и функциональная семема: «окно в магазине, специально оборудованное для показа продаваемых товаров» [15]. Второе значение – «застеклённый или затянутый металлической сеткой ящик, шкаф, доска и т.п. с выставленными для обозрения предметами (в музее, на выставке, на улице)» [16]. В РСС значения объединены: «место за окном магазина, шкаф или ящик под стеклом для показа разных предметов, товаров» [13].

В существительном *скрыня* в первом локативном значении два смысловых оттенка – «сундук» и «ларец, шкатулка». Второе значение тоже имеет отношение к вместилищу: «часть запруды перед плотиной с бревенчатыми или дощатыми стенами» [16].

В первом значении локативного производного существительного *этюдник* в БАС два смысловых оттенка: «ящик для хранения этюдов и принадлежностей живописи» и «папка для хранения этюдов» [16]. Вместилище получило название по отношению к вмещаемому: *этюдник* < *этюд*. Второе локативное значение – «небольшая доска, на которую живописец помещает бумагу, холст, когда пишет этюды» [16].

Три значения имеет локатив *ларь*. Первично значение «большой ящик для хранения разных вещей, продуктов». Второе значение – значение торгового сооружения, помещения: «ларёк, торговая

палатка; первоначально – лёгкий сруб в виде стола для торговли на рынках». Третье значение дано с пометой «специальное»: «ящик, жёлоб для различных технических надобностей» [16].

Три значения зафиксировано в БАС в существительном *ковчег*. Первое значение – значение транспортного средства: «по библейскому мифу – судно, в котором спасся от всемирного потопа Ной с семьёй и животными». При этом значении отмечено употребление: «Иронически. О большом, ветхом, старомодном судне, повозке и т.п.». Второе устарелое значение локативное – «ящик (в торжественной речи, а также о ящиках, роскошно отделанных)». Третье значение тоже локативное – «в православных церквях – ларец для хранения так называемых святых даров; дарохранильница» [16].

Как трёхзначное дано в БАС существительное *рассадник*. Первое и второе значение имеют помету «специальное». Первое значение – значение вместилища: «специальный ящик с землёй для выращивания рассады, овощных, кормовых культур, а также декоративных растений». Во втором значении слово *рассадник* синонимично слову *питомник* в первом значении «хозяйство, заведение для размножения и выращивания животных или растений; территория, участок, на котором это заведение расположено». Третье значение переносное: «о том, что является средоточием и источником чего-либо» [16]. Существительное *рассадник* входит в словообразовательное гнездо с исходным словом *сажать*. А.Н. Тихонов квалифицирует слова *рассадник* («ящик для рассады») и *рассадник* («питомник, источник распространения чего-либо») как омонимы [21, т. 2, с. 63–65]. Такая трактовка логична, ибо существительные входят в разные лексико-семантические объединения: со значением «ящик» и со значением «место». В современном употреблении слово *рассадник* содержит негативную оценку обозначаемого места: «обычно о чём-либо негативном, предосудительном или социально опасном», в БТСРЯ это значение дано с пометой «неодобрительное» [3].

Три значения отмечено в БАС в существительном *касса*. В первом значении выделено три смысловых оттенка, в том числе локативный оттенок «ящик, шкаф для хранения ценных бумаг, денег и т.п.», который располагается после первого (учрежденческого) оттенка значения «особое отделение в учреждениях, предприятиях для приёма,

хранения и выдачи денег, продажи билетов и т.п., а также помещение, где находится это отделение» (*театральная касса*, *железнодорожная касса*). Последний (третий) смысловой оттенок в первом значении – «название различных кредитных учреждений, занимающихся главным образом приёмом и выдачей денежных сумм» [16].

В МАС, СО, БТСРЯ, РСС значение вместилища «ящик, шкаф» дано как первое значение [15, 12, 3, 13]. Этимологически оно первично. Объединяет производные значения (оттенки значения) сема 'деньги', в которой отражается содержимое вместилища. Эта сема представлена в БАС во втором значении слова *касса* – «деньги, денежная наличность» [16]. Связь словозначений метонимическая. Последнее значение в БАС, МАС, СО, РСС специальное – значение «техническая ёмкость»: «в типографском деле – разделённый на ячейки ящик со шрифтом для набора» (*наборная касса*), вместилище представлено вместе с вмещаемым [16, 15, 12, 13]. Как оттенок к этому значению в БТСРЯ дано новое «методическое» значение «учебное пособие при обучении чтению: папка с ячейками и набор листов разрезной азбуки», в основе переноса названия – внешнее сходство [3]. Новым в слове *касса* является также значение «аппарат, на котором отпечатываются талоны с указанием полученной суммы» и локативное значение «кабина, в которой помещается кассовый аппарат и кассир» [3, 13]. Связь словозначений метонимическая.

В толковании первого значения слова *касса* в БТСРЯ содержится локатив *сейф*: «ящик, шкаф для хранения денег и ценных бумаг; сейф» [3]. В МАС *сейф* – «несгораемый стальной *шкаф* или ящик для хранения ценных бумаг, документов, драгоценностей» [15]. По первому гиперониму *шкаф* слово *сейф* входит в лексико-семантическую группу названий приспособлений – вместилищ в виде стоячего ящика с дверцами (об этих названиях см. подробно [4]) – и относится к названиям предметов мебели. В группу названий мебели специального назначения включает слово *сейф* М.С. Михайлова ([13, с. 362]. Слово *касса* в значении «ящик, шкаф для хранения денег и ценных бумаг» в РСС относится к названиям технических ёмкостей [13, с. 110], что закономерно.

Четыре локативных значения отмечено в БАС у существительных *лоток* и *урна*. Первое значение слова *лоток* – «открытый прилавок или пере-

носной ящик, столик для уличной торговли», оттенок этого значения – «доска с бортом, служащая разносчикам для переноски товаров». Второе значение – «открытый жёлоб для стока, ссыпания чего-либо» (*мельничный лоток*), третье значение – «ковш, корыто различного назначения (для переноски руды, промывки золота, осаждения примесей при выварке соли и пр.)», четвёртое значение – «особой формы ковш, совок для зачерпывания из сусека муки, крупы». В последнем значении выделяется оттенок с количественным значением: «о количестве чего-либо, вмещающегося в лотке» (*лоток чего*) [16].

В слове *урна* значению «ящик» предшествует значение «сосуд». Первое локативное значение («сосуд, ваза») устарелое. Второе значение – «сосуд для хранения праха умерших» (*погребальная, гробовая урна*). В этом значении имеется оттенок «надгробный памятник в виде такого сосуда» (*надгробная урна*). Третье локативное значение – «ящик для опускания избирательных бюллетеней (прежде шаров)» (*избирательная урна*). В этом значении выделяется локативный оттенок «ящик для билетов, жребиев и т.п. при игре, розыгрыше, лотерее и т.п.». Последнее значение тоже локативное: «сосуд или ящик для окурков, мусора, устанавливаемый на улицах, в общественных помещениях» [16].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в рассмотренных полисемантических существительных, которые составляют большинство, значение «ящик» соседствует чаще всего с локативными значениями: «сундук» (*скрыня*), «шкаф» (*витрина, духовка, касса*), «доска» (*витрина, этюдник*), «столик» (*лоток*), «прилавок» (*лоток*), «сосуд» (*урна, растильня*), «ковш» (*лоток*), «корыто» (*лоток*), «совок» (*лоток*), «кружка» (*копилка*), «табакерка» (*досканец*), «жёлоб» (*ларь, лоток*), «папка» (*этюдик*), «окно магазина с выставленными товарами» (*витрина*), «часть запруды (водного пространства) перед плотиной» (*скрыня*), «ларёк, торговая палатка, лёгкий сруб в виде стола» (*лоток*), «помещение» (*касса, картотека*), «судно» – «вместилище и транспортное средство» (*ковчег*), «яма» (*творилка, творило*), «питомник» – «место» (*рассадник*), «место» (*цибик*), «учреждение» (*касса*), «отделение учреждения» (*касса*). Это свидетельствует о континуальности локативного семантического пространства, о действии в языке закона экономии речевых уси-

лий. Значение «ящик» сочетается также со значением счётного прибора, механического устройства (*касса*), с количественным значением (*лоток, цибик, ящик*), со значением лица, которое производит действие, положенное в основу номинации вместилища (*копилка*), со значением предмета – содержимого вместилища (*картотека, касса*).

Таким образом, один и тот же звукоряд используется для номинации близких по форме или функции вместилищ, для номинации количества того, что содержится во вместилище. Актуализируется вместилище. В производных названиях вместилищ полисемия обусловлена связью производящего слова с разными реалиями, генетической пред-

расположенностью производящего слова. В производном слове актуализируется вместилище, действие, которое производит человек с вместилищем. Вместилище и действие представляют вместилище, являются внутренней формой производного наименования: *этюдник* – «то, в чём этюды», *творило, творилка* – «то, в чём творят известь». В акте номинации каждый раз создается новое слово. Полисемии нет. Вопрос о полисемии возникает при лексикографическом оформлении слов, совпадающих по звучанию и близких по значению. Названия вместилищ типа ящика связаны с названиями предметов мебели, помещений, мест, учреждений, приспособлений, транспортных средств, лиц.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. 1. – Лексическая семантика (синонимические средства языка) [Текст] / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд. – М., 1995. – 472 с.
2. Беляевская Е.Г. Семантика слова [Текст] / Е.Г. Беляевская. – М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
3. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998 [БТСРЯ].
4. Васильченко С.М. Семантическая структура и деривационные связи некоторых названий приспособлений-вместилищ в современном русском литературном языке [Текст] / С.М. Васильченко // *Acta universitatis Szegediensis de Attila Jyzsef nominatae: Dissertationes slavicae. Slavistische mittlungen. – Sectio linguistica. – XVIII – XIX. – Szeged, 1987. – С. 97 – 105.*
5. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. – Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке [Текст] / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. – М.: Русский язык, 1982. – 264 с.
6. Вяничева Т.В. Русская синлексика как ядерная часть номинативного состава языка [Текст] / Т.В. Вяничева // *Проблемы ономастологии и теории номинации: сборник материалов международной научной конференции. – Орёл: Орловский госуниверситет, 2007. – Часть 2. – С. 210 – 215.*
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. – Т. 1 – 4. – М.: Русский язык, 1981 – 1982.
8. Ивашин Д.С., Катина З.Ф., Рыбачук И.З., Бутенко Л.Т., Иванов В.С., Никольская Л.С. Лекарственные растения Украины: справочник для сборщика и заготовителя [Текст] / Д.С. Ивашин, З.Ф. Катина, И.З. Рыбачук, Л.Т. Бутенко, В.З. Иванов, Л.С. Никольская. – Киев: Урожай, 1978. – 320 с.
9. Климовская Г.И. Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) [Текст] / Г.И. Климовская // *Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 3(4). – С. 44 – 54.*
10. Коваленко Л.Ф. К вопросу о составных бытовых названиях [Текст] / Л.Ф. Коваленко // *Вопросы лексикологии: сб. работ каф. русского языка ДГУ. – Днепропетровск. – С. 22 – 29.*
11. Крысин Л.П. Что изучает лексическая семантика [Текст] / Л.П. Крысин // *Русский язык в школе. – 2001. – № 3. – С. 32 – 39.*
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – 16-е изд. – М.: Русский язык, 1984 [СО].
13. Русский семантический словарь. – Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Текст] / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 2. – М.: Азбуковник, 1998 [РСС].
14. Словарь иностранных слов [Текст] / Под редакцией И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. – 5-е изд. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
15. Словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981 – 1984 [МАС].
16. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [Текст] – М. – Л., 1948 – 1965 [БАС].
17. Словарь сочетаемости слов русского языка [Текст] / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1983 [СССРЯ].
18. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин // Воронеж: ВГУ, 1985. – 180 с.
19. Судаков Г.В. Сведения по истории слов в курсах исторической грамматики и истории русского литературного языка [Текст] / Г.В. Судаков // *Межпредметные связи в преподавании лингвистических дисциплин. – МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. – С. 3–22.*

20. Судаков Г.В. Семантические изменения как фактор развития лексики (старорусские названия вместилищ для посуды) [Текст] / Г.В. Судаков // Семантика слова в диахронии: сб. науч. трудов. – Калининградский университет. – Калининград, 1987. – С. 72–77.
21. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. [Текст] / А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1990.
22. Толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 1–4. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1935–1940 [СУ].
23. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения [Текст] / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998 [ТСРЯ].
24. Уфимцева А.А. Семантика слова [Текст] / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5–80.
25. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер. – 2-е изд. – Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1986 – 1987.
27. Чуглов В.И. Субстантивные конструкции с зависимой атрибутивной частью [Текст] / В.И. Чуглов. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 88 с.

S.M. VASILCHENKO

FORMAL AND SEMANTIC CONNECTIONS OF THE LOCATIVES UNITED UNDER THE LEXICOGRAPHICAL HYPERNYM *BOX* IN THE SEMASIOLOGICAL ASPECT

This article deals with the form and meaning, semasiological connections between the Russian words of the functional-thematic group of locatives united under the lexicographical hypernym box. This article describes the sememe and semantic of words structure of these locatives, defines the type of connection between the meanings in polysemants. The locative semantic field is arranged hierarchically.

Key words: *noun, locative, box, lexicographical hypernym, meaning of the word, sememe, seme, functional-thematic group.*

М.В. ГЛАЗУНОВ, кандидат филологических наук,
доцент Академии ФСО РФ
Тел. 8-910-300-02-94; m-glazunov@mail.ru

ОБ ОДНОЧЛЕННОСТИ И ДВУЧЛЕННОСТИ ЦЕЛЕВЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Данная статья посвящена проблеме одночленности и двучленности целевых сложноподчинённых предложений. В работе признаётся неубедительным широко распространённый взгляд на то, что данные конструкции двучленные, и приводятся доказательства обратной точки зрения: большинство сложноподчинённых предложений с придаточными цели – одночленные (нерасчленённые) структуры, так как они чаще всего относятся к сказуемому или составу сказуемого.

Ключевые слова: одночленность, нерасчленённость, двучленность, расчленённость, постпозиция придаточного предложения, подчинительный союз, местоименно-указательное слово, прямое подчинение, обратное подчинение.

В теоретическом плане вопрос об одночленности (нерасчленённости) и двучленности (расчленённости) СПП связан с их типологией. Создатели структурно-семантической классификации этих предложений начинают их группировать на первом уровне именно с выявления принадлежности СПП к одночленному или двучленному типу.

В практике изучения СПП учащимися средней и высшей школы неизбежно возникает вопрос: к чему относится придаточное предложение, что оно поясняет: слово, словосочетание или главное предложение во всём его объёме? Без ответа на этот вопрос трудно определить значение подчинённой части, так как в большинстве случаев это значение выявляется посредством постановки вопроса от слова (словосочетания) или от всего главного предложения в целом [10: 7].

Хотя проблема одночленности и двучленности поставлена была в отечественном языкознании более ста лет назад, а в последние годы она интенсивно разрабатывается, однако в её решении много неясного, спорного и противоречивого.

В 1950 году Н.С. Пospelов выдвинул два критерия разграничения СПП. Первый критерий – исторический. Согласно ему, одночленные предложения – это сложные конструкции, в которых придаточное развилось изнутри простого путём превращения члена предложения в предикативную единицу, оформленную подчинительным союзом или союзным словом. Двучленные – это сложноподчинённые предложения, образовавшиеся из соединения двух простых предложений на базе сочинения [6: 327–331].

Второй критерий – логический. Одночленные предложения являются выражением одного суждения [6: 332]: *Вы поедете туда, где стоят ваши части.*

В основе двучленных предложений «лежит диалектическая взаимосвязанность двух суждений: *Я приехал домой, когда уже было темно*» [6: 333].

Понимая уязвимость выдвигаемых исторического и логического критериев, Н.С. Пospelов дополняет характеристику одночленности и двучленности другими, собственно языковыми признаками.

1). В одночленных придаточная часть является необходимой, без неё главное предложение не может выступать как самостоятельная коммуникативная единица.

В двучленных распространение главного предложения придаточной частью не является необходимым для самого этого главного предложения. Прежде всего к ним автор относит предложения, «которые дополняют уже сложившееся высказывание. Например: *Обе девицы надели жёлтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи* (Пушкин)» [6: 330].

2). Отчётливо двучленны те сложные предложения, которые не могут иметь местоименно-указательных слов в главном предложении.

3). Третий признак, помогающий отграничить одночленные конструкции (при отсутствии в них указательного слова) от двучленных, – это выражение придаточной частью дополнения или подлежащего, отсутствующего в главной части: *Я видел, кто это сделал; Известно, что слоны в диковинку у нас* [6: 332].

В 1964 г. Н.С. Поспелов указывает два новых признака, помогающих, по его мнению, разграничить одночленные и двучленные конструкции.

1. Одночленные характеризуются «стабильным положением придаточной части, её устойчивой постпозицией» [7: 9], что предполагает противоположный признак двучленных – отсутствие устойчивой постпозиции.

2. «В сложноподчинённых предложениях одночленной структуры средствами связи являются или относительные и соотнесительные слова, или подчинительные союзы с опустошённой семантикой (**что, чтобы** в изъяснительной функции), представляющие собою своего рода синтаксические префиксы придаточной части» [7: 9].

То есть в одночленных предложениях части связываются относительными местоимениями и асемантическими (синтаксическими) союзами, в двучленных – семантическими союзами.

В 70-е годы В.А. Белошапкина также при классификации СПП разделила их на нерасчленённые (одночленные) и расчленённые (двучленные) предложения, опираясь на средства связи частей сложного предложения [2: 683].

Но в 80-е годы она возвращается к основной идее Н.С. Поспелова: «Для нерасчленённых предложений обязательным признаком является отнесённость придаточной части к одному слову главной; для расчленённых предложений характерна отнесённость придаточной части ко всей главной части в целом, хотя при некоторых

осложнениях строения главной части возможны и отклонения от типичной для расчленённых предложений соотнесённости частей» [8: 536].

Этот критерий и положен в основу первичного разбиения СПП на одночленные (нерасчленённые) и двучленные (расчленённые) при их классификации в большинстве учебных пособий.

Исторический экскурс в решение этой проблемы мы сделали для того, чтобы показать, как сложно её решить и что ещё нет окончательного ответа на вопрос, как разграничить эти две разновидности СПП в системе целевых конструкций.

Почти все сторонники структурно-семантической классификации СПП конструкции с придаточными цели помещают в двучленные. Но ведь целевые, как и многие другие обстоятельственные типы СПП с придаточными образа действия, места, времени, причины, условия, поясняют сказуемое или состав сказуемого, а это – слово либо словосочетание. Почему же они двучленные?

В.А. Белошапкина, ссылаясь на Е. Куриловича, отвечает на этот вопрос так: «Нельзя противопоставлять синтаксические связи предложения в целом и связи предикативного центра предложения: сказуемого или главного члена односоставного предложения. Связаны ли придаточные части со всем предложением или только со сказуемым? Грамматически это одно и то же, так как сказуемое представляет всё предложение» [1: 219].

С таким пониманием одночленности и двучленности можно не согласиться, так как сама В.А. Белошапкина эти два класса СПП называет: «Структурные типы: нерасчленённые и расчленённые предложения» [1: 219]. Если придаточное поясняет слово или словосочетание, а это **с т р у к т у р н ы й п р и з н а к**, значит, оно нерасчленённое, независимо от того, сказуемое это, состав сказуемого или другой какой-либо член предложения.

Новый взгляд на проблему одночленности и двучленности СПП находим в работе А.М. Ломова. Он считает, что разбиение СПП на эти два класса следует проводить с учётом способа организации сообщения, содержащегося в составе СПП. Если информация, передаваемая придаточным, включается в главное предложение, оно является **автосемантическим**: *На ноги старуха натянула одеяло, чтобы не было видно их ужасающей худобы*. Если же информация, содержащаяся в главном предложении, включается

в придаточное, оно является синсемантическим: *Здесь запланировали построить завод, для чего уже завезены необходимые материалы* [4: 59–60].

Такой подход к анализу СПП перекликается с теорией прямого и обратного подчинения, разработанной А.Н. Суровцевым [9: 21–41] и А.К. Фёдоровым [10: 7–28].

Автосемантические – это прямоподчинённые придаточные, синсемантические – это обратноподчинённые придаточные предложения.

Н.И. Овчинникова включает синсемантические придаточные, иллюстрируемые приведённым выше примером, в СПП, которые выражают целевые отношения [5: 12]. Действительно, в них главное предложение содержит цель того, о чём говорится в придаточном.

А.К. Фёдоров считает, что если придаточное цели обозначает цель действия или назначение предмета, названного сказуемым или сказуемым вместе с поясняющими его словами, то СПП с таким придаточным является одночленным, присловным, а придаточное – присказуемым. Присказуемыми он считает также все прямоподчинённые придаточные места, времени, причины, условия и уступки [10: 15–19].

Следует согласиться с такой трактовкой основных случаев употребления целевых СПП. Но как назвать целевые конструкции, в которых придаточное поясняет не сказуемое, а другой член предложения? Например: 1) *Поставив бутылку на подоконник, чтобы было удобно достать её, Долохов осторожно и тихо полез в окно* (Л. Толстой), 2) *Трупы волочили во дворы, охраняемые конными, чтобы народ не глазел, не вёл счёта замученным* (Л. Толстой).

Эти примеры позволяют утверждать, что в одночленных СПП придаточные цели бывают не только присказуемые, но и такие, которые поясняют обособленные полупредикативные члены предложения.

Итак, СПП целевого типа – это в основном одночленные структуры, в которых придаточное относится к предикату, редко к полупредикату, т.е. обособленному члену предложения.

Однако среди целевых конструкций есть и бесспорные двучленные: это СПП отвергнутой цели с союзом **вместо того чтобы**. В них отвергаемая цель противопоставляется всему объёму содержания главного предложения. 1) **Вместо того чтобы отомстить за невесту, лекарь-колдун полностью излечил юношу** (Лесков); 2) **Вместо того чтобы сохранять в тайне пропажу драгоценного креста, крёстный сын Анастасии передал ей свой разговор со старушкой** (Лажечников).

В этих предложениях придаточная часть поясняет всё главное предложение в целом, поэтому подобного типа СПП являются, бесспорно, двучленными.

К двучленным можно отнести и такие конструкции, в которых главное предложение не простое, а сложное. Например: 1) *Для того чтобы идти тысячу вёрст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ю вёрстами* (Л. Толстой), 2) *Чтобы понять степень истощения русской армии, надо только ясно понять значение того факта, что, потеряв ранеными и убитыми во всё время движения от Тарутина не более пяти тысяч человек, не потеряв сотни людей пленными, армия русская, вышедшая из Тарутина в числе ста тысяч, пришла к Красному в числе пятидесяти тысяч* (Л. Толстой). В этих примерах главное предложение не простое, а сложноподчинённое, так как цель, названная придаточным, не вытекает из простого предложения, с которым непосредственно связано придаточное, цель обусловлена всем сложноподчинённым предложением. Нельзя же поставить вопрос так: *человеку необходимо думать для чего?* **Для того чтобы идти тысячу вёрст**. Сложные предложения, в составе которых главное или придаточное предложение является сложным, Г.Н. Клюсов называет сложноподчинёнными предложениями с комплексным подчинением [3: 71–74].

Следовательно, нельзя все целевые конструкции включать в систему так называемых двучленных (расчленённых) сложноподчинённых предложений. В основном это одночленные структуры.

Библиографический список

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
3. Ключев Г.Н. Комплексное подчинение в трёхкомпонентном сложном предложении // Русский язык в школе. – 1975. – № 4. – С. 71–74.
4. Ломов А.М. Русское сложноподчинённое предложение и проблема его содержательной интерпретации / А.М. Ломов, Р. Гусман Тирадо // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 54–65.
5. Овчинникова Н.И. Сложноподчинённые предложения, выражающие целевые отношения (на материале русского и английского языков). Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 148 с.
6. Пospelов Н.С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 321–337.
7. Пospelов Н.С. Основные направления в развитии структурных типов сложноподчинённого предложения в русском литературном языке XIX века // Изменения в строе сложноподчинённого предложения в русском литературном языке XIX века. – М.: Наука, 1964. – С. 7–82.
8. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.
9. Суворцев А.Н. К вопросу о сложных предложениях с взаимоподчинёнными придаточными предложениями // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Т. 173. – 1958. – С. 21–41.
10. Фёдоров А.К. К вопросу об одночленности и двучленности сложноподчинённых предложений в русском языке // Структура, семантика и функционирование синтаксических единиц в русском языке. Межвузовский сб. науч. статей. – Орёл, 1999. – С. 7–28.

M.V. GLAZUNOV

«ABOUT BINOMIAL AND MONOMIAL COMPLEX SENTENCES WITH PURPOSE CLAUSE»

This article is devoted to the monomial and binomial complex sentences with the adverbial clause of purpose. The author questions the widespread notion that these constructions are binomial and expresses the opposite opinion: the majority of the complex sentences with purpose clause are monomial structures. The author gives the following proof: the purpose clauses do not refer to the main clause in general, the purpose clauses refer exactly to the predicate of the main clause.

Key words: monomial complex sentence, binomial complex sentence, subordinate clause in postposition, subordinating conjunction, demonstrative pronoun, direct subordination, indirect subordination.

Н.В. ИЛЮТОЧКИНА, аспирантка кафедры истории русской литературы XI–XIX вв. Орловского государственного университета
Тел. 8 919 2791376; ilunata@yandex.ru

ФУНКЦИЯ УСАДЕБНЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Статья посвящена анализу функций пространственных образов дворянской усадьбы (дом, сад) в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». Выделяются наиболее значимые пространственные образы, определяются их роль и функция в тексте произведения, что способствует прояснению художественной картины мира писателя.

Ключевые слова: пространственный образ, локус, функция, усадьба, сад, дом, интерьер, родовая память.

Русская дворянская усадьба для И.С. Тургенева была неким культурным абсолютом в культурном пространстве России. В романах писателя усадьба является не только фоном происходящих событий, но и живописным, глубоким образом, воплотившим в себе яркие черты этого социально-культурного феномена. Изображение усадьбы занимает важное место в «Дворянском гнезде», которому присущ развернутый усадебный сюжет и в котором присутствуют все элементы усадебного метатекста: сад, дом, интерьер, портрет [4, с. 25]. Как пространственный образ усадьба включает в себя дом (с его интерьерами, предметами быта, книгами, старинными портретами) и сад (с его аллеями, дорожками, садовыми архитектурными строениями, водоемами, птицами, растениями – деревьями, цветами, кустами). Обращаясь к различным аспектам поэтики Тургенева, исследователи затрагивают проблему пространства, и в процессе анализа романного творчества писателя в поле их зрения оказываются усадебные образы «Дворянского гнезда». К изучению усадебного хронотопа романа обращались А.А. Бельская, Н.В. Логутова и др.; образ усадьбы привлекал внимание М.В. Глазковой, Е.Е. Дмитриевой, О.Н. Купцовой, В.Г. Щукина и др.; функции сада и его некоторые составляющие рассматривались в работах О.Б. Брагиной, В.А. Доманского, О.Б. Кафановой, К.И. Шарафадиной и др.; на значение интерьеров и бытовых деталей указывали Л.П. Гроссман, В.А. Доманский, Л.В. Миндыбаева, А.Г. Цейтлин и др. Тем не менее интересующей нас проблеме не посвящено специального исследования. Поскольку изучение только одного компонента текста открывает большие перспективы для его понимания, в рамках данной статьи мы попытаемся выделить наиболее значимые усадебные пространственные образы «Дворянского гнезда», определить их роль и функцию в тексте, что немаловажно для прояснения художественной картины мира Тургенева.

Основное действие «Дворянского гнезда» происходит в городской усадьбе Калитиных и деревенской усадьбе Лаврецкого Васильевское. В действие вовлечены все локусы дворянской усадьбы, которые со своим пространственным наполнением играют в первую очередь экспозиционную роль: с их помощью обрисовывается место действия, обстановка, в которой существуют герои, и разворачиваются события. Кроме того, образ усадьбы несет большую смысловую и функциональную нагрузку. Так, Васильевское воспринимается Лаврецким как мир «родного, коренного, кровного», в

котором связываются прошлое, настоящее, будущее. Старая усадьба с садом, домом, фамильными портретами, книгами, старыми слугами выполняет в романе функцию родовой памяти героя. Хотя в первый вечер в потомственном имении он «словно гость», между тем усадьба ассоциируется в сознании Лаврецкого с Домом («Вот я и дома, вот я и вернулся»), «своим», безопасным местом и осмысливается как нечто бесценное, упорядоченное, несущее покой, успокоение («скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег»), а пространство вне усадьбы – как «чужое» (хаос). Показательно, что одним из наиболее значимых мотивов становится мотив сельской тишины, которая освобождает героя от суеты прежнего существования и обращает к созерцательному постижению «уходящей, утекающей жизни» («И какая сила кругом, какое здоровье в этой бездейственной тиши!»). Сам Лаврецкий определяет свое внутреннее состояние как «мирное оцепенение» [8, с. 93]. Стоит согласиться с А.А. Бельской, что созерцание героем «уходящей», «утекающей» усадебной жизни обостряет его эстетическое чувство и нравственное сознание. «Общение с природой» не только успокаивает, утешает, но и направляет Лаврецкого к «осознанию линии собственного – нравственного поведения, больше того, обращает к сокровенному постижению метафизических начал бытия» [2, с. 40].

Весьма значимо описание старого дома Васильевской усадьбы, которое не только настраивает героя на ностальгический лад, но и демонстрирует связь времен и поколений: «Небольшой домик, куда приезжает Лаврецкий и где два года тому назад скончалась Глафира Петровна, был выстроен в прошлом столетии из прочного соснового леса; он на вид казался ветхим, но мог простоять еще лет пятьдесят или более» [8, с. 61]. Свидетельством прошлой усадебной жизни становятся интерьеры дома, вещи и предметы быта. Тонконогие белые диванчики, обитые глянцевитым серым штофом; узкая кровать под пологом из стародавней добротной полосатой материи; туалетный столик из штучного дерева, с медными бляхами и кривым зеркальцем, с почерневшей позолотой; портреты, книги XVIII столетия и т.д. выступают и атрибутами ушедшей эпохи, и хранителями бытовой и духовной жизни прежних обитателей усадьбы. Обращение памяти героя к прошлому осуществляется в основном через предметы

усадебного быта: «Лаврецкий напился чаю из большой чашки; он еще с детства помнил эту чашку: игорные карты были изображены на ней, из нее пили только гости, – и он пил из нее, словно гость» [8, с. 63]. Аналогичную функцию памяти выполняет старинная книга «Символы и эмблемы» Н.М. Максимовича-Амбодика. Она является яркой деталью при воссоздании круга занятий маленького Феди Лаврецкого и служит характеристике процесса его воспитания: «По воскресеньям, после обедни, позволяли ему играть, то есть давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочинения некоего Максимовича-Амбодика, под заглавием «Символы и эмблемы» [8, с. 39–40]. В Васильевском книга «Символы и эмблемы» вызывает у Лаврецкого воспоминания о детских годах: «...много воспоминаний возбудили в нем давно забытые, но знакомые «Символы и эмблемы» [8, с. 66]. Соответственно книга представляет собой биографическую деталь прошлого героя, при этом через его личную память реализуются моменты общекультурной (литературной) жизни прошлой эпохи.

В свою очередь, такие детали предметного мира Васильевского, как *ковёр*, *кресло*, *портреты*, выступают средством психологической характеристики прежних обитателей усадьбы. Например, отдельные черты личности Глафиры Петровны раскрываются через её отношение к предметам быта. «Истертый, закапанный воском *ковёрчик*» в образной указывает на религиозность и настойчивость героини. «Любимое *кресло* хозяйки, с высокой и прямой спинкой, к которой она и в старости не прислонялась» [8, с. 61], является одним из свидетельств раскрытия твердого и непреклонного характера Глафиры Петровны. Через старинный *портрет* Андрея Лаврецкого даётся дополнительная характеристика прадеда героя: «На главной стене висел портрет Федорова прадеда, Андрея Лаврецкого; темное, желчное лицо едва отделялось от почерневшего и покоробленного фона; небольшие злые глаза угрюмо глядели изпод нависших, словно опухших век; черные волосы без пудры щеткой вздымались над тяжелым, изрытым лбом» [8, с. 61–62]. Портрет становится не только олицетворением живого присутствия давно умершего предка, но и его суда над недавними действиями и поступками Лаврецкого: «Лаврецкий не мог сидеть в гостиной: ему так и чудилось, что прадед Андрей презрительно глядит с полотна на хилого своего потомка. “Эх ты! Мелко

плаваешь!» – казалось, говорили его набок скрученные губы» [8, с. 136]. Генеалогию рода, историю усадьбы в лицах являют собою также портреты отца и матери героя. Портрет последней – «почти стертый портрет бледной женщины в белом платье, с белым розаном в руке» [8, с. 66] – становится для Лаврецкого символом детства и одновременно страдания и угасания чистой, тихой жизни безропотной матери: «тихое и доброе существо, бог знает зачем выхваченное из родной почвы и тотчас брошенное, как вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало без следа, это существо, и никто не горевал о нем» [8, с. 37]. Как видно, усадебные предметы быта влияют на чувственно-эмоциональные начала памяти героя, которые, в свою очередь, соотносятся с элементами духовной культуры целого дворянского рода.

Особая атмосфера старой усадьбы и деревенской жизни создается с помощью *акустических*, *осязательных* и *обонятельных* образов. Наряду с предметами быта активизации памяти героя о прошлом способствуют *запахи*: «Антон накрыл и убрал стол, поставил перед прибором почерневшую солонку апплике о трех ножках и граненый графинчик с круглой стеклянной пробкой и узким горлышком (графин принадлежал прадеду Федора Лаврецкого Андрею Афанасьевичу); потом доложил Лаврецкому певучим голосом, что кушанье готово, – и сам стал за его стулом, обернув правый кулак салфеткой и распространяя какой-то крепкий, древний запах, подобный запаху кипарисового дерева» [8, с. 63]. *Кипарисовый запах* выступает не только символом древности и ольфакторным знаком старого слуги, но и старой усадьбы в целом. Особое значение в процессе восприятия Лаврецким сельской усадебной жизни приобретают *акустические* звуки и *зрительные* образы. Так, лай дряхлой собаки и шум самоварчика предстают элементами былой усадебной жизни. Следовательно, память о прошлом хранит всё пространство старой усадьбы. При этом наблюдается перемещение из *внешнего* пространства усадьбы во *внутреннее* пространство героя, когда те или иные пространственные объекты воспринимаются им относительно самого себя. Наполненное звуками (писк комара, жужжанье мух, гуденье шмеля, крик петуха, стук телеги, скрип ворот, людские голоса, тишина), зрительными образами (ласточки, летящие по земле, коренастый лопух, заря, богородицыны слезки, рожь, овес, солнце и плывущие по небу облака) пространство

усадьбы побуждает Лаврецкого обратиться к оценке собственного существования вне родины и постижению перспективы своего будущего – «не спеша делать дело» [8, с. 65]. Соответственно в Васильевском в сознании героя «дом» и «путь» (*замкнутое/разомкнутое*) не противопоставляются, а сливаются воедино.

Немаловажное место в создании образа Васильевской усадьбы занимает *сад*. Он является неотъемлемой её частью и воспроизводится как логическое продолжение усадебного ансамбля. Описание сада даётся в той же тональности, что и дома: «Осмотрев дом, Лаврецкий вышел в *сад* и остался им доволен. Он весь зарос бурьяном, лопухами, крыжовником и малиной; но в нем было много тени, много старых лип, которые поражали своею громадностью и странным расположением сучьев; они были слишком тесно посажены и когда-то – лет сто тому назад – стрижены» [8, с. 62–63]. Помимо пробуждения эстетических эмоций (эстетическая функция) сад точно так же, как дом, располагает героя к воспоминаниям.

Кроме сада значимым пространственным образом деревенской усадьбы является *пруд*: «Сад оканчивался небольшим светлым *прудом* с каймой из высокого красноватого тростника». Примечательно, что пруд выполняет сразу несколько функций: эстетическую (эстетические эмоции героя), экспозиционную (место рыбной ловли приехавших к нему гостей и встречи с Лизой), сюжетно-композиционную, ибо общение Лаврецкого и Лизы (речевое и жестовое) в процессе рыбной ловли является одним из определяющих этапов в истории интимно-психологических отношений героев и способствует их внутреннему сближению: «Красноватый высокий камыш тихо шелестел вокруг них, впереди тихо сияла неподвижная вода, и разговор у них шел тихий. Лиза стояла на маленьком плоту; Лаврецкий сидел на наклоненном стволе ракиты <...> он чувствовал потребность говорить с Лизой, сообщить ей все, что приходило ему в душу: она так мило, так внимательно его слушала» [8, с. 80, 83].

Таким образом, отдельные пространственные образы деревенской усадьбы способствует развитию хода сюжета романа, но знаковым центром в Васильевском выступает личная память героя и одновременно непосредственное присутствие традиции, а также перспектива будущего. В целом Васильевское приобретает для Лаврецкого обобщенно-символический смысл Дома, Родины. Заме-

тим, что если Васильевское – это «родовое гнездо», основным признаком которого является «преемственность» поколений и родовая память героя, то городская усадьба Калитиных – некий культурный центр, с которым связано развитие социальной и интимно-психологической линии повествования.

В усадьбе Калитиных собирается дворянское общество, ведутся беседы, споры, сталкиваются антагонисты, музицируют, играют в карты, вышивают по канве, делают записи и рисунки в альбом, пьют чай и т.д. В то же время в калитинской усадьбе не только преломляются доминантные черты дворянской культуры, дом Калитиных играет определяющую роль в развитии сюжета, которое начинается с приезда в город О... Федора Лаврецкого. Встречи, разговоры героев в пространстве калитинской усадьбы выявляют различие их мировоззрений (Лаврецкий – Паншин) и определяют основные этапы интимно-личностных отношений (Лаврецкий – Лиза). Помимо сюжетобразующей роли усадьбы такие репрезентанты дома Калитиных и его убранства, как *крыльцо*, *кабинет*, *комната* Марфы Тимофеевны и *комнатка* Лизы в верхнем этаже, *фортельяно* и др., и сада, как *соловей*, *скамейка*, *калитка* и др., становятся важными элементами композиционного построения романа.

Образы *дома* и *сада* Калитиных складываются из немногочисленных и небольших описаний: «Перед раскрытым окном красивого *дома*, в одной из крайних улиц губернского города О... <...> При доме находился большой *сад*; одной стороной он выходил прямо в поле, за город» [8, с. 7]. С домом Калитиных связано настоящее героев, и он является основным местом действия. Основную сюжетобразующую роль играет *гостиная*: в ней происходят встречи действующих лиц произведения и во время разговоров, споров совершается их самораскрытие, сближение и завязка основных сюжетных узлов. Не случайно М.М. Бахтин называет *гостиную-салон* «локальностью совершения событий» тургеневского романа [1, с. 395]. В свою очередь, *сад* с его липовой аллеей, кустами сирени и орешника, соловьём – это не просто обязательный атрибут дворянской усадьбы, но и место, где происходят главные события любовного сюжета героев.

Нельзя не заметить, что в описании *сада* городской усадьбы и деревенской усадьбы Лаврецких присутствуют идентичные пространственные образы: *аллеи*, *липы*, *сирень*, *малина*, *соловей*. Вместе с тем при изображении калитинского сада они или наделяются автором дополнительным

функциональным значением, или наблюдается смещение акцентов с одних пространственных объектов на другие (орешник, калитка, скамейка). При этом в обоих описаниях такие образы, как липа, сирень, соловей, имеют символическое значение. Как отмечает В.А. Доманский, флористический код *липы*, символа дворянского гнезда и уютного уголка, и *сирени*, цветка дворянской усадьбы, романтической любви и свиданий, определяет любовную коллизию романа [5, с. 57]. Однако на пути Лаврецкого, идущего по ночному саду Калитиных, встречается не только сирень, но и *орешник*, который, по замечанию К.И. Шарафадина, тесно связан с образом монастырского сада [9, с. 19]. По мнению ученого, соседство сирени и орешника в калитинском саду «отражает антиномию мотивов любви и отречения» [9, с. 21]. Действительно, Лиза Калитина предстаёт в романе человеком с противоречивыми эмоциями и побеждающим, в конце концов, сознанием нравственной необходимости. Жертвуя своим счастьем, Лиза уходит в монастырь. Как известно, в монастырях издревле господствовали ореховые деревья, что определялось религиозно-мистической семантикой ореха [9, с. 20]. Недаром кусты орешника присутствуют лишь в зарисовке сада Калитиных. Неоднозначна в романе и функция *сирени*: обладая амбивалентной семантикой, она одновременно символизирует первую любовь и является символом расставания влюбленных. Неотъемлемым атрибутом усадебного локуса является *соловей*. Он выступает не просто образом-эмблемой дворянской усадьбы, его пение предвещает земную любовь Лизы и Лаврецкого («В саду пел соловей свою последнюю, передрассветную песню: Лаврецкий вспомнил, что и у Калитиных в саду пел соловей; он вспомнил также тихое движение Лизиних глаз, когда, при первых его звуках, они обратились к темному окну») и становится аналогом чувств героев («<...> у каждого из них сердце росло в груди, и ничего для них не пропадало: для них пел соловей, и звезды горели, и деревья тихо шептали, убаюканные и сном, и негой лета, и теплом»), апогеем их любви.

Функциональной и смысловой нагрузкой обладают и такие пространственные образы калитинского сада, как *калитка* и *скамейка*. Семантика *калитки* («дверца в заборе, в воротах» [7, с. 261]) акцентирует её фронтальное (пограничное) положение. Традиционно калитка выступает границей *замкнутого/открытого* пространства. В романе калитка, с одной стороны, предстаёт символической

границей, отделяющей пространство сада как пространства влюбленных от остального мира («Лаврецкий долго бродил по росистой траве; узкая тропинка попала ему; он пошел по ней. Она привела его к длинному забору, к калитке; он попытался, сам не зная зачем, толкнуть ее: она слабо скрипнула и отворилась, словно ждала прикосновения его руки»), с другой – *открытая калитка* – это вход, через который Лаврецкий попадает в сокровенное, оберегаемое пространство любви. Любопытно, что после ночного свидания с Лизой Лаврецкий при выходе из сада обнаруживает калитку запертой. О.Б. Брагина полагает, что закрытая калитка является знаком преграды между Лаврецким и Лизой [3, с. 140]. Пространственный образ *закрытой калитки*, действительно, символизирует преграду, будущее разъединение героев, недостижимость для них желаемого счастья. В свою очередь, *скамейка* – это и место ночного свидания Лаврецкого и Лизы, являющегося кульминацией личных отношений героев, и символ их любящих сердец: «...схватив ее [Лизы. – Н.И.] руку, повел ее к скамейке. Она шла за ним без сопротивления; ее бледное лицо, неподвижные глаза, все ее движения выражали несказанное изумление <...> Он встал и сел подле нее на скамейку <...> Она опустила глаза; он тихо привлек ее к себе, и голова ее упала к нему на плечо... Он отклонил немного свою голову и коснулся ее бледных губ» [8, с. 105]. Примечательно, что спустя восемь лет Лаврецкий замечает, что скамейка в саду «почернела, искривилась», что ассоциируется со зрелой, умудренной, но лишенной счастья и домашнего очага жизнью героя, который «постарел не одним лицом и телом, постарел душою» [8, с. 157].

Наряду с локусом сад смысловую нагрузку несут *мебель, предметы интерьеров* дома Калитиных (фортепьяно, пальцы с канвой, ломберные столы, вольтеровское кресло и др.), которые представляют собой средоточие обжитого пространства и выступают знаками принадлежности его обитателей к дворянской культуре. Примечательно, что в доме Калитиных есть особое, «свое» пространство Лизы – «небольшая комнатка», которую Марфа Тимофеевна называет «*келейкой*» и при описании которой автор использует лексемы «*чистая*», «*светлая*», «*белая*». На религиозность героини указывает висящее в комнатке *распятие*, которое становится символом крестного пути Лизы. Напротив, в сюжете героя важную роль играет *фортепьяно*. Оно является принадлежностью

обстановки городского дома Калитиных (в Васильевское его привозят по распоряжению Лаврецкого), причём Лиза хорошо играет на фортепьяно, но «один Лемм знал, чего ей это стоило» [8, с. 113]. С фортепьяно связаны в романе музыкальные моменты, слушание музыки. Знаковый смысл фортепьяно обретает в конце произведения.

В сцене посещения через восемь лет Лаврецким усадьбы Калитиных *дом (комнаты, фортепьяно* в сочетании с другими репрезентантами дома – *пальцы, шитье*) становится особым пространством воспоминаний героя о прошлом: «Обои в обеих комнатах были другие, но мебель уцелела; Лаврецкий узнал фортепьяно; даже пальцы у окна стояли те же, в том же положении – и чуть ли не с тем же неоконченным шитьем, как восемь лет назад» [8, с. 155]. Память о чистой, одухотворённой любви к Лизе и пережитом счастье связывается в сознании героя прежде всего с *фортепьяно*: «...Лаврецкий вернулся в дом, вошел в столовую, приблизился к *фортепьяно* и коснулся одной из клавиш; раздался слабый, но чистый звук и тайно задрожал у него в сердце: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодия, которой, давно тому назад, в ту же самую счастливую ночь, Лемм, покойный Лемм, привел его в такой восторг. Потом Лаврецкий перешел в гостиную и долго не выходил из нее: в этой комнате, где он так часто видал Лизу, живее возникал перед ним ее образ; ему казалось, что он чувствовал вокруг себя следы ее присутствия» [8, с. 157]. Помимо фортепьяно *скамейка* в саду Калитиных обращает Лаврецкого к тем прошедшим прекрасным минутам жизни, когда он был вместе с Лизой, и вызывает сладостно-горестные переживания: «Лаврецкий вышел в сад, и первое, что бросилось ему в глаза, – была та самая *скамейка*, на которой он некогда провел с Лизой несколько счастливых, не повторившихся мгновений; она почернела, искривилась; но он узнал ее, и душу охватило то чувство, которому нет равного и в сладости, и в горести, – чувство живой грусти об исчезнувшей молодости, о счастье, которым когда-то обладал» [8, с. 156]. Как справедливо отмечает Н.В. Логутова, «скамейка, сохранившаяся в саду Калитиных, – это эмблема прошлого, символ пережитых героем счастливых мгновений и несбывшихся надежд» [6, с. 73]. Но главное, в сцене посещения Лаврецким дома Калитиных *скамейка*, на которой он некогда провёл с Лизой несколько счастливых минут; *комната*, в которой «он так часто видал Лизу»; *фортепьяно*,

извлечённый из которого «чистый звук» тайно дрожит в сердце, – это образы, которые предельно сконцентрированы во времени и пространстве и свидетельствуют об элегической системе ценностей героя. Хотя в финале романа центральными являются оппозиции *дом/путь*, *дом/монастырь*, вместе с тем дом Калитиных предстаёт символом дворянского гнезда, где нарушается старый порядок дворянской жизни, но не прерывается связь поколений: «...дом Марьи Дмитриевны не поступил в чужие руки, не вышел из ее рода, гнездо не разорилось» [8, с. 154].

Итак, в «Дворянском гнезде» дворянская усадьба и её детально воспроизведенные быт и природа являются полноправным действующим лицом романа и позволяют читателю ощутить усадебный уклад, понять суть тех традиций, которые истари определяли жизнь русского дворянства.

Большую смысловую нагрузку несут пространственные усадебные образы: они многозначны, порой вырастают до символа и полифункциональности. Многие объекты (гостиная, сад, пруд и др.) имеют сюжетное значение, являются организационными центрами основных описываемых автором событий. Весьма значимо изобразительное значение пространственных образов, поскольку благодаря им сюжетные события конкретизируются и пространство усадьбы приобретает чувственно-наглядный характер. Кроме того, усадебные пространственные образы способствуют пониманию душевной жизни тургеневских героев. Разумеется, усадьба, дом, сад имеют в романе не только сюжетобразующую, но и самостоятельную, независимую от сюжетных перипетий, характеров персонажей мифологическую ценность, что является перспективной темой дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст]. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Бельская А.А. Хронотоп усадьбы в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» [Текст] / Ред.-сост. Е.Н. Левина // Спасский вестник. – Вып. 14. – Тула: Гриф и Кс, 2007. – С. 32–46.
3. Брагина О.Б. Мифопоэтическое значение образа сада в романах И.С. Тургенева («Рудин», «Накануне», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети») [Текст] / М.В. Антонова, Н.П. Генералова, Л.А. Балыкова, В.А. Лукина // И.С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя. Вып. 3. – Орел: Изд-во Орловского государственного университета, 2008. – С. 137–143.
4. Доманский В.А. Сюжет и метасюжет усадебных романов И. С. Тургенева [Текст] / Ред.-сост. Е.Н. Левина // Спасский вестник. – Вып. 14. – Тула: Гриф и Кс, 2007. – С. 20–31.
5. Доманский В.А. Флористический код любовных коллизий прозы И.С. Тургенева [Текст] / Ред.-сост. Е.Н. Левина // Спасский вестник. – Вып. 16. – Тула: Гриф и Кс, 2009. – С. 52–60.
6. Логутова Н.В. Поэтика пространства и времени романов И.С. Тургенева [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Кострома, 2002. – 201 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.
8. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Изд. 2-е, испр. и доп. С. Т. VI [Текст]. – М.: Наука, 1981.
9. Шарафадина К.И. Обновление традиций флоропоэтики в лирике А. Фета // Русская литература. – 2005. – № 2. – С. 18–54.

N.V. ILYUTOCHKINA

FUNCTION OF COUNTRY ESTATE SPATIAL IMAGES IN I.S. TURGENEV'S NOVEL "NEST OF THE GENTRY"

The article is devoted to the analysis of functions of spatial images of the country estate (house, garden) in I.S. Turgenev's novel "Nest of the Gentry". The most significant spatial images are singled out and their role and function in the text of the novel is specified. It helps to clarify the artistic picture of the writer's world.

Key words: spatial image, locus, function, country estate, garden, house, interior, tribal memory.

Т.В. КНЯЗЬКОВА, аспирант кафедры журналистики и СО
Орловского государственного университета
Тел. (4862) 76-10-25; tanyaknyazkova@yandex.ru

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ЖАНРАХ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

В статье рассматривается состояние современной жанровой системы журналистских текстов. Представлены основные характеристики информационных и аналитических жанров газетного текста. Подчеркивается большая роль риторических фигур в журналистском тексте. На примере «Литературной газеты» подтверждена зависимость количества риторических фигур от жанра опубликованного материала. Приводятся примеры, обосновывается использование фигур в том или ином жанре.

Ключевые слова: аналитические жанры, информационные жанры, риторические фигуры, классификация риторических фигур, «Литературная газета», журналистский текст.

В современной журналистике жанровая палитра значительно отличается от жанрового состояния СМИ советского времени.

На наш взгляд, за последние двадцать лет произошло снижение качества аналитических материалов и значительное уменьшение количества художественно-публицистических материалов на страницах российской прессы.

Как считает А. А. Тертычный, «художественно-публицистическое отображение действительности <...> в современной журналистике, в отличие от журналистики предыдущего (советского) времени, нельзя считать активным» [10, с. 97].

Ученый полагает, что за последние 20 лет массовая аудитория отучена от чтения художественной публицистики, а также не хватает профессиональных авторов, обладающих соответствующими литературными данными, большим профессиональным опытом.

Идентичная ситуация сложилась и в сфере аналитической журналистики. Нехватка грамотных экономистов, политологов и аналитиков в других сферах общественной жизни (в спорте, образовании, медицине, культуре) особо остро ощущается как центральными, так и СМИ областного и городского уровней.

Понятие «анализ» лежит в основе названия группы жанров (аналитические) и определяет их особенности. Содержание понятия «анализ» (в контексте данного исследования) трактуется как метод научного исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь.

Если цель информационных жанров – оперативно сообщить о том или ином факте, событии, явлении, то цель аналитических жанров – не только сообщить читателю о факте, заинтересовать его происшедшим событием, но и вскрыть «корни», показать помимо явления и его сущность. В этих жанрах основу составляет осмысление проблемы (анализ, рассуждение, цепь аргументов), причем автор привлекает читателя в единомышленники, т. е. в активные соратники по самому процессу мышления.

Таким образом, «в аналитических жанрах на первый план выдвигается функция воздействия на читателя, убеждения в правильности авторской позиции» [8, с. 190].

Информационные жанры журналистики используются в целях оперативного оформления актуальной информации. К текстам, написанным в информационном жанре,

обычно относят тексты небольшого или среднего объема, отражающие один факт, одно событие, одну ситуацию. По словам Л. М. Майдановой, «заметка, корреспонденция, радиорепортаж, информационное интервью допускает стандартное оформление, совсем или почти без экспрессивных композиционно-языковых средств» [5, с. 183].

Основной задачей для материалов информационного жанра остается передача информации с эффектом присутствия в репортаже, средствами комического в сатирической заметке, зримо, наглядно в зарисовке.

Аналитические жанры (статья, эссе, аналитическое интервью, беседа, аналитическая корреспонденция, рецензия) не только передают читателю в той или иной степени актуальную информацию, но и анализируют ее, обобщая факты, выявляя закономерности развития событий и процессов.

Как считает Л. М. Майданова, «в аналитических текстах увеличивается количество и разнообразие фактического материала, призванного аргументировать подробно разработанную авторскую концепцию той или иной общественной проблемы» [5, с. 184].

Соответственно увеличивается насыщенность аналитического текста риторическими фигурами, так как для аргументации своего взгляда, мнения журналист использует все знакомые ему языковые средства выражения экспрессии. Информационная и воздействующая функции газетного текста создаются особой языковой тканью, сочетанием стандарта и экспрессии. При этом наиболее актуальной для автора материала становится прагматическая ориентация текста [1, с. 47–48].

Большую роль в журналистском тексте играет риторическая фигура. Фигура [от лат. *figura* – расположение частей, строение; положение, поза] – это акт использования (напр., инверсия, повтор) или образования (напр., переосмысление) номинативной единицы в целях усиления выразительности речи. Необходимо заметить, что фигуры не являются исключительной принадлежностью литературно обработанной речи: фигурами изобилует даже просторечие. «Мы все используем фигуры в нашей повседневной речи, знаем мы их названия или нет» [12, с. 301].

В качестве подтверждения слов британского ученого возможно использовать результат проведенного опроса журналистов областного молодежного издания «Орловский комсомолец». Оказалось,

что ни один журналист газеты не владеет теоретической подготовкой в области риторических фигур, но при этом в материалах того или иного автора мы можем встретить примеры различных фигур.

Для наглядности приведем мнение одного из журналистов.

Коптенко Людмила Ивановна, штатный журналист газеты «Орловский комсомолец», считает: «Язык – это лицо газеты. Если текст выразительный и построен грамотно, то и читать его приятно. Этого мы и добиваемся. Чтобы оживить материал, я употребляю те или иные обороты, но из теории по фигурам не знаю ничего. Главное, чтобы текст цеплял и заставлял человека дочитать до конца».

Однако важность и теоретической подготовки журналистов в области риторики нельзя отрицать, в особенности студентов-журналистов.

Г.Я. Солганик считает, что общепринятая непротиворечивая классификация выразительных средств (в частности тропов) и приёмов («фигур») отсутствует, поэтому в курсах стилистики и риторики чаще всего находим лишь более или менее упорядоченные списки «тропов и фигур» [9, с. 145].

В данном исследовании общая классификация приёмов и средств выразительной речи представляется возможной по их отношению к таким параметрам оценки (или, в античной традиции, «качествам») речи, как правильность / неправильность, однозначность / двусмысленность, разнообразие / однообразие и др. «Абсолютно все выразительные приёмы и средства по своему назначению напрямую связаны либо с выполнением, либо с нарочитым несоблюдением указанных требований к речи, что делает возможной классификацию таких приёмов и средств по их соотношению с качествами речи» [6, с. 25].

Основываясь на классификации В. П. Москвина, в которой фигуры соотносятся с качествами речи, мы рассмотрели публикации в общероссийской «Литературной газете» за период с 1 апреля по 29 июня 2010 года (№ 12–25) с точки зрения употребления риторических фигур в материалах различного жанра.

На наш взгляд, не все материалы, опубликованные на страницах «Литературной газеты», следует считать журналистскими. В начале исследования наиболее уместным было отделить журналистские тексты от материалов, написанных нежур-

налистами: комментарии специалистов (например, прокурора), обозревателей, критиков. В анализ не были включены следующие публикации: сведения научно-популярного характера, произведения художественно-публицистического жанра (в таких рубриках, как «Литинформбюро», «Портфель «ЛГ», «Клуб стульев», «Литература»), эпитафии, биографии и письма читателей.

Следует отметить, что при схожем количестве аналитических и информационных материалов на страницах газеты (один номер «Литературной газеты» содержит в среднем 38 информационных и 40 аналитических материалов) соотношение фигур в аналитических и информационных публикациях существенно отличается. Относительно равное количество аналитических и информационных материалов говорит о более высоком уровне аналитики общероссийского издания (в частности «Литературной газеты») в сравнении с изданиями областного и районного уровня (см. предыдущие работы: [2, 3]).

Проведенные ранее исследования показывают, что в изданиях вышеуказанного типа аналитика встречается чрезвычайно редко.

В каждом номере «Литературной газеты» число риторических фигур в аналитических материалах составляет около 83% от общего количества, а в информационных – 17%.

Очевидно, что в аналитических материалах работа со словом ведется более аккуратно и ювелирно. Автор тщательно подбирает нужные слова для выражения мыслей, усиливая тем самым приведенные аргументы или выводы. Отсюда следует, что популярность в данных материалах фигур таких критериев, как богатство речи, пространность, разнообразие, изобразительность, алогизм, вполне объяснима.

В зависимости от того, сколько было обнаружено примеров риторических фигур (в процентах от общего количества), они были распределены по критериям и представлены в приведенной ниже таблице.

«Литературная газета»

Информационные материалы			Аналитические материалы		
1.	Критерий однообразия	30%	1.	Критерий однообразия	21%
2.	Критерий ясности	14%	2.	Критерий ясности	17%
3.	Критерий точности	11%	3.	Критерий краткости	11%
4.	Критерий разнообразия	9%	4.	Критерий точности	10%
5.	Критерий нарушения уместности/краткости	8%	5.	Критерий богатства	5,5%
6.	Критерий нарочитого алогизма	5%	6.	Критерий пространности	5,2%
7.	Критерий неполноты/пространности	3%	7.	Критерий неполноты	4,6%
8.	Критерий двусмысленности/неточности/неясности/изобразительности/богатства	1,5%	8.	Критерий разнообразия/изобразительности/алогизма	4%

Результаты исследования показали следующее: налицо зависимость «**общее количество** риторических фигур – **жанр** материала». Исходя из проведенного исследования, мы убедились в том, что по насыщенности риторическими фигурами аналитический жанр превосходит информационный почти в 5 раз.

Однако зависимости в употреблении риторических фигур того или иного критерия от жанра публикации (аналитический, информационный) не обнаружено.

По количеству фигур преобладающими являются такие параметры оценки речи, как критерий од-

нообразия (30% от общего количества фигур) и критерий ясности (21%). Данная особенность характерна как для аналитических материалов, так и для информационных.

Использование фигур критерия однообразия объясняется стремлением привлечь читателя многочисленными повторами, акцентировать внимание на той или иной части фразы. Среди фигур критерия однообразия наиболее распространенными являются полисиндетон, лексическая анафора и глагольные повторы, в аналитических материалах также популярны такие фигуры, как синтаксический параллелизм, аллитерация и анадиплозис. При

использовании аллитерации некоторые звуки при избыточном употреблении могут вызывать устойчивые ассоциации, например, свистящий «с» и сонорный «м» — с гармоничным настроением.

«Думается, что врывающаяся в глаза черно-красно-белым рваным колером и сверлящая зловещим взглядом исподлобья обложка книжки знаменитого журналиста и писателя Ильи Стогова...» [«Литературная газета» № 15, 21–27 апреля 2010]. В данном примере чередование согласных «в» и «р», а также их звуко сочетание позволяют автору передать чувства, которые он испытывает не только по отношению к обложке рецензируемой книги, но и к ее создателю.

Такая фигура, как анадиплозис, как правило, не свойственна письменной речи и употребляется там очень редко, в отличие от устной, где она наиболее заметна. Однако ее наличие в аналитике «ЛГ» подтверждает наш тезис о «мутации» привычных, устоявшихся текстовых форм (жанров).

В аналитических материалах использование фигуры стык/подхват/анадиплозис наиболее оправданно, так как язык «аналитики» допускает обилие экспрессивных композиционно-языковых средств:

«Неужели власть тут ничего не смогла сделать, потому что не хотела? Хотеть-то она хотела, но, видимо, не так, как в истории с крупным бизнесом» [«Литературная газета», № 20, 19–25 мая 2010];

«Использовать его во всех сомнительных случаях. Сомнительным считать каждый» [«Литературная газета» № 23, 9–15 июня 2010];

«Если человек — современный украинский «доктор филологических наук, кандидат философских наук, преподаватель Института журналистики», то он совсем не обязательно «образованный интеллигент». Или образованный, но сугубо «по-киевски» [«Литературная газета», № 12, 1–6 апреля 2010].

Употребление фигур в аналитических и информационных материалах позволило определить, что среди примеров фигур критерия ясности лидируют инверсия и вопросно-ответный ход.

Инверсия — одна из наиболее часто встречающихся фигур акцентирования (ясности) как в устной речи, так и на страницах газеты.

В примерах инверсии компонент предложения, вынесенный в его конец или в начало, актуализируется, акцентируется. Например:

«Молниеносно последовала буквально разъяренная реакция Турции» [«Литературная газета», № 15, 21–27 апреля 2010];

«Когда футбольная команда является забавой для олигарха или существует, чтобы тешить самолюбие губернатора, болеельщик, скорее, мешает» [«Литературная газета», № 18, 5–11 мая 2010];

«Стало быть, посылать сотни тысяч освобожденных эзков и проституток в теплые края Донетчины и Луганщины не имело никакого смысла» [«Литературная газета», № 24, 16–22 июня 2010].

Данные фигуры достигают положительного коммуникативного эффекта — улучшают восприятие читателем основной идеи автора — за счет необычного расположения компонентов высказывания. «Реакция читателя для журналиста — это конечная цель коммуникации, и она должна быть только такой, какой он ее себе представляет, она сознательно запрограммирована, и все используемые средства должны служить ее реализации», — считает Е.В. Покровская [7, с. 81–87].

На первый взгляд, прямой порядок слов характерен для официальной речи, продуманной аналитической статьи на экономическую или политическую тему. В «ЛГ» публикуются выступления политиков, комментарии, статьи, рецензии, расследования, посвященные серьезным экономическим, политическим, спортивным и социальным проблемам. Однако даже в таких материалах встречается инверсия. В хорошем журналистском тексте все направлено на то, чтобы привлечь и затем удержать внимание адресата. М. А. Кормилицына включает использование характерного для разговорной речи порядка слов (т. е. инверсии) в список средств, которыми журналист вовлекает читателя в процесс общения [4, с. 51–52].

Таким образом, на употребление риторических фигур критерия ясности и однообразия не повлиял жанр, размер материала либо стилистика и кругозор автора.

В использовании фигур остальных критериев наблюдалось некоторое различие, которое объясняется как жанром материала, так и политикой издания в целом. В информационных материалах наиболее частотными являются фигуры критерия точности (11%), разнообразия (9%), нарушения уместности и краткости (8%). Точность, краткость — основные качества речи в таких информационных материалах, как заметка, новость, информа-

ция. Однако не все критерии оценки речи являются типичными для того или иного жанра.

Наличие фигур критерия нарушения уместности в информационных публикациях довольно необычно, учитывая (о чем говорилось выше) тот факт, что информационный жанр допускает стандартное оформление, совсем или почти без экспрессивных композиционно-языковых средств. Это возможно объяснить как политикой издания (стремление редакторов сделать издание более читабельным, а язык более ярким), так и тем, что источником речевых оборотов в газетном тексте часто является устная речь, которая фиксируется журналистами дословно.

«Еще недавно они плевать хотели на любую идеологию, в том числе и собственную» [«Литературная газета», № 15, 21–27 апреля 2010] – в данном примере используется фигура ситуативной неуместности – дисфемизм.

«Партия избалована легкими электоральными успехами. Она зажирела и оторвалась от народа, впитав в себя массу разного рода примазавшихся нечистоплотных и надменных личностей, ощущающих себя избранной кастой» [«Литературная газета», № 20, 19–5 мая 2010]. В данной цитате примеры тематической неуместности, батоса вполне могут быть заменены нейтрально окрашенными словами. Однако вероятно, что в этом случае использование фигуры критерия нарушения уместности указывает на глубину критики и степень возмущения автора материала.

Количество фигур вышеуказанного критерия свидетельствует об определенной тенденции: частотность употреблений журналистами фигур критерия нарушения уместности возрастает даже в информационных публикациях, в материалах такого жанра, в котором использование данной разновидности фигур является крайне нежелательным. На наш взгляд, слова и выражения должны быть уместны по отношению к содержанию речи. Положительной стороной подобного явления является то, что авторы нарушают тематическую и ситуативную уместность в информационных текстах часто с резкой критикой в адрес кого-либо либо вследствие чрезвычайной эмоциональности пишущего.

В аналитических материалах, как показало исследование, лидируют фигуры краткости (11%), точности (10%) и богатства (5,5%). Наиболее частое использование фигур таких критериев оценки

речи, как точность и краткость, сближает аналитику со стилем текстов информационного жанра. Данный факт подтверждает вывод, к которому пришли исследователи журналистики, о постоянном обновлении «жанровой палитры».

Критерий богатства речи, фигуры которого свойственны в большей степени художественно-публицистическому жанру, представлен и в аналитических материалах.

В богатой речи используются не только номинативные, в частности выразительные, средства языка, метафорические и метонимические наименования, перифразы и т. д., но и созданные автором, например фигуры парафраза:

«Лоб, который треснул» [«Литературная газета», № 21, 26 мая – 1 июня 2010]. В данном примере перефразировано название фильма «Трест, который лопнул», снятого по мотивам рассказов О'Генри.

Критерий богатства речи реализуется и через указание на смешное в предметах (рассказ забавных историй) – это один из приемов создания комического, что, безусловно, обогащает речь и любой журналистский текст. Главное, чтобы читатель догадался, что комично, а что нет:

«Почти анекдот: сейчас в Воронежской области реализуются федеральные программы в поддержку безработных. Финансирование составило 300 млн. руб., и по этой программе уже 25 воронежцев занимаются уборкой кладбищ Воронежа. Да не шучу я – это официальное сообщение!» [«Литературная газета», № 20 19–5 мая 2010].

Наше исследование показывает, что тезис о зависимости употребления риторических фигур от жанра газетной публикации не является столь уж однозначным.

Очевидно, что «составляющей коммуникативной компетенции развитой языковой личности являются не только знания и умения, необходимые для построения **правильной речи** (речи без нарушения литературно-языковых норм), но и знания и умения, позволяющие создавать **речь выразительную** (т. е. речь, способную воздействовать определенным образом на слушателя или читателя)» [11, с. 3].

Между тем если вопросы правильной (нормативной) речи достаточно подробно освещены в учебной литературе, толковых и других словарях и справочниках, то этого никак нельзя сказать о проблемах выразительной речи.

В целом, опираясь на материал «Литературной газеты», можно сделать вывод, что использование риторических фигур в современной прессе достаточно активно. По насыщенности риторическими фигурами и разнообразию композиционно-

языковых средств данное издание занимает лидирующие позиции. Несмотря на почти равное соотношение количества фигур в различных жанрах, число риторических приемов в аналитике во много раз превосходит информационный жанр.

Библиографический список

1. Князькова Т.В. Прагматика и риторика журналистского текста: советизмы и заимствования [Текст] // Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Тезисы. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. – С. 47–48.
2. Князькова Т.В. Употребление риторических фигур на страницах газеты «Орловский комсомолец» [Текст] // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. – С. 423.
3. Князькова Т.В. Использование риторических фигур как отражение общей культуры журналистов районной газеты (на материале районной газеты «Мценский край») // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2010/09.htm., свободный.
4. Кормилицына М.А. Актуализация линии «автор–читатель» как одна из тенденций развития языка современной прессы [Текст] // Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Тезисы. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. – С. 51–52.
5. Майданова Л.М. Жанры журналистики [Текст] // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003 – С. 183.
6. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс [Текст]. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – С. 25.
7. Покровская Е.В. Прагматика современного газетного текста [Текст] // Русская речь. – 2006. – № 3. – С. 81–87.
8. Смелкова З.С. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты: Учеб. пособие [Текст] – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 190.
9. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: Сложное синтакс. целое: Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» [Текст]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 145.
10. Тertychnyy A.A. Коммуникативные стратегии и журналистский текст [Текст] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 «Журналистика». – 2006. – № 4. – С. 97.
11. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Текст] / Под ред. А. П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005 – С. 3.
12. Vickers B. In Defence of Rhetoric [Текст]. Oxford, 1998. – P. 301.

T.V. KNYAZKOVA

RHETORICAL FIGURES IN GENRES OF MODERN PRESS

In this article the condition of journalistic texts“ modern genres system is considered. The main basic characteristics of information and analytical genres in periodicals of today are presented here. The great role of rhetorical figures in texts of press is emphasized. Following the examples of “Literaturnaya gazeta” the influence of genre of publication on rhetorical figures“ quantity is corroborated. Numerous examples are given in this article. The usage of figures in this or that genre is substantiated.

Key words: *analytical genres, information genres, rhetorical figures, classification of rhetorical figures, “Literaturnaya gazeta”, journalistic text.*

Т.А. ТЕРНОВА, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры русской литературы XX века Воронежского государственного университета
Тел. (4732) 208-941, ternova@phil.vsu.ru

АВАНГАРД ФУТУРИСТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ КАК ЦЕЛОСТНОЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье литературный авангард футуристической линии развития рассматривается как единый конгломерат. В качестве одного из объединяющих признаков для разных авангардных группировок названа литературная маргинальность, аспектами которой являются антропологический, жанровый, общекультурный. Определено рубежное место имажинизма в развитии русского литературного авангарда первой трети XX века.

Ключевые слова: авангард, имажинизм, маргинальность.

Первая треть XX века была специфическим явлением в истории русской литературы, когда на смену монистической концепции реализма пришел авангард, предполагавший множественность взглядов на мир и бесконечную вариативность эстетических решений. Плюралистические установки зафиксированы в программах практически всех авангардных литературных направлений. Так, вывод об эстетическом плюрализме, свойственном имажинизму, на основании манифестов, деклараций, литературной работы представителей направления делает И.В. Павлова. Вместе с тем она отмечает, что, несмотря на эту особенность, «при общем взгляде на творчество поэтов-имажинистов легко выявляются сходные особенности, и не только в приемах поэтики, но и на уровне мировоззрения, в чертах характера лирического героя, в пафосе, в философской и этической подоплеке стихов» [13, с. 75]. Установка на эстетический плюрализм зафиксирована и в Декларации ОБЭРИУ: «Говорят о случайном объединении различных людей. Видимо, полагают, что литературная школа — это вроде монастыря, где монахи на одно лицо. Наше объединение свободное и добровольное, оно соединяет мастеров, а не подмастерьев, художников, а не маляров. Каждый знает самого себя, и каждый знает, чем он связан с остальными» [12, с. 454].

Все вышесказанное убеждает не только в эстетической открытости авангарда первой трети XX века, но и в том, что он может быть рассмотрен как единый лагерь. Принципиальная эстетическая открытость может быть соответственно расценена как одна из ведущих его характеристик. Целью нашей работы будет описание ряда критериев, которые позволяют рассмотреть авангардные группировки под единым углом зрения, а также выявление этапности в развитии авангарда первой трети XX века.

С этой целью необходимо уточнить границы авангарда как эстетического явления. Существует несколько точек зрения на его хронологические рамки. Д.Н. Сарабьянов, например, считает началом авангарда 1900 г. [16, с. 83]. Для Н.И. Харджиева же авангард начинается в 1907 г. [24, с. 131]. Эту же дату называет и А. Крусанов: «Отсчет истории русского авангарда как общественного феномена следует, по-видимому, вести с зимы 1907–1908 гг. — времени первых выставочных объединений молодых художников, хотя истоки и предпосылки нового художественного мышления в

творчестве отдельных представителей авангардистского искусства, возможно, уходят глубже» [8, с. 110].

Равно дискуSSIONно и завершение авангардного процесса в первой трети XX века. Д.Н. Сарабьянов утверждает, что весь XX век принес существенные эстетические и мировоззренческие перемены и, по сути, может быть осмыслен как авангард. Он же отмечает, что разговор об авангарде осложнен тем, что термину нередко придается метафорический смысл для обозначения любого рода новизны. Термин иногда наделяется и дополнительными смыслами, изначально не заложенными в нем, например, становится знаком эстетического качества.

Вяч. Иванов не делает столь глобальных обобщений, но тем не менее считает авангард «основным <...> стилистическим ориентиром» XX века, «сказавшимся и на тех авторах, которые иногда (особенно в поздние периоды жизни, как Пастернак и Т.С. Элиот) склонялись к более традиционным формам» [6, с. 345].

Частотно мнение, согласно которому авангард ограничивают 1910–1920-ми гг. Такую точку зрения высказывает, в частности, Е.В. Тырышкина [23].

При ином подходе 10–20-е гг. XX века оказываются лишь ранним этапом развития авангарда. К примеру, Н.И. Харджиев называет период с 1907 по 1917 г. «боевым десятилетием» [24, с. 131]. Аналогична точка зрения Т.В. Казариной, которая выделяет три этапа в развитии авангарда XX века. Первый она связывает с зарождением и функционированием футуризма, имея в виду доминантную для направления «идею «слияния» предметности, языка и авторской воли» [7, с. 7]. В нашей работе будет учтена данная типология и предметом рассмотрения станет литературная деятельность направлений, восходящих к футуризму.

Попытки выявления критерия для описания авангарда как единого целого неоднократно предпринимались. Так, Д.Н. Сарабьянов называет в этом качестве «обязательность художественного открытия», «идею постоянного самообновления», «программность, проектный характер искусства, его манифестное сопровождение», ведущее к «утверждению новой концепции художественного творчества», «новой реальности» [16]. Идею преобразования как основную в авангардном мировидении называет также Н. Гурьянова («Вся теория искусства раннего авангарда исходит из похожей

идеи «преобразования»» [1, с. 95]. Она же указывает на специфику пафоса авангардных текстов, являющихся реализацией эстетики бунта.

В.Н. Терехина в качестве объединяющего начала для ряда авангардных группировок указывает ориентацию на экспрессионизм: «некоторые положения Декларации эмоционалистов перекликаются с высказываниями Ипполита Соколова. Например, «движение», сопряженное с творчеством, в программе эмоционалистов и «динамика восприятия и мышления» у экспрессионистов. Сближение биологических и художественных законов, отмеченное у И. Соколова, выступает и в строках М. Кузмина <...> В основе подобных совпадений, вероятно, непредумышленных, <...> была общая для них ориентация на экспрессионизм» [22, с. 35].

Т.В. Казарина указывает на значимость коммуникативной стратегии, реализуемой представителями авангарда, а также говорит о специфическом соотношении искусства и реальности: «авангард отождествляет творческое и продуктивное» [7, с. 7], «фиксирует преодоление фундаментального разрыва между материально-практической и знаковой областями действительности» [7, с. 6].

Во всех названных случаях не без оснований суммируются содержательные и формальные (приемы) характеристики авангарда.

Мы считаем необходимым упомянуть еще один значимый критерий авангардного художественного мышления — маргинальность, полагая, что это явление также может быть рассмотрено на разных уровнях: антропологическом, жанровом, общекультурном. Остановимся вкратце на этих позициях.

1. Антропологическая маргинальность. Значимыми в описании антропологической маргинальности являются решение представителями авангардных группировок вопроса о национальном; поэтологический ракурс, выявляемый через систему автометаописаний; исследование богоборческого пафоса авангардных текстов:

а) для авангардных групп в целом характерен отказ от национального в пользу эстетического либо выход на иные национальные ориентиры в противовес традиционным (эмоционалисты М. Кузмина с их ориентиром на немецкую литературную традицию);

б) частотным у авангардистов становится образ поэта-трикстера, занимающего специфическое

положение в социуме. Занимая низовое положение, он «ругается миру», на деле возвышаясь над ним. Поэзия наделяется традиционной профетической функцией с той поправкой, что акт творения разворачивается на глазах читателя (см.: В. Хлебников «Труба марсиан»);

в) богоборчество становится не просто обозначением места человека в мире, но и одним из основных приемов миромоделирования, которое осуществляется по воле и усилиями человека, помещаемого актом творения в центр мироздания. Наиболее показательны в этом случае примеры из литературной деятельности футуристов (В. Маяковский «Послушайте!», Д. Бурлюк «Мертвое небо»).

2. Жанровая маргинальность может быть проиллюстрирована литературным опытом имажинистов, в творчестве которых востребованы антижанр («Принцип басни» В. Шершеневича из сборника «Лошадь как лошадь»), фрагмент («Роман без вранья» А. Мариенгофа), новые жанровые модели («невеселая комедия» «Шут Балакирев» А. Мариенгофа, «поэма причащения» «Коевангелиеран» А. Кусикова).

3. Общекультурная маргинальность. Авангардное искусство балансирует на грани элитарного и массового, точнее, использует штампы и стереотипы массового искусства для иных целей, рефлексировав над ними в процессе создания текста. Отчасти эта специфика уловлена применительно к имажинизму И. Соколовым, который в «Хартии» называет представителей направления «газетными имажинистами», имея в виду вторичность их поэтики по отношению к футуризму и ориентацию на востребованность широкой аудиторией: «их имажизм не дороже имажизма газетных фельетонов» [20, с. 50]. В манифесте люминистов имажинизм также воспринят как явление массового искусства, использующего читательские и зрительские ожидания: «И вот на эстраду, колеблемую ветром оркестра, с грацией опытной шансонетки в «облатке обольстительных фраз и поз» выпорхнул Имажинизм. Помесь Маяковского с Северяниным, т.е. тигра с канарейкой. Имажинизм, чтобы поднять свои акции на поэзо-бирже, прежде всего поспешил обхвать футуризм <...> начал фабриковать словесные ходули» [15, с. 287].

Понятие «маргинальность», безусловно, шире понятия «авангард» и на этом основании может быть использовано как один из ведущих, но не

единственный критерий при описании авангардных эстетических явлений. На основании сделанных замечаний перечислим ведущие критерии, определяющие базовые характеристики авангарда: специфическое соотношение искусства и реальности (искусство объявляется единственной реальностью), проективность, эстетический радикализм, маргинальность (в аксиологическом, жанрово-стилевым, общекультурном аспектах).

Говоря об авангарде как едином эстетическом явлении, необходимо уточнить *состав* авангардного движения первого периода — возможность рассмотрения в его рамках тех или иных литературных направлений. С нашей точки зрения, в качестве авангардных могут быть осмыслены течения и направления, восходящие к футуризму, а именно: имажинизм, экспрессионизм, люминизм, конструктивизм, движение ничевоков и люминистов. За рамками нашего внимания окажется ЛЕФ не на основании художественных приемов, которые, безусловно, восходят к авангарду, а на основании мировоззренческих позиций (идеологической ориентированности, которая принципиально невозможна в рамках авангардных мировоззренческих установок). Сам же футуризм мы рассматриваем как неоднородное с точки зрения метода явление, выводя за рамки авангарда эгофутуризм с его ценностной эстетической ориентацией — представлением о красоте — и индивидуальную литературную работу Е. Гуро и В. Каменского, характеризующуюся аксиологической ориентированностью художественного мира (тема детства, родины и т.п.).

Состав авангардного движения в очередной раз позволяет рассматривать авангард футуристической линии развития как единый лагерь. В доказательство можно привести целый ряд фактов взаимоперетекания авангардных групп. Оно было характерно для факультативных футуристических объединений. К примеру, Павел Широков, член «ареопага» «Интуитивной ассоциации Эго-Футуризм», публиковал свои тексты в альманахах групп «Мезонин поэзии» и «Центрифуга». Константин Большаков после распада «Мезонина» сотрудничал с «Центрифугой». Приведем также одно из документальных свидетельств аморфности авангардного движения — «Декрет о ничевоках поэзии»: «Настоящий декрет 17 апреля 1921 года подписан в Москве экспрессионистом Борисом Земенковым, перешедшим в Российское Станови-

ще Ничевоков и вошедшим в состав Творничбюро» [3, с. 294].

Взаимовлияние авангардных литературных групп просматривается, в частности, в их программных документах. Так, например, «Предисловие к сборнику «Молниянин» («Московский Парнас») на основании использования приема стилизации напоминает «Увертюру Мезонина», который упомянут в тексте: «Читатель мой, Сударь! Обрати свое милое внимание к чудным метаморфозам российского пииты. Сей будуарный прелестник, Наркис Мезонина и Пашуканиса, как быстро ушел под ветротленные знамена “войны и злых житейских бурь!”» [9, с. 114]. Стоит заметить, что стилизация в данном случае имеет отнюдь не модернистское обоснование. Она указывает не на ценностные эстетические ориентиры представителей группы, а фиксирует их формальное мастерство. Таким образом, «Увертюра Мезонина» и «Предисловие» к «Молниянину» могут быть осмыслены с точки зрения жанровой маргинальности, поскольку содержательная сторона жанрового канона утрачивает в них свою функцию при сохранении формальной жанровой оболочки.

Помимо эстетической «оглядки» на «Мезонин» на уровне приема на примере «Предисловия к Молниянину» можно говорить и об ориентации на деятельность группы «Лирика»: «Лирный глас раздастся лишь с тех вершин, где сияют пленительные и нетленные имена наших дядюшек: Асеева, Аксенова, Bечер'а, Боброва, Ehrestein'a, Пастернака и Хлеюникова, коими ныне почти исчерпывается светлый мировой экспрессионизм» [9, с. 114–115].

На примере художественных текстов представителей разных авангардных групп можно говорить о единстве реализованной в них авангардной поэтики. Так, очевидна ориентация на имажинизм в литературной работе экспрессионистов И. Соколова. В. Терехина справедливо замечает: «В целом эти поэты были экспрессионистами с «имажинистской доминантой». В полемических выступлениях они пытались дистанцироваться от Шершеневича, от имажинистов, на практике Борис Земенков объединялся с Шершеневичем (сохраняя за собой определение «экспрессионист») в книге «От мамы на пять минут» (1920), Гурий Сидоров печатал «Ялик» в издательстве «Имажинисты», а Ипполит Соколов назвал последний из своих теоретических трудов «Имажинистика» (1922)» [22, с. 27].

В рамках данной работы мы планируем также остановиться на вопросе о *стадиальности* развития русского авангарда первого периода (футуристической линии развития). Мы считаем необходимым помимо начальной точки отсчета для этого этапа (литературной деятельности футуристов) назвать также переломную точку, знаковый момент этого периода. Нет сомнений, что в этом качестве выступает литературная деятельность имажинистов.

Ряд исследователей высказывают мнение о вторичности имажинизма как литературного явления, полагая, что его представители были не более чем эпигонами футуризма [5]. Такая точка зрения на имажинизм имела место и в пору его существования: «То, что имажисты выдают за имажизм, на самом деле есть плохой футуризм» [20, с. 50].

Тем не менее фрагменты литературных деклараций представителей ряда авангардных групп, несмотря на предопределенную жанром манифеста стилистику, убеждают в значимости имажинизма, от которого начинают отсчет своей литературной деятельности эти направления.

Наиболее показательна, хотя и не бесспорна, точка зрения на имажинизм И. Соколова, лидера группы экспрессионистов. Он толкует имажинизм расширительно, понимая его как прием («имажизм не отдельная литературная школа, а лишь технический прием» [20, с. 50]. При таком подходе имажинистами оказываются Маяковский, Шершеневич, Большаков и Третьяков. О составе движения речь также идет в «Воззвании экспрессионистов о созыве Первого Всероссийского Конгресса поэтов»: «...Имажинисты: Шершеневич, Третьяков, Есенин, Мариенгоф, Эрдман, Кусиков и Моноссон» [4, с. 54]. Аналогичный ряд имен назван и в работе «Экспрессионизм»: «Имажисты Маяковский, Шершеневич, Большаков и Третьяков с 1913 г. были имажистами, а с 1916 г. стали классиками имажизма» [21, с. 56].

Такой взгляд на имажинизм исходит у И. Соколова из футуристических ориентиров на формальное искусство и демонстрирует его отношение к имажинизму как не более чем ответвлению футуризма: «В аморфном русском футуризме существовало четыре определенных течения: имажизм, ритмизм, кубизм и евфонизм» [21, с. 56]. За каждым из ответвлений единого, с точки зрения Соколова, эстетического явления усматривается определен-

ная формальная доминанта: «Каждая фракция футуристов культивировала что-нибудь одно: имажисты — образ, кубисты — новый синтаксис и новую этимологию, центрифугисты — ритм и евфонисты — рифму и ассо-диссонанс» [20, 50].

В работе «Имажинистика» (1921) круг приемов имажинистской поэтики увиден более широко: «Средства: тропы («Сущность тропы в том, чтобы наиболее интенсивно репродуцировать ощущения» [19, с. 248]), краткие сравнения, оригинальные. «Имажинисты не боятся неестественных сравнений» [19, с. 248], «имажинисты не боятся катахрезы. В имажинистской фразе не может быть подразделения на основную тропу, на тропу первого, второго и третьего порядка» [19, с. 249], «политропизм — это максимум неожиданности и новизны в комбинациях образов» [19, с. 249], «монотропизм — это полный, точный, симметрично развернутый на обе части образ» [19, с. 250], «имажинисты не употребляют абстрактных образов, они употребляют только конкретные образы» [19, с. 252]. В «Хартии экспрессионистов», пусть и в негативном ключе, упоминался еще один показательный, с точки зрения Соколова, прием — гипербола: «Они не имажисты, а гиперболисты» [20, с. 50].

Отмечая эстетическую новизну и заслуги имажинизма («Группа имажистов пыталась сдвинуть левую поэзию с мертвой точки»), И. Соколов говорит о нем как о «вчерашнем дне»: «Имажизм — не сегодняшшний, а вчерашний день. Имажизм в 1919 году — анахронизм» [20, с. 50]. Он полагает, что открытия в русле поэтики образа уже состоялись в 1913–15 гг.: «Классики имажизма Маяковский, Шершеневич, Большаков и Третьяков достигли такой высоты, что после 1915 года можно только им подражать, но нельзя их продолжать (доказательство: хотя бы вирши сегодняшних имажистов)» [20, с. 50].

Имажинизм провозглашается в ряде манифестов и деклараций авангардных литературных групп как точка отсчета для выработки их собственной эстетической платформы. Так, экспрессионисты, дискуссионно выстраивающие свои позиции по отношению к имажинизму в целом, тем не менее берут на вооружение выработанные имажинистами приемы создания стиха наряду с достижениями других своих литературных предшественников, которые предполагают синтезировать: «Мы, экспрессионисты, не отрицаем никого из наших

предшественников. Но один имажизм или один кубизм, или один только ритмизм нам узок» [20, с. 50].

В самом общем виде такая установка экспрессионистов перекликается с имажинистскими позициями, особенно в варианте В. Шершеневича, и предполагает, что, как таковая, эстетическая новизна на современном этапе развития искусства невозможна, она может заключаться лишь в неожиданной комбинации прежде разработанных приемов. Показателен также космополитизм экспрессионистов, демонстрируемый ими в поле эстетики. В качестве объектов синтеза они мыслят достижения не только русских, но и западных школ и направлений: «Мы синтезируем в поэзии все достижения четырех течений русского футуризма (имажизма, ритмизма, кубизма и эвфонизма) <...>, имажизма Уиндгэма Люиса» [18, с. 61]. В определенном смысле эта идея также перекликается с имажинистским тезисом о том, что «национальная поэзия — это абсурд, ерунда. <...> Нет искусства классового, и нет искусства национального» [25, с. 64–65].

Руководствуясь установкой на синтез приемов, выработанных литературными предшественниками, в конечном итоге экспрессионисты планируют занять в литературе специфическое место — «значительно левее футуристов и имажинистов» [20, с. 50].

В рецензии на сборник представителя группы «Московский Парнас» М. Тэ С. Бобров также говорит о том, что в его творчестве просматривается ряд авангардных претекстов, в том числе имажинистский: «М. Тэ, видимо, читал и Н. Асеева, и Б. Пастернака, и имажинистов» [22, с. 484].

Очевидно, что учет предшествующих литературных позиций может осуществляться как в плане преемственности, так и в варианте преодоления. Показателен в этом смысле опыт ничевоков. Ключевой метафорой манифеста ничевоков становится шаг, означающий собой движение от старого к новому. Эта метафора вообще частотна для манифестов и деклараций. В данном случае она становится визуализированной и поддерживается приемом градации, разводящей разные темпы движения: «...сзади шамкают ногами дерзкие из дерзких умершей поэзии: футуристы всех мастей, имажисты, экспрессионисты, группы, группки, группки» [10, с. 291]. Воздавая должное литературным предшественникам, ничевоки отмечают исчерпан-

ность их поэтики: «О, великий поэт, гигант и титан, последний борец из бывшей армии славных, Вадим Шершеневич, радуйся и передай твою радость своему другу, автору высокочтимой «Магдалины» Мариенгофу, шепни на ухо Есенину о том, что ни тебе, ни твоим потомкам не придется:

Вадим Шершеневич пред толпой безликой

Выжимает, как атлет, стопудовую гирию моей головы» [10, с. 292].

Манифесты ничевоков свидетельствуют о дискуссионном отношении к имажинизму: признавая его значение в поэзии, ничевоки констатируют его исчерпанность, предполагая заимствовать отдельные находки-достижения имажинизма: «Единственное пока что жизненное течение в поэзии — имажинизм нами принимается как частичный метод» [3, с. 293].

В манифесте неоклассиков также присутствует семантика движения, но его этапы осмыслены иначе: «Неоклассицизм есть течение прогрессивное, идущее от классицизма к современности, в отличие от некоторых литературных течений, которые идут от левых формальных достижений (имажинизм, конструктивизм и пр.) к чистому классицизму, т.е. регрессивно [2, с. 307].

Об этапности развития левой поэзии говорят футуисты, используя при этом образ некоей нулевой творческой точки, с которой начнется последую-

щее творение: «Ни зги на российских эстрадах, продавленных копытами всевозможных имажинистов» [14, с. 319]. Сам образ нулевого творческого пространства восходит к футуристам (хлебниковская идея Зачеловека), а его наполнение подготовлено литературной работой самих имажинистов (см. сб. В. Шершеневича «Лошадь как лошадь»). На обилие конских образов у имажинистов указывал также И. Грузинов в статье ««Конь: анализ образа» (см. об этом: [11, с. 215]).

В манифесте биокосмистов также осуществляется акт преодоления имажинизма: «Мы не обралоносцы, но речетворцы» [17, с. 279]. Тем не менее сама отсылка к имажинизму здесь весьма показательна. Имажинизм воспринимается как знаковый момент авангардного литературного процесса.

Сделанные наблюдения позволяют прийти к следующим выводам:

1. Литературный авангард первой трети XX века является единым конгломератом.

2. Одним из объединяющих признаков для разных авангардных группировок становится литературная маргинальность, аспектами которой являются антропологический, жанровый, общекультурный.

3. Рубежное место в развитии русского литературного авангарда первой трети XX века занимает имажинизм.

Библиографический список

1. Гурьянова Н. Эстетика анархии в теории раннего русского авангарда / Н. Гурьянова // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 92–108.
2. Декларация неоклассиков // Литературные манифесты: «От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. — М.: Аграф, 2001. — С. 306–309.
3. Декрет о ничевоках поэзии // Литературные манифесты: «От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. — М.: Аграф, 2001. — С. 292–294.
4. Земенков Б., Сидоров Г., Соколов И. Воззвание экспрессионистов о созыве Первого Всероссийского Конгресса поэтов / Б. Земенков и др. // Русский экспрессионизм / Сост. В.Н. Терехина. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 52–54.
5. Иванова Е.А. Творчество В. Шершеневича: теоретические декларации и поэтическая практика: Дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Иванова. — Саратов, 2005. — 202 с.
6. Иванов Вяч. Вс. Практика авангарда и теоретическое знание XX века // Вяч. Вс. Иванов Избранные труды по семиотике и истории культуры. — Т. 4. — М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 345–347.
7. Казарина Т.В. Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов. Автореф. ... д.ф.н. / Т.В. Казарина. — Самара, 2005. — 37 с.
8. Крусанов А.В. Самозванное искусство // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева / Под ред. М.Б. Мейлаха и Д.В. Сарабьянова. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 109–119.
9. Лапин Б., Габрилович Е. Предисловие к сборнику «Молниянин» / Б. Лапин, Е. Габрилович // Русский экспрессионизм / Сост. В.Н. Терехина. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 114–115.
10. Манифест от ничевоков // Литературные манифесты: «От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. — М.: Аграф, 2001. — С. 291–292.
11. Марков В. Гостиница для путешествующих в прекрасном / В. Марков // Звезда. — 2005. — № 2. — С. 211–219.
12. ОБЭРИУ (Декларация) // Ванна Архимеда: Сб. — Л.: Худ. лит. — С. 453–461.

13. Павлова И.В. Общие свойства лирического сознания и пафоса в поэзии имажинистов / И.В. Павлова // Русский имажинизм: история, теория, практика / Под ред. В.А. Дроздова, А.Н. Захарова, Савченко Т.К. — М.: ЛИНОР, 2003. — С. 75–95.
14. Перелешин Б. Фуисты / Б. Перелешин // Литературные манифесты: «От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. — М.: Аграф, 2001. — С. 319–320.
15. Провозвестие люминизма // Там же. — С. 285–290.
16. Сарабьянов Д.Н. К ограничению понятия «авангард» / Д.Н. Сарабьянов // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева / Под ред. М.Б. Мейлаха и Д.В. Сарабьянова. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 83–91.
17. Святогор А. Биокосмическая поэтика / А. Святогор // Литературные манифесты: «От символизма до «Октября» / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. — М.: Аграф, 2001. — С. 275–283.
18. Соколов И. Бедкер по экспрессионизму / И. Соколов // Русский экспрессионизм / Сост. В.Н. Терехина. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 61–63.
19. Соколов И. Имажинистика / И. Соколов // Литературные манифесты: «От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. — М.: Аграф, 2001. — С. 245–252.
20. Соколов И. Хартия экспрессиониста / И. Соколов // Русский экспрессионизм / Сост. В.Н. Терехина. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 50–52.
21. Соколов И. Экспрессионизм / И. Соколов // Там же. — С. 55–57.
22. Русский экспрессионизм // Русский экспрессионизм / Сост. В.Н. Терехина. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 512 с.
23. Тырышкина Е.В. Русская литература 1890-х — начала 1920-х гг., от декаданса к авангарду: Литературный процесс в единстве теории и практики: Диссертация ... д.ф.н. / Е.В. Тырышкина. — Новосибирск, 2002. — 345 с.
24. Харджиев Н.И. К истории русского авангарда = The Russian avant-gard / Н. Харджиев, К. Малевич, М. Матюшин. — Stockholm: Hylaea prints: Almqvist a. Wiksell intern, 1976. — 189 с.
25. Шершеневич В.Г. Листы имажиниста / В.Г. Шершеневич. — Ярославль, 1997. — 526 с.

T.A. TERNOVA

AVANT-GARDE FUTURISTIC LINES OF DEVELOPMENT AS A COHERENT AESTHETIC PHENOMENON

In this article the literary avant-garde futuristic lines of development is considered as a single conglomerate. As one of the unifying characteristics for different groups called avant-garde literary marginality, aspects of which are anthropological, genre, general cultural. Defined Imagism's place in the development of Russian literary avant-garde of the first third of the twentieth century.

Key words: *avant-garde, Imagism, marginality.*

М.И. ФЕДОТКИНА, аспирант кафедры истории русской литературы XI–XIX вв. Орловского государственного университета
Тел. 8 910 2085706; mifed@orel.ru

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В РАННИХ ПОВЕСТЯХ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

В настоящей статье на примере двух повестей Петровского времени – «Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии» и «Повести о Леопольде и его сестре Маргарите» – анализируется одна из моделей пространственной организации «неполезной повести», выявляются атрибуты художественного пространства и их художественная роль.

Ключевые слова: категория пространства, модель пространственной организации текста, атрибуты пространства, локус.

На рубеже XVII–XVIII столетий в России появляются повести, которые отличаются от древнерусских произведений занимательным сюжетом, представляющим собой ряд приключений героев, их путешествий, неожиданных встреч и расставаний. При этом немаловажную роль играет пространственная организация повествования, которая может выполнять различные функции. В подобных повестях мы можем выделить несколько моделей организации художественного пространства. Одна из них представлена в двух текстах: «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии» и «Повесть о Леопольде и его сестре Маргарите».

Учёные предположили, что эти повести являются списками более ранней редакции оригинального сюжета, которая в настоящий момент так и не найдена [2:320]. М.В. Кукушкина установила, что «Повесть о Леопольде» по времени создания относится к 40-м годам XVIII века [2:320], а «Повесть о Карле» является ее более поздним вариантом, возникшим во второй четверти XVIII века [1: 408], причем последняя сохранилась не полностью – отсутствуют первый и последний листы.

Несмотря на разные имена героев, повести имеют одинаковые сюжетные линии, а также практически не отличающуюся организацию художественного пространства: использование домов героев как основных локусов, ограничивающих их перемещение в пространстве. Однако никакого значения это разделение не имеет, герои легко переходят из одного локуса в другой, и это не мешает последовательному развитию цепочки событий. Так, в повести о Леопольде и Маргарите действие происходит в одной стране (Испании), а в повести о Карле и его сестре Софии дом героя находится в Испании, а дворец короля – во Франции.

После нескольких обобщающих замечаний перейдем к пространственной характеристике двух указанных текстов.

Начнём с анализа «Повести о Леопольде и его сестре Маргарите». Основными пространственными центрами в этом произведении становятся дом Леопольда и его отца и королевский дворец, которые формально находятся на территории одной страны. При описании этих домов встречаются бытовые детали, которые делают повествование более достоверным. Так, дом Леопольда представлен не просто как универсальное и единое понятие для обозначения места жительства персонажа, а получает определенную конкретность: упоминается о «полате» Леопольда, то есть его

спальне, и о другой комнате, где «министры веселятца», а также о заднем дворе дома, где позднее происходит встреча сестры и брата. Стоит упомянуть, что уцелевший список повести начинается с того момента, когда Леопольд просит короля оказать ему честь и посетить его дом. При этом посещение королём дома Леопольда воспринимается как проявление истинного уважения к дворянину и истинного благоволения перед его заслугами. Леопольд – сын дворянина, поэтому он хочет пригласить в свой дом короля, для этого он использует уничижительную форму прошения, что было характерным при обращении подданных к королю: «Королевское величество, всемилостивейший государь, с покорностию прошу вашего величества, не презри моей бедной прозбы, хотя и не по заслугам моим столько дерзнул трудить ваше величество, однако ж ежели милостиво напомниме услугу к вам родителя нашего, чтоб посетил убогой мой домишко и притом с министрами вашими повеселитьсяца» [2:321]. Как видим, всё обращение Леопольда построено при помощи употребления слов с уничижительной семантикой, а также при помощи придаточных уступки.

Таким образом, дом дворянина становится не только местом завязки действия, но и символом преданности подданных монарху.

Комната Леопольда вызывает интерес не только потому, что именно здесь король видит портрет Маргариты, но и её бытовыми описаниями: «И пришел (*король*) в ту палату, где спальня Леопольдова, и немало подивился убранству кровати ево, ибо у самого короля такой не имелось. И увидел дамской патрет, которой был поставлен в ногах под балдахин кровати его...» [2:321]. Эти детали интерьера пока совершенно незначительны, но, безусловно, это шаг к бытовой детализации пространства. Причём богатое убранство подчёркивает величие героя и его равенство королю, несмотря на статусные различия. Комната героя становится местом непосредственной завязки дальнейшего сюжета повести, так как король, увидев портрет Маргариты (сестры Леопольда), хочет на ней жениться и с этого момента относится с подчёркнутым благоволением к своему будущему шурина. Такое положение стало не устраивать прочих министров, что и послужило поводом для клеветы на Маргариту. Далее действие переносится в неопределённое пространство, не получающее никакого конкретного наименования и тем более опи-

сания: министры съезжаются «на совет к некоторому министру» [2:322], чтобы обсудить, как устроить Леопольда. Причём в повести явно подчёркивается, что министрами движет только их зависть и злоба: «того ради все министры и генералитеты стали быть завистию надменны, искали подобного времени злобы своей» [2:322]. В доме министра происходит сговор, в который вмешивается королевский фельдмаршал, который за 10 000 червонных обещает отвести государя от намерения жениться на Маргарите. После этого все разъехались «по своим квартирам». Заговор подданных происходит тайным путём у кого-то в доме, но больше ничего не известно об этом происшествии.

Следующая часть повествования происходит в основном во дворце короля, который в отличие от дома Леопольда не получает конкретизации и описания. По сути, дворец – это уже символ власти, силы, подчинения и величия. Именно во дворце фельдмаршал, оперируя своими заслугами перед отечеством и королём, сообщает ему о том, что жил с Маргаритой в грехе 2 года, то есть, пользуясь своим статусом и доверием короля, лжёт ему. Во дворце происходят и объяснения героев: король призывает к себе шурина, чтобы выяснить правду о его сестре, а также принимает решение после обманных действий фельдмаршала приговорить Леопольда к аресту и последующей казни.

Ещё одним местом действия, конкретно не обозначенным, но упомянутым в тексте, является квартира фельдмаршала, в которой он и принимает решения о своих дальнейших намерениях. Интересен тот факт, что фельдмаршал, чтобы узнать истинные приметы Маргариты в своём доме, пересаживается на «небогатую коляску» и отправляется ко двору дома Леопольда, а именно к задним воротам, где выясняет от мамки Маргариты приметы её тела, и, будучи неузнанным, возвращается «в дом свой с веселием» [2:323]. Карета в данном случае является неким атрибутом, заявляющим о статусе человека, его положении в обществе. Фельдмаршал, не желая выдавать себя, прибегает к этому приёму. Пространство задних ворот также можно воспринять как намёк на интриги, которые замышляются за спиной у короля и оклеветанных людей, задние ворота – это место, где происходят не совсем честные деяния. В подтверждение этим словам приведём пример ещё одного эпизода, который также происходит на зад-

нем дворе дома Леопольда, – это последняя встреча перед казнью брата и сестры. Леопольд, поверив в доказательства фельдмаршала, просит у короля свидания с сестрой, которая не подозревает о событиях, случившихся во дворце. Эта сцена встречи организована по принципу противопоставления: радующаяся сестра и гневный брат: «...Маргарита...от великое любительной горячности выбежала к нему и хотя его поцеловать...Леопольд же егда увидел сестру свою, наполнись сердце его горести и очи слез...сильно ударил ее по щеке, что она бес памяти на землю упала...» [2:323]. Как видим, столь насыщенная в эмоциональном плане сцена также происходит на заднем дворе дома, так как не принято выносить свои проблемы на всеобщее обозрение.

Мы уже обращались к карете как к символу статуса, занимаемого человеком. В последующем повествовании Маргарита, собираясь во дворец, также приказывает подобрать себе иной экипаж, только в отличие от фельдмаршала, намеренно скрывающего свой статус, героиня завышает его: «...приказала...не щадя своего богатства, сделать новую богатую либерию, како и в королевском доме не бывало. || И поутру велела убрать и убрать себе пребогатую позлащенную корету...» [2:324]. Следует отметить, что второй раз в тексте встречается сравнительный оборот с убранством дворца, подчёркивающий истинное величие и равенство героини королю. Такое обыгрывание ситуации необходимо было, чтобы никто не узнал Маргариту, цель её приезда – поразить всех. Именно поэтому все, в том числе и король, сначала принимают Маргариту за герцогиню или другую влиятельную особу. Только в этом эпизоде дворец из общего наименования места действия превращается в более конкретизированное пространство: так, король выходит навстречу Маргарите «ис полат» и приглашает её пройти в них. Здесь происходит объяснение всех героев, наконец, наступает развязка: Леопольда освобождают из-под стражи, он «обретает благородство», дарованное королём; король женится на Маргарите; у фельдмаршала «отнята честь», после чего его изгоняют «с публикою из государства вон» [2:324], а некоторых министров казнят.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что пространственная организация повести о Леопольде находится только на ранней стадии своего развития, но и здесь мы можем от-

метить приуроченность событий, происходящих с героями, к определенному месту. В тексте существуют два противопоставленных друг другу локуса: дом героя и дворец короля. Дом героя – это символ чести, служения отечеству, верности моральным и нравственным принципам, дворец – это символ власти, интриг, но вместе с тем и символ всё-таки торжествующей справедливости и наказания неверных. Если в доме Леопольда происходит завязка действия, а также эмоциональная сцена объяснения, то во дворце происходит кульминация и развязка действия. Вокруг этих «домов» выстраиваются все остальные немногочисленные детали: задний двор, палаты, спальни, квартиры министров, причём некоторые из них приобретают только намечающиеся детализацию и конкретность. Подтверждением тому могут служить примеры попытки бытового описания предметов, окружающих персонажей, с целью подчеркнуть их социальную значимость. Некоторые предметы воспринимаются как атрибутика понятий власти, достатка (карета, ливрея). Пространство в повести не только придает сюжету большую занимательность, но и выполняет функции характеристики состояния героев.

Как отмечалось ранее, «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии» сходна по сюжету с «Повестью о Леопольде и его сестре Маргарите». Если обратиться к анализу пространственной организации повести, то её действие осложнено тем, что оно разворачивается уже в двух странах (Испании и Франции), а не в одной (если сравнивать с первой редакцией). Перемещение героев из одной страны в другую создаёт дополнительные сцены в повествовании, которые, в свою очередь, приводят к усложнению сюжета по сравнению с повестью о Леопольде и Маргарите. Карл является «гишпанским дворянином», который приехал во Францию, а именно он приехал в Париж. Цель приезда героя не обозначена в сохранившемся тексте, однако можно предположить, что Карл захотел увидеть мир и отправился в путешествие. Подобные мотивы отъезда из отчего дома встречаются и в других повестях, созданных на рубеже XVII–XVIII веков. Стоит вспомнить повести о Василии Кориотском, о кавалере Александре, о шляхетском сыне, где главные герои также покидают отчий дом, чтобы познать другие земли и страны. Карл приезжает в Париж, а его сестра Софья остаётся в Испании, в Мадриде, облачив-

шись в чёрное платье, символизирующее печаль и тоску по брату.

По прибытии Карл останавливается на квартире у некой хозяйки, которая доносит королю Франции Максимиану о приезде, который якобы занимается идолопоклонством. Исследователи считают, что на первый взгляд аполитичная повесть всё-таки отображает некоторые черты реальной жизни времени её создания [1]. Квартира хозяйки – это отправная точка в завязке действия, но она лишена конкретности и бытового описания. Далее практически всё действие в произведении происходит в одном из основных локусов – это дворец короля. Если мы будем сравнивать с повестью о Леопольде и Маргарите, то там также присутствуют два основных локуса – это дворец короля и дом героя, только они расположены на территории одной страны. Однако это не единственное отличие двух вариантов: дворец в первой повести был совершенно не конкретизирован. Он воспринимался как единое целое, тогда как в рассматриваемой нами повести дворец приобретает более детальное описание: в нём есть палаты, покои короля. В «особой полате» дворца Карл при первой встрече с королём показывает ему портрет своей сестры и рассказывает о ней, а в «королевских покоях» фельдмаршал сообщает королю заведомую ложь о сестре Карла. В предыдущем тексте также есть сцена, связанная с клеветой фельдмаршала на сестру Леопольда, но там такой поступок объяснялся заговором ближайшего окружения короля против его женитьбы на Маргарите и против новоназванного шурина. Другими словами, ложь объяснялась завистью придворных к благосклонному отношению короля к ничем не примечательному Леопольду. В повести о Карле и его сестре Софии фельдмаршал руководствуется корыстными интересами, но уже более личного порядка: он хочет, чтобы король женился на его дочери. Здесь мы также встречаем символику «глубокого траура» [1:418], в котором приехал фельдмаршал к королю. Для этого он «приказал конюшенному своему обить большую корету черным сукном, також и цуговые шоры обить сукном тем же и лакеям своим черное платье. Потом и сам, в глубокий траур убравшись, поехал во дворец» [1:418]. Карета в этом случае является не просто средством передвижения героев, а выражением их статуса (повесть о Леопольде и Маргарите) и эмоционального состояния, в котором пребывает персонаж или

иллюзию которого он хочет создать. Стоит отметить, что после приезда фельдмаршала из Испании, где ему удаётся узнать об истинных приметах Софии, а следовательно, и обмануть короля, он едет во дворец уже в «богато убранной корете» [1:421]. Карета в данном случае символизирует настроение персонажа: его умысел удался.

Как и в первой повести, в тексте есть упоминания о доме фельдмаршала, причём после эпизода клеветы на Софию фельдмаршал приезжает в свой дом и велит закрыть все ворота, а сам поехал в Мадрид на «лёгком судне». Интересен тот факт, что после приезда во Францию фельдмаршал велел «ворота свои отворить, и кто к нему приедет, всякаго пущать» [1:421]. Запертые или открытые ворота становятся символом расположения хозяйина дома к общению.

Приехав в Испанию, фельдмаршал нанимает квартиру напротив двора Вильгельма (умершего отца Карла и Софии). Далее упоминаются такие элементы пространства, как «керка», куда ходит мамка Софии, и ворота дома Софии. Все выше-названные пространственные объекты делают повествование более реалистичным и менее абстрактным, хотя они не получают какого-либо описания и конкретизации. Единственным бытовым предметом в квартире фельдмаршала является чёрный бархат, который он подарил старушке после беседы с ней.

Ещё одним общим эпизодом в двух повестях является приезд брата к сестре после клеветы фельдмаршала, причём брат, уверенный в правоте последнего, приезжает к воротам своего дома и, встречая сестру, выражает ей своё презрение (даёт пощёчину). Как видим, детали этой сцены в произведениях практически идентичны, за исключением того, что в повести о Леопольде и Маргарите дом героя и дворец находятся в одной стране, а в повести о Карле и Софии дворец короля и дом героя находятся в двух разных странах. Именно поэтому в рассматриваемом произведении появляется новый локус – пристань Мадрида, куда прибывают корабли из Парижа. В этом случае передвижение героев на кораблях придает большую занимательность сюжету. Анонимный автор, не разбираясь в географии употребляемых топонимов, не знал, что из Франции в Испанию есть сухопутная дорога. Очевидно, что в данном случае мотив морского путешествия делает повесть более увлекательной для чтения, осложняя основ-

ное действие: Карла везут из адмиралтейства на пристань, где его ждёт французский небольшой «галиот». Корабль не имеет никакого конкретного описания, однако в повести проявляется незначительная деталь – Карл идет есть в каюту корабля. Это уточнение придаёт большую правдоподобность повествованию. Пристань в Мадриде, куда прибывает французское судно, имеет более конкретизированный характер, нежели простое упоминание о пристани в Париже: галиот стоит несколько часов, ожидая отправления, также следом за галиотом отправляется «гишпанский корабль», на котором находится София. Пристань становится местом действия, где разворачиваются важные для всего повествования события: именно здесь дворецкий по поручению Софии узнаёт от командира корабля о причине приезда Карла, после чего София решает поехать в Париж, чтобы разоблачить обман фельдмаршала.

Далее София, как и Маргарита, приезжает во дворец Максимиана на роскошной карете и в роскошном одеянии, которые вызывают у придворных восхищение перед знатной особой. В этом тексте описание приезда Софии и её убранства занимает гораздо большее место, нежели в первой повести: «И по приезде своем, на трети[й] день, гишпанка послала человека своего для нанятия на целыя сутки богатой кореты цегувой, со всем убором, двух паж[ей] и кучера с фуриетором, а назаде два лакея будут. И между тем оная гишпанка в богато убранное гишпанс[к]ое платье стала убират[ься], а лакей, прибежавши, объявил, что такую корету нанял за 50 червонных, которая корета и ко двору уже приехала и дожидается. А как та гишпанка, убравшись совсем, надела перчатку на левую руку, которая была по [л. 18] черному бархату вышита алмазами и бралиянтами, тысяч на десять. И оная перчатка делана на дороге самую Софиею для некотораго случая, о чем после упомянуто будет. А правая рука без перчатки. И, вышедши ис квартиры, села в корету, приказала ехать прямо ко двору королевскому.

И как корета крыльцу стала подъезжать, тогда ис покоев королевских увидели придворныя ковалеры, что знатная дама приехала, которую не знают, и на лестнице встретили, из которых один кавалер взял за руку, повел» [1:423].

Перед нами достаточно подробное описание предметов быта, пусть и светского порядка, кото-

рыми наполнено пространство повести. Концовка повествования не отличается от предыдущей повести, хотя последний лист рукописи утерян, но логически повествование завершено: фельдмаршал разоблачён Софьей, с него снята шпага (символ придворного служения и чести), и состоится суд; Карл получил в награду чин обер-камергера и французский орден, а король Максимиан и София женятся.

Можно сделать вывод о том, что пространство в повести, с одной стороны, едино, а с другой стороны, дискретно. Цельность создаётся за счёт типичности и предельной схожести локусов в следующих один за другим эпизодах, а фрагментарность – посредством видимого перемещения героев из одной страны в другую. Исследователи давно заметили, что повести, появившиеся в русской литературе на рубеже XVII–XVIII столетий, представляют собой механическое соединение нескольких эпизодов или даже сюжетов в одно повествование. Это объяснялось тем, что анонимные авторы не имели достаточного опыта написания подобных произведений, поэтому просто соединяли понравившиеся элементы переводных романов в одно повествование, создавая некую контаминированную повесть на основе нескольких популярных мотивов и сюжетов.

Итак, мы рассмотрели основные особенности пространственной модели, характерной для двух повестей середины XVIII века. Ее определяющей чертой является наличие двух локусов (дома героев), между которыми происходят перемещения героев. При этом реальные географические наименования не играют значительной роли, так как при путешествиях персонажей не возникает оппозиции «свое–чужое», напротив, страны, где происходит действие, обладают сходными локусами. Пространственная организация повестей придает большую занимательность сюжету, а также становится средством характеристики социального положения и эмоционального состояния героев. Причем пространство начинает приобретать конкретные черты в виде неких атрибутов, которые не только становятся средствами бытовой детализации текста, но и символами конкретных понятий власти, богатства, что является несомненным показателем процесса беллетризации литературы в России XVIII века.

Библиографический список

1. Берков П.Н., Малышев В.И. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии») // ТОДРЛ. Т. IX. – М., Л., 1953. – С. 408–226.
2. Кукушкина М.В. Новая повесть о Леопольде и его сестре Маргарите // ТОДРЛ. Т. XXIV. – Л., 1969. – С. 319–324.

M.I. FEDOTKINA

CATEGORY OF SPACES IN EARLY NOVELS OF 18TH CENTURY (BY THE EXAMPLE OF TWO PIECES OF WORK)

The present article deals with the analysis of one of the models of space arrangement of “useless novel” by the example of two novels of Peter’s times – “Tale of Spanish Noble Charles and His Sister Sophia” and “Novel of Leopold and His Sister Margaret”. There pinpointed attributes of imaginative space and their artistic role in the novels.

Key words: *category of space, model of space arrangement of the text, , space attributes, locus.*

Е. В. ХВАСТОВА, соискатель кафедры русского языка
Орловского государственного университета
Тел. 8 965 284 02 98; khvaelena@yandex.ru

ГРАММАТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ НЕПРАВИЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. С. ВЫСОЦКОГО

В статье речь идёт о некоторых грамматико-морфологических неправильностях, отмеченных в творчестве В. С. Высоцкого. Среди них – нарушение норм склонения, перевод существительных из общелитературного типа склонения в другой, употребление вариантных форм существительных мужского рода второго склонения родительного падежа множественного числа.

Ключевые слова: грамматико-морфологические неправильности, языковая норма, нарушение нормы, словоформа, вариантные формы.

В. Высоцкий мастерски вводит в текст своих произведений разговорные, просторечные варианты слов, сознательно отступает от языковой нормы, создавая при этом яркие образы героев.

Под грамматико-морфологическими неправильностями мы понимаем неправильное образование и использование грамматических форм слов. Рассмотрим некоторые отступления от литературной нормы.

В произведениях В.С. Высоцкого мы встречаемся с изменением несклоняемых слов.

Поэт, нарушая языковую норму, склоняет несклоняемые существительные, среди которых иноязычное название города, созвездия, иноязычные фамилии, некоторые аббревиатуры и др. Включение Высоцким в речь персонажей склоняемых форм несклоняемых имен существительных носит разговорный характер.

В стихотворении «Она была в Париже» читаем: «...а завтра будет в Осле...» (в Осло). Название города – иноязычное слово на -о – является несклоняемым существительным, но поэт нарушает языковую норму, изменяя форму слова. Но в произведениях В. С. Высоцкого ничего не бывает просто так: речь идет о герое, который не поспевает за своей возлюбленной. Поэт показывает быстроту, стремительность героини. Кроме того, склонение неизменяемого иноязычного слова часто встречается в разговорной речи. Герой стихотворения – простой человек, который, вероятно, во время не получил должного образования и сейчас ради любимой

... бросил свой завод – хоть, в общем, был не вправе, –
Засел за словари на совесть и на страх...

Также использование словоформы «в Осле» вызвано версификационными потребностями («в Осле» – «после»):

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, –
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, –
Пусть пробуют они – я лучше пережду!

Необходимостью версификации вызвано и использование формы на *Tau Kite* в песне «В далеком созвездии Тау Кита» («На *Tau Kite*» – «в тесноте»; «На *Tau Kite*» – «не те»):

На Тау Ките
Живут в тесноте...
На Тау Ките
Условия не те...

Стоит отметить, что указанная словоформа в песне Высоцкого употребляется и в «правильной» форме:

Что, если и там,
Как на Тау Кита,
Ужасно повысилось знание, –
Что, если и там — почкованье?!

Тау Кита – звезда главной последовательности в созвездии Кита. Эта звезда часто упоминается авторами в научной фантастике, и В. С. Высоцкий рассказывает о космическом полете к таукитянам. У поэта созвездие Тау Кита приобретает символическое значение: «Тау Кита – явное указание на Китай» [Рослякова, 2004/2005: 9].

В. Высоцкий прибегает к некой языковой игре, склоняя собственное наименование – название созвездия и тем самым нарушая литературную норму: *на Тау Ките*. В.Н. Рослякова отмечает, что «собственные наименования объектов звездного неба у В.С. Высоцкого, как правило, употребляются концентрированно, создавая к тому же определенную словесную игру» [Рослякова, 2004–2005: 9].

Изменение формы несклоняемого существительного отмечено нами в песне «Про Сережку Фомина»:

Теперь небось он ходит по кинам –
Там хроника про нас перед сеансом, –
Сюда б сейчас Сережку Фомина –
Чтоб побыл он на фронте на германском!

Форма «*по кинам*» является просторечной. Используя данную словоформу, В. Высоцкий делает акцент на персонификацию речи героя, человека, не имеющего хорошего образования. Кроме того, нельзя не отметить рифму «*по кинам*» – «*Фомина*».

Интересная форма несклоняемого существительного встречается в повести «Как-то так все вышло...»:

— Ну а моя мадама, наверное, тоже будет рада, но вида не покажет.

«*Мадама*» – разговорно-сниженная, просторечная форма. С некоторой долей иронии, шутливо звучит это слово в речи героя повести. В то же время данная словоформа помогает несколько нарисовать образ девушки – девушки непростой, с характером.

В стихотворении «Никакой ошибки» употребляются фамилии Кащенко, Бурденко. Украинские фамилии на *-ко* (*-енко*) в художественной литературе XIX века склонялись, хотя по разному типу склонения: в повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя читаем: «... Уже обступили Кукубенка... Всех опечалила смерть Кукубенка... Уже голова другого Пысаренка, затерявшись, захлопала очами» [2: 124–125]. Д. Э. Розенталь считает, что «в некоторых случаях» изменяемость таких фамилий «целесообразна для внесения в текст ясности; ср.: письмо В.Г. Короленко – письмо В.Г. Короленке»; «также у Чехова: «Под вечер Беликов... поплелся к Коваленкам» [Розенталь, 2008: 206]. У В.С. Высоцкого в стихотворении «Никакой ошибки» отмечено склонение украинских фамилий:

Пирогов бы без причины
резать Кащенко не стал...
... уповаю на Бурденку...

Автор передает особенности речи своего героя. Украинские по происхождению фамилии следует относить к несклоняемым. Склонение таких фамилий встречается крайне редко, обычно в разговорной речи либо в художественной литературе.

Так, в повести В. С. Высоцкого «Как-то так все вышло» отмечаем склонение украинской по происхождению фамилии:

1) — Ты знаешь, у нее какой-то тип на работе, ну вроде нашего Борисенки.

2) Он помахал всем рукой перед металлической дверью-люком, а Борисенке даже отвесил поклон.

Если в первом случае (в реплике героя) автор, изменяя несклоняемое существительное, передает особенности живой разговорной речи, то во втором – отмечаем ироничное отношение героя к своему начальнику: «... а Борисенке даже отвесил поклон». Причем в авторской речи употребляется и правильная форма: «Николай оглянулся и через большое стекло, отделявшее комнату от зала, увидел лысину Борисенко».

В творчестве Высоцкого мы встречаемся и со склонением аббревиатур. Вообще аббревиатур в поэзии В.С. Высоцкого немного. Среди них следует выделить ООН.

Именно эта организация привлекает внимание поэта и вызывает у героев его стихотворений как восхищение, так и страх перед непонятным и неизвестным. В «Сказке о несчастных сказочных персонажах» некое «здание ужасное» напоминает ООН:

На горе стояло здание ужасное,
Издаля напоминавшее ООН.

А вот в стихотворении «Жертва телевидения» привлекает внимание написание данной аббревиатуры:

Ну а действительность еще кошмарней, –
Врубил четвертую – и на балкон:
«А ну-ка, девушки!» «А ну-ка парням!»
Вручают премию в О-О-ООН!

В. П. Изотов относит данное образование к словам, созданным Высоцким, и считает, что «окказионализм создан повторением начального гласного. Значение, очевидно, можно выразить следующим образом: «вызывающая восхищение ООН, находящаяся далеко отсюда»» [Изотов, 1998: 51].

Окказиональным считает данное образование В. В. Панюшкин, отмечая в нем «начальное увеличение звуковой оболочки» [Панюшкин, 1994: 71].

Георгий Хазагеров пишет следующее: «...эти избыточные «О» в ООН проистекают все от того же восторженного приятия чуждой и непонятной культуры. Зияние гласных крайне нехарактерно для русского языка, но простак выражает полную готовность произносить неудобопроизносимое и даже добавляет на всякий случай лишние «О»» [Хазагеров, 1999].

Таким образом, простой человек восхищается ООН, готов принять новое для него явление.

В «Письме рабочих тамбовского завода китайским руководителям» аббревиатура ООН склоняется:

Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем кузькину им мать!

Среди аббревиатур на согласный выделяются изменяемые формы (например, в ЖЭКе, на БАМе и другие) и неизменяемые (в СНГ, о РКЦ и другие). Рассматривая такие аббревиатуры, как ООН, ГЭС, ЧОП и др., Л. К. Граудина отмечает: «Имея в своем исходе твердый согласный, эти слова должны были бы включаться по своей структуре в разряд существительных, изменяемых по парадигме склонения мужского рода. Этому, однако, противодействует принадлежность данных аббревиатур у к женскому роду... Вместе с тем нетрудно установить, что из двух названных противоборствующих факторов второй является более слабым, так как родовая принадлежность аббревиатуры, во-первых, не основывается на реальной семантике слова... и, во-вторых, опирается на морфологическую структуру не самой аббревиатуры, а

стержневого слова соответствующего ей словосочетания. Эти обстоятельства создают предпосылки для морфологической изменяемости слова, а изменяемость здесь возможна по парадигме мужского рода» [Мучник, 1968: 61]. Также Л. К. Граудина замечает, что «в употреблении этих слов наблюдаются существенные изменения. Значительно расширилась сфера неизменяемости» [Мучник, 1968: 62]. Так, аббревиатура ООН является неизменяемой и употребляется без падежных флексий.

Но в разговорной речи часто нарушается языковая норма, ведь процент неизменяемых слов, в том числе и аббревиатур на согласный, в русском языке незначителен. Это и позволило Высоцкому употребить форму «в ООНе».

Интересны аббревиатуры, встречающиеся в стихотворении «Возле города Пекина»:

Мы покажем крупный кукиш
СэШэА и эСеСеРу!

Снова мы видим склонение аббревиатуры на согласный, так характерное для просторечия: эСе-СеРу. Нельзя не обратить внимания на написание данных образований: как говорим, так и пишем. Аббревиатура США является звуковой, а СССР – буквенно-звуковой, что и отражено в их написании, причем в аббревиатуре «эСеСеРу» мы отмечаем выпадение одной «С». Поэт передает особенности разговорной речи.

В «Песне про Джеймса Бонда, агента 007» отмечаем изменение частей сложносокращенного слова, что не соответствует литературной норме, но передает особенности разговорной речи персонажа:

И вот артиста этого – Джеймс Бонда –
Товарищи из Госафильмофонда
В совместную картину к нам зовут...

В песне «Мы вместе грабили одну и ту же хату...» встречаемся с изменением приложения, имени собственного:

Нас вместе переслали в порт Находку,
Меня отпустят завтра, пустят завтра их, –
Мы с ними встретились как три рубля на водку,
И разошлись как водка на троих.

Известно, что при изменении подчиняющего слова приложение, выраженное собственным именем, обозначающим неодушевленные предметы, не изменяется. Однако в разговорной речи мы отмечаем обратное явление – изменение приложения, имени собственного, что нашло отражение не

только в песне «Мы вместе грабили одну ту же хату...», но и в «Песне-сказке про джинна»:

Вспомним детский детектив – «Старика Хоттабыча»...

Нормативным в этом случае будет употребление: «Вспомним ... детектив «Старик Хоттабыч».

Нельзя не отметить рифму «Находку» – «водку» в песне «Мы вместе грабили одну и ту же хату...». Таким образом, грамматическая «ошибка» решает еще и версификационную задачу.

Стоит отметить, что в других случаях поэт не изменяет форму имени там, где это необходимо. В одних случаях данное нарушение литературной нормы вызвано потребностями версификации, в других – передает особенности речи персонажа.

В «Военной песне» В. Высоцкий не изменяет форму имени собственного, заключенного в кавычки, что связано с потребностями рифмовки (*весь – здесь – «Эдельвейс»*):

Ты снова здесь, ты собран весь –
Ты ждешь военного сигнала.
И парень тот – он тоже здесь
Среди стрелков из «Эдельвейс», –
Их надо сбросить с перевала!

В некоторых песнях В. Высоцкого сталкиваемся с «неизменением» имен. Известно, что «иноязычные по происхождению и образованные по иноязычным образцам женские личные имена, оканчивающиеся на твердую согласную...; подобные имена и фамилии, называющие лиц мужского пола, склоняются» [1: 94]. В «Песенке про йогов» читаем:

Знаем Радж Капюра...

Имя индийского режиссера, продюсера, актера склоняется: *знаем Раджа Капура*. Но часто в разговорной речи мужские имена на согласную не склоняют, что не является нормой языка.

Такое «неизменение» иноязычного имени отмечено в «Песне про Джеймса Бонда, агента 007»:

И вот артиста этого – Джеймс Бонда –
Товарищи из Госафильмофонда
В совместную картину к нам зовут...

В «Балладе о детстве» видим еще одно нарушение литературной нормы: поэт не склоняет имя Евдоким:

И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыш просеяно,
На Евдоким Кирилыча
И Гисю Моисеевну.

В данном случае имя Евдоким является изменяемым существительным: на Евдокима. В художественной литературе употребление слов в «неправильной» форме помогает автору передать особенности разговорной речи (часто в разговорной речи окончания как бы «проглатываются»), простое, свободное общение.

Нарушение языковой нормы при склонении числительного встречается в «Притче о Правде и Лжи»:

Часто, разлив по сту семьдесят граммов
на брата,

Даже не знаешь, куда на ночлег попадешь.

Числительное *сто* при склонении образует две падежные формы: в именительном и винительном падежах – *сто*, а в остальных – *ста*. Форма «*по сту*» является просторечной.

В некоторых стихотворениях мы сталкиваемся с переводом существительных из общелитературного типа склонения в другой. Такой прием характерен для просторечия. Так, нами отмечено неправильное отнесение некоторых существительных к типу склонения:

Баб держу я в черном теле,
А чтоб лечь в одну постелю –
Этим меня можно насмешить...
(«Я теперь на девок крепкий...»)
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!
(«Ленинградская блокада»)

Существительные «постель», «жизнь» относятся к 3 склонению, у Высоцкого же – «постеля», «жизня», то есть данные существительные должны быть отнесены к 1 склонению.

Что касается слова «постеля», то известно, что в XIX веке данное существительное было 1 склонения. В I главе «Евгения Онегина» читаем:

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.

[Пушкин, 1984: 32]

В. Высоцкий достигает комического эффекта путём перевода слов из общелитературного типа склонения в другой. Иронично звучит стихотворение «Я теперь на девок крепкий», и просторечная форма «в ... постелю» только усиливает эту ироничность.

Слово «жизня» имеет отрицательную, негативную оценку, поэтому «жизня» эта заинтересовала «органы и ВЦСПС». И «жизня», и «постеля» являются словами просторечными.

А вот в «Зеленом фургоне» Высоцкий сознательно меняет и род существительного, и, следовательно, склонение: «Вновь скакали по степу...». Существительное женского рода на мягкий согласный («степь») склоняется по твердому образцу – это одна из особенностей просторечия. Но лексема «степ» мужского рода встречается в речи казаков и имеет значение «ровное широкое непашаное поле» [5: 128]. Также данное слово употребляется и в украинском языке. В украинском языке после падения редуцированных полумягкий губной согласный и Р отвердели, а остальные согласные продвинулись в палатальную зону образования. Так появились слова «голуб», «степ», «кров», «вись», «сінь» и другие. Использование В. Высоцким словоформы «по степу», т.е. «по степи», позволяет сделать акцент на место действия: перед нами казачьи степи, Дон. К тому же поэт использует такие лексемы, как «атаман», «хлопцы», «бачу» и другие, встречающиеся в речи казаков и украинцев.

Об использовании Высоцким украинизмов говорят исследователи И. Е. Намакштанская, Б. Нильссон, Е. В. Романова. Так, в песне «Смотрины» «встречаются украинизмы»:

Сосед *другую литру съел* –
И осовел, и опсовел...

Другую литру съел – «выпил второй литр водки» [Намакштанская, Нильссон, Романова, 1997: 196]. Употребление поэтом украинизмов, по мнению исследователей, «подчеркивает национальную принадлежность персонажа» [там же].

В лексеме «литра» мы отмечаем изменение рода: не литр, а «литра». В языковом сознании героя данная лексема воспринимается как слово женского рода первого склонения. Данная словоформа является просторечной.

В. В. Панюшкин относит лексему «литра» к окказионализмам, отмечая «нестандартный способ словопроизводства»: «флексация + трансформация: литра – «емкость литрового объема» [Панюшкин, 1994: 71].

Кроме того, в просторечии встречаются слова-синонимы *пол-литра* и *поллитровка* в значении «бутылка водки такого объема». В. Высоцкий в песне «Про любовь в эпоху Возрождения» использует словоформу «поллитру» вместо «пол-литра», опять изменяя род слова:

Может быть, выпив поллитру,
Некий художник от бед

Встретил чужую палитру
И посторонний мольберт.

Использование поэтом словоформы «поллитру» можно объяснить и потребностями рифмовки: «*поллитру*» – «*палитру*», а сама рифма создаёт комический эффект.

Просторечным является употребление существительного среднего рода (2-е склонение) «животное» в женском роде (1-е склонение):

И Кощей Бессмертный грубую животную
Это здание поставил охранять...

(«Сказка о несчастных сказочных персонажах»)

В. Высоцкий в данном случае делает акцент на персонификации речи героя.

В песне «У тебя глаза – как нож» абстрактное существительное «облегчение», относящееся к среднему роду, употребляется в форме женского рода:

Я все ноги исходил –

Велосипед себе купил,

Чтоб в страданиях облегчения была...

Сложно говорить об отдельно взятых из контекста лексемах и сочетаниях, поскольку не вырисовывается целостная картина. Исследователи И. Е. Намакштанская, Б. Нильссон, Е. В. Романова считают, что в стихотворение «У тебя глаза – как нож» Высоцкий «вводит русские варианты украинских слов *бігти* (убег, бежу)» наряду с украинским вариантом окончания в сочетании с *грабежу* и украинской идиомой *зложити язык за спину*, а также преднамеренно использует букву *в* («звук *в*, как и соответствующая ему буква, в украинском языке намного функциональнее в фонетическом и грамматическом планах, чем в русском языке») в словах *востру* и *навостру*, чтобы «подчеркнуть национальную принадлежность персонажа» [Намакштанская, Нильссон, Романова, 1997: 196]:

Вспомни, было ль хоть разок,

Чтоб я из дому убег, –

Ну когда же надоест тебе гулять!

С грабежу я прихожу –

Язык за спину заложу

И бежу тебя по городу шукать...

Востру бритву навостру –

И обрею тебя наголо совсем!

Поэт стремится к персонификации речи, а также и самого образа героя. Изменение рода существительного наряду с другими солецизмами этой песни только усиливает просторечный характер речи героя.

Сознательный перевод поэтом существительных из общелитературного типа склонения в другой имеет цель персонифицировать речь героя, создавая при этом яркие образы, а также в некоторых случаях усиливает комический эффект.

В. Высоцкий с этой же целью использует варианты формы. Часто встречающимися в стихотворениях В. С. Высоцкого являются варианты формы имен существительных родительного падежа единственного числа мужского рода второго склонения.

«Формы на -а и на -у, противопоставлявшиеся в конце XVII века как варианты и равнозначные..., в конце XIX – нач. XX в. противопоставляются – правда, не всегда регулярно и не от всех существительных – как формы с разными значениями. Возможность образования родительного партитивного характеризует несколько семантических однородных групп существительных, называющих предмет и понятия, подлежащие мере, а не счету... Историю употребления форм родительного падежа определенных семантических разрядов слов, с одной стороны, и постепенное возрастание стилистического разграничения и противопоставления форм на -а и на -у как форм «книжных» и «разговорных» – с другой» [Плотникова-Робинсон, 1964:184–185]. В. А. Плотникова-Робинсон отмечает, что употребление форм на -а и на -у является «проблемой стилистической»: «Уже во второй половине XVII в. констатировалась закономерность форм на -а и на -у в разных сферах речи: форм на -а – в книжной и форм на -у – в разговорной... Во второй половине XIX в. формы на -у начинают восприниматься не только как свойственные разговорной речи, но и как характерные для просторечия...» [Плотникова-Робинсон, 1964: 185].

Л. К. Граудина пишет: «Частота формы на -у в начале XX в. в партитивном значении была преобладающей: она составила около 90% (0,891)... В послереволюционный период отношения резко сместились, частота формы на -а поднялась примерно до 50%; в употреблении формы стали равноправными. В 30-е годы резкое падение употребительности формы на -у продолжалось, окончательно воспреобладала форма на -а. Количественные отношения в эти годы по существу «перевернулись» (частота формы на -у в этот период составила 0,286). Временем наиболее активного падения употребительности формы на -у оказались 20–30-е годы. В последующие десятилетия процесс

вытеснения формы на -у продолжался более плавно, он не закончился и в наши дни» [4: 180–181].

Также Л. К. Граудина замечает, что «в партитивном значении родительного падежа, приметой которого в традиционной грамматике являлась форма -у, сейчас по существу преобладает форма -а. Правда, в разговорном стиле и в диалогах художественных произведений процент употребления флексии -у еще высок (свыше 50%), однако не настолько, чтобы это давало возможность говорить о существовании особого партитивного родительного падежа в русском языке. ...следовало бы рекомендовать форму -а как единственно полномочную представительницу родительного падежа во всех его значениях и для всех стилей литературного языка. Флексия же -у в этом случае должна характеризоваться как второстепенная остаточная форма, свойственная прежде всего устной речи...» [3: 98–99].

Нормативным окончанием для существительных 2-го склонения в родительном падеже является окончание -а. Формы на -у (-ю) в современном русском языке убывают. Но в разговорной речи и языке художественной литературы непоколебимо господствует флексия -у.

В. С. Высоцкий использует разговорную форму родительного падежа существительных второго склонения, стремясь к большей персонификации своих героев, передавая особенности их речи, создавая яркие образы. В песне «Перед выездом в загранку» встречается употребление существительных 2-го склонения в разговорной форме:

Я решил без Никодиму...
Это значит – не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!..

В стихотворении «Потеряю истинную веру...» читаем:

Потеряю истинную веру –
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насеру –
Не подходит к ордену Насер!

А в стихотворении «Два письма» встречаем еще одну разговорную форму – «агроному», которая передает особенности речи персонажа:

Ты уж, Коля, там не пей – потерпи до дому, –
Дома можешь хоть чего: можешь – хоть в запой!
Мне не надо никого – даже агроному, –
Хоть культурный человек — не сравню с тобой.

Правильным считается такое употребление: без Никодима. «Весьма неаристократическое, «народное» ... с явной комической установкой» имя – Никодим – получил работник КГБ [Кормилов, 1999: 140]. Форма без Никодиму только подчеркивает комизм ситуации, описанной в стихотворении, и делает акцент на разговорную речь.

Также форма у Насеру передает особенности разговорной речи, где в родительном падеже преобладают формы на -у (-ю). Кроме того, данная выбранная поэтом форма помогает справиться с версификационной задачей: «веру» – «Насеру».

Употребление существительных 2-го склонения в винительном падеже различается по одушевленности-неодушевленности: неодушевленные существительные в единственном числе имеют нулевое окончание, одушевленные в единственном числе – окончание -а, а значит: не увижу ни Рим, ни Париж;. Кроме того, существительные при отрицании могут стоять в родительном падеже, т.е. не увижу ни Рима, ни Парижа, не надо даже агронома (у Высоцкого: «не увижу ни Риму, ни Парижу», «не надо... даже агроному»). «Неправильным» формам в стихотворениях, как нам кажется, присущ даже не разговорный, а просторечный характер.

Героиня стихотворения «Два письма» – женщина далеко не образованная, ничего не видевшая, муж, обращаясь к ней в письме, даже не называет ее по имени; речь ее далека от литературной, но полна слов и словоформ разговорного характера. Так, в ее речи мы встречаем такие «грамматические неправильности», как «потерпи до дому», «экономлю и не ем даже супу я...». И снова формы на -у вместо нормативных на -а.

В стихотворении «И кто вы суть? Безликие кликуши?...» обращает на себя внимание сочетание «нету спасу». Словоформа на -у (спасу) является разговорной, так же как и форма нету. Сочетание двух разговорных форм делает акцент на персонализации речи героя. Нельзя не заметить и потребностей рифмовки («к Монпарнасу» – «спасу»; «лоботрясу» – «спасу»):

И кто вы суть? Безликие кликуши?
Куда грядете – в Мекку ли, в Мессины?
Модели ли влачите к Монпарнасу?
Кровавы ваши спины, словно туши,
И туши – как ободранные спины, —
И ребра в ребра вам – и нету спасу.

Я ротозей – но вот не сплю ночами, –
В глаза бы вам взглянуть из-за картины!..

Неймется мне, шуту и лоботрясу, –
Сдается мне, хлестали вас бичами?!
Вы крест несли – и ободрали спины?!

И ребра в ребра вам – и нету спасу.

Ю. Шатин в своём исследовании, помещённом в Интернете, пишет: «... в стихотворении «Тушеноши» сюжет настолько спаян с фоникой, что правильно было бы говорить о звукосюжете. Три основных мотива – слияние тушеноши с тушей, живописный мир картины и спасение человека через искусство – не только задаются сквозной рифмой (мясу – Монпарнасу – спасу), но и насыщаются в процессе своего развития строго продуманной инструментовкой...» [Шатин: 10].

Отклонение от нормы встречаем и в песне «Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме»:

Я ж не ихнего замесу...

Поэт снова выбирает вариант на -у (замесу), который в сочетании с местоимением *ихний* подчеркивает просторечный характер высказывания.

Таким образом, отклонения от нормы помогают поэту нарисовать портрет своих героев, показать их социальную принадлежность, передать особенности их речи.

Г. Хазагеров обратил на это внимание: «Там, где только возможна ошибка, автор ее и воспроизводит с риторическим постоянством для создания речевой характеристики персонажа» [Хазагеров, 1999].

В стихотворении «Если б я был физически слабым...» читаем:

Если б я был физически слабым –
Я б морально устойчивым был, –
Ни за что не ходил бы по бабам,
Алкоголю б ни грамма не пил!

Отмеченное слово употребляется в родительном падеже, нормой считается форма алкоголя. В данном случае передаются особенности разговорной речи героя.

Интересна форма «с грабежу», встречающаяся в указанном стихотворении «У тебя глаза – как нож»: «С грабежу я прихожу...». Исследователи И. Е. Намакштанская, Б. Нильссон, Е. В. Романова считают, что поэт использует «украинский вариант окончания в сочетании с грабежу», подчеркивая «национальную принадлежность персонажа» [Намакштанская, Нильссон, Романова, 1997: 196].

Необычная форма отмечена в «Песне Гогера-Могера»:

Все это зло идет от женя-шеня...

Лексема «женьшень» является заимствованной. В сознании простого русского человека сложное иноязычное по происхождению слово «женьшень» воспринимается не как одно целое, а как состоящее из двух изменяемых частей. Здесь мы сталкиваемся с ошибкой в усвоении заимствованного слова носителем просторечия. Подчёркивая просторечный характер речи героя, В. Высоцкий использует графон (дефисацию – морфемное членение слова с помощью дефиса).

Таким образом, несмотря на то, что в русском литературном языке к середине XX века у существительных мужского рода в родительном падеже закрепились формы на -а, в разговорной речи

процесс этот еще не завершен, варианты существительных мужского рода родительного падежа единственного числа до сих пор в разговорной речи употребляются. Языковое чутье Высоцкого подсказало ему необходимость введения разговорных вариантов на -у для передачи особенностей речи простых людей. Известно, что варианты отличаются друг от друга тонкими семантическими оттенками, что позволяет точнее выразить свою мысль.

Следует сказать, что в творчестве В. С. Высоцкого встречаются и другие грамматико-морфологические неправильности, среди которых нарушение в формообразовании, использование вариантов форм существительных в творительном, предложном падежах, употребление вариантов форм глаголов и т.д. Всё это даёт материал для дальнейшего научного исследования.

Библиографический список

1. Балашова Л. В. Русский язык и культура общения: Практикум: В 2-х ч. / Под ред. А. Б. Сиротининой. – Саратов: Лицей, 2001. – Ч. I. – 192 с.
2. Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. – М.: Терра, 1999. – С. 245–315.
3. Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. – М.: Наука, 1980. – 288 с.
4. Граудина Л. К. Противопоставленность форм типа *песка-песку* // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. Панова. – М.: Наука, 1968. – Кн. 3. – С. 176–199.
5. Губарев Г. В. Казачий словарь-справочник. Т. 3. – Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1969. – 341 с.
6. Изотов В. П. Окказионализмы В. С. Высоцкого. Опыт словаря. – Орёл, 1998. – 85 с.
7. Кормилов С. И. Антропонимика в поэзии Высоцкого. Предварительные заметки и материалы к теме // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. III. Т. 2. – М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. – С. 130–142.
8. Мучник И. П. Роль несклоняемых существительных в современном именном склонении // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. / Под ред. М. Панова. – Кн. 3. – М.: Наука, 1968. – С. 44–65.
9. Намакштанская И. Е., Нильссон Б., Романова Е. В. Функциональные особенности лексики и фразеологии поэтических произведений Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. 1. – М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1997. – С. 177–206.
10. Панюшкин В. В. Словообразование В. С. Высоцкого // Высоцковедение и высотковидение. – Орёл, 1994. – С. 66–73.
11. Плотникова-Робинсон В. А. Изменение в употреблении падежных форм существительных // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменение в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. – М., 1964. – С. 163–205.
12. Пушкин А. С. Евгений Онегин. – М.: Худож. лит., 1984. – 255 с.
13. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь; под ред. И. Б. Голуб. – 13-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 368 с.
14. Рослякова В. Н. Астрономы в поэзии В. С. Высоцкого // Полифилология-5. Межвузовский сборник научных трудов. – Орёл, 2004/2005. – С. 8–9.
15. Хазагеров Г. Поэтическое творчество Владимира Высоцкого в контексте Древней Руси и Советской России // Ростов. электрон. газ. – № 23 (29). – 6 дек. 1999. <http://www.relga.sfedu.ru/div/rus>. <http://www.relga.sfedu.ru/n29/rus29.htm>
16. Шатин Ю. Поэтическая система Высоцкого// <http://otblesk.com/vysotsky/i-shat01.htm>

E. V. KHVASTOVA

GRAMMAR-MORPHOLOGICAL ERRORS IN THE WORKS OF V.S. VYSOTSKY

The article is about some grammar-morphological errors found in the works of V.S. Vysotsky. Among them there are violations of norms of declension, conversion of nouns from common-literary type of declension into another one, the use of alternative forms of nouns of masculine gender of the second declension of a genitive case of plural.

Key words: grammar-morphological errors, language norm, violation of norms, a word form, alternative forms.

О.Р. ЧУДИНОВ, доцент кафедры философии и права
ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет»
Тел.: +7(342)244-21-51; pravoved@pstu.ru

А.С. КИНДЕРКНЕХТ, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет»
Тел.: +7(342)293-93-46; a_kinderknecht@mail.ru

ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТВЕТСТВИЯ ПОНЯТИЙ «НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ» И «CONCURRENCE DÉLOYALE»

В статье проводится сравнительное исследование правовых конструкций «недобросовестная конкуренция» и «concurrency déloyale», используемых в праве России и Франции. При анализе затрагивается лингвистический аспект, что позволяет выделить некоторые несоответствия дефиниций. Данное несоответствие, по мнению авторов, находит свое отражение в вопросах правоприменения, особенно в вопросе юридической ответственности за недобросовестные конкурентные действия.

***Ключевые слова:** недобросовестная конкуренция, «concurrency déloyale», «недобросовестная конкуренция», юридическая терминология, сопоставительный анализ.*

Язык и право находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Не случайно в последнее десятилетие в гуманитарной области знания оформилось новое научное направление, в центре которого стоит язык права, рассматриваемый с различных точек зрения. Название этого научного направления пока еще имеет варианты – юрислингвистика или лингвоюристика. Связано это с трудностью определения лингвистических или правовых приоритетов в исследовании. С одной стороны, изучение юридического подязыка требует всестороннего компетентного исследования специалиста права, с другой стороны, как отмечает В.М. Савицкий, в исследованиях, написанных юристами и для юристов, возможны определенные лингвистические пробелы [цит. по: 8, с. 93]. Современной тенденцией является совместное исследование юридической терминосистемы. Консолидация усилий юристов и лингвистов тем более важна, если предметом рассмотрения является межкультурное соответствие юридических терминов.

Юридическая терминология считается одной из наиболее консервативных областей в лексической системе любого языка. Появление новых понятий, терминов, их объединение и появление на этой базе новых терминосистем, а также неразрывно связанных с ними новых институтов или даже отраслей и подотраслей права – явление крайне редкое. Традиционные термины, возникшие в XVIII – XIX веках, остаются и применяются и сегодня. В то же время наблюдается отсутствие полного соответствия между близкими, а при первом рассмотрении даже схожими терминами в рамках разных правовых систем. Подобное расхождение должно учитываться как юрис-

тами-практиками, так и переводчиками, осуществляющими перевод юридических текстов.

Многозначное толкование норм публично-правовых законодательных актов в рамках одной из систем права создает особую трудность перевода юридической терминологии и юридического текста в целом как для юристов, так и для переводчиков, тем более что цель достижения максимально возможной семантической адекватности в практике правоприменения дополняется еще одной целью – максимально обезопасить свою правовую позицию от возможных негативных последствий, в том числе последствий неадекватного понимания правового термина, применяемого разноязыковыми партнерами.

Проблема неадекватного понимания правового термина в условиях двуязычной коммуникации чаще всего возникает при корреляции юридических терминов неблизкородственных языков. В силу профессионального интереса и в связи с реальными практическими задачами в настоящей статье мы обращаемся к вопросу компаративного исследования, сравнительно-правового анализа двух схожих правовых конструкций, применяемых в праве Франции и России: *concurrency déloyale* и *недобросовестная конкуренция*.

Правовые конструкции *concurrency déloyale* и *недобросовестная конкуренция* на первый взгляд тождественны. Термин *concurrency* является интернациональным, а в юридическом словаре слову *déloyal(e)* дается эквивалент *недобросовестный(ая)*, однако при ближайшем рассмотрении юридической подоплеку существующих терминов приходится признать, что о взаимозамене составных терминов *concurrency déloyale* и *недобросовестная конкуренция* в переводе можно говорить лишь с определенными уточнениями.

Как видим, в обоих языках – русском и французском – перед нами терминологическое словосочетание. Первый элемент словосочетания *concurrency* (*конкуренция*) является родовым. В обоих языках данный термин означает соперничество на каком-либо поприще, борьбу за достижение лучших результатов, состязательность, особенно в экономической сфере: «борьба, соперничество между частными производителями за более выгодные условия производства и сбыта товаров при товарном производстве» [1], «столкновение интересов нескольких хозяйствующих субъектов (в частности продавцов или производи-

телей), которые стараются привлечь потребителей лучшими условиями покупки, обеспечением качества товаров и услуг и т.д.*» [11]. Единое понимание явления, покрываемого термином *конкуренция* (*concurrency*) в русском и французском языках, связано с общим происхождением слова: поздне-латинское *concurrentia* от *concurrere* – «сталкиваться», в русском языке термин заимствован в XVII веке через немецкий язык (*Konkurrenz*) [6].

Обратимся теперь к видовому понятию, выражаемому разными словами в двух языках. Недобросовестная конкуренция представляет собой вид экономического соперничества с использованием особых приемов борьбы, характеризующихся как нарушение принципа доброй совести и лояльного отношения между конкурентами. Недобросовестная конкуренция в русском языке соответствует нелояльной (не-(де)-лояльной) конкуренции во французском – *déloyale*. Однако возникает вопрос: адекватны ли друг другу эти два термина?

Обратимся к термину *déloyale*. В толковых словарях французского языка общего назначения прилагательное *déloyal(e)* имеет негативное значение, обратное по отношению к понятию *loyal(e)*. Лингвистический префикс *de-* имеет отрицательное значение, и его использование предполагает лишение действия или предмета какого-либо признака (его удаление) [2, с. 193].

Итак, приставка *de-* используется для выражения противоречия, противоположности, отсутствия какого-либо качества. Следовательно, для определения значения понятия *déloyal(e)* необходимо установить значение слова *loyal(e)*. Обратимся к французским толковым словарям. Термин *loyal(e)* означает «добросовестный», то есть тот, кто подчиняется законам чести, честности, моральному достоинству и порядочности (честный поступок). Во французско-русских словарях *loyal(e)* определяется как лояльный, честный, добросовестный, корректный, верный, преданный и безупречный [7]. Во французско-русских специальных юридических словарях интересующий нас термин отдельно не переводится, в то время как термин *déloyal(e)* интерпретируется только в составе сложного термина *concurrency déloyale*.

Во французских правовых источниках данный термин определяется как «недобросовестное деяние, ведущее к смешению продукции двух произ-

* Здесь и далее во французских источниках перевод А.С. Киндеркнехт.

водителей, или двух предпринимателей, или действия, ведущие к дискредитации предприятия-соперника» [12, с. 559], а также как «любые действия по отвлечению клиентуры от некоего промышленного предприятия или торговой фирмы» [9, с. 3].

Таким образом, применение термина *déloyal(e)* предполагает, что субъект действия не подчиняется определенному стандарту, нарушает правила поведения. Он не руководствуется в своем поведении честностью, добросовестностью, искренностью, а действует в противоречии с этими требованиями, то есть неискренне, двулично, предательски. Именно в таком значении понимается термин *déloyal(e)* в таком авторитетном французском словаре по праву, как «Vocabulaire juridique» [10, с. 277]. Недобросовестность – это то, что противоречит честности. Причем недобросовестность может быть как качеством человека, так и признаком действия, мнения, позиции или в целом поведения.

Термин же *loyauté* (лояльность) во французской юридической доктрине используется для обозначения правильности (достоверности) в договорном праве при заключении договоров (честность при исполнении договора или честное поведение), а слово *нечестность* означает нарушение честности, откровенности. Кроме того, оно означает нарушение в игре, споре, соревновании правил, которые управляют игрой, для того чтобы победить таким образом.

Отметим, что все авторы основной акцент делают именно на морально-этической стороне отношений. Нарушение же норм права рассматривается как неправомерная конкуренция, противозаконная – *concurrency illicite* (*illicite* – незаконный, недозволенный, неправомерный). Противозаконная конкуренция, в отличие от недобросовестной, нарушает требование закона или договора. Например, нарушается государственная монополия в некоторых областях хозяйственной деятельности, или осуществляется профессиональная деятельность без соответствующего диплома, например диплома врача или адвоката. Запрещенной считается также конкуренция, нарушающая договорное обязательство воздержаться от конкуренции, а также осуществление определенных видов коммерческой деятельности, прямо запрещенных законом, скажем, продажа под премию, бонусные продажи, продажа с открытой выкладкой, продажа на дому и др.

В юридической доктрине Франции используется также термин *concurrency imparfaite*

(*concurrency restreinte*, неполная, ограниченная конкуренция), который в переводе с русского на французский можно спутать с рассматриваемым нами термином *concurrency déloyale*. Понятие *concurrency imparfaite*, возникшее в XX веке в период между первой и второй мировыми войнами (1918–1939), касается проблемы появления больших предприятий, в частности стратегий распределения доходов (случай монополий, олигополий и других объединений, монополизирующих рынок). Как видим, данное понятие не затрагивает проявление личных качеств (неискренность, предательство, бесчестность, недобросовестность) и не связано с профессиональной этикой предпринимателя.

В общей лексике французского языка русскому *недобросовестный* соответствует конструкция с опорным словом *vera* (верность, доверие): *de mauvaise foi*. В сочетании с прилагательным *mauvaise* (плохая) существительное *foi* дает устойчивый комплекс *mauvaise foi* со значением «неискренность, непорядочность, злонамеренность, недобросовестность» (в противоположность сочетанию *bonne foi* – правдивость, чистосердечие, добросовестность). Однако в юридическом дискурсе в данном значении бытует термин *concurrency déloyale*, противопоставляемый термину *concurrency loyale*, не столь часто употребляемому.

В общей сложности получается, что во французском праве с приставкой *не-* употребляются термины *concurrency illicite* и *concurrency déloyale*. Первый относится собственно к нарушению закона, тогда как второй – к нарушению норм морали.

Любопытно, что французское прилагательное *loyal(e)* является этимологическим дублетом слову *légal(e)* (*illicite*, незаконный). Оба слова произошли от латинского *legalis* (в соответствии с законом), однако образованное от данной производящей основы *loyal* в народной латыни получило значение «подчиняющийся законам чести, честности, порядочности» (сравните с современным французским *loyal compagnon* – верный товарищ), в то время как в классической латыни с частичным сохранением звукового вида сохранилось значение «соответствующий закону, определенный законом, закономерный» (сегодня данное значение реализуется в терминологической лексике: *par voie légale* – законным путем, *médecine légale* – судебная медицина) [11]. Знание рассмотренных этимологических

тонкостей во многом проясняет употребление терминологического компонента *déloyale*.

Обратимся теперь к русскому термину *недобросовестность*. В самом первом приближении недобросовестность означает обратную сторону добросовестного поведения, а добросовестность определяется юридическим словарем как «способность честно выполнять свои обязательства, обязанности» [4], понятие, весьма трудно поддающееся юридическому истолкованию и нормированию.

Обращаясь к этимологии данного слова, можно выделить два основания: *добрая* и *совесть*. «Совесть» происходит от выражения *совместная весть* – совместное, единое знание о порядке вещей в мире, также оно рассматривается как «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла» [3]. В первом случае образуется понятие о надсубъективном совместном знании о добре – добросовестность как общий морально-этический критерий поведения. Во втором случае можно говорить о субъективном знании, самооценке своего поведения как соответствующего нормам добра и справедливости.

Как видим, соответствие понятий *concurrency déloyale* и *недобросовестная конкуренция* вроде бы доказано. Вместе с тем если мы обратимся к легальному определению недобросовестной конкуренции, содержащемуся в норме ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции», то обнаружим следующее толкование этого термина: «Недобросовестная конкуренция – любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [5]. Таким образом, юридическое понятие, обозначенное термином *недобросовестная конкуренция*, имеет в правоприменительной практике России более широкую сферу применения. Оно фактически поглощает и правовой, и морально-этический запрет на недобросовестные конкурентные действия, так как, по определению, недобросовестной конкуренцией являются любые действия, противоречащие законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, тре-

бованиям добропорядочности, разумности и справедливости. Отсюда возможность за одно и то же противоправное деяние во Франции нести ответственность как за *concurrency illicite*, а в России – как за недобросовестную конкуренцию.

Вопрос об ответственности за недобросовестные конкурентные действия в России и Франции – предмет отдельного рассмотрения. Сегодня правовая доктрина России определяет, исходя из анализа действующего законодательства, что институт защиты от недобросовестной конкуренции носит комплексный характер, так как закрепляется в комплексном нормативно-правовом акте – Федеральном законе «О защите конкуренции» и, следовательно, распространяется на частноправовые и публично-правовые отношения. Однако из анализа последних новелл российского законодательства напрашивается другой вывод. Недобросовестная конкуренция есть публично-правовое правонарушение, а следовательно, только компетентный административно-правовой орган может, применив определенные карательно-штрафные санкции, бороться с данным негативным явлением. Речь идет о введении в действие нормы ст. 14.33 КоАП РФ «Недобросовестная конкуренция». В рамках данной нормы, введенной в действие в соответствии с Федеральным законом от 09.04.2007 № 45-ФЗ, основными санкциями, применимыми во внесудебном порядке, являются пресечение недобросовестного конкурентного действия и взыскание административного штрафа в пользу бюджета. В то же время абсолютно не решается вопрос о компенсации потерь, понесенных добросовестным конкурентом в результате действий правонарушителя. Законодатель полностью игнорирует частноправовые подходы к недобросовестной конкуренции.

Во Франции же недобросовестные конкурентные действия рассматриваются и в доктрине, и в правоприменении исключительно как гражданские правонарушения, которые причиняют вред субъективным правам конкурента, в результате возникает обязанность возмещения вреда, то есть возникает деликтное обязательство. В источниках XIX века мы обнаруживаем, что исследование состава недобросовестной конкуренции «есть только комментарий к статье 1382 Code civil, этому законодательному постановлению, которое ежедневно получает в самых разнообразных областях самое многочисленное и самое различное применение» [9, с. 3]. Подобные дела рассматриваются

исключительно в общем порядке юрисдикционной формы защиты коммерческими судами, а также судами большой и малой инстанции. Административный порядок рассмотрения споров по данному предмету не допускается. Совет по делам конкуренции, созданный на основании Ордонанса № 86-1243 от 01.12.1986 года, рассматривает только споры по делам, связанным с антиконкурентной или ограничительной практикой, то есть дела по антимонопольному регулированию.

Подчеркивая частноправовую природу недобросовестной конкуренции, французское правоприменение определяет три основных последствия для предпринимателя, причинившего вред конкуренту:

- 1) возмещение вреда;
- 2) прекращение недобросовестных действий;
- 3) публикацию решения суда.

Такой подход позволяет не только осуществить меры по пресечению недобросовестных конкурентных действий и восстановлению положения, существовавшего до правонарушения, но и возложить на правонарушителя дополнительные обременения имущественного характера, здесь сочетаются как меры гражданско-правовой защиты, так и меры гражданско-правовой ответственности.

С известной степенью осторожности мы полагаем, что сегодня есть необходимость экстрапо-

лировать ряд положений, используемых в цивилистике Франции в отношении конструкции «недобросовестная конкуренция», на правовое поле России. Нам представляется, что перенесение и использование комплексного подхода в рамках частноправовых способов защиты от недобросовестной конкуренции на правовую почву Российской Федерации позволило бы если не искоренить акты недобросовестной конкуренции, то в значительной мере сократить их число. Также представляется уместным произвести разграничение двух правовых конструкций, двух лингвистических понятий – *недобросовестная конкуренция* и *неправомерная конкуренция*. Под неправомерной конкуренцией следует понимать действия, совершенные хозяйствующим субъектом в нарушение любого из прямых запретов, перечисленных законодателем в ст. 14 Федерального закона «О защите конкуренции». Под недобросовестной конкуренцией следует понимать все не поименованные в законе действия, нарушающие принцип добросовестности поведения субъектов предпринимательской деятельности, а также противоречащие обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, которые причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
2. Гак В.Г. Беседы о французском слове [Текст]. – М., 2004.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955.
4. Новый юридический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М., 2006.
5. Собрание законодательства Российской Федерации [Текст]. – М., 2006. – № 31 (Ч. 1), 3434.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – СПб.: Терра – Азбука, 1996.
7. Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака и Ж.М. Триомфа. – Paris, 2003.
8. Хижняк С.П. Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) [Текст] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – Гуманитарные науки. – № 1. – 2008. – С. 92–99.
9. Allart H. Traité théorique et pratique de la concurrence déloyale. – Paris, 1892.
10. Gornu G. Vocabulaire juridique. – Paris, 2003.
11. Le Petit Larousse en couleurs. – Paris, 1995.
12. Pouillet E. Traité de marques de fabrique et de la concurrence déloyale. – Paris, 1912.

O.R. CHUDINOV, A.S. KINDERKNEKHT

LEGAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF CORRESPONDENCE BETWEEN THE NOTIONS OF НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ AND CONCURRENCE DÉLOYALE

The study presents a comparative analysis of legal terms «недобросовестная конкуренция» (unfair competition) and «concurrence déloyale» made use of in Russian and French legal discourse, respectively. The analysis comprises linguistic aspect enabling to depict certain disparities between the notions. The former are alleged to be related to enforcement matters, especially to liabilities for unfair competitive behaviour.

Key words: unfair competition, «concurrence déloyale», «недобросовестная конкуренция», legal terms, comparative analysis.

ПРАВО

Д.Б. ЕЛИСЕЕВ, аспирант кафедры государственного
строительства и права Академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
С.И. НЕКРАСОВ, доктор философских наук, профессор кафедры
социологии и политологии философского факультета
Орловского государственного университета
Тел. 8 916 7308914; sinekrasov@mail.ru

МЕДИАЦИЯ КАК МЕТОД И ТЕХНОЛОГИЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье анализируется медиация как метод урегулирования конфликтов в социальной и правовой сферах. Особо обращается внимание на способы ведения коммуникации во время медиативной беседы, всесторонне и глубоко анализируются фазы медиации. В статье определяется роль посредников при разрешении конфликтов и анализируются различные модели посреднической деятельности. В статье доказывается, что для России медиация как новое явление может превратиться в особую практику со специфической технологией урегулирования правовых и социальных конфликтов.

Ключевые слова: медиация, конфликт, «третья сторона», медиатор, посредник, фазы медиации, медиационная беседа, соглашение.

16–17 ноября 2009 г. в Москве состоялась вторая международная конференция «Медиация. Альтернативные методы разрешения споров и их значение в совершенствовании деловой и корпоративной этики», которая была посвящена медиации как альтернативному методу разрешения споров и конфликтов [3].

Наша страна, находящаяся на пути построения правового государства и гражданского общества, крайне заинтересована в том, чтобы возникающие между людьми и юридическими лицами конфликты можно было бы разрешать не только в зале суда, но и путем переговоров.

Медиация – дитя западной культуры. В Европе за короткое время медиация стала самостоятельной профессиональной практикой. Ее достижения связаны с принятием в июне 2003 г. австрийского Федерального закона «О медиации». Менее чем за 20 лет движению медиаторов удалось обеспечить поддержку государства и общества в создании служб медиации. Во Франции практически все имущественные споры, которые могли рассматриваться в суде, улаживаются медиаторами [1, с. 15].

Пока для России медиация – явление экзотическое, редкое, но одновременно и привлекательное: в основе российского менталитета лежит стремление «не выносить сор из избы».

Техника медиации может быть особенно полезна, если конфликты эмоционально «подогреты» и «беседа» между спорящими может быть только деструктивной. Посредник представляет себя в качестве «вспомогательного мостика» и позволяет

шаг за шагом снова установить непосредственное общение между спорящими. В этом процессе можно выделить следующим фазы:

1. Исходная ситуация. Спорящие не могут или не хотят больше говорить друг с другом напрямую. Сильные отрицательные эмоции приводят к провалу, всякие попытки общения заканчиваются деструктивной ссорой.

2. Начало медиативной беседы. Медиатор обращается к спорящим, информирует их о процессе медиации, создает доверительную атмосферу и побуждает участников рассказать историю спора. Нейтральному и принимаемому посреднику историю можно рассказать связно и без особой агрессии (которую медиатор «нейтрализует», меняя (смягчая) формулировки). Вмешательство другой стороны и приводящие к эскалации реплики можно в основном исключить, поскольку противная сторона не вовлекается в беседу непосредственно, а должна только слушать. Рассказывающий не испытывает эмоциональной нагрузки, и слушатели могут узнать что-то новое.

3. Постепенно установить непосредственное общение. Медиатор делает возможными первые не оскорбляющие прямые контакты, давая возможность задавать поясняющие вопросы и «отражать» важные моменты для понимания другим лицам. Под руководством и на примере медиатора участники конфликта учатся активно слушать и излагать услышанное, не давая оценки. Благодаря этому можно восстановить доверие.

4. Возрастание прямого общения. Чем больше высвечиваются скрытые причины спора, тем больше возможно понимание противной стороны. Под руководством и с помощью медиатора можно плодотворно вести непосредственную беседу.

5. Бок о бок искать решения. Из «непримиримого спора» возникла «общая проблема», которую теперь нужно вместе решать. Вместо «друг против друга» идет поиск решения бок о бок, рядом друг с другом. Медиатор оказывает только методическую помощь и позволяет все больше происходить беседе между конфликтующими сторонами. Сотрудничество с обоюдной пользой ведет к новым позитивным чувствам и укрепляет базу доверия.

6. Снова общаться друг с другом. Когда достигнуто соглашение, без сторонней помощи медиатор снова уходит на задний план. Основа для будущей совместной жизни, более наполненной до-

верием, или для сотрудничества заложена. (Или противники расстаются без ненависти, оговорив общие требования.) Лишь для того, чтобы убедиться, помогли ли договоренности, или для корректировки последних медиатор появляется снова. Конечно, эта последовательность может быть различной в зависимости от типа конфликта, поведения участвующих лиц или развития процесса медиации. В качестве основного правила можно рассматривать то, что противные стороны тем сильнее расходятся и общаются только через медиатора, чем деструктивнее протекает непосредственное общение между ними. И наоборот: чем лучше могут спорящие организовать непосредственный обмен мнениями, тем больше отпадает необходимость в «эрзац-мостике», т.е. медиаторе [4, с. 43].

На основании анализа различных моделей медиации можно составить наглядную модель этого процесса.

Фолберг и Тэйлор (1984 г.) предпринимают разделение на семь ступеней, причем они начинают с собственно медиационной беседы. Моор (1986) различает 12 ступеней, при этом он включает предварительную фазу, но не фазу реализации. В других публикациях (например, Mediation Training Institute, 1988 г.) выбрано более простое и наглядное разделение на четыре фазы (введение – позиции отдельных сторон – решение проблемы – договоренность).

Последовательность отдельных шагов не обязательно должна строго соблюдаться: в зависимости от типа конфликта и хода беседы отдельные шаги можно опустить или выполнить их в других местах. Предложенная последовательность может служить в качестве ориентира, поскольку речь идет о серии последовательно вытекающих друг из друга этапов.

В предварительной фазе также можно выделить определённые этапы:

а) первый контакт участников конфликта с медиаторами, или наоборот, или с помощью третьих лиц; б) обращение ко всем конфликтующим сторонам и их мотивация к участию в медиации; в) подготовка медиаторов: сбор информации, при необходимости обращение к экспертам, продумывание процедуры.

В зависимости от типа конфликта действия, предваряющие собственно процесс медиации, приобретают большее или меньшее значение. Мно-

гочисленные споры удавалось уладить уже в фазе «предмедиации».

Работу необходимо начинать с установления контактов и анализа мотиваций спорящих сторон.

Медиацию можно также правильно подготовить, если медиатор вначале говорит с одной стороной конфликта и завоевывает ее доверие. После окончания беседы они решают, что теперь они встретятся со второй стороной, и спрашивают своих собеседников, не могли бы они сделать что-нибудь для них. Последние, возможно, из любопытства или из желания быть информированными в том, что их касается, быстрее всего проявят интерес к этой встрече. Тем самым делаются первые шаги к медиации. Из «челночной» медиации впоследствии может вызреть непосредственная встреча участников конфликта.

Если имеется принципиальная готовность участвовать в медиации, медиаторы должны основательно подготовиться к ней. Сюда относится прежде всего информация о конфликте. Вопрос о том, кто проводит медиацию и какая процедура наиболее целесообразна, лучше всего выяснить уже в ходе предварительной фазы.

В случае необходимости можно провести консультацию по процессу работы над конфликтом для спорящих сторон.

Точно так же, как готовятся сами медиаторы, может быть полезным подготовить конфликтующие стороны. При более простых конфликтах для этого могут быть целесообразны ознакомление и упражнение в полезных методах ведения беседы. Необходимо ясно показать, что медиация представляет собой лишь одну возможность среди прочих.

Медиаторы могут помочь сторонам конфликта определить свои интересы и найти подходящий путь к осуществлению этих интересов. Если благодаря этому они будут помогать осуществиться интересам, которые они не могут одобрить, они должны прекратить оказание своих услуг [5, с. 93].

Введение в медиационную беседу начинается с назначения времени. Если назначено время проведения беседы между спорящими сторонами, то уже имеется ряд вещей, на которые должны обратить внимание медиаторы, прежде чем они начнут непосредственно работать над конфликтом. Ведь ошибки во вводной фазе могут оказать негативное влияние на весь ход медиации. Во вводной фазе закладывается фундамент для дальнейшего хода беседы.

В медиационной беседе можно выделить следующие ступени.

1) Вступление, где необходимо создать хорошую атмосферу: она должна быть приятной, не напряженной, свободной от страха, кооперативной, доверительной. Создание хорошей атмосферы начинается с подготовки места проведения беседы. Стороны конфликта приглашаются в такое место, которое не связано непосредственно с конфликтом. Помещение должно быть организовано и обставлено таким образом, чтобы оно воспринималось как приятное, что в зависимости от группы может выглядеть несколько по-иному. К оформлению помещения относится также размещение участников. Стороны конфликта должны сидеть не слишком близко друг к другу (опасность драки, нарушение интимной сферы), но и не слишком далеко. В качестве «барьера безопасности» хорошую службу может сослужить, например, стол. Цветы, напитки и т.д. по вкусу могут дополнить внешнюю картину.

2) Представление медиаторов и сторон конфликта. В начале беседы важны поведение и первые слова медиатора. Ему необходимо с самого начала создать не отягощенную страхом, доверительную и кооперативную атмосферу. Для этого часто имеют значение мелкие детали, например, одобрительные слова о том, что все пришли на медиацию. Следующие шаги также годятся для создания доверия.

Медиаторы представляют себя и, если это не является излишним, противоположные стороны друг другу. При этом представлении медиаторы должны наряду со своей фамилией, профессией и профессиональной квалификацией или прежним опытом упомянуть также о личных данных (семейное положение, наличие детей, различные детали), чтобы поощрить стороны спора также рассказывать о себе что-то личное.

3) Прежнее состояние дел: тип установления контакта и уровень информированности медиатора. Прежде всего следует выявить прошлое положение дел. Для того, чтобы избежать впечатления, что медиаторы уже заранее что-то «насочиняли» в сговоре с одной из сторон, они описывают ход процесса, начиная от первого установления контакта до актуального момента, и озвучивают всю информацию, которую они на этом пути получили. Стороны спора имеют право на такое же представление, ни одной из них медиаторы не должны оказывать предпочтения.

4) Подтверждения или корректировки, ожидания выясняются путем опроса участников. Далее следует подтверждение или корректировка ожиданий. Для того, чтобы можно было уточнить полученную, возможно, одностороннюю или ошибочную информацию, медиаторы опрашивают стороны спора, правильны ли данные или они хотят что-то уточнить. Этим они также могут доказать свою беспристрастность и то, что им можно доверять. В этом месте при определенных обстоятельствах полезно спросить участников медиации об их ожиданиях. Если участники пришли с нереалистичными ожиданиями, это можно прояснить следующим шагом.

5) Следующий шаг – разъяснение метода медиации. Даже если это уже произошло в предварительной фазе, необходимо еще раз описать технологию медиации, роль медиаторов и основные правила. Противные стороны должны точно знать, что их ожидает и что здесь важно. Кроме того, здесь действует правило, что все стороны получают одинаковую информацию и должны воспринимать ее осознанно. Этот этап медиации включает в себя разъяснение её технологии, роль медиатора, основные правила (по договоренности, при необходимости использовать дополнительный информационный листок).

6) Выяснение открытых вопросов. После длительных объяснений со стороны медиаторов, во время которых стороны конфликта постепенно могут освоиться с ситуацией, приходит очередь последних: они должны высказать все имеющиеся у них вопросы, чтобы выяснить их.

7) Готовность довериться процессу медиации выяснить путем опроса. Важным завершением этой фазы является то, что стороны спора заявляют о своей готовности подчиниться описанной технологии и правилам.

8) Соппротивление – серьезно принимать и учитывать его возможность. Если имеются сомнения или сопротивления, их нельзя просто отодвинуть в сторону или сместить при помощи контраргументов. Используя приём активного слушания, можно ясно показать, что эти сомнения слышат и что их принимают всерьёз. Уже этого может быть достаточно, чтобы сомнения улетучились. Далее можно также достичь договоренностей, которые способны ослабить или устранить сомнения.

9) Деловая сторона (договор) и организационные вопросы (график, записи и т.д.) – урегулиро-

вать. При необходимости собрать темы, упорядочить и оценить их значимость. Если речь идет о медиации, которую нужно оплачивать, то не позднее этого момента выясняют деловые подробности. Далее необходимо решить организационные вопросы, как, например, продолжительность, количество и длительность заседаний, когда устраивать перерывы, как решить вопрос с курением. Если предусмотрена звукозапись или видеозапись для последующей подготовки медиаторов или для других целей, это необходимо обсудить.

10) Определить повестку дня/последовательность тем. Если речь не идет о комплексных конфликтах, уже на этой стадии можно собирать все, что необходимо обсудить и выяснить во время медиации и в какой последовательности. Темы можно затем распределить на отдельные заседания. Наконец, можно составить повестку дня текущего заседания.

В этом месте начинается собственно обработка конфликта.

В первой части стороны спора еще не разговаривают друг с другом непосредственно, а сначала рассказывают все медиаторам. Благодаря этому спорящие получают возможность связно представить свою точку зрения. Вмешательства противоположной стороны при этом можно избежать скорее, чем в прямой беседе между противниками.

Вначале участники конфликта призываются к тому, чтобы еще раз продумать, почему они пришли, что они хотят высказать, и при необходимости сделать также записи. Это облегчает процесс слушания тем, кто будет рассказывать позже.

В этой фазе важно, чтобы спорящие смогли излить свою душу и эмоционально освободиться, чтобы как медиатор, так и другие стороны конфликта более глубоко поняли поведение сторон спора. В присутствии беспристрастных внепартийных третьих лиц может обнаружиться многое из того, что до тех пор не высказывалось, и стороны конфликта, возможно, впервые услышат связно и полно высказанную точку зрения другого.

1) Точка зрения каждой отдельной стороны конфликта.

Как правило, медиаторы сначала предоставляют слово тому, кто выступил с инициативой и обратился с проблемой к медиаторам. Если же другая сторона конфликта очень возбуждена и нетерпелива, то лучше дать ей выступить первой, потому что в таком состоянии она едва ли сможет слу-

шать противную сторону в течение продолжительного времени. Другой вариант состоит в том, чтобы сначала предоставить слово более слабой стороне, чтобы она не была с самого начала подавлена потоком слов более сильной стороны.

Тем, кто должен слушать, объясняют, что их задача состоит не в том, чтобы «ничего» не делать, а что перед ними стоит трудная задача. Они должны внимательно слушать и сдерживаться, если им хочется спонтанно возразить по поводу сказанного. Перед ними можно положить письменные принадлежности, чтобы они в случае необходимости могли записать свои возражения, дабы не забыть их. Когда потом придет их очередь рассказывать, они могут высказать свои возражения и поправки.

Лицу, которое должно представить свое видение конфликта, задают открытые вопросы, то есть вопросы, не рассчитанные на определенные, короткие ответы, это побуждает его рассказывать действительно все, что имеет значение для спора. При этом медиаторы не должны направлять изложение в каком-то определенном направлении, потому что у них, например, есть уже определенная гипотеза и они хотят проверить ее. Рассказчиков побуждают говорить также и о своих чувствах, связанных с конфликтом. Благодаря внимательному, принимающему слушанию, открытым вопросам и, возможно, также отражению рассказчикам показывают, что их слушают и понимают. В конце медиатор обобщает самые важные пункты и спрашивает, является ли резюме правильным и полным. Если нет, его нужно откорректировать или дополнить.

Когда медиаторы делают отображение или обобщение, они могут переформулировать «Ты-послания», оценивающие высказывания и обвинения в нейтральные, не оценивающие и неоскорбительные выражения. Таким образом они могут избавить высказывания от враждебности и тем самым переключить внимание на проблемы, которые нужно решать.

В случае, если у слушателей возникли уточняющие вопросы, они могут их задать, и на эти вопросы должны быть даны разъяснения.

2) Уточняющие вопросы, задаваемые противной стороной (сторонами).

Медиаторы целенаправленно обращаются к пунктам, о которых они хотят знать больше, в ко-

торых они предполагают более глубокие причины. Для того чтобы скорее достичь мотивирующего переживания успеха, они сначала обращаются к простой, но незначительной проблеме. Если же имеется проблема, которая должна быть решена очень срочно, следует начать с нее.

С помощью направленных вопросов и соответствующих методов исследуются чувства, интересы и все другие скрытые причины проблемы. Это выяснение конфликта служит тому, чтобы участники объяснили все сами и более глубоко поняли конфликт, а также возможности его разрешения.

Стороны конфликта должны иметь здесь возможность выразить то, чего они хотят и как выглядит их идеальное представление о разрешении конфликта. При этом возможность его реализации не важна.

Когда все представили свои точки зрения, медиаторы сначала выделяют то, что является общим, чего спорящие, возможно, до этого даже не осознавали. Это общее они могут записать на большом листе бумаги, чтобы это было хорошо видно. Противники должны заметить, что не все пожелания противоположной стороны противоречат их собственным представлениям и интересам! После этого спорные пункты, о которых речь будет идти дальше, были собраны и также перечислены в письменном виде. Над этими пунктами работа будет продолжена.

3) Ответы противной стороны (сторон). Насколько это возможно и полезно: прямое общение между конфликтующими сторонами и отражение услышанного противной стороной (подстраховка со стороны медиатора), в противном случае – общение через медиатора. В предшествующих фазах необходимо пробудить такое понимание мотивов и интересов противоположной стороны, чтобы все участники смогли теперь увидеть их ситуацию не как борьбу конкурирующих сторон, а как общую проблему. Они признают, что у каждой из сторон есть причины и интересы, делающие их поведение обоснованным, и что важно найти решения, которые учитывают это.

4) Общие пункты и различия – фиксируются медиатором. Если сбор возможных решений не произошёл на предыдущей фазе, медиаторы дробят общий конфликт на более мелкие, более специфические проблемы и начинают с тех, работать над которыми легче. Когда будут видны первые

успешные результаты, можно приступить к более сложным проблемам.

Прояснение конфликта (углубление) связано с опросом по отдельным проблемам. Этот опрос осуществляется медиатором или с обеими сторонами сразу, или с каждой стороной в отдельности. Опрос начинается с выявления простой (или неотложной) проблемы. Необходимо выяснить не называвшиеся до сих пор интересы, чувства и скрытые причины. Дать высказать желания/представления об идеале. Установить непосредственное общение (особенно при положительных высказываниях, посланиях «Я» и желаниях). Следует выяснить реакцию другой стороны.

Медиаторы целенаправленно обращаются к пунктам, о которых они хотят знать больше, в которых они предполагают более глубокие причины. Для того чтобы скорее достичь мотивирующего переживания успеха, они сначала обращаются к простой, но не незначительной проблеме. Если же имеется проблема, которая должна быть решена очень срочно, следует начать с нее.

С помощью направленных вопросов и соответствующих методов исследуются чувства, интересы и все другие скрытые причины проблемы. Это выяснение конфликта служит тому, чтобы участники объяснили все сами и более глубоко поняли конфликт, а также возможности его разрешения.

Стороны конфликта должны иметь здесь возможность выразить то, чего они хотят и как выглядит их идеальное представление о разрешении конфликта. При этом возможность его реализации не важна.

В этой фазе важно, что самое позднее сейчас постепенно восстанавливается непосредственное общение между противниками. Это происходит лучше всего тогда, когда речь идет о положительных высказываниях, о не раниющих, открывающих эмоции посланиях «Я» и о желаниях. И опять противоположная сторона должна отражать основные положения, чтобы они были действительно поняты и восприняты.

Другим противникам дается возможность высказаться по поводу чувств, интересов и прочих скрытых причин, которые открываются. В идеальном случае при этом конфликт проясняется и растут обоюдное понимание и доверие.

Возможно, что в предыдущей фазе уже было высказано так много скрытых интересов и эмо-

ций и настолько выросло взаимопонимание, что фаза дальнейшего выяснения конфликта становится излишней. Тогда можно сразу же продолжить с поиска решения проблемы.

Однако может быть и так, что в первом раунде были названы только факты. Ведь одно это уже может занять много времени!

Медиаторы не должны в фазе рассказа слишком прерывать поток речи и всегда следить также и за слушателями, для которых длительная невозможность говорить, возможно, будет трудной. Поэтому может оказаться полезным подожждать с уточняющими вопросами, выражением чувств и углублением до следующего заседания.

Или чувства хотя и были названы, но для выяснения нужно еще проверить некоторые места и задать вопросы. Потом следует провести фазу выяснения конфликта, чтобы сделать конфликт более ясным и больше углубиться в него.

В предшествующих фазах необходимо пробудить такое понимание мотивов и интересов противоположной стороны, чтобы все участники смогли теперь увидеть их ситуацию не как борьбу конкурирующих сторон, а как общую проблему. Они признают, что у каждой из сторон есть причины и интересы, делающие их поведение обоснованным, и что важно найти решения, которые учитывают это.

Эта фаза состоит из следующих ступеней.

1) Сбор идей (мозговой штурм) или внести идеи медиатора. Если этого не произошло уже в предыдущей фазе, медиаторы дробят общий конфликт на более мелкие, более специфические проблемы и начинают с тех, работать над которыми легче. Когда будут видны первые успешные результаты, можно приступить к более сложным проблемам.

В ходе сбора идей и последующей их проработки медиаторы также могут вносить предложения, если у них создается впечатление, что участники не увидели до сих пор важных подходов к решению. Однако это должно происходить по возможности в ненавязчивой форме, так, чтобы у сторон была возможность их отклонить. Их можно, например, выразить, спросив: «А что, если...?» Такая формулировка означает меньшее влияние на процесс решения, чем формулировка «Я предлагаю Вам...».

2) Оценка и выбор самых интересных предложений. Когда различные возможности решения и идеи собраны, их сортируют и оценивают. Некоторые нереалистичные, неприемлемые идеи мо-

гут быть сразу же вычеркнуты, другие следует сначала более точно проверить. Рекомендуется задавать вопросы о позитивных аспектах идеи и о возможностях, как ее можно было бы улучшить. Возможности решения, которые прошли предварительный отбор, проверяются более детально и прорабатываются. Для этого может потребоваться получение дополнительной информации и/или привлечение специалистов для консультаций.

3) Выработка, привлечение предметной информации. Возможности решения, которые прошли предварительный отбор, проверяются детально и перерабатываются, для чего требуется получение дополнительной информации или привлечение специалистов для консультаций. Если спорящим трудно прийти к общему решению и/или в поиске решения участвует несколько сторон, хорошую службу может сослужить «метод одного текста»: медиаторы предлагают текст, который шаг за шагом изменяют и прорабатывают в соответствии с сомнениями и предложениями [2, с.109].

Чтобы достичь соглашения, необходимо:

1) Сформулировать согласие сторон на принятие лучшего решения и само соглашение. Фаза, в которой проектируются и формулируются возможные решения, сразу же переходит в фазу, в которой достигается договоренность, и спор приходит к завершению. Для медиаторов и сторон спора важно, что они хотят найти не компромиссное решение, а решение на основе консенсуса. Решение должно принести не одинаковые недостатки для всех сторон, а по возможности много преимуществ для всех. Оно не обязано быть посередине первоначальных позиций, а может лежать на совершенно новом уровне.

2) Выяснить реализацию, контроль и обращение с будущими проблемами. Договоренность должна содержать не только общие заявления о намерениях участников. Необходимо точно и четко указать, что должна делать каждая сторона в отдельности, в какой форме, к какому сроку и т.д. и как можно проверить выполнение обещаний в случае необходимости.

3) Подписание соглашения. Если договоренность была, таким образом, записана и дополне-

на, ее зачитывают полностью и участники подписывают ее. Участники конфликта и медиаторы получают по одному экземпляру договора. Если соглашение должно стать договором, имеющим законную силу, ему нужно придать соответствующую форму у нотариуса или адвоката.

4) Завершение: возможно жестом примирения, благодарности участникам. В завершение медиаторы поздравляют участников с разрешением конфликта, желают им всего хорошего в осуществлении договора и предлагают дальнейшую помощь. Примирившиеся противники символическим жестом свидетельствуют об окончании спора. Это может быть рукопожатие, слова примирения, бокал шампанского или тому подобное.

Фаза осуществления проходит следующие этапы:

1) Последующая встреча для оценки и обсуждения проблем, возникающих при осуществлении.

2) При необходимости дополнительные переговоры.

В этой фазе обнаруживается, действительно ли достигнутое соглашение способно решить проблемы. В согласованный срок участники медиации встречаются и сообщают, как проходит реализация. Если необходимо и желательно, назначается новый срок для медиации, чтобы проработать вновь возникшие проблемы или выработать новое соглашение.

Таким образом, медиация – посредничество в конфликтах третьей стороны, нейтральной и незаинтересованной и вместе с тем авторитетной для всех участников конфликта. Медиация – это метод внесудебного разрешения споров, о котором сегодня в России говорится все чаще и который, безусловно, способен оказать серьезное влияние на все правовое пространство нашей страны [4, с. 77]. Медиатор не выносит приговор, а помогает понять все обстоятельства и найти выход. Он делает всё возможное – в этом и состоит технология медиации – для того, чтобы позиции, чувства, пожелания, интересы и потребности сторон сначала были изложены, выслушаны и поняты всеми сторонами, а затем была выработано общее решение – тот самый искомый выход из конфликтной ситуации, который устроит всех.

Библиографический список

1. Аллаhverдова О.В. Медиация как метод разрешения конфликтов в России. Социальный конфликт [Текст] / О.В. Аллаhverдова. – Калуга, 1999. – 194 с.
2. Ананьева Е. Медиация. Что это такое? / Е. Ананьева. Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2004. – 132 с.
3. Медиация и право. Посредничество и примирение. – 2010. – № 1. – С. 14–29.
4. Медиация как метод внесудебного разрешения споров. – М., 2006. – 112 с.
5. Мета Г., Похмелкина Г. Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями. – М., 2004. – 146 с.

D.B. ELISEEV, S.I. NEKRASOV

**MEDIATION AS A TOOL AND TECHNOLOGY SETTLEMENT
OF LEGAL AND SOCIAL CONFLICT**

The article examines mediation as a method of conflict resolution of social and legal spheres. Particular attention is drawn to methods of communication during the conversation mediativnoy, comprehensively and deeply analyze the phases of mediation. The article defines the role of mediators in resolving conflicts, and analyzes various models of mediation. We prove that for Russia, mediation, as a new phenomenon, can become a special practice with a particular technology solution to the legal and social conflicts.

Key words: *mediation, conflict, and «third party», the mediator, the mediator, the mediation phase, mediatsionnaya conversation, agreement.*

А.В. ЗАХАРОВ, кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой истории государства и права ГОУ ВПО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Тел. 8 910 6508968; zawtmb@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С СОВРЕМЕННЫМИ ГЛОБАЛЬНЫМИ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ВЫЗОВАМИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

В статье поднимается проблема развития юридической ответственности за экологические правонарушения в связи с распространением в мире современных глобальных экологических вызовов человечеству, исследуется роль юридической ответственности в борьбе с подобными вызовами. Обосновывается необходимость выделения эколого-правовой ответственности, и рассматривается ее значение для предупреждения и устранения современных глобальных экологических вызовов человечеству. Предлагается внесение изменений в российское законодательство и юридическую конструкцию состава экологического правонарушения.

Ключевые слова: юридическая ответственность, экологическое правонарушение, современные глобальные экологические вызовы человечеству, эколого-правовая ответственность, компетентностный подход.

Состояние окружающей среды, угроза истощаемости природных ресурсов, распространение экологического кризиса, поразившего планету, внесли существенные коррективы в отношения человека и окружающей среды, заставили по-новому взглянуть на них, переосмыслить достижения мировой цивилизации. Низкая продолжительность жизни населения, деградация здоровья населения и т.п. на фоне появившихся и получивших распространение таких явлений, как экологический терроризм, экоцид и др., привели к тому, что перед мировым сообществом встал вопрос выживания и сохранения человека как биологического вида.

Особую тревогу вызывают современные глобальные экологические вызовы человечеству, под которыми мы понимаем явления современного мира общепланетарного характера, показывающие критическое состояние окружающей среды, вызванные антропогенными причинами (либо совокупностью природных и антропогенных причин при существенном превалировании последних) и ставящие под угрозу существование человеческой цивилизации, устранение которых возможно путем объединения усилий всего мирового сообщества.

Несмотря на не сформировавшееся в научном плане определение вызовов, в литературе все же упоминаются некоторые из них и предлагаются различные подходы к их классификации. Обобщив и скорректировав некоторые из предлагаемых подходов, считаем возможным классифицировать современные глобальные экологические вызовы человечеству по следующим основаниям:

- 1 – по остроте проявления: острые и особо острые;
- 2 – по скорости протекания: взрывные, внезапные, скоротечные, плавные;

3 – по времени проявления последствий: непосредственно проявляющиеся и отсроченные во времени.

Исходя из высказанных в научной литературе позиций и нашей концепции исследуемой проблемы, в качестве наиболее опасных современных глобальных экологических вызовов человечеству мы выделяем следующие: экологическая война; экологический кризис; экоцид; экологический терроризм; глобальное потепление.

С учетом того, что некоторые из современных глобальных экологических вызовов являются преступлениями, а совершение правонарушений рассматривается в качестве одной из причин возникновения (распространения) современных глобальных экологических вызовов человечеству, совершение юридической ответственности за экологические правонарушения необходимо в целях борьбы с подобными вызовами.

В научной литературе широко исследуется юридическая ответственность за экологические правонарушения [4; 13; 21], но однозначного определения понятия все же нет. Под ней, как правило, понимается совокупность правовых средств и мер, установленных в экологическом, уголовном, административном, трудовом, гражданском, хозяйственно-финансовом законодательстве, применяемых за несоблюдение норм и требований охраны окружающей среды, нарушение условий и режима использования природных ресурсов, невыполнение требований обеспечения экологической безопасности населения и причинение вреда окружающей среде [23].

Другие ученые полагают, что это «система принудительных мер, применяемых к нарушителям законодательства в области природопользования и охраны окружающей среды в целях наказания виновных, пресечения и предупреждения такого рода правонарушений и восстановления нарушенных прав» [9, с. 185]. Некоторые авторы считают, что эта ответственность «предусматривает возложение обязанности претерпевать неблагоприятные последствия экологического правонарушения» [7].

В.И. Ивакин предлагает рассматривать юридическую ответственность за экологические правонарушения как правовой институт, который представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих однородный вид общественных отношений, составляющих определенную структуру взаимосвязанных и взаимодействующих правовых норм [13, с. 54].

Весьма аргументированной представляется позиция М.М. Бринчука, согласно которой под

юридической ответственностью за экологические правонарушения понимается «отношение между государством в лице специально уполномоченных органов в области охраны окружающей среды, правоохранительных органов, иными уполномоченными субъектами и совершившим экологическое правонарушение лицом (физическим, должностным или юридическим) по применению к нарушителю соответствующего взыскания» [3, с. 475].

С другой стороны, законодатель использует более гибкую формулировку обозначения ответственности в данной сфере, позволяющую избегать дискуссионности в отношении выделения эколого-правовой ответственности и перечисления различных отраслей законодательства – «ответственность за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды». При этом статья 75 ФЗ РФ от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» предусматривает привлечение виновных за нарушение законодательства об охране окружающей среды (а по сути, речь идет о совершении экологического правонарушения) в рамках существующих традиционных видов ответственности, говоря о возможности привлечения к имущественной, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности [24, статья 75]. Данным законом была исключена материальная ответственность, предусматривавшаяся ранее Законом РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [12, статья 81].

Важность и значимость юридической ответственности в борьбе с современными глобальными экологическими вызовами человечеству не вызывает сомнений и обусловлена во многом целями юридической ответственности. Применительно к исследуемым нами современным глобальным экологическим вызовам человечеству эта значимость и важность обусловлены рядом обстоятельств:

1. Юридическая ответственность за экологические правонарушения предупреждает совершение новых действий, квалифицируемых как современные глобальные экологические вызовы человечеству, лицом, ранее осуждавшимся за совершение подобных действий.

Юридическая ответственность за экологические правонарушения применяется к лицам, совершившим данные правонарушения. Принимая во внимание, что некоторые из современных глобаль-

ных экологических вызовов человечеству являются экологическими преступлениями (экоцид, экологический терроризм, экологическая война), применение юридической ответственности выступает карой за совершенное деяние. При этом заметим, что, учитывая характер и общественную опасность данных вызовов, меры наказания значительны.

Таким образом, применение наказания к лицу, совершившему действия, квалифицируемые как современные глобальные экологические вызовы человечеству, направлено на предотвращение совершения новых преступлений лицом, которое было ранее осуждено за совершение преступления (специальная превенция). Сама по себе наложенная мера наказания может затруднять или даже вовсе исключать совершение новых преступлений лицом, так как за совершение действий, квалифицируемых как современные глобальные экологические вызовы человечеству, применяется наиболее суровое наказание — лишение свободы. Например, санкция за совершение экоцида предусматривает лишение свободы на срок от 12 до 20 лет [22, статья 358]. Ввиду того, что лишение свободы заключается в помещении преступника в специализированное учреждение, в котором его жизнь строго регламентирована и находится под строгим контролем представителей государства, в ходе пребывания лица в местах лишения свободы исключается возможность совершения им новых подобных преступлений.

Наиболее радикальным проявлением специальной превенции является применение пожизненного лишения свободы к лицам, совершившим наиболее тяжкие преступления. Так, например, ч. 3 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации за совершение террористического акта, сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (что, по сути, можно квалифицировать как экологический терроризм), повлекшего умышленное причинение смерти человеку, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы [22, статья 205].

Применение к преступнику мер возмездия направлено на создание у него страха перед возможным наказанием в случае совершения нового преступления.

Наконец, исправительное воздействие, осуществляемое в ходе отбывания уголовного наказания, способствует формированию у преступника положительных социальных установок, что предотвращает совершение им новых преступлений, обозначаемых в качестве современных глобальных экологических вызовов человечеству (экологический терроризм, экоцид и др.).

Следовательно, юридическая ответственность за экологические правонарушения позволяет предупреждать современные глобальные экологические вызовы человечеству.

2. Закрепление мер юридической ответственности за экологические правонарушения способствует предупреждению совершения правонарушений гражданами, склонными к противоправным поступкам (общая превенция). В научной литературе отмечается, что ответственность за экологические правонарушения выражается в лишении прав имущественного, организационного или личного характера [10, с. 23]. Так, В.Н. Яковлев подчеркивает, что юридическая ответственность за нарушение экологического законодательства выражается в применении юрисдикционными органами принудительных мер имущественного и личного характера к предприятиям, учреждениям, организациям, должностным лицам и гражданам, нарушающим экологическое и иное законодательство. Исходными пунктами в механизме юридической экологической ответственности являются правонарушения экологических требований, закрепленных в нормах права [26, с. 97–98].

Страх правонарушителя перед наказанием, которое с высокой вероятностью может последовать за совершением правонарушения, заставляет воздерживаться от совершения как действий, квалифицируемых в качестве современных глобальных экологических вызовов человечеству, так и иных действий, которые могут явиться причиной данных вызовов. Таким образом обеспечивается правомерность поведения субъекта и соблюдение им норм экологического законодательства.

3. Наличие юридической ответственности за экологические правонарушения способствует формированию эколого-правового сознания, правовых мотивов, интересов и установок правомерного по-

ведения, что является одним из средств устранения причин современных глобальных экологических вызовов человечеству.

Однако юридическая ответственность за экологические правонарушения ввиду серьезной опасности современных глобальных экологических вызовов человечеству и необходимости четкой планомерной борьбы с ними требует совершенствования и повышения результативности. Одним из возможных путей подобного совершенствования может стать выделение специальной эколого-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности.

В современной юридической литературе достаточно широко обсуждается проблема выделения в качестве самостоятельных новых видов ответственности, в том числе и эколого-правовой. В связи с распространением современных глобальных экологических вызовов человечеству наибольший интерес для нас представляет рассмотрение возможности обособления эколого-правовой ответственности, так как это можно рассматривать в качестве важного средства борьбы с ними.

Для выделения любого нового самостоятельного вида ответственности необходимы определенные причины. Применительно к эколого-правовой ответственности такими причинами, на наш взгляд, являются:

1 – особенности окружающей среды как объекта противоправных посягательств. В связи с развитием законодательства и необходимостью правовой регламентации охраны окружающей среды в юридической литературе поднят вопрос о самостоятельности экологической ответственности [8, с. 85–95]. Специфика объекта воздействия экологических норм позволила говорить о начале становления эколого-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, а некоторые авторы стали рассматривать в качестве самостоятельного вида экологическую [6, с. 108–109]. Наличие экологической ответственности обусловлено тем, что объекты экологических правоотношений имеют определенную специфику, которая отличает их от иных объектов материального мира, а значит, общей юридической ответственности недостаточно для надлежащего правового обеспечения ее режима;

2 – наличие законодательного употребления понятия «экологическое правонарушение». Динамично развивавшееся в 90-х годах XX века экологическое законодательство стало употреблять в ка-

честве самостоятельной категории «экологическое правонарушение» [12, статья 81; 16, статья 42], а затем и в научной литературе оно получило широкое распространение и исследование наряду с понятиями «экологическая санкция», «меры экологической ответственности», что свидетельствовало о начале обособления и формировании нового вида юридической ответственности – эколого-правовой;

3 – высокий показатель количества экологических правонарушений, свидетельствующих о неэффективности традиционных видов юридической ответственности в области природопользования и охраны окружающей среды. При этом еще раз подчеркнем, что экологические правонарушения являются причиной возникновения современных глобальных экологических вызовов человечеству;

4 – ухудшение качественного состояния окружающей среды и появление современных глобальных экологических вызовов человечеству как явлений, ставящих под угрозу существование человеческой цивилизации;

5 – узость традиционных видов ответственности. В силу природных особенностей объектов окружающей среды ответственность за экологические правонарушения не ограничивается рамками традиционных видов ответственности и обладает своей обособленной системой, свойственной общепризнанным видам. Так, наиболее опасным видом экологических правонарушений являются экологические преступления, некоторые из которых являются, в свою очередь, современными глобальными экологическими вызовами человечеству. Существующая уголовная конструкция состава преступления соответствует некоторым вызовам (экологический терроризм, развязывание экологической войны). Однако в ряде случаев действия, квалифицируемые как современные глобальные экологические вызовы человечеству либо действия, приводящие к их возникновению (то есть являющиеся причиной данных вызовов), могут совершаться юридическими лицами (например, экологический кризис, глобальное потепление и др.). Более того, наибольший вред окружающей среде, как правило, причиняют именно юридические лица. Вместе с тем уголовная ответственность может быть применена лишь к физическим лицам. Несмотря на научную дискуссию в современной уголовной науке по расширению субъектов уголовной ответственности [1; 5; 11], на наш взгляд, это осуществить в рамках уголовного права невозможно.

Но если невозможно изменить основополагающие принципы уголовной конструкции в отношении субъектов преступлений, то возможно создать подобную конструкцию в рамках эколого-правовой ответственности, тем более что мировой практике известны уже подобные конструкции.

Так, Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств встать на путь признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления [15]. Такая же рекомендация содержится в решениях конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями [19; 20]. В настоящее время многие государства выступают в поддержку введения корпоративной уголовной ответственности, и прежде всего за экологические преступления. Такая ответственность характерна для государств: Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия, Франция, Китайская Народная Республика, Голландия, Дания, Норвегия, Бельгия, Литовская Республика, Республика Молдова и др. В России же юридическое лицо оказывается уголовно не наказуемым даже в случае совершения общественно опасного деяния, например, повлекшего экологическую катастрофу в результате халатного отношения к технологии производства. «И это в то время, – говорится в обзоре судебной практики, – когда наиболее значительный ущерб и тяжкие последствия вызывают случаи загрязнения водоемов и воздуха. Резко отрицательное воздействие на природу оказывают именно производства. Наиболее вредными для окружающей среды являются не выполняющие природоохранных мер предприятия химической, угольной, целлюлозно-бумажной, нефтехимической и ряда других отраслей промышленности, загрязняющие неочищенными и необезвреженными сточными водами и отбросами озера, реки и другие водоемы, а воздушное пространство – вредными для здоровья людей и животного мира отходами промышленного производства» [18]. На наш взгляд, предприятия, являющиеся источниками повышенной опасности, загрязняющие окружающую среду и способствующие возникновению

современных глобальных экологических вызовов человечеству, должны привлекаться к уголовной ответственности, что усилит охрану важнейших экологических объектов.

Подобная позиция поддерживается и в научной литературе. Так, Э.Н. Жевлаков считает, что перенесение на юридическое лицо уголовно-правовых последствий преступного поведения в сфере экологии членов юридического лица – физических лиц целесообразно прежде всего в тех случаях, когда деяние совершается неосторожно, вследствие, например, применения устаревшей технологии, изношенного оборудования либо в случае внезапных выбросов (сбросов) вредных веществ [11, с. 11]. Совершенно справедлива позиция Ф.Н. Багаутдинова и А.Г. Сагировой, отмечавших, что юридическое лицо – это особый коллегиальный орган, в котором существует единая система управления, и именно действия данного органа могут привести к неблагоприятному воздействию на окружающую среду, что может быть вызвано не действиями конкретного работника, а, например, вследствие отсутствия скоординированных действий, слабости исполнительской дисциплины, недостаточной информированности и взаимодействия между должностными лицами. К тому же производственная деятельность юридических лиц наносит окружающей среде такой вред, устранение которого требует больших финансовых и материальных затрат, и физическое лицо не может возместить столь огромный ущерб [2, с. 39].

Узость традиционных видов ответственности применительно к экологическим отношениям обусловлена также неприменимостью сроков исковой давности ГК; особой ролью восстановительных, а не карательных норм; выражением ответственности не столько в применении неблагоприятных материальных последствий, сколько в невозмещении нарушителю понесенных им затрат.

На наш взгляд, совершенствование юридической ответственности за экологические правонарушения и, в частности, обособление эколого-правовой ответственности необходимо оценивать в качестве важной меры борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству.

Библиографический список

1. Антонова Е.Ю. О необходимости уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире. – Тамбов: Першина, 2005. – С. 88–91.

2. Багаутдинов Ф.Н., Сагирова А.Г. Уголовная ответственность юридических лиц за экологические преступления // Российская юстиция. – 2010. – № 8. – С. 36–39.
3. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды). – М.: Юрист, 1999. – 688 с.
4. Векленко В.В., Попов И.В. Место уголовной ответственности в системе юридической ответственности, возлагаемой за экологические правонарушения // Российский следователь. – 2007. – № 24. – С. 10–13.
5. Виноградова Е. Юридические лица должны нести ответственность за экологические преступления // Российская юстиция. – 2001. – № 8. – С. 62–68.
6. Гогин А.А. К вопросу об экологической ответственности по российскому законодательству // Вестник ВУиТ. Сер. «Юриспруденция». Вып. 23. – Тольятти, 2002. – С. 108–109.
7. Доронин Г.Г. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: исходные положения и теоретические подходы (учебно-методические материалы) // <http://www.yurclub.ru/docs/ecology/article2.html>
8. Ерофеев Б.В. Об экологических правоотношениях / Правовые проблемы охраны окружающей среды / Под ред. Э.Н. Жевлакова. – М.: Бизнес-школа Интел-Синтез, 1998. – С. 85–95.
9. Ерофеев Б.В. Экологическое право России. – М.: Юриспруденция, 2000. – 448 с.
10. Жариков Ю.Г. Закон на страже землепользования. Предупреждение земельных правонарушений. – М.: Просвещение, 1985. – 223 с.
11. Жевлаков Э.Н. К вопросу об ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений // Уголовное право. – 2002. – № 1. – С. 10–13.
12. Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 10. – Ст. 457.
13. Ивакин В.И. Место юридической ответственности за экологические правонарушения в системе юридической ответственности // Аграрное и земельное право. – 2005. – № 4. – С. 54–60.
14. Катасонов А.В. К вопросу о целях превентивной функции юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 5. – С. 18–21.
15. Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 ноября 1998 г.) (не вступила в силу) // СПС «Гарант».
16. Конституция Российской Федерации. – М.: Экзамен, 2004. – 64 с.
17. Кособродов В.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение экологического вреда: вопросы терминологии // Адвокат. – 2005. – № 3. – С. 20–24.
18. О практике применения судами законодательства об охране природы. Обзор судебной практики // http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_10727.html
19. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/107 «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития» // СПС «Гарант».
20. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г. № 55/59 «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» // СПС «Гарант».
21. Романов В.И. Юридическая ответственность за экологические правонарушения // Журнал российского права. – 2000. – № 12. – С. 74–83.
22. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Экзамен, 2006. – 190 с.
23. Файзиев Ш. Юридическая ответственность за нарушение экологического законодательства // <http://www.suprcourt.uz/ru/bulet16.htm>
24. ФЗ РФ от 10.01.2001 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
25. Щекин Д. Возмещение убытков, причиненных экологическим правонарушением, как способ защиты субъективных экологических прав // Юрист. – 2003. – № 6. – С. 45–47
26. Яковлев В.Н. Экологическое право. – Кишинев: Штиинца, 1988. – 343 с.

A.V. ZAKHAROV

PERFECTION OF LEGAL RESPONSIBILITY FOR ECOLOGICAL OFFENSES IN A CONTEXT OF STRUGGLE AGAINST MODERN GLOBAL ECOLOGICAL CALLS TO MANKIND

In article the problem of development of legal responsibility for ecological offenses in connection with distribution to the world of modern global ecological calls to mankind rises, the role legal responsibility in struggle against similar calls is investigated. Necessity of allocation of ekologo-legal responsibility is proved and its value for the prevention and elimination of modern global ecological calls to mankind is considered. Modification of the Russian legislation and a legal design of structure of an ecological offense is offered.

Key words: legal responsibility, an ecological offense, modern global ecological calls to mankind, ekologo-legal responsibility. компетенционный the approach.

Е.В. МАРКОВИЧЕВА, кандидат юридических наук, доцент
Орловского государственного университета
markovicheva@yandex.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СТРАНАХ БАЛТИИ, СНГ И ГРУЗИИ

Статья раскрывает основные направления совершенствования ювенального уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве. Акцентируется внимание на возможности учета позитивного опыта государств ближнего зарубежья для реформирования российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, ювенальная юстиция.

Для определения современных российских приоритетов в реформировании уголовного судопроизводства значимым является не только учет опыта зарубежных государств, имеющих вековую историю функционирования различных исторических моделей отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних. Очевидно, что на современном этапе целесообразным является обращение к анализу ювенальной уголовно-процессуальной политики тех государств, которые географически и исторически являются более близкими России. Это оправданно как с позиции наличия некоторых общих исторических корней, так и с позиции поиска путей решения сходных проблем в реформировании уголовного процесса. Обращение к анализу современного состояния организации, функций и принципов уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в странах Балтии, СНГ и Грузии представляет определенный научный интерес как с точки зрения учета позитивного опыта, так и с точки зрения конструктивной критики.

Практически всеми этими государствами решается задача по модернизации собственных правовых систем. Такие процессы происходят с различной скоростью, но, как правило, сопровождаются различными заимствованиями, имплементацией в национальное законодательство норм международного права, внесениями существенных изменений в механизм правового регулирования.

Примечательно, что в настоящее время на территории ближнего зарубежья складывается ситуация, для которой характерно сочетание процессов регионализации, связанных в первую очередь с отказом от общего правового наследия советского периода, с процессами унификации законодательства под влиянием процесса имплементации норм и стандартов международного права в национальные правовые системы.

В качестве современных тенденций в развитии уголовного судопроизводства государств Балтии, СНГ и Грузии можно отметить наличие противоречий между ориентацией национального уголовного процесса на нормы международного права в целом и европейского права в частности и сохранением отдельных специфических черт, сложившихся еще в советский период. Нормативное закрепление принципа состязательности в уголовном судопроизводстве может сочетаться с реализуемой на практике обвинительной моделью уголовного процесса, законодательное закрепление гарантий прав участников уголовного судопроизводства – с карательной направленностью пос-

ледного. Общей особенностью уголовного процесса государств на постсоветском пространстве является тенденция к развитию дифференцированных форм производства по уголовным делам, поиск альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта. Все эти процессы в конечном счете определяют и специфику организации уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Следует отметить, что модели уголовного правосудия для несовершеннолетних в государствах Балтии, СНГ и Грузии отличаются от моделей ювенального уголовного судопроизводства Западной Европы и США как степенью институциональной сформированности, так и своими качественными характеристиками. Такая ситуация является следствием целого ряда факторов, связанных как с особенностями исторического развития, так и с целями и задачами современной национальной ювенальной политики. Необходимо отметить, что в современных реалиях практически все из рассматриваемых государств предпринимают более или менее успешные попытки реформирования своих моделей производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Несомненно, подобные процессы во многом обусловлены теми обязательствами, которые государство берет на себя в контексте выполнения требований международного права в отношении обеспечения прав ребенка. В силу этих обстоятельств национальные модели ювенального уголовного судопроизводства, функционирующие сейчас в государствах Балтии, СНГ и Грузии, вызывают теоретический и практический интерес.

В силу особенностей эволюционирования уголовного судопроизводства в данных государствах видится необходимым и значимым выявление особенностей моделей ювенального уголовного судопроизводства стран так называемого ближнего зарубежья в рамках национальной типологии.

Можно выделить ряд общих черт, присущих практически всем национальным моделям правосудия для несовершеннолетних правонарушителей рассматриваемых стран. Такая общность определяется имплементацией норм международного права в национальное законодательство отдельных государств. Подчеркнем, что концептуальное реформирование систем отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних рассматривается как одно из ведущих направлений в

рамках общей реформы судебной системы. В качестве наиболее типичных черт ювенального уголовного судопроизводства различных государств Балтии, СНГ и Грузии можно выделить следующие признаки:

- 1) законодательное закрепление специфики производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего;
- 2) формирование национальных моделей ювенального уголовного судопроизводства на основе принципов уголовно-процессуальной дифференциации и специализации;
- 3) закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве процессуальных гарантий охраны прав несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого;
- 4) расширение предмета доказывания по данной категории уголовных дел;
- 5) специфика применения мер пресечения в отношении несовершеннолетнего;
- 6) ограничение гласности ювенального уголовного судопроизводства;
- 7) обязательное участие адвоката по уголовным делам в отношении несовершеннолетних;
- 8) участие в ювенальном уголовном судопроизводстве законных представителей несовершеннолетнего;
- 9) больший по сравнению с обычным судопроизводством объем дискреционных полномочий, реализуемых различными субъектами ювенального уголовного судопроизводства;
- 10) наличие процессуального механизма освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности или уголовного наказания.

Однако даже при наличии известной общности, представленной вышеперечисленными чертами, национальные модели ювенального уголовного судопроизводства указанных государств отличаются значительной вариативностью.

В частности, в силу понятных национально-культурных особенностей и определенной государственной политики прибалтийские государства конструируют свои национальные модели ювенального уголовного судопроизводства с учетом современных западных стратегий, в частности ориентируясь на стратегию замены в отношении несовершеннолетнего мер уголовной репрессии на альтернативные меры, не связанные с осуществлением уголовного преследования, и стратегию восстановительного правосудия. В то же время

качественные характеристики ювенального уголовного судопроизводства в Литве, Латвии и Эстонии имеют ряд отличий, связанных как с государственной ювенальной политикой, так и с особенностями уголовной юстиции в целом.

Например, Эстония в качестве основной цели такого судопроизводства рассматривает предотвращение совершения несовершеннолетним новых уголовных преступлений, помощь в его социализации и интеграции¹. Заслуживает внимания и тот факт, что национальная модель ювенального уголовного судопроизводства Эстонии строится на принципе специализации судей, прокуроров, сотрудников полиции, прошедших специальное обучение в Эстонии и за рубежом.

Как позитивный момент в эстонском ювенальном уголовном судопроизводстве можно оценить проводимое сотрудником службы пробации изучение личности несовершеннолетнего. Служба пробации начала свою деятельность в Эстонии с мая 1998 года в соответствии с Законом о пробации от 17 декабря 1997 года². Очевидно, система пробации в Эстонии формировалась под влиянием немецкой, австрийской и французской систем. В целом реализуемая в Эстонии модель направлена на сокращение негативного влияния системы уголовного преследования на несовершеннолетнего, предусматривает возможность применения к нему воспитательных мер и примирительных процедур, имеющих своей целью как учет интересов потерпевшего, так и осознание несовершеннолетним правонарушителем последствий его противоправного поведения. Однако можно предположить, что значительный объем дискреционных полномочий, реализуемых в рамках такого судопроизводства, несет в себе не только позитивное начало, но и опасность нарушения прав несовершеннолетних в случае злоупотребления должностными лицами предоставленными им полномочиями.

Интересен и опыт Республики Молдова по формированию уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Несмотря на то, что в молдавском законодательстве организация уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних получила достаточную нормативную регламентацию, специалисты фонда ЮНИСЕФ фиксировали случаи жесткого обращения с несовершеннолетними в ходе следствия, длительные сроки производства по уголовным делам в отношении несовершенно-

летних и необоснованно частое применение к несовершеннолетним в качестве меры пресечения заключения под стражу³. В этой связи одним из приоритетных направлений ювенальной уголовно-процессуальной политики Республика Молдова определила внедрение в следственные и судебные органы ювенальной специализации, а также организацию обучения судей, прокуроров, следователей по программе «Ювенальная юстиция»⁴.

Регламентируя в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдова⁵ правовое положение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, законодатель признал данных лиц частично дееспособными, предусмотрев, что часть процессуальных прав и обязанностей может осуществляться ими самостоятельно, а часть — через их делегирование законному представителю. Однако четкого разграничения таких правомочий в УПК Молдовы обнаружить не удалось.

Значимая роль в исследовании несовершеннолетнего в уголовном процессе отводится службе пробации Молдовы, функционирующей в соответствии с Законом о пробации от 14 февраля 2008 года⁶. Данный закон вводит понятие досудебной пробации, под которой понимается психосоциальная оценка личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Полномочия, предоставляемые органам пробации Молдовы, несомненно, значимы для ювенального уголовного судопроизводства. Ст. 5 Закона о пробации относит к их числу: составление психосоциального портрета лица, находящегося в конфликте с уголовным законом; подготовку предложений для судебной инстанции относительно основных действий, предпринимаемых в отношении лица, находящегося в конфликте с уголовным законом, в целях облегчения процесса решения психосоциальных проблем; предоставление информации о лице, находящемся в конфликте с уголовным законом, в целях облегчения процесса решения психосоциальных проблем.

Досудебный доклад относительно психосоциальной оценки личности составляется по ходатайству органа уголовного преследования, прокурора или судебной инстанции. В соответствии с ч. 3 ст. 8 данного закона составление досудебного доклада относительно психосоциальной оценки личности несовершеннолетнего является обязательным и может осуществляться как штатными сотрудниками службы пробации, так и привлекаемыми для этого волонтерами. Полагаем, что норматив-

но закрепленная в Молдове модель психосоциального исследования несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства может быть интересна для России не только с теоретической, но и с практической точек зрения при разработке российского варианта исследования особенностей личности несовершеннолетнего правонарушителя, его социального окружения и разработки соответствующих рекомендаций, которые могут быть учтены при назначении уголовного наказания или принудительных мер воспитательного воздействия. Хотя, на наш взгляд, наблюдается определенная несогласованность норм Закона о пробации и уголовно-процессуального законодательства Молдовы, поскольку последнее не создает необходимых условий для реализации примирения как элемента восстановительного правосудия и конструктивного использования данных досудебного доклада в реабилитационных целях.

Весьма позитивно следует оценить закрепленный в УПК Молдовы порядок допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. В соответствии с ч. 2 ст. 479 при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого присутствие защитника и педагога или психолога является обязательным. Таким образом, исключается возможность факультативного участия педагога или психолога в допросе за счет закрепления обязательности его присутствия на допросе.

К сожалению, нельзя столь же высоко оценить предусмотренный ст. 483 УПК Молдовы порядок прекращения производства по делу с освобождением несовершеннолетнего от уголовной ответственности, который сильно напоминает российский вариант прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия, со всей громоздкостью и нерациональностью данной процедуры.

Стоит остановиться на некоторых аспектах реформирования ювенального уголовного судопроизводства в Республике Беларусь. Несмотря на декларируемую в проекте президентского указа и проекте Концепции ювенальной юстиции Республики Беларусь направленность на построение особой национальной модели ювенального уголовного судопроизводства, прослеживается четкая и позитивная тенденция на конструирование ювенального уголовного судопроизводства на основе реали-

зации реабилитационных программ, широкого привлечения в уголовный процесс специалистов неюридического профиля, введение примирительных процедур в рамках восстановительного подхода⁷.

В основе реализации данных начинаний лежит ориентация на специализацию правосудия по делам несовершеннолетних. Примечательно, что в самом Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь содержится указание на то, что уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних подлежат рассмотрению специальными судами по делам несовершеннолетних либо судьями, имеющими специальную подготовку (ст. 430 УПК РБ)⁸. В соответствии с Концепцией предполагалось сочетание единоличного и коллегиального начал при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. К компетенции единоличного судьи планируется отнести уголовные дела частного обвинения по первой инстанции и производство, касающееся общественно опасных деяний несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности. К подсудности коллегии в составе профессионального судьи, прошедшего специальную подготовку, и двух народных заседателей отнесены дела публичного и частного обвинения о преступлениях, совершенных лицами в возрасте от 14 до 18 лет.

Также в соответствии с Концепцией при межрайонных ювенальных судах должны вводиться должности штатных социальных работников, в обязанности которых входят подготовка дела к судебному разбирательству, подготовка ребенка к осознанию вины, осуществление функции посредничества, сбор материалов об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, поддержка связи с территориальными органами социальной защиты, опеки и попечительства, медико-психологическими центрами⁹.

В качестве приоритетного направления Республика Беларусь рассматривает создание и ювенальной прокуратуры. Органы ювенальной прокуратуры должны осуществлять надзор за соблюдением законодательства в отношении несовершеннолетних, поддерживать государственное обвинение в суде по делам о преступлениях несовершеннолетних. В обязанности межрайонных ювенальных прокуроров входит осуществление и предварительного расследования всех дел о преступлениях несовершеннолетних.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь детально регламентирует

вопросы, связанные с двойным представительством несовершеннолетнего. В частности, п. 8 ст. 6 УПК Республики Беларусь закрепляет перечень лиц, которые могут быть привлечены в уголовный процесс в качестве законного представителя, а п. 28 той же статьи рассматривает законных представителей в качестве одной из категорий представителей. Причем законодатель Беларуси распространил действие данного понятия не только на несовершеннолетних, но и на лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболевших после совершения преступления психической болезнью. На сегодняшний день такую тенденцию можно считать достаточно позитивной.

Высокой оценки заслуживает законодательное закрепление за педагогом или психологом, принимающим участие в допросе несовершеннолетнего, процессуального статуса специалиста (ч. 1 ст. 62 УПК РБ). Подобную прогрессивную для государств СНГ конструкцию нам удалось обнаружить еще только в Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджана, в ст. 96 которого закрепляется, что педагог, принимающий участие в допросе несовершеннолетнего потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого либо свидетеля, считается специалистом¹⁰. Следует обратить внимание и на то, что в Республике Беларусь предпринята вполне прагматичная попытка нормативного урегулирования на уровне Постановления Совета Министров от 24 октября 2001 года порядка привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе¹¹. Такой подход облегчает правоприменителю выполнение специальных требований к осуществлению допроса несовершеннолетнего.

К сожалению, реализация заложенных в Концепции основных направлений реформирования ювенального уголовного судопроизводства в Беларуси тормозится в связи недостаточностью финансирования.

Противоречиво развивается уголовное правосудие для несовершеннолетних на Украине. С одной стороны, еще Концепцией судебно-правовой реформы, одобренной постановлением Верховной Рады Украины 28 апреля 1992 года, было предусмотрено создание специализированных ювенальных судов. В 1995 году Верховная Рада Украины приняла Закон «Об органах и службах по делам несовершеннолетних», предусмотревший создание при судах института судебных воспитателей. В

соответствии с ч. 2 ст. 6 Закона при судах создается институт судебных воспитателей, которые должны осуществлять контроль за выполнением решений суда в отношении несовершеннолетних. В 2005 году была разработана Концепция «Создание и развитие системы ювенальной юстиции Украины», закрепившая в качестве одного из принципов переход от карательного правосудия к восстановительному, реабилитационному, охранительному. В рамках реализации данной Концепции предполагалось создание системы специальных ювенальных судов. Однако создание таких судов до сих пор носит экспериментальный характер, поскольку украинский законодатель испытывает затруднения с определением их мест в системе судебных органов Украины и с конституционными положениями, фактически не предусматривающими возможность создания на уровне районных судов специализированного правосудия. Приказом Минюста Украины от 16 марта 2010 года должна быть создана рабочая группа по созданию современной модели ювенальной юстиции. Предполагается повсеместное создание ювенальных судов к 2016 году. В рамках такой системы предлагается конструировать ювенальное уголовное судопроизводство на основе персональной подсудности, рассматривается вариант создания коллегийных судебных органов в системе ювенального уголовного судопроизводства, в том числе и суда при-сяжных.

Очевидно, что реализация подобных начинаний требует соответствующей законодательной базы. Однако работа над новым украинским уголовно-процессуальным законодательством продолжается уже долгие годы. Сложно сказать, какой процессуальный порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних будет заложен в этом законе.

С одной стороны, Украина ориентируется на создание определенных правовых и организационных условий для введения элементов восстановительного правосудия в ювенальное уголовное судопроизводство и решение задач по ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей. С целью реализации воспитательной функции и функции по ресоциализации несовершеннолетнего украинский законодатель предусмотрел возможность участия в судебном разбирательстве представителей службы и милиции по делам несовершеннолетних. Представителям службы по делам несо-

вершеннолетних при этом предоставляются права, связанные с заявлением ходатайств, постановкой вопросов подсудимому, его законным представителям, потерпевшему, свидетелям, экспертам и специалисту. Немаловажно и то, что представитель вправе высказывать мнение о наиболее целесообразной форме перевоспитания несовершеннолетнего (ст. 442 УПК Украины)¹². Очевидно, что такой позитивный опыт мог быть полезен и для России в плане допущения возможности привлечения сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав к участию в ювенальном уголовном судопроизводстве.

Пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда Украины № 5 «О практике применения судами Украины законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 16 апреля 2004 года¹³ рекомендует судам поддерживать деятельность тех общественных организаций, которые ставят своей целью достижение до судебного разбирательства дела примирения между несовершеннолетним, совершившим преступление, и потерпевшим. Судам предлагается предоставлять таким организациям соответствующую информацию, а также информировать подсудимых и их законных представителей о наличии в районе или городе таких организаций, предоставлять возможность потерпевшему и обвиняемому обращаться в такие организации для разрешения конфликта и достижения перемирия.

Определенная нормативная база создана для реформирования модели ювенального уголовного судопроизводства в Республике Казахстан. 19 августа 2008 года президент подписал Указ «О концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009–2011 годы»¹⁴. Ювенальное уголовное судопроизводство Казахстана строится на основе широкой специализации: судебной, прокурорской, полицейской, адвокатской. В рамках реализации данной концепции предполагается активное участие различных социальных служб в уголовном судопроизводстве. Предполагается изучение социального окружения подростка, оказавшегося в конфликте с законом, и на его основе подготовка предложений суду по ресоциализации несовершеннолетнего. Очевидно, сотрудником социальных служб должен быть и медиатор-посредник, организующий и осуществляющий процесс примирения сторон в рамках восстановительного подхода и предусмотренных законом про-

цедур. Реализация данных мероприятий в течение трех лет с 2003 по 2006 год осуществлялась в экспериментальном порядке в рамках различных пилотных проектов. В 2008 году в Казахстане был принят закон, внесший изменения в целый ряд нормативных актов, в том числе и в Уголовно-процессуальный кодекс, положивший начало судебной ювенальной специализации. Таким образом была зафиксирована подсудность специализированным межрайонным судам по делам несовершеннолетних уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних (за исключением дел, отнесенных к подсудности областных и приравненных к ним судов), а также уголовных дел в отношении лиц, совершивших преступления в соучастии с несовершеннолетними, при невозможности их выделения в особое производство¹⁵.

В последние годы на постсоветском пространстве активизировалась работа по кардинальному реформированию национального уголовно-процессуального законодательства, что закономерно привело к принятию новых кодифицированных законов, регулирующих уголовное судопроизводство. Анализ этих законов свидетельствует о значительной степени иностранных заимствований и, как следствие, о заимствовании тех или иных зарубежных элементов ювенального уголовного судопроизводства.

Как и многие из современных государств, в сторону англо-американской модели уголовного процесса движется Грузия, которая, с одной стороны, долгое время предпринимала попытки совершенствования производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, активно развивала ювенальную специализацию следователей, прокуроров, судей, с другой – сохраняла определенную карательную направленность ювенального уголовного судопроизводства. В 2007 году благодаря законодательным инициативам президента М. Саакашвили возраст уголовной ответственности был снижен до двенадцати лет, а уголовное судопроизводство было ориентировано на обвинительный уклон в отношении несовершеннолетнего и во многом сближено с производством по делам взрослых правонарушителей. Неудивительно, что такие новеллы вызвали критику со стороны Комитета ООН по правам ребенка. В последние годы в рамках проекта, реализуемого при поддержке ЮНИСЕФ и Европейского союза, в Грузии наметилась тенденция к законодатель-

ному закреплению национальной модели ювенального уголовного судопроизводства, сочетающей в себе преимущественно реабилитационный подход с элементами восстановительного правосудия. В рамках реформы был осуществлен возврат к четырнадцатилетнему возрасту уголовной ответственности, создана служба пробации, стали расширяться дискреционные полномочия должностных лиц, разработан законопроект, направленный на замену мер уголовной ответственности и процедуры уголовного преследования альтернативными мерами¹⁶.

На смену УПК Грузии, принятому 20 февраля 1998 года, в октябре 2009 г. был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Грузии¹⁷, вступивший в действие в октябре 2010 года. Данный кодекс ориентирован на рекомендации международного сообщества и международные стандарты правосудия в отношении несовершеннолетних. Примечательно, что в новом уголовно-процессуальном законодательстве Грузии присутствует термин «ювенальный», используемый для обозначения несовершеннолетних, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Глава 28 УПК Грузии посвящена специфике производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Положения данной главы в соответствии со ст. 315 распространяются на лиц, совершивших преступление в возрасте до 18 лет и до достижения ими в ходе процесса восемнадцатилетнего возраста. Законодатель ориентирует правоприменителя на особое обращение с несовершеннолетним, учет его возраста, решение задач его ресоциализации, при необходимости оказание содействия в реализации образовательных потребностей несовершеннолетнего. Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет не только национальные гарантии защиты несовершеннолетнего в уголовном процессе, но и указывает на обеспеченность защиты международными гарантиями (ст. 316 УПК Грузии).

Следует обратить внимание на то, что, учитывая приверженность законодателя искомому производству, новый грузинский Уголовно-процессуальный кодекс фактически не ограничивает применение с участием несовершеннолетнего сделок о признании вины, а также предусматривает возможность рассмотрения уголовного дела в отношении несовершеннолетних жюри присяжных. Условием рассмотрения дела в суде присяжных будет отсутствие между сторонами договореннос-

ти об ином порядке рассмотрения дела и совершение несовершеннолетним преступления, за которое в качестве наказания может быть назначено реальное лишение свободы.

В качестве позитивного момента следует отметить, что ст. 319 УПК Грузии закрепляет необходимость специальной подготовки следователей, прокуроров и судей, специализирующихся на уголовных делах в отношении несовершеннолетних, в области педагогики и психологии. Однако, на наш взгляд, новому Уголовно-процессуальному кодексу Грузии не удалось полностью избавиться от карательной направленности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Как следствие такого подхода УПК Грузии не рассматривает заключение несовершеннолетнего под стражу как исключительную меру пресечения, требуя лишь их отдельного содержания от взрослых (ст. 323).

В Республике Таджикистан 1 апреля 2010 года вступил в действие новый Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РТ)¹⁸, сменивший УПК 1961 года. К его несомненным достоинствам следует отнести появление на смену разрозненным статьям прежнего кодекса специальной главы 44 «Производство по делам о преступлениях несовершеннолетних». Следует отметить, что в большинстве своем конструирование этой главы весьма схоже с российским вариантом изложения главы 50 в УПК РФ. И в целом прослеживается значительное влияние российского УПК на новый таджикский уголовно-процессуальный кодекс. В качестве позитивной новеллы следует отметить появление ряда норм, регулирующих процессуальные особенности применения к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 432, 436 УПК РТ). Надо отдать должное новому кодексу, эффективность которого еще предстоит проверить практикой: таджикскому законодателью (в отличие от российского) удалось закрепить более простой и рациональный порядок прекращения уголовного дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия. В соответствии с ч.1 ст. 432 УПК РТ правом на прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, с направлением его в комиссию по правам ребенка, обладают прокурор и следователь с согласия прокурора.

К числу реформированных уголовно-процессуальных законов относится и Уголовно-процессу-

альный кодекс Туркменистана от 4 мая 2009 года, вступивший в действие с 1 июля 2009 года¹⁹. Влияние на него российского уголовно-процессуального законодательства прослеживается столь же отчетливо, как и в предыдущем случае. Однако столь же четко проявляется и определенная карательная направленность регламентированного данным кодексом производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Срок содержания несовершеннолетнего под стражей в Туркменистане так же значителен, как и в Таджикистане. Длительные сроки производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних являются существенным недостатком анализируемых национальных моделей.

Примечательно, что ст. 518 УПК Туркменистана предполагает участие в судебном разбирательстве по делам несовершеннолетних представителей предприятий, организаций и учреждений. Суд извещает школу, предприятие, организацию и учреждение, в которых учился или работал несовершеннолетний, комиссию по делам несовершеннолетних и соответствующий отдел органов внутренних дел, а при необходимости и иные организации о времени и месте рассмотрения дела о несовершеннолетнем. В случае необходимости суд вправе вызвать в судебное заседание представителей этих организаций, а также представителей общественных объединений по месту работы родителей, опекуна или попечителя подсудимого. С разрешения суда представители вышеуказанных организаций могут участвовать в исследовании доказательств, также могут быть допрошены в качестве свидетелей. Очевидно, таким образом туркменский законодатель стремился обеспечить реализацию воспитательной функции ювенального уголовного судопроизводства. Эффективность

таким мер несомненно дискуссионна, даже с учетом национально-культурных особенностей государства Туркменистан.

Анализ уголовно-процессуального законодательства и ряда специальных законов государств Балтии, СНГ и Грузии демонстрирует наличие противоречивых тенденций. С одной стороны, при кардинальном реформировании уголовно-процессуальных кодексов государства нередко ориентируются на включение в свой уголовный процесс процедур, более характерных для англо-американского права. Полагаем, что к этому следует относиться как к закономерности, характерной для современного развития правовых систем, поскольку «в принципе явление конвергенции процессуальных форм, имеющее место в мировой практике судопроизводства... – явление вполне правомерное и даже полезное»²⁰. С другой стороны, не может не удивлять, почему, ориентируясь на процессуальные заимствования из англо-американского права, законодатели государств на постсоветском пространстве игнорируют одно из существенных преимуществ американского ювенального судопроизводства – его простоту и оперативность. Перенос существенного объема дискреционных полномочий лиц, осуществляющих уголовное преследование, в суд не ведет автоматически к охране прав несовершеннолетнего и, более того, с учетом национальных особенностей может создавать условия для злоупотребления этими полномочиями. В подавляющем большинстве современные государства Балтии, СНГ и Грузия переживают период активного реформирования ювенального судопроизводства, однако при этом испытывают значительные затруднения как правового, так и организационного характера с обеспечением его неюридической составляющей.

Примечания

¹ CONSULTATIVE COUNCIL OF EUROPEAN PROSECUTORS: Strasburg, 4 December 2009: CCPE (2009)10REV3. – [Electronic resource]. – Mode access: <http://www.coe.int>.

² Probation Supervision Act: – [Electronic resource]. – Mode access: <http://www.nylawglobal.org/globalex/estonia.htm>.

³ Juvenile Justice in Republic of Moldova. – [Electronic resource]. – Mode access: http://www.unicef.org/infobycountry/moldova_53458.html.

⁴ Ibid.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14512/preview>.

⁶ Закон Республики Молдова «О пробации»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kvs.gov.ua/punish/control/uk/publish/article?art_id=50629&cat_id=61905.

⁷ Знания, отношение и практика специалистов и детей, вовлеченных в систему ювенальной юстиции: отчет о

выполнении исследовательского проекта. – Минск: Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, 2005. – С. 119–146.

⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2007.

⁹ Знания, отношение и практика специалистов и детей, вовлеченных в систему ювенальной юстиции: отчет о выполнении исследовательского проекта. – Минск: Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, 2005. – С. 131.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-II). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14512/preview>.

¹¹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24.10.2001. № 1533 «Об утверждении Положения о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе» (по состоянию на 1 октября 2009 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoby.info>.

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Украины. – Харьков: Одиссей, 2006.

¹³ Про практику застосування судами України законодавства у справах про злочини неповнолітніх / Постанови Пленуму Верховного Суду України в кримінальних справах. – Київ: Юрінком Інтер, 2005. – С. 292–300.

¹⁴ Указ Президента Республики Казахстан «О концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009–2011 годы» // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 5(19). – С. 39.

¹⁵ Закон Республики Казахстан от 5 июля 2008 г. № 64-IV ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних» // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 5(19). – С. 38–39.

¹⁶ UNICEF-GEORGIA-Reform of Georgia's juvenile justice system. [Electronic resource]. – Mode access: http://www.unicef.org/infobycountry/georgia_53634.html

¹⁷ Code of Criminal Procedure. [Electronic resource]. – Ministry of Justice of Georgia. – Mode access: <http://www.justice.gov.ge>

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. [Электронный ресурс]. – Национальный центр законодательства при Президенте РТ. – Режим доступа: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codescs>.

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана. [Электронный ресурс]. – Посольство Туркменистана в Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.turkmenembassy.ru/?g=node/27> (дата обращения: 10.05.2010).

²⁰ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. – М., 2008. – С. 230.

Библиографический список

1. CONSULTATIVE COUNCIL OF EUROPEAN PROSECUTORS: Strasburg, 4 December 2009: CCPE (2009)10REV3. [Electronic resource]. – Mode access: <http://www.coe.int>
2. Probation Supervision Act: [Electronic resource]. – Mode access: <http://www.nylawglobal.org/globalex/estonia.htm>
3. Juvenile Justice in Republic of Moldova. [Electronic resource]. – Mode access: http://www.unicef.org/infobycountry/moldova_53458.html
4. Закон Республики Молдова «О пробации»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kvs.gov.ua/punish/control/uk/publish/article?art_id=50629&cat_id=61905.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14512/preview>.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-II). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14512/preview>.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Текст]. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2007. – 400 с.
7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24.10.2001. № 1533 «Об утверждении Положения о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе» (по состоянию на 1 октября 2009 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoby.info>.
8. Знания, отношение и практика специалистов и детей, вовлеченных в систему ювенальной юстиции: отчет о выполнении исследовательского проекта [Текст]. – Минск: Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, 2005. – 187 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Текст]. – Харьков: Одиссей, 2006. – 750 с.
10. Про практику застосування судами України законодавства у справах про злочини неповнолітніх / Постанови Пленуму Верховного Суду України в кримінальних справах [Текст]. Київ: Юрінком Інтер, 2005. – С. 292–300.

11. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2008 г. № 64-IV ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних» [Текст] // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 5(19). – С. 38–39.
12. Указ Президента Республики Казахстан «О концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009–2011 годы» [Текст] // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 5(19). – С. 39.
13. UNICEF-GEORGIA-Reform of Georgia's juvenile justice system. – [Electronic resource]. – Mode access: http://www.unicef.org/infobycountry/georgia_53634.html.
14. Code of Criminal Procedure. [Electronic resource]. – Ministry of Justice of Georgia. – Mode access: <http://www.justice.gov.ge>.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г.- [Электронный ресурс]. – Национальный центр законодательства при Президенте РТ. – Режим доступа:<http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs>.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана. [Электронный ресурс]. – Посольство Туркменистана в Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.turkmenembassy.ru/?g=node/27>
17. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. – М.: Норма, 2008. – 238 с.

REFORMING THE CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST MINORS IN THE BALTIC STATES, THE CIS AND GEORGIA

The article reveals the main trends of the juvenile justice in post-Soviet space. The attention is focused on the possibility of taking into account the positive experience of neighboring countries to reform the Russian criminal proceedings.

Key words: *juvenile, criminal justice, juvenile justice.*

А.В. МЕРКУЛОВА, кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и гражданского процесса
Тел. 74-09-36

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И ТРУДОВЫЕ ДОГОВОРЫ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с правописанием и применением гражданско-правового и трудового договоров в сфере предпринимательства.

Ключевые слова: правовой статус, критерии разграничения гражданско-правовых и трудовых договоров, предпринимательский договор, субъект предпринимательского правоотношения.

В последнее время все чаще на страницах газет и журналов обсуждаются проблемы оформления «трудового участия» физических лиц в сфере предпринимательства.

Вопрос о взаимном проникновении элементов гражданского и трудового права, о соотношении гражданско-правового договора с трудовым в современных условиях, при преодолении преимущественно императивных методов государственного регулирования труда, приобрел новую значимость и новое звучание.

В целях осуществления своей уставной деятельности – производства продукции, выполнения работ, оказания услуг и т. д. юридические лица все чаще вступают в договорные отношения с лицами, не имеющими статуса индивидуального предпринимателя.

По поводу данных договорных отношений в правовой науке сложилось два подхода: один основан на трудовом законодательстве, когда работодатель заключает с работником трудовой договор (зачисление в штат), другой – гражданско-правовом законодательстве, когда организация сотрудничает с физическими лицами по договорам подряда (глава 37 ГК РФ), возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ), договорам поручения, комиссии и агентирования (главы 49, 51, 52 ГК РФ соответственно).

Практика свидетельствует о преобладании гражданско-правовых договоров при регулировании отношений между организацией (как работодателем-заказчиком) и физическим лицом (работником-исполнителем). Представляется, что заключение таких договоров является выгодной альтернативой трудовому договору как в экономическом, так и в юридическом смысле. И вот почему.

В экономическом аспекте, с позиции налогового законодательства, на сумму вознаграждения, выплаченного по договорам гражданско-правового характера, не начисляется единый социальный налог (ЕСН) в части, зачисляемой в ФСС РФ (п. 3 ст. 238 НК РФ). При обычном режиме налогообложения экономия организации в этом случае составляет 2,9 % от суммы вознаграждения. На сумму вознаграждения, выплаченного по договорам гражданско-правового характера, не начисляются страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, если иное не предусмотрено в договоре. Случаи, когда организация при заключении гражданско-правового договора с физическим лицом возлагает на себя обязанности страхования, изначально лишаясь

экономии, единичны на практике. Если же исполнителем работ по гражданско-правовому договору является физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица (ПБЮЛ), то заказчик вообще освобожден от исполнения обязанностей налогового агента по исчислению, удержанию и уплате в бюджет налога на доходы физических лиц (НДФЛ), а также начисления и уплаты ЕСН. И даже если сумма ЕСН будет включена в стоимость договора между организацией и ПБЮЛ, организация получит экономию значительной разницы между ставками ЕСН для индивидуальных предпринимателей и лиц, таковыми не являющихся (ст. 241 НК РФ). Кроме того, договоры гражданско-правового характера учитываются и при формировании налоговой базы по налогу на прибыль.

В юридическом смысле, учитывая, что предпринимательская деятельность – это деятельность, осуществляемая лицом на свой риск, для субъекта предпринимательского правоотношения важна степень риска, последствий соответствующих действий (бездействия). При этом, нарушая условия гражданско-правового договора, стороны несут имущественную ответственность, при нарушении же условий трудового договора работник может быть привлечен к дисциплинарной и материальной ответственности, работодатель – к материальной, административной, уголовной. Представляется, что при истинном намерении сторон урегулировать свои отношения гражданским правом гражданско-правовой договор предпочтительнее как для работника, так и для работодателя.

В то же время нередко «под маской» гражданских отношений ущемляются права работника, который не может позволить себе настоять на надлежащем оформлении с ним именно трудовых отношений. Этот факт может остаться незамеченным для контролирующих органов или крайне сложно доказуемым при соблюдении организацией определенных правил и при привлечении грамотных юристов в сфере трудовых отношений. Однако говорить о неправомерности или аморальности действий работодателя тоже не стоит. При надлежащей работе юриста и бухгалтера и такие действия могут оставаться в рамках закона.

Значит ли это, что «правильное» оформление

гражданско-правового договора надежно избавит работодателя от рисков признания такого договора трудовым? В чем отличие и в каком случае существует риск признания гражданских отношений трудовыми?

Изучение юридической литературы показало, что среди исследователей не наблюдается единства при определении правовой природы отношений, оформленных либо гражданско-правовым, либо трудовым договором.

В ученой среде доминирует воззрение, согласно которому отношения в гражданско-правовом и трудовом договорах неоднородны. При этом гражданско-правовые и трудовые договоры сравниваются и по нормативному регулированию, и по правовому положению участников (сторон договора), и по срокам действия договоров, и по предмету, и по цели, и по выполнению функций по договору, и по условиям выполнения работ по договору, и по отношению сторон (отношения субординации). При дифференциации договоров обращается внимание на форму и оплату труда, на порядок оформления на работу, на режим труда и отдыха, на наличие трудовой книжки, на наличие права на отпуск, на оплату листка нетрудоспособности, на оплату больничного листа по беременности и родам, на необходимость медицинского освидетельствования при заключении трудового договора, на риск невыполнения работ, на ответственность за жизнь и здоровье, на объем обязанностей, на возможность изменения размера вознаграждения, на обязательное страхование от несчастных случаев и профессиональных заболеваний в Фонд социального страхования РФ, на максимальную продолжительность рабочего времени, на возраст, на наличие регистрации на территории РФ, на перечень документов, необходимых для предъявления при заключении договора, на порядок приема результатов работы, на ответственность сторон, на мотивацию, на судебный контроль и т.п.

Ряд исследователей поддерживают мнение (В.Н. Скобелкин), согласно которому трудовой и гражданско-правовой договор регулируют однородные отношения, связанные с трудовой деятельностью человека, в связи с чем достаточно определенных и четких критериев их разграничения не существует.

В судебной практике также не наблюдается единого подхода в квалификации гражданско-пра-

вового договора. Вопрос о признании гражданско-правовых договоров трудовыми остается неурегулированным, несмотря на имеющееся постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 63 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», согласно которому под трудовыми отношениями понимаются такие отношения, «которые основаны на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором (статья 15 ТК РФ)».

Как правило, при рассмотрении «спорных» договоров судами большое внимание уделяется наличию или отсутствию в договоре существенных признаков трудового договора (ст. 57 ТК), условиям о подчинении работника/исполнителя локальным нормативным актам организации, наличию/отсутствию положений о социальных гарантиях, предоставлении страхования работника/исполнителя и т.д.

Представляется, что вышеуказанные критерии относительны. При слаженной работе юристов, отдела кадров и бухгалтерии организации «правильное» оформление гражданско-правового договора подтвердит наличие именно подразумеваемого сторонами вида правоотношений, снизит риск признания такого договора трудовым. Оформление правоотношений в предпринимательской сфере тем или иным договором объясняется объективной разницей между общественными отношениями и тем, на что данные отношения направлены.

Как гражданско-правовой договор, договор в сфере предпринимательства подчиняется общим принципам гражданского правового регулирования, при этом договор в любой сфере обществен-

ных отношений обладает специфическими особенностями. С одной стороны, отношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, обуславливают соответствующую правовую форму договора в сфере предпринимательства, с другой – характер опосредуемых отношений сказывается и на самом договоре (его субъектах, предмете, порядке заключения, содержании).

Думается, что правоотношения, складывающиеся между физическим лицом и юридическим лицом (как субъектом предпринимательства), следует дифференцировать, вычлняя все структурные элементы правоотношения¹, с учетом правовой цели, поскольку именно правовая цель сообщает договору соответствующую направленность рассматриваемого правового действия.

Правовая цель, как и всякая иная, субъективна: в ней находит свое выражение внутреннее устремление каждой из сторон договора. Заключая гражданско-правовой договор с физическим лицом, предприниматель (юридическое лицо) стремится к определенной цели – получению прибыли. Получение прибыли, расчет на прибыль (спекуляция) является побудительной причиной вообще предпринимательской деятельности. Основная цель у физического лица (работника) иная – заработок, обеспечивающий существование человека. В связи с этим гражданско-правовой договор для юридического лица (работодателя) прежде всего – предпринимательский договор, а для физического лица – трудовой договор.

На практике все чаще стали встречаться ситуации, когда работодатели требуют от работников оформить статус индивидуального предпринимателя, после чего заключают с ними в этом качестве гражданско-правовые договоры. По нашему мнению, заключение договора индивидуальным предпринимателем не делает его автоматически гражданско-правовым, хотя и может осложнить процесс доказывания обратного. Тем не менее принцип остается тем же – значение имеет сам характер отношений, а не название, напечатанное в договоре.

И еще. Предпринимательская деятельность является трудом, результатом которого является извлечение прибыли. Между тем трудовые отношения непосредственно связаны не с результатом, а с процессом трудовой деятельности, при этом

получаемая работниками заработная плата отнюдь не всегда находится в зависимости от полученной работодателем прибыли.

Видится, что решение обозначенных проблем необходимо искать в единообразии правоприменительной практики, выработке четких критериев отнесения договоров к трудовым и гражданско-правовым, что неизбежно требует либо усо-

вершенствования материально-правовых источников, либо судебного толкования на уровне высших инстанций.

Наличие установленных правил игры в любом случае выгодно для обеих сторон рассматриваемых правоотношений и поможет избежать ненужных конфликтов и злоупотреблений, а значит, затрат и временных потерь.

Примечания

¹ Автор является сторонником традиционного подхода (см., напр.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) – М., 1995. – С. 57; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права; Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов, 1995. – С. 392; Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. – М. 1998. – С. 469), согласно которому структурно правоотношение представляет собой единство четырех элементов: субъекта, объекта, субъективного права, юридической обязанности.

Библиографический список

1. Альгин А. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989. – С.80.
2. Корх А., Кабышев О. Правомерность предпринимательского риска [Текст] // Хозяйство и право. – 1994. – № 8. – С. 47–50.
3. Плотников В.А. Соотношение категорий «вина» и риск» в гражданском праве [Текст] // Вестник Москов. ун-та Сер.11. Право. – 1993. – С. 6. – С. 70–72.

A.V. MERKULOVA

CIVIL-LAW AND LABOR CONTRACTS IN THE BUSINESS SPHERE: OF THEORY AND PRACTICE QUESTIONS

The urgent questions connected with legal understanding and legal application of civil-law and labor contracts in the sphere of business are considered in this article.

Key words: legal status, criteria of differentiation of civil-law and labor contracts, the enterprise contract, the subject of enterprise legal relationship.

Д.С. САЗИН, аспирант
Воронежского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРОКУРОРА ЗА ОШИБКИ, ДОПУЩЕННЫЕ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

Статья раскрывает проблемные вопросы привлечения государственных обвинителей к юридической ответственности за допущенные ими ошибки. Анализируется современная нормативная база для привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности, вносятся рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: ошибки, государственный обвинитель, юридическая ответственность.

К особому способу нейтрализации ошибок государственного обвинителя, носящему вторично-превентивный характер, можно отнести привлечение прокурора к ответственности за различного рода ошибки, допущенные при поддержании государственного обвинения. Однако применение данного способа зачастую является проблематичным как с теоретической, так и с практической точек зрения. Связано это с тем, что, во-первых, не разработаны должным образом теоретические и законодательные основания привлечения государственного обвинителя к ответственности, а во-вторых, с тем, что на практике привлечение прокурора к ответственности зачастую невозможно в силу значительной латентности ошибок при поддержании государственного обвинения.

Безусловно, как субъект юридической деятельности, за ошибки, допущенные при ее организации и исполнении, прокурор может быть привлечен к юридической ответственности.

По справедливому мнению И.Н. Сенякина, юридическая ответственность обусловлена как объективными (урегулированность общественных отношений социальными нормами, предъявление к поведению людей определенных требований), так и субъективными предпосылками (свобода воли человека)¹.

Юридическая ответственность является следствием противоправного деяния, то есть ее фактическим основанием является правонарушение как юридический факт, что закономерно ставит вопрос о присутствии всех элементов состава правонарушения. Также юридическая ответственность предполагает наличие нормативной основы, выражающейся в наличии нормы права, предусматривающей ответственность за соответствующее противоправное деяние. Кроме того, она в значительном числе случаев требует средств конкретизации и индивидуализации, в качестве которых выступают и правоприменительные акты.

Последствиями юридической ответственности являются определенные лишения, которые могут носить различный характер, при этом виновное лицо несет наказание. К основополагающим принципам юридической ответственности можно отнести: принцип наступления юридической ответственности только за противоправное поведение; ответственность лишь при наличии вины в действиях правонарушителя; законность; справедливость; целесообразность; неотвратимость наказания.

Вполне логично предположить, что в рамках уголовного судопроизводства субъекты уголовно-процессуальной деятельности могут быть привлечены к юридической

ответственности. З.Ф. Коврига, исследуя проблемы позитивной уголовно-процессуальной ответственности, не безосновательно полагала, что уголовно-процессуальные нормы конструируют модель ответственного поведения субъекта, так как в нормах «содержится указание, как нужно, можно или нельзя поступать в конкретной ситуации и что последует за этим для него»². Что касается негативной уголовно-процессуальной ответственности, то совершенно справедливо в качестве ее основания рассматривается «уголовно-процессуальное правонарушение, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение предписанных уголовно-процессуальным законом действий»³.

Возникает закономерный вопрос: могут ли ошибки, допущенные при поддержании государственного обвинения, быть основанием для привлечения прокурора или помощника прокурора к уголовно-процессуальной ответственности? Полагаем, что на сегодняшний день нельзя дать однозначно утвердительный ответ на данный вопрос.

Несомненно, что уголовно-процессуальная ответственность должна быть следствием противоправного поведения субъекта уголовно-процессуальной деятельности. При этом такие действия или бездействие должны носить сознательный характер, то есть нарушение должно осознаться субъектом. Более того, уголовно-процессуальная ответственность должна иметь под собой соответствующие нормативные основания, то есть должна быть связана с нарушениями норм уголовно-процессуального закона.

Однако ошибка государственного обвинителя не всегда является и следствием виновного действия (бездействия) и не всегда связана с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства. К ошибкам такого рода могут быть, например, отнесены ошибки, связанные с применением норм уголовного права, кроме того, нельзя напрямую связать с уголовно-процессуальным нарушением и ошибки тактического характера. Впрочем, З.Ф. Коврига предлагала относить нарушения уголовного закона также к основаниям уголовно-процессуальной ответственности, мотивируя это тем, что допускаются они в процессе уголовного судопроизводства⁴. На наш взгляд, такой подход интересен с теоретической точки зрения, однако применить его на практике достаточно сложно, поскольку он требует сложного деления нарушений уголовного закона на те, которые

образуют состав уголовного преступления, и те, которые не образуют его.

Что касается нормативных оснований для привлечения прокурора к уголовно-процессуальной ответственности за ошибки, допущенные при поддержании государственного обвинения, то в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве они фактически отсутствуют. Это можно объяснить тем обстоятельством, что прокурор на стадии судебного разбирательства является одной из сторон состязательного уголовного процесса, стороной, наделенной определенными правами и обязанностями. Однако неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурором своих обязанностей не будет служить основанием для привлечения его судом к уголовно-процессуальной ответственности, поскольку будет плохо соотноситься с позицией независимого и беспристрастного суда. Именно поэтому в соответствии с ч. 2 ст. 258 в случае неподчинения обвинителя распоряжениям председательствующего суд не применяет к нему санкции, а лишь определением или постановлением суда откладывает слушание уголовного дела и сообщает о факте неподчинения вышестоящему прокурору. Таким образом, основным видом ответственности государственного обвинителя будет дисциплинарная ответственность прокурора.

Дисциплинарная ответственность является разновидностью юридической ответственности и сводится к обязанности работника претерпевать неблагоприятные последствия, предусмотренные нормами материального права за виновное, противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей. Дисциплинарная ответственность прокурора по своей сути является специальной дисциплинарной ответственностью, поскольку распространяется на специальных субъектов и вводится специальными нормативными правовыми актами, в первую очередь Федеральным законом от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁵. В связи с тем, что должности военных прокуроров включаются в перечень воинских должностей, на военного прокурора при привлечении его к дисциплинарной ответственности распространяется и действие главы 3 Дисциплинарного устава Вооруженных сил РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495⁶ (в ред. от 14.01.2011 г.). Следует лишь отметить, что Дис-

циплинарный устав не содержит определения дисциплинарного проступка применительно к лицам, занимающим воинские должности⁷.

В качестве материально-правового основания для привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности за ошибки, допущенные при поддержании государственного обвинения, следует рассматривать возможность отнесения таких ошибок к дисциплинарному проступку, связанному в соответствии с п.1 ст. 41.7 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» с неисполнением или ненадлежащим исполнением работником прокуратуры своих служебных обязанностей и совершением проступков, порочащих честь прокурорского работника. Анализ указанной нормы позволяет прийти к выводу, что государственный обвинитель может и должен привлекаться к дисциплинарной ответственности в тех случаях, когда допущенные им при осуществлении уголовного преследования в суде ошибки повлекли за собой именно ненадлежащее исполнение обязанностей (в данном случае по поддержанию государственного обвинения) и/или совершение поступков, порочащих честь сотрудника прокуратуры. Это означает, что для привлечения к дисциплинарной ответственности ошибка государственного обвинителя должна представлять собой дисциплинарный проступок⁸.

Поскольку дисциплинарная ответственность в качестве предпосылки предполагает сознательное виновное действие или бездействие субъекта дисциплинарной ответственности, прокурор должен привлекаться к такого рода ответственности лишь в тех случаях, когда будет установлено, что ненадлежащее исполнение обязанностей государственного обвинителя являлось следствием виновного поведения. Полагаем, что, как и в случае с любым иным дисциплинарным проступком, вина государственного обвинителя может выражаться как в форме прямого или косвенного умысла, так и в форме неосторожности. Также для привлечения государственного обвинителя к дисциплинарной ответственности необходимо, чтобы его действия или бездействие привели к вредным последствиям и была установлена причинная связь между такими последствиями и ошибками государственного обвинителя. С целью установления данных обстоятельств в отношении прокурорского работника проводится служебное расследование по правилам, закрепленным в Приказе Генерального прокурора РФ от 18 апреля 2008 г. № 70 «О

проведении проверок (служебных расследований) в отношении прокурорских работников органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации»⁹.

Исходя из обозначенных выше признаков дисциплинарного проступка, можно сделать вывод: государственный обвинитель может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только за те ошибки, которые совершены виновно и имеют противоправную направленность.

При привлечении работника прокуратуры к дисциплинарной ответственности за ошибки, допущенные при поддержании государственного обвинения, в соответствии с п. 1 ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в качестве санкции к работнику прокуратуры могут быть применены следующие взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, понижение в классном чине, лишение нагрудного знака «За безупречную службу в прокуратуре Российской Федерации», лишение нагрудного знака «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации», предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение из органов прокуратуры.

В соответствии с нормами, закрепленными в данном законе, привлекать к дисциплинарной ответственности за ошибки, допущенные прокурором при поддержании государственного обвинения, вправе Генеральный прокурор РФ, прокуроры субъектов РФ, прокуроры городов, районов и приравненные к ним прокуроры. Полномочия руководителей по привлечению работников прокуратуры к дисциплинарной ответственности определяются Генеральным прокурором РФ. Законодатель ввел определенные иерархические ограничения к наложению дисциплинарного взыскания руководителем того или иного уровня. В частности, в соответствии с нормами Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» Генеральный прокурор вправе налагать дисциплинарные взыскания в полном объеме на прокурорских работников, за исключением работников Следственного комитета при прокуратуре РФ (п. 2 ст. 41.7). Прокуроры субъекта РФ имеют право налагать дисциплинарные взыскания на работников, назначаемых ими на должность, за исключением лишения нагрудного знака «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации» (п. 3 ст. 41.7). Прокуроры городов и районов наделены правом налагать дисциплинарные взыскания в виде замечания, выго-

вора, строгого выговора, а также увольнения работников, назначаемых ими на должность.

Необходимой предпосылкой привлечения государственного обвинителя к дисциплинарной ответственности является своевременное выявление допущенных им ошибок. Действующее законодательство предполагает, что дисциплинарное взыскание должно налагаться непосредственно после обнаружения проступка, но не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая времени болезни работника или пребывания его в отпуске, поскольку в период нахождения работника в отпуске и во время его болезни дисциплинарное взыскание не может быть наложено. Пресекательным сроком для наложения дисциплинарного взыскания на прокурора за допущенные ошибки является срок в шесть месяцев. Допускается временное отстранение работника прокуратуры от должности сроком не более чем на один месяц с сохранением денежного содержания до решения вопроса о наложении дисциплинарного взыскания.

С целью выявления наличия или отсутствия оснований для привлечения государственного обвинителя к дисциплинарной ответственности проводится проверка (служебное расследование). В соответствии с п. 5 Приказа Генерального прокурора РФ от 18 апреля 2008 г. № 70 «О проведении проверок (служебных расследований) в отношении прокурорских работников органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» решение о проведении проверки в прокуратурах субъектов принимает руководитель прокуратуры, к компетенции которого отнесено назначение на занимаемую должность прокурорского работника. В отношении прокуроров городов и районов решение принимает прокурор субъекта РФ. Данный приказ устанавливает срок проверки в 30 дней, который при наличии достаточных оснований может быть продлен.

По результатам проведенного нами опроса практических работников было выявлено, что только около 4% респондентов считают, что ошибки государственного обвинителя выявляются всегда. В связи с достаточной степенью латентности ошибок государственного обвинителя изначально следует предположить, что санкции не будут применены ко всем государственным обвинителям, допустившим ошибки. Это связано в том числе и с тем, что определенная часть

ошибок останется невыявленной или выявленной позднее шестимесячного срока. Открытым остается вопрос и о том, с какого момента вести исчисление шестимесячного срока, если ошибка прокурора выразилась в длящихся ошибочных действиях или бездействии. Полагаем, что для решения данной проблемы необходимо дополнить п. 8 ст. 47.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» абзацем следующего содержания: *«За совершение дисциплинарного проступка в процессе реализации работником прокуратуры уголовного преследования в суде дисциплинарное взыскание не может быть наложено позднее шести месяцев с момента вступления приговора суда в законную силу»*.

Поскольку ошибка государственного обвинителя может быть направлена против норм юридической этики, то в качестве последствия будет опорочивание чести прокурорского работника, что также при определенных условиях следует рассматривать как основание для привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности. Следует отметить, что в последние годы в рамках Генеральной прокуратуры РФ активизировалась работа по определению правил этического поведения сотрудника прокуратуры. Ее закономерным итогом стало принятие Приказа Генпрокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»¹⁰.

Полагаем, что теоретическим основанием для осмысления данной проблемы и соответствующей правотворческой деятельности стали положения целого ряда международных документов, в частности Совета Европы. К таким документам в первую очередь можно отнести Рекомендации Р (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы о роли прокуроров в системе уголовной юстиции, принятые 6 октября 2000 г.¹¹, Европейские Руководящие принципы по этике и поведению прокуроров («Будапештские руководящие принципы»), принятые 31 мая 2001 года¹², Стандарты профессиональной ответственности, основные права и обязанности прокуроров, принятые Международной ассоциацией прокуроров (МАП) 23 апреля 1999 года¹³, и некоторые другие.

Очевидно, что с принятием Кодекса этики прокурорского работника РФ появились реальные ос-

нования для привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности за совершение проступка, порочащего честь прокурорского работника. В то же время, на взгляд автора данных строк, формулировки многих положений данного Кодекса носят весьма расплывчатый характер, что может увеличить список ошибок прокурора – государственного обвинителя и привести к отсутствию четких критериев отнесения их к проступкам, порочащим честь прокурора.

На наш взгляд, в тотальном привлечении работников прокуратуры к дисциплинарной ответственности за ошибки, допущенные при поддержании государственного обвинения, нет смысла. Вряд ли будет эффективным и способствующим совершенствованию практики поддержания государственного обвинения привлечение к дисциплинарной ответственности начинающих работников, имеющих весьма ограниченный опыт поддержания государственного обвинения. Очевидно, дисциплинарная ответственность государственного обвинителя не должна превращаться в единственное или ведущее средство нейтрализации ошибок при осуществлении прокурором уголовного преследования в суде. Кроме того, следует отметить и еще одну проблему, связанную с оптимизацией современного механизма привлечения государственного обвинителя к юридической ответственности. С.Г. Ольков полагает, что «единственным признанным гарантом добросовестного возложения ответственности любого вида в современных условиях... может быть только высокопрофессиональный суд или компетентная квалификационная коллегия, но не административные органы и руководители, связанные то юридической безграмотностью, то ведомственными интересами, то вообще неведомыми какими соображениями»¹⁴. Если отбросить определенную экспрессивность и категоричность, содержащуюся в данном суждении, то придется признать, что определенное рациональное зерно в таком предложении имеется. Указанные выше Рекомендации Р (2000) 19 Комитета Министров Совета Европы о роли прокуроров в системе уголовной юстиции, принятые 6 октября 2000 г., акцентируют внимание на том, что деятельность прокурора должна подвергаться постоянному внутреннему контролю, и нацеливают государства на то, чтобы дисциплинарная ответственность прокуроров рассматривалась в соответствии с законом, процедура должна гаранти-

ровать справедливую и объективную оценку, а решение может быть подвергнуто независимому и беспристрастному пересмотру. Таким образом, Европейский Союз исходит из того, что у работников прокуратуры должна быть возможность для обжалования и пересмотра решения о привлечении их к дисциплинарной ответственности. Полагаем, что в современной России отсутствуют соответствующие законодательные, организационные и психологические предпосылки для создания таких независимых структур, однако формальная возможность пересмотра решения о дисциплинарном взыскании в административном и судебном порядке имеется. К сожалению, механизм реализации такой возможности нельзя признать совершенным. В этой связи видится целесообразным обращение к опыту зарубежных стран, в частности стран СНГ, поскольку законодательство этих стран зачастую более подробно прописывает права, обязанность и ответственность работника прокуратуры. Так, например, на Украине вопросы привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности регламентируются специальным Дисциплинарным уставом прокуратуры Украины, достаточно детально прописывающим основные вопросы, связанные как с наложением дисциплинарного взыскания, так и с судебным порядком обжалования такого решения о наложении взыскания. В Азербайджане общие вопросы деятельности прокуратуры регламентируются Законом «О прокуратуре», а правила привлечения работников прокуратуры к дисциплинарной ответственности устанавливаются специальным Законом «О прохождении службы в органах прокуратуры».

На наш взгляд, для того, чтобы дисциплинарная ответственность прокурорского работника из средства оперативного реагирования на нарушения превратилась еще и в средство предупреждения повторных нарушений, в том числе и в действенное средство нейтрализации ряда ошибок, допускаемых при поддержании государственного обвинения, в перспективе целесообразно разработать и принять дисциплинарный устав прокуратуры и в Российской Федерации. Это оправданно и потому, что действующий Закон «О прокуратуре Российской Федерации», несмотря на то, что неоднократно претерпевал ряд существенных изменений, нуждается в замене новым правовым актом.

Примечания

¹ Теория государства и права: Курс лекций /Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2001. – С. 595–596.

² Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – С. 64.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 80–81.

⁵ Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

⁶ СЗ РФ. – 2007. – № 47. – Ст. 5749.

⁷ См.: Туганов Ю.Н. Институт дисциплинарной ответственности и его развитие в военном праве России // Российский судья. – 2005. – № 9. – С. 42–45.

⁸ См.: Пикельный Д.С. Дисциплинарная ответственность прокуроров и следователей прокуратуры за уголовно-процессуальные правонарушения // Научные исследования высшей школы. Сборник тезисов докладов и сообщений на итоговой научно-практической конференции (8 февраля 2006 г.). – Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ. – 2006. – С. 118–119.

⁹ Законность. – 2008. – № 7; 2010. – № 4.

¹⁰ См.: Законность. – 2010. – № 6.

¹¹ См.: Информационная система по документам по правам человека и тематическим публикациям. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr-base.ru/rec2000_19/jsp

¹² См.: Щерба С.П., Решетникова Т.А., Зайцев О.А. Прокуратура в странах СНГ: правовой статус, функции, полномочия: научное и учебное пособие / Под общ. и науч. ред. проф. С.П. Щербы. – М.: Издательство «Экзамен», 2007. – С. 216–220.

¹³ Там же. С. 221–226.

¹⁴ Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения. – Тюмень: Высшая школа МВД РФ, 1996. – С. 51.

¹⁵ СЗ РФ. – 2007. – № 47. – Ст. 5749.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с послед. измен. и дополн.) [Текст] // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
2. Дисциплинарный устав Вооруженных сил РФ, утвержденный Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495¹⁵ (в ред. от 14.01.2011 г.) [Текст] // СЗ РФ. – 2007. – № 47. – Ст. 5749.
3. Приказ Генерального прокурора РФ от 18 апреля 2008 г. № 70 «О проведении проверок (служебных расследований) в отношении прокурорских работников органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации» [Текст] // Законность. – 2008. – № 7; 2010. – № 4.
4. Приказ Генпрокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» [Текст] // Законность. – 2010. – № 6.
5. Информационная система по документам по правам человека и тематическим публикациям. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr-base.ru/rec2000_19/jsp, свободный. – Загл. с экрана.
6. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность [Текст] / З.Ф. Коврига. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 190 с.
7. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения [Текст] / С.Г. Ольков. – Тюмень: Высшая школа МВД РФ, 1996. – 268 с.
8. Пикельный Д.С. Дисциплинарная ответственность прокуроров и следователей прокуратуры за уголовно-процессуальные правонарушения [Текст] / Д.С. Пикельный // Научные исследования высшей школы. Сборник тезисов докладов и сообщений на итоговой научно-практической конференции (8 февраля 2006 г.). – Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 2006. – С. 118–119.
9. Теория государства и права: Курс лекций [Текст] /Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2001. – 556 с.
10. Туганов Ю.Н. Институт дисциплинарной ответственности и его развитие в военном праве России [Текст] / Ю.Н. Туганов // Российский судья. – 2005. – № 9. – С. 42–45.
11. Щерба С.П., Решетникова Т.А., Зайцев О.А. Прокуратура в странах СНГ: правовой статус, функции, полномочия: научное и учебное пособие [Текст] / С.П. Щерба, Т.А. Решетникова, О.А. Зайцев / Под общ. и науч. ред. проф. С.П. Щербы. – М.: Издательство «Экзамен», 2007. – 557 с.

PROBLEMS OF LIABILITY FOR ATTORNEY ERRORS IN BLAST OF PUBLIC PROSECUTIONS

The article reveals the problematic issues involving public prosecutors to legal liability for mistakes committed by them. The modern regulatory framework to attract the public prosecutor to disciplinary action, makes recommendations for improving legislation.

Key words: errors, the public prosecutor, legal liability.

Е.Ю. ТИХАЛЕВА, ассистент кафедры конституционного
и административного права

Орловского государственного университета
Тел. 8 953 6117940; Columbika@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОНТРОЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена проблемам правового статуса контрольного органа муниципального образования. Рассматривается порядок формирования контрольного органа муниципального образования и связанные с этим трудности. В статье приводится анализ законопроекта «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований».

Ключевые слова: структура органов местного самоуправления, представительный орган местного самоуправления, контрольный орган муниципального образования, муниципальный финансовый контроль, городской округ, контрольно-счетная палата.

Контрольный орган муниципального образования впервые был закреплён Федеральным законом от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) в качестве самостоятельного органа муниципальной власти (если не считать ревизионных комиссий сельских и городских Советов, предусматривавшихся законодательством первых лет Советской власти).¹ Существование подобного органа до принятия Федерального закона № 131-ФЗ в федеральном законодательстве не предусматривалось. Однако в некоторых муниципальных образованиях, руководствуясь положениями Федерального закона от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 154-ФЗ, предоставлявшими возможность кроме представительного органа создавать и другие органы местного самоуправления, учреждали собственные счетные палаты, ревизионные комиссии с целью осуществления контрольных полномочий за законностью исполнения местного бюджета и расходования муниципальных бюджетных средств.

Таким образом, определяя возможность создания контрольного органа, законодатель опирался на опыт уже действующих в муниципальных образованиях контрольно-счетных органов, а также органов финансового контроля. Так, в 2002 г. контрольные органы существовали в 75 муниципальных образованиях. Они вскрыли несколько сот случаев нецелевого и незаконного расходования бюджетных средств и вернули в бюджет около 1,2 млрд. рублей².

В наличии такого органа остро нуждалась представительная власть. Именно ей нужна была профессионально подготовленная структура, способная взять под контроль финансы муниципального образования. Специалистам администрации в лице сотрудников финансово-бюджетного управления следовало противопоставить не менее подготовленных работников контрольно-счетных органов. Только в этом случае разговор о муниципальном бюджете представительные и исполнительные органы местного самоуправления могли вести, что называется, на равных³.

Контрольный орган муниципального образования выступает особым институтом муниципального контроля, организация и деятельность которого своим юридическим

первоначалом имеют конституционные нормы (ст. 1 (ч. 1), 3 (ч. 1–3), 7 (ч. 1), 12, 24 (ч. 2), 32 (ч. 1), 57, 130 (ч. 1 и 2), 132 (ч. 1) и ряд других статей Конституции Российской Федерации), которые оформляют государственно значимую потребность муниципальных территориальных коллективов в рамках самоорганизации принимать ответственные решения об эффективном использовании финансово-экономических потенциалов муниципальных образований и соответственно контролировать их безусловное выполнение обязанными субъектами. Роль такой структуры весьма важна и приобретает все большее значение в силу приближенности контроля к решению социально-экономических проблем муниципальной власти⁴.

Основополагающими принципами создания и деятельности контрольных органов муниципальных образований являются принципы, закрепленные в декларациях, принятых на международном уровне, и отраженные в документах, принятых Счетной палатой и Ассоциацией контрольно-счетных органов РФ (законность и системность, независимость и объективность, гласность и ответственность, профессионализм)⁵.

Допускается две модели формирования контрольного органа муниципального образования.

Первая модель предполагает осуществление права членов местного сообщества на контроль за использованием финансово-экономических ресурсов муниципального образования через своих непосредственных представителей в контрольном органе муниципального образования, который формируется путем проведения муниципальных выборов, и входящие в его состав лица получают свой мандат непосредственно от населения.

Однако данный способ формирования контрольного органа на муниципальных выборах является достаточно дорогостоящим и вследствие этого редко применяется на практике, хотя в данном случае этот орган обладал бы большей самостоятельностью и независимостью от других органов местного самоуправления. Так, среди муниципальных образований, в которых образован контрольный орган, только в пяти он сформирован на муниципальных выборах – в трех муниципальных образованиях Алтайского края и двух муниципальных образованиях Московской области⁶.

Вторая же модель – наиболее распространенная в правоприменительной практике – основана на опосредованном представительстве местного

сообщества в контрольном органе муниципального образования, члены которого избираются представительным органом местного самоуправления. Следовательно, в данном случае контрольный орган муниципального образования концентрирует не только собственно контрольное правомочие права граждан на местное самоуправление через своих представителей, но и финансово-контрольную составляющую правового статуса представительного органа муниципального образования. Данный способ создания контрольного органа является достаточно оперативным, хотя в данном случае существует определенная угроза самостоятельности этого органа⁷.

Независимо от способа формирования деятельность контрольного органа муниципального образования подотчетна муниципальному территориальному коллективу, что обеспечивается, в частности, публичностью результатов контрольных мероприятий, доведением их до сведения населения.

Согласно Федеральному закону № 131-ФЗ контрольный орган вводится в структуру органов местного самоуправления исключительно путем внесения изменений в устав муниципального образования, однако это решение вступает в силу только после истечения срока полномочий представительного органа муниципального образования, принявшего указанное решение (ч. 7 и 8 ст. 34 и абз. 2 ч. 8 ст. 44)⁸. Следовательно, при условии внесения в устав муниципального образования поправок, учреждающих контрольный орган, деятельность этого органа будет признана легитимной лишь по истечении срока полномочий действующего состава депутатского корпуса муниципального образования. В результате этого процесс создания контрольных органов также затягивается. К обстоятельствам, препятствующим дальнейшему становлению муниципального финансового контроля в России, можно также отнести следующие:

1) формулировка нормы закона о необходимости создания контрольного органа носит диспозитивный характер: включение в структуру органов местного самоуправления контрольного органа в силу ч. 2 ст. 34 Федерального закона № 131-ФЗ является правом, а не обязанностью муниципального образования;

2) встречаются случаи, когда представительный орган местного самоуправления принимает ре-

шение о создании контрольного органа, но не предусматривает расходы на его содержание⁹;

3) ряд регионов относят к органам внешнего финансового контроля общественные комиссии и структуры, созданные органами исполнительной власти, что не соответствует требованиям Бюджетного кодекса РФ и Федерального закона № 131-ФЗ.

В ряде субъектов Российской Федерации (далее – РФ) (Калужская, Пензенская, Ярославская области и другие)¹⁰ применяется смешанная схема по созданию контрольно-счетных органов, когда внешний контроль за распоряжением финансовыми ресурсами крупных муниципальных образований осуществляют муниципальные контрольно-счетные органы, а внешний финансовый контроль муниципальных образований, где такие органы отсутствуют, поручается контрольно-счетному органу региона или же другому муниципальному контрольно-счетному органу.

При смешанном подходе очень важно осуществлять координацию деятельности всех действующих в регионе контрольно-счетных органов.

В субъектах РФ практикуются различные формы взаимодействия региональных и муниципальных контрольно-счетных органов: это и ассоциации, и союзы, и координационные советы. Сотрудничество может осуществляться также на основе соглашений. Так, в Республике Дагестан создан Союз контрольно-счетных органов, в Иркутской области – Совет контрольно-счетных органов, во Владимирской области – Общественный совет внешнего финансового контроля, в Ульяновске на конференции муниципальных контрольно-счетных органов был создан областной Совет органов внешнего финансового контроля¹¹.

В субъектах РФ, таким образом, существуют различные подходы к реализации права на формирование контрольных органов муниципальных образований.

Необходимо признать, что в настоящее время система внешнего муниципального финансового контроля в России находится только в стадии создания. Безусловно, что собственные контрольно-счетные органы создавать во всех 24 тысячах муниципальных образований просто нерационально. Такая форма организации внешнего финансового контроля имеет смысл только в крупных муниципальных образованиях, где необходи-

мо постоянно контролировать распоряжение большими объемами финансовых средств, например, в городских округах, число которых не столь велико. Следует отметить, что именно такая форма внешнего финансового контроля эффективно применяется в крупнейших городах Европы – Амстердаме, Берлине, Вене, Париже и других.

Однако и городские округа по своим параметрам могут существенно различаться. Это и столицы регионов с миллионным населением и бюджетом, подчас превышающим региональный, но также и небольшие города, среди которых есть как самодостаточные, так и получающие финансовую помощь. Если в самодостаточных городских округах создание самостоятельных органов внешнего финансового контроля представляется вполне обоснованным, то в дотационных создание контрольного органа может привести лишь к еще большему увеличению дотаций, что, естественно, является нежелательным. Это, конечно, не означает отмену внешнего аудита отчетов об исполнении бюджетов. В дотационных городских округах внешний финансовый контроль целесообразно совместить с контролем эффективности использования дотаций, осуществляемым контрольно-счетным органом региона.

Как свидетельствует практика, на контрольные органы обычно возлагаются функции контроля за эффективностью и целесообразностью расходов муниципальных денежных средств, использованием иных видов муниципальной собственности; законностью и своевременностью движения муниципальных бюджетных средств; хозяйственно-финансовой деятельностью муниципальных предприятий, учреждений и организаций с точки зрения целевого и эффективного использования муниципальной собственности; производственно-финансовой деятельностью иных экономических субъектов, получающих средства из местного бюджета либо пользующихся налоговыми и иными льготами и преимуществами, предоставленными органами местного самоуправления и т.п.

Контрольный орган муниципального образования, как правило, именуется контрольно-счетной палатой либо ревизионной комиссией. Контрольно-счетная палата, в свою очередь, является постоянно действующим органом муниципального финансового контроля, а ревизионная комиссия – контрольным органом представительного органа муниципального образования.

Так, в соответствии со ст. 38 Устава г. Орла¹² Орловским городским Советом народных депутатов создается контрольно-счетная палата, являющаяся постоянно действующим органом независимого муниципального финансового контроля. В своей деятельности она руководствуется Конституцией РФ, федеральными законами и законами Орловской области, Уставом города, Положением¹³ и Регламентом работы контрольно-счетной палаты и иными нормативными правовыми актами, утверждаемыми Орловским городским Советом народных депутатов.

В настоящее время в РФ отсутствует нормативный правовой акт, устанавливающий правовые основы муниципального финансового контроля. Отсутствие единой правовой, организационной и методологической базы муниципального финансового контроля сдерживает его развитие, препятствует эффективному выполнению задач и функций органов финансового контроля. В связи с этим назрела необходимость разработки и принятия федерального закона «О муниципальном финансовом контроле в РФ», а также включения в Бюджетный кодекс РФ современных норм в части, касающейся муниципального финансового контроля¹⁴.

Президент РФ Д.А. Медведев 30.09.2010 г. внес в Госдуму проект Федерального закона № 433144-5 «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований»¹⁵, который был принят в первом чтении 17.11.2010 г.

Законопроектом определяются основы статуса контрольно-счетных органов, требования к составу и структуре контрольно-счетных органов. При этом субъекты РФ и муниципальные образования вправе уточнять состав органов и определять их структуру. Так, контрольно-счетный орган муниципального образования образуется в составе председателя и аппарата контрольно-счетного органа. Уставом муниципального образования или нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования в составе контрольно-счетного органа могут быть предусмотрены одна или несколько должностей заместителя председателя контрольно-счетного органа муниципального образования, а также должности аудиторов.

Документом предлагается установить критерии определения штатной численности контрольно-

счетных органов, что будет способствовать, на наш взгляд, оптимизации структуры этих органов. В частности, штатную численность контрольно-счетных органов муниципальных образований предполагается определять в соответствии с нормативами, которые должны быть установлены законом субъекта РФ с учетом видов и особенностей муниципальных образований.

В документе содержатся основные требования и ограничения к кандидатурам на должности председателя, его заместителя и аудиторов. Председателям, заместителям председателя и аудиторам запрещается заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности, что соответствует реалиям действующего федерального законодательства.

Контрольно-счетные органы при осуществлении внешнего муниципального финансового контроля должны будут руководствоваться стандартами внешнего муниципального финансового контроля по проведению финансового аудита, аудита эффективности использования государственных и муниципальных средств, общих правил проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, а также иными стандартами внешнего муниципального финансового контроля, необходимость разработки которых очевидна. Полномочия по подготовке соответствующих документов предлагается предоставить Счетной палатой РФ при участии контрольно-счетных органов с последующим утверждением Коллегией Счетной палаты РФ и государственной регистрацией в Министерстве юстиции РФ.

Законопроект в случае его принятия вступит в силу 1 июля 2011 г.

Подводя итог, следует отметить, что существует оправданная необходимость внесения изменений в ст. 34 Федерального закона № 131-ФЗ, включив контрольный орган в число обязательных в структуре органов местного самоуправления, что будет способствовать более эффективной реализации муниципального финансового контроля.

Представляется очевидным также законодательно закрепить определение контрольного органа. Контрольный орган муниципального образования – это постоянно действующий орган внешнего муниципального финансового контроля, обладающий организационной и функциональной независимостью, формируемый в соответствии с уставом

муниципального образования непосредственным или опосредованным способом, с целью осуществления контроля за исполнением местного бюджета, соблюдением установленного порядка подготовки и рассмотрения проекта местного бюджета, отчета о его исполнении, а также в целях контроля за соблюдением установленного порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности, рационального, эффективного и целевого использования бюджетных средств и внебюджетных фондов соответствующего муниципального образования.

По мнению ряда исследователей, наименование контрольного органа муниципального образования в федеральном законодательстве шире осуществляемых им функций¹⁶, так как используемое ныне название данного органа теоретически допускает, что других органов, осуществляющих контрольные функции в структуре органов местного самоуправления, нет, что, конечно, не соответствует действительности. В данном случае более правильным представляется закрепить в качестве наименования контрольного органа одно из предлагаемых в ст. 38 Федерального закона № 131-ФЗ – контрольно-счетная палата или ревизионная комиссия.

Также следует отметить, что в настоящее время часть полномочий представительного органа местного самоуправления дублирует функции контрольного органа (проведение депутатских и публичных слушаний, расследований; направление депутатских запросов, создание собственных контрольных органов; заслушивание отчетов и сообщений главы муниципального образования и местной администрации, иных должностных лиц, руководителей муниципальных унитарных предприятий и муниципальных учреждений по различным финансово-бюджетным вопросам и т.п.). При этом ряд депутатов не имеют соответствующей квалификации и опыта проведения контрольных мероприятий, что снижает эффективность их работы, и одним из возможных вариантов разрешения данной ситуации предлагается разграничить проверочные полномочия в части исполнения местного бюджета со стороны представительного органа местного самоуправления и контрольного органа: контрольный орган проводит соответствующие проверочные мероприятия, а представительные органы оценивают результаты управленческой деятельности исполнительной власти и предлагают основные направления контроля местных финансов.

Примечания

¹ См.: Постановление 2-й сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» [Электронный ресурс] // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел I. – 5 декабря 1924. – № 82 // СПС «Гарант».

² См.: Васильев В.И. Муниципальное право России. [Текст] – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2008. – С. 382.

³ Выдрин И.В. Муниципальное право России. [Текст] – М.: Норма, 2004. – С. 142.

⁴ Васильев В.И. Муниципальное право России. [Текст] – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2008. – С. 381.

⁵ Основные направления развития муниципального финансового контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/info/documents/art12> (дата обращения: 17.12.2010)

⁶ См.: Информация о ходе реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2007 году [Текст] // Муниципальное право. – 2008. – № 1. – С. 28.

⁷ Олейников О.В. Разграничение полномочий в структуре органов местного самоуправления Российской Федерации [Текст] / Дис. ... к.ю.н. – М., 2005. – С. 189.

⁸ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; 2005. – № 1. – Ст. 17, 25; 2006. – № 1. – Ст. 10; – № 23. – Ст. 2380; – № 30. – Ст. 3296; – № 31. – Ст. 3452; – № 43. – Ст. 4412; – № 50. – Ст. 5279; 2007. – № 1. – Ст. 21; – № 21. – Ст. 2455; – № 25. – Ст. 2977; – № 43. – Ст. 5084; – № 46. – Ст. 5553; 2008. – № 48. – Ст. 5517; – № 49. – Ст. 5744; – № 52. – Ст. 6236; 2009. – № 48. – Ст. 5733; – № 52. – Ст. 6441; 2010. – № 15. – Ст. 1736; – № 45. – Ст. 5751.

⁹ Степашин С.В. Пути совершенствования государственного и муниципального финансового контроля в условиях реформирования местного самоуправления. [Электронный ресурс] – Красноярск, 8 июня 2005 года // URL: http://www.ach.gov.ru/ru/association/arrangement/377/377_2/ (дата обращения: 17.12.2010)

¹⁰ Основные направления развития муниципального финансового контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/info/documents/art12> (дата обращения: 17.12.2010)

¹¹ Рябухин С.Н. Аналитическая записка по результатам экспертно-аналитического мероприятия «Обеспечение реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в субъектах РФ в январе–сентябре 2006 года» [Текст] // Бюллетень Счетной палаты РФ. – 2007. – № 5. – С. 206.

¹² Устав города Орла от 22.06.2005 № 72/753-ГС (ред. от 29.04.2010) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс: Регионы».

¹³ Постановление Орловского городского Совета народных депутатов от 20.12.2005 № 79/852-ГС (ред. от 22.02.2007) «О проекте Положения «О контрольно-счетной палате города Орла» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс: Регионы».

¹⁴ Основные направления развития муниципального финансового контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/info/documents/art12> (дата обращения: 17.12.2010)

¹⁵ Медведев внес в Думу законопроект о принципах работы контрольно-счетных органов на местах [Электронный ресурс] // URL: <http://www.msu45.ru/common/doc/pomosch/nmsu1038.doc> (дата обращения: 17.12.2010)

¹⁶ Королев Д.А. Контрольные органы муниципальных образований в Российской Федерации: место в системе и правовой статус [Текст] / Автореф. дис. ... к.ю.н. – М., 2008. – С. 15.

Библиографический список

Нормативные правовые акты

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; 2005. – № 1. – Ст. 17, 25; 2006. – № 1. – Ст. 10; – № 23. – Ст. 2380; – № 30. – Ст. 3296; – № 31. – Ст. 3452; – № 43. – Ст. 4412; – № 50. – Ст. 5279; 2007. – № 1. – Ст. 21; № 21. – Ст. 2455; – № 25. – Ст. 2977; – № 43. – Ст. 5084; № 46. – Ст. 5553; 2008. – № 48. – Ст. 5517; – № 49. – Ст. 5744; – № 52. – Ст. 6236; 2009. № 48. – Ст. 5733; № 52. – Ст. 6441; 2010. № 15. – Ст. 1736; – № 45. – Ст. 5751.
2. Устав города Орла от 22.06.2005 № 72/753-ГС (ред. от 29.04.2010) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс: Регионы».
3. Постановление Орловского городского Совета народных депутатов от 20.12.2005 № 79/852-ГС (ред. от 22.02.2007) «О проекте Положения «О контрольно-счетной палате города Орла» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс: Регионы».
4. Постановление 2-й сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XI созыва от 16 октября 1924 г. «Положение о сельских Советах» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отдел I. – 5 декабря 1924. – № 82. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

Специальная литература

5. Васильев В.И. Муниципальное право России. [Текст] – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2008. – 848 с.
6. Выдрин И.В. Муниципальное право России. [Текст] – М.: Норма, 2004. – 320 с.
7. Информация о ходе реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2007 году [Текст] // Муниципальное право. – 2008. – № 1. – С. 2–22.
8. Королев Д.А. Контрольные органы муниципальных образований в Российской Федерации: место в системе и правовой статус [Текст] / Автореф. дис. ... к.ю.н. – М., 2008. – 27 с.
9. Медведев внес в Думу законопроект о принципах работы контрольно-счетных органов на местах [Электронный ресурс] // URL: <http://www.msu45.ru/common/doc/pomosch/nmsu1038.doc> (дата обращения: 17.12.2010)
10. Олейников О.В. Разграничение полномочий в структуре органов местного самоуправления Российской Федерации [Текст] / Дис. ... к.ю.н. – М., 2005. – 234 с.
11. Основные направления развития муниципального финансового контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/info/documents/art12> (дата обращения: 17.12.2010)
12. Рябухин С.Н. Аналитическая записка по результатам экспертно-аналитического мероприятия «Обеспечение реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в субъектах РФ в январе–сентябре 2006 года» [Текст] // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2007. – № 5. – С. 183–211.
13. Степашин С.В. Пути совершенствования государственного и муниципального финансового контроля в условиях реформирования местного самоуправления. [Электронный ресурс] – Красноярск, 8 июня 2005 года // URL: http://www.ach.gov.ru/ru/association/arrangement/377/377_2/ (дата обращения: 17.12.2010)

E.JU. TIHALEVA

LEGAL STATUS OF THE CONTROL ORGAN OF THE MUNICIPAL EDUCATION

The article is devoted to problems of the legal status of control organ of the municipal education. The procedure of the formation of control organ of the municipal education and the difficulties connected with it is considered. In this article is analyzed the bill «About the general principles of the organization and activity of control and audit organs of subjects of the Russian Federation and municipal educations».

Key words: structure of organs of the local self-government, representative organ of the local self-government, control organ of the local self-government, municipal financial control, urban district, control and audit chamber.

Р.Ю. ЧЕПРУНОВ, выпускник ФГОУ ВПО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», аспирант юридического факультета кафедры конституционного и административного права Орловского государственного университета
Тел.: 89103038772, (8 4862) 435821 (дом.); roman88@orel.ru

ОСОБЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПУТЬ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЧЕТАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗМА И ДЕЦЕНТРАЛИЗМА В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

В статье рассматривается проблема сочетания централизма и децентрализма в местном самоуправлении, причём анализ осуществляется через призму особенностей данного соотношения в Российской Федерации. Выделен особый путь решения проблемы сочетания централизма и децентрализма на основании существенных признаков российского местного самоуправления, определяющих его преемственность на протяжении исторического развития.

Ключевые слова: централизм, децентрализм, местное самоуправление, ретроспективный анализ, преемственность, идеологический институт.

Любая проблема, существующая в социальной, правовой, экономической, да и любой другой действительности, условно содержит в себе три базовые составляющие, определяющие её сущность: это определение или понятие, кратко, но емко характеризующее проблему; генезис проблемы и её детерминация. Исключением из этого не является и проблема сочетания централизма и децентрализма в местном самоуправлении. Базовым подходом к решению подобных проблем являются её определение, уяснение причин и предпосылок возникновения, а также пути развития и становления проблемы, но зачастую этого набора функций оказывается недостаточно, особенно для проблем, находящихся не только исключительно в сфере теоретического знания, но и имеющих практическое отражение. Проблема сочетания централизма и децентрализма в местном самоуправлении уже решена в пределах европейской правовой мысли, на основе европейской же практики формирования местного самоуправления. В первом приближении данное решение может быть представлено в трёх вариантах: господство централистских начал и в оппозицию к этому – децентралистских начал в организации местного самоуправления в государстве, третий вариант – баланс централистских и децентралистских начал.

Ученые и философы на протяжении столетий спорили о пути России, что она собой представляет: восток или запад, а возможно, некое неповторимое их сочетание, своеобразная Европо-Азия, причем чем дальше, тем всё больше ученых мужей склонялись именно к третьему варианту. Нельзя с уверенностью судить об оптимальности тех решений, что апробированы на европейской действительности для Российской Федерации, ибо в них не учитывается вся специфика генезиса такого явления социально-правовой действительности, как местное самоуправление на протяжении исторического пути, пройденного Россией. Учет специфики генезиса местного самоуправления, безусловно, может породить некоторый своеобразный путь решения проблемы централизма и децентрализма в местном самоуправлении, для чего представляется необходимым выявить сущностную черту или черты местного самоуправления, по-

зволяющие проследить преемственность различных форм местного самоуправления, существовавших и существующих в России, и на этом основании разработать решение проблемы, базирующееся на специфическом историко-правовом опыте государства, что должно позволить оптимизировать его реализацию в существующей действительности. Некоторые авторы отрицают существование всякой преемственности между органами местного самоуправления дореволюционной России и Советского государства, хотя всё же тут надо понимать, что речь идёт о преемственности организационных институтов местного самоуправления, которая естественно теряется при коренном переустройстве всей государственной системы, тем не менее местное самоуправление сохраняет слишком много сходных с предыдущими этапами развития черт, дабы можно было с известной уверенностью судить о сохранении некоторой преемственности если не на организационном уровне, то на компетенционно-правовом уж точно.

В постсоветской России, вначале с принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году, затем с вступлением в силу Федерального закона № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 1995 году и заменившего его Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2003 году, часто стали говорить о возрождении традиций местного самоуправления. Но возрождение традиций прежде всего подразумевает их знание и понимание, что представляется сомнительным, учитывая неоднократно провозглашаемую ориентацию в построении системы местного самоуправления в Российской Федерации на европейские государства, обладающие сложившимся, развитым и имеющим долгую традицию местным самоуправлением. Понимание противоречивости этих активно провозглашаемых тезисов лежит как раз в плоскости осознания преемственности традиций российского местного самоуправления.

Начать ретроспективный анализ преемственности различных существовавших на протяжении исторического пути России форм местного самоуправления разумно с момента становления устойчивой российской государственности, ибо, как отмечал А.Д. Градовский, самоуправление – прежде всего государственное явление, предполагающее существование сильной и единой государ-

ственной власти¹, что оставляет за границами исследования весь период существования Киевской Руси вплоть до окончательного складывания Московского государства под рукой Ивана IV Грозного. Именно при нём была учреждена система местного самоуправления, сочетавшая в себе губное и земское местное управление. В.О. Ключевский в своих сочинениях упоминает, что губное управление образовывало в уездах сложную сеть руководящих и подчиненных полицейских органов. Во главе их стояли губные старосты, избиравшиеся на всесословном уездном съезде, но только из служилых людей, по одному или по два на уезд. Они вели дела вместе с губными целовальниками, которых выбирали из своей среды одни тяглые люди, посадские и сельские. Старостам подчинены были сотские, пятидесятские и десятские, выбиравшиеся по сотням, полусотням и десяткам, полицейским участкам, на которые делились по числу дворов губные округа². Перечисленные должностные лица и составили наряду с иным чиновниками так называемые губные избы. В ведении губного управления находилась уголовная и тюремная политика уездов³. Примерно теми же функциями, но на уровне городов, волостей, обладали и органы земского самоуправления, с той лишь разницей, что их полномочия в области уголовной и тюремной политики были существенно сокращены.

Таким образом, большинство функций губных, земских изб носило общегосударственный характер. Сущность такого самоуправления заключалась не столько в праве обществ знать свои местные земские дела, сколько в обязанности исполнять общегосударственные поручения, выбирать из своей среды ответственных исполнителей «к государеву делу»⁴.

В XVIII в. царствующими монархами была проведена последовательная реформа местного самоуправления в отношении городов, учреждены городские магистраты, а впоследствии собрание городских обывателей, избиравшее из своего состава общую городскую думу. Город приобрел свой герб и печать. Градское общество наделялось правом обладать движимым и недвижимым имуществом, собственной казной, наполнявшейся за счет самообложения горожан, доходов с недвижимого имущества, отчислений процентов от питейных заведений, иных доходов. При Екатерине II получило развитие дворянское самоуправление.

Дворянство активно использовалось центральной властью как опора в управлении на местах.

При Павле I все ранее учрежденные институты городского самоуправления были упразднены и заменены централизованными государственными органами. Правда, уже при Николае I они же были воссозданы в первоначальном виде, а также была проведена реформа самоуправления государственных крестьян, в ходе которой учреждены волостные сходы, волостное правление и волостная расправа как органы самоуправления, помимо них некоторые вопросы жизни сельской общины обсуждались на «мире» – общем собрании крестьян – хозяев изб. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, развитие капиталистических отношений, рост социальной напряженности подтолкнули монархию к реформам местного управления. Кратко ситуация в дореформенной России второй половины XIX в. лучше всего представлена В. Димовым в работе «Справедливый либерализм. Путь к комфортному государству»: «в силу неограниченного развития правительственной опеки даже над самыми мельчайшими проявлениями общественной жизни, в силу соединения всего управления в руках одной неотчетливой исполнительной власти и совершенного отсутствия независимого и авторитетного суда, вся русская администрация представляла собой систему злоупотреблений, возведенную в степень государственного устройства»⁵. Императором Александром II 1 января 1864 г. было утверждено Положение о губернских и уездных земских учреждениях, а 16 июня 1870 г. – Городовое положение. Однако позднее названные акты были изменены Александром III в Положении о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. и Городовом положении от 11 июня 1892 г., что ознаменовало собой, по сути, контрреформу и усилило государственную составляющую в местном самоуправлении, и без того далекую от идеала, и поспешную реформу свела практически на нет.

Попытка реформ местного самоуправления была предпринята и Временным правительством, которое намеревалось осуществить переустройство земской системы путём учреждения земских органов в волостях, децентрализации городского самоуправления, но в силу сложившейся в тот период социально-экономической и политической ситуации Временное правительство вынуждено было сочетать реформаторскую деятельность с

введением чрезвычайных институтов, что, естественно, не позволило достигнуть желаемого результата реформы.

После прихода к власти в итоге Октябрьской революции большевистской партии произошло, пожалуй, самое коренное за историю России переустройство органов государственного управления и местного самоуправления посредством передачи всей полноты власти Советам, провозглашенной в обращении II Всероссийского съезда Советов 8 ноября 1917 г.⁶ Народный комиссариат внутренних дел в обращении от 4 января 1918 г. «Об организации местного самоуправления» указывал, что все прежние органы местного управления должны быть заменены областными, губернскими, уездными, районными и волостными Советами рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. В Инструкции этого комиссариата, принятой в тот же день, на Советы дополнительно возлагались задачи управления и обслуживания всех сторон местной жизни, а именно административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просветительной, обязанность проводить в жизнь декреты и постановления центральной власти. Они наделялись правом издавать обязательные постановления, производить реквизиции и конфискации, налагать штрафы, закрывать контрреволюционные органы печати, производить аресты, распускать общественные организации, призывающие к активному противодействию или свержению советской власти. В этом же документе Советам предписывалось избирать из своей среды исполнительные органы, на которые возлагались проведение в жизнь постановлений Совета и вся текущая работа по управлению⁷.

Яркий акцент, сделанный Советским правительством на кардинальный переход от царских органов управления, в том числе местного самоуправления, к качественно иным органам советского управления, не помешал советской системе вобрать в себя отдельные черты земской организации.

Общие черты можно проследить в построении органов местного самоуправления по принципу дума–управа и совет–исполком. В обоих случаях использовались многостепенные и неравные выборы, с той лишь разницей, что от дворянского преобладающего влияния в земствах был осуществлен переход к преобладающему, если не сказать тотальному, влиянию пролетариата и больше-

виков в Советах. Сохранилась и даже усилилась вертикаль власти, высшим органом которой первоначально были съезды, собрания избирателей в земствах, а после революции съезды Советов, хотя последние являлись уже не только организационным средством проведения выборов, но и самостоятельным органом власти⁸.

Первоначально сложившаяся советская система местного самоуправления претерпевала некоторые изменения с принятием каждой новой Конституции СССР, но тем не менее сохранила те базовые черты, что были заложены в ней в после-революционный период.

Последняя реформа местного самоуправления, если считать, что очевидцами её заключительной фазы мы являемся сегодня, началась в конце 80-х годов XX века и условно подразделялась на пять этапов.

Первый этап (1988–1990 гг.) – попытка вывести представительные органы всех уровней из-под опеки номенклатурного аппарата, господствующий лозунг «Даешь всю власть Советам!» и, как следствие, модернизация избирательного законодательства. 27 октября 1989 г. принимается Закон «О выборах народных депутатов местных Советов, народных депутатов РСФСР»⁹. Принимается решение в рамках Советов создать собственные постоянно действующие руководящие органы – президиумы, состоящие исключительно из депутатов, а также избирать в Советах председателей (их заместителей), освобожденных от работы в исполнительно-распорядительных органах. Исполкомы перестают быть внутренними руководящими органами Советов, сохраняя статус исполнительно-распорядительных органов общей компетенции. Широко провозглашается и реализуется принцип коллегиальности¹⁰. Сохраняется иерархия органов власти и управления, законодатель, изменяя первоначальную редакцию Закона от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», устанавливает, что решения местных Советов, их исполнительных и распорядительных органов, принятые в пределах своей компетенции, обязательны для исполнения соответственно нижестоящими Советами, их исполнительными и распорядительными органами¹¹.

Второй этап (1990–1992 гг.) – снижение роли коллегиальных начал в управлении, реализованное в Законе РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном

самоуправлении в РСФСР» и в постановлении Верховного Совета РСФСР о порядке его введения в действие¹². Происходило размежевание компетенции представительных и исполнительных органов, формировалась система «сдержек и противовесов» между Советами и администрациями. Среди них: утверждение Советами структуры местных администраций по представлению глав администраций; отмена актов администрации Советами в случае противоречия данных актов закону и решениям самих местных Советов; право главы администрации обжаловать решения Совета в судебном порядке¹³.

Третий этап (1993 г.) – слом представительной власти, передача её функций на местах исполнительной власти, а именно местным администрациям¹⁴. Началось формирование новой представительной власти на местах – дум, муниципальных комитетов, собраний представителей и тому подобных органов. Их образование было предусмотрено Указом Президента РФ от 26 октября 1993 г. «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁵, которым было утверждено Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы.

Четвертый этап (1993–2003 гг.) – восстановление местного самоуправления на базе принципов, заложенных в Конституции РФ, хотя и искаженных в законодательстве субъектов РФ. Был принят Федеральный закон от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁶, активизировавший процесс восстановления самоуправленческих начал на местах и их совершенствования в строгом соответствии с Конституцией.

Пятый этап (с 2003 г.) – принятие нового Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», направленного на конкретизацию финансовой основы местного самоуправления, приближение муниципальной власти к населению, уточнение правового статуса, прежде всего полномочий, видов муниципальных образований, формализацию нескольких моделей местного самоуправления, развитие форм территориального общественного самоуправления.

Описанная историческая ретроспектива развития местного самоуправления в России может служить базой для перехода к вычленению характер-

ных черт отечественного местного самоуправления, сохранявшихся на протяжении всего его существования. Во-первых, очевидным является единственный существовавший в России способ создания и переустройства местного самоуправления, так называемый способ создания «сверху». В период царской, а в последующем императорской России, самоуправление именно учреждается монархами, то есть проистекает из их воли и оформляется их решениями. В советский период ситуация меняется только в области властвующего субъекта – теперь это партия, условно провозглашаемая как народная, но на деле таковой не являющаяся, а представляющая столь же оторванный от населения орган власти, коим были и монархи. В период существования Российской Федерации, даже при учёте наличия форм демократического волеизъявления и принятия Конституции РФ на основании проведения референдума как формы непосредственного волеизъявления населения, актами, регулирующими деятельность местного самоуправления, остаются федеральные законы и законы субъектов Федерации, уступающие по силе лишь конституции и принимаемые без участия непосредственного волеизъявления населения, то есть в известной мере независимые от их предпочтений. В Постановлении Конституционного суда РФ от 30 ноября 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» указывалось: «... из статей 3 (часть 2) и 12 Конституции Российской Федерации следует, что местное самоуправление является необходимой формой осуществления власти народа и составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации. По смыслу статей 32 (часть 2), 130, 131 и 132 Конституции Российской Федерации граждане имеют право на осуществление местного самоуправления и реализуют его путем референдума, выборов, иных форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы самоуправления.

Это означает, в частности, что граждане имеют право на участие – непосредственно или через своих представителей – в осуществлении публичной власти в рамках муниципального образования, причем как само муниципальное образование, так и право проживающих на его территории граждан

на осуществление местного самоуправления возникают на основании Конституции Российской Федерации и закона, а не на основании волеизъявления населения муниципального образования»¹⁷. При всей очевидности положительных примеров построения муниципальной власти «снизу вверх», как в США и Великобритании, российский исторический опыт свидетельствует о необходимости разработки четкой системы и гарантий местного самоуправления, законодательного закрепления форм участия населения в его осуществлении.

Во-вторых, характерной чертой местного самоуправления в России является тенденция к формальному провозглашению самостоятельности местного самоуправления как элемента публичной власти, выходящего за пределы власти государственной, как было это с земствами и Советами, но при фактическом включении органов местного самоуправления в систему государственной власти. В современный исторический период, согласно Конституции, Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Характерной чертой демократического государства является активное участие населения в процессе осуществления государственного управления. Конституция провозглашает: носителем суверенитета и единственным источником власти в России является её многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, Конституцией признается и гарантируется местное самоуправление, которое в пределах своих полномочий является самостоятельным. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. На деле же местное самоуправление в России имеет ряд признаков, свидетельствующих о более чем тесной связи его с государственной властью. К примеру, органы государственной власти и органы местного самоуправления образуются для выражения и защиты интересов граждан¹⁸. Местное самоуправление действует в пределах закона, установленного государственной властью. Реализуя свои полномочия, органы местного самоуправления решают вопросы местного значения и осуществляют отдельные государственные полномочия. В предусмотренных законом случаях органы государственной власти осуществляют контроль и надзор за деятельнос-

тью органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления. Органы государственной власти и органы местного самоуправления обладают полномочиями властного характера, которые выражаются в их праве издавать юридические акты, обязательные для исполнения, и обеспечивать реализацию этих актов¹⁹. И этот список можно продолжать довольно долго. Подобное положение специфично для отечественного самоуправления на всём протяжении его развития.

В-третьих, и это, пожалуй, самое интересное, местное самоуправление в России можно назвать самостоятельной управленческой системой лишь с известной натяжкой. Логично предположить, что если бы местное самоуправление было самостоятельной управленческой системой, то она должна была бы периодически входить в оппозицию государственному управлению. На деле же диалектика российского варианта местного самоуправления свидетельствует о том, что оппозиционный характер местного самоуправления допускается только в условиях общественного подъема. В условиях реакции или переходного периода развития общества местное самоуправление как независимый от государства институт трансформируется в разновидность местного государственного управления. При этом продолжает сохраняться спекуляция на категории «воля народа». Какое управление может осуществлять подобная система? С.Ю. Витте, анализируя реформу 1864 г., писал: «Положение 1864 года пыталось совместить несогласимые вещи и тем одновременно удовлетворить сторонников и противников земского самоуправления. Первым предлагались внешность и надежды на будущее, в угоду вторым компетенция земских учреждений была определена крайне эластично»²⁰. То есть земства, провозглашенные органами местного самоуправления, были независимы и управляли только до той поры и в тех пределах, в которых им это позволяла государственная власть. Большевицкая власть изначально давала такое определение Советам: «создаются вне всяких законов, продукт самобытного творчества, проявление самодеятельности народа»²¹, а в последующем поставила Советы под контроль партийной структуры, лишив управленческой свободы. В 90-х годах государственная власть вообще по своему желанию на время упраздняет представительное начало местного самоуправления, без которого о самоуправлении говорить абсурд-

но, ставя власть на местах под контроль местных администраций. В последующем, возрождая представительство на местах, государственная власть делает местное самоуправление одной из идеологических основ демократического преобразования. Таким образом, ещё одна прослеживаемая на всём протяжении исторического развития черта местного самоуправления в России – это свободная спекуляция государственной властью местным самоуправлением как институтом стабилизации социальных конфликтов и как результат полного подавления всякой его самостоятельности при постановке в оппозицию государственной власти.

Следовательно, существенными чертами отечественного местного самоуправления, позволяющими судить о его преемственности на протяжении всего исторического пути государства, являются учреждение местного самоуправления «сверху», фактическая включенность его в систему государственного управления при формальной самостоятельности, идеологический характер местного самоуправления, свободная спекуляция его принципиальными основами в угоду политической власти.

Европейская хартия местного самоуправления в статье 3 даёт общее понятие местного самоуправления: «Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения. Это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путём свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования. Советы или собрания могут иметь подотчётные им исполнительные органы. Данное положение не исключает обращения к советам граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан, если это допускается законом»²². Ни одна из черт, приведенных в данном понятии, не относится к тем чертам, что присущи российскому местному самоуправлению на всем протяжении его исторического развития, хотя, безусловно, в отдельные его периоды состояние местного самоуправления было схоже с приведенным понятием, но лишь эпизодически, что не позволяет судить об их существенности для отечественного пути развития местного самоуправления. В России местное самоуправление на основании

выделенных существенных признаков – это созданный государством институт государственной власти, играющий преимущественно стабилизационно-идеологическую роль. На деле получается, как ни парадоксально, местное самоуправление, для которого самостоятельная управленческая функция не является основой, уходит на второй план. Из сказанного вытекает понимание отечественного способа решения проблемы централизма и децентрализма в местном самоуправлении. В начале следует определить, что такое в самом общем смысле централизм и децентрализм. В словаре Ожегова централизм – система управления, руководства, при которой местные органы управления подчинены вышестоящим, в свою очередь управляемым, руководимым из единого центра, а соответственно децентрализм – система, ей обратная. Но в рассматриваемой ситуации речь идет о местном самоуправлении, существенная функция которого не управление, а идеологическая стабилизация местного населения. По сути, всё управление остаётся в руках государства, а отдельные управленческие полномочия передаются местным органам только для создания благоприятного идеологического эффекта наличия одного из демократических столпов, а именно прямого участия населения в решении вопросов публичного управления на местах, при том что даже оные могут быть по желанию государства возвращены в его компетенцию. Принимая местное самоуправление как систему, осуществляющую идеологическую функцию, тем самым мы снимаем проблему сочетания централизма и децентрализма, ибо в самой сути идеологической функции лежит её обслуживающий характер по отношению к центральному управлению.

Таким образом, в России нет необходимости

следовать одному из трех европейских вариантов решения проблемы сочетания централистских и децентралистских начал в местном самоуправлении, но она может предложить четвертый путь при условии изменения основного предназначения местного самоуправления с управленческого на идеологическое. Сама по себе подобная концепция не нова. Еще В.И. Ленин, критикуя провозглашенный в период реформ Александра III «русский политический идеал» местного самоуправления в форме «самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе», писал в своей работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма»: «При самодержавии всякое земство, хоть бы и распренаи «властное», неизбежно будет уродиком, неспособным к развитию, а при конституции земство сразу потеряет своё современное “политическое значение”»²³. То есть при традиционно сильной в России центральной исполнительной власти говорить о местном управлении как о чём-то большем, нежели идеологический институт, неразумно. Теоретически закрепление иного статуса местного самоуправления в Основном Законе государства может изменить подобную ситуацию, но только при условии, если такое закрепление не станет вскоре лишь формальностью, не отражающей реального положения дел. Такое конституционное закрепление местного самоуправления по европейскому образцу и подобию, сопряженное с его практической реализацией, будет означать кардинальный слом правопреемственности отечественного местного самоуправления, что перечёркивает весь предшествующий опыт исторического развития России в этом направлении. Необходимость прибегнуть к этому будет оставаться для России всегда спорной в силу непреодолимого чисто русского национального менталитета.

Примечания

¹ Градовский А. Д. Сочинения [Текст]. – СПб.: Наука, 2001. – С. 283.

² Ключевский В. О. Сочинения: в 9 томах [Текст]. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. – М., 1987. – С. 335.

³ Институты самоуправления [Текст]: историко-правовое исследование. – М., 1995. – С. 152.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 томах [Текст]. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. – М., 1987. – С. 345.

⁵ Димов В. Справедливый либерализм. Путь к комфортному государству [Текст]. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 2007.

⁶ СУ РСФСР [Текст]. – № 1. – 1917. – Ст. 9.

⁷ СУ РСФСР [Текст]. – № 12. – 1917. – Ст. 179.

⁸ Дементьев А. Н. О «системе Советов» и земских учреждениях в России: возможные исторические параллели [Текст] // Государство и право. – № 8. – 1996. – С. 112.

⁹ Ведомости РСФСР [Текст]. – № 44. – 1989. – Ст. 1306.

¹⁰ Ведомости СССР [Текст]. – № 20. – 1989. – Ст. 373.

¹¹ Газета «Известия» [Текст]. – 18 февраля 1991.

¹² Ведомости РСФСР [Текст]. – № 29. – 1991. – Ст. 1010, 1011.

¹³ Выдрин И. В., Кокотов А. Н. Совет и администрация: спорные вопросы статуса и взаимоотношений [Текст] // Российский юридический журнал. – № 1. – 1993.

¹⁴ Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 12 октября 1993 г.

¹⁵ Указ Президента РФ от 26 октября 1993 г. «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 29 октября 1993 г.

¹⁶ Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Конституционного суда РФ от 30.11.2000 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» [Текст] // Российская газета. – № 239. – 19 декабря 2000 г.

¹⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) [Текст] // Российская газета. – № 7. – 21.01.2009.

¹⁹ Федеральный закон от 06.10.2002 № 131-ФЗ (ред. от 28.09.2010) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 16.09.2003) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Витте С. Ю. Самодержавие и земство [Текст]. – СПб., 1908. – С. 73–74.

²¹ Ленин В. И. Сочинения. Издание четвертое. Т. 10 [Текст]. – С. 217–218.

²² Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) [Текст] // Российская юстиция. – № 9. – 1996. – С. 2–5.

²³ Ленин В. И. Сочинения. Издание четвертое. Т. 5 [Текст]. – С. 62.

Библиографический список

1. Ведомости РСФСР [Текст]. – № 44. – 1989. – Ст. 1306.
2. Ведомости РСФСР [Текст]. – № 29. – 1991. – Ст. 1010, 1011.
3. Ведомости СССР [Текст]. № 20. – 1989. – Ст. 373.
4. Витте С. Ю. Самодержавие и земство [Текст]. – СПб., 1908. – С. 73–74.
5. Выдрин И. В., Кокотов А. Н. Совет и администрация: спорные вопросы статуса и взаимоотношений [Текст] // Российский юридический журнал. – № 1. – 1993.
6. Газета «Известия» [Текст]. – 18 февраля 1991.
7. Градовский А. Д. Сочинения [Текст]. – СПб.: Наука, 2001. – С. 283.
8. Димов В. Справедливый либерализм. Путь к комфортному государству [Текст]. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 2007.
9. Дементьев А. Н. О «системе Советов» и земских учреждениях в России: возможные исторические параллели [Текст] // Государство и право. – № 8. – 1996. – С. 112.
10. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) [Текст] // Российская юстиция. – № 9. – 1996. – С. 2–5.
11. Институты самоуправления [Текст]: историко-правовое исследование. – М., 1995. – С. 152.
12. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 томах [Текст]. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. – М., 1987. – С. 335, 345.
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) [Текст] // Российская газета. – № 7. – 21.01.2009.
14. Ленин В. И. Сочинения. Издание четвертое. Т. 5 [Текст]. – С. 62.
15. Ленин В. И. Сочинения. Издание четвертое. Т. 10 [Текст]. – С. 217–218.
16. Постановление Конституционного суда РФ от 30.11.2000 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» [Текст] // Российская газета. – № 239. – 19 декабря 2000 г.
17. СУ РСФСР [Текст]. – № 1. – 1917. – Ст. 9.
18. СУ РСФСР [Текст]. – № 12. – 1917. – Ст. 179, 180.
19. Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 12 октября 1993 г.

20. Указ Президента РФ от 26 октября 1993 г. «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 29 октября 1993 г.
21. Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
22. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 28.09.2010) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 16.09.2003) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

R.U. CHEPRUNOV

**SPECIAL DOMESTIC WAY OF THE PROBLEM SOLVING OF A COMBINATION
OF CENTRALISM AND DECENTRALISM IN LOCAL SELF-GOVERNMENT**

In the article the problem of a combination of centralism and decentralism in local self-government is considered, and the analysis is performed through the lenses of features of the present correlation in the Russian Federation. The special way of the problem solving of a combination of centralism and decentralism on the basis of the essential indications of the Russian local self-government determining its successorship throughout historical development is allocated.

Key words: *centralism, decentralism, local self-government, retrospective analysis, successorship, ideological institution.*

И.И. АБЛОВА, аспирант кафедры социальной психологии и акмеологии Орловского государственного университета
Тел. 8 920 283 10 79; Ablova_irina@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ БОЛЬНЫХ НЕВРОЗАМИ

В статье рассматривается проблема использования психологической защиты невротической личностью, неоднозначная роль психологической защиты в личностном развитии. Выделяются особенности восприятия реальности невротической личностью. Раскрывается связь защитных механизмов и психологического благополучия больных неврозами. Подчёркивается значение исследования этой связи для психотерапии.

Ключевые слова: защитные механизмы, психологическая защита, психологическое благополучие, невроз, невротическая личность.

Современные условия жизни создают предпосылки к появлению невротической личности. Нестабильность общественных процессов, наличие кризисных факторов предъявляют повышенные требования к стабильности и адаптивности психики. Однако далеко не каждая личность способна адекватно ответить на вызовы современного общества. Эта ситуация создаёт предпосылки для возникновения различных отклонений: девиаций, зависимостей, неврозов. Поэтому актуально исследование невротической личности как дезадаптированной, не использующей психологическую защиту или применяющей её неадекватно.

Существенным фактором, общим для всех неврозов, является наличие тревоги и тех защит, которые выстраиваются против неё [9]. Фрейд указывает на важное следствие, а значит, и тенденцию невроза – отдаление больного от реальной жизни, отчуждение от действительности. Невротик отворачивается от реальности, потому что находит её невыносимой для себя в целом или в части [7]. Пауль Тиллих пишет о том, что невротик находится в конфликте с реальностью. Он живёт в воображаемом мире, а реальность постоянно травмирует его, прорываясь сквозь крепостные стены самозащиты. Ограниченное и фиксированное самоутверждение невротика и охраняет его от невыносимого давления тревоги, и разрушает его, обращая против реальности, а реальность – против него и вновь вызывая невыносимый приступ тревоги [6].

Невротическая личность не только разделяет страхи, общие всем людям в данной культуре, но вследствие условий своей индивидуальной жизни, которые переплетены с общими условиями, он также испытывает страхи, которые качественно или количественно отличаются от страхов определённого культурного образца. Нормальный человек, хотя ему будут свойственны страхи и защиты своей культуры, будет в целом вполне способен раскрыть свои потенциальные возможности и получить удовольствия, которые ему предлагает жизнь. Невротик всегда страдает больше, чем нормальный человек. Ему приходится платить за свои защиты чрезмерную плату, заключающуюся в ослаблении его жизненной энергии и дееспособности или в ослаблении его способно-

сти к достижениям и получению удовольствия [8].

Под психологической защитой понимается специальная система стабилизации личности, направленная на ограждение сознания от неприятных, травмирующих переживаний, сопряжённых с внутренними и внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта [4].

В отечественной психологии и психиатрии понятие психологической защиты рассматривается как важнейшая форма реагирования сознания индивида на психическую травму. При этом имеется в виду прежде всего защитная перестройка, происходящая в системах взаимосвязанных психологических установок и отношений, в субъективной иерархии ценностей, которая направлена на редукцию патогенного эмоционального напряжения, способствуя хотя и временно, но определенному лечебному эффекту и предотвращая дальнейшее развитие психологических и физиологических нарушений [5].

Теоретический анализ литературы показывает, что при достаточной разработанности проблемы защитных механизмов остаётся спорным вопрос об их роли в становлении личности. По мере накопления экспериментальных данных стала выявляться определённая неоднозначность роли защиты. Проблема психологической защиты содержит в себе центральное противоречие между стремлением человека сохранить психическое равновесие и теми потерями, к которым ведёт избыточное вторжение защит. Есть данные, подтверждающие важную роль психологической защиты для психического здоровья личности. С другой стороны, избыточное включение защитных механизмов не позволяет личности осознавать объективную, истинную ситуацию, адекватно и творчески взаимодействовать с миром [3].

Ответ на вопрос о значении психологической защиты можно получить, сопоставив использование защитных механизмов с показателями психологического благополучия, с возможностью личностного роста по теории Рифф.

Психологическое благополучие определяется как переживание, характеризующее отношение человека к тому, чем он, по его собственному мнению, является, отражающее степень реализованности в индивидуальном бытии основных компонентов позитивного функционирования личности, степень удовлетворённости своим становлением [9].

Для исследования связи защитных механизмов и психологического благополучия больных неврозом автором было проведено исследование в отделении неврозов Орловской областной психиатрической больницы с использованием методики

диагностики типологий психологической защиты Р. Плутчик в адаптации Л.И. Вассермана и ряда других методик [1, 2, 9]. Эмпирическую базу исследования составили больные неврозом и здоровые люди (31 и 30 человек соответственно).

Результаты свидетельствуют о том, что общий уровень психологического благополучия невротиков значительно ниже данного показателя по выборке здоровых людей.

Выявляются различия в структуре психологического благополучия, связанные с полом. Данные позволяют судить о том, что мужчины, больные неврозом, испытывают больше трудностей в установлении и поддержании позитивных отношений с окружающими, чем здоровые. Снижается способность противостоять социальному давлению, появляется ощущение бессмысленности жизни, теряется уверенность в том, что будущее имеет перспективы. Женщины, больные неврозом, теряют стремление к саморазвитию и реализации своего потенциала. Им присуще ощущение бессилия в управлении окружающим миром, они чувствуют невозможность изменить или улучшить условия своей жизни, испытывают сложности в организации своей деятельности, не контролируют свою жизнь. Для этих женщин характерны ощущение собственной никчёмности, неверие в свои силы, недооценка собственных способностей преодоления жизненных препятствий, конформизм, ориентация на мнение значимых окружающих в ущерб собственным интересам. В целом данные характеристики соответствуют типичным чертам невротической личности. Например, выделенным Карен Хорни признакам – чрезмерной зависимости от одобрения и расположения со стороны других людей и наличию разрыва между возможностями человека и их реализацией [8].

Сравнительный анализ показателей использования защитных механизмов больных неврозами и здоровых людей позволил выявить, что больные неврозом чаще, чем здоровые люди, используют все типы защитных механизмов.

Общий уровень психологического благополучия у невротиков связан с интенсивным использованием отрицания и интеллектуализации. Получается, для того чтобы обеспечивать себе достаточный уровень психологического благополучия, невротическая личность вынуждена прибегать к таким формам защитного реагирования, как отрицание тех аспектов внешней реальности, которые, будучи очевидны для окружающих, тем не менее не принимаются, не признаются ею самой. Иными словами, информация, которая тревожит и может привести к конфликту, не

воспринимается. При защитном механизме по типу интеллектуализации вступает в действие контроль над эмоциями и импульсами посредством преобладания размышления, рассуждения по их поводу вместо непосредственного переживания. Характерным признаком является «объективное» отношение к ситуации, чрезмерно когнитивный способ представления и попыток решения конфликтных тем без ощущения связанных с ней аффектов.

Эти же механизмы защиты характерны для больных с высокими показателями по шкалам «Управление средой», «Осмысленность жизни» и «Цели в жизни». Значит, именно эти механизмы в наибольшей степени обеспечивают невротической личности чувство уверенности и компетентности в управлении повседневными делами, наличие жизненных целей, ощущение осмысленности жизни и собственного благополучия.

Интересно, что в выборке здоровых людей нет значимых положительных связей ни с одним типом психологической защиты, то есть здоровые, психологически благополучные люди не склонны активно пользоваться механизмами защиты. Трудные ситуации преодолеваются ими благодаря сознательным, целенаправленным усилиям. И только в случае, когда этого оказывается недостаточно, личность обращается к бессознательным формам защиты.

Таким образом, защитная форма реагирования, характерная для здоровых людей с низким уровнем

психологического благополучия, у невротиков, напротив, связана со сравнительно более высоким уровнем психологического благополучия.

Знание и учет механизмов психологической защиты у больных невротизмом способствуют не только более полному пониманию больного и его поведения, но и повышают эффективность всех лечебных и реабилитационных воздействий [5]. На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что невроз предполагает такое патологическое изменение личности, при котором достижение психологического благополучия невозможно без интенсивного использования защитных механизмов. Необходимо учитывать этот факт в процессе психотерапии. Важнейшим правилом в психотерапевтической тактике при работе с защитными механизмами больного является признание определенного позитивного значения психологической защиты, проявление уважения к «Я» пациента, которое осуществляет центральную регулирующую функцию в системе психической адаптации [5]. Слишком быстрое раскрытие психологической защиты недопустимо, так как в таком случае слабое «Я» лишается необходимой опоры.

Выход из невротического состояния требует активности и значительных усилий самой личности, ведь, раскрывая защитные механизмы, она сталкивается с реальностью, восприятие которой причиняет боль и лишает ощущения благополучия.

Библиографический список

1. Крюкова Т.Л., Куфтык Е.В. Опросник способов совладания // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3 – С. 57–76.
2. Леонтьев Д.А. Тематический апперцептивный тест. – М., 1998.
3. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. – СПб., 2000.
4. Психология. Словарь. Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1990.
5. Ташлыков В.А. Психологическая защита у больных с невротизмом и психосоматическими расстройствами. Пособие для врачей. – СПб., 1992.
6. Тиллих П. Патологическая тревога, витальность и мужество // Московский психотерапевтический журнал. – 1994. – № 2. – С. 113–133.
7. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. – СПб., 1999.
8. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. – М., 2000.
9. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–129.

I.I. ABLOVA

THE SIGNIFICANCE OF DEFENSIVE MECHANISMS FOR PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF PEOPLE SUFFERING FROM NEUROSES

The problem of using psychological defence by neurotic personality, the intricate role of psychological defence in the person's development are viewed in the article. Special features of neurotic's perception of reality are emphasized. The connection of defensive mechanisms and psychological well-being of people suffering from neuroses is revealed. The significance of research into this connection for psychotherapy is underlined.

Key words: defensive mechanisms, psychological defence, psychological well-being, neurosis, neurotic personality.

А.Н. БУХВОСТОВ, соискатель Орловского государственного университета, директор МУЦСОН Орловского района

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В МНОГОУРОВНЕВОМ ОБРАЗОВАНИИ ВУЗА

В статье автор акцентирует внимание на необходимости формирования у студентов профессиональной компетентности, которая проявляется в разных контекстах в многоуровневом образовательном пространстве и в процессе решения жизненно важных профессиональных задач разного уровня сложности.

Ключевые слова: компетентностный подход, многоуровневое образование, индивидуализация обучения, компетентность, бакалавриат; магистратура.

Предпосылки компетентностного подхода в обучении заложены в исследованиях, определяющих множество путей, способов, средств и форм реализации индивидуального, контекстного, эвристического, проблемного, проектного, имитационно-моделирующего и др. подходов в учебном процессе. Но вместе с тем можно констатировать, что этот вопрос является наиболее сложным в рассматриваемой проблеме.

В дидактических исследованиях последних лет заложены предпосылки создания системы педагогических условий и средств осуществления компетентностного подхода в обучении. Так, Т.Б. Гребенюк формулирует основные требования и правила осуществления принципа индивидуализации. Данный дидактический принцип реализуется при выполнении преподавателем следующих требований:

- для осуществления индивидуального подхода в условиях работы с коллективом преподаватель должен знать как индивидуальные особенности отдельных обучающихся, так и уровень развития коллектива;
- для того чтобы реализовать индивидуальный подход в процессе обучения, необходимо учесть индивидуальные особенности отдельных студентов при постановке целей занятия, подборе содержания учебного материала, выборе методов, принципов и форм обучения;
- в процессе обучения по отношению к обучающимся с разными индивидуальными особенностями должны быть применены разные средства педагогического воздействия;
- применение разнообразных средств воздействия должно быть комплексным (с охватом всех сторон психики человека и качеств личности);
- средства индивидуального воздействия должны применяться педагогом в единстве со средствами коллективного воздействия на обучающихся.

Таким образом, ряд исследователей, таких как И.Э. Унт, Т.Б. Гребенюк, А.А. Кирсанов и другие, в своих работах ставили вопрос о разработке системы средств индивидуализации в обучении и давали классификацию способов, принципов и форм ее осуществления.

Вместе с тем анализ педагогической литературы показывает, что до настоящего времени исследователи не смогли решить в полном объеме проблему формирования целостной системы дидактических средств индивидуализированного обучения, обеспечивающего такое качество его результатов, которое соответствовало бы требова-

ниям компетентностного подхода. Причина в том, что авторы рассматривали дидактические средства индивидуализации только в условиях традиционного обучения в вузе и, как правило, в русле какого-то одного аспекта индивидуализации в обучении. Исходя из этого, можно констатировать, что в разработке системы дидактических средств и форм осуществления обучения, ориентированного на формирование компетентностей, до сих пор не применяется в полной мере системный подход, включающий соответственно всю систему подходов. Исследователи, занимавшиеся этой проблемой, рассматривали дидактическую систему в различных ракурсах, не всегда принимая во внимание единство ее целевых, содержательных и процессуальных характеристик, что затрудняет подбор технологий обучения, обеспечивающих усвоение требуемого содержания, в данном случае компетентностного опыта.

Еще раз уточним суть этого опыта. Он предполагает способность действовать «со знанием дела», т.е. с четкой ориентировкой, рефлексией процедур выполнения. Компетентность проявляется как мера соответствия знаний и умений сложности решаемых задач, смысловой позиции, отношению к делу; система навыков и привычек, обеспечивающих понимание и выполнение деятельности; единство когнитивного и операционально-креативного аспектов. Достижение компетентности предполагает полноту, глубину, системность, осознанность, прочность, оперативность знаний. Наконец, компетентность предполагает выполнение творческой деятельности, которая характеризуется высокой степенью адекватности целей, средств и результатов и др.

П.Я. Гальперин, говоря об эффективности усвоения действия, выделил три типа ориентировки: первый тип – действие методом проб и ошибок; второй тип – с помощью заученной схемы и алгоритма; третий тип ориентировки – это когда принцип выполнения действия выводится с помощью мастера из собственного опыта. Вероятно, этот третий тип ориентировки и лежит в основе компетентности. Компетентным становится тот, кто пришел к решению сам. При этом рядом должен быть другой, который дозированно, но уверенно поддерживает решение задачи.

К основным операциям в структуре компетентного решения задачи можно отнести: идентификацию проблемы, отнесение ее к определенному

классу; выявление теоретических основ действия и построение программы; применение приемов, апробированных в личном опыте; наличие собственного стиля, сложившегося подхода, стиля деятельности; знание и комбинирование вариантов и нахождение новых решений; наличие собственной надпредметной цели; внутреннюю гуманитарную экспертизу решений.

Создание технологии формирования компетенций предполагает несколько уровней решения этой задачи. Первый уровень – это организационные меры, осуществляемые в масштабе учебного заведения и во всей системе образования в целом. Они создают необходимые предпосылки и условия для свободного использования преподавателем разнообразных способов и форм индивидуализации, а каждому обучаемому обеспечивают возможность выбора наиболее подходящих для него приемов учения и формирования своего индивидуального стиля учебной деятельности. Второй уровень – это совокупность средств и форм индивидуализированного обучения, реализуемая преподавателем на занятии путем применения таких дидактических средств и таких форм организации учебной деятельности в учебной группе, которые обеспечивают достижение каждым обучающимся оптимального уровня компетентности. Поэтому целесообразно сначала рассмотреть те дидактические средства и организационные формы, которые определяют направленность всей образовательной системы на обеспечение становления компетентностей. Тем самым определяют организационные предпосылки и условия, создаваемые системой первого уровня, при наличии которых становится возможным применение средств формирования компетентностей.

Одной из «предтеч» компетентностного подхода явилась культурологическая модель образования. Предложенная отечественными дидактами В.В. Краевским, И.Я. Лернером, М.Н. Скаткиным культурологическая модель содержания образования изначально построена на идее несводимости содержания образования к знаниям, умениям и навыкам, что вполне соответствует идеям компетентностного подхода. Это содержание представляет собой набор видов культурного опыта, освоение которых обеспечивает готовность обучающегося к вхождению в современный для него мир культуры. Чем сложнее вид, тем более тонким является процесс его усвоения и, соответ-

ственно, метод обучения, который применяется при этом. Прежде чем выбрать метод обучения, преподаватель должен решить вопрос о том, что должны понять, проделать, открыть, пережить его студенты, чтобы был освоен соответствующий вид культурного опыта. Когда педагогу становится ясно, что должны сделать его ученики, ему легче решить вопрос, как организовать их деятельность. Способ организации деятельности обучающихся, в ходе которой они овладевают тем или иным элементом содержания образования, это и есть собственно метод обучения. Учебная деятельность, обеспечивающая овладение компетентностью, начинается с осознания и принятия студентом учебной задачи. Учебная задача – это установка на усвоение какого-либо фрагмента содержания образования, цель некоторого учебного действия. Всякое действие может эффективно выполняться человеком лишь в том случае, когда он видит его смысл, поэтому постановка учебной задачи будет успешной, когда педагог обеспечит не только ясное понимание того, что должен сделать студент, но и зачем это лично ему (обучающемуся) нужно. Универсальный прием, который для этого случая изобрела педагогическая практика, состоит в так называемом контекстном подходе: учебная задача предлагается не в виде явного задания: «выучи!», «запомни!», «сделай!», а включается в контекст другой, более значимой для обучающегося деятельности. В качестве таковой могут выступать решение увлекательной проблемы, разработка и исполнение лично значимого проекта, состязание с командой «соперников» (игра), микроисследование, дискуссия с оппонентом и др. В любом случае эффективность учения, готовность студента к инициативе и творчеству зависят от мотивации учения: творческое усилие невозможно под влиянием внешнего нажима на студента. Для этого ему непременно должна быть интересна сама задача, сам изучаемый предмет.

Осознав задачу, обучающийся приступает к поиску средств ее решения. Чтобы найти такие средства, ему необходимо сориентироваться в задачной ситуации. Что значит сориентироваться? Если мы попали в незнакомую комнату, то нам хочется узнать, что здесь происходит и как двигаться дальше. Суть ориентировки – в объяснении описанного в задаче явления и в нахождении средств, способных изменить возникшую ситуацию, привести к получению требуемого результата. Поскольку

решение задачи – это прежде всего мыслительный процесс, то источником ориентировки (ориентировочной основой) являются понятия и законы, раскрывающие сущность данного явления. Ориентируясь в задачной ситуации, человек относит факт к определенному закону и строит план действий, отвечающих этому закону, природному или социальному. Получение результата хотя и строится в соответствии с субъективной целью, но само движение к результату есть объективный природный и социальный процесс, подчиненный объективным законам.

Таким образом, решить задачу можно, только добыв и применив нужным образом знание, то есть выработав способы деятельности, соответствующие сущности происходящего явления. Совокупность представлений о таких способах составляет ориентировочную основу действий по решению задачи. Вначале ориентировочную основу задает преподаватель, но уже с первых шагов обучения педагог последовательно приобщает обучающихся к поиску оснований своих действий, обеспечивающих движение к результату. Умение строить ориентировочную основу (план решения задачи) – важнейший результат обучения. Во всяком случае, более важный, чем просто накопление сведений. Учебная задача – необходимое условие усвоения любого материала, в какой бы форме это усвоение ни протекало. Поняв ядро материала (усвоив понятие), обучающийся сможет понять и основанные на нем правила решения задач, выполнения различных преобразовательных действий в данной практической сфере.

Каждому виду опыта, включаемого в содержание образования, соответствует и своя технология, способ его освоения. В этом суть уже упоминавшегося нами принципа единства содержательного и процессуального компонентов обучения. Так, для знаниявого опыта, в структуре которого соответственно выделяются эмпирические и теоретические знания, ведущими являются соответственно наглядно-эмпирические и задачно-деятельностные технологии. Для освоения способов деятельности значимы инструктирующие и тренинговые технологии. Для общекультурного опыта (развивающего обучения) ведущую роль играют технологии создания ориентировочных основ основных видов деятельности и системы учебных задач с нарастанием самостоятельности и продуктивности. Для усвоения творческого опыта необ-

ходимы проблемные, интерактивные, исследовательские технологии. Личностный опыт как специфический компонент содержания образования не может осваиваться через включение обучающегося в некоторую совокупность действий, а предполагает более сложную детерминацию развития – ситуацию «открытия смысла» или так называемую личностно развивающую ситуацию, для актуализации которой, кстати, тоже нужны технологии – контекстные, диалогические, свободного выбора, совершения поступка и др. Наконец, компетентностный опыт требует имитационно-моделирующих, проектных технологий, своеобразных «жизненных практик», в которых только и может сформироваться компетентность.

Стратегии организации учебного процесса, ориентированного на формирование компетентностей, выступают как своего рода ресурсы достижения нового качества обучающей деятельности. Первая стратегия – задачный подход. Суть этой стратегии в том, чтобы любой материал представить в виде познавательной задачи. Последняя организует и направляет деятельность студента, приучает его к ясному осознанию ситуации, постановке целей ее преобразования, выявлению условий и ресурсов, необходимых для этого. Вторая стратегия – проблемный подход. В отличие от задачного подхода, где задача четко ставится как цель, которую надо достичь с учетом определенных условий, проблемный подход лишь вводит студента в определенную ситуацию (проблемную), где ему и предстоит поставить задачу, найти и реализовать способ ее решения. Помощь преподавателя при этом остается дозированной и по мере накопления студентом творческого опыта уменьшается. Третья стратегия – дифференцированный подход. Обучение, по сути, всегда дифференцировано, поскольку все обучаются по-разному в силу различия их учебных возможностей, когнитивных стилей, мотивационной готовности и т.п. Однако дифференциация становится стратегией, когда она заранее планируется преподавателем и предполагает построение различных образовательных маршрутов, уровней, вариантов обучения. Несмотря на различие путей, в итоге все обучающиеся достигают оптимальных для себя результатов. Четвертая стратегия – оптимизационный подход. Оптимальным является вариант обучения, который позволяет достичь наивысших результатов в данной конкретной ситуации при наименьших затра-

тах сил и времени преподавателей и студентов. Оптимизация позволяет перераспределить время и формы работы в пользу заданий с наибольшим творчески развивающим потенциалом. Пятая стратегия – контекстный подход. Суть последнего в том, что содержание и метод обучения формируются в контексте профессиональных или каких-либо других целей участников учебного процесса, благодаря чему создается определенная направленность обучения. Шестая стратегия – имитационно-игровой подход. При таком подходе усваиваются не только знания, но и опыт той деятельности, в которой они будут применяться. Как правило, эта деятельность имитируется в игровой форме. Седьмая стратегия – профессиональная направленность обучения. Обучение направлено на упражнение и развитие способностей студентов, связанных с требованиями (компетенциями) избранной ими профессиональной сферы. Восьмая стратегия – ситуационно-личностный подход. В процесс обучения целенаправленно вводятся такие задачи, упражнения, коллизии («ситуации»), которые востребуют проявления студентами своих личностных способностей (функций) – избирательности, самостоятельности в принятии решения, креативности, независимости от авторитетов и др., что составляет ценностно-смысловой аспект компетентности. Девятая стратегия – герменевтический подход. Предполагает специальное упражнение способности студента к пониманию текстов, к выявлению в них не только логических (причинно-следственных) конструкций, но и смыслов, что составляет необходимый компонент компетентности. Десятая стратегия – текстуально-диалогический подход. Изучаемый материал предъявляется обучающемуся как текст, к которому он должен выразить свое субъективное отношение, вступив в своеобразный диалог с его автором. Обретаемое в процессе реализации такой стратегии гуманитарное мышление становится основанием для гуманитарной экспертизы профессиональных действий, решений и проектов. Одиннадцатая стратегия – проектный подход, один из наиболее значимых для формирования компетентностей. Направлен на формирование не только знаний и умений, но и способностей решать на основе усвоенных знаний реальные жизненные, познавательные или профессиональные задачи.

Резюмируя сказанное, можно в гипотетическом плане определить общие характеристики образо-

вательной программы, ориентированной не на предметно-знаниевую, а на компетентностную модель образования. Она должна содержать: 1. Описание признаков и ожидаемого уровня компетентности. 2. Определение необходимого и достаточного набора учебных задач-ситуаций (кстати, здесь также нужна экспертиза компетентных специалистов), последовательность которых выстроена в направлении возрастания полноты, проблемности, конкретности, новизны, жизненности, практичности, межпредметности, креативности, ценностно-смысловой рефлексии и самооценки, гуманитарной экспертизы решений, необходимости сочетания фундаментального и прикладного знания. 3. Технологии предъявления обучающимся задач-ситуаций различных типов и уровней. 4. Алгоритмы и эвристические схемы, организующие деятельность студентов по преодолению ситуаций. 5. Технологии сопровождения и консалтинга студентов в процессе прохождения программы.

Компетентностный подход предполагает формирование индивидуальной модели профессиональной деятельности, адаптированной к особенностям исполнителя. И.Н. Клигман на основе обобщения зарубежного и отечественного опыта предложил несколько вариантов организации индивидуализации обучения в вузе:

1. Последовательное обучение. Этот вариант предполагает обучение в течение двух-трех лет в обычных учебных группах по единым программам (аналогия бакалавриата). Затем проводится закрепление обучающихся за кафедрами в зависимости от способностей и интересов к изучению специальных предметов индивидуально либо в составе небольших групп.

2. Параллельное обучение. По данному варианту обучение в течение всего периода проходит в постоянных группах. Осуществляется внутригрупповая дифференциация и индивидуализация учебной работы.

3. Ступенчатое обучение. В основу этого варианта индивидуализации обучения положен отбор наиболее способных студентов для продолжения образования на более высоком уровне и получения более высокой квалификации (аналогия магистратуры). Процесс подготовки специалистов проходит по следующей схеме: после трех лет обучения все выполнившие программу обучаемые получают диплом первого уровня и производится отбор самых успевающих для дальнейшего обу-

чения. После четвертого года обучения вручается диплом второго уровня (бакалавр) и производится отбор наиболее одаренных учащихся для продолжения обучения с целью получения диплома высшего, третьего уровня (магистр, напр. педагог-исследователь).

4. Индивидуальное обучение. Этим вариантом предусматривается обучение наиболее талантливых студентов по индивидуальным учебным планам.

В конце 1980-х годов в вузах стали широко использоваться индивидуальные планы обучения. Обобщая опыт их применения, можно отметить, что такой план должен быть гибким, ориентированным на творчество и иметь модульное строение. Студенту в пределах определенного набора дисциплин, предложенных разными преподавателями, предоставляется возможность выбора, а по ходу прохождения учебный план должен корректироваться. Характеризуя оптимальную структуру индивидуального плана обучения, можно предложить ввести в его содержание индивидуальный график учебной работы, план учебно-исследовательской работы с указанием ожидаемых конкретных результатов, а также план прохождения практики. Кроме того, возможно включать раздел, посвященный индивидуализации учебной деятельности студента. Ее график строится так, чтобы выполнять основные требования учебного плана по данной специальности. Рассмотренные организационные меры выступают предпосылками для осуществления индивидуальной учебной деятельности студентов в системе второго уровня, т.е. непосредственно на учебных занятиях. Ретроспективный анализ отечественного и зарубежного опыта решения проблемы индивидуализации показывает, что возможности ее осуществления реализуются прежде всего применением новых средств обучения и разнообразных форм организации учебной деятельности.

Обучение магистра по индивидуальному плану позволяет гибко использовать время, отведенное для дисциплин по выбору, а также (по желанию студента) осуществлять выполнение программ, соответствующих требованиям кандидатского минимума по иностранному языку и философии. Исходя из этого, можно выделить две взаимосвязанные подсистемы в системе средств индивидуализации в процессе обучения, которые основаны на применении дидактических средств индивиду-

ализированного обучения, организационных форм индивидуализированной учебной деятельности. Исследуем эти подсистемы в указанной последовательности. Под дидактическими средствами или средствами обучения понимаются прежде всего разнообразные предметы, являющиеся носителями учебной и учебно-методической информации, то есть учебники, учебные пособия, рабочие тетради, учебные планы, программы, а также технические устройства, с помощью которых осуществляется процесс обучения. Следовательно, дидактические средства индивидуализации – это такие средства обучения, которые по своему содержанию, форме построения и предназначению обеспечивают учет индивидуальных особенностей обучающихся, позволяют им работать в собственном темпе, применять удобные для них способы усвоения знаний, формировать и реализовывать индивидуальный стиль учебной деятельности на всех уровнях обучения в вузе.

В процессе индивидуализированного обучения целесообразно, как показал опыт, проводить дифференциацию, подразделяя задания на три типа, исходя из уровня учебно-познавательной деятельности, который требуется для их выполнения. Тип «А» – учебные задачи, требующие учебно-познавательной деятельности репродуктивного характера. Тип «В» – учебные задачи, требующие учебно-познавательной деятельности репродуктивно-преобразовательного характера. Тип «С» – задачи, рассчитанные на учебно-познавательную деятельность продуктивного, творческого характера. Результаты исследований и практический опыт показывают, что наиболее практичным и эффективным является оформление индивидуально дифференцированных заданий в виде рабочих руководств для индивидуализированной самостоятельной работы. Можно выделить три варианта рабочих руководств: познавательное задание в виде вопроса или проблемы; познавательное задание со вспомогательными вопросами; познавательное задание с указанием последовательности и методов выполнения.

Обобщая зарубежный и отечественный методический опыт по разработке рабочих руководств, И.Э. Унт сформулировала следующие основные требования к их содержанию: последовательность приведения заданий должна соответствовать звеньям процесса обучения, то есть они должны обеспечивать восприятие учебного материала, его са-

мостоятельную проработку, создание связей с ранее изученным, закрепление, применение и повторение; задания должны учитывать учебно-познавательные возможности и уровень развития учебных умений обучающихся, предполагать их посильное умственное напряжение; рабочее руководство должно направлять обучаемого на самоконтроль повсюду, где это возможно; при составлении рабочего руководства следует учитывать, что обучаемые работают в различном темпе. Поэтому обязательный для всех материал должен рассматриваться в основной части руководства, а дополнительный материал более высокой трудности приводится в конце руководства.

Одним из эффективных дидактических средств индивидуализированного обучения при многоуровневой компетентностной подготовке являются модульные программы (МП), используемые при организации модульного обучения. Кроме того, следует отметить, что внедрение технологий модульного обучения непосредственно связано с реализацией положений Болонского процесса. Модульная программа – это программа обучения по определенному предмету, построенная по принципу модульности. В соответствии с этим принципом обучение строится по отдельным функциональным узлам – модулям, предназначенным для достижения конкретных дидактических целей. Модуль – это основное средство модульного обучения, которое является законченным блоком информации, а также включает в себя целевую программу действий и методическое руководство, обеспечивающее достижение поставленных дидактических целей.

На основе обобщения зарубежного и отечественного опыта можно сформулировать следующие общие принципы построения модульных программ и модулей: целевое назначение информационного материала; сочетание комплексных, интегрирующих и частных дидактических целей; полнота учебного материала в модуле; относительная самостоятельность элементов модуля; реализация обратной связи; оптимальная передача информации и методического материала. Таким образом, МП и, следовательно, модули являются прежде всего банком информации. Форма представления информации в модуле обуславливается видами этой информации. Модуль и его элементы должны составлять отдельные листы бумаги, соединенные в специальную сшиваемую папку. Это

позволяет легко конструировать индивидуализированное содержание модуля и модульной программы для каждого обучаемого, из существующих элементов формировать новые модули или заменять морально устаревшие учебные элементы новыми. Естественно, эффективность конструирования модуля существенно и качественно выше при применении компьютерных технологий.

Применение МП позволяет индивидуализировать процесс обучения в следующих аспектах:

1. Содержание обучения: модули и МП формируются исходя из индивидуальных целей обучения или базовой подготовленности обучаемого.

2. Темп усвоения: специфика построения содержания модулей позволяет обучаемому самостоятельно работать в любое подходящее для него время, уделяя необходимое количество времени для достижения намеченных целей обучения.

3. Пути (методы, способы) обучения студент выбирает из альтернативных вариантов учебных действий.

4. Контроль и самоконтроль: каждый модуль обеспечивается системой обратной связи, важное место в котором обычно занимает эталонный (тестовый) контроль (самоконтроль), являющийся исключительно индивидуализированным.

5. Непосредственное воздействие педагога на каждого обучаемого: передача некоторых своих функций модулю позволяет педагогу шире и глубже реализовать индивидуальные планы.

Необходимо также отметить, что помимо рассмотренных эффективным дидактическим средством индивидуализации являются многоуровневые программированные учебные пособия и программы. Они строятся по тем же принципам, что и рассмотренные МП, и исторически являются их предшественниками, как и программированное обучение по отношению к модульному.

В последние десятилетия широкое применение в образовательном процессе находят технические средства обучения. Высока их роль в успешном решении кардинальной проблемы современной высшей школы – индивидуализации обучения в условиях подготовки бакалавров и магистров. Применение технических средств позволяет расширить рамки учебной аудитории, замедлить или ускорить течение времени в демонстрируемых процессах, сделать видимым то, что невозможно увидеть невооруженным глазом, имитировать любые ситуации. В качестве перспективного сред-

ства индивидуализации в настоящее время широко внедряется компьютерная техника. Ее широкое распространение обусловлено, с одной стороны, непрерывным многократным возрастанием объема информационного обмена, с другой – возникновением новых способов получения, хранения, преобразования и предъявления информации.

Акулова О.В., Власова Е.З., Извозчиков В.А., Машбиц Е.И., Савельев А.Я. и др. выделяют современный этап как переход от традиционных массовых средств информации к новой информационной технологии обучения и видят пути повышения эффективности обучения в широком использовании компьютерных средств. И если возникновение письменности считают революцией в развитии средств обучения, то современный этап можно по праву назвать революционным в развитии технических средств обучения. Некоторые зарубежные исследователи делают вывод о том, что в компьютерном обучении могут быть реализованы дидактические системы управления познавательной деятельностью обучаемых, не имеющие ограничений относительно возможного уровня усвоения знаний студента (от репродуктивного до творческого). Концептуальной основой сформулированной проблемы является парадигма коллективного творчества, где основным звеном выступает теория решения открытых задач, а технической базой для осуществления предлагаемого подхода служат новые компьютерные сети с нетрадиционной архитектурой.

Научно-технический прогресс обусловил переход от использования ЭВМ как устройства для обработки информации к созданию кибернетических интеллектуальных систем. Искусственный интеллект – метафорическое название комплексного междисциплинарного научного направления, объединившего математиков, лингвистов, педагогов, психологов, инженеров, биологов, программистов во второй половине XX века на стыке вычислительной техники и программирования, информатики и кибернетики, математической логики и психологии и других наук. К уже внедренным образцам искусственного интеллекта относятся экспертные системы, интеллектуальные информационные системы и др.

В дальнейшем появились понятия не только «искусственный интеллект», но и «интеллектуальная система», т.е. человеко-машинная система, выполняющая интеллектуальные функции. Такая

система называется эргатической и обладает «гибридным интеллектом»: она – система информационного взаимодействия, предназначенная для интенсификации процесса решения интеллектуальных задач. Условием ее работы является взаимная встречная адаптация человека и машины с приоритетной ролью человека. Отсюда вытекает одна важная для преподавателя проблема – проблема рефлексии в «человеко-машинных эргатических системах», рефлексии в условиях формирования инфоноосферы, рефлексии гибридного интеллекта. Словом, речь идет о многообразии факторов, обуславливающих ситуацию становления компетентности современного специалиста.

Исходя из рассмотренных положений, можно сделать вывод о том, что формирование компетентности может быть представлено как процесс, основанный на активности самого формирующегося субъекта в виде восхождения студента от первичных уровней познавательной самостоятельности к более высоким ее уровням. Это восхождение осуществляется посредством последовательного перехода обучаемого от менее сложных типов самостоятельной проектной работы к более сложным. При достижении обучаемыми высоких уровней организационной и содержательной самостоятельности проектно-творческая работа в вузе для этих студентов может становиться ведущей формой учебной деятельности в магистратуре.

При этом необходимо четко понимать, что важнейшим условием эффективности самостоятельной работы и последовательного продвижения студентов к высоким уровням самостоятельности является деятельность преподавателя по ее организации с учетом их индивидуальных особенностей. Вследствие этого основными мерами по осуществлению индивидуализации самостоятельной работы, реализуемыми преподавательским составом на всех уровнях подготовки студентов, должны являться следующие:

- разработка системы учебных заданий на различных уровнях трудности;
- индивидуализация учебных заданий для групп обучаемых с различными типами учебной деятельности;
- изменение уровня трудности учебных заданий для студентов с различными типами учебной деятельности с тем, чтобы степень самостоятельности в процессе их выполнения нарастала;

- создание положительного эмоционального фона занятий;
- оказание консультативной помощи в самостоятельной работе преподавателем в зависимости от типа учебной деятельности и уровня трудности учебного задания;
- определение частоты контроля продуктивности самостоятельной работы обучаемых в зависимости от их принадлежности к тому или иному типу.

В связи с рассмотрением мер индивидуализации посредством фронтальной и групповой форм организации учебной работы возникает законный вопрос: возможен ли индивидуальный подход в рамках данных форм? И.И. Резвицкий указывает, что «индивидуальный подход может быть реализован и через групповую форму организации учебной работы. Главное здесь состоит не столько в количественном факторе, не столько в составе аудитории, сколько в тех целях, которые ставит перед собой педагог, и средствах, с помощью которых он стремится их осуществить». Ф. Янушкевич отмечает: «Индивидуальная учеба не только не исключает (как это порой ошибочно считают) групповые и коллективные формы учебной работы, напротив – она придает этим формам новое качество, основанное на разнообразии интересов научного опыта и способностей отдельных учащихся» [1, с. 58].

Групповая форма учебной деятельности наиболее применима при обсуждении изучаемого материала, закреплении и углублении знаний. Данная форма работы дает возможность преподавателю реализовать индивидуальный подход непосредственно или опосредованно через обучаемых в малой группе. При этом могут использоваться следующие меры индивидуального подхода: распределение обучаемых по группам с учетом их индивидуально-типологических особенностей; формирование гетерогенных групп по принципу добровольности и взаимной эмпатии; создание возможностей каждому обучаемому для перехода из одной гомогенной группы в другую с учетом роста учебных возможностей; систематическая индивидуальная оценка результатов учебной работы.

Кроме того, в процессе групповой работы преподаватель становится помощником, консультантом вместо лектора и контролера, принуждающего к учению. А это, в свою очередь, превращает студента из объекта обучения в его субъект, что

способствует само- и взаимообучению. Именно это и является важнейшей целью индивидуализированного обучения.

При переходе с одной ступени образования на другую происходит изменение в формах организации обучения, что проявляется в:

- распределении студентов по группам с учетом их индивидуально-типологических особенностей;
- учете индивидуальных особенностей студентов при групповой работе в гомогенных группах и распределении индивидуально дифференцируемых заданий;
- свободном переходе студентов из одной гомогенной группы в другую с учетом их учебных возможностей, а также формировании гетерогенных групп на основе добровольности;
- использовании во фронтальной и групповой работе активных методов обучения, которые позволяют студентам проявлять свою индивидуальность;
- оптимальном сочетании фронтальной, групповой и индивидуальной работы обучаемых, а также в такой перестройке структуры учебного процесса, при которой все его элементы направлены на обеспечение эффективности самостоятельной работы;
- систематической индивидуальной многопараметрической оценке хода и результатов учебной работы, консультативной помощи и сопровождении студентов с учетом их индивидуально-типологических особенностей;
- формировании у студентов умений самостоятельной работы и самоуправления своей учебной деятельностью, развитии у них самообразовательной компетентности как личностного качества посредством последовательного восхождения ко все более высоким уровням самостоятельной работы.

При переходе со ступени бакалавриата в магистратуру в показателях профессиональной компетентности можно отметить: повышение самостоятельности и активности обучаемых в процессе усвоения знаний, разумное уплотнение их учебно-

го времени; всемерный учет индивидуально-психологических качеств, определяющих успешность учения; моделирование управления учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельностью посредством алгоритма адаптивного управления; самоорганизацию и самоуправление на основе синергетического подхода к обучению; непосредственную связь усвоения учебного материала с успешным выполнением предыдущей стратегии обучения; возможность эффективного сочетания компетентностно-проектной модели с традиционными академическими формами.

Первая ступень высшего образования (бакалавриат) обеспечивает уровень профессиональной компетентности, достаточный для решения базовых познавательных, профессиональных и самообразовательных задач, адекватных требованиям образовательного стандарта, что соответствует освоению ключевых и базовых компетенций. Вторая ступень (магистратура) ориентирована на индивидуальный уровень достижений в соответствии с выявленным личностно-творческим потенциалом магистранта; на выполнение деятельности, основанной на самостоятельно полученном знании, на готовности к непрерывному совершенствованию процесса и продукта труда, а также личностно-профессиональных качеств выпускника магистратуры, т.е. на формирование специальных компетентностей.

В процессе обучения преподаватель должен не столько сообщать студентам учебную информацию, сколько создавать условия для самоуправления их деятельностью по ее усвоению с учетом индивидуально-стилевых особенностей обучаемых при многоуровневой системе подготовки в вузе. Для обеспечения оптимальных условий учебной деятельности студентов при массовых формах обучения весьма перспективным шагом является внутригрупповое деление обучающихся на условные, подвижные группы в соответствии с темпами продвижения. Выявление и учет индивидуальных различий в творческом потенциале при переходе со ступени бакалавров к магистрам являются проявлением компетентностного подхода в высшем образовании.

Библиографический список

1. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы). – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.

2. Митяева А.М. Компетентностная модель многоуровневого высшего образования / А.М. Митяева // Образование и общество. – Орел: ОРАГС, 2007. – № 4. – С. 22–36.
3. Митяева А.М. Формирование системы многоуровневого высшего образования с учетом индивидуальных стилей учебной деятельности студентов / А.М. Митяева // Человек и образование. Академический вестник ИОВ РАО. – СПб., № 1–2(10–11). – 2007. – С. 45–51.
4. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалистов // М.: Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 26–32.

A.N. BUHVOSTOV

**FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS IN MULTILEVEL
FORMATION OF HIGH SCHOOL**

In article the author brings to a focus to an indispensability of formation at students of professional competence which is shown in different contexts in multilevel educational space and during the decision of the vital professional problems of a different level of complexity.

Key words: *Competence the approach; multilevel formation; an individualization of training, competence; a bachelor degree; a magistracy.*

*Н.В. БОЧКОВА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
профильного обучения иностранным языкам
Орловского государственного университета
Тел. 77-42-22; nbotchkova@yahoo.com*

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКАМ В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА: ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

В статье предлагается авторская интеграционная модель, которая может быть использована в методике преподавания языков в рамках коммуниктивно-деятельностного подхода. Модель учитывает содержательно-предметные уровни, формы, функции, интегрирующие факторы и различные другие характеристики процесса интеграции.

Ключевые слова: интеграционная модель, коммуниктивно-деятельностный подход, интегрирующие факторы.

В настоящее время в российском образовании, длительное время находившемся на гностических позициях, акценты меняются – от знаниевого подхода к коммуниктивно-деятельностному. Формирование способности к активной деятельности рассматривается как основная цель образования. Целью обучения языкам при коммуниктивно-деятельностном подходе становится овладение всеми видами речевой деятельности в их единстве и взаимосвязи, умение опознавать, анализировать, классифицировать языковые факты, моделировать речевое поведение в соответствии с видами общения, а также применять полученные знания и умения в собственной речевой практике. Эти цели могут быть достигнуты путем совершенствования коммуникативной, языковой и лингвистической, культуроведческой компетенции.

В рамках коммуниктивно-деятельностного подхода возникает возможность решения традиционных задач иными способами. Один из таких способов – использование интеграции в обучении русскому и иностранным языкам.

На основании анализа знаний, научных исследований и социальной практики формирования человека и конструирования педагогических систем выделяется широкий спектр понятия «интеграция». Исследователи приходят к выводу, что интеграция – это высшая форма взаимосвязи разделов образования, этапов образования, которой присущи нерасторжимость компонентов, новая объективность – монообъект, новая структура, новые функции вступающих в связь объектов; высшая форма выражения единства целей, принципов содержания, форм организации процесса обучения и воспитания, осуществляемых в нескольких разделах образования, направленная на интенсификацию системы подготовки учащихся; создание укрупненных педагогических единиц на основе взаимосвязи различных компонентов нескольких разделов подготовки учащихся.

Реализуя данный подход, мы предприняли попытку составления модели методико-педагогической интеграции применительно к отдельным содержательно-предметным уровням, формам, видам деятельности преподавателя.

Педагогическая интеграция представлена в психологическом аспекте как процесс и результат развития, становления и формирования многомерной целостности учащегося. При этом *развитие* – процесс поступательного изменения физических, душев-

ных и духовных свойств учащегося, выведение его на новый уровень целостности.

Становление – возникновение физических, ментальных, душевных и духовных новообразований в учащемся.

Формирование – обретение вышеупомянутыми новообразованиями относительной устойчивости, определенности и законченности – сформированности.

Социализация – момент связи «человек – внешний мир» включает в себя приобретение человеком как видовых качеств, так ценностных ориентаций, норм и форм поведения, востребованных определенным обществом, культурой, группой.

Персонализация – момент связи «человек – человек», отношения с другими людьми. Персонализация означает приобретение человеком качеств, способствующих признанию его другими людьми. «Подобно тому, как индивид стремится продолжить себя в другом человеке физически... личность индивида стремится продолжить себя, обеспечив индивидуальную представленность, свое «инобытие» в других людях» (2. С. 244).

Индивидуализация – внутренний аспект человеческих отношений (человек – собственное «Я») и означает обретение человеком самого себя «для себя».

Иными словами, социализация – это «врастание» человека в мир, персонализация – это осознание себя (человека) самоценной и необходимой составляющей сообщества; индивидуализация – это поиск и осуществление своей миссии как личности.

На схеме находит свое отражение такой специфический признак педагогической интеграции, как ее антропонаправленность: личность есть предмет и цель, центр педагогической интеграции, ее абсолютный системообразующий фактор, который порождает ее, направляет ее движение и способствует ее развитию. На каких бы уровнях педагогической деятельности, в каких бы формах педагогическая интеграция ни осуществлялась, все равно ее конечным результатом станут качественные преобразования в человеке.

Актуальность в современном личностно ориентированном образовании целевой направленности на становление целостности личности индивида обуславливает необходимость построения такого педагогического процесса, который бы обеспечивал «собираение» в одном образовательном аспекте множества актов – предметно-деятель-

ностных, операционно-логических, духовно-творческих, эмоционально-чувственных, социокультурных. Целостность постигаемого может быть схвачена только целостностью душевного, эмоционального опыта постигающего. И тогда переживание своего опыта может выступить в интегративной функции, поскольку целостность окружающего постигается в детстве комплексно, синтетически, неразложимо.

Чтобы обучение в полной мере реализовало свой интегративный потенциал, требуется целенаправленная, теоретически и методологически обоснованная работа.

Хотелось бы подчеркнуть, что интегрированное обучение не является просто механическим перенесением знаний из одного предмета в другой. Это процесс создания новых дидактических эквивалентов, отражающих тенденции интеграции современной науки, имеющий огромное значение в развитии учащихся.

Особый интерес в аспекте рассматриваемой проблемы представляет вопрос соотношения обучения и развития. Это центральная проблема педагогической психологии. Существует несколько концепций, решающих поставленную проблему.

Суть одной из них в том, что психическое развитие, в частности умственное, – вполне самостоятельный процесс, имеющий свои собственные, независимые от обучения внутренние закономерности (Ж. Пиаже).

В соответствии с положениями следующей концепции обучение и есть развитие, т.о., обучение и развитие тождественны, слитны и не различаются (У. Джеймс).

Еще одна концепция рассматривает обучение как созревание (К. Коффка). В результате развитие представляется как два разнородных, независимых процесса: развитие-созревание и развитие-обучение. Данная концепция дуалистична, т.к., признавая независимость обучения и развития, она провозглашает их тождественность.

Следующая точка зрения исходит из положения, что развитие – это созревание. Обучение идет вслед за развитием, по мере того, как развитие-созревание создает основу для обучения. Развитие, по мнению К. Бюллера и Э. Торндайка, обуславливает обучение, но само им не определяется.

Мы опираемся на концепцию, представленную в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, В.В. Давы-

дова, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина и др., доказывающих, что обучение и развитие – это два самостоятельных, но взаимосвязанных, взаимовлияющих процесса. Единство развития и обучения означает, по мнению С.Л. Рубинштейна, что «развитие не только обуславливает обучение и воспитание, но и само обусловлено ими. Обучение не только надстраивается над развитием по мере того, как созревание создает готовность для него, но и само обуславливает ход созревания и развития» (3. С. 176).

Данная теория основывается на понимании психологами (С.Л. Рубинштейн, Л.В. Благондежина, Ф.Н. Гоноволин, Г.С. Костюк) развития психики человека как результата некоторого взаимодействия ряда факторов: природно-наследственных, социальных и воспитательных. Ученые приходят к выводу, что среда, общество, воспитание оказывают решающее влияние на развитие ребенка (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, А.В. Запорожец).

Это позволяет сделать вывод о решающей роли обучения во взаимодействии «развитие – обучение» (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов). «Процесс созревания подготавливает и делает возможным известный процесс обучения. Процесс обучения как бы стимулирует и продвигает вперед процесс созревания» (4. С. 441).

Данная концепция отражена и в исследованиях зарубежных психологов, в частности в трудах Дж. Брунера, считающего, что «обучение научным понятиям даже в элементарном виде не должно слепо следовать естественному ходу умственного развития ребенка; оно может вести за собой умственное развитие ребенка, создавая для него возможности продвигаться вперед» (5. С. 39).

Следовательно, обучение и развитие являются понятиями не тождественными, а взаимосвязанными, причем обучение ведет за собой развитие.

Процесс интеграции в обучении включает три аспекта. Аспект «*интеграция как цель обучения*» позволяет предположить, что интегрированное обучение будет способствовать созданию у учащихся целостного представления о мире.

Аспект «*интеграция как средство обучения*» позволяет предположить, что интегрированное обучение позволит найти платформу сближения предметных знаний.

Аспект «*интеграция как средство развития учащихся*» позволяет предположить, что интегри-

рованное обучение будет являться средством разностороннего развития учащихся.

При рассмотрении интеграционных процессов учеными используется понятие **интегрирующие факторы**, под которыми понимаются компоненты содержания, обладающие способностью быть включенными в «иностранное» содержание, объединяться или сливаться с ним в системы более высокого порядка, не теряя в то же время своей особенности, специфики. Его характерная черта – общность, а степень и уровень образуемого им интегрированного содержания могут быть различными.

Интегрирующие факторы подразделяются на группы общего плана и предметного плана.

Исследователями приводятся такие факторы, как наличие обширного эмпирического материала, требующего осмысления с единых теоретических позиций; развитие «отраслевых» педагогик, требующее выделения общих, инвариантных основ (идей, понятий, законов, принципов); механизмы управления формированием личности, коллектива, требующие использования положений и методов многих наук; поиски общих закономерностей и принципов учебно-воспитательного процесса, подходов к его планированию и осуществлению; поиски улучшения преподавания.

По нашему мнению, компонентом, вокруг которого группируются интегрирующие факторы, является **проблема**. Именно посредством проблемы собирается разнохарактерный материал, вокруг проблемы он и группируется. В рамках внутрипредметной интеграции это хорошо видно на примере построения учебных курсов не на традиционной тематической, а на проблемной основе. В учебном курсе в качестве единицы содержания вычлняются и последовательно располагаются не темы, а проблемы, что существенно меняет общую направленность процесса.

Интегрирующим фактором общего плана является **деятельностный характер содержания**. Усиление деятельностной основы содержания – положительная тенденция, наметившаяся в современном образовательном процессе. Согласно психологическим доктринам, именно деятельность составляет основное содержание развития личности. Безусловно, содержание образовательного процесса и содержание развития личности не одно и то же, содержание образовательного процесса еще должно стать содержанием развития обучае-

мого, но в любом случае оно влияет на развитие.

Между тем в педагогической теории и практике внимание все еще акцентируется на знаниях как основной единице содержания и результатах деятельности, а не на самой деятельности. В государственных образовательных стандартах, определяющих нижнюю планку содержания и имеющих временный характер, акцент сдвинут в сторону способов деятельности, они также выступают в качестве основной единицы содержания, между знаниями и способами деятельности устанавливается баланс.

Это значит, что в курсе русского языка (называем лишь некоторые способы деятельности) достаточное внимание должно быть уделено языковому анализу, в курсе литературы – текстовому анализу, в курсе иностранного языка – общению на языке. Все содержание должно предстать как единое поле деятельности учащихся. В этом многообразии и единстве и усматривается интеграционный процесс, если указанным образом истолковывать содержание. Например, метод наблюдения имеет место в ряде предметных областей (физика, химия, биология, география, литература и др.) и, таким образом, служит одним из начал их интеграции в единую содержательную систему.

В числе важных интегрирующих факторов присутствуют **технологии** как компонент содержания. Учащиеся ими владеют слабо, степень освоенности ими инструментов учения, рациональных приемов учебного труда крайне невысока. Возможно, это объясняется следующим: в структуре образовательного процесса слишком незначительным является тот объективный слой содержания, который можно было бы назвать «интеллектуальными технологиями». Если стремиться к развитию учащихся, минуя интеллектуальные технологии, вряд ли главная цель осуществится. Вопрос имеет особое значение в условиях непрерывного образования, когда человек в течение всей своей жизни учится и переучивается. Следовательно, необходимо, чтобы за период активного обучения, к которому, конечно же, относятся студенческие годы, он овладел необходимыми интеллектуальными технологиями. Интеллектуальные технологии и являются тем системообразующим компонентом, который пронизывает собой содержание как «по вертикали», так и «по горизонтали».

Следует обратить внимание и на значение образа «я» как основы содержания и наиболее ярко-

го интегрирующего фактора. Речь идет о **личностно-смысловой сфере содержания**. Традиционно в течение многих десятилетий содержание учебного процесса складывалось в основном как безличностное, обучение строилось прежде всего на гностической основе. А.Н. Леонтьев писал о том, что учебный процесс насыщен значениями и не насыщен смыслами (7. С. 6). Из отчужденного от учащихся состояния содержание, равно как и реализующие его педагогические технологии, все более выводятся на личностно-смысловой, ценностный уровень. Ценностные ориентации, оценочный, личностно-смысловой компонент содержания – это объединяющее, интегрирующее начало в образовательном процессе. Интегрированный характер содержание приобретает, группируясь вокруг образа «я», «эго».

Построение курса русского или иностранного языка на интегрированной основе объединяет предметные области, гуманизируя разнокачественное содержание. Интегрирующим образом действует **региональный компонент содержания**.

В последнее время все более важную интегрирующую функцию начинает выполнять **экологический компонент содержания**.

Несомненно, актуальным интегрирующим фактором является **информатика**. Мир должен предстать сознанию как единое информационное поле, в этом смысл характеризуемого интегрирующего фактора.

На наш взгляд, еще одна важная характеристика рассматриваемого явления – функции интеграции.

В предлагаемой нами модели представлены следующие **функции педагогической интеграции**:

- обеспечение формирования гибкой и продуктивной системы обучения;
- способствование развитию самостоятельности мышления;
- стимулирование развития познавательного интереса;
- усиление научности, теоретической глубины знаний студентов;
- обеспечение формирования системной картины мира;
- усиление воспитательной функции образовательного процесса;
- возрастание темпа изложения учебного материала;
- снятие проблемы отношения учащихся к «мелкому», «второстепенному» предмету;
- облегчение системы контроля.

Из многообразия мнений ученых относительно форм педагогической интеграции мы вослед за Т.Г. Браже выделяем 4 **формы интеграции**, приведенные нами в модели педагогической интеграции.

К формам интеграции мы относим:

- появление новых спецкурсов, обновляющих содержание внутри одного или нескольких смежных предметов;
- появление абсолютно новых предметов (курсов);
- циклы (блоки) уроков, объединяющих материал одного или ряда предметов с сохранением их независимого существования;
- разовые интегративные уроки разного уровня и характера.

Обращаясь к проблеме уровней интеграции, мы придерживаемся трехуровневой градации, предложенной Ю.С. Тюнниковым. В предлагаемой нами модели отражены три **уровня интеграции: высокий, средний и низкий**.

Низкий уровень интеграции показывает, что модернизация процесса обучения осуществляется только относительно его содержания.

Средний уровень интеграции означает, что осуществляется комплексирование компонентов процесса обучения.

Высокий уровень интеграции указывает на наличие синтеза целостного новообразования.

На наш взгляд, интеграционный процесс развивается в **логической последовательности**, проходя шесть основных этапов на пути от учителя к ученику:

- 1) происходит смысловое обоснование создаваемой системы;
- 2) осуществляется определение энергетического потенциала системы и его направленности;
- 3) происходит установление иерархической зависимости структуры и органической интенции человека в этой структуре;
- 4) происходит создание неравновесных состояний взаимодействия элементов системы, порождающих движущие силы механизмов интеграции;
- 5) создаются благоприятные условия для субъект-субъектного взаимодействия в системе;
- 6) происходит использование диагностических критериев, позволяющих адекватно оценить динамику и качество результатов процесса интеграции.

Все вышеупомянутые характеристики в совокупности позволяют создать модель методико-педагогической интеграции применительно к содержательно-предметным уровням, формам, функциям, интегрирующим факторам, учитывая различные характеристики процесса интеграции.

N.V. BOCHKOVA

TEACHING LANGUAGES IN THE FRAMES OF COMMUNICATIVE-ACTIVE APPROACH: INTEGRATION MODEL

In the article is offered the integration model which can be used in the methodic of teaching languages in the frames of communicative-active approach. The forms, functions, context-subject levels, integrating factors and different other sides of integration process are taken into account in the model.

Key words: *integration model, communicative-active approach, integrating factors.*

С.А. ГУДКОВ, аспирант кафедры ДПИиТГ ХГФ
Орловского государственного университета
Тел. 8 919 2653956; sergeygudkov@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ХУДОЖНИКОВ- ПРОЕКТИРОВЩИКОВ

В статье рассматриваются методы внедрения компьютерных технологий в процесс обучения студентов художественных специальностей компьютерной графике. Подробно описываются основные формы использования персонального компьютера в качестве инструмента обучения. Приводятся цели внедрения компьютерного обучения, разбираются его преимущества и недостатки.

Ключевые слова: компьютерные технологии, обучающие программы, учебный процесс, программный диалог, компьютерное моделирование.

Количество информации в современном мире настолько велико, что человеку приходится постоянно прибегать к помощи компьютера. В век информации происходит компьютерная революция, и вопрос внедрения информационных технологий в образовательный процесс стоит особенно остро.

Развитие человеческих способностей и выработка навыков являются основными задачами воспитания и обучения, решить которые без развития познавательных процессов нельзя. В ходе развития человека его способности совершенствуются, приобретая необходимые качества. Для правильного выбора методов воспитания и обучения необходимо четкое представление о психологической структуре познавательных процессов. Большое значение для развития познавательных процессов имели исследования таких ученых, как Л.С. Выготский, Л.С. Сахаров, А.Н. Соколов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др. Они разработали различные теории и методики формирования познавательных процессов. В современном мире необходимо искать новые методы и средства обучения, чтобы более успешно развивать процессы познания в ходе учебной деятельности. Одним из таких средств является использование компьютерных технологий при обучении в школах и высших учебных заведениях [1].

В современных условиях система «человек – компьютер» превратилась в проблему, которую необходимо решать, так как она касается всех членов общества, а не только специалистов в сфере информационных технологий. Именно поэтому обучение навыкам работы с информационной средой нужно проводить как в школах, так и в вузах. Это обеспечит более быстрые темпы развития общества, так как информационные технологии проникают во все сферы человеческой жизни и навыки работы с компьютером становятся необходимыми.

Так, в частности, у студентов художественно-графических факультетов возникает потребность в методике составления интерьера средствами компьютерной программы. В то же время количество часов для преподавания компьютерной графики является недостаточным, чтобы охватить в нужной степени весь теоретический материал и на его основе выполнить графические работы. В настоящее время существует большое количество курсов повышения квалификации, обучающих простейшим на-

выкам составления интерьера с помощью компьютерных программ. Тем не менее компьютерная поддержка, позволяющая составить интерьер наиболее правильным образом и за короткое время, отсутствует. В связи с этим необходимо внедрение в процесс обучения студентов художественно-графических специальностей предметов, изучающих компьютерную графику [2].

В последнее время уровень преподавания компьютерной графики на художественных специальностях качественно вырос, изменилось само понимание компьютерной грамотности. Если раньше, когда информатика как предмет только начинала входить в образовательный курс, под этим явлением понимались умение обращаться с компьютером и навыки программирования, то сегодня становится очевидным, что информационные технологии все больше входят в повседневную жизнь и должны использоваться не только для программирования. Подавляющее большинство пользователей персональных компьютеров не имеют представления о программировании и не пользуются им. В настоящее время создано доступное пониманию пользователя программное обеспечение, позволяющее человеку, не занимающемуся программированием, в полной мере использовать возможности персонального компьютера для своих нужд, не имея навыков программиста. Поэтому навыки работы средствами информационных компьютерных технологий являются в настоящее время минимальным уровнем компьютерной грамотности современного пользователя [7].

Тем не менее было бы неверно в рамках обучения компьютерным технологиям и освоения вычислительной техники в качестве основной задачи выделять овладение навыками работы с персональным компьютером, текстовыми редакторами, базами данных, электронными таблицами и другими основными функциями. Это было бы неэффективно с точки зрения отдельной дисциплины, и необходимость такого предмета быстро потеряла бы актуальность.

Таким образом, можно выделить две основные цели изучения компьютерной графики на художественно-графических специальностях: общеобразовательная и прагматическая. Общеобразовательная цель подразумевает овладение учащимися навыками работы с прикладными программами, используемыми для создания рисованных

объектов средствами компьютерной графики и обработки уже готовых изображений и объектов. Прагматическая же цель заключается в приобретении практических навыков работы с аппаратными и непосредственно программными средствами персонального компьютера в ходе самостоятельной работы и практических занятий. Вышеперечисленные задачи должны решаться в комплексе и параллельно, что должно быть обеспечено содержательным и методическим построением курса компьютерной графики.

В настоящее время наблюдается ускоренное развитие компьютерной графики как предмета, и среди основных ее целей можно выделить повышение эффективности использования компьютера человеком как инструмента, способного упростить и систематизировать многие аспекты работы среды.

Компьютерная грамотность заключается сегодня не только во владении навыками программирования, но и по большей части в умении применять уже готовые программные средства в ходе рабочей деятельности. Это стало возможным в связи с широким распространением программного обеспечения, рассчитанного на непрофессиональных пользователей, владеющих минимальными навыками работы с персональным компьютером. Однако разработка и внедрение подобных информационных средств являются трудоемким и дорогостоящим процессом в связи с привлечением на всех этапах разработки высококвалифицированных специалистов: программистов, дизайнеров, менеджеров и психологов. Тем не менее эта операция полностью себя окупает, что обусловлено доступностью готового компонента информационной среды практически каждому пользователю персонального компьютера, не имеющему специальной подготовки в области компьютерных технологий. Компьютер является не только устройством, заключающим в себе определенные аппаратные средства, но и устройством, предполагающим программное обеспечение как основной компонент компьютерной среды. Решение этой задачи сопряжено с преодолением определенных трудностей, связанных прежде всего с тем, что разработку, конструирование и производство компьютера осуществляет инженер, а проблема нахождения разумного дидактического обоснования принципов работы вычислительной техники в целом и отдельных ее компонентов и программ в

частности лежит на педагоге. Помимо этого необходимо определить, с какими именно программами и средствами нужно познакомить учащихся художественно-графических специальностей, и установить логику проведения непосредственно живого общения преподавателя и студента [3].

Претерпевает изменения прежде всего учебная деятельность субъектов образовательного процесса – преподавателя и студента. В связи с тем, что средства и методы учебной работы изменяются, меняется содержание учебной работы, преподавателю и учащемуся приходится работать в новых формах учебной деятельности. Именно в этом аспекте заключается основная трудность введения компьютеризации в образовательный процесс, а не в получении компьютерной грамотности студентами и преподавателями или наличии обучающей техники в классах [4].

При выполнении компьютером обучающих функций он может использоваться в трех основных формах:

- компьютер как тренажер;
- компьютер как репетитор, выполняющий некоторые функции вместо преподавателя, причем в некоторых случаях компьютер может выполнять эти функции лучше, чем человек;
- компьютер как устройство, воссоздающее заданные предметные ситуации (имитационное моделирование).

Тренировочные системы чаще всего используются для получения и закрепления определенных умений и навыков. В этих целях применяется программное обеспечение контрольно-тренировочного типа: пошагово студент получает небольшими частями определенную информацию, которая помогает дать правильный ответ при следующем этапе выполнения задания. Подобные программы относятся к типу, который наиболее близок к традиционному обучению с помощью программного обеспечения. Задача учащегося в этом случае заключается в том, чтобы отвечать на определенные вопросы и команды, полученные в ходе этого этапа, повторять и учить отобранный для целей этого метода обучения материал. При использовании компьютера в процессе обучения таким методом у большинства студентов наблюдается интеллектуальная пассивность. Подобные программы могут давать студентам теоретические знания, касающиеся составления интерьера, на-

глядно продемонстрировать существующие перспективные проекции и представить правила их построения. Кроме того, такое программное обеспечение можно использовать в целях ознакомления студентов с материалами, необходимыми для изучения правильного составления интерьера, такими как составление наиболее правильного плана помещения, его обстановки, выявление зон, требующих специального освещения. На лекциях можно потратить большое количество времени на разъяснение этого материала, но компьютерные технологии позволяют существенно сэкономить его.

Основным отличием репетиторских систем является то, что в случае, когда цели, задачи и содержание процесса обучения четко определены, могут использоваться такие управляющие воздействия, которые идут как от самой компьютерной программы, так и от учащегося. В контексте обучающих систем подобный обмен информацией называется диалогом. Это означает, что репетиторские системы моделируют особого рода диалог между учащимся и компьютером в контексте реального времени. Таким образом, обратная связь при таком методе обучения осуществляется не столько в конце этапа при контроле работы, но и непосредственно во время процесса получения знаний, что дает обучающемуся наиболее объективную информацию о ходе данного процесса. Таким образом, репетиторские системы являются интерпретацией системы программированного обучения (разветвленные программы), в то же время усиленной средствами диалога с компьютером [3].

Тем не менее есть существенное различие в таком диалоге и диалоге как средстве общения человека с человеком. Диалог подразумевает развитие темы обсуждения, наличие определенных позиций у членов диалога, высказывание точек зрения в ходе взаимодействия двух и более человек. Направление подобного обмена мыслями и идеями задается в ходе самого диалога.

Диалог с компьютером принципиально не может проходить в таком ключе. В программе заранее заданы те пути, по которым идет процесс, осуществляемый пользователем компьютера. Если обучаемый попадает не на ту ветвь, компьютер отображает информацию о том, что он попал не туда, куда установлено попасть логикой программы, и что необходимо повторить попытку или начать этап с другого места. Именно поэтому про-

цесс обучения обладает индивидуализацией, но лишь в той степени, в которой предусмотрено разветвленной программой. Логичнее было бы предположить, что индивидуальные программы возникают вследствие уникальности каждого человека, но в настоящее время это выходит за пределы возможностей компьютера.

В ходе работы с программой студент имеет возможность самостоятельно составить интерьер какой-либо комнаты, заданной программой, при этом в том случае, если он допустил ошибку (к примеру, использовал часть мебели в стиле хайтек в комнате, решенной в стиле барокко), он отправляется программой на шаг назад, во время которого давался материал, знание которого исключает допущенную ошибку. В другом случае после завершения определенного этапа работы с программой учащемуся дается оценка его работы, предоставляется список допущенных ошибок и ссылка на теоретический материал, который необходимо повторить. Естественно, это правильный ход со стороны программиста – предусмотреть систему ответов компьютера, которые выдаются в определенные моменты времени в процессе работы с программой и имитируют общение. Но так как реальное общение отсутствует, то нет и диалога, а есть лишь иллюзия этого. Диалога с компьютером или с программой как с массивом формализованной информации не может быть в принципе. С дидактической точки зрения режим диалога может быть сведен только к варьированию определенной информации либо объема этой самой информации, выдаваемой программой в процессе работы. Этим исчерпываются возможности взаимодействия с информацией, зафиксированной в памяти компьютера.

Это может означать лишь то, что компьютер как средство реализации определенных целей человека не способен подменить процесс творчества и не может отобрать его у учащегося. Так же это происходит и в случае, когда компьютер используется для целей учебного имитационного моделирования в данном варианте интерьера и задает режим так называемой «интеллектуальной игры», хотя именно в этом случае использование компьютера представляется наиболее перспективным решением. С помощью его может быть создана именно такая обучающая среда, которая будет способствовать активному мышлению студентов.

Использование компьютерных моделей определенных предметных ситуаций может способствовать раскрытию ранее неизвестных их свойств, а также расширить область поиска вариантов решения поставленных задач и их уровень. В таких случаях обнаруживается увеличение числа поставленных пользователем целей и наблюдается оригинальность формулировки этих целей. В ходе работы изменяются механизмы регулирования и контроля деятельности пользователя, изменяется и ее мотивация. Характер этих изменений определяется тем, насколько хорошо у программиста получается заложить возможности индивидуализации работы пользователя в обучающую программу, а также принять во внимание закономерности учебного процесса.

Именно индивидуализацию принято считать одним из основных преимуществ обучения с использованием компьютерных технологий. Это верная позиция, несмотря на то, что индивидуализация всегда ограничена возможностями каждой отдельно взятой обучающей программы, кроме того, на разработку подобного программного обеспечения требуется затратить большое количество времени и сил программиста. Тем не менее, несмотря на все преимущества индивидуализации, которые ассоциируют с активным внедрением в образовательный процесс персональных компьютеров, она имеет обратную сторону. Индивидуализация сокращает время общения в диалоге, которого и так недостаточно, заменяя его диалогом с компьютером.

Действительно, ребенок, довольно активный в разговоре, после поступления в школу большую часть времени проводит, слушая учителя, то есть занимает ответную позицию и может говорить на уроках только с разрешения учителя, когда его вызовут к доске. Известно, что за все время обучения за год у учащегося есть всего несколько десятков минут, остальное время он лишь воспринимает информацию от учителя. Такое средство формирования мысли, как речь, оказывается почти незадействованным, то же происходит и с теми, кто поступил в высшие учебные заведения. Таким образом, у учащихся нет необходимой практики общения в диалогах на языке изучаемых дисциплин, а в ходе психологических исследований выявлено, что без этого самостоятельное мышление у студентов не развивается. Следовательно, обучение компьютерной графике в учебных

заведениях будет более эффективным в том случае, если тот набор воспитательных и дидактических средств, который применяется на уроке, будет соответствовать целям и задачам деятельности, реальным возможностям познания класса, отдельных его учеников, а также групп учащихся.

В том случае, если будет применена повсеместная индивидуализация обучения с использованием персональных компьютеров и не будет учитываться значение развития коллективных учебных занятий с широкими возможностями общения в диалогах, может быть упущена возможность эффективного формирования мышления студентов. Также в таком случае возможно проявление у учащихся ухудшения социальных контактов. С подобной проблемой часто сталкиваются в странах, широко использующих компьютеры во всех сферах общественной жизни.

Невозможно также повсеместно внедрять персональные компьютеры в странах, в которых сложились совершенно иные представления о психическом развитии человеческой личности, чем те, которые применяются в практике современной педагогической науки. В этом случае встает довольно многоплановая проблема, связанная с выбором подходящей стратегии внедрения компьютерных технологий в процесс обучения, которая могла бы сделать возможным использование всех их преимуществ и избежать недостатков, которые могут весьма отрицательно сказаться на качестве образовательного процесса, не только обеспечивающего учащегося необходимыми знаниями и практическими навыками, но также способствующего формированию его нравственного облика.

Обучение представляется как наиболее индивидуализированный процесс взаимодействия учащегося со знакомой информацией, отображенной на экране компьютера. И естественно, что при помощи подобных теоретических схем невозможно дать описание такой педагогической реальности, как, например, проблемная лекция или урок, семинар-дискуссия или научно-исследовательская работа.

Проблемы компьютерного обучения не могут быть сведены к массовому производству компьютеров и повсеместному их внедрению в существующий учебный процесс. Изменение существующих средств обучения, так же как и изменения в

любом другом аспекте дидактической системы, приводят к изменению и перестройке всей этой системы. Применение компьютерных технологий в учебном процессе достаточно сильно расширяет возможности человека, но в то же время является лишь инструментом решения поставленных задач, и его использование не должно становиться самоцелью, модой или формальным мероприятием.

Возможность компьютеризации процесса обучения возникает в том случае, когда функции, выполняемые человеком, могут быть формализуемы и наиболее точно воспроизведены при помощи технических средств. Именно поэтому, перед тем как начинать проектирование учебного процесса, преподавателю необходимо определить соотношение автоматизированной и неавтоматизированной частей этого процесса. Из некоторых литературных источников известно, что автоматизированный учебный режим может достигать около 30% по объему учебного материала. Следовательно, в конечном итоге судьба компьютеризации будет зависеть от перестройки учебно-воспитательного процесса как в педагогическом, так и в психологическом плане.

Для того чтобы сделать учебный процесс наиболее эффективным, необходимо выработать единую методику преподавания компьютерной графики на художественно-графических факультетах, предусматривающую необходимую последовательность изучения компьютерных программ, учитывая возрастающую сложность и практическое применение полученных знаний в ходе выполнения работ по перспективе. В этом случае необходимо использовать компьютерные системы, о которых говорилось ранее, как-то: тренировочные системы, которые должны ознакомить учащегося с правильным составлением интерьера, освобождая тем самым преподавателя от объяснений; репетиторские системы, благодаря которым студент может пробовать в виртуальной среде различные варианты, применяя полученные теоретические знания, одновременно избегая ряда ошибок, так как у него есть возможность самостоятельно составлять интерьер, но уже из заранее подобранной группы предметов, подходящих по цвету, фактуре и материалам; имитационные моделирующие системы, позволяющие хорошо усвоить теоретический материал лекций по перспективе и компьютерной графике и, используя его,

сделать свое задание с использованием компьютерной графики. Кроме того, большое количество времени занимают просмотр и исправление эскизов, в которых часто могут встречаться предметы мебели, несопоставимые с используемым стилем, или негармонично подобранные цвета. Тренировочные программы могут помочь преподавателю объяснить учебный материал, а репетиторские программы – понять его учащемуся.

Это помогает сократить учебное время, используемое на объяснение материала, и дает возможность дать в несколько раз больше материала за то же количество учебных часов, отведенных кафедре в рамках сразу двух предметов.

Исходя из этого, необходимо обосновать применение компьютерных технологий при составлении интерьера. Обучающее и демонстрационное программное обеспечение в последнее время яв-

ляется неотъемлемой частью учебного процесса. Именно поэтому в процессе обучения стал популярен принцип наглядности, большая часть программного обеспечения – более доступной.

Тот вывод, к которому приходят исследователи в странах, где есть определенный опыт широкого использования компьютерных технологий, то есть прежде всего в развитых странах Запада, заключается в том, что достижения в этой области не дают оснований полагать, что применение персональных компьютеров кардинально изменит существующую систему образования к лучшему. Невозможно просто ввести компьютер в учебный процесс и полагать, что он сделает революцию в образовании. Необходимо менять саму концепцию учебного процесса, в котором компьютер мог играть существенную роль как современное и мощное средство.

Библиографический список

1. Габай Т.В. Педагогическая психология / Учебное пособие. М., 1995.
2. Изобразительное искусство: Художник. Педагог. Школа. Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1994. – КОС. – 379 с.
3. Клейман Т.М. Школы будущего: Компьютеры в процессе обучения. – М.: Радио и связь, 1997. – 198 с.
4. Кузин В.С. Психология. – М., 1982. – 156 с.
5. Курбатов Ю.И. Принципы проектирования современного интерьера. — Л.: ЛИСИ, 1983. – 168 с.
6. Машбиц Е.И. Психологические основы управления учебной деятельностью. – Киев, 1987. – 234 с.
7. Бубнов А.Е. Компьютерный дизайн. Основы. – Мн: Знание, 2008. – 346 с.
8. Кричалов А.А. Компьютерный дизайн. Учебное пособие. – Мн.: СТУ ГМУ, 2008. – 186 с.

S.A. GUDKOV

APPLICATION OF COMPUTER TECHNOLOGIES IN SYSTEM OF VOCATIONAL TRAINING OF ARTISTS-DESIGNERS

In article methods of introduction of computer technologies in process of training of students of art specialities to computer graphics are considered. The basic forms of use of the personal computer as the training tool are in detail described. The purposes of introduction of computer training are resulted, its advantages and lacks understand.

Key words: *the computer technologies, training programs, educational process, program dialogue, computer modeling.*

О.В. ДОБРОРОДНОВА, старший преподаватель кафедры
здоровья ребёнка Орловского государственного университета
Тел. 89202858113; Oxana2201@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье анализируются вопросы подхода к профессиональной подготовке специалистов к организации здоровьесберегающей деятельности в дошкольных образовательных учреждениях в условиях модернизации образования. Рассматривается модель подготовки специалиста к здоровьесбережению в рамках специалитета и двухуровневой системы высшего образования: бакалавриата и магистратуры.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, профессиональная готовность, здоровьесберегающая деятельность, модель, мотивационный компонент, содержательный компонент, деятельностный компонент.

Повышение качества профессиональной подготовки будущих педагогов дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) выступает одной из приоритетных задач модернизации системы современного образования. Необходимость ее решения определяется прежде всего тем, что успехи в интеллектуальном и личностном развитии ребенка находятся в прямой зависимости от грамотного, целенаправленного руководства этим процессом со стороны взрослого. Взрослый, и в первую очередь воспитатель детского сада, должен быть готов к осуществлению такого рода руководства.

Современная система дошкольного образования диктует определенные требования к молодому специалисту – выпускнику вуза, который должен уметь работать в новых экономических условиях, понимать, что только высокий профессионализм, инициатива и творчество помогут ему найти своё место и самореализоваться в избранной профессии.

В настоящее время осуществляется реформирование педагогического образования, а также переосмысление общего подхода к проблемам формирования здоровой нации. Ни для кого не секрет, что здоровье подрастающего поколения значительно ухудшается из года в год. Исследования, проведённые кафедрой здоровья ребенка Орловского государственного университета в дошкольных учреждениях г. Орла, указывают на негативную тенденцию в состоянии здоровья детей и сходство по многим показателям с данными по Российской Федерации в целом.

В условиях роста заболеваемости дошкольников и, как следствие, усложнения здоровьесберегающих функций дошкольных образовательных учреждений и здоровьесберегающей деятельности воспитателей все очевиднее становится потребность в разработке и совершенствовании подходов к подготовке специалистов, способных нести ответственность за нравственное, психологическое и физическое здоровье детей. Решение этой задачи во многом определяется соответствующим уровнем профессиональной готовности к применению здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях.

Анализ исследований по проблеме *профессиональной подготовки* (Г.К. Воеводская, Ф.Н. Гоноболин, К.Д. Дурай-Новакова, Х.Й. Лийметс, В.Н. Макарова, Л.В. Поздняк, Л.Г. Семушина, Л.Ф. Спирин и др.) позволил *определить её как обучение, направленное на формирование и обогащение установок, знаний и умений будущего специалиста, необходимых для адекватного выполнения им специфических профессиональных задач; профессиональную готовность* – как цель подготовки специалиста, результат обучения в профессиональной школе, обобщенный в системе показателей подготовки (профессиограмме).

Здоровьесберегающая деятельность предполагает прогнозирование, планирование, реализацию и контроль результатов деятельности персонала дошкольного учреждения (администрации, педагогов, психолога, медицинского персонала) по сохранению и укреплению здоровья детей и педагогов в образовательном процессе.

Здоровьесберегающая деятельность образовательного учреждения – это система мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья детей, включающая создание здоровьесберегающей инфраструктуры образовательного учреждения; рациональную организацию воспитательно-образовательного процесса; просветительно-воспитательную работу с детьми, направленную на формирование ценности здоровья и здорового образа жизни; организацию системы просветительской и методической работы с педагогами, специалистами и родителями; медицинскую профилактику и динамическое наблюдение за состоянием здоровья детей.

Понятие *здоровьесберегающая деятельность* рассматриваем и как двухуровневый процесс. Первый уровень – это деятельность, направленная на охрану и укрепление здоровья детей (собственно *здоровьесбережение*). Он отвечает фундаментальному принципу медицины и педагогики «Не навреди!» и связан с нейтрализацией или минимизацией воздействия патогенных факторов образовательной среды на здоровье человека. Патогенные (или условно-патогенные) факторы, связанные с образовательным процессом, можно разделить на группы в соответствии с тремя видами источников угроз для здоровья детей и педагогов:

1. Гигиенические факторы (несоблюдение санитарно-эпидемиологических правил и нормативов).

2. Организационно-педагогические факторы (сенсорно обеднённая среда; ошибки в организации режима, сетки занятий, развивающей среды, факторы телесной атонии и т.п.).

3. Психолого-педагогические факторы (неблагоприятный психологический климат, нерациональная организация оздоровительно-воспитательной работы в группе и т.п.) [4].

Таким образом, если ограничить работу ДОУ только первым уровнем работы – защитой ребёнка от вредных воздействий, то лишь небольшая часть образовательного потенциала дошкольного учреждения окажется задействованной в решении задач оздоровления участников педагогического процесса. Нереализованной остаётся задача образования детей в области здоровья.

Второй уровень – *здоровьесозидательная или здравотворческая деятельность*. У дошкольного учреждения достаточно ресурсов для помощи своим воспитанникам в укреплении здоровья. Это образовательные, коррекционно-развивающие, психокоррекционные, физкультурно-развивающие программы, экологические программы и соответствующие технологии, обеспечивающие формирование у детей основ культуры здоровья, привычек здорового образа жизни. Справедливо мнение Н.И. Бочаровой о том, что переход на второй уровень организации здоровьесберегающей деятельности является не только желательным, но и необходимым условием функционирования образовательного учреждения. Основные его задачи: формирование у детей физического, психического, духовно-нравственного здоровья, воспитание у них культуры здоровья, привычек здорового образа жизни.

В работах по проблеме подготовки педагогов к осуществлению здоровьесберегающей деятельности в образовательных учреждениях (О.А. Клетова, С.Е. Ратенко, Т.В. Сущенко, Н.В. Суворова, Л.И. Уткина и др.) рассматриваются вопросы, касающиеся организации здоровьесберегающего обучения; формирования систем и моделей здоровьесберегающей деятельности в образовательных учреждениях; формирования готовности педагогов к её осуществлению.

В настоящее время появились исследования, освещающие различные аспекты подготовки будущих педагогов к реализации здоровьесберегающих технологий в системе общего образования (Л.И. Алешина, Н.А. Баженова, Н.А. Бирюкова, И.Г. Бердников, С.В. Васильев, Т.В. Волосникова,

Т.А. Глухих, Е.Н. Ермакова, Е.В. Занкина, Д.Т. Ким, С.Ю. Лебедченко, Н.П. Панова, Г.А. Сулкарнаева, Н.А. Тригуб, С.Ю. Толстова, Л.И. Уткина, В.В. Федоров и др.), среднего профессионального образования (О. М. Панюкова, В.В. Зайцев, Е.Г. Диканова, Л.Н. Волошина и др.) и высшего профессионального образования (В.В. Лобанов, Ю.В. Лукашин, О.М. Панюкова и др.). Различные аспекты профессиональной подготовки воспитателей детского сада изучались А.В. Антоновой, З.А. Богатеевой, О.М. Газиной, О.В. Драгуновой, И.Ю. Ерофеевой, Т.С. Комаровой, М.В. Крулехт, В.И. Логиновой, В.Н. Макаровой, Л.М. Маневцовой, Е.А. Панько, Л.В. Поздняк, Л.Г. Семушиной, М.В. Финько, Л.В. Поздняк, В.И. Ядэшко и др. Однако проблеме подготовки студентов высшей школы к здоровьесберегающей деятельности в системе дошкольного образования не уделяется должного внимания.

Анализ исследований, посвященных проблеме профессиональной подготовки специалистов к здоровьесберегающей деятельности в образовательных учреждениях, показал недостаточную ее проработанность. Одной из актуальных является задача выявления содержания и условий оптимальной организации процесса подготовки студентов педагогического вуза к здоровьесберегающей деятельности в дошкольных образовательных учреждениях.

В настоящее время подготовка специалистов к здоровьесбережению осложняется рядом противоречий: между осознанием педагогами ценности здоровья и необходимости его сохранения у участников образовательного процесса и уровнем их профессиональной компетентности в данных вопросах, а также между необходимостью профессиональной подготовки будущего педагога к организации здоровьесберегающей деятельности в дошкольном учреждении и недостаточной проработанностью её содержания и технологий в условиях двухуровневого образования в вузе.

Разрешение данных противоречий обуславливает необходимость специальной подготовки будущих педагогов к организации здоровьесберегающей деятельности в дошкольных образовательных учреждениях.

Интеграция Российской Федерации в мировое и европейское экономическое и правовое пространство и вступление России в Болонский процесс породили изменение образовательной парадигмы.

В соответствии с одобренной Стратегией модернизации содержания высшего образования в России возникает необходимость принятия ряда последовательных мер, направленных на переход от традиционной к компетентностной модели, ориентированной на личность студента. Основным конечным итогом новой образовательной стратегии должна стать не только система знаний, умений и навыков, но и набор заявленных государством профессиональных компетенций.

Особенно важной задачей становится создание вузом системы подготовки выпускника (специалиста, бакалавра, магистра) к здоровьесберегающей и здоровьесформирующей профессиональной деятельности в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). Её решению может способствовать создание *модели подготовки специалиста к здоровьесбережению детей, посещающих дошкольные образовательные учреждения, в рамках специалитета и двухуровневой системы высшего образования: бакалавриата и магистратуры.*

Современная наука рассматривает *модель* как изображение в удобной форме многообразной информации об изучаемом предмете. При составлении теоретической модели мы исходили из определения, что она представляет собой совокупность логически взаимосвязанных абстрактных понятий, описывающих предметную область изучения. В нашем случае это *профессиональная готовность будущих педагогов к осуществлению здоровьесберегающей деятельности в образовательных учреждениях.*

Сложившаяся система взглядов ученых и практиков позволяет рассматривать *подготовку будущего педагога к здоровьесберегающей деятельности* как целенаправленный, систематический, сознательный и специально организованный образовательный процесс, а *готовность* – как качественный показатель, результат этого процесса. Это положение определило наш подход к проблеме подготовки студентов педагогических вузов к деятельности по здоровьесбережению участников образовательного процесса.

Исходя из теоретических основ формирования профессиональной культуры личности, *готовность педагога к здоровьесберегающей деятельности* определяем как интеграцию и взаимодействие мотивационного, содержательного, дея-

тельностного компонентов педагогической подготовки специалиста. В качестве элементов модели выступают теоретические конструкты – компоненты готовности, которые находятся в строго определенных связях и отношениях друг с другом (рис. 1, 2). Модель профессиональной подготовки студентов к деятельности по здоровьесбережению детей в дошкольных образовательных учреждениях позволяет обеспечить поэтапное овладение студентами всеми основными компонентами готовности. Создание модели способствует упорядочению цели, содержания и технологии подготовки будущего дошкольного педагога к здоровьесберегающей деятельности.

Остановимся подробнее на характеристике структурных компонентов *модели формирования профессиональной готовности будущих педагогов к осуществлению здоровьесберегающей деятельности в дошкольных образовательных учреждениях* для специалитета и двухуровневого высшего образования (бакалавр – магистр). *Мотивационный компонент* готовности выражается в: ценностном отношении к собственному здоровью, направленности личности на здоровьесбережение, в осознанном стремлении к пополнению знаний о здоровом образе жизни (ЗОЖ), в стремлении достичь высоких результатов в воспитательно-оздоровительной работе с детьми. Данный компонент предопределяет стратегию профессионального поведения студента – будущего педагога, которая ориентирована на здоровьесбережение участников образовательного процесса.

Содержательный компонент. Его основу составляют требования ФГОС ВПО. Ключевым моментом в подготовке выпускника-специалиста, бакалавра, магистра к организации здоровьесберегающей деятельности в образовательных учреждениях является идея формирования личностно-ценностного отношения к собственному здоровью и осознание важности этой задачи в воспитании порастающего поколения. Поэтому важной задачей при подготовке будущих педагогов в области дошкольного образования мы считаем усиление содержания федерального компонента ГОС ВПО блоком профильных учебных дисциплин национально-регионального компонента (Р), по выбору (В), факультативов (ФТД).

Профессиональная подготовка педагогов в области дошкольного образования *в рамках специалитета* осуществляется путём постепенного

погружения студентов с первого по пятый курс обучения в проблему охраны и укрепления здоровья участников образовательного процесса.

Для совершенствования профессиональной подготовки студентов в области здоровьесбережения детей дошкольного возраста, овладевающих *специальностями 050707 «Педагогика и методика дошкольного образования»* (квалификация Организатор-методист дошкольного образования) и *050703 «Дошкольная педагогика и психология»* (квалификация Преподаватель дошкольной педагогики и психологии) предлагаем ввести ряд специальных дисциплин. Так, для студентов первого курса – «Основы здорового образа жизни» (всего 80 часов), программы дополнительного профессионального образования «Педагогическое руководство волонтерским отрядом «Я – здоровый человек» (всего 1044 часа), «Организация оздоровительного досуга детей и студенческой молодежи» (всего 1044 часа). Данные программы формируют базовую систему научных знаний и понятий о здоровье и здоровом образе жизни, мотивируют студентов к осуществлению профессиональных педагогических функций в сфере здорового образа жизни.

Введение дисциплин «Здоровьесберегающие технологии в дошкольном образовательном учреждении» (40 часов) (специальность Педагогика и методика дошкольного образования), «Здоровьесберегающие технологии в образовательном процессе учреждения среднего профессионального образования» (40 часов) (специальность Дошкольная педагогика и психология) возможно начиная с третьего курса. Овладение программой курса позволит студенту значительно дополнить, расширить и углубить знания по вопросу о проведении психолого-педагогической, социально-просветительской и воспитательной работы с детьми, учащимися педагогических колледжей, педагогами и родителями, направленной на укрепление здоровья воспитанников и формирование здорового стиля поведения.

Овладение программой специализации «Технологии формирования здорового образа жизни детей дошкольного возраста» (всего 500 часов) начинается на четвертом курсе. Это, на наш взгляд, позволит студенту значительно дополнить, расширить и углубить знания по вопросу о проведении воспитательно-оздоровительной работы с детьми дошкольного возраста. В связи с этим программа

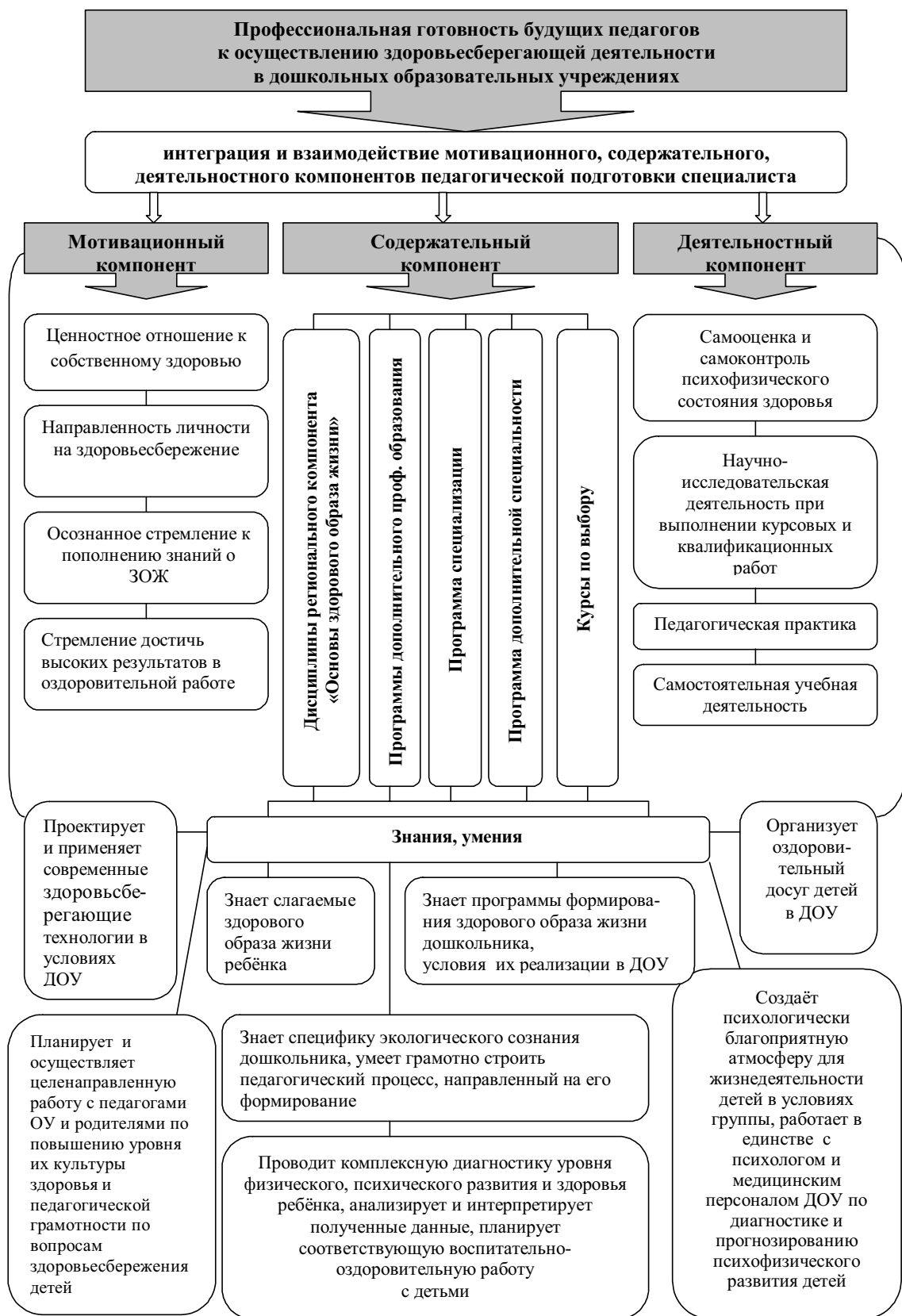

Рис. 1. Модель профессиональной готовности будущих педагогов (специалистов) к осуществлению здоровьесберегающей деятельности в дошкольных образовательных учреждениях

составлена с учётом анализа перечня и содержания стандартов по специальности, а также содержания программ общепрофессиональных дисциплин (возрастной анатомии и физиологии, безопасности жизнедеятельности, основ педиатрии и гигиены детей раннего и дошкольного возраста, дошкольной педагогики, детской психологии), дисциплин предметной подготовки (теории и методики физического воспитания и развития ребёнка, теории и методики экологического образования детей), программ дисциплин регионального компонента (основы здорового образа жизни, экологии, авторских спецкурсов и спецсеминаров). Таким образом, программа данной специализации выполняет интегрирующую и обобщающую роли. Не дублируя содержания перечисленных дисциплин, программа конкретизирует отдельные направления работы по формированию у детей здорового образа жизни через внедрение образовательной программы укрепления их здоровья.

Введение дополнительной специальности «Физическая культура» (всего 1500 часов) для организаторов-методистов дошкольного образования обусловлено, во-первых, высоким процентом заболеваемости детей дошкольного возраста и их низкой физической подготовленностью, а во-вторых, высокой потребностью ДООУ в подготовке педагогов по физической культуре для детских садов, готовых к разработке и внедрению современных физкультурно-оздоровительных технологий в работу с детьми дошкольного возраста. Программа реализуется с третьего по пятый курс включительно, что позволяет в полной мере овладеть предложенной специальностью.

Содержание образования в области здоровьесбережения детей при реализации программ специалитета определяется знаниями, умениями и навыками. В результате овладения содержательным компонентом специалист в области здоровьесбережения детей дошкольного возраста *овладевает знаниями:*

- слагаемых здорового образа жизни ребёнка, условий реализации оздоровительно-воспитательных программ в дошкольных учреждениях;
 - программ и технологий формирования здорового образа жизни дошкольника;
- умениями:*
- проектировать и применять современные здоровьесберегающие технологии в усло-

виях дошкольного образовательного учреждения;

- создавать психологически благоприятную атмосферу для жизнедеятельности детей в условиях группы, работать в единстве с психологом и медицинским персоналом дошкольного учреждения по диагностике и прогнозированию психофизического развития детей;
- планировать и осуществлять целенаправленную работу с педагогами образовательного учреждения и родителями по повышению уровня их культуры здоровья и педагогической грамотности по вопросам здоровьесбережения детей;
- строить педагогический процесс, направленный на формирование основ экологического сознания дошкольника;
- проводить комплексную диагностику уровня физического, психического развития и здоровья ребёнка, анализ и интерпретацию полученных данных, планировать соответствующую воспитательно-оздоровительную работу с детьми;
- организовывать оздоровительный досуг детей в дошкольном образовательном учреждении и семье.

В рамках подготовки *бакалавров и магистров* педагогики поэтапное овладение студентами всеми основными компонентами готовности осуществляется с первого по шестой курс обучения.

Важными *задачами двухуровневой подготовки выпускников вуза* являются:

- стимулирование потребности к самостоятельному получению профессионально значимой информации в области современных отечественных и зарубежных концепций оздоровления детей;
- развитие аналитического мышления, умения выделять педагогическое явление, описывать, анализировать, оценивать и прогнозировать результаты оздоровления детей в условиях общественного и семейного воспитания с позиции здоровьесбережения.

Набор учебных дисциплин ФГОС ВПО 2005 года подготовки бакалавра педагогики не позволяет в полной мере обеспечить комплексную подготовку специалиста к здоровьесберегающей деятельности в образовательном учреждении. Для реализации вышеназванной задачи и повышения эффективности подготовки специалистов в содер-

жание учебного плана подготовки на *первой ступени бакалавров педагогики 540600, профиль «Физическая культура» (540611)* помимо дисциплин федерального компонента ГОС включен перечень дисциплин регионального компонента, по выбору, и факультативы. Их местоположение в структуре учебного плана обусловлено необходимостью поэтапного (с первого по четвёртый курс) формирования мотивационного, содержательного, деятельностного компонентов готовности бакалавра к реализации здоровьесберегающей функции в образовательном процессе ДОУ.

Это такие дисциплины, как: «Здоровьесберегающие технологии в дошкольном образовании» (80 часов); «Основы охраны детства» (103 часа), «Организация безопасной развивающей среды в дошкольном учреждении» (144 часа), «Педагогические основы организации экологического пространства ДОУ» (144 часа), «Физическая подготовка детей к школе» (144 часа), «Психолого-педагогические основы организации досуговой деятельности детей» (144 часа), «Физическая культура за рубежом» (144 часа), «Инновационные технологии в физкультурно-оздоровительной работе» (103 часа); факультативы (ФТД) «Физкультурно-спортивное оборудование в педагогическом процессе детского сада» (36 часов), «Психофизиологические основы здорового образа жизни ребёнка» (78 часов), «Формирование опыта безопасной жизнедеятельности ребёнка» (80 часов), «Формирование экологической культуры ребёнка» (78 часов), «Организация досуга детей в семье» (80 часов).

Содержание образования в области здоровьесбережения детей при реализации программ двухуровневого образования (бакалавриат – магистр) определяется компетенциями, которые рассматриваются как содержательные элементы образования, некий стандарт, содержащий требования к готовности выпускника. В основу определения компетенций положен ФГОС ВПО (приказ Минобрнауки России от 22 декабря 2009 г. № 788).

Первая ступень четырехгодичной подготовки бакалавров педагогики 540600, профиль «Физическая культура» (540611) помимо компетенций, определяемых федеральным стандартом, в нашей модели предполагает поэтапное формирование *профессиональной компетентности в области:*

- теории и практики психофизиологических основ здорового образа жизни ребенка;
- организации здоровьесберегающей деятель-

ности субъектов образовательного процесса в дошкольном учреждении (ДОУ);

- организации безопасной развивающей среды в дошкольном учреждении;
- моделирования экологического пространства дошкольного образовательного учреждения;
- современных подходов к физической подготовке детей к школе;
- организации досуговой деятельности в ДОУ и семье;
- инновационных технологий в физкультурно-оздоровительной работе;
- технологий формирования опыта безопасной жизнедеятельности ребёнка;
- технологий формирования экологической культуры ребёнка.

Вторая двухгодичная ступень подготовки магистров связана с расширением педагогической деятельности обучающихся и приобретением ими квалификации «магистр педагогики».

Учебные дисциплины, обеспечивающие подготовку магистра к организации инновационной здоровьесберегающей деятельности в дошкольном учреждении, составляют логическое продолжение программ подготовки бакалавра в данном направлении, отражают федеральные установки и региональные особенности содержания подготовки выпускника.

В подготовку *магистров педагогики (540600) Педагогика (540601М Дошкольное образование)* в цикл «Специальные дисциплины» – СД (М) введены курсы «Психофизиологические основы развития творческих способностей дошкольников» – СД (М) Ф2 (90 часов), «Проблемы развития двигательного творчества дошкольников» – СД (М) Ф5 (70 часов), «Проблемы функционирования и развития здоровьесберегающего образовательного пространства ДОУ» – СД (М) Ф7 (48 часов), «Проблемы оптимизации двигательной активности детей в режиме дня ДОУ» – СД (М) В3 (100 часов). Специфической особенностью содержания перечисленных учебных дисциплин национально-регионального компонента, реализуемого в данной программе подготовки магистра, является изучение широкого спектра вопросов дошкольного образования в контексте проблемы психофизического и духовно-нравственного оздоровления детей средствами творческой деятельности.

Реализация магистерской программы в вопросах здоровьесбережения детей в образовательном

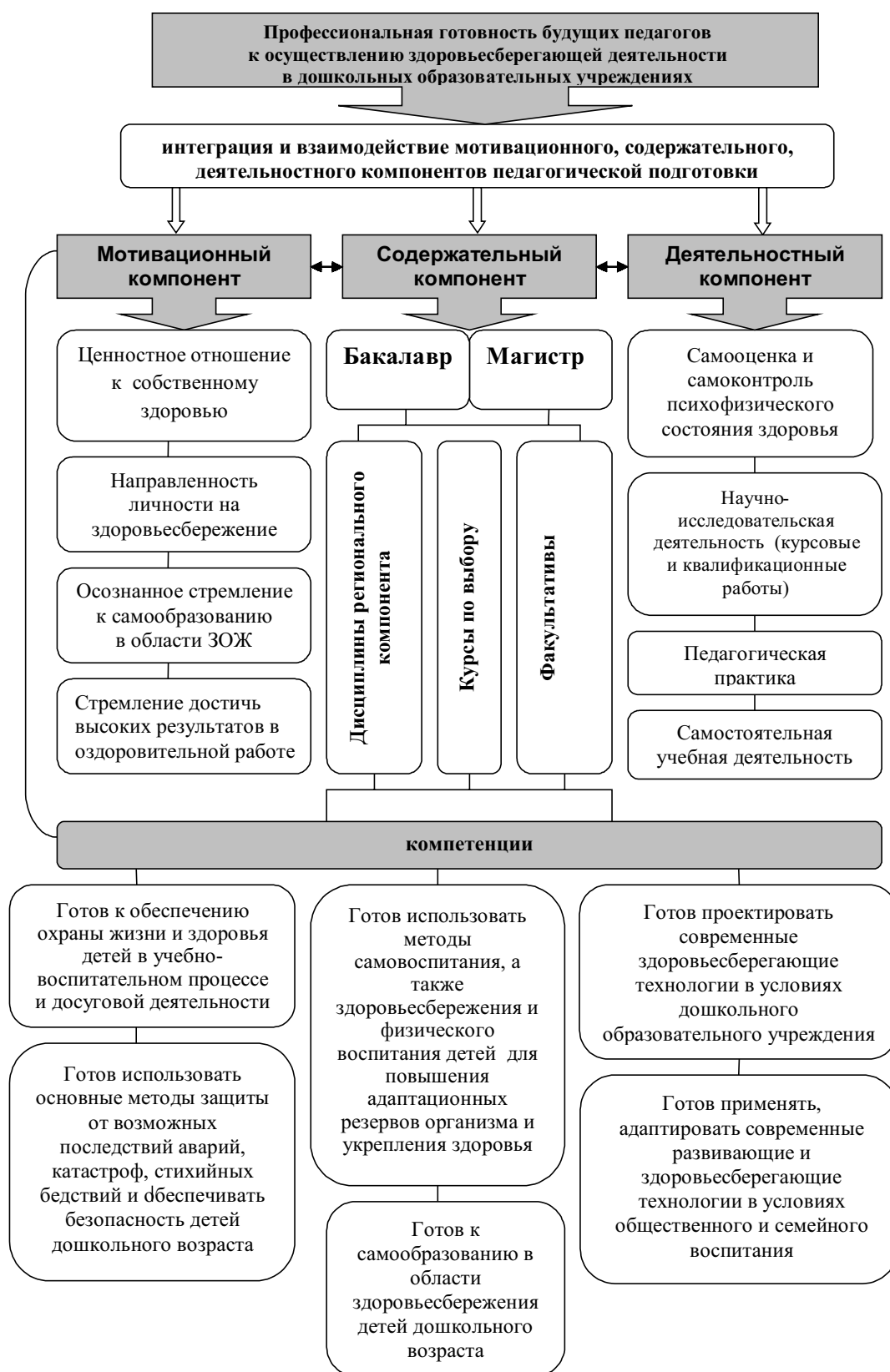

Рис. 2. Модель профессиональной готовности будущих педагогов (бакалавров, магистров педагогики) к осуществлению здоровьесберегающей деятельности в дошкольных образовательных учреждениях

процессе предполагает формирование профессиональной компетентности будущего магистра педагогики в области:

- теории и практики психофизиологического развития ребенка;
- организации здоровьесберегающей деятельности субъектов образовательного процесса в дошкольном учреждении, создания целостного представления о здоровьесберегающем воспитательном пространстве ДОУ, факторах его развития;
- современных теорий развития творчества детей дошкольного возраста в двигательной активности;
- современных теорий развития двигательной активности детей дошкольного возраста.

И компетенций в области здоровьесбережения:

- готовности к обеспечению охраны жизни и здоровья детей в учебно-воспитательном процессе и досуговой деятельности;
- готовности использовать методы самовоспитания, а также здоровьесбережения и физического воспитания детей для повышения адаптационных резервов организма и укрепления здоровья;
- готовности использовать основные методы защиты от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий и обеспечивать безопасность детей дошкольного возраста;
- готовности проектировать современные здоровьесберегающие технологии в условиях дошкольного образовательного учреждения;
- готовности применять, адаптировать современные развивающие и здоровьесберегающие технологии в условиях общественного и семейного воспитания;
- готовности к самообразованию в области

здоровьесбережения детей дошкольного возраста.

Деятельностный компонент готовности характеризуется сформированной системой профессиональных умений и навыков, используемых будущим специалистом при проектировании и применении собственной программы здоровьесбережения, а впоследствии – в дошкольных образовательных учреждениях.

Деятельностный компонент реализуется через самооценку и самоконтроль психофизического состояния здоровья будущих педагогов; организацию научно-исследовательской деятельности (курсовые и квалификационные работы); в рамках педагогической практики и самостоятельной учебной деятельности.

Разработанная модель имеет содержательное наполнение учебными планами подготовки специалистов, бакалавров, магистров, программами учебных дисциплин, включенных в региональный вузовский компонент ФГОС ВПО.

Таким образом, представленные теоретические положения модели профессиональной готовности специалистов, бакалавров, магистров педагогики к осуществлению здоровьесберегающей деятельности в дошкольных образовательных учреждениях расширяют научные представления о путях совершенствования подготовки будущих педагогов в системе высшего профессионального образования.

Материалы исследования не исчерпывают всех аспектов обозначенной проблемы и пока не затрагивают переход высшего профессионального образования на ФГОС ВПО третьего поколения, однако предлагаемая программа подготовки выпускников будет дополнена, но при этом уже сейчас может быть адаптирована к требованиям стандарта любого поколения и найти применение в работе учреждений высшего профессионального образования.

Библиографический список

1. Волошина Л.Н. Развитие здоровьесберегающего образовательного пространства дошкольных учреждений (методология, теория, практика) [Текст]: Автореферат дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / Л.Н. Волошина; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [Б. и.], 2006. – 46 с. – ISBN отсут.
2. Панюкова О.М. Педагогическое обеспечение подготовки студентов педколледжа к здоровьесберегающей деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук [Текст] / О.М. Панюкова. – Иркутск, 2006.
3. Содержание и технологии здоровьесберегающей деятельности дошкольного образовательного учреждения (опыт внедрения региональной модели «Детский сад здоровья»): научно-методическое пособие для педагогов дошкольных образовательных учреждений, студентов педагогических вузов [Текст] / Под ред. Бочаровой Н.И. – Орёл, 2008.

4. Смирнов Н.К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе [Текст]. – М.: АРКТИ, 2005. – 320 с.

O.V. DOBRORODNOVA

PROFESSIONAL TRAINING OF SPECIALISTS TO THE ORGANIZATION OF HEALTH-RESERVING ACTIVITY IN PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

In the article questions of approach to the professional training of specialists to the organization of health-reserving activity in preschool educational institutions in the conditions of education modernization are analyzed. The model of preparation of specialists to health-reserving in the framework of speciality and two-level system of higher education is considered: a bachelor degree and a magistracy.

Key words: Professional training, professional readiness, health-reserving activity, model, a motivational component, a substantial component, actional component.

С.И. ДОРОШЕНКО, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики ГОУ ВПО «Владимирский государственный
гуманитарный университет»
Тел. 8 915 7690735; cvedor@mail.ru

ФЕНОМЕН «ВНУТРЕННЕЙ ЭМИГРАЦИИ» В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ СТОЛИЧНЫХ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена анализу понятия «внутренняя эмиграция» применительно к истории педагогики и к истории музыкального образования в России. Внутренняя эмиграция рассматривается как движение из столиц в провинцию и как субъектная позиция педагогов-музыкантов. Выявляются различные тенденции осуществления внутренней эмиграции на примерах деятельности педагогов-музыкантов города Владимира.

Ключевые слова: внутренняя эмиграция, история музыкального образования, провинция.

Актуальность рассмотрения феномена «внутренней эмиграции» как существенного фактора, на некоторых этапах определяющего демографическую ситуацию в России в целом и «расстановку сил» в педагогическом диалоге в частности, обусловлена следующими обстоятельствами. Если рассматривать синхроническую педагогическую дискуссию определенного этапа развития педагогической мысли и системы образования вне учета «пространственных» позиций (диалог деятелей педагогики и образования, живших в одно время), как чаще всего и принято делать в историко-педагогическом исследовании, то различные педагогические концепции оказываются зафиксированными «на плоскости» как рядоположенные. Между тем, на наш взгляд, принятие во внимание «географического» компонента, обстоятельств жизни, связанных с передвижением носителя той или иной идеи по России, соотношения «столичности» (под столицами мы имеем в виду два города – Петербург и Москву) или «провинциальности» педагогической концепции и соответствующей ей образовательной системы придает педагогическому диалогу стереофоничность, многомерность. Существует **противоречие** между значимостью фактора «внутренней эмиграции» как одного из показателей соотношения столичной и провинциальной педагогической мысли и соответствующих ей образовательных систем и недостаточной исследованностью, а как следствие, непринятием во внимание этого феномена в истории педагогики в целом и в истории музыкального образования в частности. Это противоречие определяет **проблему** исследования, которую можно сформулировать в виде последовательности вопросов. По каким основаниям делается вывод о том, можно ли отнести деятельность того или иного педагога в провинции к феномену «внутренней эмиграции»? Всегда ли «внутренняя эмиграция» является движением из столиц в провинцию? Является ли «внутренняя эмиграция» субъектной позицией педагога или ее нужно характеризовать как систему социально-политических детерминант, влияющих на субъектов образовательного процесса извне? Всегда ли «внутренняя эмиграция» явля-

ется результатом внешнего «географического» передвижения? Можно ли усматривать ее проявления, например, в последовательном неоднократном отклонении столичных «карьерных предложений»?

Как видим, диапазон проблем, связанных с явлением «внутренней эмиграции», достаточно широк и затрагивает едва ли не все ключевые предпосылки развития педагогической теории и образовательной практики: социально-исторические, когнитивные, личностные. Единственные «рамки», в которые мы заключаем (тем самым ограничивая) свою проблему, – это связь всех перечисленных факторов с диалогом столицы и провинции.

Цель нашего исследования: определить феномен «внутренней эмиграции» как одну из тенденций, влиявших на развитие педагогической мысли и системы образования в России; выявить основные предпосылки и характеристики этого явления; проследить влияние феномена «внутренней эмиграции» на историю музыкального образования (на примере города Владимира).

Наша **гипотеза** при этом такова: мы предполагаем, что феномен внутренней эмиграции на различных этапах развития отечественной педагогики и образования проявляется более или менее ярко и массово, но существует постоянно. Позиция «внутреннего эмигранта» в любом случае (при различных сочетаниях степени добровольности и насильственности перемещения по стране) является субъектной позицией, либо сознательно осуществляемой, либо столь же сознательно и лично принимаемой педагогом под влиянием внешних обстоятельств. Феномен «внутренней эмиграции» наиболее ярко проявляет себя в педагогических концепциях и образовательных системах, предметное содержание которых является преимущественно невербальным (в нашем исследовании это музыкальное образование).

Появление термина «внутренняя эмиграция» в социологии и политологии датируется 1933 годом. «В зарубежных справочниках обычно дается ссылка на письмо немецкого писателя Франка Тисса директору департамента министерства пропаганды Германии. Значение термина «внутренняя эмиграция» неоднократно изменялось в зависимости от контекста исторических событий. Принято считать, что наличие в той или иной стране «внутренней эмиграции» является признаком авторитарного или тоталитарного режима, господствующего в конкретной стране» [4]. Как видим,

политологи рассматривают феномен «внутренней эмиграции» в весьма жесткой связи с оппозицией демократии – тоталитаризма, что, на наш взгляд, неправомерно сужает и объем явлений, описываемых данным термином, и, главное, «веер смыслов», которые может включать в себя это понятие. Самый главный пункт, в котором мы принципиально расходимся с политологами по поводу «внутренней эмиграции», – это априорное положение о том, что «внутренняя эмиграция» является производным «от практически невозможной внешней эмиграции и в то же время является символом неучастия в делах государства и жизни общества» [4] по тем правилам, которые жестко задаются тоталитарным государством. Необходимо сразу заявить, что феномен «внутренней эмиграции» мы рассматриваем не как невозможность осуществить внешнюю эмиграцию, а, напротив, как поиск возможности реализации в своей стране педагогических взглядов, противоречащих официальной педагогической линии либо не напрямую коррелирующих с ней, или (очень часто) как автономизацию усилий по сохранению традиционных, культуросообразных аксиологических оснований педагогической теории и технологии. Иными словами, педагог, в большей или меньшей степени осознающий себя «внутренним эмигрантом», стремится максимально отгородить свою образовательную систему от внешних (в том числе столичных) влияний, сохранить в ней дух и атмосферу, которые отвечают его мировоззрению и педагогическому менталитету. Построить и поддерживать такую систему легче в отдалении от центра, в провинции.

Продолжая работать с термином «внутренняя эмиграция», подчеркнем, что и в современной отечественной философии, и в литературоведении это явление считается порождением XX века и применяется лишь к советскому периоду истории России. Так, В.К. Кантор в журнале «Вопросы философии» пишет: «Октябрьская революция разделила интеллектуальную Россию на две части – эмигрантскую и неэмигрантскую. Это всем понятно. В эмигрантской части было тоже две линии – внешние и внутренние эмигранты. Скажем, такие поэты и писатели, как Ахматова, Мандельштам, Е. Замятин, М. Булгаков, были эмигрантами внутренними. При этом часто внутренние эмигранты, не выдержав напряжения, покидали (пока это было возможно) Родину (кажется, последним в 1929 г.

уехал Замятин). Позднее не уехавшие попадали в ГУЛАГ, откуда выходили уже редко» [3, с. 88]. Думается, такая «радикальная» позиция имеет право на существование. Вероятно, ее легче защитить, чем рассматриваемое нами широкое и непрерывное (в отличие от дискретных «всплесков» тоталитарности) движение «расслоения» деятелей науки и культуры (в нашем случае музыкальной педагогики) на более или менее поддерживающих официальную педагогическую политику любого периода истории.

Термин «внутренняя эмиграция» в литературоведении, культурологии связывается также с психологическим состоянием личности. Так, Л. Бугаева пишет: «Эмиграция в широком смысле имеет место не только в пространстве, но и во времени. Так, эмигрантом можно считать человека, хотя и не совершившего перемещения в пространстве, но оказавшегося в чуждой для него действительности в результате революции, военного переворота и т.п. и при этом не находящего себе в этой действительности места. Такое непространственное перемещение из одного исторического времени в другое превращает не вписанного в историческую действительность индивида во внутреннего эмигранта» [1]. Этот смысл весьма близок нашим теоретическим посылам: действительно, чаще всего субъектная позиция «внутренней эмиграции» читается как ощущение себя не в своем времени; более того, забегая вперед, скажем, что основная тенденция деятельности педагогов, в которой мы видим проявление позиции «внутреннего эмигранта», – это тенденция консервативно-охранительная. В подавляющем большинстве случаев аксиологические установки этих педагогов имеют вектор, устремленный не «вперед», а «назад», тенденцию «задержать время», «переждать» некий инновационный бум, недостаточно обоснованные реформы. Однако если писатель до некоторой степени может реализовать указанную субъектную позицию независимо от своего географического положения (писать «в стол», жить в одном месте, а публиковаться в другом), то деятельность педагога имманентно экстравертирована, она всегда есть взаимодействие, ее невозможно осуществить «внутри себя». Поэтому для педагогики явление «внутренней эмиграции» почти неизбежно связано с пространственным положением, в основном, как уже говорилось, с движением из столицы в провинцию.

Термин «внутренняя эмиграция» введен в историю педагогики не нами, он употребляется в литературе. Например, когда Ф.А. Фрадкин, М.Г. Плохова, Е.Г. Осовский пишут о П.Ф. Каптерева, С.Н. Введенском, К.Н. Сент-Илере, А.И. Протопопове, которые после Октябрьской революции переехали из Петрограда в Воронеж, то прямо называют это явление внутренней эмиграцией из центра в провинцию [5]. В связи с этим обстоятельством диалог П.Ф. Каптерева как члена редколлегии журнала «Педагогическая мысль» с Н.К. Крупской, статью П.Ф. Каптерева «О школьном самоуправлении и школьной дисциплине» и критическую рецензию на нее Н.К. Крупской можно воспринимать не только как оппозицию различных теоретико-педагогических взглядов, но и как диалог «внутреннего эмигранта» с официальной педагогической мыслью. Под диалогом мы понимаем не только обмен мнениями по поводу указанной конкретной статьи, а взаимодействие двух различных позиций, педагогических взглядов на проблему школьной дисциплины. Уже сам термин «послушание», употреблявшийся П.Ф. Каптеревым в рассуждениях о дисциплине, не мог быть принятым молодой советской педагогикой. Хотя Петр Федорович трактовал послушание в близком нам светском смысле, довольно далеком от высоких идеалов христианской аскетики, все равно его позиция выглядела чересчур традиционалистской [2]. До некоторой степени указанное нами противоречие есть иллюстрация диалога или противостояния столичной и провинциальной педагогической мысли. Нам понятно, что и в Воронеже в 1921 году было немало сторонников официальной, «столичной» педагогической линии, однако сам факт возможности, «отодвинувшись от столицы» в географическом отношении, из провинциального города провозглашать или хотя бы сохранять свои педагогические идеи вполне показателен и далеко не единичен.

Не нуждается в особых комментариях то обстоятельство, что такие факты истории, как эвакуация, ссылка, не могут рассматриваться напрямую в контексте явления внутренней эмиграции (мы объединяем эвакуацию и ссылку по признаку их недобровольности, независимости от личностных мотивов человека). Однако, будучи уже осуществленной, по прошествии некоторого времени такая насильственная миграция может быть переосмыслена человеком. Результатом такого пе-

реосмысления вполне может стать и субъектная позиция внутреннего эмигранта, человека, который не только (или не столько) не может, сколько не хочет возвращаться в столицу. Ощувив, что, по слову А.С. Пушкина, «имеет сельская свобода свои счастливые права, как и надменная Москва», многие перемещенные столичные деятели культуры, искусства, образования оставались в провинции и осуществляли там свои творческие проекты, основывали школы, которые в процессе своего развития становились серьезной альтернативой столичным. По отношению к нашей проблеме факт добровольности (недобровольности) передвижения сам по себе нейтрален по отношению к ценностно осмысливаемому феномену внутренней эмиграции.

Поясним нашу мысль о географической и субъектно-психологической позиции «внутреннего эмигранта» еще одним примером из общей истории педагогики, снова обратившись к имени педагога из хрестоматийного ряда, но рассматривая его деятельность с заявленных нами позиций диалога столицы и провинции. Хорошо известно, что С.А. Рачинский осуществил свою «педагогическую мечту» в селе Татеево Смоленской губернии. Там же, в своем родовом поместье, он написал педагогические статьи, совокупность которых позволяет говорить о его целостной педагогической концепции православной сельской школы. Столь же хорошо известно, что С.А. Рачинский до того, как занялся обучением крестьянских детей, долгие годы жил и работал в Москве. Обстоятельствам и мотивам перемещения «в деревню..., в глушь» обычно не придается большого значения. И нас интересует прежде всего не вопрос добровольности или насильственности этого переезда (конфликт с руководством Московского университета или установление негласного полицейского надзора, как это звучит из разных источников), сколько обстоятельства связи педагогических взглядов и деятельности с местом, с «окружающей средой» их возникновения и реализации. Иными словами, вопрос звучит так: если бы С.А. Рачинский не покинул Москву, была бы в русской педагогике концепция «сельской школы»? Коррелировала ли эта концепция в свое время со «столичными» педагогическими взглядами? И в некотором отдалении, на втором месте, возникает вопрос о том, не являлась ли эта концепция (и способы ее осуществления) своего рода «педагогическим андеграундом»

не в смысле диссидентских настроений, а вследствие несоответствия «магистральному направлению» развития педагогической мысли? Последний вопрос, будучи примененным к периоду последней трети XIX века, отодвигает позицию детерминированности внутренней эмиграции тоталитарной политикой государства и невозможностью внешней эмиграции (С.А. Рачинский много путешествовал по Европе, принимал участие в деятельности Веймарской школы Ференца Листа). Пример С.А. Рачинского показателен для нас еще и потому, что деятельность Сергея Александровича имеет непосредственное отношение к истории музыкального образования, которое в Татеевской школе осуществлялось как обучение церковному пению. Модель крестьянской школы, тесно связанной с церковью; школьного хора, который одновременно является церковным; паломнических походов как элемента воспитательной системы в конце XIX века явно не удовлетворяла столичную педагогику. Даже поддержка Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева не могла изменить вектора «консервативности», «ретроградности», приписываемого концепции сельской церковно-приходской школы, а может быть, и усиливала его. Мысль о том, что сельская школа является «окончательной» и поэтому не может рассматриваться как одна из ступеней институционально организованного образования, не находила поддержки в столичных педагогических кругах и, по сути, так и не была понята и реализована.

Итак, остановимся на том, что феномен «внутренней эмиграции» в той или иной степени свойствен любому историческому периоду развития педагогики и образования и проявляется как в тенденции географического удаления от центра тех педагогов, создателей образовательных систем, чьи идеи, аксиологические основания прямо или косвенно отвергаются в столицах, так и в субъектной позиции этих педагогов. Рискнем предположить, что затронутая нами тенденция автономизации, коррелирующая с тяготением в провинцию, с внутренней эмиграцией, в различных сферах педагогической деятельности может быть осуществлена не с одинаковым успехом. На наш взгляд, наиболее жизнеспособными в рамках исследуемой нами модели оказываются сферы, традиционно далекие от политики и, в частности, обладающие невербальным предметным содержанием, оперирующие невербальными средствами педагогиче-

ского взаимодействия. Пожалуй, наиболее показательной в этом отношении является сфера музыкального образования (не будем спорить, если на эти же позиции будет претендовать хореографическое образование, образование в области изобразительного искусства). Попытаемся проиллюстрировать анализируемый нами феномен «внутренней эмиграции» примерами деятельности педагогов-музыкантов города Владимира XIX – XX веков.

Одним из примеров, отвечающих общепринятой трактовке понятия «внутренняя эмиграция», может служить педагогическая деятельность во Владимире Сергея Николаевича Коншина [6]. Сергей Николаевич Коншин родился 4 января 1908 года в городе Серпухове в семье фабриканта. Он окончил музыкальный техникум имени А.Н. Скрябина как пианист и начал брать частные уроки у профессора Московской консерватории К.Н. Игумнова. Свои жизненные планы он связывал с консерваторией, с концертной и педагогической деятельностью. Музыкальный техникум имени А.Н. Скрябина был в послереволюционные годы ведущим музыкальным учебным заведением страны. Но реализовать свои планы или хотя бы просто поработать по специальности Сергею Николаевичу не удалось. В 1932 году его, как и всех братьев Коншиных, арестовали. Сергей Николаевич был отправлен в концлагерь на Колыму. Был освобожден в 1946 году, но еще год оставался на Колыме, не имея возможности вернуться на материк. Он работал киномехаником, исполняющим обязанности художественного руководителя, пианистом в Группе автотранспорта Дальстроя. В 1947 году Сергей Николаевич поселился на Урале. В феврале 1950 года его снова арестовали и осудили по той же 58-й статье. После нескольких месяцев тюрьмы его выслали в г. Петропавловск Северо-Казахстанской области. За ним последовала и семья. В 1957 году Сергей Николаевич Коншин был полностью реабилитирован. В поисках возможности переезда ближе к родным местам он остановился на Владимире. В этом же городе жил его брат, попавший сюда когда-то не по своей воле. В 1959 году Сергей Николаевич с семьей переехал в наш город. Он начал работать в первой (и единственной тогда во Владимире) музыкальной школе, находившейся на улице Красномилицейской: сначала преподавателем фортепиано, а потом и завучем.

Музыкально-педагогическая деятельность С.Н. Коншина была обширной и многогранной. Поми-

мо работы в музыкальной школе он выступал на областном радио, в печати, ездил по области с целью оказания методической помощи педагогам музыкальных школ, вел занятия на курсах повышения квалификации учителей пения. Кроме того, он работал хормейстером, концертмейстером. В 1963 году С.Н. Коншин создал первую в нашем городе Детскую филармонию, сам проводил концерты, музыкальные беседы. Для участия в Детской филармонии были привлечены дети не только из музыкальной школы, но и из кружков дворцов культуры, из школьной самодеятельности.

Поселившись во Владимире, С.Н. Коншин возобновил контакты со своими московскими друзьями-музыкантами. К чести этих людей, некоторые из которых к тому времени стали народными артистами Советского Союза, профессорами консерватории, признанными мэтрами советского музыкального искусства, надо сказать, что они с радостью продолжили прерванные более чем на тридцать лет свои дружеские и творческие контакты с ним. Во Владимир по личному приглашению Сергея Николаевича приезжал с концертами выдающийся пианист Лев Николаевич Оборин, профессор Московской консерватории, лауреат Сталинской премии. С Л.Н. Обориным Сергея Николаевича сближали воспоминания об их педагоге Константине Николаевиче Игумнове и годы, проведенные вместе в Москве. Несколько раз во Владимир приезжал Дмитрий Борисович Кабалевский, с которым Сергей Николаевич также взаимодействовал в Москве, в музыкальных кругах. Сергей Николаевич организовал детский конкурс на лучшее исполнение произведений Д.Б. Кабалевского, который к тому времени был признанным композитором, лауреатом Сталинской премии, профессором Московской консерватории. Д.Б. Кабалевский, возглавивший жюри этого конкурса, своим присутствием и поддержкой придавал ему особую торжественность и в то же время личностную значимость для каждого из участников. Конкурс состоялся в 1962 году, и после него контакты с владимирскими педагогами-музыкантами продолжались до последних дней Д.Б. Кабалевского.

В музыкально-педагогической деятельности С.Н. Коншина достаточно объемно просматриваются характеристики как субъектной (внутренней), так и объективной (географической) позиции «внутреннего эмигранта». Не приняв советской идеологии и будучи преследуемым со стороны официаль-

ной власти, он тем не менее продолжал по мере сил служить своей стране. Работая в достаточно «внеидеологичной» сфере, он опирался в своей деятельности на музыкально-эстетические идеалы XIX века. В семье сохранялось деятельностно-положительное отношение к православию. Семья Коншиных дружила с Василием Витальевичем Шульгиным, русским публицистом и политическим деятелем, депутатом второй, третьей и четвертой Государственной думы, отбывшим свой срок во Владимирском центральном и шестнадцать лет жившим после этого во Владимире, на улице Фейгина. Сохраняя верность своим идеалам, С.Н. Коншин тем не менее не вставал в позицию «обиженного». Напротив, он стремился к сохранению и развитию тех музыкальных, общекультурных, нравственных ценностей, на которых был воспитан сам. Уже сам факт инициативы общения с бывшими «однокашниками», с которыми он никак не мог равняться в «карьерном» смысле, свидетельствует о высоте духа, об осознании своей педагогической миссии: человек такого типа думает не о том, как он будет выглядеть в сравнении со знаменитостью, а о том, как хорошо для его учеников будет встретиться с выдающимся пианистом или композитором. Пример музыкально-педагогической деятельности С.Н. Коншина во Владимире иллюстрирует нашу мысль о том, что человек, будучи насильственно депортированным из столицы, постепенно формирует в себе субъектную позицию «внутреннего эмигранта», характеризующуюся сохранением, трансляцией, развитием своей системы ценностей в провинции; осуществлением равноправного диалога со столицей (в лице ведущих представителей столичной музыкальной педагогики).

Другим примером, до некоторой степени характеризующим тенденции «внутренней эмиграции», является деятельность во Владимире А.Е. Ставровского, регента архиерейского хора Свято-Успенского собора г. Владимира. Деятельность А.Е. Ставровского далеко не столь очевидно коррелирует со сложившимся представлением о внутренней эмиграции. Мы анализируем ее как раз на предмет уточнения и расширения этого понятия. А.Е. Ставровский родился во Владимире, учился в Синодальном училище в Москве и, вернувшись в родной город, возглавил архиерейский хор, которым руководил пятьдесят лет. Разумеется, в возвращении выпускника столичного учебного заведе-

ния на работу в провинцию нет и намека на «внутреннюю эмиграцию»: это обыкновенное и закономерное явление. Тенденции же «внутренней эмиграции» в деятельности А.Е. Ставровского мы начинаем усматривать тогда, когда он, будучи признанным и маститым регентом, одним из лучших и самых знаменитых регентов России, несколько раз последовательно отклонял предложения А.Н. Шишкова, курировавшего деятельность Синодального училища и синодального хора, переехать в Москву и возглавить один из лучших хоров столицы. Благодаря масштабу педагогической деятельности А.Е. Ставровского, который преподавал во Владимирском духовном училище, в семинарии, в женском епархиальном училище, учительской семинарии, женской гимназии, в Мальцевском училище, устраивал курсы для учителей церковных школ, его музыкально-педагогические взгляды, методика, эстетические ориентации определяли облик музыкального образования в нашем городе на протяжении многих десятилетий. Многие ценители древних традиций церковного пения специально приезжали из Москвы, чтобы послушать хор Ставровского. Среди них был и регент синодального хора В.С. Орлов.

В целом музыкально-педагогическую концепцию А.Е. Ставровского, основанную на идее глубокого духовного погружения в мир древнерусских церковных напевов (Алексей Евграфович опирался на знаменный, киевский и греческий распевы), нельзя описывать как оппозиционную столичной, по крайней мере московской. Если в Петербурге деятели Придворной Певческой капеллы в рассматриваемый период действительно далеко отошли от древнерусских певческих традиций, то в Москве (благодаря, в частности, деятельности А.Н. Шишкова, пытавшегося «переманить» к себе Ставровского) Синодальное училище возглавил С.В. Смоленский – регент и медиевист, очень близкий по духу Алексею Евграфовичу. С.В. Смоленский хорошо знал и высоко ценил А.Е. Ставровского. Однако, вероятно, А.Е. Ставровский хорошо понимал, что в столице сохранение верности вековой богослужебно-певческой традиции всегда будет связано с борьбой, с противостоянием, ибо авторитету Смоленского там может противостоять авторитет Чайковского или любого другого выдающегося педагога-музыканта, обратившегося к церковной музыке или к образованию певчих. В деятельности же А.Е. Ставровского мы усмат-

риваем создание и поддержание моносистемы музыкального образования, характерной для провинции и вовлекающей в себя все, в том числе светские, направления музыкально-педагогической деятельности. Подготовив за полвека десятки учеников, возглавивших хоры, работу в общеобразовательных учебных заведениях (особенно пение в церковно-приходских школах), Алексей Евграфович на протяжении своей жизни сохранял во Владимирской епархии автономную, ориентированную на древнерусские певческо-педагогические традиции систему музыкального образования, воспитания и просвещения. Благодаря своей монистичности и стабильности основ эта система на первых порах выдержала даже революционный натиск. Публичные концерты архиерейского хора, музыкально-просветительская деятельность продолжались до 1921 года – года смерти А.Е. Ставровского. Его ученики (А.И. Остроумов, В.А. Зорин, В.С. Калинин, К.П. Стулов, А.П. Михайлов) не продолжили развитие певческого образования во Владимире в соответствии с методическими, эстетическими установками А.Е. Ставровского. Несомненно, эта линия прослеживалась и в деятельности Владимирской музыкальной школы, и в работе с самостоятельными хорами.

Однако «наступление» на всю сферу духовного, в том числе духовно-певческого, образования, конечно, не может быть просто «отодвинуто» в историческом анализе таким аргументом, как невербальный характер музыкального искусства. И дальнейшее развитие событий в развитии музыкальной жизни и образования города Владимира дает еще один пример осуществления внутренней эмиграции, на этот раз как движения из провинции в столицу.

Ученик и помощник А.Е. Ставровского Василий Алексеевич Зорин в период борьбы с церковью сначала изменил состав архиерейского хора, введя в него женские голоса и осуществляя подготовку певчих во многом «с нуля». Затем он пытался сохранять хор в период, когда Успенский собор был закрыт. В.А. Зорин переходил со своим хором из церкви в церковь, пока это было возможно. Но, потеряв и эту возможность, он в конце концов уехал в Москву, где создал новый хор, получивший известность среди духовно-певческих кругов столицы.

Его преемник, регент гонимого хора закрытого кафедрального собора Василий Сергеевич Кали-

нин, поступил иначе. Воспитав целое поколение певчих в церковных хорах (в Михайловской церкви, в женском Александрийском приюте, в Борисоглебской церкви), он, когда церковное пение и духовно-певческое образование осуществлять стало невозможно, продолжал работать со светскими хорами, которые исполняли народную музыку. Благодаря этой работе он сохранил свою квалификацию и кадры и в 1944 году, когда вновь открылся Успенский собор, вновь собрал архиерейский хор.

Оценивая позицию обоих владимирских педагогов-регентов (В.А. Зорина и В.С. Калинина) как позицию внутренних эмигрантов, мы, разумеется, не можем судить, кто поступал лучше и правильнее. Очевидно одно: эти люди осуществляли музыкально-педагогическую деятельность на концептуальных основаниях, противоречащих официальной музыкально-педагогической идеологии. Особого анализа заслуживает, на наш взгляд, вопрос об отношении к этим музыкантам-педагогам коллег и социального окружения. Еще раз подчеркнем, что деятельность педагога всегда направлена вовне, и, осуществляя свою концепцию, он не может скрыть этого от окружающих. Поскольку данный вопрос несколько выходит за рамки проблемы, заявленной в статье, мы ответим на него несколько односложно. Насколько мы можем судить, власти, администрация и социум провинции чаще всего весьма терпимо относятся к проявлениям позиции внутренней эмиграции, по крайней мере в области музыкального искусства и образования. В значительной мере терпимость обоснована тем, что квалификация, талант, опыт этих педагогов позволяют «простить» им консервативные взгляды. Проще сказать, провинциальные педагоги-музыканты, выражающие субъектную позицию внутренних эмигрантов, оказываются очень хорошими, незаменимыми специалистами. И, поскольку позиция внутреннего эмигранта (в отличие от внешнего) редко бывает агрессивной, демонстративной, она позволяет ему вести свою достаточно независимую «образовательную политику».

Переходим к **выводам**.

Мы считаем, что ряд особенностей развития отечественной педагогики можно проанализировать с учетом феномена внутренней эмиграции. Феномен внутренней эмиграции чаще всего характеризуется во внешнем, объективированном плане передвижением педагога из столицы в провин-

цию и созданием достаточно автономной образовательной системы, опирающейся на педагогическую концепцию, не вполне поддерживаемую официальной педагогической идеологией либо оппозиционную ей. Во внутреннем, психологическом плане рассматриваемый нами феномен характеризуется субъектной мировоззренческой и теоретико-педагогической позицией педагога, не вполне согласующейся или идущей вразрез с известными ему или ощущаемыми им официальными тенденциями развития образования.

Позиция внутреннего эмигранта в педагогике не означает стремления к внешней эмиграции. Напротив, чаще всего она характеризуется деятельностным стремлением, работая на благо своей страны, сохранить педагогические традиции, которые на данном этапе выглядят устаревшими и неактуальными, создать образовательную систему, отвечающую мировоззренческим основаниям и педагогико-технологическим решениям, соответствующим этой традиции.

В рассматриваемых нами смыслах позиция внутренних эмигрантов является, как правило, консервативно-охранительной в мировоззренческом плане, что не противоречит возможности создания новаторских авторских педагогических систем.

Поскольку педагогическая деятельность имманентно экстравертна, то педагогу, в деятельности которого прослеживаются тенденции внутренней эмиграции, всегда требуется поддержка или хотя бы нейтралитет со стороны непосредственного социального окружения: педагогической общности, микросоциума (родителей, самих учеников), администрации. Такую поддержку, как правило, обеспечивают высокий уровень профессионализма, своего рода «незаменимость» педагога, чистота его нравственных устремлений, а также более или менее открытая солидарность с его мировоззрением и педагогической концепцией. Последнее обстоятельство в сфере музыкального образования часто подкрепляется существованием своеобразной и иногда довольно замкнутой субкультуры музыкантов, в среде которых чрезмерная политизация, стремление следовать «веяниям времени» негласно считаются признаком дурного тона.

Тенденции внутренней эмиграции, на наш взгляд, ярче всего проявляются в тех областях педагогической

деятельности, которые оперируют невербальным предметным содержанием (в частности, в музыкальном образовании). Невербальное предметное содержание при этом влечет за собой девербализацию средств педагогического общения (когда субъекты взаимодействия понимают друг друга без слов).

Тенденции внутренней эмиграции в отдельных случаях могут проявляться в «обратном» движении (из провинциальных городов в столицы) в тех случаях, когда представители данной мировоззренческой и педагогической позиции стремятся к объединению и взаимной поддержке (примером может служить духовно-певческое образование в 30–40-е годы XX века: представители этой сферы деятельности перебирались в Москву, объединялись вокруг Троице-Сергиевой лавры, где не прерывалась жизнь Православной Церкви).

Проявления внутренней эмиграции иногда можно усматривать в позиции провинциальных деятелей образования, намеренно дистанцирующихся от столицы и от официальной «образовательной политики» (отвергающих предложения о работе, о контактах со столицей, отклоняющих возможности административного продвижения).

В контексте поиска методологических подходов к исследованию истории музыкального образования в провинции феномен внутренней эмиграции предстает, конечно, не ведущей, но достаточно значимой тенденцией, объясняющей особенности развития провинциальных систем музыкального образования, субъектные позиции его представителей, характерные черты диалога со столицей, причины восприятия или отвержения столичных инноваций. Существование феномена внутренней эмиграции представляет собой дополнительный аргумент в пользу того, чтобы считать исследование в области истории провинциального музыкального образования одним из направлений педагогической компаративистики. Выявление тенденций внутренней эмиграции в деятельности педагога-музыканта, даже если эти тенденции не являются в его деятельности определяющими, позволяет более глубоко и многомерно оценить сущность музыкально-педагогической концепции и соответствующей ей системы музыкального образования в истории отечественной педагогики.

Библиографический список

1. Бугаева Л. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика [Электронный ресурс] / Ent-Grenzen. Intellectuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts / За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века / Изд. L. Bugaeva, E. Hausbacher. – Frankfurt am Main. – Peter Lang, 2006, с. 51-71: [сайт]. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Дорошенко С.И. Послушание и авторитет как педагогические категории второй половины XIX – XX веков / С.И. Дорошенко // Национальные лики педагогических универсалий: проблемы теории и истории русской педагогики. Сб. научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 2005. – С. 148–159.
3. Кантор В.К. Возможна ли дружба интеллектуалов в эмиграции? / В.К. Кантор // Вопросы философии. – № 1. – 2010. – С. 84–92.
4. Маслов О.Ю. «Новая внутренняя эмиграция» в России XXI века [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2006/05/23/emigration/>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Фрадкин Ф.А. Лекции по истории отечественной педагогики: учебное пособие для студентов высших и средних учебных заведений / Ф.А. Фрадкин, М.Г. Плохова, Е.Г. Осовский. – М.: ТЦ СФЕРА, 1995. – 160 с.
6. Черкасов С.А. С.Н. Коншин: педагогическая и просветительская деятельность во Владимире / С.А. Черкасов // Владимир музыкальный. Очерки по истории музыкального образования во Владимире (вторая половина XIX – XX вв.). Сб. статей. – Владимир: ВГГУ, 2010. – С. 119–127.

S.I. DOROSHENKO

THE PHENOMENON OF «INNER EMIGRATION» IN THE CONTEXT OF THE CORRELATIONS OF THE CAPITAL AND PROVINCIAL TRENDS IN THE NATIONAL MUSIC EDUCATION

The paper is devoted to the analysis of the concept of «inner emigration» of the history of pedagogics and the history of music education in Russia. Inner emigration is regarded as a movement from the capitals to the province and as a subject position of the teacher of music. The paper contains some examples of the activity of the teachers-musicians of Vladimir as different trends of inner emigration.

Key words: *inner emigration, history of music education, province.*

Е.А. ЗАГУДАЕВ, аспирант 2 курса юридического факультета
 ГОУ ВПО «Курский государственный университет»
 кафедра теории и истории государства и права
 Тел. 8-960-697-41-99; Zagudaev@freemail.ru

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА (особенности кодификационной деятельности)

В данной научной статье рассматриваются вопросы систематизации гражданского процессуального законодательства в России в первой четверти XIX столетия, а именно специфика работы по созданию проектов Гражданского уложения Российской империи как сложного по своей структуре правового акта, дальнейшая судьба разработанного кодифицированного акта в истории нашей страны.

Ключевые слова: систематизация, законодательство, Гражданское уложение, империя, кодекс.

С перестройкой деятельности Комиссии составления законов работы по систематизации стали продвигаться очень быстро. Ф.М. Дмитриев писал: «...работа закипела, и вместе с тем начались громкие, вполне справедливые жалобы на легкомысленный способ, которым совершался величайший законодательный переворот»¹. Когда Сперанский начинал свои работы по составлению Гражданского уложения, он рассчитывал на помощь и содействие иностранных ученых, особенно французов, «в числе корреспондентов комиссии числилось немало знаменитых иностранных юристов»². Однако участие корреспондентов в составлении нового Уложения ограничилось несколькими письмами. Таким образом, Сперанский, по всей видимости, отступил от утвержденного плана Гражданского уложения и поручил составлять его по новому плану, подобному по содержанию с французским кодексом. Сперанский просил Г.А. Розенкампа окончить составление первой части Гражданского уложения к 1 мая 1809 года, когда должен был начать работу новый совет комиссии. Несмотря на некоторые претензии к проекту, в октябре 1809 года проект первой части был окончательно рассмотрен и отдан в печать. Проект первой части состоял из 11 глав. Обратим внимание на некоторые аспекты гражданского судопроизводства. Девятая глава посвящена регулированию вопросов усыновления (§ 342–354). Последняя, одиннадцатая глава носит название «Об опеке и попечительстве». Она состоит из одиннадцати отделений. Седьмое отделение носит название «О законном удостоверении в безумии, сумасшествии, явной расточительности и безвестном отсутствии» (§ 490–508). Восьмое отделение посвящено вопросам попечительства над безумными и сумасшедшими (§ 509–517), девятое – над явными расточителями (§ 518–522) и т.д. Главным и единственным руководителем комиссии стал Сперанский, он же и государственный секретарь. Манифестом от 1 января 1810 года первая часть Гражданского уложения была внесена на рассмотрение Государственного совета. Начиная с 17 января 1810 года рассмотрению проекта Гражданского уложения было посвящено более 40 заседаний департамента законов и общего собрания Государственного совета, в которых были обсуждены первая и уже подготовленная к этому времени вторая часть Гражданского уложения. Сперанский предлагал для рассмотрения про-

екта Гражданского уложения учредить в губерниях особенные комитеты. В комитеты под председательством гражданских губернаторов должны были входить председатели гражданской и др. палат и губернской прокуратуры. Собиравшись два раза в неделю, комитеты должны были рассмотреть проект первой части в течение двух месяцев. Цель рассмотрения состояла в том, чтобы «...соображением местных познаний и судебной практики предложить полезные виды к улучшению или дополнению каких-либо статей в проекте Уложения». На заседаниях общего собрания Государственного совета Александр I всегда председательствовал лично. Сперанский в должности директора комиссии вносил проекты глав и сопровождал их нужными объяснениями, а потом, будучи уже в должности государственного секретаря, составлял журналы совета и представлял их императору. Как правило, все разногласия и недовольства обсуждающих царь старался разрешать в самом заседании. Но многие члены Государственного совета начали требовать от Сперанского и Розенкампа на каждую статью ссылку на российские законы, из которых она составлена. Сперанский поручил Н.С. Ильинскому указать под каждой статьей Уложения ее источник из российских законов. Тем не менее уже к 14 декабря 1810 года Государственный совет окончил рассмотрение обеих частей Гражданского уложения. Обе части были напечатаны в исправленном виде для нового пересмотра. Между тем две первые части Уложения, хотя и были напечатаны только для членов Государственного совета, стали известны широкой общественности. Произведенные комиссией исправления законов или, лучше сказать, ее директор подверглись жестокому порицаниям.

Ко всему прочему многим не нравилось и то, что «... в качестве руководителя идеи при составлении Уложения Сперанским было выдвинуто формальное равенство всех граждан перед законом независимо от сословной принадлежности». В марте 1812 года Сперанский был отстранен от всех государственных дел и отправлен сначала в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Тем временем к марту 1812 года была закончена третья часть проекта Гражданского уложения. Но на рассмотрение Государственного совета она представлялась во второй половине 1812 года, уже в отсутствие ее главного составителя – М.М. Сперанского. Вскоре после удаления Сперанского в ссылку слу-

живший в Комиссии составления законов Розенкампф подал председателю Государственного совета П.В. Лопухину особую записку, касающуюся устройства комиссии, ее занятий, положения дел и т.д. Розенкампф спрашивал, должен ли оставаться и быть приведен к окончанию проект Гражданского уложения, так как он изложен под руководством бывшего директора комиссии Сперанского. Записку Розенкампа П.В. Лопухин довел до сведения императора. 9 апреля 1812 года исполняющий обязанности государственного секретаря Оленин сообщил Лопухину распоряжение царя, которым Комиссия составления законов поступала в управление Лопухина. Объявив 12 апреля 1812 года о новом назначении комиссии, уже 4 мая Лопухин распорядился для успешного и окончательного рассмотрения проектов, представляемых начальниками отделений, учредить особый совет из трех чиновников: Розенкампа, Дружинина и Тургенева. Во вновь учрежденный совет начальники отделений обязаны представлять составляемые ими проекты с необходимыми пояснениями. После этого они передаются управляющему делами Комиссии составления законов для внесения на рассмотрение Государственного совета. Тем временем были переработаны и исправлены все три части проекта Гражданского уложения. Рассмотрение проекта Гражданского уложения в Государственном совете вызвало много возражений. На Государственном совете было решено рассматривать представленный проект Гражданского уложения совместно и с помощью свода действующих законов. Поэтому на Государственном совете единогласно было решено: прежде окончательного рассмотрения составить по порядку, содержащемуся в самом проекте, Систематический свод существующих узаконений с извлечением из них кратких правил ныне действующего права. После этого проект будет окончательно рассмотрен и утвержден. Конечно, представленный проект Гражданского уложения мог иметь множество недостатков, требующих исправления и дополнения. Но кроме этого были и другие причины для возвращения проекта в комиссию. Одной из них было то, что члены Государственного совета усомнились в том, что все гражданские процессуальные нормы содержатся в одной книге. Во исполнение решения Государственного совета на заседании Комиссии составления законов от 21 июня 1815 года «было решено издать Систематический

свод законов»³. Он состоял из отдельных книг, в которых имеется два оглавления, составленные в алфавитном и хронологическом порядке. Вначале излагаются теоретические основы права, извлеченные из самих законов, затем приводятся законодательные акты, из которых извлечены так называемые основы права. Каждая книга имеет две отдельные нумерации: одну с римскими цифрами – для текста статей основ права, другую с арабскими – для самих законов. Систематический свод законов, конечно же, облегчал работу комиссии, но, пока она занималась изданием систематического свода существующих законов, число их постоянно приумножалось. Тем временем после исполнения обязанностей сибирского генерал-губернатора в 1821 году в Петербург возвратился М.М. Сперанский. 17 июня он получил высочайшее повеление присутствовать в Государственном совете. 11 июля того же года на время отсутствия Лопухина Сперанский был назначен исполняющим обязанности главного управляющего Комиссией составления законов. Сперанский, быстро ознакомившись с положением дел в комиссии, уже 30 сентября 1821 года представил императору обзор работы Комиссии составления законов. Сперанский находил, что при рассмотрении в Государственном совете проектов уложений было замечено, что многие статьи являются или «...бесполезными повторениями, или ссылками на другие учреждения»⁴. Притом, писал Сперанский, есть

много вопросов, которые совершенно не находят разрешения в проектах. Он считал, что для приведения работ комиссии в порядок необходимо восполнить пробелы и добавить новые статьи, а кое-где и целые главы и внести редакционные поправки. Думается, что к 1825 году Сперанский осознал некоторые отрицательные черты деятельности Комиссии составления законов, заключавшиеся в отсутствии четкого плана работ, в нарушении последовательности кодификации. В написанной им для Александра I осенью 1825 года записке он заявлял, что все проекты Комиссии «представляли одни токмо начатки уложений, а не самые уложения, начатки весьма несовершенные и далеко еще отстоящие от практической пользы»⁵. Созданный под руководством и при активном участии М.М. Сперанского проект Гражданского уложения явился попыткой создания кодифицированного акта, на которую оказали влияние проходившие в Европе процессы отраслевой кодификации. Проект Гражданского уложения, так и не получивший законодательного признания в силу ряда внутривластных причин, чрезмерной общественной ориентированности на «самобытность русского права» и личностного отношения к Сперанскому консервативно настроенной высшей бюрократии, тем не менее явился важным этапом в истории систематизации гражданского процессуального законодательства в рассматриваемый период.

Примечания

¹Дмитриев Ф.М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. – 1868. – № 10. – С. 1634.

²Середонин С.М. Указ. соч. С. 75–77.

³РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1. Л. 113; РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 13. Л.л. 60–61.

⁴Сперанский М.М. Обзорение работы Комиссии составления законов за 1804–1821 гг., представленной Александру I 30 сентября 1821 года // РНБ. Ф. 731. Д. 908.

⁵РНБ. Ф. 731. Д. 909. Л. 14.

Библиографический список

1. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского М.М. – СПб., 1861. Т. I. – 283 с; Т. II. – 388 с.
2. Общая теория права и государства // Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1996. – 517 с.
3. Романович-Славатинский А.В. Государственная деятельность графа М.М. Сперанского. – Киев, 1873. – 39 с.
4. Середонин С. М. Граф М.М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. – СПб., 1909. – 189 с.
5. Кодан С.В. М.М. Сперанский и систематизация законодательства. // Советское государство и право. – 1989. – № 6. – С. 103–110.
6. Дмитриев Ф.М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. – 1868. – № 10. – С. 1634.

Проекты нормативных актов

Проект Гражданского уложения Российской Империи. Ч. 1–3. – СПб., 1814. – 248 с.

Архивные источники

1. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Фонд 731. – М.М. Сперанский. Д. 908.
2. Российский государственный исторический архив. Фонд 1260. – Комиссия составления законов. Оп. 1. Д. 1. Оп. 1. Д. 13.

Е.А. ZAGUDAEV

**CIVIL THE CODE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST QUARTER OF XIX CENTURY
(FEATURE CODIFICATION ACTIVITY)**

In the given scientific article questions of ordering of the civil remedial legislation in Russia in the first quarter of XIX century, namely specificity of work on creation of projects Civil The code Russian empire as difficult on the structure of the legal certificate, the further destiny developed Codification the certificate in history of our country are considered.

Key words: *ordering, the legislation, Civil The code, empire, the code.*

Н.А. ИЛЬИНА, кандидат педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой общих математических дисциплин
Орловского государственного университета
М.А. ГОНЧАРОВА, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры общих математических дисциплин
Орловского государственного университета
Тел. 8-953-610-22-45; natalek-81@yandex.ru
Н.А. ГОНЧАРОВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры
менеджмента и управления народным хозяйством ГОУ ВПО
«Орловская региональная академия государственной службы»
Тел. 8-953-610-21-73

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Статья посвящена проблемам системной реализации компетентностного подхода в условиях модернизации высшего профессионального образования и формирования инновационной экономики в России. Особое внимание авторы уделяют понятию «профессиональная компетентность будущего специалиста», новым положениям ФГОС ВПО, а также ключевым изменениям процесса формирования новой модели подготовки будущего специалиста (бакалавра, магистра).

Ключевые слова: модернизация образования, инновационная экономика, компетентностный подход, профессиональная компетентность будущего специалиста, метод портфолио.

В настоящее время в России начат процесс формирования рыночной модели инновационного развития экономики. Ее ключевыми задачами должны стать: технологическая модернизация, перестройка систем управления знаниями в компаниях и ведомствах, институциональные преобразования, реализация новых форм интеграции науки и производства, рост производительности труда, подготовка и переподготовка кадров, развитие инфраструктуры продвижения наукоемкой продукции на региональные рынки и др. Решение этих задач, на наш взгляд, должно быть в первую очередь связано с интенсификацией, углублением процессов модернизации профессионального образования как основы построения эффективной национальной инновационной системы.

В качестве фундаментальной методологии модернизации российской системы, как направление повышения качества образования выступает компетентностный подход. Именно компетентностный подход положен в основу разработки новых ФГОС ВПО. Реализация этих стандартов объективно требует построения новой модели подготовки будущего специалиста (бакалавра, магистра). Эта объективность обуславливается, в свою очередь, разнообразием и структурной сложностью общекультурных и профессиональных компетенций бакалавров, содержащихся в ФГОС, формирование и развитие которых в рамках действующей объяснительно-иллюстративной модели обучения не представляется возможным.

Системная реализация компетентностного подхода в нашей стране предполагает трансформацию «ЗУНовской» образовательной парадигмы в компетентностную. Формирование новой модели подготовки будущего специалиста (бакалавра, магистра) будет сопровождаться рядом следующих ключевых изменений.

Во-первых, изменения коснутся целей, ценностей, результатов образовательного процесса, которые из плоскости «знания–умения–навыки» перейдут в плоскость совокупности различных компетенций.

В требованиях к основным качественным и функциональным характеристикам обучающегося согласно ФГОС ВПО уровень бакалавриата по различным направлениям подготовки, компетенция определяется как «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области... Выпускник по любому направлению подготовки с квалификацией (степенью) бакалавр должен обладать следующими компетенциями: общекультурными компетенциями (например, компетенции социального взаимодействия, самоорганизации и самоуправления, системно-деятельностного характера), профессиональными компетенциями (исследовательская деятельность, организационно-управленческая деятельность, информационно-аналитическая деятельность)».

На современном этапе модернизации российского образования, в условиях формирования новой экономики речь идет о подготовке компетентного специалиста, свободно владеющего своей профессией и вместе с тем ориентированного в смежных областях деятельности, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Уже сегодня работодатели, определяя требования к нанимаемому персоналу, в своем выборе руководствуются не перечнем дисциплин, которые были прочитаны «вчера» студенту, а теми компетентностями, которыми он обладает в совокупности с его способностями и личными качествами. Иными словами, компетентность – это не просто обладание знаниями, умениями и навыками, но и возможность их гибкого применения в конкретной предметной области. Таким образом, компетентность есть реализованные на практике компетенции, а также является фундаментальной основой конкурентоспособности специалиста на рынке труда.

Мы разделяем точку зрения большинства исследователей, согласно которой компетентность – сложное, интегративное, многофакторное, многоаспектное качество личности, проявляющееся в общей способности ее к деятельности, основанной на знаниях и опыте, которые были приобретены в процессе обучения и социализации и ориентированы на самостоятельное и успешное участие в деятельности.

При определении рассматриваемой категории ученые чаще всего исходят из значения латинского аналога «competentis», означающего «соответствующий», «способный», то есть пригодный к реализации тех или иных полномочий, исполнению определенных функций. Это позволяет определить значение компетентности как профессионально-гуманитарное. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что профессиональная компетентность характеризует деятельность уже работающего специалиста. В свою очередь это предопределяет объективную необходимость исследования процесса формирования профессиональной компетентности как совокупности теоретических знаний, практического опыта, личностных качеств уже на этапе обучения в вузе.

На основе проведенных исследований мы пришли к выводу, что наряду с понятием «компетентность» следует рассматривать понятие «профессиональная компетентность будущего специалиста», которое определяется нами как динамическая интегративная профессионально-личностная характеристика обучающегося, выражающая единство его теоретической, практической и психологической готовности к осуществлению профессиональной деятельности, а также способности производить необходимые для этого действия с учетом тенденций изменения временного и пространственного аспектов.

Во-вторых, проявляющиеся уже сегодня тенденции, связанные с изменением роли преподавателя, содержания его деятельности. Так, представители Санкт-Петербургской научной школы (В.А. Козырев, Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпицина) выделяют следующие позиции преподавателя, которые заключаются главным образом в сопровождении и поддержке деятельности студента.

– Преподаватель-консультант. Сущность этой модели состоит в том, что отсутствует традиционное изложение материала преподавателем, обучающая функция реализуется через консультиро-

вание, которое может осуществляться как в реальном, так и в дистанционном режиме. Консультирование сосредоточено на решении конкретной проблемы. Консультант либо знает готовое решение, которое он может предложить, либо владеет способами деятельности, указывающими путь к решению проблемы. Главная цель преподавателя в такой модели обучения – научить студента учиться.

– Преподаватель-модератор. Моделирование – деятельность, направленная на раскрытие потенциальных возможностей студента и его способностей. В его основе лежит использование специальных технологий, помогающих организовать процесс свободной коммуникации, обмена мнениями, суждениями, подводящих студентов к принятию решения за счет реализации внутренних возможностей. Основными методами работы преподавателя-модератора являются такие, которые побуждают студентов к деятельности и активизируют их, выявляют существующие у них проблемы и ожидания, организуют дискуссионный процесс, создают атмосферу товарищеского сотрудничества. Преподаватель-модератор выступает посредником, который способствует установлению отношений между студентами.

– Преподаватель-тьютор осуществляет педагогическое сопровождение обучения студентов. Он разрабатывает групповые задания, организует групповые обсуждения какой-либо проблемы. Деятельность преподавателя-тьютора, как и преподавателя-консультанта, направлена не на воспроизводство информации, а на работу с субъектным опытом студента. Преподаватель анализирует познавательные интересы, намерения, потребности, личные устремления каждого. Он разрабатывает специальные упражнения и задания, опирающиеся на современные коммуникационные методы, личную и групповую поддержку, продумывает способы мотивации и варианты фиксации достижений, определяет направления проектной деятельности. Взаимодействие с тьюторами осуществляется через тьюториалы, дневные семинары, группы взаимопомощи, компьютерные конференции. Задачи преподавателя-тьютора – помочь студентам получить максимальную отдачу от учебы, следить за ее ходом, осуществлять обратную связь в процессе выполнения заданий, проводить групповые тьюториалы, консультировать студентов, поддерживать их заинтересованность в обучении на протяжении всего периода изучения дис-

циплины, обеспечивать возможность для использования различных форм контакта с ним (личные встречи, электронная почта, компьютерные конференции).

– Преподаватель-фасилитатор оказывает педагогическую помощь и поддержку студентам, которые выражаются в повышении продуктивности деятельности отдельного студента или группы студентов. Эта поддержка мягкая, не направленная, не императивная, но все же она вызывает определенные изменения в личности студента. Оказывая такую поддержку, преподаватель побуждает студента реализовать свои замыслы в конкретных действиях как формах проявления активности субъекта, ответственность за которые несет сам субъект. Такого рода ненаправленные влияния преподавателя на студентов способствуют изменению мыслительной деятельности, повышают уровень креативности, перцепции, вызывают сдвиги в эмоциональных проявлениях. Преподаватель-фасилитатор ставит студентов в позицию помощников, попутчиков на пути поиска совместных решений, дает студентам полную свободу в этом поиске и право выбора своего решения. При этом функция преподавателя-фасилитатора реализуется как педагогическая поддержка самопознания студентов на основе установления ценностно значимых связей субъектов взаимодействия при сохранении их личностной уникальности и целостности.

– Преподаватель-тренер. Преподаватель-тренер выступает в качестве обучающего не просто специальности, а мастерству овладения студентом будущей профессиональной деятельностью через усвоение системы определенных знаний. Он помогает студентам в прохождении определенных учебных курсов, в учении, подготовке к публичным выступлениям в ходе семинарских и практических занятий, выступлений с докладами и сообщениями на учебных, а затем и научных конференциях.

В-третьих, изменяется позиция обучаемого: из объекта педагогического воздействия, пассивно воспринимающего передачу знаний, умений, навыков, он превращается в активного субъекта образовательного процесса, взаимодействующего не только с преподавателем, но и с другими обучающимися, проектирующего собственную образовательную траекторию. Последнее находит отражение в требованиях ФГОС ВПО, где подчеркивается, что вуз обязан обеспечить обучающимся

реальную возможность участвовать в формировании своей программы обучения, включая возможную разработку индивидуальных образовательных программ.

В-четвертых, трансформация образовательного процесса от субъект-объектного к субъект-субъектному объективно потребует использования инновационных педагогических технологий, которые основаны на открытом характере партнерского взаимодействия педагога и обучающихся, созидательном развитии личности, формировании готовности будущего специалиста к принятию решений и взятию на себя ответственности, активном применении информационных и коммуникационных технологий и т.д. Реализация компетентного подхода предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (в том числе семинаров в диалоговом режиме, дискуссий, компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов, вузовских и межвузовских телеконференций) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В качестве инструмента сквозного управления процессом оценки уровня сформированности профессиональной компетентности будущего специалиста мы предлагаем использовать электронный метод портфолио.

Метод портфолио по своему содержанию и технологии позволяет:

- перейти к личностно ориентированному взаимодействию преподавателя и студента;
- способствовать подготовке креативной, саморазвивающейся личности, легко адаптирующейся к условиям постоянных социально-экономических изменений, сопровождающих весь цикл ее профессиональной деятельности (т.н. концепция непрерывного образования);
- обогатить содержание образования новыми процессуальными умениями, развитием способностей оперировать информацией, творческим решением профессиональных проблем, ситуаций в условиях рынка, при этом особое внимание уделяется индивидуализации образовательных программ;
- более широко и результативно внедрять и использовать компьютерные средства обучения, телекоммуникационные технологии.

При этом портфолио является, с одной стороны, основанием для оценки работы преподавателем, с другой – материалом для самооценки, что способствует рефлексии знаний. Хорошо спроектированная система оценки методом портфолио отражает не только динамику развития обучаемых, но и вклад преподавателя в процесс формирования профессиональной компетентности будущего специалиста.

Практическая реализация метода портфолио в системе высшего профессионального образования вносит элемент инновационности в организацию образовательного процесса, который приобретает проблемно-исследовательский, практико ориентированный характер.

В-пятых, изменения коснутся организации и содержания образования. Наблюдающаяся в настоящее время излишне «теоретизированная» подготовка молодого специалиста в будущем будет преодолеваться нормативно. Так, в требованиях к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата прямо подчеркивается, что занятия лекционного типа для соответствующих групп студентов не могут составлять более 40–50% аудиторных занятий. В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов. Эти организационные мероприятия должны усилить степень соответствия структуры и содержания реализуемых образовательных программ актуальным потребностям общества и национальной экономики. В результате центр тяжести смещается с умения запоминать на умение размышлять и действовать, а используемые современные образовательные технологии должны способствовать формированию и развитию общекультурных и профессиональных компетенций.

Особо следует отметить, что каждый учебный цикл имеет базовую (обязательную) часть и вариативную (профильную), устанавливаемую вузом. Вариативная (профильная) часть дает возможность расширения и (или) углубления знаний, умений, навыков и компетенций, определяемых содержанием базовых (обязательных) дисциплин (модулей), позволяет обучающимся получить углубленные знания и навыки для успешной профессиональной деятельности и (или) продолжения профессионального образования в магистратуре.

Таким образом, учет рассмотренных выше изменений в образовательном процессе вуза будет способствовать системной реализации компетентного подхода в условиях модернизации выс-

шего профессионального образования в нашей стране, что найдет отражение в формировании компетентностной модели подготовки специалиста (бакалавра, магистра).

Библиографический список

1. Мультимедиа в образовании: специализированный учебный курс [Текст] / Бент Б. Андерсен, Катя ван ден Бринк. – М.: Дрофа, 2007. – С. 43.
2. Зеер Э.Ф. Модернизация профессионального образования [Текст] / Э.Ф. Зеер. – М.: МПСИ, 2005. – 216 с.
3. См.: Гончарова М.А., Гончарова Н.А. Роль информационных технологий в процессе вузовской подготовки специалистов [Текст] / М.А. Гончарова, Н.А. Гончарова // Непрерывное профессиональное образование в социокультурной сфере: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, 29–30 марта 2006 г. – Орел: Изд-во ОГИИК, 2006. – С. 373–376; Гончарова М.А., Гончарова Н.А. Реализация компетентного подхода в подготовке конкурентоспособного специалиста в новых экономических условиях [Текст] / М.А. Гончарова, Н.А. Гончарова // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры: материалы Всероссийской Интернет-конференции, региональной научно-практической конференции. – Орел: Изд-во ОрелГТУ, 2008. – С. 70–73; Гончарова М.А., Гончарова Н.А. Компетентностный подход в подготовке специалиста в условиях становления новой экономической системы [Текст] / М.А. Гончарова, Н.А. Гончарова // Инновационные методы обучения студентов: материалы внутривузовского методического семинара. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2009. – С. 63–64.
4. Гончарова Н.А. Информационные технологии в формировании профессиональной компетентности будущего учителя: Учебное пособие [Текст] / Н.А. Гончарова // Под ред. А.И. Умана. – Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2007. – 60 с.

ИЛЬИНА N.A., GONCHAROVA M.A., GONCHAROVA N.A.

THE COMPETENT OF THE APPROACH IN CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE HIGHER VOCATIONAL EDUCATION AND FORMATIONS OF INNOVATIVE ECONOMY IN RUSSIA

The article is devoted to the problems of system realization competent the approach in conditions of modernization of the higher vocational education and formations of innovative economy in Russia. Authors give special attention to concept «professional competence of the future specialist», new positions ФГОС ВПО and also to key changes of process of formation of new model of preparation of the future specialist (the bachelor, the master).

Key words: modernization of the education, innovative economy competent the approach, professional competence of the future specialist, method portfolio.

А.Ф. КАЛАШНИКОВ, доктор педагогических наук, профессор
кафедры «Социология, культурология и политология»
Орловского государственного университета –
учебно-научно-производственного комплекса

Т.А. ИСАМУХАМЕДОВА, преподаватель кафедры «Социология,
культурология и политология» Орловского государственного
университета – учебно-научно-производственного комплекса

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Как показывает практика, после окончания вуза выпускники находят применение своим знаниям, умениям и навыкам, полученным за время обучения в образовательном учреждении, в различных сферах жизни общества. Это может быть производственная, общественная, научная, преподавательская, хозяйственная, управленческая, партийная и другие ее виды.

Специалист с высшим профессиональным образованием, как правило, назначается на руководящие должности различного масштаба. Так, например, это может быть должность главного специалиста, бригадира или начальника участка, заместителя или начальника отдела и т.п. Содержание служебной обязанности этих должностей относится к управленческому виду деятельности. Он характеризуется взаимодействием руководителя с подчиненными, коллегами, вышестоящим руководством. Это взаимодействие может носить характер не только межличностных, но и социальных отношений [3, с. 44; 8, с. 43].

Все руководящие должности характеризуются ежедневными многократными контактами руководителя с людьми различного уровня профессиональной подготовленности, интеллекта, эмоциональности, культуры воспитания и других личностных качеств. В течение рабочего дня менеджер осуществляет различного вида общения: проводит совещание с персоналом, сам участвует в совещаниях различного ранга, ставит задачи подчиненным, контролирует их выполнение, предъявляет требования к исполнению функциональных обязанностей персоналом и выполняет другие виды делового общения [5, с. 3]. Оно реализуется восприятием информации, ее запоминанием и анализом, воспроизводством отдельных ее фрагментов, быстрым нахождением ответа, удовлетворяющего обратившегося с просьбой или вопросом члена персонала или посетителя.

Анализ практики управления персоналом убедительно показывает, что, каким бы трудолюбивым, энергичным, эрудированным, инициативным ни был руководитель организации, учреждения или предприятия, без грамотных, инициативных профессионалов он не в состоянии выполнить большой, разнообразный объем работы. Это обстоятельство диктует необходимость планирования профессионального продвижения персонала через систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации [1, с. 146].

Поэтому в процессе своей управленческой деятельности перспективно мыслящий руководитель осуществляет воспитание и обучение членов персонала. В ходе этого процесса воспитываются у сотрудников профессионально важные психические качества: дисциплинированность, выдержка, трудолюбие, настойчивость, усидчивость, инициативность, исполнительность и другие, без которых руководитель любого ранга не может эффективно выполнять свои служебные обязанности.

Обучаются члены персонала быстрому выполнению профессиональных двигательных действий. Например, умению быстро находить в приказах, инструкциях, директивах, указаниях и других многочисленных документах, регламентирующих их профессиональную деятельность, те разделы, которые касаются их непосредственно и возглавляемых ими отдела, лаборатории и т.п. Формируется навык выполнения требований штабной культуры при работе и оформлении служебных документов и др., быстрое определение из большого количества служебной документации нужного документа для точного выполнения задания или поручения менеджера и др.

Воспитывать и обучать можно различными методами. Один тип руководителей предпочитает опекать начинающих свою трудовую деятельность молодых сотрудников. Другой тип руководителей предпочитает в формировании важных профессиональных качеств самостоятельное воспитание и обучение молодых специалистов, т.е. метод проб и ошибок. Третий тип руководителей хаотично переходит от опеки к самостоятельному освоению функциональных обязанностей членами персонала. В результате эффективность деятельности учреждения или организации не достигает требуемого уровня. В условиях жесткой конкуренции рыночных отношений такие фирмы, организации, как правило, бесследно исчезают или меняются их руководство.

Эти обстоятельства обуславливают необходимость педагогического воздействия менеджера на персонал. Целенаправленная, систематическая работа по управлению профессиональной подготовкой персонала дает возможность значительно сократить время достижения профессионального мастерства начинающими свою трудовую деятельность специалистами. Одним из разделов педагогики – общей педагогикой – определены три блока методов воспитания: это формирование познания, организация деятельности и формирование опыта поведения, стимулирование [3, с. 105]. Первый блок методов воспитания – формирование познания – осуществляется через убеждение. Оно реализуется рассказом, объяснением, разъяснением, лекцией, этической беседой, диспутом, докладом. При необходимости усиления воздействия применяют увещание, внушение, инструктаж, пример. Его результатом является воздействие на сознание воспитуемого с целью изменить его ус-

тановку к действиям, поступкам, т.е. он должен спрогнозировать последствия предстоящего своего действия, поступка и определить дальнейшее свое поведение.

Второй блок методов – организация деятельности и формирование опыта поведения – осуществляется посредством упражнения. Этот блок метода включает собственно упражнение (практическое выполнение одних и тех же действий в различных условиях по возрастанию степени усложнения условий их выполнения), приучение, педагогическое требование, общественное мнение, поручение, воспитывающая ситуация. Конечный результат этого блока методов воспитания проявляется в формировании умения организовать свою деятельность и приобретении опыта поведения.

Третий блок методов состоит из мотивации. Мотивация является внутренним побудителем к деятельности по достижению намеченной самим собой цели. В этот блок входят соревнование, поощрение, наказание. Соревнование стимулирует определение скрытых резервов для повышения производительности труда. Поощрение и наказание создают внутреннюю мотивацию и внешнее стимулирование сотрудников к плодотворной деятельности.

Таким образом, воспитание направлено на потребностную, мотивационную и эмоциональную сферы центральной нервной системы членов персонала.

Потребности, нужда в чем-либо объективно необходимом для поддержания жизнедеятельности и развития организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом. Они являются внутренними побудителями активности. Потребности различают биологические, свойственные животным и человеку, и социальные, которые носят исторический характер, зависят от уровня экономики и культуры. Осознанные обществом, социальными группами, общностями и индивидами потребности выступают как их интересы. В психологии под потребностью понимают испытываемую нужду человека в чем-либо, т.е. в том, без чего существовать индивид не может. Это особое состояние психики индивида, ощущаемое или осознаваемое им «напряжение», «неудовлетворенность» — отражение несоответствия между внутренним состоянием и внешними условиями его деятельности (Сластенин В.А., Каширин В.П., с. 65). Оно обнаруживается во влечениях

человека и его мотивах к совершению поступков и действий. Потребности динамичны, изменчивы. После удовлетворения потребностей возникают новые потребности, на более высоком уровне. Это связано с включением личности в различные сферы и формы деятельности. Высшие уровни потребности составляют социальные потребности. Их проявление заключается в самореализации, самутверждении, т. е. в творческой деятельности человека. Практика управления персоналом показывает, что после удовлетворения потребности в чем-либо производительность труда снижается. Поэтому задача менеджера для поддержания и повышения производительности труда состоит в том, чтобы после удовлетворения потребности у персонала сформировать мотивацию и перевести ее в потребность на более высоком уровне.

В биологии мотивации (побуждения) понимаются как активные состояния мозговых структур, побуждающие высших животных и человека совершать наследственно закрепленные или приобретенные опытом действия, направленные на удовлетворение индивидуальных (голод, жажда и др.) или групповых (забота о потомстве и др.) потребностей. В производственной профессиональной деятельности мотивация способствует улучшению эмоционального состояния. На базе этого длительное время поддерживается высокая производительность труда.

Эмоции означают волнение (от лат. *emoveo* – потрясаю, волную). Это субъективные переживания, в форме которых психика кодирует значения раздражителей для организма [2, с. 318]. Они тесно связаны с потребностями, поскольку, как правило, при удовлетворении потребностей человек испытывает положительные эмоции и, наоборот, при невозможности получить желаемое – отрицательные (Крылов А.А., с. 199).

Методы обучения состоят из пяти блоков методов: практический, наглядный, словесный, работа с книгой, видеометод (Подласый И.П., с. 474). Практический метод включает такие действия, как опыт, упражнение, производственный труд. Наглядный метод содержит иллюстрацию, демонстрацию, наблюдение. Словесный – объяснение, разъяснение, рассказ, беседу, инструктаж, лекцию, диспут, дискуссию. Работа с книгой содержит специфические действия труда умственного характера. Это чтение текста, изучение отдельных его фрагментов, реферирование, беглый просмотр со-

держания, цитирование отдельных положений, изложение прочитанного материала, составление плана выступления или сообщения, конспектирование наиболее важных разделов. Видеометод включает просмотр материала, обучение, упражнение под контролем «электронного учителя», контроль.

Обучение ставит своей целью обучение членов персонала профессиональным двигательным действиям и навыкам с целью совершенствования их до уровня динамического стереотипа – быстро определять и выполнять наиболее рациональные действия в изменяющихся условиях. Это требование обусловлено физиологической особенностью центральной нервной системы человека – выполнение таких действий без контроля сознанием осуществляется быстро и точно. Примером могут служить такие действия, как написание и чтение текста, передвижение человека в пространстве, принятие пищи и т.п. Научившись их выполнять, человек в дальнейшем не контролирует своим сознанием выполнение каждого элемента, составляющее сложное действие. Поэтому обучение состоит из практического выполнения элементов профессиональных двигательных действий и по мере их усвоения – полных действий. Источником сознательной деятельности человека является подавляющее число знаний и умений, которые формируются путем усвоения общечеловеческого опыта, накопленного в процессе общественной истории и передающегося в процессе обучения [4, с. 63].

Овладеть профессионально важными качествами и двигательными действиями и «войти в должность» сотрудник может и самостоятельно, но для этого потребуется длительное время. Кроме того, начинающий специалист совершает различного рода ошибки. С целью повышения эффективности процесса овладения профессиональной деятельностью целесообразно придать ему управляемый, планомерный характер. Существенную роль в этом процессе играет постоянство проведения работы по формированию и совершенствованию у сотрудников профессионально важных качеств.

Таким образом, со всей очевидностью становится понятно, что для эффективного управления персоналом менеджер должен владеть методами обучения и воспитания членов персонала, особенно молодых специалистов. В своей работе с персоналом ему целесообразно использовать педаго-

гическое воздействие, которое характеризуется следующими признаками:

- наличием эталона или модели члена персонала, обладающего необходимыми профессиональными качествами (как правило, это сотрудник, имеющий опыт работы 15–20 лет);
- разработкой плана достижения такого уровня профессионализма начинающими свою профессиональную деятельность членами персонала;
- систематическим выполнением составленного плана профессиональной подготовленности с начинающими свою трудовую дея-

тельность членами персонала и молодыми специалистами;

- руководящей ролью воспитывающего и обучающего в процессе воспитания и обучения;
- применением методов и средств педагогического воздействия на членов персонала, адекватных индивидуальным особенностям каждого нового сотрудника.

Целенаправленное применение педагогических условий в обучении и воспитании персонала может существенно повысить эффективность профессиональной деятельности служащих государственных и муниципальных учреждений.

Библиографический список

1. Егоршин А.П. Управление персоналом: Учебник для вузов. – 3-е изд. – Н. Новгород: НИМБ, 2001. – 720 с.
2. Ительсон Л.Б. Лекции по общей психологии: Учебное пособие. – Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 896 с. – (Библиотека практической психологии).
3. Кравченко А.И. Социология: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2003. – 384 с. (Серия «Gaudeamus»).
4. Лекции по общей психологии А.Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2004. – 320 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
5. Психология. Учебник. – М.: «ПРОСПЕКТ», 1999. – 584 с. Под ред. Крылова А.А.
6. Подласый И.П. Педагогика. Новый курс: Учебник для студ. педвузов: В 2 кн. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 576 с.: ил.
7. Сластенин В.А., Каширин В.П. Психология и педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 480 с.
8. Социология. Курс лекций: Учебное пособие для вузов / Шарков Ф.И., Родионов А.А. – М.: Издательство «Экзамен», 2007. – 160 с. (Серия «Курс лекций»).
9. Станкин М.И. Если мы хотим сотрудничать. Кн. для преподавателя и воспитателя. – М.: Издательский центр «Академия», 1996. – 384 с.

О.А. КАПЛУН, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков ГОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли»
Тел.: 41-73-96, 8-953-618-96-67; sunny21@inbox.ru

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятий «компетенция» и «компетентность». Предлагаются существующие в современной науке структура целей, соотношение компетенций и уровней владения языком. Дается характеристика понятия «грамматическая компетенция» как составляющей коммуникативной компетенции. Описываются компонентный состав грамматической компетенции и пути ее формирования.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, коммуникативная компетенция, грамматическая компетенция, уровни владения языком, знание, умение, навык.

Центральной проблемой обучения языку в современном обществе является определение целей и содержания обучения, адекватного этим целям. Цель определяется объективными нуждами общества, выражает его социальный заказ, но в то же время она определяет всю систему обучения, ее содержание и организацию. Усиление коммуникативной стороны этой направленности отражается в пересмотре этих целей и содержания обучения языку. Речь идет не просто о знании языка, а об умении использовать его в реальном общении, то есть о практическом владении языком.

Для характеристики достигаемого в результате обучения уровня владения языком в методике используется термин «компетенция», который был введен Н. Хомским для обозначения присущей человеку способности к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных в ходе обучения знаний, умений, навыков, опыта работы [20, с. 138–139]. Традиционно термин «компетенция» означал круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлен, обладает знанием и опытом. В образовании компетенции обучающихся сводились к практическим навыкам, которые формировались в результате автоматизации знаний. Данный подход подвергался критике, так как компетенций в виде практических знаний было недостаточно для развития индивидуальности обучающихся [9, с. 30].

Было предложено различать два понятия: компетентность и компетенцию. Как отмечает М.К. Колкова, под компетенцией следует понимать «сформированность у учащихся комплекса взаимосвязанных качеств личности, владение знаниями, навыками и умениями, а также способами деятельности, необходимыми для качественной продуктивной деятельности по отношению к определенному кругу предметов и процессов. Компетентность же определяется как владение каждым конкретным человеком соответствующей компетенцией, включающей его индивидуально-личностное отношение к ней и к предмету деятельности в целом» [8, с. 95]. А.Н. Щукин под компетенцией понимает круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен, обладает познанием, опытом, а под компетентностью – свойство личности, базирующееся на компетенции [20, с. 139]. Основанием для разделения понятий «компетенция» и

«компетентность» А.П. Садохин считает субъективный и объективный факторы, определяющие качество деятельности индивида. Объективный фактор определяет компетенцию индивида, так как он устанавливает сферу его деятельности, права и обязанности. Субъективный фактор служит основанием для компетентности индивида, так как выражается в наличии качеств, знаний, умений и способностей индивида к совершению определенной деятельности. Исходя из этого, А.П. Садохин рассматривает компетентность как совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих ее субъекту эффективно решать вопросы и совершать необходимые действия в какой-либо области жизнедеятельности, а компетенцию – как совокупность объективных условий, определяющих возможности и границы реализации компетентности индивида [15, с. 46].

Л.В. Черепанова определяет компетенцию в аспекте специфики русского языка как «совокупность знаний, умений, навыков и способов деятельности, которые формируются у учащихся в процессе обучения русскому языку как учебному предмету и служат средством достижения цели образования – формирования компетентности», а компетентность – как «способность к какой-либо деятельности, действиям в жизни, сформированную на основе полученных знаний, умений, навыков и способов деятельности, для решения теоретических и практических задач» [18, с. 86]. Далее автор указывает, что на современном этапе в контексте целей и направлений модернизации образования в России компетенцию целесообразно определить как «совокупность специальных (предметных) и общепредметных знаний, умений, навыков и способов деятельности, а также систему ценностных ориентаций и мотивов деятельности, сформированную у школьников в результате изучения ими предметной образовательной области и служащую средством достижения компетентности как конечной цели образования» [18, с. 89].

Главной целью изучения иностранного языка является формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Р.П. Мильруд и А.В. Матиненко отмечают, что коммуникативная компетенция представляет собой демонстрируемое и практическое знание языка, обеспечивающее достижение коммуникативных целей в устной и письменной, продуктивной и рецептивной, монологической и диалогической формах [11, с. 4].

В методике преподавания русского языка структура целей и соотношение компетенций другие. Первоначально структура целей обучения русскому языку предполагала формирование языковой компетенции (включает знания о системе языка и умения пользоваться ими для достижения орфографической, пунктуационной и речевой грамотности), коммуникативной компетенции (предполагает овладение всеми видами речевой деятельности, культурой речевого поведения) и элементарной лингвистической компетенции (дает знания о лингвистике как науке и языке как общественном явлении). С точки зрения содержания лингвистическая компетенция отражала мировоззренческий уровень языковой компетенции, служащий предпосылкой для коммуникативной компетенции. Позднее структура целей обучения была представлена приобретением коммуникативной, языковой, лингвистической (языковедческой) и социокультурной (культуроведческой) компетенций.

Авторы словаря «Педагогическое речеведение» под коммуникативной компетенцией понимают «приобретенное в процессе естественной коммуникации или специально организованного обучения особое качество речевой личности, складывающееся из нескольких составляющих, в числе которых можно выделить языковую, предметную, лингвистическую, прагматическую компетенции», под языковой и лингвистической компетенциями – «знание единиц языка и правил их соединения», а также «знания, относящиеся к лингвистике» [14, с. 81].

В методике преподавания иностранных языков отмечается, что коммуникативная компетенция включает в свой состав различные виды компетенций. Компонентный состав коммуникативной компетенции определяется исследователями по-разному. Так, в одной из своих работ Н.И. Гез пишет, что коммуникативная компетенция включает в себя следующие понятия: вербально-когнитивную компетенцию (способность обрабатывать, группировать, запоминать и вспоминать сведения и данные, прибегая к языковым обозначениям), лингвистическую компетенцию (способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения), вербально-коммуникативную компетенцию (способность учитывать при речевом общении контекстуальную уместность и употре-

бительность языковых единиц для реализации когнитивной и коммуникативной функций) и метакоммуникативную компетенцию (владение понятийным аппаратом, необходимым для анализа и оценки средств речевого общения) [5, с. 18]. Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, М.К. Колкова, А.В. Матиенко, Р.П. Мильруд, А.Н. Щукин [4, 8, 11, 20] выделяют следующие составляющие коммуникативной компетенции: лингвистическую, социолингвистическую (речевую), дискурсивную, стратегическую, социальную, социокультурную, предметную и профессиональную компетенции. Охарактеризуем содержание различных видов коммуникативной компетенции, формируемых на занятиях по языку и являющихся конечной целью обучения языку, а также предметом тестирования.

Лингвистическая (языковая) компетенция – это владение знаниями о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи и способность с помощью этой системы понимать чужие мысли и выражать собственные суждения в устной и письменной форме.

Социолингвистическая (речевая) компетенция означает знание способов формулирования мыслей с помощью языка, обеспечивающих возможность реализовать коммуникативное намерение, а также способность пользоваться такими способами для понимания мыслей других людей и выражения своих суждений в зависимости от условий речевого акта (ситуации, коммуникативных целей и намерений говорящего).

Дискурсивная компетенция означает способность обучающегося использовать определенные стратегии для конструирования и интерпретации текста.

Стратегическая (компенсаторная) компетенция – это компетенция, с помощью которой обучающийся может восполнить пробелы в знании языка, речевом и социальном опыте общения в иноязычной среде.

Социальная (прагматическая) компетенция проявляется в умении вступать в коммуникацию с другими людьми, в способности ориентироваться в ситуации общения и строить высказывание в соответствии с коммуникативным намерением говорящего и ситуацией.

Социокультурная компетенция подразумевает знание обучающимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка (обычаев, этикета, социальных

стереотипов, истории и культуры) и способов пользования этими знаниями в процессе общения.

Предметная компетенция – это способность ориентироваться в социальном плане общения в определенной сфере человеческой деятельности.

Профессиональная компетенция обеспечивает способность к успешной профессиональной деятельности.

Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез выявляют общую совокупность составляющих коммуникативной компетенции:

- 1) знания о системе изучаемого языка и навыки оперирования языковыми средствами общения;
- 2) сформированные на основе лингвистических знаний и языковых навыков умения понимать и порождать иноязычные высказывания, комбинировать их в ходе одного акта общения в соответствии с конкретной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением;
- 3) знания социокультурной специфики страны изучаемого языка, а также навыки и умения, позволяющие осуществлять речевое и неречевое общение с носителями языка в соответствии с нормами, регулирующими вербальное взаимодействие в соответствующем сообществе;
- 4) умения пользоваться собственным речевым иноязычным опытом для компенсации пробелов в знании языка [4, с. 99–100].

Все это должно обеспечить обучающихся умениями устанавливать и поддерживать контакт в устной и письменной форме с партнером по общению, сообщать и запрашивать информацию, логично и последовательно высказываться, адекватно реагировать на высказывания партнера по общению, интерпретировать и обобщать информацию, выражая свое отношение к предмету общения.

Выдвижение коммуникативной компетенции в качестве основной практической цели обучения иностранному языку вызвало необходимость выделения разных уровней коммуникативной компетенции (уровней владения языком), выступающих объектами тестового контроля. Под уровнем владения языком Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез понимают определенную степень развития коммуникативной способности индивида с точки зрения эффективности процесса межкультурного взаимодействия с носителями языка [4, с. 100]. А.Н. Щукин определяет уровень владения языком как степень сформированности речевых умений и навыков у пользователя изучаемого языка [20, с. 56].

Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, А.Н. Щукин [4, 18] приводят следующие уровни владения языком:

I. Элементарное владение языком:

1-й уровень – элементарный (уровень выживания), учащиеся 5–6 классов средней школы;

2-й уровень – базовый (допороговый уровень), учащиеся 7–9 классов средней школы;

3-й уровень – пороговый, учащиеся 10–11 классов средней школы.

II. Свободное владение языком:

4-й уровень – промежуточный, студенты 1–4 курсов вуза, бакалавры;

5-й уровень – продвинутый, студенты 5–6 курсов вуза, магистры.

III. Совершенное владение языком:

6-й уровень – опытный пользователь, выпускник вуза – преподаватель языка;

7-й уровень – профессиональный пользователь, повышение квалификации, стажировка в стране изучаемого языка;

8-й уровень – совершенный пользователь, свободное владение языком, уровень носителя языка.

Каждый из этих уровней характеризуется:

- различной степенью сформированности коммуникативных умений; характером, степенью сложности ситуаций, в которых эти умения могут быть реализованы; различной степенью развития способности адаптироваться к новизне речевых ситуаций;
- вариативностью целей и способов речевого общения, уместностью использования языковых и речевых средств;
- различным качеством порождаемого / воспринимаемого речевого высказывания с точки зрения новизны, степени сложности, объема, реализации собственного коммуникативного намерения, языковых трудностей и разнообразия используемых языковых средств;
- нормативностью языкового оформления текста в плане правильности и уместности использования языковых средств, точности передаваемой / воспринимаемой информации, а также соответствия используемых языковых средств конкретным ситуациям общения;
- беглостью речи, которая проявляется в скорости выполнения коммуникативной задачи в конкретной ситуации, а также уверенности / неуверенности в использовании языковых средств, отсутствии / наличии неоправдан-

ных пауз и повторов в процессе речевого общения;

· степенью самостоятельности / свободы в ходе речевых контактов, которая выражается в инициативности говорящего / слушающего, в отсутствии необходимости дополнительной помощи со стороны партнера по общению, справочных материалов и других средств [4, с. 101].

Параметрами для выделения уровней владения языком можно считать следующие: коммуникативные задачи, которые обучающиеся могут решать средствами изучаемого языка на каждом этапе обучения; сферы, темы и ситуации общения, в рамках которых такие задачи решаются; степень лингвистической и экстралингвистической корректности решения поставленных коммуникативных задач [20, с. 60]. Успешность продвижения обучающихся от одного уровня к другому зависит от сложности изучаемого языка, количества отводимых на изучение языка часов и от способности обучающегося к овладению языком.

Основополагающим компонентом в структуре коммуникативной компетенции по праву считается лингвистический (языковой) компонент. Он представляет собой знание языковых средств, включая грамматику, лексику и фонетику, и готовность пользоваться ими в устном и письменном общении.

Анализ трактовок понятий «лингвистическая компетенция» / «языковая компетенция» и их сопоставление показывают, что в методике преподавания иностранных языков они выступают чаще всего в качестве синонимов. Для методики преподавания русского языка характерно разграничение этих понятий. Необходимость этого разграничения обусловлена, по мнению Е.А. Быстровой, тем, что овладение языком предполагает, с одной стороны, усвоение единиц языка и правил их построения, а с другой стороны – знания о языке, его системе [1, с. 4]. Языковую компетенцию составляют освоение языковой системы, овладение самим языковым материалом [1, с. 4]. М.Н. Вятютнев под языковой компетенцией понимает «приобретенное интуитивное знание небольшого количества правил, которые лежат в основе построения глубинных структур языка, преобразуемых в процессе общения в разнообразные высказывания, то есть в поверхностные структуры» [3, с. 58]. А.А. Миролюбов под языковой компетенцией подразуме-

вает умение выражать свои мысли или понимать мысли других людей с помощью языковых средств, то есть умения и навыки пользования лексикой, грамматикой и произношением для речевой деятельности [2, с. 18]. Языковую компетенцию можно представить в виде системы правил для передачи значений с помощью единиц языка различных уровней (семантического, фонологического, морфологического и синтаксического). Формирование и развитие языковой компетенции происходит в результате многократного использования при общении составляющих ее компонентов.

Лингвистическая компетенция представляет собой, как отмечает Е.А. Быстрова, осмысление речевого опыта, включает в себя знание основ науки о русском языке, усвоение понятийной базы курса, определенного комплекса понятий (единиц и категорий языка) [1, с. 4]. Л.В. Черепанова определяет лингвистическую компетенцию как «совокупность специальных (лингвистических и учебно-языковых) и общепредметных знаний, умений, навыков и способов деятельности, а также ценностных ориентаций и мотивов учебно-познавательной деятельности, сформированную в результате изучения учащимися предметной области «русский язык», обеспечивающую всестороннее развитие школьника и служащую средством формирования лингвистической компетенции» [18, с. 125]. Таким образом, лингвистическая компетенция неразрывно связана с языковой компетенцией.

Лингвистическая компетенция предполагает овладение определенной суммой знаний и соответствующих им навыков и умений, связанных с различными аспектами языка: фонетикой, лексикой и грамматикой.

Важной составляющей языковой (лингвистической) компетенции является грамматическая компетенция. Так как наше исследование посвящено изучению возможностей формирования грамматической компетенции на основе применения метода тестирования, то, на наш взгляд, необходимо дать более подробную характеристику грамматической компетенции и ее компонентов (грамматических знаний, умений и навыков).

Грамматическая компетенция связана со знанием грамматических средств и умением использовать их в речи. Она предполагает способность понимать и выражать определенный смысл, оформляя его по определенным правилам в виде высказываний; знание грамматических правил, кото-

рые преобразуют лексические единицы в осмысленные высказывания; знание грамматических единиц и средств выражения грамматических категорий; владение грамматическими понятиями; навыки и умения адекватно использовать грамматические явления в речевой деятельности в различных ситуациях общения для решения коммуникативных задач. То есть грамматическая компетенция – это многокомпонентное явление, предполагающее владение определенными знаниями, умениями и навыками, наличие способности к языковой деятельности средствами данного языка.

В.С. Цетлин [17] при обучении иностранному языку различает два вида знаний: знания, непосредственно участвующие в формировании языковых навыков (практические знания), и знания, влияющие на этот процесс опосредованно (теоретические знания). Практические знания представлены в виде правил-инструкций, руководящих действиями, они носят частичный характер, так как не охватывают явления в целом. Теоретические знания представлены понятиями и их определениями, они участвуют в развитии навыков и умений опосредованно, в составе практических знаний, преподносимых в виде правил-инструкций.

Закреплению подлежат, как отмечают В.А. Бухбиндер и В. Штраус, те знания, которые ведут к овладению ориентировочной основой, которые в процессе становления грамматических умственных действий могут быть переведены на автоматизированный уровень и представлены как операции, складывающиеся в единое грамматическое действие. Закрепление этих знаний происходит в процессе первых этапов формирования грамматических умственных действий. Переход от овладения ориентировочной основой умственных действий к формированию самих действий предполагает перевод соответствующих компонентов на уровень навыка, то есть умственных процессов, которые совершаются над языковыми объектами без их актуального осознания, без внимания, направленного на способ их осуществления, когда контроль грамматического действия реализуется в процессе оценки общего результата речевого акта [12, с. 199].

Е.И. Пассов под грамматическими навыками понимает «сложноструктурированные действия, совершаемые в навыковых параметрах и обеспечивающие в качестве условий речевой деятельности ситуативно-адекватное морфолого-синтак-

сическое оформление речевой единицы любого уровня» [13, с. 57]. Качествами навыка являются автоматизированность (скорость действия, его целостность, низкий уровень напряженности, экономичность действия), устойчивость, гибкость (способность к переносу в новые ситуации и на новый учебный материал), обобщенность, автоматичность (направленность внимания на содержание, цель высказывания, а не на форму) и относительная сложность [13, с. 55].

В грамматическом навыке можно выделить составляющие его частные действия: 1) выбор грамматической структуры, адекватной речевому замыслу говорящего в данной ситуации; 2) оформление ее в соответствии с нормами языка и временным параметром; 3) оценка адекватности выбора и оформления в данной ситуации.

Е.И. Пассов [13] делает вывод, что грамматический навык состоит из двух поднавыков: поднавыка выбора структуры и поднавыка оформления структуры.

Грамматические навыки являются компонентами различных видов речевой деятельности, поэтому выделяют экспрессивные грамматические навыки говорения и письма и рецептивные грамматические навыки аудирования и чтения. Под экспрессивными грамматическими навыками понимают стабильно правильное и автоматизированное, коммуникативно мотивированное использование грамматических явлений в устной и письменной речи [7, с. 184]. Грамматические навыки, обеспечивающие правильное и автоматизированное формообразование и формоупотребление слов в устной и письменной речи, называются морфологическими навыками [19, с. 48]. Навыки правильного и автоматизированного расположения слов во всех типах предложений в устной и письменной речи называются синтаксическими навыками [7, с. 185].

Под рецептивными грамматическими навыками подразумеваются автоматизированные действия по узнаванию и пониманию морфологических форм и синтаксических конструкций в письменном и устном тексте. Рецептивные грамматические навыки делятся на рецептивно-активные и рецептивно-пассивные грамматические навыки аудирования и чтения. Рецептивно-активные грамматические навыки аудирования базируются на речевых автоматизированных связях слухо-речемоторных образов грамматических явлений и их

значений, а рецептивно-активные грамматические навыки чтения основываются на связях зрительно-графических и речемоторных образов этих явлений с их значениями. К пассивно-рецептивным навыкам относятся навыки узнавания и понимания грамматических явлений в тексте на основе имеющихся в зрительной памяти образов, а также грамматические навыки анализа грамматической информации текста [7, с. 185–186].

В соответствии с теорией поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина В.А. Бухбиндер и В. Штраусс [12] выделили четыре этапа формирования грамматических навыков:

1) подготовительный этап создает у обучающихся ориентировочную основу действия, показывает, как им нужно действовать с данным материалом, что соответствует процессу презентации материала в виде сообщения правил-инструкций или предъявления речевого образца;

2) элементарный этап предполагает первичную обработку грамматической формы в сочетании со знакомой лексикой, чему служат упражнения на подстановку;

3) совмещающий этап предполагает формирование автоматизированного навыка пользования той или иной грамматической формой, чему способствуют речеподготовительные (условно-речевые) упражнения, которые создают связи между речевой ситуацией и грамматическими средствами, обучающиеся поставлены здесь в условия, близкие к реальным;

4) систематизирующий этап предполагает выполнение грамматического действия в составе речевого, формирование механизма выбора, когда внимание обучающегося направлено не на усваиваемую структуру, а переключается на другие.

На процесс формирования навыков и их качество существенное влияние оказывает перенос навыков. Например, более устойчивые навыки русского языка оказывают интерферирующее действие на формируемые, менее устойчивые навыки иностранного языка. Различают положительный и отрицательный перенос (интерференцию). Без переноса нет навыка, а есть заученное выполнение данного действия только в заданных жестко определенных условиях. Для методики обучения иностранному языку важно учитывать и использовать в учебном процессе как положительный перенос навыков и учебного опыта, так и отрицательный перенос (интерференцию).

Навыки позволяют освободить внимание человека от необходимости контролировать промежуточные операции и перенести это внимание на контроль более сложных действий, а также на результат всей деятельности. Операции в деятельности автоматизированы и совершаются на основе навыка, а действия и вся деятельность осуществляются осознанно на основе умения [10, с. 27]. То есть навыки функционируют в составе умений как операции без участия знаний, хотя и формируются на их основе, чтобы обеспечить правильность тренировки и развить умение самоконтроля и самокоррекции.

П.Б. Гурвич и Ю.А. Кудряшов под грамматическим умением понимают способность к переносу грамматических действий в изменившиеся условия [6, с. 283]. Перенос заключается в том, что каждый новый случай применения – это развитие осознанных правилосообразных действий, в процессе которых меняется структура действия (происходит свертывание действия), а в результате переноса обучающийся приобретает умение выбирать оптимальный способ осознанного применения грамматических знаний [6, с. 291]. П.Б. Гурвич и Ю.А. Кудряшов [6] различают два типа грамматических умений: основные и вспомогательные. К основным грамматическим умениям относятся: умение переносить в речи грамматические действия на слова, которые в прошлом опыте обучающихся этими действиями не охватывались; умение выбрать правильную грамматическую форму из числа явлений, входящих с ней в одну систему взаимоотнопротивопоставленных еди-

ниц, и умение чередовать эти единицы между собой; умение употреблять грамматическое явление в сочетании с другими. К вспомогательным грамматическим умениям можно отнести: умение осознанного применения грамматических знаний, умение грамматического перефразы, умение переносить сходные грамматические действия с одного явления на другое.

Ю.А. Ситнов считает, что грамматическая компетенция формируется в деятельности на всех этапах своего становления, и грамматические навыки и умения могут отрабатываться одновременно при выполнении коммуникативных речемыслительных заданий. На первом этапе деятельность обучающихся должна быть направлена на становление навыка путем полного осознания грамматического явления и особенностей операций с ним, а на втором этапе – на активизацию данного явления в речи путем интенсивной практики [16, с. 47].

Таким образом, основной проблемой обучения языку в современном обществе является пересмотр целей и содержания обучения. Речь идет не просто о знании языка, а об умении использовать его в реальном общении, то есть о практическом владении языком, о развитии коммуникативной компетенции. Ведущее место в процессе достижения этой цели занимает языковая (лингвистическая) компетенция и одна из ее составляющих – грамматическая компетенция, под которой можно понимать многокомпонентное явление, предполагающее владение определенными знаниями, умениями и навыками, наличие способности к языковой деятельности средствами данного языка.

Библиографический список

1. Быстрова Е.А. Коммуникативная методика в преподавании родного языка [Текст] / Е.А. Быстрова // Русский язык в школе. – 1996. – № 1. – С. 3 – 8.
2. Вопросы контроля обученности учащихся иностранному языку [Текст] / Под ред. А.А. Миролюбова. – Обнинск: Титул, 1999. – 112 с.
3. Вятютнев М.Н. Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков [Текст] / М.Н. Вятютнев // Иностранные языки в школе. – 1975. – № 6. – С. 55 – 65.
4. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика [Текст] / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
5. Гез Н.И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований [Текст] / Н.И. Гез // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 2. – С. 17 – 24.
6. Гурвич П.Б., Кудряшов Ю.А. Грамматические умения, обуславливающие говорение на иностранном языке, и основные линии их развития [Текст] / П.Б. Гурвич, Ю.А. Кудряшов // Общая методика обучения иностранным языкам / Сост. Леонтьев А.А. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 282 – 295.
7. Методика обучения иностранным языкам в средней школе [Текст] / Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролюбов и др. – М.: Высш. школа, 1982. – 373 с.
8. Методика обучения иностранным языкам в средней школе [Текст] / Отв. ред. М.К. Колкова. – СПб: КАРО, 2005. – 224 с.

9. Мильруд Р.П. Компетентность в изучении языка [Текст] / Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 7. – С. 30–37.
10. Мильруд Р.П. Навыки и умения в обучении иноязычному говорению [Текст] / Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 1. – С. 26–34.
11. Мильруд Р.П., Матиенко А.В. Альтернативное тестирование коммуникативной компетенции учащихся [Текст] / Р.П. Мильруд, А.В. Матиенко // Английский в школе. – 2006. – № 4. – С. 4–9.
12. Основы методики преподавания иностранных языков [Текст] / Под ред. В.А. Бухбиндера, В. Штраусса. – Киев: Вища школа, 1986. – 336 с.
13. Пассов Е.И. О концепции т.н. языковых навыков [Текст] / Е.И. Пассов // Иностранные языки в высшей школе. – Вып. 10. – М.: Высш. школа, 1975. – С. 54–63.
14. Педагогическое речеведение: Словарь-справочник [Текст] / Под ред. Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской. – М., 1998. – 312 с.
15. Садохин А.П. Компетентность или компетенция в межкультурной коммуникации [Текст] / А.П. Садохин // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 3. – С. 39–57.
16. Ситнов Ю.А. Грамматические знания, навыки и умения в свете теории когнитивизма [Текст] / Ю.А. Ситнов // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 7. – С. 42–48.
17. Цетлин В.С. Знания, умения и навыки в обучении иностранным языкам [Текст] / В.С. Цетлин // Общая методика обучения иностранным языкам / Сост. А.А. Леонтьев – М.: Рус. яз., 1991. – С. 38–43.
18. Черепанова Л.В. Формирование лингвистической компетенции при обучении русскому языку [Текст] / Л.В. Черепанова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 324 с.
19. Шатилов С.Ф. Виды и взаимодействие навыков и умений в иностранном языке [Текст] / С.Ф. Шатилов // Иностранные языки в школе. – 1977. – № 4. – С. 44–51.
20. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика [Текст] / А.Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2004. – 416 с.

O.A. KAPLUN

GRAMMATICAL COMPETENCE AS A CONSTITUENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE

The article describes different approaches to the definitions “competence” and “competency”. It offers the structure of purposes, the ratio of competence and levels of language mastering which exist in modern science. The characteristic of the notion “grammatical competence” as a constituent of communicative competence is given. It describes the composition of grammatical competence and ways of its formation.

Key words: competence, competency, communicative competence, grammatical competence, levels of language mastering, knowledge, skill, quality.

И.Н. КАШИРИНА, ассистент кафедры общих математических дисциплин Орловского государственного университета
Тел. (4862) 410251

О РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА»

В статье рассматриваются вопросы подходов к определению термина «информационная культура личности», выделяются основополагающие моменты в каждом подходе. Рассматриваются различные определения данного понятия, которые существуют в современной литературе. Анализируется роль информационной культуры в повседневной практической деятельности человека и непосредственно в образовательном процессе.

Ключевые слова: информация, культура, информационная культура, информационно-коммуникационные технологии, компьютерная грамотность.

Процесс информатизации общества, становление информационного общества повлияли на культуру отдельного индивида. Немаловажное значение стало играть такое понятие, как «информационная культура личности». Одной из задач образования является формирование информационной культуры будущего специалиста.

Термин «информационная культура» в отечественных публикациях впервые появился в семидесятых годах. Инициаторами привлечения внимания общественности к этому феномену явились работники библиотек. Одними из первых работ, в которых использовалось это понятие, были статьи библиографов К.М. Войханской и Б.А. Смирновой [11].

Понятие «информационная культура» содержит в себе два компонента: «культура» и «информация», т.е. в самом широком смысле, опираясь на эти две составляющие, это нормы, правила поведения в обращении с информацией, умение ориентироваться в информационном пространстве.

Если рассматривать отдельную личность, то с точки зрения того, где и как человек использует свои знания и умения, информационную культуру можно разделить на профессиональную и общекультурную.

Общекультурная компонента показывает, как индивид использует информационно-коммуникационные технологии в своей повседневной жизни. Например, поиск информации в сети Интернет для решения бытовых задач, создание электронного каталога книг домашней библиотеки, ведение электронного бюджета семьи и другое.

Профессиональная информационная культура отражает то, как специалист применяет ИКТ в своей профессиональной деятельности. С точки зрения образования профессиональная информационная культура – это информационная культура педагога, которая включает в себя знания и умения, используемые для решения образовательных и воспитательных задач с применением информационно-коммуникационных технологий. Например, применение мультимедиа технологий, электронных учебников в образовательном процессе, создание электронных тестов и т.д.

В современной литературе существует множество точек зрения к определению «информационная культура». Можно проанализировать некоторые определения этого понятия. В каждом подходе выделим основополагающие параметры, на основании которых строятся определения.

Культурологический подход к определению «информационная культура»

Рассмотрим следующее определение: «Информационная культура – информационная деятельность аксиологического характера, т.е. обусловленная ценностями культуры» [4]. Здесь основополагающими являются ценности культуры, их роль, влияние на культуру личности, в том числе и информационную.

В определениях «Информационная культура характеризует уровни развития конкретных обществ, народностей, наций, а также специфических сфер деятельности (например, культура труда, быта, художественная культура). Информационная культура непрерывно связана с социальной природой человека. Она является продуктом его творческих способностей, выступает содержательной стороной субъект-субъектных и объект-объектных отношений» [2]. «Информационная культура – это внутренний мир личности в ходе освоения всего объёма социально значимой информации» [3], важное значение отводится социальным качествам личности.

В следующем определении делается акцент на жизнедеятельности человека: «Информационная культура – это уровень достигнутого в развитии информационного общества людей, а также характеристика информационной сферы жизнедеятельности людей, в которой мы можем отметить степень достигнутого, количество и качество созданного, тенденции развития, степень прогнозирования будущего» [9].

Информационный подход к определению понятия «информационная культура»

Информационные характеристики и качества личности, как основополагающие в подходе, можно отнести к определениям: «Информационная культура представляет собой составную часть базисной культуры личности, системной характеристики человека, позволяющая ему эффективно участвовать во всех видах работы с информацией: получении, накоплении, кодировании и переработке любого рода, в создании на этой основе качественно новой информации, её передаче, и включающая грамотность и компетентность в понимании природы информационных процессов и отношений, гумани-

стически ориентированную информационную ценностно-смысловую сферу (стремления, интересы, мировоззрения, ценностные ориентации), развитую информационную рефлексию, а также творчество в информационном поведении и социально-информационной активности» [1], «Информационная культура – качественная характеристика жизнедеятельности человека в области получения, передачи, хранения и использования информации, связанная с функционированием информации в обществе и формированием информационных качеств личности» [5].

В определениях: «Информационная культура – совокупность информационных возможностей, которые доступны специалисту в любой сфере деятельности в момент развития цивилизации» [6], «Информационная культура – уровень знаний, позволяющий человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве, участвовать в его формировании и способствовать информационному взаимодействию» [7], «Информационная культура – степень совершенства человека, общества или определенной его части во всех возможных видах работы с информацией: её получении, накоплении, кодировании и переработке любого рода, в создании на этой основе качественно новой информации, её передаче, практическом использовании», «Информационная культура – умение целенаправленно работать с информацией и использовать для её получения, обработки и передачи компьютерную информационную технологию, современные технические средства и методы» [10]. «Информационная культура предполагает овладение человеком целым комплексом дополнительных знаний, умений и навыков:

- знание того, что из себя представляет процесс информации вообще; ориентирование в правовом поле информатизации и т.д.;
- понимание характера и особенностей современных информационных ресурсов, отдельных документов, массивов документов и т.д.; представление о возможностях декодирования различных носителей информации, достоинствах и недостатках традиционных и электронных средств сбора, хранения и поиска информации;
- умение использовать современные информационные технологии, стремление постоянно повышать свою компьютерную грамотность [12]. Важными являются такие понятия, как знания и умения личности.

Понятие «информационная культура» достаточно ёмкое и многогранное, и рассматривать его можно с различных точек зрения.

Но, несмотря на то, что понятие «информационная культура» не сложилось бы без появления определённых этапов в развитии общества, на сегодняшний момент, особенно в образовании, более актуален именно информационный подход к данному определению.

Информационная культура – одно из важнейших составляющих любого образовательного процесса.

В образовательном процессе необходимо строить методику таким образом, чтобы обучение максимально направить на формирование информационной культуры личности, развитие у студентов тех качеств, которые помогут ему ориентиро-

ваться в информационном пространстве. обучить будущих специалистов воспринимать, извлекать необходимую информацию, обобщать и анализировать её, работать с различными источниками и приёмниками информации.

Студент должен понимать и осознавать необходимость использования компьютера и информационно-коммуникационных технологий в своей образовательной и практической деятельности. Он должен обладать компьютерной грамотностью как частью информационной культуры. Для этого необходимо знать назначение и состав программных и аппаратных составляющих компьютера, развивать алгоритмическое мышление, уметь работать с сетевыми информационными ресурсами и т.д., что особенно актуально при изучении дисциплины «Информатика».

Библиографический список

1. Каракозов С.Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности. Педагогическая информатика. – № 2. – 2000. – С. 41–55.
2. Соснина Т.Н., Гончуков П.Н. Словарь трактовки понятия «информация», 1997. – С. 48.
3. Зиновьева Н.Б. Информационная культура личности: Введение в курс: Учебное пособие для вузов культуры и искусства / Под ред. И.И. Горловой. – Краснодар. Гос. акад. культуры. – Краснодар, 1996. – С. 141.
4. Гречихин А.А. Информационная культура: Опыт типологического определения проблемы информационной культуры: Сб. ст. под ред. Ю.С. Зубова, И.М. Андреевой. – М., 1994. – С. 15.
5. Вохрышева М.Г. Формирование науки об информационной культуре // Проблемы информационной культуры: Сб. ст. Вып. 6. Методология и организация информационно-культурологических исследований / Науч. ред.: Ю.С. Зубов, В.А. Фокеев. – М.: Магнитогорск, 1997. – С. 57.
6. Семеновкер Б.А. Информационная культура: от папируса до компактных оптических дисков // Библиограф. – 1994. – № 1. – С. 12.
7. Медведева Е.А. Основы информационной культуры // Социс. – 1994. – № 11. – С. 59.
8. Семенюк Э.Л. Информационная культура общества и прогресс информатики // НТИ. Сер. 1. – 1994. – № 7. – С. 3.
9. Свириденко С.С. Современные информационные технологии. – М.: Радио и связь, 1989.
10. Информатика: Учебник / Под ред. Н.В. Макаровой. – М.: Финансы и статистика, 1999.
11. Гендина Н.И. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях. – М., 2003.
12. Справочник библиотекаря / Под ред. А.Н. Ванеева, В.А. Минкиной. – СПб.: Профессия, 2000. – 432 с.

I.N. KASHIRINA

ABOUT VARIOUS APPROACHES TO THE DEFINITION «INFORMATION CULTURE»

The article deals with the questions of approaches to the determining of the definition «information culture of the person», the basic moments are allocated in each approach. Various definitions of the given concept which exist in the modern literature are considered. The role of information culture in daily practical activities of a person and especially in educational process is analyzed.

Key words: *the information, culture, information culture, information-communication technologies, computer literacy.*

О.С. КЛОКОВА, аспирантка кафедры теории и методики обучения
и воспитания (русский язык)

Орловского государственного университета

Тел. 8 920 287 6167; lady.clockowa@yandex.ru

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ

Статья посвящена анализу научной литературы по методике развития речи. В ней рассматриваются взгляды известных лингвистов на развитие речи детей, рекомендуемые методы и приемы работы, формирование методики развития речи и развитие речевых способностей учащихся на основе изучения имени прилагательного. В статье представлены различные взгляды известных лингвистов на определение имени прилагательного как части речи, проблема поиска методов и приемов изучения имени прилагательного, его роль в развитии речи учащихся.

Ключевые слова: *речь, развитие речи, методика русского языка, языковые средства, части речи, имя прилагательное, грамматическая зависимость.*

Русская речь – большая и сложная область методики русского языка. Сложная потому, что касается такого явления, как речь человека, и потому, что отнюдь не прямолинейно соотносится с каким-либо одним лингвистическим курсом, а также со школьными предметами – русским языком и литературой, которые прежде всего служат задачам развития речи учащихся, которая имеет длительную и богатую историю. Древнее латинское изречение гласит: «История есть наставница жизни». Это означает, что прошлое в жизни человеческого общества тесно связано с его настоящим и будущим. Поэтому нельзя ни в каких сферах жизни людей забывать то положительное, что достигнуто человечеством в предшествующей эпохе своего развития. Это имеет отношение к любой отрасли знаний, в том числе и к педагогике – науке об обучении и воспитании подрастающих поколений, а стало быть, и к методике преподавания русского языка.

По вопросам развития речи имеется богатая методическая литература. Это и страстные выступления в защиту живого слова, его значения в жизни человека, и аргументация необходимости развивать у детей дар слова, рекомендации чисто практического характера, исследования, посвященные изучению особенностей детской речи. Не было ни одного заметного в истории методики педагога, который остался бы равнодушным к вопросам развития речи.

Возникновение методики преподавания связывают с именем Ф.И. Буслаева. Деятельность его в области школьного преподавания была очень плодотворной и оказала большое влияние на русскую школу.

В 1844 г. вышла его книга «О преподавании отечественного языка». Это был первый обобщающий труд по методике русского языка. Буслаевым были составлены первые научно и методически обоснованные программы по русскому языку.

Успешное обучение языку, по мнению Ф.И. Буслаева, состоит в усвоении учащимися правильного и свободного употребления языковых средств в разговоре и на письме, которое достигается при изучении «живого языка народа», а не только его

грамматики. Ученик должен практическим путем узнавать «все формы речи», которые «должны являться ему не сами по себе, а постоянно в органической связи с мыслью, им выраженной»:

1. Приведи дитяти все явления языка... выражение непосредственных выражений помощью изустного выражения непосредственных представлений, помощью разговора и чтения... На способность говорить обращаем мы в ученике строгое внимание, именно на способность выражаться легко, благозвучно, ясно, определенно, с толком и со смыслом...

2. Формы речи, коими ученик умеет уже пользоваться. Доводя до его сознания разбором, следовательно, путем анализа... Ученик должен сначала приобрести умение в отечественном языке и потом уже возвыситься до сознания о его формах и законах...

3. С разбором соединяя синтез, совокупление отдельного в практических упражнениях... Вначале подражание, потом знание; теперь опять упражнение...» [2, с. 84–87].

Для учащихся, как утверждает Ф.И. Буслаев, чрезвычайно важно научиться грамотно и толково выражать свои мысли в процессе говорения, что характерно и для развития его умственных способностей, и для формирования характера в целом. Академик пропагандирует важнейший, сохранивший свое непреходящее значение для любого периода развития русского языка принцип единства формы и содержания при рассмотрении языковых явлений:

4. «Соединяя внешнее с внутренним, форму с содержанием...» [2, с. 87].

В соответствии с этими «правилами для методы преподавания» Буслаев в основу программы русского языка в приготовительном классе кладет «изучение языка исключительно практическое, прежде чем начнется грамматика», а в конце программы за каждый «класс общего курса» помещает перечень практических упражнений, так как «при каждом вопросе, где только окажется возможным, следует обращать внимание на правильное употребление языка в разговоре и на письме:

а) упражнения собственно грамматические.

1. Разбор примеров, данных учителем.

2. Приискивание примеров самим учеником в книге.

3. Составление учениками собственных примеров...

б) Упражнения с целью умственно-нравственного развития, заблаговременного знакомства с другими предметами словесности и заготовления материалов для собственных сочинений.

1. Чтение.

2. Разбор: грамматический и вещественный (материальный), разбор внутренней связи между частями сочинений, разбор общей мысли или смысла сочинения. Разбор с целью нравственного развития, разбор относительно изящных средств выражения и относительно выражения прозаичного и стихотворного.

3. Учение наизусть.

4. Изустные и письменные рассказы.

5. Переводы.

6. Подражания.

7. Собственные сочинения» [3, с. 16–29].

О практической направленности изучения русского языка говорится и в других школьных программах 19-го столетия. А. Михайлов отмечает, что «преподавание отечественного языка складывается из двух частей или сторон: теоретической и практической. И если цель теоретического обучения – помочь детям овладеть богатством идей и представлений, которые народ осознал в себе и запечатлел звуками живого слова, то цель обучения практического состоит в том, чтобы дать учащимся логическое, формальное образование духа» [1, с. 125], – писал А. Михайлов.

Все эти цели достигаются на основе живого, цельного преподавания при главенстве практики: «практика должна сливаться с теорией и предшествовать ей»; «разумное преподавание должно исходить из практического начала и выводить в сознании детей правила из примеров, общее из частного, отмеченное из конкретного»; «теоретическое преподавание грамматических правил и форм должно опираться на чтение писателей, из него исходить и к нему возвращаться» [1, с. 155].

Не оставил без внимания вопросы преподавания русского языка и И.И. Срезневский, выдвинувший в своих трудах «Мысли об истории русского языка», «Замечания о первоначальном курсе русского языка», «Замечания об изучении русского языка и словесности в средних учебных заведениях» и др. ряд положений практического характера, которые должны быть реализованы в процессе преподавания русского языка в средних учебных заведениях. Это прежде всего воспитание у школьника «умения вникать в смысл слуша-

ваемого и читаемого и толково передавать это в устной и письменной форме»; «умения выражать свои знания и мысли на письме правильно, отчетливо, последовательно, насколько это достижимо в возрасте первой юности» [13, с. 93] (т.е. в соответствии с возрастными особенностями).

Большой вклад в методику русского языка, в том числе методику развития речи, внёс К.Д. Ушинский. Его статья «О первоначальном преподавании русского языка» как бы продолжает мысли Ф.И. Буслаева. Ушинский считает русский язык главным, центральным предметом в обучении, а первой задачей «учения детей отечественному языку» ставит «развитие дара слова» [14, с. 251].

Гений отечественной научной методики настаивает на укреплении и развитии этого дара путём постоянных тренировок и выдвигает ряд требований к упражнениям, которые, по его мнению, должны быть:

а) «самостоятельными усилиями учащихся выразить изустно или письменно свою самостоятельную мысль» [14, с. 250]. Ушинский считает неприемлемыми помощь учащемуся школьнику в понимании прочитанного, пересказ своими словами («развитая форма языка и мысли искажается») и «сочинение на темы» («письменная болтовня заученными фразами – сшивка чужих фраз») [14, с. 251];

б) систематическими: «Всякое новое упражнение должно находиться в связи с предыдущими, опираться на них и делать шаг вперёд» [14, с. 255]. Чем больше развит дар слова в детях, тем меньше должен помогать им учитель;

в) логическими, то есть опираться на «способность отвлекаться от конкретных представлений и возводить эти конкретные представления в общие понятия, различать и комбинировать эти понятия, находить между ними сходные и различающие признаки, сливать их в одно общее суждение и т.д.» [14, с. 256].

Школьник должен уметь находить главную мысль, «привязывать к ней второстепенное, схватывать суть изложения, а не заучивать фразы и слова в том порядке, в каком они стоят» [14, с. 257];

г) устными и письменными: «...в наших школах чрезвычайно мало обращают внимание на упражнения детей в изустной речи. Дети или молчат, или отвечают выученный наизусть урок, или дают отрывочные, бессвязные ответы на вопро-

сы учителя» [14, с. 257]. Ушинский предлагает обращаться с вопросом не к одному ученику, а ко всему классу.

Первая четверть XX века знаменуется созданием многих известных, вошедших в историю методики русского языка работ, которые на долгие годы стали истинными помощниками не одного поколения учителей.

Особо следует выделить «Игнатьевскую» (по фамилии министра народного просвещения того времени Игнатьева) программу 1915 г. Она интересна тем, что на многие десятилетия предвосхитила создание методических подходов и характер требований, предъявляемых к преподаванию русского языка в школе. До сих пор актуально звучат многие положения этой программы, одними из которых являются «обогащение собственного языка учащихся новым языковым материалом и развитие в них навыков свободной, правильной и красивой устной и письменной речи» [9, с. 548], практическая направленность преподавания русского языка и забота о развитии творческих способностей каждого ученика.

Составители первых программ советского периода также много внимания уделяли связи обучения с задачами подготовки учащихся к практической деятельности.

Замечательный филолог, методист, автор учебников по русскому языку и языкознанию Д.Н. Ушаков отмечал, что «школа должна научить ученика правильно читать, писать, говорить и мыслить» [9, с. 552].

Важная роль отводилась сочинениям, базой для которых могли служить литературные произведения, картины или «собственный опыт учащихся».

Своеобразным обобщением многолетних усилий по совершенствованию преподавания русского языка является выпущенная в 1967 году программа Министерства просвещения РСФСР, в которой развитию речи уделяется большое внимание; по каждому разделу грамматики в особых абзацах сформулированы требования к практическому использованию языковых средств в речи. Кроме того, введён специальный раздел «связная речь».

Развитие речи на уроке русского языка в соответствии с этой программой должно осуществляться в трёх направлениях:

- овладение нормами русского литературного языка;

- обогащение словарного запаса учащихся;
- формирование умений и навыков связного изложения мыслей в устной и письменной форме [9, с. 570].

И тем не менее развитие речи как определённая область теории методики только начинает складываться. Об этом свидетельствует недостаточная разработанность таких основополагающих категорий и понятий методики, как разделы работы по развитию речи, соединяющие средства обучения, критерии оценки уровня развития речи учеников.

Между тем современная методика развития речи располагает собственными исследовательскими данными, имеет необходимую дидактическую, психологическую и лингвистическую базу для того, чтобы вычленив систему основных понятий, определить их и сделать нужные выводы из накопленных в науке экспериментальных данных.

Особое место в развитии речи учащихся занимает такая часть речи, как имя прилагательное. Изучение имени прилагательного даёт большие возможности для развития речи. В многочисленных трудах по морфологии русского языка наблюдаются различия в трактовке имени прилагательного как части речи данными лингвистами.

Авторы «Русской грамматики» дают такое определение: «Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроецессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа» [9, с. 540]. С этим определением перекликается формулировка Ф.К. Гужвы: «Имя прилагательное – это значительная часть речи, обладающая грамматическим значением непроецессуального признака и выражающая его в зависимых частно-грамматических категориях рода, числа и падежа» [4, с. 54].

П.А. Леконт в основу определения имени прилагательного кладёт его грамматическую зависимость от имени существительного: «Имя прилагательное – часть речи, выражающая категориальное грамматическое значение признака предмета в форме грамматической зависимости от имени существительного...» [10, с. 189–201].

Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов также говорят, что имена прилагательные «обозначают признак предмета и выражают грамматическую зависимость признака от предмета в формах согласования с существительным в роде, числе и падеже»

[11, с. 120–134]. Эти авторы определяют значение признака как «категориальное (классифицирующее) имени прилагательного как части речи», понимая под признаком широкий круг свойств, качеств, явлений, характеристик предметов.

Эти качества они классифицируют следующим образом:

- «внешние качества людей и животных (молодой, хромой, слепой, худой, сухопарый);
- внутренние (психологические) черты людей (добрый, злой, мудрейший, гордый);
- пространственные отношения (высокий, узкий, здешний);
- временные отношения (утренний, прошлогодний, минутный);
- цвет (белый, темно-синий, песочный, рыжий);
- разнообразные свойства вещей (мягкий, сладковатый);
- отношение к коллективу (пятое место справа, многоступенчатая ракета);
- отношения между предметами (мамин платок, лисий хвост, дождливая погода);
- характеристика предметов по действию (вертлявый, пугливый, ломкий, ноский) и многие другие» [11, с. 120].

Незначительно от этого перечня качеств отличается классификация Ф.К. Гужвы, который пишет, что «грамматическим значением признака объединяются слова, обозначающие:

- а) качества и свойства предметов, воспринимаемые органами чувств (громкий, мягкий, душистый, сладкий);
- б) внешние или физические качества людей и животных (босой, молодой, хромой, сильный, старый);
- в) пространственные и временные свойства (левый, широкий, далекий, долгий, медленный, быстрый);
- г) общие оценки (хороший, полезный);
- д) отношение предмета к лицу, животному, отвлечённому понятию, действию, месту, времени, числу (студенческий, каменный, научный, спасательный, городской, двойной);
- е) принадлежность предмета («отцов (кабинет), Сережин (карандаш), сестрина (работа), волчий (след), киевский (театр)» [5, с. 57].

В описании характерных признаков имени прилагательного также имеются расхождения, хоть и незначительные.

Все авторы пишут о свойственных имени прилагательному морфологических категориях рода, числа и падежа, указывая на словоизменительный характер этих категорий и возможность выявления их только синтаксически: «морфологические значения прилагательных повторяют морфологические значения существительных, с которыми они согласуются» [9, с. 545].

Авторы других учебников по современному русскому языку называют имена прилагательные типа *авиа*, *хинди*, *хаки*, *нетто* и т. п. несклоняемыми и определяют связь их с существительными как примыкание. П.А. Леконт в эту же группу включает некоторые формы степеней сравнения имени прилагательного (*красивее*, *всего дороже*). Нет разногласий у авторов учебников по поводу синтаксической роли имени прилагательного в предложении: определение или часть составного именного сказуемого.

Авторы «Современного русского языка» Р.Н. Попов, Д.П. Валькова, Л.Я. Маловицкий, А.К. Федоров и другие дают такое определение прилагательному: «Имя прилагательное – часть речи, которая выражает признак предмета, изменяется по родам, числам и падежам, в предложении является определением или именной частью составного сказуемого» [12, с. 437]. Это пособие содержит следующие сведения: признак, который выражается именем прилагательным, отнесен к *предмету* (*синее небо*, *каменный дом*, *высокое напряжение*, *забавная история*) и не мыслится в отвлечении от предмета, почему прилагательное всегда связано с существительным – носителем признака. Они указывают на специальные признаки. Предмет может:

1) характеризовать свойства самого предмета безотносительно к другим предметам (*белый мост*, *широкая река*, *яркое солнце*);

2) определять предмет по отношению к другому предмету, через другой предмет (*городской парк* – *парк находится в городе*; *медная посуда* – *посуда из меди*);

3) определять предмет по принадлежности к другому предмету (*заячий след* – *след зайца*; *медвежья берлога* – *берлога медведя*; *мамино пальто* – *пальто мамы*). Семантическая связь прилагательного с существительным передается грамматическими единицами. Прилагательное изменяется по родам, числам, падежам существительных (*интересная книга* – *интересную кни-*

гу; *интересный сбор* – *интересного сбора*, *интересное сообщение* – *интересному сообщению*). Таким образом, грамматические категории рода, числа, падежа у прилагательных являются не самостоятельными, а зависимыми и выполняющей формальную функцию.

В предложении прилагательные могут быть определениями (*интересная книга*) или именной частью составного сказуемого (*книга интересная*). Прилагательные обладают своими особыми словообразовательными суффиксами: -ск- (*братский*), -чив- (*разговорчивый*, *находчивый*), -лив- (*говорливый*, *крикливый*) и другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что имя прилагательное как часть речи характеризуется зависимыми категориями рода, числа и падежа, изменяемостью по родам, числам, падежам, особой системой формирования (степенями сравнения, краткой и полной формой) и словообразования, функциями в предложении.

Род, число и падеж имени прилагательного – это грамматические категории, указывающие на то, что признак принадлежит предмету (лицу), который назван:

- имя существительное мужского, женского или среднего рода;
- имя существительное в форме единственного или множественного числа;
- имя существительное в форме того или иного падежа.

Отсюда следует, что категории рода, числа и падежа существенно отличаются от тех же категорий имени существительного. У существительных эти категории имеют самостоятельное значение, которое не зависит от связи существительного с другими словами, а у прилагательных они зависят от рода, числа и падежа определяемого существительного. Так, в словосочетании *теплый день* род, число, падеж прилагательного не имеют самостоятельного значения, а лишь повторяют род, число и падеж существительного, не внося в них каких-либо дополнительных значений, то есть категории рода, числа и падежа имени прилагательного имеют чисто синтаксическое значение, являясь показателями его связи (согласование) с существительным и выразителями синтаксического отношения (определение) к существительному.

Исключение составляет употребление имени прилагательного при несклоняемом имени суще-

ствительном. В этих случаях род, число и падеж у имени прилагательного являются средством выражения грамматического значения определяемого имени существительного: молодая миссия, зимние пальто.

Прилагательное играет значительную роль в совершенствовании языковой и речевой способностей учащихся для их духовного и интеллектуального развития. Проблема языкового и речевого развития учащихся на уроках русского языка эффективнее решается на материале темы «Имя прилагательное», изучаемой в 1–6 классах общеобразовательной школы. Тема «Имя прилагательное» как нельзя кстати подходит для этого, так как прилагательное по сравнению с другими частями речи характеризуется сложностью морфологической системы и разнообразием синтаксического употребления. Успешность изучения важнейших тем синтаксиса напрямую связана с усвоением темы «Имя прилагательное». С этой точки зрения материал данного раздела программы предоставляет широкие возможности для опережающего обучения. Также от успешного усвоения темы «Имя прилагательное» зависит формирование и совершенствование важнейших коммуникативных навыков, в частности навыка грамматически правильного оформления высказываний в устной и письменной форме.

Тема «Имя прилагательное» является очень интересной и благодатной в плане развития речи учащихся. М.Р. Львов установил, что «достижение пика интенсивности» имен прилагательных опережает систематическое изучение их в школьном курсе русского языка и приходится на 3 класс. Следовательно, необходимо искать пути и возможности обогащения речи учащихся начальных классов именами прилагательными еще до «пика интенсивности» [8, с. 82] в 1 классе, особенно во 2 классе. Такое обогащение является очень важным, т. к. именно признаковые слова делают речь выразительной и яркой, т. е. изобразительной.

В смысле уточнения и обогащения активного словаря детей значение синонимии огромно. Синонимия в языке свидетельствует о богатстве и выразительных возможностях данного языка. М.Р. Львов справедливо отмечает, что «чем больше в словаре синонимов, тем богаче выразительные возможности как данного языка в целом, так и каждого его носителя» [7, с. 21]. Синонимические средства языка позволяют точно и образно выра-

зить мысль. Упражнения над синонимами расширяют и уточняют словарь учеников, способствуют точному выражению мысли, предупреждают повторение одного и того же слова.

А.Н. Шлычкова разработала методику изучения непроизвольного и произвольного запоминания у школьников с использованием прилагательных. Соотношение непроизвольного и произвольного запоминания с мыслительной деятельностью в ее исследовании изучалось у разных испытуемых: сравнивалось непроизвольное с совмещенным запоминанием, при повторном предъявлении материала и непроизвольное со смешанным. Отсроченное однократное воспроизведение прослеживалось через неделю; в других случаях изучалось многократное воспроизведение, вплоть до отсрочки в 5 месяцев. Для запоминания использовались пары прилагательных. Испытуемым предъявлялись 15 пар прилагательных, находящихся в смысловых отношениях друг с другом, с интервалом в 2 с., и предлагалось определить, какие у них (у каждой пары прилагательных) смысловые отношения: синонимы, антонимы или это слова, независимые друг от друга. Например, пара «черный – темный» – синонимы, а пара «добрый – злой» – антонимы и т.д. По окончании работы испытуемым неожиданно для них предлагалось вспомнить эти пары.

Методика изучения совмещенного запоминания пар слов была аналогична предшествующей, однако на этот раз одновременно с мыслительной задачей давалась задача мнемическая – запомнить эти пары. После этого предлагалось воспроизвести запоминавшиеся слова. Методика изучения смешанного запоминания пар слов заключалась в том, что сначала испытуемые выполняли мыслительную работу с предъявляемым набором из 15 пар прилагательных, а при вторичном предъявлении материала только запоминали эти пары.

В своем исследовании А.Н. Шлычкова делает следующие выводы: «1) при самой большой отсрочке – через 5 месяцев – непроизвольное запоминание оказалось продуктивнее совмещенного; 2) сохранение материала в памяти при отсроченном воспроизведении в 5 мес. опять-таки оказалось лучше при непроизвольном запоминании» [15, с. 159].

А.В. Захарова считает, что становление имени прилагательного в онтогенезе происходит позднее остальных частей речи. По ее мнению, имя при-

лагательное выражает не только качества разной сложности, но и отношения. У детей употребление этой части речи вызывает наибольшие затруднения.

Анализируя словарный состав разговорной речи детей, А.В. Захарова выделила наиболее употребительные знаменательные слова: существительные, прилагательные, глаголы. Среди существительных в словаре детей преобладают слова, обозначающие людей. Исследование словаря детей с точки зрения распространенности имен прилагательных показало, что на каждые 100 словоупотреблений приходится лишь 8,65% прилагательных. Среди наиболее частотных прилагательных, регулярно повторяющихся в речи детей, выявляются прилагательные с широким значением и активной сочетаемостью, антонимы из самых употребительных семантических групп: обозначение размера, оценки; слова с ослабленной конкретностью; слова, входящие в словосочетания. Важное место среди групп прилагательных детского словаря занимают местоименные прилагательные. В общем списке самая высокая частотность отмечается у таких местоименных прилагательных, как *такой, который, этот, свой, всякий, наш, весь, каждый, мой, самый*.

В речи детей отмечается регулярная повторя-

емость прилагательных со значением размера. Особенностью структуры семантического поля прилагательных со значением размера является ассиметричность: прилагательные со значением «большой» представлены гораздо шире, чем со значением «маленький».

При анализе речи детей выявляется более 40 прилагательных, употребляемых детьми для обозначения цвета. Прилагательные этой группы в речи детей оказались более распространенными, чем в речи взрослых. Чаще всего в речи детей этого возраста представлены прилагательные *черный, красный, белый, синий*.

При анализе словаря детей А.В. Захарова отмечает также преобладание отрицательной оценки над положительной и активное употребление сравнительной степени прилагательных.

По мере развития психических процессов, расширения контактов с окружающим миром, обогащения сенсорного опыта ребенка, качественного изменения его деятельности формируется и словарь ребенка в количественном и качественном аспектах. Особое место в развитии речи учащихся занимает изучение имени прилагательного. Это дает большие возможности в совершенствовании языковой и речевой способностей учащихся для их духовного и интеллектуального развития.

Библиографический список

1. Афанасьев П.О. Методика русского языка в средней школе // Хрестоматия по методике русского языка; Организация учебного процесса по русскому языку в школе; Пособие для учителя / Авторы-составители Б.Т. Панов, Л.Б. Яковлева. – М.: Просвещение, 1991. – С. 125–127, 151–157.
2. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка // Хрестоматия по методике русского языка; Организация учебного процесса по русскому языку в школе; Пособие для учителя / Авторы-составители: Б.Т. Панов, Л.Б. Яковлева. – М.: Просвещение, 1991. – С. 39–53.
3. Буслаев Ф.И., Галахов А.Д. Программа русского языка и словесности (1852 г.) // Хрестоматия по методике русского языка; Организация учебного процесса по русскому языку в школе; Пособие для учителя / Авторы-составители Б.Т. Панов, Л.Б. Яковлева. – М.: Просвещение, 1991. – С. 16–29.
4. Гужва Ф.К. Морфология русского языка. Книга для учителя / Ф.К. Гужва. – Киев: Изд-во «Радянська школа», 1987. – 213 с.
5. Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык / Ф.К. Гужва. – Киев: Изд-во «Радянська школа», 1967. – 224 с.
6. Захарова А.В. Опыт лингвистического анализа словаря детской речи / А.В. Захарова. – Новосибирск, 1975. – С. 35.
7. Львов М.Р. и др. Методика обучения русскому языку в начальных классах / М.Р. Львов. – М.: Просвещение, 1987. – С. 21.
8. Львов М.Р. Тенденции развития речи учащихся: Пособие для студентов пединститута: Вып. 1 / М.Р. Львов. – М.: Просвещение, 1978. – С. 82.
9. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
10. Современный литературный русский язык: Учебник / Под редакцией П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 189–201.
11. Современный русский язык: Учебник для студентов пед. инст.: В 3 частях. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1987. – С. 120–134.

12. Современный русский язык: Учеб. пособие для студентов пед. ин-в / Р.Н. Попов, Д.П. Валькова, Л.Я. Маловицкий, А.К. Федоров. – М.: Просвещение, 1978. – 463 с.
13. Срезневский И.И. Замечания об изучении русского языка и словесности в средних учебных заведениях // Хрестоматия по методике русского языка; Организация учебного процесса по русскому языку в школе; Пособие для учителя / Авторы-составители Б.Т. Панов, Л.Б. Яковлева. – М.: Просвещение, 1991. – С. 91–97.
14. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1974. — С. 251–268.
15. Шлычкова А.Н. Непроизвольное и произвольное запоминание осмысленного материала школьниками / А.Н. Шлычкова. – М.: Просвещение, 1985. – С. 159.

O.S. KLOKOVA

LINGVOMETODICHESKIE BASICS STUDY OF ADJECTIVES IN THE ASPECT OF SPEECH DEVELOPMENT IN SCHOOL

This article analyzes the scientific literature on how the development of speech. It discusses the views of famous linguists on language development of children, the recommended methods and techniques, the formation method of speech development and speech development of students' abilities through the study of adjectives. The article presents different views of famous linguists to define adjectives as parts of speech, the problem of finding methods and techniques in the study of adjectives and its role in the development of students' speech.

Key words: *speech, language development, method of the Russian language, language tools, parts of speech, adjective, a grammatical relationship.*

А.А. КОЛЕСНИКОВА, аспирант и ассистент кафедры
декоративно-прикладного искусства и технической графики
Орловского государственного университета
Тел. 8-953-618-8668

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СООТНОШЕНИЕ ТАЛАНТА И ТРУДОЛЮБИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Статья посвящена проблеме раскрытия в учащихся их таланта посредством труда и соотношения этих двух понятий. Данная статья предназначена для преподавателей вузов, учителей общеобразовательных и школ дополнительного образования.

Ключевые слова: талант, трудолюбие, задатки, способности, одаренность, творчество.

Проблема таланта рассматривается психологами в течение долгого времени, и сегодня ответы на единую концепцию теории личности неоднозначны. Важно отметить, что большинство теорий личности касаются лишь части данной проблемы. Но, несмотря на это, изучение вопросов структуры таланта несет в себе огромную значимость как для теории психологии, так и в решении психолого-педагогических задач, с которыми сталкивается современное образование.

На протяжении долгого времени понятия «талант» и «одаренность» трактовались как близкие по значению и не разделялись. Трудолюбие рассматривается как целенаправленная деятельность, требующая умственного или физического напряжения, будь это работа умственная или физическая. В итоге трудолюбие направлено на достижение поставленной цели.

Современным учащимся приходится впитывать в свою память столько информации, что их молодая неустойчивая психика просто не выдерживает таких нагрузок, вследствие чего происходят эмоциональные срывы. И тут мы можем говорить о заложенном в каждом из учащихся потенциале, его трудоспособности и воли.

Обладая желанием свершения задуманных действий, их результаты будут более легки, ведь недаром Лев Николаевич Толстой говорил: «Счастье не в том, чтобы делать всегда, что хочешь, а в том, чтобы всегда хотеть того, что делаешь».

Так же, как и талант, трудолюбие является врожденной чертой характера. Талант является следствием развития способностей, посредством воли, но он, в свою очередь, неотъемлемо связан с человеческим трудом.

Для развития способностей необходимо основание, роль которого выполняют задатки. Задатки – это предпосылки к развитию способностей, они могут быть врожденными или приобретенными при жизни [7, с. 658]. Важно отметить, что наличие определенных задатков у личности не ведет к тому, что у него будут развиваться те или иные способности. Можно привести такой пример. Предпосылкой для развития художественных способностей является целостное восприятие мира, но восприятие является лишь предпосылкой для развития художественных способностей. Ведь мы не можем определить, в какую область деятельности попадет человек и какие возможности будут у него для развития имеющихся у него задатков. Из этого следует, что степень развития задатков напрямую зависит от условий индивидуального развития человека.

Развиваться и превращаться в способности задатки могут при условии, если в социуме возникла потребность в определенной профессии. Вторым немаловажным фактором развития задатков являются особенности воспитания.

Также следует отметить: задатки не типичны, и наличие определенных задатков у человека не предполагает, что при положительных условиях обязательно получит развитие какая-то конкретная способность. Различные способности могут развиваться на основе одних и тех же задатков в зависимости от требований свойственной деятельности. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что способности в большей степени социальны и создаются в процессе определенной человеческой деятельности.

О способностях А.Г. Маклаков в своей книге «Общая психология» пишет: «Под способностями понимаются такие индивидуальные особенности, которые имеют отношение к успешности выполнения каких-либо видов деятельности. Поэтому способности рассматриваются в качестве основных свойств личности. Однако никакая отдельная способность не может сама по себе обеспечить успешное выполнение деятельности. Успешность выполнения любой деятельности всегда зависит от ряда способностей» [6, с. 541].

Следующим уровнем развития способностей является одаренность. Одаренность – это наличие у человека задатков к развитию способностей [7, с. 669]. Разбирая это определение, важно отметить, что одаренность зависит не от того, успешно или нет выполняется деятельность, а то, какова возможность, предоставляемая для его успешного выполнения. Для успешного выполнения любой деятельности необходимо не только соответствующее сочетание способностей, но и овладение навыками и знаниями. «Какую бы феноменальную математическую одаренность ни имел человек, но если он никогда не учился математике, он не сможет успешно выполнять функции самого заурядного специалиста в этой области» [6, с. 542].

Одаренность определяет ту возможность, которой может достигнуть человек в деятельности, а осуществление данной возможности определяется тем, как будут развиты соответствующие способности и какие именно будут приобретены навыки и знания. Устремленность интересов выявляется в индивидуальных различиях одаренных людей.

По мнению Р.С. Немова, под талантом подразумевается высокий уровень развития человеческих способностей, обеспечивающий достижение выдающихся успехов в любом виде деятельности. Талант постепенно развивается и выявляется в человеческой деятельности, собственно так же, как и способности, но деятельность, которой занимается талантливый человек, выделяется новшеством, неповторимостью и креативностью. Проявляется талант при взаимодействии и развитии человека в социуме. Тот настрой и общественные идеи, царящие в нем, предполагают развитие дарованного природой таланта. В таланте сочетаются определенные способности и их элементы, обладающие некоторыми общими свойствами.

«Талант есть дар дифференцированный, специфицированный, отвечающий требованиям отдельных форм культуры. Талант есть свойство художника, ученого, общественного деятеля, а не человека. Природа таланта не органическая, не онтологическая, а функциональная. Природа таланта не универсальная. В таланте нет жертвенности и обреченности. Талант обычно создает ценности и оценивается. Талант может создавать более совершенные объективные ценности. В таланте есть умеренность и размеренность» [1].

Необходимо отметить, что труд – это деятельность, а талант – это способность человека. Сотнося эти два определения, мы можем сказать, что при их взаимодействии мы наблюдаем потенциал, которым может обладать каждый человек.

Основным, исторически первичным видом человеческой деятельности является труд. Своими, отличными от труда, но связанными с ним и производными от него видами деятельности являются игра и учение. Труд в целом социальная категория. Направленный по своей основной установке на производство, на создание определенного продукта, труд – это вместе с тем и основной путь формирования личности. В процессе труда не только производится тот или иной продукт трудовой деятельности субъекта, но и сам субъект формируется в труде. В трудовой деятельности развиваются способности человека, к которым и относится талант, формируется его характер, получают закалку и переходят в практические действенные установки его мировоззренческие принципы.

Своеобразие трудовой деятельности связано прежде всего с тем, что по своей объективной

общественной сущности труд является деятельностью, направленной на создание общественно полезного продукта. Труд – это всегда выполнение определенного задания; весь ход деятельности должен быть подчинен достижению намеченного результата; труд требует поэтому планирования и контроля исполнения, он поэтому всегда включает определенные обязательства и требует внутренней дисциплины.

Труд творческого человека может реализовываться в замысле художника, предполагая обычно более или менее длительное собирание и впитывание в себя многообразных впечатлений. Иногда этот материал собирается «впрок», иногда это специальная работа по собиранию материалов для осуществления определенного замысла. При накоплении материалов, собираемых впрок, они либо просто впитываются и как бы отлеживаются и зреют, либо же специально фиксируются (зарисовки художников). Иногда от наблюдения художник переходит даже к прямому экспериментированию. На основе наблюдения и отчасти своеобразного экспериментирования происходит и процесс обобщения. Художнику необходимо выявить общее, но в форме не понятия, а образа, и притом такого, в котором в единстве с общим сохранена была бы и индивидуальность.

Творческое развитие художника совершается часто в своеобразной диалектике творческих замыслов и техники: новые творческие замыслы для своего осуществления требуют иногда овладения новыми техническими средствами; овладение новыми техническими средствами создает новые творческие возможности, открывает простор для новых творческих замыслов, а новые творческие замыслы требуют дальнейшего развития и совершенствования техники и т.д.

Вообще утверждение о том, что художественное творчество предполагает упорный, напряженный, часто кропотливый труд, никак не исключает того, что сам процесс создания значительного художественного произведения, его оформления часто является относительно кратковременным актом величайшего напряжения и подъема всех духовных и физических сил [8, с. 481].

В труде поэтому существенна не только техника исполнения, но и отношение человека к труду. Именно в нем обычно заключены основные мотивы трудовой деятельности человека.

Творчество, взаимодействуя с трудом, приоткрывает новую грань деятельности человека. Трудовая деятельность выявляет личностную особенность автора, его художественная игра подчинена определенной цели, будь то музыкальная композиция, холст с картиной или гончарная ваза.

Творчество есть то, что идет изнутри, из бездонной и неизъяснимой глубины, а не извне, не из мировой необходимости. Само желание сделать понятным творческий акт, найти для него основание есть уже непонимание его. Понять творческий акт – значит признать его неизъяснимость и безоснованность.

Творчество художественное лучше всего раскрывает сущность творческого акта. Искусство есть сфера творческая по преимуществу. Принято даже называть художественный творческий элемент во всех сферах активности духа. Яркое творческое отношение к науке, к философии, общественной жизни, морали считают художественным. И Творец мира воспринимается в аспекте великого художника. Чаяния творческой эпохи – чаяния эпохи художественной, в которой художество будет главенствовать в жизни. Художник всегда творец. Акт художества прямо противоположен всякому утяжелению, в нем есть освобождение. Сущность художественного творчества – в победе над тяжестью необходимости [1].

Необходимо отметить, что мало одних врожденных задатков и формирующихся способностей, важно направить данный потенциал человека посредством его труда. Необходимо постоянное совершенствование себя и своих данных, трудолюбие требует не только физического напряжения или умственного труда, но и направляет на достижение более высоких целей. Обладать одним талантом мало, ведь талант обнаруживается еще в дошкольном или школьном возрасте, и, не развивая его, можно вернуться только к обладанию способностями, а лучший метод развития таланта – постоянный, напряженный труд.

Таким образом, соотношение трудолюбия должно превышать соотношение таланта у человека. Труд превращает талант в ту силу, которая восхищает не только самого человека, давая ему силы для новых свершений, но и становится той основой, без которой невозможно движение в развитии.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Философия творчества культуры и искусства. 2 т. – М.: Искусство, ИЧП «Лига», 1994.
2. Вазари Дж. Жизнеописание Леонардо да Винчи. – М.: Эксмо, 2005. – 640 с.: ил.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
4. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. – М.: Омега-Л, 2005. – 336 с.
5. Глинский Б.А. Моделирование как метод научного исследования. – М.: 1965. – 227 с.
6. Маклаков А.Г. Психология. – СПб.: Питер, 2008. – 583 с.: ил.
7. Немов Р.С. Психология. – М.: Владос, 2007. – 687 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 713 с.: ил.

A.A.KOLESNIKOVA

INTERACTION AND RELATIONSHIP OF TALENT AND HARD WORK IN ART.

Article is devoted a disclosing problem in pupils of their talent by means of work and a parity of these two concepts. Given article is intended for teachers of high schools, teachers general educational and additional education schools.

Key words: *talent, hard work, the makings, ability, creativity, art.*

Н.В. КОМАРОВА, ассистент кафедры «Переводоведения и межкультурной коммуникации» ТГПУ им. Л.Н. Толстого, аспирантка кафедры Социально-педагогических наук, социологии и политологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого
Тел. 30-27-39, 89030361629, 89534240285; ninchonok@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СОДЕРЖАНИЯ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматриваются изменения, происшедшие как на государственном уровне, так и в становлении социальной работы в Бирмингеме в довоенный и послевоенный периоды. Анализируется вклад Уильяма Генриха Бевериджа в «государство всеобщего благосостояния» и его роль в организации социальной работы и социального образования в Великобритании.

Ключевые слова: социальная политика, государство всеобщего благосостояния, модель социальной защиты, социальное образование.

В любой стране социальная политика государства оказывает серьёзное влияние не только на содержание социальной работы, но и на подготовку будущих специалистов социального образования. В процессе нашего исследования подготовки социальных работников в Великобритании мы встретились с интересным материалом, раскрывающим социальную политику в этой стране, которая существенно повлияла на социальную работу и социальное образование в Великобритании в 20–40-х годах XX века.

Мы имеем в виду деятельность Уильяма Генриха Бевериджа, английского экономиста, представителя фабианства, президента королевского статистического общества (1941—1943). У. Беверидж хотел создать социальную стратегию, которая уничтожила бы пять крупных проблем: безделье, невежество, болезни, нищету и бедность. В своём докладе в парламенте (1942 г.) он раскрыл принципы «государства всеобщего благосостояния» (Welfare State). Термин «государство благосостояния» употреблялся им как совпадающий в основном с понятием «социальное государство» [2, с. 8]. Поэтому стали говорить о «модели социальной защиты» Бевериджа. Были приняты законы, которые создали правовую основу для «государства всеобщего благосостояния»:

1. Закон об образовании (1944): бесплатные детские сады, начальное, среднее и профессиональное образование.
2. Закон о пособии многодетным семьям (1945): ежемесячно выплачивалась фиксированная сумма до достижения детьми 16 лет.
3. Закон о системе здравоохранения (1946): бесплатное медицинское обслуживание для всех социальных слоёв населения.
4. Закон о государственном страховании (1946): людям трудоспособного возраста полагались выплаты, за исключением замужних женщин, за счёт отчислений в фонд государства. Выплачивались пособия по болезни, по нетрудоспособности, по старости, по родам, по потере кормильца.
5. Закон о производственных травмах (1946): предусматривал денежные компенсации получившим травмы на производстве, страдающим профессиональными заболеваниями.

6. Закон о государственной помощи населению (1948): предусматривал денежные выплаты тем, чей доход был ниже прожиточного минимума.

7. Закон о несовершеннолетних (1948): предписывал создание специальных детских домов для детей, оставшихся без попечения родителей, и приём на работу людей, отвечающих за их воспитание [2, с. 9].

В своём докладе У. Беверидж отстаивал идею о введении социального страхования для создания всеобщей системы социального обеспечения (включая пособия многосемейным) и универсальной, всесторонней, свободной национальной службы здравоохранения. Хотя доклад нашел широкую поддержку в обществе, он подвергся критике за установление скудной системы доходов и за укрепление экономической зависимости жены от мужа, так как в супружеской паре получал обеспечение лишь мужчина [2].

В конце 40-х годов XX века правительство Великобритании обязало Эллина Янгхасбенд, известного социального работника, подготовить сообщение о трудоустройстве населения и социальном образовании. Доклад Эллин Янгхасбенд был опубликован в 1947 году и представлял собой краткий обзор дисциплин, преподаваемых в университете. Эллин Янгхасбенд затронула вопрос о развитии социальных наук в послевоенный период и составила список рекомендаций по:

- улучшению подготовки социальных работников и увеличению им заработной платы;
- изучению проблем и нужд лиц, нуждающихся в социальной поддержке;
- повышению престижа профессии и прикреплению школ, которые занимаются подготовкой социальных работников, к университетам;
- изучению опыта подготовки социальных работников в США.

Мы изучили, как повлияли эти изменения в социальной политике на процесс подготовки социальных работников в Бирмингемском университете. Во время войны профессорско-преподавательский состав университета обеспечил краткосрочные курсы подготовки социальных работников по заказу правительства Великобритании, но уже в послевоенный период набор на курсы был увеличен, и появилась потребность в кадрах для работы в благотворительных организациях.

В 1945 году на смену двухгодичным курсам подготовки социальных работников приходят трёх-

годичные курсы с 6-месячной практикой в профильных учреждениях. В 1947 году был введён новый курс, задачей которого было раскрыть основы управления социальными делами и который выступал как связующее звено между теорией и практикой, а в 1948 году ввели курс по уходу за ребёнком, целью которого было подготовить квалифицированные кадры для работы в детских домах.

Руководством факультета социологии были предложены курсы подготовки социальных работников, которые представляли собой не только лекционные занятия, но и практические для тех людей, которые решили связать свою жизнь с социальной работой. Данные курсы актуальны для тех, кто работает в сферах:

- страхования, воспитания, гигиены и санитарии;
- благотворительности, социального обеспечения;
- юридической и законодательной;
- профсоюзной;
- религиозной.

Курсы были рассчитаны на два учебных года. Лицам, не достигшим возраста 20 лет, необходимо было получить разрешение председателя экзаменационной комиссии для подачи заявления. Благодаря законам, принятым «государством всеобщего благосостояния», происходят изменения в программах, обеспечивающих подготовку социальных работников.

Полный курс подготовки составляет три этапа:

1. Лекционные и практические занятия.
2. Пассивная практика.
3. Активная практика.

Лекционные и практические занятия охватывают следующие предметы: историю развития промышленности, санитарии и гигиены, законы развития промышленности, социальную философию, принципы развития экономики, работу органов местного и центрального самоуправления, здоровье личности, статистику торговли и промышленности, управление торгово-промышленной деятельностью.

Пассивная практика подразумевала посещение под руководством куратора (руководителя) специализированных административных организаций:

- организаций, которые занимались оказанием помощи неимущим (работный дом, лазарет, сельская больница, приёмник-распределитель);
- образовательных учреждений (детские сады, школы начального и среднего образо-

- вания, школы и дома для детей с различными физическими недостатками, организации опеки и попечительства);
- правовых организаций (суд для несовершеннолетних, исправительные колонии для несовершеннолетних, исправительные школы для малолетних преступников);
- муниципальных организаций (муниципальный городской совет).

Помимо административных организаций студентам было необходимо посетить учреждения, отвечающие за санитарию и гигиену. В число этих организаций входили больницы общего и специального профиля, а также промышленные учреждения, а именно фабрики, производственные участки, биржи труда.

После посещения данных организаций предполагались занятия, на которых разбирались недочёты и недостатки, которые были замечены во время прохождения пассивной практики. Все студенты были обязаны иметь тетрадь, где фиксировались наблюдаемые факты, и в конце каждого семестра они отправляли свои тетради с наблюдениями своему руководителю группы.

Активная практика проходила в трёх направлениях:

- работа в офисе, которая включала подготовку и отправку документации, деловую переписку, получение корреспонденции, регистрацию документации, а также посещение комиссии по изучению дел освободившихся заключённых;
- посещение организаций, занимающихся улучшением жилищных и материальных проблем населения (комитеты социального обеспечения, отпускные фонды, биржи труда, аптеки для бедняков);
- посещение фабрик, школ, клубов: здесь студент выступал как помощник социального работника, и совместно они посещали исправительные школы для малолетних преступников, игровые центры, бесплатные диспансеры.

Для получения диплома необходимо было иметь опыт работы во всех трёх направлениях.

Подводя итог вышесказанному, считаем, что социальная политика и деятельность У. Бевериджа значительно повлияли на содержание социальной политики и подготовку социальных работников Великобритании.

Библиографический список

1. Мандей Б. Обучение социальной работе в Великобритании и Северной Ирландии // Социальная педагогика и социальная работа за рубежом. – 1991. – № 2. – С. 3–31.
2. Ann Davis Celebrating 100 Years of Social Work (1988–2008). – 2008. – С. 1–23.
3. Шардлоу С.М. Напряжённости и конфликты в образовании по социальной работе в Великобритании // Журнал исследований социальной политики. – Том 2. – № 3. – С. 383–398.
4. www.wikipedia.org

N.V. KOMAROVA

INTERRELATION OF SOCIAL POLICY AND CONTENT OF SOCIAL WORK EDUCATION IN GREAT BRITAIN

This article is devoted to changes, which have happened at the state level and in the sphere of social work education in Birmingham, during pre-war and post-war periods. In this article we analyze W. Beveridge's contribution in social welfare and his role in social care legislation.

Key words: social work education, social welfare, social care legislation, social policy.

Г.Е. КОТЬКОВА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
теории и истории социальной педагогики и социальной работы
Орловского государственного университета
Тел. 8-920-282-94-32, kotkova-57@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Каждому времени соответствуют свои воспитательные методики и технологические подходы. Значима роль сопровождающего. Система социально-педагогических действий вкупе с личностно ориентированными технологиями является основой комплексного сопровождения всех участников образовательного процесса, поливариантного развития личности ребенка.

Ключевые слова: технологический подход, комплексное сопровождение, поливариантное развитие.

Комплексное сопровождение личностного развития школьника в социокультурном пространстве села как особая последовательность педагогических действий в своей сущности является более гибкой технологией, которая активно использует обратную связь и дает возможность на этапах коррекции организовать повторение отдельных элементов технологического процесса, т.е. позволяет моделировать саму организацию действий в «поле личностного развития» как взрослых, так и детей.

Педагогические технологии – система взаимосвязанных этапов, объединенных приоритетными общеобразовательными целями [1]. В процессе становления индивидуальности ребенка принципиально важным является педагогическое обеспечение (программы, сценарии, методика). Положение, что «необходимо провести специально организованную деятельность, направленную на внесение коррективов в систему профессионально-личностных ориентаций учителей» (Е.Н. Степанов), с нашей точки зрения, определяет комплексное сопровождение как технологию становления самого педагога-мастера, развития его личностно-профессиональных качеств. Технологические основы педагогического сопровождения личностного развития ребенка мы видим во взаимодействии субъектов образовательного процесса, «выстроенном в определенной педагогической логике» (О.В. Заславская), взаимоподдержании субъектов на пути реализации личностных потенциалов [3].

В сельском социуме педагог является лидером системы педагогического сопровождения, дополнения возможностей семьи и школы внешними средствами и силами. Результатом тактических действий организатора системы–комплекса сопровождения является программа деятельности специалиста сопровождения с родителями, педагогами, сопричастными организациями, решающая задачи поливариантного личностного развития школьника.

Объективно существует процесс разработки педагогом/специалистом порядка педагогического взаимодействия – освоения общих методик и выработки своей методики. Построение авторского алгоритма деятельности в системе комплексного сопровождения личностного развития конкретного ребенка в локальном социокультурном пространстве также предполагает вариант определенной последовательности педагогических действий. Практика показывает, что актуальными в моделировании

как особой специфической технологии являются вопросы, «как?», «каким образом?» совершаются аналитические действия педагога/специалиста в целостном цикле педагогического сопровождения.

Порядок педагогического взаимодействия (план-алгоритм процедур), последовательность «личных» шагов и действий «сообща» в процессе «следования рядом» фиксируются педагогом/специалистом в определенный результат моделирования – сценарий. В технологическом процессе сценарий возникает тогда, когда зарождается модель-образ предполагаемого действия. Идея сценария, демонстрируя разумную цепь событий, показывает, что может произойти в действительности. План-сценарий как элемент технологии моделирования отвечает на вопрос «каким образом?». Аналитические действия педагога/специалисту следует перевести в практические: прояснить порядок-алгоритм, определить «шаги», описать схему личного и комплексного сопровождения. В сценарии взаимодействия отражены письменно намерения, возможности, пути и средства организации системы комплексного сопровождения, действия субъектов процесса, показатели сотрудничества, ожидаемый результат. Метод сценариев может быть использован при оценке как существующего состояния взаимодействий субъектов сопровождения, так и вариантов альтернативных будущих контактов.

Практиками обосновано, что сценарий урока в конечном итоге есть результат конструирующей деятельности учителя. Авторский сценарий является результатом доработки учителем «нормативного сценария урока», выполняет функции как управления, так и хранения всей разработанной информации, технологии (технология педагогического сопровождения в дидактике, моделирование сценария урока подробно представлены нами в диссертационном исследовании «Моделирование учебного материала учителем в процессе разработки сценария урока в полиэтническом образовательном пространстве») [4].

В системе комплексного сопровождения процесс разработки (моделирование) сценария взаимодействия с педагогом/специалистом включает несколько этапов деятельности: подготовительный, аналитико-деятельностный, организационно-деятельностный, оформительский.

Исходные принципы, предложенные современным обществом и наукой, определяют содержа-

ние и логику моделирования системы педагогического сопровождения личностного развития школьника. В этом контексте сценарий понимается как элемент специфической технологии моделирования взаимодействия различных субъектов педагогического сопровождения в социокультурном пространстве села. Такое информационно-операционное моделирование есть процесс создания модели системного образования. Мы рассматриваем его и как способ познания системы педагогического сопровождения, и как важнейший компонент протраивания алгоритма деятельности специалиста сопровождения с родителями школьника, другими педагогами, сопричастными организациями. Метод сценария позволяет предварительно изучить технологию, опробовать ее на модели, внести необходимые изменения.

Комплексность «помогающего воспитания» в системе педагогического сопровождения достигается путем согласования действий лидера сопровождения со всеми заинтересованными службами-компонентами социокультурного пространства. Проект совместного сценария взаимодействия и сопутствия определяется педагогом и привлекаемыми внешними специалистами, затем оформляется лидером (командой) в адаптивную организационно-правовую модель.

По отношению к технологии (а мы считаем моделирование специфической технологией, т.е. отличительной совокупностью приемов по воспроизведению аналитической модели образца в организационной модели-системе сопровождения) сценарий взаимодействия представляет собой текстуально-информационный трехмерный план-систему процедур: план подготовки, план расстановки, план деятельности.

✓ План подготовки взаимодействия субъектов системы педагогического сопровождения личностного развития школьника включает при моделировании такие виды аналитической деятельности педагога/специалиста, как проблематизация и концептуализация. Это общая часть нашего сценария взаимодействия, где педагог определяет проблему личностного развития ребенка, цель и задачи, отвечая на вопросы «что?», «зачем?» и «почему?». В общей структуре педагогической деятельности (по Кузьминой Н.В.) данные умения входят в блок прогностической деятельности педагога/специалиста.

✓ План расстановки в моделировании предполагает определение субъектов системы педаго-

гического сопровождения, осуществление таких видов аналитической работы, как программирование, планирование и определение форм и методов совместной деятельности. Данный блок конструктивной деятельности является центральным в аналитических умениях педагога/специалиста при создании системы комплексного сопровождения личностного развития ребенка в локальном социокультурном пространстве микрорайона школы. Именно здесь вырисовывается алгоритм деятельности сопровождающего, т.к. при моделировании происходит взаимоувязка особенностей «поля развития» школьника и «поля профессионального становления» педагога.

Расставляя компоненты системы по авторской схеме-порядку, педагог/специалист отбирает системообразующие факторы, упорядочивает условия, komponует актуальную модель сопровождения личностного развития школьника в социокультурном пространстве микрорайона школы, отвечая на вопросы «кто?», «почему?», «каким образом?».

✓ План деятельности при моделировании сценария взаимодействия субъектов системы педагогического сопровождения включает такие виды аналитической деятельности, как конструирование модели, оформление и экспертиза. Обдумывание системы процедур формирования самостоятельных программ для сопровождения личностного развития происходит в соответствии с актуальностью модели (для детей, родителей или других участников образовательного процесса) сопровождения. Оформляется циклограмма деятельности.

Ответы на вопросы «что?», «где?», «когда?», «кто?» и «как?» завершают моделирование: возникает рефлексивное оформление сценария взаимодействия в письменном виде. К письменному сценарию как результату моделирования системы процедур «прилагаются» планы подготовки и расстановки сил субъектов комплексного сопровождения личностного развития школьника в определенном социокультурном пространстве микрорайона школы.

Практика реализации средового подхода в воспитании (Ю.С. Мануйлов) предусматривает «проектирование схемы действий и действующих лиц в среде», а сама «логика действий может основываться на положении дел в среде» [5]. Мы считаем, что «технологические вопросы применения данного знания» раскрываются в адаптивной модели-комплексе, созданной в социокультурном

пространстве и обеспечивающей школьнику позицию субъекта системы педагогического сопровождения.

В системе социальной направленности ведущую роль чаще всего выполняет коммуникативный элемент (один из системообразующих факторов). Для нас важно положение, что педагогический процесс как социально-деятельностная образовательная система обладает средствами адаптации, что позволяет ей «выжить». Мы считаем, такой способностью обладает и система педагогического сопровождения (в качестве подсистемы).

Каждая из программ становится основой для моделирования сценария взаимодействия субъектов/компонентов, участвующих в системе педагогического сопровождения личностного развития ребенка. Усилиями организаторов сопровождения – директора сельской школы, педагога, специалиста социальной службы (участкового милиционера, врача, ответственного работника администрации сельского поселения и т.д.) – создается команда единомышленников или служба комплексного сопровождения.

Служба педагогического сопровождения – это многоуровневая организационная структура, интегрированная в определенное социокультурное пространство, в состав которой входят педагоги, специалисты организаций – социальных партнеров школы, за счет системного взаимодействия которых обеспечивается реализация задач личностного развития ребёнка.

Актуальность программы определяется «запросом» – осознаваемой сельской общественностью и специалистами проблемой. Далее прорабатывается алгоритм действий службы, оформляется текстуальная программа, моделируется сценарий взаимодействия (комплексного, длительного, непрерывного).

Условия успеха в моделировании – личная заинтересованность педагога/специалиста, альтруизм сопровождающих, имидж и конкурентоспособность образовательного учреждения. Какая модель будет активной и на каком конкретном этапе комплексного сопровождения личностного развития ребенка в существующем социокультурном пространстве, в интегрированной модели определяет служба сопровождения («команда» единомышленников) согласно актуальности проблемы и критериально-ключевому принципу деятельности. Программный подход позволяет увидеть об-

щий сценарий взаимодействия и оформить адаптивную модель-систему комплексного педагогического сопровождения. Все вместе самостоятельные актуальные программы образуют в результате компоновки единую Программу развития школы-комплекса как модели, созданной в социокультурном пространстве села и реализующей функцию воспитания. Технология компоновки в единую Программу учитывает принципы спиралевидности контактов компонентов социокультурного пространства села, параллельность действия специалистов. При этом мы особо подчеркиваем, что только интегрированное взаимодействие различных специалистов локального социокультурного пространства способствует созданию адекватной системы и обеспечивает комплексность педагогического сопровождения личностного развития школьника.

В нашем исследовании актуальные модели-адаптивные комплексы социокультурного пространства села формируются в логике деятельности организатора (лидера) сопровождения (педагога или специалиста службы).

Каждая из четырех моделей сопровождения личностного развития ребенка в конкретном социокультурном пространстве ориентирует на различные подходы к планированию, организации деятельности, предоставлению образовательных услуг, позиции в социальной общности, оценке результатов комплексного сопровождения в процессе взаимодействия:

- ✓ школа-комплекс, реализующая модель «Комплексное сопровождение становления профессионального мастерства педагога», «содружество» в социокультурном пространстве села Леженки на основе пакета соглашений о взаимодействии со смежными организациями системы образования (модель Овсянниковской школы);
- ✓ школа-комплекс, представляющая организационно-правовую модель типа «интеграция» по всем направлениям жизнедеятельности; модель «Комплексное сопровождение личностного развития ребенка» (адаптивная школа пос. Знаменка);
- ✓ комплекс социокультурного пространства села Лаврово, интегрирующий функции субъектов сопровождения личностного развития ребенка через специфические психолого-педагогические и социальные подходы

(тип объединения – «содружество» как социальное партнерство на основе договоров и соглашений о союзе; модель «Комплексное сопровождение личностного развития ребенка в сельском социуме»);

- ✓ комплексы социокультурного пространства села Жилино (Орловский район) и с. Куракино (Свердловский район), где тип объединения – «кооперация» на основе договоров о намерениях; модели «Комплексное сопровождение семьи как ячейки общества» и «Социально-педагогическое сопровождение семей и детей «группы риска» в условиях села» соответственно.

Связующее звено в каждом комплексе – учреждения (и специалисты) района, Центр детского творчества и Центр психолого-педагогического и медико-социального сопровождения.

Представленный алгоритм деятельности по упорядочению элементов отобранной информации позволяет педагогу/специалисту скомпоновать актуальную модель для самостоятельных программ и выйти на моделирование конкретного сценария взаимодействия субъектов в системе комплексного сопровождения поливариантного развития личности ребенка. Выбор осуществляет сопровождающий (педагог/специалист).

Как видим, технологический подход к педагогическому сопровождению определяется не только выявлением и моделированием субъектной деятельности педагога/специалиста как организатора (лидера) взаимодействия компонентов социокультурного пространства села в данной системе, но и разработкой программ включения ребенка в процесс «следования рядом» с учетом его индивидуальных особенностей, позиции в социальной общности, уровня социально-личностного развития.

Практика экспериментально подтверждает, что любая модель/сценарий предполагает прежде всего наличие квалифицированного специалиста, который будет осуществлять комплексное педагогическое сопровождение личностного развития ребенка. Как известно, субъектами педагогического процесса как целостной системы являются учащиеся, родители, учителя-предметники, семейные социальные педагоги, классные воспитатели (руководители), педагог-организатор, школьный психолог, вожатый, учитель-логопед, руководитель кружка / секции, медицинский работник, библиотекарь, администрация, а также специалисты–

партнеры социокультурного пространства. Все они могут осуществлять грамотное педагогическое сопровождение, согласившись с позицией осознанного «следования рядом», многоаспектностью роли сопровождающего.

Обучение педагогов, подготовка их к работе на позициях полиметодологии представляются важным этапом на пути создания адаптивной модели комплексного психолого-педагогического сопровождения личностного развития ребенка в социокультурном пространстве и проходят как «погружение в проблему».

Этап теоретической разработки – это творческий этап деятельности педагога/специалиста, где проявляются его профессионализм, организационные способности в моделировании как специфической технологии системы педагогического сопровождения личностного развития школьника. Используя

все возможности образовательного процесса, социума, цивилизации, организатор сопровождения определяет конкретные цели и задачи, методы (ситуации дела, выбора, успеха, проблемной «зоны хаоса», «резонансной точки» и т.д.), «поля» и способы взаимодействия (эксперимент, погружение, проект КТД, поддержка, акция, диалог и т.д.), формы подачи информации (игры, практические действия, постоянно действующие семинары и т.д.).

Сочетание комплекса социально-педагогических действий является основой технологии педагогического сопровождения личностного развития различных участников образовательного процесса (детей, педагогов, специалистов-партнеров, сопричастных социальных систем, родителей). Такая совокупность действий делает возможной многопрофильность сопровождающего взаимодействия в социокультурном пространстве (см. рисунок).

ТЕХНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Мы считаем, что дальнейшее движение вперед в развитии воспитательной практики невозможно без наличия у профессионального педагогического сообщества целостного методического представления о системе педагогического сопровождения в социокультурном пространстве. Нас интересует положение строящейся или преобразуе-

мой системы, внутреннее её видение, складывающееся именно в сельской местности.

Специфика сельской школы, характеризующая предмет нашего исследования, ставит педагога в ситуацию постоянного контакта с живущими на селе специалистами и родителями. Педагог сельской школы, как лидер взаимодействия и воспита-

ния, привлекает специалистов различных ведомств, обеспечивающих личностное становление школьника (прямая связь), что, в свою очередь, «двигает» профессиональное становление, карьерный «рост» и личностное развитие взрослых (обратная связь).

Особенность социокультурного пространства села (отсутствие современной инфраструктуры, социального партнерства между бизнесом и властью, острые вопросы социального характера, «педагогическое одиночество» учителей, жесткие межличностные отношения) делает незаменимым умение педагога применять на практике личностно ориентированные технологии. Комплексное интегрированное использование личностно ориентированных и социальных технологий составляет сущность процесса педагогического сопровождения личностного развития школьника на селе. В данном секторе действий мы видим возможность

организовать непрерывное сопровождение процесса личностного развития ребенка, опираясь не только на прямые, но и, в большей степени именно на селе, на опосредованные связи (использование возможностей реального социокультурного пространства и спонсоров-партнеров).

Внедрение комплексных технологий сопровождения в педагогическую деятельность позволяет научно подходить к разрешению многих общественных проблем, способствует эффективному решению широкого спектра социально- педагогических задач. Однако здесь в большей мере, чем при других подходах, важны роль сопровождающего педагога/специалиста, его профессионализм, умение очень тонко определять и учитывать индивидуальные различия учащихся не только в академических знаниях, но и в психолого-социальном плане, соотнеся их с особенностями социокультурного пространства.

Библиографический список

1. Смирнов С. И. Технологии в образовании // Высшее образование в России. – № 1. – 1990. – С. 55–62.
2. Степанов Е. Н. Развитие индивидуальности ребенка как предмет воспитательной деятельности // Воспитание школьников. – 2004. – № 10. – С. 2 – 6; 2005. – № 1. – С. 2–6.
3. Заславская О.В. Гражданское воспитание школьников и демократизация России / Гражданское воспитание и демократизация России: Материалы международной научно-практической конференции (17–18 мая 2004 г., г. Тула)/ Научн. ред. О.Е. Глаголева, О.В. Заславская; отв. ред. О.Е. Сальникова. – М., 2004. – С. 188–192. ISBN 5-98079-024-1.
4. Котькова Г. Е. Моделирование учебного материала учителем в процессе разработки сценария урока в полиэтническом образовательном пространстве: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.016 25.09.2002: 24.01.2003 / Котькова Галина Евгеньевна. – М.: РГБ, 2003. – 250 с.
5. Мануйлов Ю.С. Средовый подход в воспитании. – Ун-т Рос. акад. образования. – 2-е изд., перераб. – М.; Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. службы, 2002. – 156 с. – Библиогр.: 149–155с. – ISBN 5-85152-230-5.

G.E. KOTKOVA

PEDAGOGICAL SUPPORT AS A TECHNOLOGY OF PERSONAL DEVELOPMENT OF THE CHILD

Each period is characterized by its own methods of upbringing and technological approaches. At this, the role of a guide is significant. The system of pedagogical actions accompanied by the person-oriented technologies are the basis for the complex support of all the participants of the educational process, polyvariant development of a child's personality.

Key words: the technological approach, the complex support, polyvariant development.

А.С. МОЛЧАНОВ, аспирант кафедры теории и методики
физического воспитания Орловского государственного университета
orelsport@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Автор доказывает, что включение в технологию преподавания экономики спецкурса вместе с учебно-методическим комплексом способствует повышению качества знаний студентов.

Ключевые слова: экономическая подготовка, предпринимательская подготовка, учебно-методический комплекс.

Подготовка выпускников физкультурно-спортивных вузов к различным видам профессиональной деятельности показывает, что существующий образовательный процесс недостаточно ориентирован на подготовку высококвалифицированных специалистов в сфере экономики. Основной причиной невысокого уровня экономической подготовки студентов спортивных вузов является недостаточное количество учебных часов по экономическим дисциплинам.

Вместе с тем за последнее время сложились такие экономико-рыночные отношения в сфере физической культуры и спорта, которые требуют от выпускников спортивных вузов всесторонней экономической подготовки. Выпускникам приходится ориентироваться не только в среде тренировочного процесса, но и знать свои права, вести управленческую деятельность. Этим и другим вопросам посвящена наша работа.

Таким образом, проблема нашего исследования состоит в том, что сформировавшиеся в условиях социализма содержание и формы экономической и особенно предпринимательской подготовки студентов физкультурных вузов не соответствуют требованиям физкультурных организаций страны к молодым специалистам, не способствуют самоопределению студентов относительно сферы спортивного предпринимательства.

Проблемой подготовки специалистов в сфере экономики спорта занимались В.У. Агеевец, В.И. Жолдак, В.А. Какузин, В.В. Кузин, Б.С. Кузьмак, М.Е. Кутепов, Р.М. Орлов, И.И. Переверзин, С.Г. Сейранов и др. Разработке содержания и форм обучения экономическим дисциплинам в высших физкультурных учебных заведениях посвящены работы А.Г. Барабанова, В.М. Выдрина, С.П. Евсеева, Ю.Д. Железняк, Н.Н. Зволинской, В.В. Кузина, С.В. Малиновского, В.И. Маслова, В.Д. Чепика и др.

Известно, что одной из главных сторон всех исследований является постановка целей и задач, ради которых оно проводится.

Итак, исследование по экономической подготовке специалистов спортивных факультетов проводилось на базе Орловского государственного университета.

Целями данного исследования явились обоснование и опытно-экспериментальная проверка разработанной модели учебно-методического комплекса по экономическому образованию, воспитанию и технологии его интегрирования в образовательный процесс студентов спортивных факультетов.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Проведение эксперимента по выявлению уровня экономических знаний студентов, уровня развитости их экономического мышления.

2. Проведение эксперимента по формированию у студентов экономических знаний в сфере спорта, мотивации к овладению ими, формированию интереса.

3. Проверка эффективности учебно-методического комплекса, применяемого в экономическом воспитании, его приемов, средств и реализации.

4. Систематизация результатов исследования, определение условий повышения эффективности применяемого учебно-методического комплекса в экономическом воспитании студентов.

Решение поставленных задач осуществлялось посредством системы методов опытно-экспериментального исследования (наблюдение, беседа, устные и письменные опросы, анкетирование, анализ документации, анализ продуктов деятельности, ранжирование, статистический анализ полученных данных, их графическая интерпретация, тестирование, контрольный срез знаний, экспертное оценивание).

Например, наблюдение велось за поведением студентов на занятиях по экономическим дисциплинам, их эмоциональным состоянием, за характером затруднений при восприятии учебного материала, отношением к выполнению учебных заданий.

Интервью как разновидность беседы использовались для получения ответов об отношении студентов к экономической политике в стране и в мире, к экономическому положению спортивной отрасли, о путях, способах повышения благосостояния работников в области физической культуры, достижении успеха в профессиональной карьере.

На протяжении всего исследования проводилось изучение документации деятельности испытуемых. Это позволило определить подробные типологические характеристики качеств личности (трудолюбие, бережливость и экономность, расчетливость, предприимчивость, инициативность, деловитость), увидеть характерные особенности, наклонности, способности. В этих целях использовались личные дела, характеристики студентов, результаты аттестации, отзывы, журналы наблюдений, рекомендации преподавателей экономических дисциплин.

В целях психолого-педагогической диагностики применялось тестирование. С помощью тестов становится возможным измерить (на основе критериев) уровень развития знаний и умений. Для этого применялись стандартизированные задачи, имеющие определенную шкалу значений. Причем

величина (коэффициент) корреляции имеет колебание в пределах 0,75–0,60, что можно считать удовлетворительной действенностью теста. При разработке тестов мы учитывали рекомендации исследователей по обеспечению чистоты, определенности, простоты, надежности тестов. Данную методику в своих исследованиях применяли такие специалисты, как В.М. Грищенко, В.М. Гонаганов, А.Ю. Изанов, Р.Я. Касимов и др., что говорит о ее действенности.

Метод опроса использовался для выявления системы ценностных ориентаций студентов, их отношения к экономическим проблемам в сфере спорта, выявления источников экономических знаний, а также для оценки формирования умений и навыков экономической работы.

Применение метода экспертных оценок направлено на выяснение личностных самоограничений, мешающих личностному росту, развитию экономического мышления, экономического поведения. К экспертизе привлекались наиболее компетентные специалисты (кураторы, преподаватели). Результаты экспертизы (согласованные экспертные оценки) используются для построения аналитических и обучающих моделей.

Комплексным методом является эксперимент. Педагогический эксперимент (констатирующий и формирующий) проводился с целью модернизации процесса экономического образования и воспитания студентов физкультурно-спортивного факультета. Педагогический эксперимент охватывал студентов двух специальностей и включал различные по длительности исследования в зависимости от цели и решаемых задач: констатирующий эксперимент связан с изучением существующей педагогической ситуации, педагогического процесса в его реальном режиме стабильного функционирования. Констатирующий эксперимент (как метод срезов) ориентирован на установление фактического состояния экономического образования и воспитания, на констатацию достигнутых параметров: уровня знаний студентов, развития экономического мышления, личностных качеств студентов, их отношения к экономической работе, характера участия в ней, уровня результативности традиционных методик изучения экономических дисциплин.

Формирующий эксперимент имеет цель проверки разработанной технологии экономического образования и воспитания и связан с решением следующих задач:

- доказать эффективность применяемого авторского учебно-методического комплекса по спецкурсу «Экономические основы развития физической культуры и спорта» для формирования системы ценностей, знаний, развития экономического мышления;
- обосновать педагогические возможности учебно-методического комплекса;
- оценить эффективность методики применения данного комплекса в повышении качества знаний студентов, в развитии их экономического мышления, повышении мотивации к экономическому образованию;
- выявить степень влияния организационных форм включения студентов в экономическую работу на процесс формирования у них норм экономического поведения, готовности к экономической работе в процессе последующей профессиональной деятельности. При этом предполагается, что результаты эксперимента позволят подтвердить дееспособность разработанного учебно-методического комплекса в образовании и воспитании студентов, определить условия повышения его эффективности.

Организация экспериментальной работы потребовала принятия ряда организационных мер, создания необходимых для его качественного проведения условий.

В качестве участников эксперимента были выбраны студенты 3-х курсов факультета физической культуры и спорта. Всего на каждом факультете отбирались по две группы: группа А – самая «сильная» на факультете и группа Б – самая «слабая» на факультете.

Для сравнения результатов обучения и воспитания студентов привлекались студенты V курса, прошедшие изучение дисциплины «Экономика», входящей в учебный план, и дополнительные курсы по авторскому учебно-методическому комплексу. Для проведения срезов остаточных знаний, уровня развитости экономического мышления, степени включенности в экономическую работу, как и на III курсе, выбирались самые «сильная» и «слабая» учебные группы.

Для диагностики наличия и качества знания применялся анализ экзаменационных ведомостей, результатов срезов знаний, опросов. Использовались также дидактические тесты, наблюдения, экспертные оценки.

Для диагностики уровня развитости экономического мышления использовались проблемные задачи, задания, ситуации, анализ творческих работ, наблюдения, экспертные оценки.

Для диагностики характера экономического поведения, личностных качеств студентов применялись наблюдения, опросы, беседы, анализ служебной документации, экспертные оценки и др.

Результаты проведенных опросов показывают, что большинство студентов черпают экономические знания из телепередач, причем имеются в виду скорее информационные программы, реклама, нежели серьезные специальные программы, которые на ТВ представлены крайне редко. То же можно сказать и о газетах, в большинстве которых нет постоянных рубрик по экономике. Специальных экономических изданий, как показало исследование, студенты не только младших, но и старших курсов не читают. Особенно следует обратить внимание на тот факт, что всего 20 процентов вспомнили, что они получали экономические знания от преподавателей экономической работы в вузе.

Анализ ответов на вопрос, что такое экономическое знание, привел, во-первых, к выводу о том, что студенты затрудняются в понимании самого термина «знание», особенно теоретического знания: смешивают понятия «знание» и «информация», «знание» и «умение». Лишь 2,3 процента ответили, что знания включают в себя понятия, концепции, теории, законы.

В ответах большинства опрошенных (74,4 процента) экономические знания — это знания о том, как бережно расходовать ресурсы, как добиваться максимальной прибыли, знания, необходимые для победы в конкурентной борьбе и т.п.

Данные результаты позволяют сделать вывод о низкой мотивации студентов к овладению экономическими знаниями, о необходимости применения специальных мер для формирования не внешней, а внутренней мотивации, таких мер, которые основаны на подходе «хочет – может – должен», а не на подходе «должен – может – хочет». Одним из эффективных способов достижения поставленной цели является дидактический тренинг, который имеет следующие виды: мотивация достижений, мотивация причинных схем, личной причинности и внутренней мотивации. Обобщенным результатом – критерием оценки успеха в дидактическом тренинге – должна стать достаточно развитая у студентов стратегия внутренней мотивации.

В течение ряда лет мы накапливали результаты измерений динамики изменений знаний студентов от начала применения учебно-методического комплекса к его окончанию.

Для этого применялись анализ ведомостей итоговых и промежуточных аттестаций, контрольные срезы остаточных знаний, устные и письменные опросы. Для определения эталонных параметров мы использовали работы лучших студентов.

Высоким уровень широты знаний признавался тогда, когда они не только охватывали программу курса, но и выходили за его рамки, были почерпнуты из дополнительной литературы.

Средний уровень широты – соответственно 70–60 процентов программы при отсутствии знаний, взятых из дополнительной литературы.

Низкий уровень широты знаний – 60–40 процентов требуемых программой тем, разделов знаний.

Объем знаний в соответствии с требованиями госстандартов признавался: 100–85 процентов – высоким; 84–70 процентов – средним; 69–50 процентов – низким.

Глубина знаний определялась с помощью коэффициента (из десяти) правильных ответов: 1,0–0,8 – высокий; 0,7–0,5 – средний, 0,4–0,2 – низкий.

Качество знаний (широта, объем, глубина) измерялось по трехбалльной системе (3 балла –

высокое, 2 балла – среднее, 1 балл – низкое). В содержательном аспекте от студентов требовалось обнаружить знания по всем разделам, темам программы, а также иметь осведомленность по вопросам, выходящим за рамки программы (решение задач, работа с темами, решение проблемных ситуаций).

Итак, за период с начального по конечный срез в контрольной группе количество студентов на высоком уровне увеличилось с 12 до 21 процента (приращение составило 9 процентов). В то же время в экспериментальной группе увеличение произошло с 11 до 32 процентов (приращение составило 21 процент). Та же тенденция перехода с низкого на средний уровень: в контрольной группе приращение составило 5 процентов, а в экспериментальной – 9 процентов.

Таким образом, включение в технологию преподавания экономики спецкурса способствует повышению качества знаний студентов. Предпринятое нами исследование по выявлению педагогических возможностей применения авторского учебно-методического комплекса в образовании и воспитании студентов спортивных вузов позволяет прийти к выводу об эффективности данной технологии, что подтвердило нашу гипотезу.

A.S. MOLCHANOV

METHODOLOGICAL BASIS FOR THE ECONOMIC PREPARATION OF STUDENTS OF THE FACULTY OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

The Author proves that cut-in in technologies of the teaching the economy of the special course together with scholastic-methodical complex promotes enlarging student of the knowledge quality.

Key words: *economic preparation, business preparation, scholastic-methodical complex.*

Е.М. МУРАВЬЁВ, профессор кафедры технологии
и предпринимательства ГОУ ВПО «Шуйский государственный
педагогический университет»
Тел. 8-960-511-89-00

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТЕХНИКИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

Рассматривается необходимость применения в обучении школьников специального методического подхода к изучению общих основ техники как важной составной части технологических процессов.

Ключевые слова: технология, техническое обучение, техника, процесс, техническая система.

При изучении технологических процессов в образовательной области «Технология» необходимо знакомить учащихся с различными объектами техники, которая используется в технологической деятельности.

Структурно технологический процесс состоит из действий работающего, собственно процесса преобразования объекта, функционирования техники, применяемой в этом процессе, информационных процессов преобразования объекта и связанных с процессом преобразования объекта социально-экономических преобразований.

В современных технологических процессах, применяемых в самых различных видах технологической деятельности, такой структурный компонент этого процесса, как функционирование техники, часто имеет основополагающее значение. Подтверждением этому служит использование автоматических технологических линий, при котором получение продукта (товара или услуги) всецело зависит от работы совокупности технических устройств, входящих в данную конкретную технологическую линию. Человек только контролирует эту работу.

Но это, конечно, не значит, что в технологической деятельности людей, в осуществлении технологических процессов преобразования объектов этой деятельности главная проблема – это техника. На современном постиндустриальном технологическом этапе развития общества на первый план в технологической деятельности выходит разработка целостных технологических процессов, их социально-экономическое обоснование и информационное обеспечение. Вопросы проектирования, конструирования и создания техники для осуществления технологических и в целом производственных процессов были главными, определяющими для прошедшего индустриального, так называемого технократического этапа развития общества.

Но вместе с тем та роль техники, для которой осуществляется ее создание и совершенствование, осталась. Другое дело, что в процессе объективного хода развития технологической деятельности людей возникают проблемы в других, чем были раньше, составляющих технологического процесса.

На заре трудовой деятельности людей главным было владение простейшими орудиями для преобразования предмета труда в продукт.

Затем акцент стал смещаться на рассмотрение самого процесса преобразования предмета труда, на технологию этого преобразования.

Далее человек для облегчения своего труда стал привлекать силы природы, использовать для этого животных, энергию ветра, силу движущейся воды, энергию пара и т.д. Это повлекло за собой конструирование и создание самых различных технических устройств. Начались развитие техники, механизация и автоматизация технологических процессов. Наступил индустриальный этап развития общества, в котором технике придавалось решающее значение.

С течением времени развитие техники приобрело такие масштабы, что ее неограниченное использование стало приводить к экологическим проблемам, было не всегда экономически выгодным и в отдельных случаях приводило к отрицательным социальным последствиям. Возникли новые проблемы в разработке экологически и экономически выгодных технологических процессов.

Сложность новых технологий вызвала актуальную необходимость развития информационного обеспечения этих технологий. Об этом в наше время говорит настоящий информационный взрыв, компьютеризация технологической деятельности. Акцент внимания переходит от проблем развития техники (индустриальный этап) к следующим составляющим технологического процесса, к проблемам информатизации и социально-экономического обоснования технологических процессов (постиндустриальный или информационно-технологический этап).

Вместе с тем вопросы изучения техники в технологическом обучении школьников нельзя рассматривать как-то попутно, знакомить школьников только с отдельными техническими объектами и только в их связи с теми или иными конкретными технологическими процессами. В этом случае у школьников не формируется широкое общее представление о технике как средстве технологической деятельности, заменяющей человека в его непосредственном воздействии на объект деятельности.

Кроме этого сам процесс познания конкретных объектов техники без предварительного изучения отдельных технических устройств и деталей этих устройств, того, как конструируются технические объекты и их системы, возможен только на узко практическом, так называемом ремесленном уровне. Учащийся не сможет понять, почему так устроен и так действует тот или иной станок или прибор.

Все это говорит о необходимости применения в технологическом обучении школьников специального методического подхода к изучению общих основ техники как важной составной части технологических процессов.

Назрела объективная необходимость изучения в общеобразовательной школе основ техники и ее функционирования, аналогичных тому, как изучается естественная природа.

Само слово «техника» произошло от греческого *techne* – искусство, мастерство.

В период своего возникновения понятие «техника» отражало индивидуальное мастерство, искусство работающего. В условиях развития ремесленного производства это понятие переходит из области индивидуального искусства в сферу приемов, методов и рецептов при передаче производственного опыта от поколения к поколению.

С возникновением и развитием машинной промышленности под техникой стали понимать материальную сторону труда, а именно те орудия и материальные средства, с помощью которых осуществляется трудовая деятельность человека. Такое понятие техники сохранилось и в настоящее время: оно всегда отражало и отражает главное в производстве. Даже сейчас, когда проблемы технологической деятельности смещаются в сторону информационного обеспечения разрабатываемых и осуществляемых целостных технологических процессов, в основе новых информационных технологий лежат те или иные технические устройства. Ярким примером здесь служит компьютер, применяемый в информационных технологиях. Под техникой понимается совокупность орудий и средств труда, создаваемых человеком на основе познания законов природы для того, чтобы, направляя энергию природы на ее вещества, осуществлять процесс производства материальных и духовных благ.

Сущность техники в том, что с ее помощью человек отнимает энергию у природы, преобразует эту энергию в вид, удобный для использования, и направляет на предмет труда для совершения определенной работы или получения полезного эффекта.

Это широкое и общее понятие техники необходимо раскрывать и конкретизировать в других, более узких технических понятиях.

Одним из таких понятий, которые нужно сформировать у учащихся при изучении техники, дол-

жно быть понятие «техническое устройство» – устройство, передающее или преобразующее какой-либо вид энергии. Например, механизм – это техническое устройство, передающее или преобразующее механическую энергию; электрический трансформатор – устройство для преобразования электрической энергии. К техническим устройствам относятся и устройства, преобразующие один вид энергии в другой. Например, аккумулятор – устройство для преобразования химической энергии в электрическую.

Структурный анализ многочисленных объектов техники показывает, что все они так или иначе состоят из отдельных технических устройств в различных их сочетаниях. Учащиеся, изучая общие для многих технических объектов технические устройства, познают основы всей техники. Это очень важно с точки зрения общеобразовательного характера технологического обучения школьников.

Изучение отдельных технических устройств, передающих или преобразующих какой-либо вид энергии (механическую, электрическую и другие), еще не дает достаточного представления о технике. Знакомясь с материалами, из которых изготавливаются технические устройства, с принципом действия, конструкциями и работой устройств, мы знакомим учащихся главным образом с природной сущностью техники. В технических устройствах используется энергия природы и природный материал, хотя и преобразованный человеком. Принцип действия, работа и конструктивное оформление этих устройств находятся в строгом соответствии с законами природы. Например, зубчатая передача конструируется и изготавливается в соответствии с законами механики и свойствами твердых тел. Ее геометрические параметры должны отвечать законам математики. Если при выборе материала для зубчатых колес не учесть, допустим, свойства прочности этого материала, то при передаче усилий (крутящего момента) зубья колес могут сломаться. Другой пример, Электрический трансформатор основан на использовании законов электричества. Вот почему изучение техники, а тем более ее конструирование и изготовление требуют знаний физики, химии и других наук о природе.

С другой стороны, техника – вещь социальная. Она создается человеком и служит ему. Для того чтобы понять, каким образом техника служит человеку и решает задачи осуществления техноло-

гических процессов, надо наряду с природной сущностью техники рассматривать ее социальное значение.

Социальная роль техники заключается в том, что она помогает человеку или вообще заменяет его в выполнении различных видов деятельности. Для этого отдельные технические устройства как бы объединяются между собой, и их можно рассматривать как технические системы.

Под технической системой понимается совокупность технических устройств, образованная для решения тех или иных задач в технологической деятельности человека. Возьмем для примера изучаемую в технологии обработки и создания изделий из металлов техническую систему – токарно-винторезный станок. В нем есть техническое устройство для преобразования электрической энергии в механическую (электродвигатель), ряд устройств для передачи механического движения и получения вращательного движения заготовки (ременная, зубчатые передачи), устройства для преобразования вращательного движения и получения поступательного движения резца (реечные и винтовые передачи). Кроме этого есть устройства для включения и выключения станка, изменения скорости вращения шпинделя и другие.

Вся эта совокупность технических устройств решает задачу воздействия на материал (предмет труда) с целью изменения его формы и размеров. Но это еще только часть системы. Для того чтобы токарно-винторезный станок работал, его нужно подключить к электрической сети. Это значит, что к рассмотренным техническим устройствам присоединяется еще ряд устройств, с помощью которых получена используемая электрическая энергия. Если электрическая энергия получается с помощью гидроэлектростанции, то сюда входит устройство для преобразования энергии движущейся воды в механическую энергию вращения турбины. Турбина вращает генератор, и идет преобразование механической энергии в электрическую, затем следует устройство для передачи электрической энергии потребителю. Только вся эта совокупность технических устройств дает нам полную техническую систему. Образно говоря, техническая система – это система, с одной стороны которой находится природа, ее вещество и энергия и с другой – человек, его разум и активность. Человек создает систему, инициирует и обеспечивает ее работу.

Главной характеристикой технической системы является ее назначение, обусловленное требованиями осуществления тех или иных технологических процессов и в конечном счете социальными потребностями. Одни технические системы служат для обработки материалов, как, например, рассмотренный токарно-винторезный станок или также изучаемая по технологии швейная машина. Другие – для перемещения грузов, например автомобиль. Назначение определяет структуру технической системы, то есть из каких технических устройств она должна состоять, как будут соединены между собой эти устройства.

Следующей характеристикой технической системы является экономическая целесообразность, то есть соотношение затрат на проектирование и изготовление технической системы с тем объемом работы, для выполнения которой она предназначена. Очевидно, что нецелесообразно разрабатывать сложную систему с использованием специальных двигателей и средств автоматики для изготовления несложной детали в единственном экземпляре. Эту деталь можно изготовить вручную с помощью простых инструментов и приспособлений. Когда же таких деталей нужно изготавливать тысячами и миллионами штук и необходимо организовать массовое производство, то в этом случае разработка достаточно сложной техниче-

ской системы может быть экономически выгодной.

Вместе с назначением и экономической целесообразностью учитывают и другие характеристики технической системы. Среди них – удобство обслуживания и эстетичность технической системы. В этих характеристиках отражается психологическая, более того, физиологическая совместимость человека и технической системы.

Последние годы все большее значение приобретает такая характеристика технической системы, как влияние работы системы на окружающую среду, на естественную природу. Задача состоит в том, чтобы исключить вредное влияние работы технической системы на окружающую среду. Здесь речь идет об экологической совместимости технической системы и естественной природы.

Таким образом, в технических системах как технических основах технологических процессов по производству материальных и других благ соответствующим образом учитывается взаимосвязь этих систем, с одной стороны, с природой, а с другой – с самим человеком.

Изучение техники как очень важного компонента технологических процессов необходимо осуществлять в отдельном учебном разделе или блоке, в системе и логике ее развития, конструирования и функционирования.

E.M. MURAVJOV

ON TECHNOLOGICAL EDUCATION AT SCHOOL

The work deals with methods applied in training of schoolchildren for the bases of technic as an important part of technological processes.

Key words: technology, technological training, technique process, technical system.

А.В. ОВСЯННИКОВА, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры «Высшая математика» ГОУ ВПО «Московский
государственный университет технологий и управления»
Тел. 89163559144; anna_ovsyannikov@bk.ru

ВИДЫ РЕФЛЕКСИИ В СТРУКТУРЕ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА ВУЗА

В данной статье рассматривается рефлексия в самообразовательной деятельности преподавателя высшей школы, ее реализация. Также рассмотрены содержательные направления самосовершенствования преподавателя профессиональной школы, изучающего материалы, связанные с педагогическим наследием известных ученых.

Ключевые слова: рефлексия, самообразовательная деятельность, целеполагание.

Творческая деятельность контролируется разными видами рефлексии. С.Ю. Степанов, И.Л. Семенов выделяют интеллектуальную и личностную рефлексии, В.В. Давыдов – формальную и содержательную, И.С. Ладенко – аналитическую и синтетическую. В педагогических инновациях всегда существует открытая самим педагогом или заимствованная новая идея, поэтому новаторский опыт должен быть осмыслен, обобщен в виде идеи или концепции. В этой связи преподавателю необходимо овладеть научной рефлексией, которая позволяет соотносить ту или иную инновационную систему с множеством задач конкретного исследования. Методологическая рефлексия связана с осознанием субъектом совокупности методов и средств с точки зрения адекватности их целям самообразовательной деятельности, ее объекту и результату.

Рефлексия на целеполагание в самообразовательной деятельности педагога имеет следующие характеристики:

прямой анализ – целеполагание от актуального состояния педагогической системы к конечной планируемой цели;

обратный анализ – целеполагание от конечного состояния к актуальному;

целеполагание от промежуточных целей с помощью как прямого анализа, так и обратного.

Выделяются также и содержательные характеристики: анализ значимости мотивов и их достижимости, анализ и оценка прогнозируемых результатов и последствий достижения целей, выбор актуальной цели. Можно утверждать, что самообразовательная деятельность начинается с «борьбы мотивов», поиска смысла. Иногда построение педагогом целей начинается при явно недостаточной информации о способе построения модели, концепции, об условиях деятельности, что может привести к интуитивному решению, к появлению риска.

Возможность преподавателя свободно осуществлять целеполагание и осознать ее целесообразность зависит от следующих условий:

- от того, насколько педагог может осознать и управлять процессами целеполагания, разлагать их на составляющие, отслеживать эти процессы; это дает ему возможность «видеть» себя на пути построения педагогической концепции, а

значит, яснее представлять границы своих состояний и действий;

- при анализе значимости мотива – способности распознавать значимость инноваций для детей и для себя, умения самостоятельно строить алгоритмы значимости;
- при анализе достижимости цели – от умения строить оптимальные алгоритмы творческой деятельности для достижения цели;
- от уверенности, гибкости, адекватности действий учителя при анализе и оценке результатов и последствий достижения цели;
- от владения алгоритмами выбора инновационной цели. В случае отсутствия алгоритмов выбора педагог может уйти от нее, не реализуя свои возможности на данном уровне осуществления деятельности. На этом этапе рефлексии возможно изменение «веса» первичного мотива и появление новых мотивов.

Здесь появляются препятствия, возникающие при затруднении осуществления выбора в целеполагании: у преподавателя длительное время может существовать диссонанс между известным и неизвестным, интересом и целью, интересом и степенью трудности инновационного решения, прежним и новым убеждением и т.п.

Рефлексия на этапе реализации самообразовательной деятельности сопровождается двумя процессами: 1) педагог как бы заново возвращается на этап прогнозирования и там отслеживает отдельные составляющие концепции; 2) второй процесс связан с рефлексией на собственно деятельность, то есть с процессом целереализации: происходит анализ соотношения возможностей педагога и внешних условий. Анализируются навыки, педагогические действия, содержание инноваций.

Таким образом, рефлексия имманентно присуща самообразовательной деятельности педагога и реализуется как на этапе мотивирования педагога к самообразованию, так и на последующих этапах: целеполагания, разработки проекта будущей деятельности, осуществления, анализа результатов и их коррекции.

Обсудим далее основные содержательные направления самосовершенствования преподавателя профессиональной школы, изучающего материалы, связанные с педагогическим наследием известных ученых.

Во-первых, к ним относится содержательное

обогащение и углубление педагогом собственных психолого-педагогических знаний. Второе направление целесообразно обозначить следующим тезисом: многомерная и многоплановая *рефлексия* педагогом социального и профессионального опыта, накопленного и осмысленного интеллектуалами высокого уровня, внесшими значительный вклад в сокровищницу человеческой мысли. К этому направлению относится и осмысление преподавателем философских и общенаучных основ, исторических корней того педагогического знания, которое представлено в современном научно-образовательном пространстве; прослеживание этапов «научной эволюции» того или иного педагогического фрагмента, выявление логики их следования и т.п. Такая рефлексия позволяет педагогу переосмыслить то, что давно казалось незыблемым и навеки устоявшимся; переставить смысловые и содержательные акценты в том или ином педагогическом знании; найти дополнительное авторитетное подтверждение тому мнению, убеждению или представлению, которое сформировалось у него за годы учебы и практической педагогической деятельности. Такое переосмысление, в свою очередь, дает преподавателю импульс и вектор дальнейшего продуктивного «движения» в области педагогики как в теоретическом, так и в практическом направлении. Третьим направлением самосовершенствования преподавателей является возможность мотивации изучающего обсуждаемые материалы педагога к поиску путей адекватного профессионального самовыражения, мотивирование и постепенное приобщение преподавателя к творческой научно-педагогической деятельности, в частности в области общей педагогики и различных частных дидактик (методик), а иногда и в области науки, соответствующей преподаваемой в учебном заведении дисциплине.

Это подкрепляется рядом соображений:

а) в процессе преподавания педагог в определенной мере приобщает своих студентов к исследовательской деятельности в процессе написания рефератов, курсовых работ, индивидуальных творческих проектов с последующей публичной защитой; в процессе подготовки выпускных квалификационных (дипломных) работ. Реализовать все это без собственного опыта творческой деятельности весьма затруднительно;

б) личный творческий опыт необходим педагогу вуза для придания содержанию образования

современного «звучания», для грамотного насыщения учебного материала практическими приложениями, для продуктивной реализации связи учебного материала с содержанием будущей профессиональной деятельности выпускников.

Следующим направлением, реализуемым в рамках данного компонента самосовершенствования педагога, является его мотивирование к всестороннему осмыслению собственных педагогических действий в учебно-воспитательном процессе, к критической их оценке, а также к формированию категориального взгляда на образовательный процесс в профессиональной школе. Последнее, в частности, предполагает формирование адекватного осознания и понимания тех противоречий, кото-

рые присущи образовательному процессу, умение спроектировать пути и подходы к их разрешению.

Является важным в рамках стимулирования преподавателя к адекватному профессиональному самовыражению и его мотивирование к пропаганде собственных научных и педагогических взглядов – посредством выступлений на различных конференциях, «круглых столах» и т.п.; публикаций собственных мыслей, идей, подходов, технологических разработок и др. на страницах различных журналов, сборников научно-практических трудов; в процессе выступлений с научно-популярными лекциями, докладами и сообщениями; в процессе активного участия в работе официальных и неформальных научных сообществ.

Библиографический список

1. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии, 1994.
2. Давыдов В. В. Развивающее обучение. – М., 1989.
3. Загвязинский В.И. Методология и методика дидактических исследований. – М., 1982.
4. Кларин М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. – М., 1994.
5. Кларин М.В. Инновационные модели учебного процесса в современной зарубежной педагогике: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. – М., 1994.
6. Маслов С.Н. Рефлексивно-инновационный практикум как метод развития творческого потенциала руководителя: Дисс. канд. психол. наук. – М., 1994.
7. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М., 1992.
8. Степанов С.Ю., Похмелкина Г.Ф., Колошина Т.Ю., Фролова Т.В. Принципы рефлексивной психологии педагогического творчества // Вопросы психологии. – 1991. – № 5.

A.V. OVSJANNIKOVA

REFLEXION KINDS IN STRUCTURE OF SELF-EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE TEACHER OF HIGH SCHOOL

In given article the reflexion in self-educational activity of the teacher of the higher school, its realisation is considered. Also substantial directions of self-improvement of the teacher of the vocational school studying materials, connected are considered: with a pedagogical heritage of known scientists.

Key words: *a reflexion, self-educational activity purpose.*

М.Н. РОМУСИК, старший преподаватель кафедры дошкольной
дефектологии дефектологического факультета
ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»
Тел. 8-915-300-68-44; romusikm@yandex.ru

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ КОРРЕКЦИОННО- ЛОГОПЕДИЧЕСКАЯ РАБОТА С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Статья посвящена актуальной для современной коррекционной педагогики проблеме дифференцированного подхода к формированию речи у детей младшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. В работе предлагаются игровые приемы, направленные на развитие устной речи у неговорящих детей младшего дошкольного возраста.

***Ключевые слова:** дифференцированный подход, личностно ориентированный подход, коммуникативная и познавательная деятельность, общее недоразвитие речи, коррекционно-логопедическая работа.*

В исследованиях последних лет в разных аспектах проанализирована проблема раннего выявления и преодоления недоразвития речи у детей 3-летнего возраста. Необходимость раннего комплексного систематического коррекционного воздействия определяется возможностью компенсации речевого недоразвития на данном возрастном этапе.

В младшем дошкольном возрасте речь становится полноценным средством общения. Дети уже понимают окружающих, сами говорят фразами и могут выразить свои требования и желания. Однако встречаются дети, в развитии и воспитании которых возникают проблемы. Это дети, которые до трех лет общаются мимикой, жестами, произносят лепетные слова. Их можно отнести к категории «безречевых» детей. На первый план дизонтогенеза речи выступает длительное по времени отсутствие речевого подражания, инертность в овладении ребенком новыми словами. Такие дети в самостоятельном общении не пользуются фразовой речью, не владеют навыками связного высказывания. В то же время нельзя говорить о полном отсутствии у них вербальных средств коммуникации. Этими средствами для них являются отдельные лепетные звуко сочетания — звуко-комплексы, звукоподражания, обрывки лепетных слов. При воспроизведении слов ребенок преимущественно сохраняет корневую часть, грубо нарушая их звуко-слоговую структуру.

Использование ограниченных вербальных средств родного языка является характерной особенностью речи детей данного уровня. Отмечается многозначность использования словесной речевой продукции, то есть звукоподражания, и слова могут обозначать как названия предметов, так и некоторые их признаки и действия, совершаемые с этими предметами. Ребенок активно пользуется паралингвистическими средствами общения: жестами, мимикой, интонацией.

При восприятии обращенной речи дети ориентируются на хорошо знакомую ситуацию, интонацию и мимику взрослого. В самостоятельной речи отмечается неустойчивость в произношении звуков, их диффузность. Дети способны воспроизводить в основном одно-двусложные слова, тогда как более сложные слова подвергаются со-

кращениям («*пáка ди*» — собака сидит, «*атóб*» — молоток, «*тя макóб*» — чай с молоком). В речи детей могут наблюдаться и словосочетания, которые употребляются только в исходной форме. Подобные словосочетания состоят из отдельных правильно произносимых двусложных слов, включающих звуки раннего и среднего онтогенеза. Такие дети нуждаются во всесторонней педагогической работе, но особое место отводится специалисту-логопеду, так как именно он формирует вербальные средства общения, основной единицей которого является фраза. Вне зависимости от этапа работы воздействие направляется на всю систему речи: расширение, уточнение словаря, формирование фразовой и связной речи, коррекцию звукопроизношения, но на каждом из этапов выделяются специфические задачи и особенности содержания работы.

Работая с детьми с недоразвитием речи, мы определили следующие задачи на начальных этапах работы: формировать пассивный и активный словарь, доступный пониманию и воспроизведению, учить слышать и понимать речь взрослого; отрабатывать на гласных звуках ответные голосовые реакции; учить повторять за взрослым слова в доступной для ребенка форме (звукоподражания, аморфные слова и т.д.); работать над диалогом, небольшим простым рассказом; одновременно формировать высшие психические функции (зрительное и слуховое восприятие, внимание, память, элементарные мыслительные операции, которые в совокупности являются базой для формирования речи; вырабатывать когнитивные навыки). Следовать принципу многократного повторения отрабатываемого материала с использованием разнообразного дидактического материала, игровых приемов; закреплять использование «указывающего жеста» при выполнении заданий по инструкции логопеда; накапливать элементарный номинативный и предикативный словарь (Ляля — девочка, киса — кошка, ав-ав — собачка, ква-ква — лягушка и т.д.); вырабатывать сопряженное, отраженное и самостоятельное употребление фраз типа «дай кису», «на лялю», «вот киса», «нет ляли».

Развитие понимания и структурирования фразы начинается на ранних этапах формирования коммуникативной деятельности детей и является ведущей составной частью работы над языковой системой.

Мы подбирали лексический и дидактический материал, который способствовал интересному многократному упражнению детей в построении простой двусоставной фразы (предмет и его действие) и употреблении ее в речи.

Для этой работы мы брали ранее усвоенные ребенком названия игрушек: *кошка, мишка, лягушка, собачка и др.* При этом дети могли их заменять звукоподражаниями и аморфными словами: *кошка — киса, лягушка — ква-ква, кукла — ляля.* На начальном этапе развития речи мы использовали различные приемы по активизации речевой деятельности детей: многократное повторение за ребенка слов, опосредованное общение через игрушку, комментирование действий детей, что способствовало пониманию, уточнению, расширению словаря. В основном отмечались трудности воспроизведения слоговой структуры слова, дети в основном передавали интонационный образ слова (начальный звук слова, ударный слог либо интонацию). Дети активно пользовались невербальными средствами общения (экспрессивными, предметно-действенными). Звукоподражание появлялось у детей на высоте эмоционального подъема, путем подражания действиям логопеда, при определенном уровне развития внимания, понимания и речевой мотивации.

Работая над фразой, мы использовали наиболее простую для понимания предикативную лексику: *идет, бежит, сидит, спит и др.* Каждый глагол отрабатывался с той или иной игрушкой: *ляля идет, миша бежит и т.д.* Выполнялись соответствующие действия с игрушкой, затем закреплялись в дидактических играх «Лото». Ребенок по инструкции взрослого показывал соответствующую картинку: «*Покажи, где лягушка идет*». Формировалось не только проговаривание фраз, но и их понимание. Если ребенок затруднялся показать, взрослый помогал находить то или иное изображение. Затем предлагалось закрыть картинку фишками, звездочками, цветочками, ладошкой и т.п. По инструкции «*Миша идет. Закрой картинку*» ребенок закрывал изображение, а затем открывал. «*Ляля идет. Открой картинку*». Отрабатывались инструкции: «*Где ляля? Вот ляля. Где киса? Нет кисы*», «*Закрой ладошкой кису, где киса?*» При выполнении задания ребенок должен был вслушиваться в речь взрослого, понимать инструкции и выполнять соответствующие действия.

Так последовательно отрабатывались различные глаголы. Мы меняли расположение изображений, игрушек, для того чтобы задания не выполнялись механически. Затем осуществлялась дифференциация глаголов «идет – сидит». Мы приучали детей вслушиваться в речь взрослых, понимать ее, ориентироваться на листе бумаги и находить нужную картинку. Каждый новый отработанный глагол дифференцировался со всеми пройденными. Постоянная работа по дифференциации глаголов способствовала осознанию ребенком их значения.

После отработки всех глаголов и их дифференциации давались на одном листе различные действия, производимые одним персонажем (лягушка идет, бежит, сидит, спит). Вначале ребенок ориентировался на первое слово – предмет, а при последующей работе на второе слово – действие. Количество занятий на отработку одного действия или дифференциацию двух действий у каждого ребенка разное и зависело от того, как он усваивал материал. Дифференциация дидактического, речевого материала с учетом усвоения детьми осуществлялась путем специального подбора заданий, системы вопросов и поощрений. Логопед брал новый материал по мере усвоения предыдущего. На каждом занятии осуществлялось повторение пройденного материала. Некоторые дети медленно овладевали материалом, следовательно, с ними проводились дополнительные занятия. При повторении пройденного материала ребенку задавались дополнительные вопросы, заставляющие слушать, смотреть и думать, что способствовало развитию речевого слуха, пониманию речи и подготавливало ребенка к ведению диалога. Например: «Скажи (покажи), кто сидит на полу? Кто сидит на стульчике?» и т.п. В процессе коррекционных занятий к речи логопеда предъявлялись определенные требования: спокойный темп речи; четкое произнесение звуков с выделением ударных гласных; короткие понятные инструкции для детей; выдерживание паузы между обращением к ребенку и выполнением им заданного действия, доброжелательная, подбадривающая интонация.

Использовалась преимущественно игровая форма работы, так как она пробуждала интерес, вызывала потребность в общении, способствовала развитию речевого подражания, моторики, обеспечивала эмоциональность воздействия, однако и игре в ряде случаев таких детей приходилось специально обучать, так как игровые действия у них

могли быть не сформированы. Эффективность работы зависела от оснащенности занятий наглядным материалом. Использовались символика, материал окружающей среды, картинки, оречевления действий и т. д.

Большое значение имела эмоциональная включенность педагога, он заинтересовывал, интриговал детей, используя невербальные средства общения (мимику, жесты, позу и т.д.), что помогало преодолевать речевой негативизм, замкнутость, робость, настороженность детей. Все поведение специалиста мотивировало ребенка на речевую активность. Формирование фразы у «неговорящих» детей требовало достаточно длительной терпеливой работы.

Деление группы дошкольников с общим недоразвитием речи на две подгруппы (с менее продуктивной динамикой и положительной динамикой) на основе комплексного обследования с учетом клинических характеристик (парциальная алалия, атипичная алалия) позволило реализовывать индивидуально-дифференцированный подход в коррекционно-логопедическом процессе. Для каждой подгруппы детей были определены основные приемы коррекционно-логопедической работы.

Усложнение заданий для детей в каждой подгруппе осуществлялось путем увеличения объема программного материала и действий с ним, времени выполнения заданий.

У детей первой подгруппы (с менее продуктивной динамикой развития) алалические расстройства сочетались с недоразвитием познавательной сферы, мы развивали восприятие слов взрослого и реагирование на них, дети выполняли разнообразные действия с предметами и игрушками, у них развивалась ориентировочная деятельность в решении предметно-практических задач, формировали у них умение подражать действиям и мимике взрослого, выполнять инструкцию или действие по образцу, слову, находить игрушки в пространстве. Проводилась работа по развитию активности, насыщению детей сенсорными впечатлениями (тактильными, слуховыми, зрительными). Использовали игры с водой, сыпучими веществами, выкладывание из природного материала узоров и т.д. Привлекали внимание детей к звучащим предметам, проводили дидактические игры по развитию сенсорно-перцептивной деятельности. Логопед сопровождал свои действия и действия детей словами в стихотворной форме, например. По-

буждали детей к оречевлению эмоциональных высказываний и просьб. Развивали сосредоточение на сюжете игры, мелкой моторике рук. Эффективным коррекционным приемом было проведение подвижных игр с речевым сопровождением. Например: *«Яблочко»*, *«Выйди, Ваня, в кружок»*, *«По дорожке Валя шла»*, *«Мы платочки постираем»* и др.

В работе с этой подгруппой детей мы использовали прием просьб и поручений, выполнение заданий постоянно комментировалось педагогом. На первом этапе обучения ребенку предлагалось выполнить какую-либо просьбу молча: убрать на место игрушки; принести мяч, куклу, машину, пирамидку и др. В процессе обучения отраженной речи в дальнейшем (на основном этапе) дети оречевляли просьбы педагога о чем-либо. Например: *«Ваня, попроси у ежика шарик. Скажи: дай шарик»*. Комментирование действий обеспечивало многократность повторения речевого материала, а также фиксировало связь слова с предметом, признаком, действием. Речь выражала побуждение к действию, выполняла функцию предвосхищения, регулировала деятельность детей.

Дети второй подгруппы (с положительной динамикой развития). Основными направлениями работы являлись: формирование слуховой дифференциации, развитие понимания жестов и выразительных движений, моделирование ситуаций, способствующих вызову коммуникативно значимых слов. Использовались двигательные игры с воображаемыми предметами. Дети находили предметы в пространстве, выполняли действия с ними, стимулировалось воспроизведение ритма, развитие диапазона голоса, выполнение инструкций, проговаривание коммуникативно значимых слов. Развивалась подражательная речевая деятельность, закреплялось соотношение звука и слова с конкретным изображением, привлекалось внимание к звучащему предмету, дети дифференцировали неречевые и речевые звуки. Речевой материал многократно повторялся, что способствовало его запоминанию. Дети вслушивались в речь взрослого, следили за изменением одних и тех же слов в различных грамматических конструкциях. Повторяя ответ детей, логопед демонстрировал правильное произношение, обращал их внимание на структурное и грамматическое оформление слов акцентированием и особо интонировал то, что ребенок произносил.

Были подобраны такие приемы обучения (при общей направленности целей и задач), которые предполагали преодоление частных нарушений. В работе с детьми с моторной алалией мы формировали мотивационную основу высказывания, развивали их психическую активность и коммуникативные навыки, лексику на материале звукоподражаний и звуко сочетаний. Основной задачей работы являлось формирование минимального словаря по структурно-звуковому подобию, обеспечивающего элементарное общение.

При дизартрии стимулировали голосовые реакции, звукоподражания, которым придавался характер коммуникативной значимости, а также развивали артикуляционные движения, проводили коррекцию дыхания и голоса. Использовался логопедический массаж артикуляционного аппарата с развитием функции рук и общей моторики ребенка. Учет индивидуально-типологических особенностей детей выражался в дифференцированном подходе к ним в зависимости от их личностных качеств: импульсивности, пассивности и активности.

Главная стратегия в работе с импульсивными детьми была направлена на осознание собственных действий и повышение значимости правил игры, поведения. Задачей воспитателей и логопедов было вовлечение ребенка в игру. Подвижные и дидактические игры с правилами формировали произвольное поведение, важным условием было многократное проигрывание одних и тех же игровых действий, а также обсуждение их действий, которое организовывалось взрослыми в доступной форме.

При работе с пассивными детьми использовались иные приемы. Для формирования интереса к окружающему и стремления к самостоятельным действиям организовывались совместные действия, способные заинтересовать и увлечь ребенка, чтобы он смог узнать себя и свои возможности. Главная задача взрослого состояла в том, чтобы вызвать у ребенка эмоциональную реакцию, интерес заниматься каким-либо делом. Для этого педагог обыгрывал каждое действие, интриговал ребенка, используя при этом вербальные и невербальные средства (интонацию, взгляд, мимику, жесты).

Мы старались обеспечить детям личностно ориентированный подход в зависимости от личностных особенностей, коммуникативной и познавательной деятельности, от речевых возможностей. Важным для планирования работы с микрогруп-

пой дошкольников и с отдельным ребенком был анализ индивидуальных особенностей каждого. Личностно ориентированный подход на занятиях по развитию речи позволял логопеду корректировать речевое развитие детей. Он учитывал не только степень усвоения детьми программного материала, но и индивидуальные проявления, обусловленные личностными особенностями. Легковозбудимым, невнимательным и несдержанным детям мы предлагали повторить задания, сосредоточивая их внимание на инструкции. На занятиях мы сдерживали повышенную эмоциональность и двигательную активность детей. Пассивных детей мы активизировали, приучали их думать, выполнять необходимые действия с предметами и оречевлять их. Намечая тему занятия, мы планировали и индивидуальную работу: кому задать более простой вопрос, дать более легкое или более трудное задание, систему поощрений, дозировку упражнений, которая включала регламентирование программного материала. Заранее мы продумывали формулировки вопросов и заданий, что важно было для активизации воспитанников. Вопросы и задания были доступны и интересны, вызывали у детей уверенность в выполнении. Все занятия включали ритуал приветствия, с помощью которого устанавливалось и поддерживалось эмоционально положительное настроение ребенка.

Наблюдения за детьми в процессе коррекционно-логопедической работы показали, что среди воспитанников были и такие, которые в повседневной жизни могли быть веселыми, энергичными, а на занятиях по развитию речи пассивными, на поставленные вопросы если и отвечали, то очень тихо и неуверенно. С такими детьми мы проводили дополнительные индивидуальные занятия, а на общих занятиях по развитию речи обеспечивали их активное участие путем подбора более легких заданий. Большой интерес вызывали задания, связанные с практическими игровыми действиями, например: «Угостим зайцев морковкой», «Помоги найти хвостики животным», «Коллективное конструирование солнышка» и др.

Преодоление недоразвития речи младших дошкольников зависело от нормализации речевой функции, то есть посредством развития коммуникативной деятельности, обеспечивающей ему взаимоотношения с окружающими, способствующей становлению личностных новообразований, характерных для детей дошкольного возраста, посредством вклю-

чения в соответствующую его природным задачам деятельность, от развития когнитивной сферы, от нормализации детско-родительских взаимоотношений. Обеспечение условий реализовывалось в основных направлениях работы и осуществлялось с помощью создания коммуникативных ситуаций, способствующих развитию вербальных средств общения, через развитие сенсорно-перцептивной деятельности, через включение ребенка в разнообразные виды деятельности, через взаимодействие ребенка со сверстниками и взрослыми, через ситуации осознания ребенком слуховых, зрительных, тактильных, эмоциональных ощущений. Экспериментальное обучение оказало позитивное влияние на речевой статус детей, что выражалось в возросшем понимании обращенной речи, появилась адекватная эмоциональная реакция на ситуацию. Формирование речемыслительных процессов эффективно влияло на коммуникативное развитие детей. Психическая активность, определяющая поведение ребенка, способствовала формированию личности в целом: чем выше психическая активность, тем динамика развития была лучше. Дети ЭГ активно использовали в речи полученные на занятиях навыки, увеличился объем речевой продукции. Произошли положительные сдвиги в овладении двусоставным предложением, увеличился словарный запас, возросло количество употребления простых предложений. Дети стали активнее использовать вербальные средства в коммуникативной ситуации. Экспериментальное обучение детей с ОНР I уровня выявило неравномерную динамику преодоления нарушенных функций и позволило определить группу детей с положительной динамикой развития, которые показали значительную позитивную динамику развития, и группу детей с менее продуктивной динамикой, у которых комплексная коррекция протекала медленнее.

Повышение эффективности коррекционно-логопедической работы с детьми с общим недоразвитием речи оказалось возможным благодаря использованию апробированного нами личностно ориентированного подхода, опирающегося на формирование познавательно-речевого и коммуникативно-личностного развития. Это дает основание судить об эффективности и перспективности данного направления коррекционно-логопедической работы по преодолению общего недоразвития речи у младших дошкольников при условии обеспечения личностно ориентированного обучения.

Библиографический список

1. Воробьева В.Л. О некоторых особенностях построения фразы в устной речи детей-алаликов [Текст] / В.Л. Воробьева // Очерки по патологии речи и голоса / Под редакцией С.С. Ляпидевского. Выпуск 3. – М.: Просвещение, 1997. – С. 66–76.
2. Жукова Н.С., Мастюкова Е.Н., Филичева Т.Б. [Текст] Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников. – М., 1990. – 238 с.
3. Левина Р.Е. Опыт изучения неговорящих детей (алаликов). [Текст] – М., 1951. – 120 с.
4. Леонов Л.В. О дифференцированном подходе в работе с детьми дошкольного возраста, имеющими нарушения речи [Текст] / Леонов Л.В. // Дефектология. – № 3. – 1990. – С. 49–50.
5. Новикова-Иванцова Т.Н. От слова к фразе. [Текст]. Методическое пособие для работы логопедов по формированию фразы у детей с тяжелой речевой патологией. Альбом 1. – Москва, 2006.
6. Поваляева М.А. Педагогические условия диагностики и коррекции речи у детей дошкольного возраста [Текст]: Автореф. дис. ... канд. пед. наук (13.00.03) / Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов н / Д, 2002. – С. 22.

M.N. ROMUSIK

DIFFERENTIATED SPEECH CORRECTION-THERAPY WORK WITH THE CHILDREN OF JUNIOR PRESCHOOL AGE WITH THE GENERAL UNDERDEVELOPMENT OF SPEECH

The article is devoted to the actual problem for modern correctional pedagogies of the differentiated approach to formation of speech at children of younger preschool age with the general underdevelopment of speech. In this work the game receptions directed on development of oral speech at nonspeaking children of younger preschool age are offered.

Key words: the differentiated approach, the lichnostno-focused approach, communicative and informative activity, the general underdevelopment of speech, korrektsionno-logopedic job.

А.Б. СЕВЕРИНОВ, старший преподаватель кафедры садово-паркового и ландшафтного строительства
Орловского государственного аграрного университета
Тел. (8 4862) 764880, (8 4862) 770107; a.severinov@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЛАНДШАФТНОМУ ДИЗАЙНУ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ БАЗОВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В УСЛОВИЯХ АГРАРНОГО ВУЗА

В данной статье рассматриваются вопросы формирования профессиональной компетентности у будущих специалистов по ландшафтному дизайну в процессе изучения базовых художественно-графических дисциплин в условиях аграрного вуза, а также представлена модель формирования профессиональной компетентности студентов 1–2 курсов, обучающихся по специальности «Садово-парковое и ландшафтное строительство».

В данной статье уделяется внимание методике изучения и содержанию художественно-графических дисциплин будущими специалистами по ландшафтному дизайну в условиях аграрного вуза.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, художественно-графические дисциплины, садово-парковое и ландшафтное строительство, модернизация высшего профессионального образования.

Повышение качества подготовки специалистов с высшим техническим образованием, обладающих необходимыми профессионально важными качествами, знаниями и умениями, способных самостоятельно и быстро адаптироваться в непрерывно меняющейся технологической среде, во многом зависит от организации учебного процесса.

Инженерная профессия специалиста по ландшафтному дизайну становится сейчас одной из самых популярных, поэтому целесообразно применить следующие требования к будущему специалисту: высокая профессиональная компетентность; стремление к постоянному личностному и профессиональному совершенствованию; владение методами проектирования, а также методами исследований, необходимых для создания новых объектов и др.

Широкое внедрение в промышленность наукоемких технологий, специфика решаемых в них инженерных задач, находящихся на стыке нескольких технических наук, требующая объединения в процессе их решения усилий специалистов разного профиля, привели к трансформации многих инженерных специальностей.

Для успешного выполнения своих функций современный специалист по ландшафтному дизайну должен обладать не только суммой общих и специальных знаний, навыков и умений, но и комплексом определенных качеств личности. Такая ситуация определяет психолого-акмеологический и психолого-педагогический аспекты актуальности изучения проблем формирования профессиональной компетентности специалистов.

В современной российской системе высшего профессионального образования происходят глубокие структурные и содержательные изменения. Они затрагива-

ют все направления подготовки студентов в высшей школе.

В Законе РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1992) [1] подчеркивается, что новая многоуровневая система университетского образования призвана создать условия для удовлетворения социальных запросов личности и общества на основе учета меняющихся потребностей экономики и рынка труда, для развития личности.

В новых экономических условиях изменчивость спроса на рынке труда, рост требований к профессиональной компетентности специалистов, развитие сферы образовательных услуг ставят систему профессионального образования нашей страны перед необходимостью разработки новых обучающих технологий, позволяющих повысить уровень подготовки студентов.

Проблема повышения уровня профессиональной компетентности будущего специалиста по ландшафтному дизайну, способного свободно и активно мыслить, самостоятельно генерировать и воплощать новые идеи и технологии проектирования ландшафтного дизайна, является актуальной в современных социально-экономических условиях.

Рассматривая данную проблему, необходимо в первую очередь определить, что такое профессиональная компетентность, выявить ее структуру и условия ее формирования. В настоящее время отсутствует однозначное определение понятия профессиональной компетентности. Обзор психолого-педагогической литературы и других информационных источников, посвященных данной проблеме, показывает, что можно выделить несколько подходов к определению понятия «профессиональная компетентность». Так, например, зарубежными исследователями данное понятие зачастую рассматривается как «углубленное знание», «состояние адекватного выполнения задачи», «способность к актуальному выполнению деятельности», «эффективность действий» [2].

Одно из наиболее распространенных определений рассматриваемого термина в отечественной психолого-педагогической литературе трактуется как качество, свойство или состояние специалиста, обеспечивающее вместе или в отдельности его физическое, психическое и духовное соответствие необходимости, потребности, требованиям определенной профессии, специальности, специализа-

ции, стандартам квалификации, занимаемой или исполняемой служебной должности.

Э.Ф. Зеер под профессиональной компетентностью понимает совокупность профессиональных знаний, умений, а также способы выполнения профессиональной деятельности. Н.В. Кузьмина определяет компетентность через сферы способностей, необходимых специалисту. Ряд авторов включают в эти способности и психологические качества личности. Некоторые авторы считают, что компетентность высококвалифицированного специалиста включает такие личностные качества, как инициативность, ответственность, трудолюбие, целеустремленность, уверенность в себе [3].

Широко распространено понятие компетентности согласно определению Дж. Равенна: компетентность – это специальная способность, необходимая для выполнения конкретного действия в конкретной предметной области, включающая узкоспециальные знания, особого рода предметные навыки, способы мышления, а также понимание ответственности за свои действия [4].

Несмотря на существующее в настоящее время многообразие мнений относительно трактовки рассматриваемого понятия, можно констатировать, что большинство авторов рассматривают профессиональную компетентность в двух аспектах: как цель образования, профессиональной подготовки и как промежуточный результат, характеризующий состояние специалиста, осуществляющего свою профессиональную деятельность.

Таким образом, на наш взгляд, можно утверждать, что компетентность специалиста представляет собой присвоенную, отрефлексированную им в ходе профессиональной деятельности систему социально значимых и личностно значимых компетенций.

Исходя из определения профессиональной компетентности как комплексной характеристики студента, отражающей уровень развития его способности и готовности к проектированию и реализации профессиональной деятельности, можно предположить, что общим показателем развития профессиональной компетентности студентов 1–2 курсов вуза может служить степень развития профессиональных знаний, умений и навыков. Исследования функционального развития профессиональной компетентности показали, что на начальных стадиях профессионального становления специалиста имеет место относительная автономность

этого процесса, а на стадии самостоятельного выполнения профессиональной деятельности компетентность все более объединяется с профессионально важными качествами [5].

Очевидно, что студент или даже выпускник вуза не может рассматриваться как специалист, достигший высшего уровня профессионального мастерства. Тем не менее он должен обладать средствами, которые позволили бы ему совершенствоваться в профессиональном плане. Таким образом, в аграрном вузе возможно и необходимо сформировать те элементы данной системы, которые будут в дальнейшем способствовать переходу на более высокие уровни профессиональной компетентности специалиста по ландшафтному дизайну.

Профессиональная компетентность специалиста по ландшафтному дизайну может быть определена в соответствии с государственным стандартом, где указаны общие требования к образованности специалиста. В качестве эталонной модели инженера выступает профессиограмма, которая кладется в основу нормативной модели, т.е. его квалификационной характеристики. Последняя представляет собой государственный документ, определяющий обобщенные требования к личности и профессиональной компетентности специалиста. Благодаря этому нормативная модель позволяет довести содержание целей профессионального обучения и воспитания до уровня с указанием доступных проверке характеристик. Наиболее адекватной становится модель специалиста при условии, что ее построение опирается на тщательный анализ тех функций, которые задаются обществом и отражают внутреннюю структуру профессиональной деятельности.

Основная цель современного профессионального образования в области ландшафтного проектирования – это подготовка квалифицированного, компетентного специалиста, готового к работе в условиях возрастающей конкуренции на рынке труда. Формирование профессиональной компетентности является сложным и многогранным процессом, который осуществляется в специально организованной среде, отражающей взаимосвязь дидактических компонентов и обеспечивающей эффективность самого процесса формирования.

Поэтому современное состояние образовательного процесса специальности «Садово-парковое и ландшафтное строительство» требует решения следующих задач: во-первых, он должен направ-

ляться на развитие профессиональной компетентности на основе использования современных образовательных технологий; во-вторых, для формирования профессиональной компетентности будущих специалистов по ландшафтному дизайну необходима корректировка учебных программ.

Садово-парковое и ландшафтное проектирование требует наряду со специальными знаниями и навыками владения самыми разнообразными приемами и способами графического выражения творческих замыслов и идей автора.

Творческая работа проектировщика не отрицает, разумеется, использования точных геометрических основ, расчетов и построений. Особенно важны для ландшафтного архитектора знание законов и приемов построения перспективных проекций проектируемых объектов, а также знакомство с основами теории теней, которые являются важным выразительным средством.

Необходимость многовариантной проработки проекта требует от проектировщика умений и навыков быстрого и четкого выполнения эскизных рисунков и набросков, способности представлять проектируемый объект пространства во взаимосвязи с другими предметами.

Профессиональное владение графическими средствами дает автору значительные преимущества в условиях современной жесткой конкуренции в сфере проектирования и разработки объектов ландшафтного строительства. Поэтому в начальную подготовку специалистов садово-паркового и ландшафтного строительства входит значительный курс дисциплин, направленных на выработку навыков изобразительной деятельности, в числе которых начертательная геометрия, цветоведение и архитектурная графика. Эти предметы охватывают все аспекты графики – от набросков и зарисовок до четких геометрических построений и технических чертежей, выполненных в соответствии с правилами и ГОСТами. Итогом изучения цикла художественно-графических дисциплин является курсовая работа по архитектурной графике, цель которой – закрепление и развитие знаний и навыков, приобретенных в процессе обучения.

Концепция модернизации высшего профессионального образования требует подготовки таких специалистов по ландшафтному дизайну, которые соответствовали бы новым требованиям, предъявляемым к профессиональной деятельности инже-

нера специальности «Садово-парковое и ландшафтное строительство» в выполнении графической части проектов. В последние десятилетия в стране стало уделяться большое внимание ландшафтному дизайну, и в связи с этим появились и экономические возможности проектирования и строительства все более дорогих и геометрически сложных парков и садов. Однако существующий традиционный подход к обучению художественно-графическим дисциплинам в аграрном вузе, основанный на том, что сумма освоенных студентом знаний по предметам, заложенным в программе государственного образовательного стандарта, является залогом готовности специалиста к его творческой деятельности, не обеспечивает требуемого уровня профессиональной компетентности специалиста по ландшафтному дизайну. Это противоречие обусловлено условиями растущих объемов знаний, уменьшения учебного времени, отведенного государственным образовательным стандартом на обучение базовым художественно-графическим дисциплинам (начертательная геометрия, цветоведение, архитектурная графика), и ухудшения графической довузовской подготовки абитуриентов, поступающих на специальность «Садово-парковое и ландшафтное строительство». Для решения данной проблемы нужен новый подход к проектированию технологии обучения студентов аграрных вузов художественно-графическим дисциплинам.

В последние годы многие ученые (И.Г. Агапов, В.А. Козырев, Дж. Равен, Н.Ф. Родионова, С.А. Татьянаенко, А.В. Хуторской и др.) связывают проблему формирования готовности специалиста к профессиональной деятельности в процессе обучения в вузе с понятием профессиональной компетентности.

Вместе с тем в психолого-педагогической литературе недостаточно разработана проблема профессиональной компетентности будущего специалиста по ландшафтному дизайну: отсутствует четкое определение данного понятия; неоднозначно рассматривается его структура, что затрудняет поиск системы адекватных способов формирования и развития компетентности будущего инженера и исследование эффективности методов повышения качества вузовского образования.

Действующая система профессиональной подготовки специалистов по ландшафтному дизайну не вполне соответствует динамике развития со-

временной инфраструктуры, базируясь на традиционной педагогике. В образовательных стандартах высшего профессионального образования выдвигаются качественно новые требования к подготовке будущих специалистов инженерных специальностей, отмечается необходимость формирования профессиональной компетентности, включающей в себя совокупность личностных способностей, знаний, умений, отношений, определяющих потребность и возможность профессиональной самореализации и саморазвития.

Формирование профессиональной компетентности будущего специалиста по ландшафтному дизайну осуществляется через содержание образования, которое включает в себя не только перечень учебных предметов, но и профессиональные навыки и умения, которые формируются в процессе овладения предметом. Все это в комплексе формирует и развивает личность будущего инженера таким образом.

Основными условиями развития профессиональной компетентности студентов специальности «Садово-парковое и ландшафтное строительство» являются:

- Организационно-управленческие (учебный план факультета, выработка критериев определения уровня компетентности, материально-техническое оснащение образовательного процесса).
- Учебно-методические (отбор содержания занятий).
- Технологические (контрольно-оценочные, организация активных форм обучения, определение групп умений, входящих в компетентность).
- Психолого-педагогические (осуществление диагностики развития студентов, система стимулирования мотивации учения, определение критериев компетентности).

Состав общих и специальных знаний по каждой специальности определяется учебным планом, детальная характеристика состава знаний и навыков, которые должны получать студенты, содержится в стандарте специальности, типовых и рабочих учебных программах [6].

Совокупность принципов, определяющих процесс формирования профессиональной компетентности специалиста по ландшафтному дизайну, раскрывает его структуру и результат.

Разработанная нами модель формирования профессиональной компетентности студентов-агари-

ев системно представляет содержание и методическое обеспечение образовательного процесса.

Мы предлагаем в модель профессиональной компетентности включать следующие элементы: теоретические знания по исследуемым дисциплинам, практические умения и навыки, мотивационно-ценностное отношение к профессии.

Базовая художественно-графическая подготов-

ка, осуществляемая специально подобранными методами и дающая возможность раскрыть способности будущего специалиста, создает основу для проявления и дальнейшего формирования профессиональной компетентности личности.

На рисунке 1 представлена предлагаемая модель формирования профессиональной компетентности у студентов 1–2 курсов.

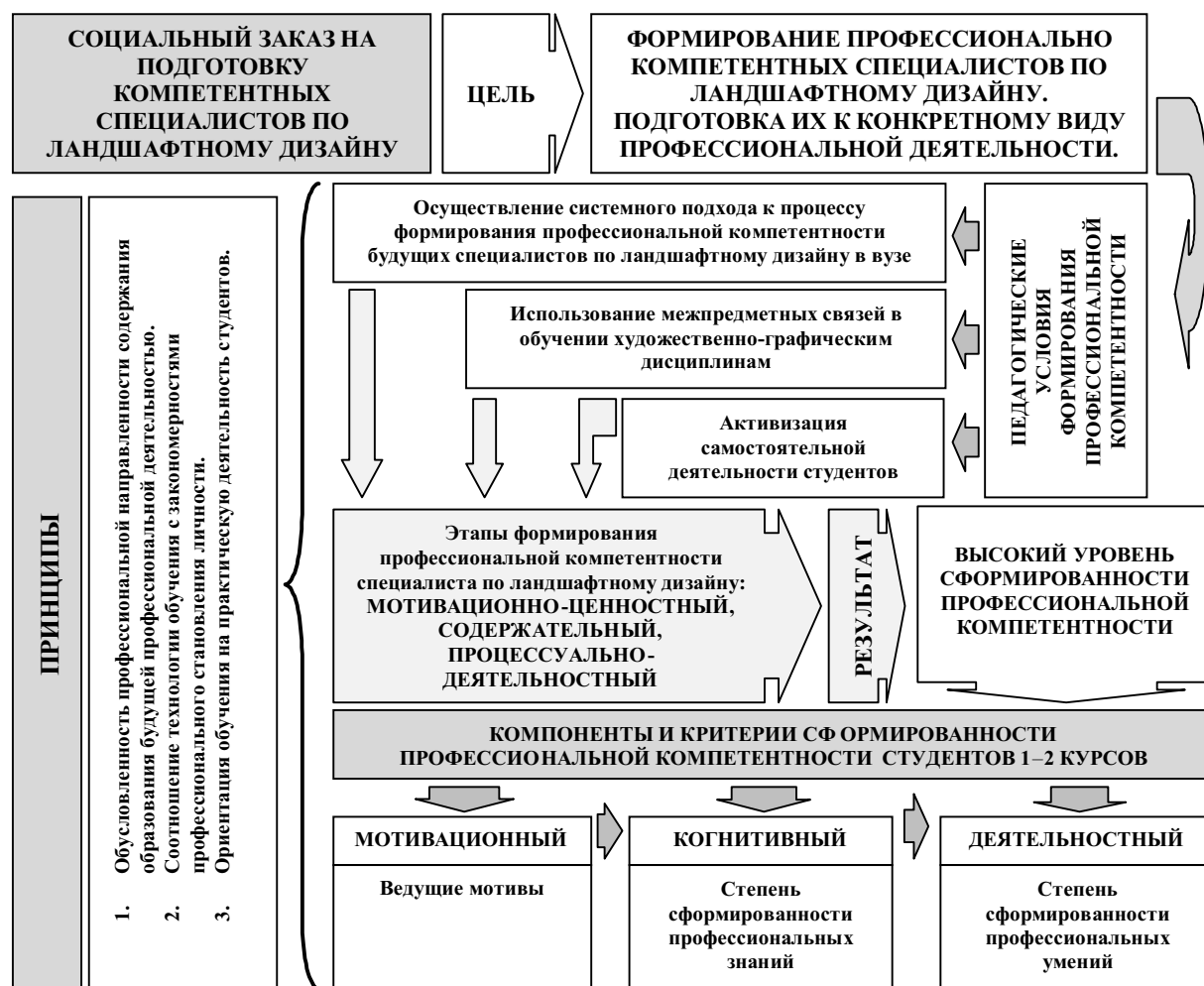

Рисунок 1 – Модель формирования профессиональной компетентности студентов 1–2 курсов, обучающихся по специальности «Садово-парковое и ландшафтное строительство»

Ее содержание на начальной стадии обучения в аграрном вузе определяется теорией графических изображений и практикой их использования в ландшафтном дизайне. Названная подготовка направлена на обучение чтению и выполнению чертежей, на формирование знаний и умений преобразования формы предметов средствами цвета, на развитие пространственных представлений в архитектурной графике, на становление логического

и образного мышления, аналитических и созидательных компонентов творческого мышления.

При этом основными компонентами и критериями сформированности профессиональной компетентности студентов 1–2 курсов мы выделяем: мотивационный, когнитивный и деятельностный.

Мотивационный компонент служит важнейшей характеристикой мотивационной стороны деятельности. Он определяется готовностью специали-

та по ландшафтному дизайну к самостоятельному осуществлению профессиональной деятельности и наличием альтернатив решения инженерных задач.

Когнитивный компонент характеризует познавательные способности специалистов – способность восприятия учебного материала и наличие определенного «багажа» знаний. Интеллектуальные качества развиваются в процессе реализации творческой активности. Развитие когнитивной сферы предполагает повышение уровня развития умственных действий, формирование приемов переработки и фиксации необходимой информации, развитие гибкости, мобильности, осознанности мышления, умение видеть проблемы и противоречия, находить способы решения задач.

Основные составляющие: интеллектуальная вовлеченность, наличие профессиональных знаний, умений и навыков.

Более широкий спектр способностей (умений), характеризующих специалиста, обладающего профессиональной компетентностью, определяет В. А. Якунин. Это следующие качества:

- умение самостоятельно определять цели и задачи профессиональной деятельности;
- умение обеспечивать информационную основу деятельности;
- способность прогнозировать результаты профессиональной деятельности;
- умение реализовывать принятые решения, устанавливать с людьми целесообразные деловые отношения;
- способность оценивать достигаемые результаты;
- способность корректировать и перестраивать деятельность.

Деятельностный компонент ориентирует специалиста по ландшафтному дизайну на применение творческого подхода к работе, тем самым формирует способность осознанного выбора комплекса методов и технологий работы. Наличие разнообразных способов практической деятельности, творческих способностей необходимо для само-

реализации личности в профессиональной деятельности. Данный компонент отражает практический, действенный характер профессиональной компетентности, рассматривает личность студента как будущего специалиста.

Основные составляющие: проектирование перспектив развития и результатов профессиональной деятельности; творческая самостоятельность в решении профессиональных задач; «правильная» постановка проблемы, способность предвидения возникновения проблемной ситуации и на основе этого построение системы превентивных мер.

Основные базовые положения художественно-графических дисциплин закладываются на первом и втором курсах обучения студентов в аграрном вузе и опираются на пространственное и наглядно-образное мышление студентов. Задачей такой подготовки является формирование основы для развития пространственного мышления и творческих способностей, которые в дальнейшем находят развитие в процессе изучения других дисциплин по специальности «Садово-парковое и ландшафтное строительство», базирующихся на художественно-графической подготовке.

Проявление профессиональной компетентности в профессиональной деятельности в значительной мере связано с особой подготовкой, позволяющей студенту актуализировать свои возможности, поэтому успешное осуществление художественно-графической подготовки студентов в решающей степени зависит от правильно построенного процесса обучения.

С точки зрения формирования профессиональной компетентности специалистов по ландшафтному дизайну в условиях вуза наиболее перспективным является технологический подход к проектированию и реализации процесса обучения, обеспечивающий гарантированный результат выполнения требований социального заказа на подготовку кадров, отличающихся достаточно прочным базовым массивом специальных знаний и сформированностью профессиональных умений по всем направлениям их будущей деятельности.

Библиографический список

1. Закон Российской Федерации «Об образовании» [Текст]: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1797.
2. Шишова С.Е. Компетентностный подход к образованию как необходимость [Текст] / С.Е. Шишова, И.Т. Агапова // Мир образования – образование в мире. – 2001. – № 4. – С. 18–19.

3. Зеер Э.Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход [Текст] / Э.Ф. Зеер // Образование и наука. – 2004. – № 3. – С. 27.
4. Равен Д. Педагогическое тестирование: проблемы, заблуждения, перспективы [Текст] / Джон Равен / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр. – 1999. – С. 5.
5. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В.А. Болотов, В.В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.
6. Матвеева Т.А. Необходимость формирования профессиональной компетентности выпускника вуза в современных условиях [Текст] / Т.А. Матвеева // Профессиональное образование / Приложение «Педагогическая наука – практике. Новые исследования». – М.: ИСОМ. – 2005. – № 5. – С. 91–96.

A.B. SEVERINOV

**TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF
THE SPECIALISTS IN LANDSCAPE DESIGN AT THE AGRICULTURAL HIGH SCHOOL**

The observe the theoretical basis of the necessity of the increasing of the level of formation professional competency of the specialists of the landscape.

М.А. СОЛОМЧЕНКО, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры теории и методики физического воспитания
Орловского государственного университета
Тел. (8 4862) 76-20-14; marin69@yanlex.ru

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА К ТОЛЕРАНТНОМУ РАЗРЕШЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ

В статье разработана модель толерантности педагога. На основании ее рассмотрена подготовка специалистов физической культуры и спорта к толерантному разрешению педагогических ситуаций в физкультурно-спортивных организациях с применением разработанных методик, применяемых на занятиях, в научных кружках, на практиках.

Ключевые слова: толерантность, специалист, физическая культура, педагогическая ситуация.

Происходящие в обществе изменения не могли не отразиться на системе образования в стране, что привело к пересмотру педагогических теорий. Решение возникших новых задач требует иного подхода к построению содержания и способов образования, организации образовательной среды. В сфере образования одной из важнейших проблем является создание системы, которая бы не только передавала новому поколению знания и умения в области физической культуры и спорта, но и способствовала развитию как гуманистических свойств личности занимающегося, так и гуманистических свойств личности преподавателя. Роль образования как фактора культурного развития и прогресса явно недооценивалась в последние десятилетия. Новые запросы к образованию требуют не только приобретения его участниками новых знаний, умений, навыков, но и развития личностных качеств, воспитания мыслителя, то есть человека думающего, способного к адаптации и самореализации в современных учебных и социокультурных условиях. Такое развитие и воспитание возможно в толерантной образовательной среде, создание которой является важной составляющей гуманистической модели образования. Изменения требований к личности педагога, трудности в сфере межличностных взаимодействий, ситуативные психолого-педагогические влияния, авторитарность, ведущая к ослаблению здоровья учащихся, требуют поиска новой стратегии образования, основывающейся на гуманистических принципах, переориентации образовательного процесса с позиций жестко заданных социумом норм обучения и воспитания на восприятие человека как высшей ценности, на сохранение и развитие личностного потенциала.

Личный пример в поведении на работе, в быту, высокая гражданская ответственность за судьбы воспитываемых детей, становление учеников как граждан России являются повседневной заботой педагога. В настоящее время сформировались новые требования, предъявляемые к профессиональной подготовленности специалиста физической культуры. Они построены на основе специфики его педагогической работы и составляют основу его профессиональной деятельности. Анализ практического опыта позволяет обнаружить разнообразные формы проявления нетерпимости учителей по отношению к ученикам. Преподаватели физической культуры и спорта (ФКиС)

подчас не могут найти выход в сложившейся ситуации с учениками из-за несформированности у них толерантности, что может привести к серьезным последствиям.

Толерантность формируется у будущих специалистов в ходе изучения различных дисциплин через усвоение этических норм профессии и закрепляется на выездных занятиях, в научных студенческих кружках, на конференциях, педагогических практиках.

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» отмечается, что при переходе к постиндустриальному информационному обществу, расширению масштабов межкультурного взаимодействия особую важность приобретают факторы коммуникабельности и толерантности.

Педагогический аспект проблемы толерантности рассматривался в следующих направлениях: 1) формирование отношения обучающихся к толерантности как к общественно значимой ценности [3, 5]; 2) формирование межэтнической толерантности молодежи [6, 7]; 3) формирование толерантного сознания школьников и студентов [3, 7]; 4) формирование педагогической толерантности у будущих преподавателей [5, 6].

Изучением проблемы толерантности занималось достаточно большое количество современных отечественных и зарубежных ученых, однако анализ трудов этих ученых позволяет сделать вывод, что исследование педагогических аспектов данной проблемы отстает от ее исследований в философском, этническом, социокультурном и даже психологическом направлениях. До сих пор однозначно не определена сущность феномена толерантности в педагогике и психологии.

Актуальность проблемы определяется и тем, что в настоящее время отсутствует концепция толерантности в педагогическом общении; многообразие трактовок термина и тенденция его редукции к близким понятиям (терпение, терпимость, милосердие, снисхождение, расположенность к другим людям, эмпатия и т.д.) затрудняют выявление качеств, обладание которыми определяет педагога как толерантного. Анализ существующего современного смысла понятия «толерантность» привел к выявлению проблемы его размытости: толерантное мышление, толерантное сознание и т.д. Нерешенным остается ряд вопросов, касающихся структуры, четких классификаций и их крите-

риев, приоритета развития, а также детального описания психологических и педагогических механизмов проявления толерантности в педагогическом общении, что свидетельствует о недостаточной разработанности в настоящее время этой темы.

В свете вышеизложенного можно утверждать, что в настоящее время в образовании существуют **противоречия**:

- между провозглашением толерантности как одного из приоритетов развития современного общества и недостаточной его реализацией в практике образовательных учреждений и системе физического воспитания;
- между потребностью педагогической практики в научно-методических рекомендациях по реализации толерантных качеств педагогами физической культуры и спорта и недостаточностью теоретической и методической базы;
- между необходимостью проявления педагогом толерантности в различных педагогических ситуациях и отсутствием научно обоснованных знаний об этом.

В современном педагогическом аспекте толерантность обязательно связана с педагогическим общением и рассматривается как особый ориентир в построении взаимоотношений между преподавателем и обучающимся, проявляющийся в способности педагога признавать занимающегося, в стремлении достичь в общении с ним взаимопонимания, в проявлении к нему терпимого отношения.

Применив системный анализ к различным подходам в понимании феномена толерантности, особенно к современным направлениям его трактования в психологической и педагогической литературе, мы пришли к следующему определению понятия «толерантность педагога». Толерантность педагога – это внутреннее качество личности педагога, проявляющееся в способности сохранять спокойствие, выдержку и мудрое терпение, контролировать свои эмоции, в умении управлять собой в любых педагогических ситуациях.

Сущность толерантности педагога сложилось на основе концепции индивидуальности человека [1, 3, 5, 8], в соответствии с которой разработана модель толерантности педагога, включающая описание толерантных качеств и их проявлений по семи сферам психики.

В *интеллектуальной сфере* это педагог интеллектуально приспособляющийся; обладает высоким уровнем креативности; общение строит на основе ценностей толерантности, диалога; рассматривает сообщаемую информацию с различных позиций; прогнозирует последствия своих и чужих действий; в общении проявляет гибкость, уважает мнение других людей.

В *мотивационной сфере* проявляет стремление к бесконфликтному, ненасильственному взаимодействию; готов принимать других; обладает высокой мотивацией осуществления педагогической деятельности в соответствии с идеями толерантности; стремится изучать передовой опыт в области толерантного взаимодействия и передавать собственный опыт своим коллегам и учащимся; нацелен на достижение высокого уровня проявления толерантности в педагогических ситуациях.

В *волевой сфере* – целенаправленность действий в педагогических ситуациях (здесь важно не столько какие цели ставит личность, сколько то, как она их реализует, на что пойдет ради достижения этих целей): самоконтроль, самообладание, выдержка, терпимость (терпимость, которая требует сознательного подавления негативных реакций) в любой педагогической ситуации; проявление настойчивости, целеустремленности в преодолении интолерантных проявлений в общении.

В *эмоциональной сфере* – способность понимать и контролировать собственные эмоциональные состояния в педагогических ситуациях; умение управлять собственными эмоциями в профессиональной деятельности; проявление эмоциональной гибкости; проявление эмпатии и ассертивности на основе понимания «Другого»; заниженная тревожность; сформированная адекватная, устойчивая самооценка.

В *предметно-практической сфере* – способность осваивать и проявлять в практической педагогической деятельности новые формы деятельности, соответствующие ценностям толерантности; умение вести общение с коллегами, учащимися и их родителями в соответствии с ценностями толерантности; способность общаться с учащимися в демократическом стиле, осуществлять диалог; обладание педагогом адекватной самооценкой; умение самостоятельно делать выбор, принимать решение в возникшей педагогической ситуации; проявление в общении гибкости, добро-

желательности, уравновешенности, тактичности, ответственности.

В *сфере саморегуляции* – осуществление выбора целей и средств их достижения с учетом ценностей толерантности; умение управлять своим психическим и физическим состоянием и удерживать его на должном уровне; постоянное осуществление рефлексии своего поведения в различных педагогических ситуациях, позволяющее менять свое поведение и проявлять толерантные качества: самоконтроль, самообладание, самоуважение, самодисциплину, мудрое терпение, выдержку.

В *экзистенциальной сфере* – принятие толерантности как одной из главных профессиональных ценностей; уважение к себе как основа уважения к другим и проявление толерантности в общении с другими; стремление к самоактуализации, саморазвитию, постоянной работе над собой в развитии и проявлении толерантных качеств в педагогических ситуациях; стремление к профессиональному самосовершенствованию на основе новых знаний о ценностях толерантности и формированию соответствующих качеств у своих учеников; позитивное отношение к человеку, основанное на видении в каждом заложенного положительного потенциала; предоставление человеку свободы выбора; стремление перевести напряженную педагогическую ситуацию в нормальную.

Представленные выше характеристики сфер индивидуальности педагога отражают психологические составляющие толерантности. Значение выделенных характеристик в том, что они указывают на внутренние факторы проявления педагогом толерантности в общении. К внешним факторам проявления толерантности мы отнесли систему вербальных и невербальных действий человека.

Различные педагогические ситуации требуют проявления преподавателем тех или иных толерантных качеств, позволяющих нейтрализовать негативные факторы общения (раздражительность, неприязнь и пр.) и успешно реализовать положительные факторы (доброжелательность, хорошее настроение и пр.). Можно предположить, что знание совокупности толерантных качеств, полученное на основе концепции индивидуальности, и особенностей их проявления педагогом в различных педагогических ситуациях, раскрывающих взаимосвязи толерантных качеств педагога и специфических характеристик ситуаций, позволит обеспе-

чить выпускникам факультетов физической культуры и спорта соответствующую теоретическую и методическую базу для решения проблемы толерантности педагога и ее проявления в педагогическом процессе.

На основании теоретического анализа литературных источников и модели толерантности педагога в свете концепции индивидуальности человека, включающей совокупности толерантных качеств, дифференцированные по сферам индивидуальности (мотивационной, интеллектуальной, волевой, эмоциональной, предметно-практической, экзистенциальной и регулятивной), можно выделить три уровня проявления толерантности педагогом: *нулевой уровень (отсутствие проявления педагогом толерантных качеств)* – педагог не проявляет толерантных качеств в педагогических ситуациях, при взаимодействии с коллегами, учащимися и их родителями; *первый уровень (ситуативное проявление педагогом толерантных качеств)* – проявление толерантности происходит нестабильно, в зависимости от ситуации; *второй уровень (устойчивое проявление педагогом толерантных качеств)* характеризуется тем, что любую возникшую ситуацию педагог оценивает с разных сторон; учитывает многообразие мнений; взаимодействие с коллегами, учащимися и их родителями осуществляет в соответствии с ценностями толерантности.

Проявление педагогом в педагогических ситуациях толерантности не означает его неограниченную терпимость, вседозволенность и всепрощение. Педагог должен четко осознавать *границы проявления толерантности во взаимоотношениях с учащимися*. Проблема здесь видится в том, что толерантность как интегративное качество личности связана с мировоззрением. Каждая личность для себя самостоятельно устанавливает ценности. Применительно к педагогической деятельности границы проявления толерантности четко не могут быть определены. Умение видеть границу, за которой слова и действия педагога нанесут ученику незаслуженную обиду, ощущать чувство меры, позволяющее проявить уважение к достоинству учащегося и вместе с тем обнаружить собственное достоинство, на наш взгляд, является компетентным проявлением толерантности педагога.

Самое главное в образовательной деятельности – это подготовить будущих специалистов к ве-

дению педагогической деятельности. В настоящее время многие из студентов, которые окончили факультет физической культуры и спорта, идут работать не по специальности, потому что не могут справиться с напряженными педагогическими ситуациями. В связи с этим необходимо уделять особое внимание подготовке их к будущей профессиональной деятельности на основе рассмотрения педагогических ситуаций.

Это явление становится предметом пристального внимания и исследования в связи с большими резервами психологического влияния на участников ситуации. Отличительной чертой нашего подхода к рассмотрению педагогической ситуации является то, что мы рассматриваем педагогическую ситуацию, с одной стороны, как форму взаимодействия и воздействия в различных направлениях (учитель – ученик и ученик – учитель), с другой – как одно из условий проявления толерантности как учителем, так и учащимися. Педагогическую ситуацию мы рассматриваем как совокупность условий и обстоятельств, специально задаваемых учителем или возникающих спонтанно в педагогическом процессе, в которых в результате взаимодействия учителя с учеником (группой, классом) на основе общих интересов и ценностей происходит позитивное развитие взаимоотношений.

Анализ исследований по педагогике и психологии позволяет выделить несколько классификаций педагогических ситуаций. В данной работе мы предлагаем свой подход к выделению типичных педагогических ситуаций, объединенных по принципу взаимодействия участников педагогического общения с позиции толерантности: ситуации общения с учащимися, ситуации общения с коллегами, ситуации общения с администрацией, ситуации общения с родителями, ситуации общения коллег на педагогических советах, ситуации общения коллег на заседаниях методического объединения (см. примеры в табл. 1).

Анализ педагогической практики показывает, что далеко не в каждой из названных ситуаций педагоги проявляют толерантность. Проблема заключается в том, чтобы выяснить связь педагогических ситуаций с проявлением толерантных качеств педагогами. Необходимо помочь будущим специалистам определить пути решения таких педагогических ситуаций.

Для повышения качества профессиональной подготовки в Орловском государственном универ-

Таблица 1 – Проявление толерантных качеств педагогов в педагогических ситуациях

Педагогическая ситуация	Толерантные качества педагога
Нарушение дисциплины	терпение, умение владеть собой, проявление выдержки, сдержанность, самоконтроль, самообладание, способность к рефлексии
Невыполнение заданий классом	умение владеть собой, проявление выдержки, сдержанность, самоконтроль, самообладание, принятие, гибкость, эмпатия, рефлексия
Невозможность выполнения задания отдельным учеником	умение владеть собой, проявление выдержки, эмпатия, сдержанность, самоконтроль, самообладание, гибкость, способность к рефлексии
Несоответствие внешнего вида ученика принятым нормам	умение владеть собой, терпение, сдержанность, самообладание, юмор, непредубежденность, рефлексия
Оценивание физических качеств ученика учителем и одноклассниками	доверие, нравственная ответственность, желание и умение работать вместе с другими, гуманность, доброжелательность
Организация самостоятельной работы учащихся на уроке	снисходительность, чуткость, гибкость, эмпатия, доброжелательность, уступчивость, альтруизм

ситете была разработана инновационная программа, предусматривающая управленческое образование и формирование толерантного сознания студентов факультета в течение всего процесса обучения путем использования общепрофессиональных и специальных дисциплин, а также введения дополнительных управленческих и психологических дисциплин с учетом ступенчатости высшего физкультурного образования и требований государственных стандартов к уровню профессиональной и управленческой компетентности студентов вузов физической культуры. Кроме того, учитывая большой интерес студентов к науке управления, был создан научный кружок «Основы управления и формирование толерантности в сфере физической культуры и спорта». На занятиях этого кружка изучались основы экономики, маркетинга, менеджмента и принципы толерантности. Занятия проводились в диалоговой форме.

Основным звеном подготовки специалистов физической культуры и спорта на старших курсах является дисциплина «Менеджмент в физической культуре и спорте». Для формирования профессиональных знаний и толерантных качеств на занятиях использовались новейшие компьютерные технологии, тематические выездные занятия, деловые игры, разрабатывались групповые проекты и др. На выездных занятиях и производственной практике в школах г. Орла студенты факультета физической культуры и спорта привлекались к сбору информации для определения уровня развития

качеств, отнесенных нами к толерантности, с использованием существующих педагогических и психологических методик.

На основании самооценки преподавателей ФКиС имеем следующие данные: *эмпатия* – 100% принявших в исследовании педагогов имеют уровень развития эмпатии ниже среднего, это значит, что данные педагоги не стремятся проникнуть в проблемы детей, не сопереживают им в возникших трудных для детей школьных ситуациях; *самооценка каналов эмпатии* (рациональный, эмоциональный, интуитивный, установки, способствующие эмпатии, проникающая способность в эмпатии) – более половины опрошенных преподавателей не направляют свое внимание на того, с кем они общаются, на его проблемы, состояние, поведение; 40,4% исследуемых учителей в общении с учащимися и друг с другом не проявляют сопереживания, соучастия к своему собеседнику; у 42,3% опрошенных учителей слабо развита интуиция; 42,3% участвующих в эксперименте педагогов имеют личностные установки на не проявление эмпатии в общении, убеждены в необходимости спокойно относиться к переживаниям и проблемам окружающих (подобный настрой резко ограничивает диапазон эмоциональной отзывчивости и эмпатического восприятия); 51,9% опрошенных учителей могут создать в общении атмосферу доверительности и комфорта, а 23,5% обладают этим качеством на высоком уровне. Хотелось бы отметить, что в создании благоприятной атмосферы

ры в общении немаловажную роль играет опыт работы преподавателя ФКиС. Таким образом, только около 20% исследуемых педагогов имеют высокий уровень развития каналов эмпатии. Такого количества учителей явно недостаточно для построения доверительного, открытого, комфортного общения в школе, говорить о формировании толерантных качеств у детей не приходится.

Конфликтность – проявление данного качества мы определяли по ведущим стилям поведения педагогов в педагогических ситуациях (по методике К. Томаса). На основании полученных данных имеем: 31,1% учителей используют в своей работе разные стили поведения, из них 6,9% применяют в своей работе четыре стиля общения в равной степени: компромисс, избегание, соперничество, сотрудничество; 17,2% – три стиля: компромисс, избегание, сотрудничество, 6,9% – по два стиля. Четко определенный стиль взаимодействия с учащимися имеют 68,9% опрошенных учителей; чаще в общении с учащимися преподаватели (27,6%) идут на компромисс либо применяют стиль избегания; наименее применим (3,4%) стиль соперничества, сотрудничество занимает третью позицию в общении исследуемых педагогов. Применение стиля избегания как основного, конечно, помогает предотвратить конфликт в учебно-воспитательном процессе, но, к сожалению, не решает возникших проблем. На наш взгляд, умение применять в своей работе разные стили общения как раз и соответствует принципам толерантности.

Избегание, миролюбие, агрессивность (по методике В.В. Бойко): избегание – 61,2%; миролюбие – 28,8%; агрессия – 9,8%. Анализ результатов самодиагностики учителей позволяет утверждать, что 71% опрошенных учителей используют способы взаимодействия, не соответствующие принципам толерантности: избегание и агрессию. Современный учитель чаще старается уйти от создавшейся проблемы, а не искать ее разрешения.

Коммуникативные установки и качества – позицию молчуна занимают 28,2% опрошенных преподавателей (общаться с такими людьми достаточно трудно); не слишком общительные люди – 64,1% (их можно считать приятными собеседниками); общительные люди – 7,7%. Исследовалось проявление негативных установок, таких как: завуалированная жестокость в отношениях к людям, в суждениях о них; открытая жестокость в

отношениях к людям; обоснованный негативизм в суждениях о людях; наличие негативного личного опыта общения с окружающими; способность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений. Используемая методика позволила установить, что 47,4% испытуемых учителей в общении не склонны открыто проявлять жестокость, 34,5% испытуемых проявляют в общении открытую жесткость, 11,3% не проявляют в общении исследуемую негативную установку, 83% склонны делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами, 68,4% учителей набрали 33 и более баллов по указанной методике, что говорит о наличии выраженной негативной коммуникативной установки.

На основании полученных данных можно утверждать, что среди опрошенных преподавателей 55,2% обладают низкими коммуникативными способностями. Эти учителя испытывают трудности и определенные неудобства в установлении контактов как с детьми, так и с педагогами; 17,2% опрошенных преподавателей обладают коммуникативными способностями ниже среднего уровня – этим учителям не свойственно стремление к общению. Средними коммуникативными способностями обладают 12,1% опрошенных преподавателей, их можно охарактеризовать как людей общительных, разговорчивых. Высокими коммуникативными способностями обладают лишь 6,7% опрошенных учителей: они общительны, не теряются в нестандартной ситуации, в общении проявляют инициативу. Очень высокими коммуникативными способностями обладают 8,8% опрошенных учителей – они очень общительны и испытывают потребность в общении.

При *определении уровня коммуникативного самоконтроля* педагогов в общении имеем следующие результаты: 72,9% исследуемых учителей обладают средним коммуникативным контролем, то есть при общении они искренни, но сдержанны в своих эмоциональных проявлениях; 20,65% опрошенных учителей имеют низкий коммуникативный контроль, то есть они имеют устойчивое поведение и не способны менять его в зависимости от ситуации; 6,45% имеют высокий коммуникативный контроль, они способны гибко реагировать на изменение ситуации.

Эмоциональная напряженность, преобладающая в профессиональной деятельности педагога, тре-

бует развития *эмоциональной устойчивости*. Эмоциональная неустойчивость проявляется у 57,7% тестируемых учителей, повышенная эмоциональная неустойчивость – у 15,4%, эмоциональная стабильность – у 26,9%. То есть большая часть опрошенных педагогов в общении с детьми не контролирует свое эмоциональное состояние. Общение, построенное таким образом, все так же негативно сказывается на формировании толерантных отношений между учителями и их учениками.

При определении у современных педагогов способности проявлять в общении *терпимость* были получены следующие результаты: 82,7% участвующих в исследовании педагогов способны вести диалог, выслушать мнение собеседника и поменять свое, если это необходимо, но также могут проявить излишнюю резкость и даже неуважение к собеседнику; 15,4% учителей способны проявить в общении гибкость и тонкость ума, отнестись с пониманием к взглядам собеседника, имеют способность критически рассмотреть свое мнение по рассматриваемому вопросу; 1,9% учителей не умеют в общении проявлять терпение, им свойственны упрямство, непреклонность. Таким образом, обобщая результаты проведенного тестирования, можно утверждать, что уровень проявления толерантных качеств современными педагогами, принявшими участие в эксперименте, достаточно низок.

Студентами проводилось анкетирование педагогов физической культуры и спорта. Анализ самооценки учителями собственных затруднений в общении позволяет сделать следующие выводы. Наибольшие затруднения у исследуемых учителей вызывают ситуации общения с учащимися – 52,9%, на втором месте стоит проблема общения с коллегами – 12,7%, на третье место выходит проблема общения с родителями – 10,3%. Менее всего проблема проявления толерантности проявляется на заседаниях методических объединений учителей – 5,7%. Трудности в общении с администрацией испытывают 7,5% испытуемых, на педагогических советах – 7,5%.

Анализ данных анкетирования позволяет сделать вывод, что учителя испытывают затруднения в проявлении толерантных качеств: в работе с учащимися в урочное время – 36,3%; во внеурочное время – 21,7%; при взаимодействии с родителями – 27,4%; при взаимодействии с коллегами – 21,7%.

Студентами во время педагогической практики также осуществлялось исследование на основании анкеты, составленной для учащихся. В результате анализа ответов учащихся по предложенным вопросам можно утверждать: 85,7% детей знакомы с понятием «толерантность», 10% – не знакомы с понятием, 4,3% – не определились с ответом по данному вопросу. Хотят в себе развивать толерантные качества 51,0% опрошенных учащихся. Проверка понимания сущности понятия «толерантность» современными учащимися показала, что совершенно справедливо к качествам толерантной личности дети отнесли такие, как терпение, уважение, умение идти на компромисс, доверие, любовь, доброта, милосердие, великодушие, устойчивость, отсутствие протеста. К нетолерантным качествам дети отнесли: безразличие – 18,4%, насмешливость – 12,9%, выражение протеста в форме бойкота – 17,7%, словесное оскорбление – 11,6%, нетерпимость – 12,2%, вспыльчивость – 8,8%, раздражительность – 12,9%, применение физического насилия – 12,2%.

На основании сказанного выше можно утверждать, что лишь 60% учащихся действительно понимают сущность толерантности. Эти данные свидетельствуют и о том, что в школах не уделяется достаточно внимания не только развитию толерантности как качества личности учащегося, но и в недостаточной степени проводится работа по раскрытию сущности данного явления.

Также одним из заданий педагогической практики было следующее: из 105 предложенных педагогических ситуаций (60 из которых соответствовали принципам толерантности) детям надо было выбрать те, которые с их точки зрения должны присутствовать в их школе. Учащиеся отобрали 46, из них 33 ситуации, в которых проявляются принципы толерантности (71,7%), что свидетельствует о том, что толерантность как норма общения близка современным детям. Невыбранными оказались 29,3% ситуаций, в которых проявляются толерантность, что говорит о незнании учащимися новых, более демократичных форм взаимодействия в школе, перспектив их применения.

Следующим этапом было выполнение заданий на выездных занятиях. С одной стороны, проводилось анкетирование учителей (в анкетах учителя должны были отметить проявляемые ими толерантные качества в педагогических ситуациях), с

другой стороны – анкетирование учащихся, обучаемых у данной группы учителей (учащиеся отмечали качества, проявляемые педагогами у них на уроках). Затем полученные данные сопоставили. Для решения поставленной задачи была выделена контрольная группа из 11 учителей и их учащихся (71 ученика). Сопоставив результаты опроса учащихся с результатами самодиагностики учителей по проявлению ими толерантных качеств в общении, мы пришли к следующему заключению: учителя осознают, что в общении с учащимися должны преобладать такие качества, как терпимость, доброта, юмор, деликатность, справедливость, уважение, сострадание, уважительность, снисходительность, мягкость, милосердие, и указывают на их высокое проявление в общении (от 8 до 10 баллов по десятибалльной шкале). Учащиеся отмечают намного ниже уровень проявления в общении с ними перечисленных качеств (от 1 до 5 баллов). В своих ответах педагоги отмечают высокую готовность идти на компромисс, способность сопереживать ребенку, слышать и уважать мнение ребенка, но учащиеся не подтверждают такого настроя на общение педагогов с ними.

Сравнительный анализ результатов анкетирования учителей и учащихся позволяет утверждать: 72,7% учителей контрольной группы имеют завышенную самооценку по проявлению ими толерантных качеств в педагогических ситуациях, 9,09% обладают заниженной самооценкой, 18,2% имеют адекватную самооценку.

На основании сказанного, с одной стороны, можно говорить о завышенной самооценке педагогами своих человеческих качеств, о низкой рефлексии своей педагогической деятельности, с другой стороны, о низкой способности учащихся определять разграничение между схожими качествами личности: строгости и нетерпимости, гибкости и умения идти на компромисс и т.д., о завышенных требованиях детей по проявлению положительных и непроявлению отрицательных толерантных качеств по отношению к ним.

Главным результатом данной части исследования можно считать то, что указание на низкое проявление нетолерантных качеств личности педагога (конфликтность, повышение голоса, нетерпимость, непримиримость, вспыльчивость, раздражительность и др.) как педагогами, так и учащимися совпадает.

Во время практических занятий по дисциплине «Менеджмент в физической культуре и спорте»

студентами совместно с преподавателями на основании собранных сведений во время выездных занятий и выполненных заданий во время педагогической практики разработана модель по толерантному разрешению преподавателем физической культуры и спорта педагогических ситуаций (рис. 1). Студенты на практических занятиях выступали в роли экспертов. Предлагались различные ситуации преподавателем, студенты определяли правильность решения таких ситуаций.

Около 3% экспертов не согласны (или затрудняются дать ответ) с мнением преподавателя, что при осуществлении толерантного разрешения педагогических ситуаций могут быть использованы такие приемы педагогического воздействия, как напоминание, похвала, невербальные средства (улыбка, сдвинутые брови и т.д.). При толерантном разрешении педагогических ситуаций допускается, что в отдельных сложных педагогических ситуациях может допускаться повышение голоса или применяться приказ, запрещающий ребенку выполнять то или иное действие. С данным мнением преподавателя согласны 65,6% экспертов; 19,8% экспертов не уверены в том, что такие приемы педагогического воздействия можно применять, 14,6% экспертов считают, что указанные способы педагогического воздействия на учащихся не могут применяться.

Предлагаемые методы педагогического воздействия на учащихся при толерантном разрешении педагогических ситуаций (метод договора, свободного выбора, диалогического общения, разъяснения, нахождения компромисса и др.) поддерживают около 80,2% экспертов; 9,6% экспертов не уверены в необходимости использования метода разъяснения; менее 5% считают, что метод договора, метод свободного выбора и метод разъяснения неприемлемы в данном случае.

С предложенными алгоритмами разрешения конкретных педагогических ситуаций, созданными на основании толерантного разрешения, согласны более 80% экспертов.

Благодаря таким занятиям студенты как эксперты умеют оценить сложившуюся ситуацию и смогут применить на практике полученные во время занятий знания, умения и навыки.

Проявление преподавателем ФКиС толерантных качеств в педагогическом процессе представляет собой сложную задачу, обусловленную многообразием педагогических ситуаций. Педагоги-

Рис. 1. Модель по толерантному разрешению преподавателем физической культуры и спорта педагогических ситуаций

ческая ситуация есть форма и одно из условий проявления толерантности как учителем, так и учащимися. Процессу разрешения педагогической ситуации присущи две взаимосвязанные стороны, которые в равной степени влияют на проявление или не проявление толерантности участниками педагогической ситуации: внешняя (система вербальных и невербальных действий человека) и внутренняя (потребности, ценности, мотивы, чувства и т.д.). Каждая педагогическая ситуация требует своих методов решения и проявления конкретного набора толерантных качеств.

Будущие специалисты физической культуры и спорта, являясь носителями как личностных, так и профессиональных качеств гуманного отношения к обучающимся, физическими упражнениями и различными видами спорта, независимо, на каком уровне осуществляется взаимодействие, будь то тренерская или преподавательская деятельность, консультативная или инструкторская, будут передавать эти приобретенные качества учащимся, членам спортивных сообществ, секций на занятиях физической культурой и спортом. Особое

место в профессиональной деятельности занимают дети часто с отклонениями в состоянии здоровья. Поэтому терпимое и примирительное отношение к подрастающему поколению продиктовано условиями по формированию толерантности не только у себя, но и у окружающих людей.

Теоретические исследования, модель толерантности педагога в свете концепции индивидуальности, уровни развития педагогической толерантности, технология толерантного разрешения педагогических ситуаций способствуют созданию у будущих специалистов физической культуры и спорта теоретической и методической базы для решения проблемы толерантности педагога и ее проявления в педагогическом процессе, что необходимо для их будущей профессиональной деятельности. Применение разработанных методик, применяемых на занятиях, в научных кружках, на практиках, позволит студентам правильно определить направление на становление толерантных отношений в школе или организации, в целом – на гуманизацию учебно-воспитательного и тренировочного процесса.

Библиографический список

1. Shapiro A. The Theme of the Family in Contemporary Society and Positive Family Psychology. In: «Family Therapy Around the World: A Festschrift for Florence Kaslow» (Ed.: William Nichols) Haworth Press, 2004. – P 23–34.
2. Андреев В.И. Саморазвитие конкурентоспособной личности менеджера / В.И. Андреев. — Казань, 1996. — 208 с.
3. Асмолов А.Г. Слово о толерантности. – Век толерантности, 2001. – № 1. – С. 47–51.
4. Бойко В.В. Социально-психологический климат коллектива и личность / В.В. Бойко, А.Г. Ковалёв, В.Н. Панферов. – М.: Педагогика, 1983. – 342 с.
5. Габдулхаков В.Ф. Как управлять своим психическим состоянием / В. Габдулхаков, И. Хаирова // Директор школы. – 2007. – № 1. – С. 54–61.
6. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека. – М., 2002. – 205 с.
7. Орлов А.Б. Психология толерантности: проблемы и перспективы / А.Б. Орлов, А.З. Шапиро. – Вопросы психологии. – 2006. – С. 62–66.
8. Щеколдина С.Д. Тренинг толерантности / С.Д. Щеколдина. – М.: Ось-89, 2004. – С. 40–41.

M.A. SOLOMCHENKO

TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS PHYSICAL CULTURE AND SPORTS TO RESOLVE TOLERATED PEDAGOGICAL SITUATIONS

The paper developed a model of tolerance of the teacher. On the basis of which she considered training of physical education and sport for tolerance solution of pedagogical situations in sports and sports organizations using the developed techniques used in the classroom, academic circles and practices.

Key words: tolerance, specialist, physical culture tour, pedagogical situation.

А.А. ТИХОМИРОВ, кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Менеджмент и управление народным хозяйством» ГОУ ВПО
«Орловская региональная академия государственной службы»
Тел. 8-960-645-64-96; Aleksey.A.Tikhomirov@gmail.com

А.С. НОСКОВА, преподаватель школы искусств
Тел. 8-903-883-26-13; ofu@orel.ru

КРИТЕРИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЗРОСЛОСТИ СУБЪЕКТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы определения категории «взрослый человек», анализируются существующие критериальные основания определения взрослости субъекта дополнительного профессионального образования. На основе анализа эволюции человека в процессе обеспечения собственной безопасности сделан вывод о том, что основанием для определения взрослости является структура ресурсов его безопасности.

Ключевые слова: безопасность, субъект, объект, духовность, взрослость, знания, образовательный процесс.

Дополнительное профессиональное образование является одним из интенсивно развиваемых в России направлений непрерывного образования. Интерес государства, частных структур, граждан детерминирует интерес научной среды к исследованию дидактических и методических проблем дополнительного образования, к поиску путей его совершенствования.

К одной из фундаментальных проблем дополнительного образования взрослых, безусловно, относится проблема определения категории «взрослый человек». Опыт работы говорит о наличии особенностей в процессе обучения взрослых. Важность осознания сущностных характеристик взрослого человека, его отличия от других категорий людей в целях оптимизации процессов обучения признается как западными исследователями (М. Ш. Ноулз, П. Джарвис, М. Тайт, Ш. Мэрриам, Р. Каффарелла и др.), так и нашими учеными (С.И. Змеев, Т.М. Громкова, И.А. Колесникова, В.И. Кукуев, А.М. Митина, В.И. Подобед).

До сих пор нет единого мнения в определении понятия взрослого человека. Каждый из исследователей относит к категории взрослых человека по довольно различным основаниям: 1) возраст; 2) поведение; 3) ответственность как черта личности; 4) опыт; 5) зрелость; 6) самооценка; 7) оценка окружающих; 8) возможность занятия определенных социальных позиций.

На наш взгляд, наиболее интересный подход из зарубежных авторов предложен Аланом Роджерсом [6]. Он рассматривает категорию взрослого человека, во-первых, как одну из стадий жизненного цикла в триаде «ребенок – юноша – взрослый», во-вторых, как социальный статус человека, как определенный набор идеалов и ценностей и, в-третьих, с позиции определения типичных для данного возрастного периода черт и характеристик. Английский ученый выделяет три группы таких характеристик:

– полнота развития или зрелость («full growth»);

- «чувство перспективы» (сформированное мировоззрение или адекватность оценок) («sense of perspective»);
- самоуправление или автономия (независимость) («autonomy»).

«Полнота развития» у А. Роджерса означает не только зрелость человека как личности, развитие и использование всех талантов и способностей, но и движение вперед, ко все большей зрелости и совершенству.

«Чувство перспективы» – это более адекватный подход к окружающему миру, который образуется у взрослого человека в результате приобретения им жизненного опыта. Особенно отчетливо эта черта видна при сравнении с детским поведением, которое иногда встречается у некоторых взрослых. А. Роджерс объясняет такие случаи неадекватностью самооценки личности в ее отношении к окружающим: или человек воспринимает себя более важным, чем на самом деле является, или самооценка занижена. В том и в другом случае это проявляется в неадекватной, «детской» манере поведения, не типичной для взрослого человека, т.е. происходит расхождение с ожиданием окружающих людей.

Третья группа черт связывается, по мысли автора, прежде всего с ответственностью индивида за себя, свои дела и развитие. «Часто взрослый, – продолжает А. Роджерс, – ответствен также и за других, но, по крайней мере, он или она отвечают за свои собственные действия и реакции... Взрослость подразумевает определенную меру автономии, ответственное принятие решений, добровольность, а не подчиненность».

Среди отечественных ученых, на наш взгляд, наиболее близко к определению сущностных характеристик взрослости подошла М.Т. Громкова [1]. В своих исследованиях, так же как и А. Роджерс, в качестве основного критерия взрослости она определяет духовность (духовная взрослость).

Бытующие предельно широкие толкования философской категории «духовность» несут в себе черты не только статичности, но и нечеткой констатации состояния, что явно недостаточно для проектирования образовательных технологий. Например, в словаре «Общая психология» духовность определяется как «высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее

жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности...» [3].

Для оптимизации профессионального образования необходимо понимание процессов становления взрослости, перехода во взрослое состояние, определения предельных динамических характеристик личностной трансформации. Важен онтогенез взрослого человека.

Исследования развития психики и поведения человека, проведенные в рамках теории функциональных систем П.К. Анохина, позволили обнаружить, что в процессе раннего онтогенеза человека избирательно и ускоренно созревали именно те элементы организма, имеющие самую разную локализацию, которые необходимы для достижения результатов систем, обеспечивающих выживание организма на самом раннем этапе индивидуального развития» [4]. Другими словами, человек рождается функциональной системой, которая становится «продуктивной», т.е. обеспечивающей безопасность, имеющей все необходимые составляющие операционной архитектоники до того, как все компоненты получают окончательное структурное оформление. И дальнейшее развитие человека связано не с органогенезом, т.е. с развитием отдельных органов, выполняющих соответствующие локальные «частные» функции, а с развитием общеорганизменных целостных функциональных систем. То есть процесс развития рассматривается как переход не от части к целому, а от одного уровня интегрированности к другому, причем формирование новых уровней в процессе развития не отменяет предыдущие. Изоморфность иерархических уровней заключается в том, что все они представлены функциональными системами, образованными результатом (целью).

Структурную организацию уровней, их упорядоченность определяет история развития, которая представляет собой не смену одних образований на другие, а их наложение. Как следствие, поведение человека обеспечивается системами, образованными не только новым опытом, но и одновременной реализацией множества более старых систем, сформированных на предыдущих этапах индивидуального развития, и относится к элементам индивидуального опыта, общим для разных актов. Это означает, что системы, реализация которых обеспечивает достижение результата поведенческого акта, формируются на последовательных стадиях индивидуального развития, поэтому систем-

ная структура поведения отражает историю его формирования – весь опыт. А изначальная активность позволяет квалифицировать человека как субъекта деятельности.

Из этого следует, что основной потребностью человека на протяжении всей его жизни является потребность в безопасности, а эволюция нуждается в опыте освоения ресурсов ее обеспечения.

Окружающая действительность объективно выступает для человека на разных стадиях его активности соответственно в различных качествах: как система безусловных раздражителей, условных раздражителей, объектов и субъектов. Раздражитель – внешний толчок, «запускающий» адекватные ему реакции и рефлексy. На этой стадии развития деятельность характеризуется как инстинктивная активность. По мере истощения окружающая среда выступает для человека уже в качестве системы условных раздражителей, которые запускают психологический уровень (условные рефлексy) взаимодействия с нею. Деятельность приобретает предтрудовой характер, а ее сфера определяется структурой неудовлетворенности ресурсами жизнедеятельности. До тех пор, пока окружающая действительность выступает в роли безусловных и условных раздражителей, человек только субъект деятельности. Безусловные и условные рефлексy призваны удовлетворять потребности человека, их основная функция – обеспечение безопасности субъекта деятельности. Система условных рефлексов, обеспечивающих безопасность жизнедеятельности, – культура.

Наделяя человека изначальной активностью, Природа стремится раскрыть все возможности живучести человека и как существа биологического, и как социального, а затем отобрать только те варианты объекта собственного творчества, которые удовлетворяют конкретным требованиям. В подтверждение этого говорят последние данные о том, что все современное человечество имеет африканские корни – происходим от одного племени Бушменов [2]. Остальные оказались тупиковыми ветвями, неудачными «пробами».

Объект – более сложный и высокий уровень взаимодействия с внешним миром. Внутреннее созревание, а также неспособность рефлексов поддерживать жизнь при нарастающей нехватке ресурсов ее обеспечения пробуждают в субъекте деятельности осознание компонентов окружающей действительности, выступавших раздражителями,

объектами безопасности. Объект внутри бытия выделяется только субъектом в ходе деятельности и потому существует лишь для него, т.е. нет объекта без субъекта; появляются ценностные ориентации деятельности.

Побуждающие к действию ценности качественно отличны от потребностей, которые уже выступают в этой роли. Происходит усложнение стимулов поведения человека и причин социального действия. На первый план выступает не то, что безусловно необходимо, без чего нельзя существовать (эта задача решается на уровне рефлексов), а то, что необходимо с точки зрения укрепления безопасности, и эта задача уже решается на уровне осознанного целеполагания. Осмысленная, целесообразная активность придает деятельности трудовой характер. Ценностные ориентации – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве ресурсов укрепления собственной безопасности, объектов трудовой деятельности, общих мировоззренческих ориентиров. Структура объектов трудовой деятельности и ее динамика характеризуют степень и скорость развития человека. Трудовая деятельность – атрибут субъекта безопасности. Технология безопасной жизнедеятельности при производстве – нравственность [5].

Создание субъекта деятельности с определенными характеристиками происходит только в том случае, когда есть «понимание» потребностей, удовлетворение которых связано не столько с обеспечением, сколько с укреплением безопасности автора (в данном случае Природы). Естественный отбор дополняется социальным – Природа делегирует некоторую часть своих полномочий по управлению безопасностью человека ему самому, делая его субъектом безопасности. Она идет на очередную ступень истощения среды обитания человека, так как только реальная угроза безопасности жизни (в данном случае наращивание дефицита ресурсов жизнедеятельности) включает в человеке механизмы формирования и развития субъекта безопасности.

Являясь субъектом безопасности, человек своими руками, своим трудом, с одной стороны, загоняет себя все дальше от естественной ресурсной базы своей жизнедеятельности, а с другой – в стремлении ее замещения и восполнения приоткрывает заложенный в ней творческий потенциал.

В процессе жизнедеятельности постепенно организм изнашивается, и в субъекте безопасности постепенно нарастает степень осознания ограниченности собственных сил для интенсивной избирательной добычи внешних ресурсов. Сначала приходит осознание силы внешних субъектов безопасности, а затем и себя в качестве объекта безопасности окружающей социальной среды. По мере истощения ресурсов организма формируется новое понимание угроз безопасности и мер по их предотвращению.

Начинается интенсивная переоценка ценностей. В первую очередь избирательно меняется отношение к элементам внешней среды. Затем из этих элементов формируется база ресурсов укрепления собственной безопасности, которая трансформируется в среду гармоничного сосуществования. Главным ресурсом существования этой среды становится человек. Он становится системообразующим началом. Разрушение этой среды ассоциируется с собственным разрушением. В этот период появляется настоящая бережливость – человек все, что ему доступно, начинает оценивать не как внешние, а как внутренние ресурсы жизнедеятельности. Угрозы этой «новой для него» среде обитания воспринимаются им на уровне условных и безусловных рефлексов. А укрепление безопасности видится в распространении отношений гармоничного сосуществования как на новые доступные для него элементы, так и на создание недостающих компонентов целостности. Другими словами, объектом управления безопасности становится среда, а точнее, сегмент Природы, где сам субъект безопасности управляется наравне с другими ее объектами. Человек из субъекта собственной безопасности вырастает не просто в субъекта безопасности своей среды, а в ее творца, где межэлементные отношения играют определяющую роль. Наступает состояние духовности, т.е. растворенности субъекта в объекте безопасности.

Если на первой и второй стадиях развития человек совершенствовался на добыче ресурсов жизнедеятельности, то теперь он видит свою безопасность в поисках вариантов сохранения среды обитания, восстановления ее репродуктивности. Приходит осознание собственной ответственности за формирование окружающей среды, как социальной, так и природной. Появляется творческий, созидательный подход ко всему, что человек окружает. Оставаясь субъектом обеспечения

и укрепления безопасности, он теперь в первую очередь ее формирует.

Рассматривая известную пирамиду потребностей А. Маслоу, можем сказать, что она отражает в первую очередь не потребности (потребность одна – безопасность), а ресурсы ее обеспечения. На первом уровне развития все ресурсы безопасности заключены в физиологии, на втором – в социуме и на третьем ресурсом безопасности выступает все – сам человек и мир, его окружающий.

Таким образом, человек, стремясь к безопасности, проходит в своем развитии три принципиально разных этапа нарастающим итогом:

- 1) этап прямого потребления ресурсов безопасности;
- 2) этап добычи ресурсов безопасности;
- 3) этап формирования ресурсов безопасности.

На первом этапе безопасность обеспечивает инстинктивная активность, на втором инстинктивная активность уступает доминирующее место трудовой деятельности, и на третьем этапе творческая деятельность определяет сферы и интенсивность инстинктивной активности и трудовой деятельности.

Эти три этапа можно характеризовать как этапы детства, юношества и зрелости.

Возвращаясь к проблемам образования, теперь можно сказать, что на первом этапе образовательной деятельности человек готов усваивать знания безопасного потребления, на втором его образовательный интерес перемещается в сферу усвоения системы знаний, навыков, умений, позволяющих укрепить собственную безопасность. И только на третьем этапе – этапе становления зрелости – человеку нужны знания, умения, навыки творческой, созидательной деятельности, гармонизирующей окружающий мир.

Это не значит, что знания, характерные для предыдущих этапов, ему не нужны. Просто сформированная жизненным опытом качественно новая цель жизнедеятельности заново форматирует структуру знаний, умений и навыков и определяет пробелы в образовании, которые взрослый обучающийся готов восполнить. Однако он не может усваивать абстрактные для него знания. Они должны быть в контексте его творческой ориентации. Взрослый человек обучается не ради интенсификации добычи ресурсов безопасности – элементов внешних по отношению к нему систем. Он

желает стать равноправным элементом этих систем, своим творчеством гармонизирующим их жизнедеятельность. Для этих целей ему нужны знания и умения. Ему понятен системный результат, и для этого востребованы знания как специализированные элементы этой системы.

В системе образования взрослых сплошь и рядом применяются не характерные для этой кате-

гории обучаемых подходы. На наш взгляд, использование характеристик взрослого человека в формировании содержания и образовательных технологий резко повысит неформальную результативность дополнительного профессионального образования, даст так необходимый сегодня толчок становлению инновационной технологии хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. Громкова М.Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых. [Текст] / М.Т. Громкова / Учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 495 с.
2. Мартыненко Н.П. «Культура» как превращение знаков «веньхуа» [Текст] / Н.П. Мартыненко // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – № 3. – 2006. – С. 32–69.
3. Общая психология [Электронный ресурс] Словарь / Режим доступа <http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex2>
4. Современная психология [Текст] / Справочное руководство. – М.: ИНФРА-М, 1999. – С. 56.
5. Тихомиров А.А. Аксиоматические детерминанты особенностей управления экономической безопасностью социально-экономических систем [Текст] / А.А. Тихомиров // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2008. – № 4. – С. 219–228.
6. Rogers A. Teaching Adults. – Buckingham and Philadelphia: Open University Press, 1998. 3rd ed. 2002.

A.A. TIKHOMIROV, A.S. NOSKOVA

CRITERIAL FOUNDATIONS OF DEFINITION THE MATURITY OF THE SUBJECT OF AN ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

This article discusses the problem of determining the categories of “adult person”, examines the existing criterial foundations of definition the adulthood of the subject of an additional professional education. Based on the analysis of human evolution in the process of ensuring his own safety, we concluded that the ground for determining the adulthood is the structure of resources of his safety.

Key words: safety, subject, object, spirituality, maturity, knowledge, educational process.

А.А. ГРИБАНЬКОВА, кандидат химических наук,
доцент кафедры химии Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта
Тел. 8-963-294-20-41; AGribankova@kantiana.ru

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЁ ЭВОЛЮЦИЯ В XX ВЕКЕ

Статья посвящена сопоставлению концепций организационной культуры университета, предложенных М. Вебером, Дж. Ритцером и Б. Кларком. Подходы к организации университетского образования эволюционировали в XX веке от бюрократических форм к корпоративным моделям, построенным по образцу менеджмента в рыночно ориентированных экономических субъектах. Превращение высшего образования в массовый рынок услуг привело к необходимости адаптировать традиционные академические ценности и образцы коллегальной самоорганизации научного сообщества к требованиям государственной бюрократической машины и процедурам бизнес-планирования и стратегического анализа.

Ключевые слова: организационная культура университета, университет как бюрократия, университет как корпорация, предпринимательский университет.

В современной системе высшего образования научные исследования все чаще стали играть роль стрелы, вокруг которого начинает строиться организация внутренней жизни академического сообщества. Занятия наукой, поиск истины, культивирование ценностей знания, долгие годы считавшиеся основой культурной миссии университетов в XXI веке, стали не просто данью традиции и формой проявления человеческого духа, а эффективным способом экономической конкуренции, способом получения возможностей занять выгодную рыночную нишу и гарантировать стабильный доход. Вместе с расширением системы экономической стимуляции академическая среда находится под сильным влиянием подходов, которые характеризуют деятельность и организацию труда в традиционных рыночных институтах. Классическая идея университета подвергается сильным испытаниям, связанным с трансформацией высшего образования и изменением его роли в жизни общества.

Университеты под влиянием глобальных тенденций, массовизации и маркетинга высшего образования вынуждены менять не только модели управления, но и идеологию своей деятельности. Традиционные концепции университета как храма науки, культуры и свободных искусств во второй половине двадцатого века перестали работать даже для элитарных вузов, столетиями служивших эталоном просвещения и учености. Динамика экономических и социальных процессов поставила перед высшим образованием необходимость адаптироваться к вызовам всеобщей мобильности ресурсов и людей, высокотехнологических коммуникаций, постиндустриальной экономики.

В настоящее время широко известно множество концептуальных моделей, описывающих изменения, происходящие под влиянием внешних социально-экономических условий во внутриуниверситетской организационной среде. Часто обсуждаются

в научных публикациях три концепции (или модели) университета как социального института, презентующие эволюцию университетской организационной культуры в XX веке. Одна из этих концепций принадлежит М. Веберу, в которой он рассматривает университет как бюрократическую организацию. Другая – Дж. Ритцеру, представляющему университет как корпорацию и ярко описавшему положение дел в последнее десятилетие века [1]. Б. Кларк описывает предпринимательский университет. Каждая из этих концепций отражает определенную политическую позицию, мировоззрение, доминирование определенных норм и ценностей над другими. Интересно сравнить, как же менялся вектор развития идеи университета как социальной организации.

«Университет как бюрократия» (М. Вебер)

Работы М. Вебера охватывают широкую гамму эмпирических и теоретических тем в социологии. Основной интерес в контексте нашего исследования представляют его работы, посвященные анализу бюрократии, власти и рациональности. Вебер заметил, что многие государственные и частные организации представляют собой по сути формы бюрократии: политические структуры, армия, судебная власть, банки, коммерческие фирмы, школы и университеты. Вебер утверждал, что университеты представляли собой типичные формы бюрократии. Поэтому, прежде чем рассматривать некоторые конкретные замечания Вебера по поводу университета как бюрократии, было бы полезно представить то, как Вебер определял характеристики бюрократии и как он истолковал ее преимущества и недостатки.

В знаменитой работе о бюрократии «Хозяйство и общество», опубликованной посмертно в 1925 году, Вебер обозначил, что бюрократические функции организации действуют следующим образом:

I. Они существуют на основе официальных, юридически оформленных правил, то есть законов или административных процедур. Это означает:

(1) регулярные действия, необходимые для целей бюрократически регулируемой структуры, предписаны в виде служебных обязанностей;

(2) руководящие полномочия, необходимые для выполнения этих обязанностей, распределены на стабильной основе и строго разграничены правилами, определяющими совокупность принудительных мер, символически, физически или иным образом находящихся в распоряжении чиновников;

(3) для регулярного и непрерывного исполнения этих обязанностей и для осуществления соответствующих прав предоставляется необходимое методическое обеспечение; работают только лица, которые допущены для выполнения этих обязанностей согласно общим правилам.

II. Принципы офисной иерархии и каналов обращения предусматривают четко установленную систему субординации, в которой чиновники более высокого уровня осуществляют надзор за деятельностью на более низком уровне.

III. Управление бюрократическим офисом основано на письменных документах («приказах»), которые хранятся в оригинальной форме или проектах, и на наличии штата подчиненных должностных лиц и разного рода технических сотрудников.

IV. Управление организацией, по крайней мере специализированной на какой-то деятельности, обычно предполагает обучение в области специализации.

V. Управление организацией подчиняется общим правилам, более или менее стабильным, детальным и доступным для освоения. Знание этих правил представляет собой специальную техническую компетентность, которой обладают чиновники. Она включает в себя знание норм и законов, административных процедур и правил управления бизнесом [2].

Для Вебера бюрократическая организация – это также весьма эффективная организация, которая технически превосходит другие типы организации, ее официальные представители быстро принимают информированные и беспристрастные решения.

Решающей причиной для становления бюрократической организации было ее чисто техническое превосходство над любой другой формой организации. По сравнению со всеми коллегиальными и самостоятельными формами администрирования обученная бюрократия демонстрирует преимущество по всем этим пунктам [2].

Примечательны некоторые комментарии, которые Вебер сделал в отношении университетов как бюрократических структур. Вебер утверждал, что университеты играют ключевую роль в обеспечении подготовки кадров бюрократов и освоении ими специальных знаний и навыков.

Образовательные учреждения на Европейском континенте, особенно высшие учебные заведения – университеты, технические академии, бизнес-колледжи и т.д., находятся под влиянием необхо-

димости предоставить такого рода «образование», которое фиксируется системой специализированных экзаменов или тестов знаний (Fachprüfungswesen), необходимых для современной бюрократии [2].

Особенно интересны комментарии Вебера о том, что бюрократические организации, такие как университеты, как правило, концентрируют ресурсы на вершине своей иерархии, что приводит к концентрации власти и привилегий. В качестве другого примера бюрократизации университета Вебер приводит пример с назначением преподавателей (членов профессорско-преподавательского состава). Вебер заявил, что «свобода научного познания и преподавания» в университете не может существовать там, где назначение на преподавательскую должность ставится в зависимость от наличия (или внешней демонстрации наличия) такой точки зрения, которая является «приемлемой в высших кругах» церкви и государства [3].

Для Вебера еще одно свидетельство бюрократизации университетов обнаруживается в желании руководителей университетов (лидеров) увеличить эффективность и производительность работы ученых. В статье, написанной в 1919 году, Вебер отмечает два знака бюрократизации университетов: во-первых, ученые в университетах Соединенных Штатов имеют большую учебную нагрузку (много часов аудиторных занятий), и, во-вторых, молодые ученые не имеют долгосрочных контрактов (и, как следствие, сотрудники могут легко быть уволены или их контракт не будет возобновлен).

Многие современные исследователи соглашались с тем, что университетам во многом свойственны черты бюрократической организации. Например, Х. Струп [4] указывает на характеристики университетов, которые укладываются в веберовскую модель бюрократии: компетентность как условие назначения на должность, невыборность должностных лиц, фиксированный оклад, признание и уважение должностного ранга, исключительность данной карьеры (никакой другой работы нет), концентрирование образа жизни вокруг организации, система «tenure» (пожизненная штатная должность) как гарантия безопасности, разделение личной и организационной собственности.

Уже эти характеристики свидетельствуют, что университет – это сложная организация, разрешенная к учреждению государством, и в этом смысле она подобна большинству других бюрократий.

Кроме того, университет имеет формальную иерархию с различными подразделениями и своим внутренним уставом, который упорядочивает отношения между подразделениями. Профессора, преподаватели, научные сотрудники, по мнению Дж. Болдриджа, являются такими же бюрократическими чиновниками, как деканы и президенты (ректоры) [5]. В университете существуют формальные каналы коммуникации, которые должны быть уважаемы. Здесь присутствуют определенные бюрократические отношения власти; они часто неясны, двойственны и переменчивы, но они есть. Существуют также формальная политика и правила, являющиеся частью системы регуляций и процедур, которые сохраняют целостность университета и контролируют его работу. Наиболее ярко бюрократические элементы видны студентам, которые сталкиваются с ними в повседневной рутине каждый день (различного рода записи, регистрации, требования к выпускникам и др.). Но именно эта рутина и позволяет университету эффективно справляться с решением своих задач.

Как и в любой жесткой системе, на взгляд Дж. Болдриджа, бюрократической парадигме присущи недостатки. Во-первых, она не предполагает никаких других форм власти, кроме легитимной, формализованной. Во-вторых, она статична, не поддерживает процессы, которые придают динамику организации, ведут к изменениям во времени в университетской жизни.

Другая модель, которая чрезвычайно популярна среди исследователей, занимающихся проблематикой современного высшего образования, предложена американским социологом Дж. Ритцером, который утверждает, что доминирующей парадигмой для многих современных обществ стало стремление к рационализации. Для Ритцера этот процесс рационализации воплощает ресторан быстрого питания McDonalds. Развивая свою идею, Ритцер опирается на концепцию Вебера о рационализации и его представления о том, что такая рационализированная система, как бюрократия, становится «железной клеткой», ограничивающей и контролирующей людей. Дж. Ритцер утверждает следующее: «Макдональдизация предполагает повышение эффективности, предсказуемости, вычислимости и улучшение контроля путем замены человеческих технологий не-человеческими. Хотя, несомненно, принес с собой много позитивных изменений, макдональдизация предполагает и

множество иррациональных решений, дегуманизацию и усреднение. Именно эта иррациональность рациональности (и связанные с этим проблемы) представляет истинное сердце процесса макдональдизации» [6].

Дж. Ритцер определяет четыре элемента, которые он рассматривает в качестве основного средства достижения макдональдизации: эффективность, предсказуемость, вычислимость и контроль.

Эффективность для потребителей означает наиболее быстрый способ или оптимальный метод достижения цели. Макдональдс предлагает наиболее быстрый и недорогой способ утолить голод.

Предсказуемость означает гарантию того, что продукт или услуга будут всегда одинаковы с течением времени и в любом месте, что гамбургер в Нью-Йорке будет идентичен другим гамбургерам в Чикаго и Лос-Анджелесе [7].

«Вычислимость» делает упор на количественные параметры реализованной продукции (размер, стоимость) и услуг (время, которое требуется, чтобы получить продукт). В таких системах количество стало эквивалентом качества; большое количество чего-либо или быстрая его доставка означает, что работа идет хорошо [7].

Контроль означает программирование и наблюдение за действиями людей посредством нечеловеческих технологий, например, посредством компьютеров.

В основе концепции макдональдизации университетов лежит мысль о том, что «университет может быть рассмотрен как средство потребления образования, позволяющее студентам потреблять образовательные услуги и в конечном итоге получить важный «товар» – степени и квалификации» [6]. Согласно Ритцеру, современные студенты и их родители придерживаются потребительских ориентаций и ожиданий по отношению к университетам; они хотят, чтобы они действовали так же, как банки и рестораны быстрого питания: были удобно расположены и работали в удобные часы, они ожидают от персонала предложения профессиональных услуг, они хотят продуктов высокого качества по низкой цене и готовы сравнивать цены в магазинах в поисках лучшего предложения [6]. Вдобавок к этому в настоящее время государство сокращает финансирование университетов [6]. Престижные и богатые университеты, такие как Гарвард и Оксфорд, в основном в состоянии игнорировать такое давление, но большинство универ-

ситетов вынуждены приспосабливаться к этой ситуации [6]. Дж. Ритцер утверждает, что за последнее время многие университеты стали превращаться в McUniversities (МакУниверситеты). Эти университеты взяли на вооружение идеи о том, как привлечь и обслужить большее количество студентов / клиентов и снизить эксплуатационные расходы путем эмуляции бизнес-процессов, разработанных в McDonalds, торговых центрах и банках [6].

Ритцер определяет несколько стратегий, используемых МакУниверситетами, для того чтобы привлечь больше студентов, увеличить доход и снизить эксплуатационные расходы, включая дистанционное обучение или организацию филиалов за рубежом, более широкое использование компьютеров для онлайн-обучения, расширение доступа к информации для исследований и учебных заданий [6]. По его мнению, МакУниверситеты предоставляют модульные, стандартизированные учебные программы, позволяющие сократить затраты, использовать менее дорогой труд ассистентов, преподавателей для реализации учебной программы, а расходы, связанные с оценкой знаний, уменьшаются с помощью компьютерно обрабатываемых тестов [6]. Он отмечает, что МакУниверситеты усиливают управленческий контроль над профессорско-преподавательским составом, который уже не имеет возможности разрабатывать свои курсы, а эффективность преподавания и исследований оценивается часто с использованием количественных показателей эффективности и контроля качества. Ритцер отмечает, что МакУниверситеты, как и многие корпорации, активно участвуют в сокращении численности персонала и оптимизации процессов, с тем чтобы снизить эксплуатационные затраты и сделать деятельность более эффективной [6]. Другие исследователи обозначают такого рода изменения, происходящие в университетах, как стратегии и действия, связанные с идеологией «нового государственного управления» или «менеджеризма».

Сам Ритцер призывает университеты противостоять тенденциям макдональдизации, предлагающим университетам для привлечения студентов и увеличения своих доходов подражать храмам потребления (мега- и супермаркеты, парки развлечений и т.д.) [8]. Он отмечает, что эти храмы потребления создают очки, помогающие очаровывать и привлекать клиентов, например, моделиру-

ют каналы Венеции в Лас-Вегасе [8]. Он также предполагает, что для того, чтобы привлечь больше клиентов, эти храмы потребления используют имплозию пространства и время, «устраняя границы между иллюзией и реальностью, между существующими явлениями так, что они разрушаются, накладываясь друг на друга» [8]. Ритцер допускает, что университеты должны подлежать регулированию и финансовому контролю, которые ограничивают их возможности использовать взрыв для привлечения большего числа студентов [8]. Он полагает, что университеты могут привлечь и удержать больше студентов и тем самым увеличить свои доходы, если они сделают свои «банальные» основные виды деятельности – преподавание и обучение – более яркими [8]. Дж. Ритцер предлагает несколько таких способов: восстановить учебные формы, где студенты имеют прямой контакт со своими профессорами, вернуть известных ученых и профессоров в классы, индивидуализировать программы и учебные планы, сделать их менее предсказуемыми и стандартными, сосредоточить внимание на качестве преподавания и научных исследований, а не на их количестве [8]. Как считает Дж. Ритцер, если университеты смогут реализовать такие меры, они сумеют преодолеть «иррациональность рациональности» и дегуманизирующее влияние макдональдизации.

«Предпринимательский университет» (Б. Кларк)

Б. Кларк по образованию социолог, но большая часть его работ была сосредоточена на проблемах высшего образования. Кларк утверждает, что начиная с 1990-х годов университеты во многих странах сталкиваются с несбалансированной ситуацией, когда предъявляемые к ним требования превосходят их способность реагировать на них [9]. Он выделил четыре новых социальных запроса к университетам. Во-первых, университеты должны обучать больше студентов и иметь дело с большим количеством различных типов студентов [9]. Во-вторых, больше работодателей требуют большего количества выпускников высших учебных заведений, подготовленных для высоко-специализированного профессионального труда различных уровней квалификации, и, кроме того, требуется их более или менее регулярная переподготовка на протяжении всей их профессиональной карьеры [9]. В-третьих, университеты в настоящее время подвергаются давлению со стороны широкого круга заинтересованных сторон и несут

ответственность перед этими группами за полученное финансирование: правительства ожидают, что университеты будут делать больше при меньших удельных затратах, промышленность хочет видеть прибыль от своих инвестиций [9]. В-четвертых, развитие знаний требует все больших ресурсов, новые научно-исследовательские центры или отделы всегда хотят больше средств, персонала, студентов и обустроенного пространства [9]. Кларк утверждает, что национальные правительства предприняли некоторые усилия для решения этих проблем, пытаясь внедрить систему широкой дифференциации между университетами, но эта стратегия имела ограниченный успех [9]. По мнению Кларка, в прошлом университеты были слишком пассивны и действовали в условиях такого давления скорее по инерции. По словам Кларка, университеты, чтобы выжить в новых условиях, должны занять более активную предпринимательскую позицию и использовать инновационные подходы [9]. Кларк описывает предпринимательский университет так: «Он стремится осуществить такие изменения организационного характера, которые помогли бы ему занять перспективные позиции в будущем. Предпринимательские университеты стремятся стать «инициативными» игроками, которые действуют на своих собственных условиях. Институциональное предпринимательство можно рассматривать как процесс и результат» [9].

В 1990-х годах Кларк провел исследование того, как пять европейских университетов превратились в предпринимательские, в котором он обобщил опыт Университета Уорвика (Англия), Университета г. Твенте (Нидерланды), Университета Стратклайда (Шотландия), Технологического университета Чалмерс (Швеция) и Университета Йоэнсуу (Финляндия). Кларк опубликовал выводы из этого исследования в 1998 году. Он определил пять способов, которые эти университеты выбрали для достижения предпринимательских преобразований: укрепили управленческое ядро, расширили периферию развития, диверсифицировали ресурсную базу, создали стимулы для развития исследований и интегрировали предпринимательскую культуру [9]. Кларк расшифровывает каждую из этих стратегий преобразования.

Укрепление управленческого ядра относится к развитию потенциала управления университетом, что позволяет реагировать быстрее, с большей гибкостью и концентрацией на изменении требо-

ваний внешней среды, переделывать и изменять свои курсы, организационную структуру и способы деятельности [9]. Оно должно операционно примирить новые управленческие ценности с традиционными академическими ценностями. Кларк также отметил укрепление линейного руководства (по вертикали ректор – деканы – руководители кафедр) в качестве ключевого аспекта усиления потенциала управления [9].

Кларк продолжил свою работу по предпринимательским трансформациям в университетах в более поздних работах, где к европейским университетам добавил изучение опыта еще четырнадцати вузов из стран Латинской Америки, Африки, Австралии и Соединенных Штатов. Его интересовало, как университеты поддерживают устойчивость предпринимательских трансформаций. Он утверждает, что предпринимательство в университете становится устойчивой системой, когда удается достичь «устойчивости изменений», опирающихся на три формы динамизма:

1. «динамизм укрепления взаимодействия»: «когда все подразделения и люди в университете ориентированы на изменения»;
2. «динамизм вечного импульса»: «существует там, где происходит накопление постепенных изменений»;
3. «динамизм коллегиальной воли»: где академический персонал привержен активным изменениям и готов идти на риск и полагаться на себя [10].

Интересно отметить, что Кларк обращает внимание на то, что, когда университеты приступают к процессам предпринимательских трансформаций, «бюрократия» увеличивается. Но эта бюрократия отличается от традиционной системы академической бюрократии. Она основана на ориентации на изменения и очень отличается от старой государственной бюрократии, ориентированной на укрепление правил. Старую бюрократию заботило предотвращение ошибок; новая бюрократия смотрит на стимулирование инициативы [11]. Наконец, важно отметить, как замечает Кларк, что не все вузы собираются осуществлять движение в сторону предпринимательской трансформации: для некоторых слишком силен уровень инерции, другие слишком опасаются рисков, связанных с предпринимательством. Некоторые вузы ждут, что правительство в конечном итоге вернет или увеличит их финансирование, а в других существует активное

сопротивление духу академического предпринимательства [10].

Б. Кларк по сути впервые открыто декларирует совершенно новый способ функционирования академического сообщества и университета в целом. Констатирующая новую реальность концепция о необходимости ответа на внешние воздействия среды уступает место активной концепции, которая кроме реакции на запросы клиентов включает активный компонент формирования внутренней среды в соответствии с потребностями развития университета. В этой концепции в значительно большей степени делается упор на то, что должен предпринять университет, чтобы ответить на внешние вызовы [12].

В целом, как отмечают авторы [10, 12, 13], многие университеты в настоящее время по своей структуре напоминают в той или иной степени предприятия-университеты. Такой университет соединяет смешанную частно-государственную экономику с квазиделовой культурой и академическими традициями. Это не истинная деловая культура частного предприятия. В бюрократическую систему управления государственного учреждения привносятся некоторые элементы бизнеса (конкуренция, ограниченность ресурсов, маркетинг, определенные в денежном выражении цели). Таким образом, предприятие-университет – это некий гибридный институт, нацеленный на соединение в краткосрочном периоде возможностей и способностей реагировать на внешние изменения и управлять напряжениями.

Такие предприятия-университеты находятся где-то посередине между общественными академическими институтами, которыми они были, и частными компаниями (которыми, как воображают некоторые, они уже стали). Они ответственны за свое финансовое состояние, что объединяет их с бизнес-фирмой. Однако ими движет академический и институциональный престиж в той же мере, сколько и финансовая прибыль. Их финансирование носит смешанный характер (государственное и частное). Частное и коммерческое финансирование обеспечивает больший потенциал для институциональной свободы действий и независимости университетов и становится для них центральным. Новый упор на предпринимательство делается как в стратегическом ядре, так и в академических подразделениях.

Таким образом, как показывает проведенный анализ, современные подходы к организации уни-

верситетского образования эволюционировали от бюрократических форм, воспроизводивших в какой-то степени логику квазигосударственного управления организацией, к корпоративным моделям, построенным по образцу менеджмента в рыночно ориентированных экономических субъектах. Превращение высшего образования в массовый рынок услуг по организации доступа к знаниям и символическим статусным позициям привело к необходимости адаптировать традиционные академи-

ческие ценности и образцы коллегиальной самоорганизации научного сообщества к требованиям государственной бюрократической машины и процедурам бизнес-планирования и стратегического анализа. Во второй половине XX века нарастали тенденции подчинения организационной культуры и структуры университета целям и задачам конкуренции на рынке образовательных услуг, инновационных технологий и трансфера знаний в промышленность.

Библиографический список

1. Смоленцева А.Ю. Организационный подход в изучении проблем вуза (зарубежный опыт) // Социология образования. – 1999. – № 6. – С. 83–88.
2. Roth, G. and Wittich, C. (Eds), Max Weber Economy and Society, University of California Press, Berkeley, CA, 1978.
3. Shils, E. Max Weber on universities. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
4. Stroup H.H. Bureaucracy in higher education. NY, 1966.
5. Baldrige J.V. Power and conflict in the university. Research in sociology of complex organizations. NY, 1971.
6. Ritzer G. The McDonaldization thesis: explorations and extensions. London: Sage Publications, 1998. – P. 16.
7. Ritzer G. Classical Sociological Theory. Fourth edition, New York: McGraw-Hill international Editions, 2004.
8. Ritzer G. McDonaldization: The reader. Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press, 2002. – P. 289.
9. Clark B.R. Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation. / Issues in Higher Education. Paris: IAU Press, Pergamon, Elsevier Science, 1998. – 157 p.
10. Clark B. Sustaining change in universities: Continuities in case studies and concepts. New York: Open University Press., 2004.
11. Clark B.R. Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts, in TEAM, 2003. – 9 (2). P. 99–116.
12. Грудзинский А.О. Проектно ориентированный университет. Профессиональная предпринимательская организация вуза / Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – 370 с.
13. Павлюткин И. В. Конструирование университета как организации // Экономическая социология. – 2011. – Т. 12. – № 1. – С. 104–123.

A. GRIBANKOVA

THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF UNIVERSITY EDUCATION AND ITS EVOLUTION IN THE TWENTIETH CENTURY

The article is devoted to a comparison of the concepts of university organizational culture, proposed by M. Weber, G. Ritzer and B. Clark. The approaches to the organization of university education has evolved in the XX century from bureaucratic forms to corporate models, built on the model of management in a market-oriented economic actors. The transformation of higher education in the mass-market services has led to the need to adapt traditional academic values and collegial models of self-organization of the scientific community to the needs of the state bureaucracy and procedures, business planning and strategic analysis.

Key words: university organizational culture, university as a bureaucracy, university as a corporation, the entrepreneurial university.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»:

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ЗОЛОТАРЕВ Ю.В. – доктор медицинских наук, профессор, директор медицинского института Орловского государственного университета, отличник здравоохранения;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, вице-президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, директор НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, заведующая кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета, академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бирмингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член Международной ассоциации изобразительных искусств им. И. А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы XI–XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

КРЮЧКОВА Т.Б. – доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. – доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX – XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и международного частного права, директор НИИ правовых проблем ОГУ;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой декоративно-прикладного искусства и графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация на русском языке объемом 40–50 слов.

Статья объемом 4–15 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman Cyr, размером 14 pt, через один интервал, возможен формат *.pm6 или *.pm65.

Параметры документа: верхнее поле – 25 мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы. Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание – Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование, фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

В конце статьи должна быть надпись «Статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл. Инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи и аннотация должны быть переведены на английский язык и размещены в конце статьи. Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактные телефоны*.

Обязательным условием для публикации статьи является наличие в ней ключевых слов (5–6 наименований).

В редакционную коллегия статью передается качественно распечатанной на бумаге формата А4 и в электронном виде одним файлом на CD диске.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы).

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

ВНИМАНИЕ: Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»

№ 4

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-29955 от 17.10.2007

Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать» (почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор:	<i>Белевитина Т.М.</i>
Компьютерная верстка:	<i>Канатникова Л.Т.</i>
Дизайн обложки:	<i>Никифоров А.В.</i>
Корректурa:	<i>Гудкова А.А.</i>

Подписано в печать 28.08.2011 г. Формат 60х84 1/8. Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Cyr. Объем 48,05 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 56.

Отпечатано с готового оригинал-макета в редакционно-издательском отделе
ФГБОУ «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95. Тел./факс (4862) 74-45-08.